

НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

НАД ГЛАВНЫМИ
НЕМЕЦКИМИ
ВОЕННЫМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ

Сборник материалов

В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Р. А. РУДЕНКО

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1958

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ
III

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1958

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Том III

Составители

*Г. Н. Александров, А. Ф. Волчков,
Д. С. Карев, М. Ю. Рагинский*

Редакторы

И. Т. Никитченко, А. И. Полторак

К читателям

По техническим причинам вклейки, которые должны находиться после стр. 256, 288, 544, 576, 592, помещены соответственно после стр. 240, 272, 528, 592, 624.

Редактор издательства *Г. К. Большакова*
Художник-оформитель *Ю. М. Сигов*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *А. Н. Макарова*
Корректор *М. Г. Чирикова*

Сдано в набор 5/VII 1958 г. Подписано к печати 18/X 1958 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Объем: физ. печ. л. 52,5 (в том числе вклейки); условн. печ. л. 52,5; учетно-изд. л. 53,44.
Тираж 46 000. А 09817. Цена 14 руб. Заказ № 3369.

Госиздат — Москва, Б — 64, ул. Чкалова, 38 — 40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ПРЕСТУПНОЕ ПОПРАНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ ОБ ОБРАЩЕНИИ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СССР Ю. В. ПОКРОВСКИМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСТУПНОЕ ПОПРАНИЕ
ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ ОБ ОБРАЩЕНИИ
С ВОЕННОПЛЕННЫМИ»

*[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 13 и 14 февраля 1946 г.]*

Господа судьи, сегодня моей задачей является представление Вам материалов по разделу обвинения «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

Перед тем как приступить к представлению доказательств тягчайшей вины подсудимых в этих преступлениях, я считаю необходимым сделать несколько кратких замечаний.

Еще в конце прошлого века постановлением Гаагской Конвенции 1899 года были установлены нормы, регулирующие права и обязанности воюющих сторон по отношению к военнопленным.

Руководствуясь постановлениями этой Конвенции 1899 года, ряд государств разработали необходимые инструкции об обращении с военнопленными. В одной из них говорится:

«Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне.

Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но не более...

...Военнопленные могут быть привлекаемы к умеренной работе, соответствующей их общественному положению. Во всяком случае, она не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унижительного характера. Она не должна также непосредственно служить военным операциям против родины пленных.

Хотя военнопленные теряют свою свободу, но не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя — это право обезоруженного».

Может быть, Вас удивит, когда я скажу, что цитировал я указания германского генерального штаба, содержащиеся в 18-й тетради циркуляров германского генерального штаба, изданных в 1902 году.

В дальнейшем принцип гуманного отношения к пленным и раненым — военным был развит Гаагской Конвенцией 1907 года и Женевской Конвенцией 1929 года.

Присоединение Германии к этим Конвенциям нашло определенное отражение в германском законе о судостроительстве и судопроизводстве в военных судах во время войны. Я имею в виду, в частности, германский закон от 17 августа 1938 г. (раздел «Е», § 73 и 75), в котором содержатся прямые ссылки на Конвенцию 1929 года. Это было тогда, когда гитлеровская Германия уже начала реализацию своих агрессивных планов.

Я хочу напомнить, что статья 23 Гаагской Конвенции 1907 года гласит:

«..Воспрещается: ...в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался».

Нельзя сказать, чтобы краткий свод законов войны, который был выработан в Гааге и Женеве, охватывал весь комплекс вопросов, связанных с законами войны. Поэтому авторы Гаагской Конвенции сделали специальную оговорку, и я позволю себе процитировать этот отрывок:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны (а я позволю напомнить Трибуналу, что среди этих договаривающихся сторон была Германия) считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в приложении к Конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, в статье 4 главы 2 о военнопленных прямо сказано:

«Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

С ними надлежит обращаться человеколюбиво.

Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью».

Таким образом, можно считать установленным, что правительства ряда стран, в том числе и Германии, безоговорочно признали свою обязанность обеспечить такой порядок, при котором военнопленные не должны страдать от произвола со сто-

Вход во Дворец юстиции в Нюрнберге.
У входа караул от СССР

роны отдельных лиц, входящих в состав вооруженных сил того или иного государства.

Естественно будет сделать вывод, что ответственность за нарушение этого обязательства, за каждый случай преступления против военнопленного, а тем более за систему преступлений против человеческого достоинства, личности, здоровья и жизни военнопленных лежит на правительстве страны, подписавшей Конвенцию.

Как будет доказано бесспорными документами, торжественные обязательства Германии об отношении к военнопленным оказались беспримерно циничным издевательством над понятиями о договорах, о праве, о культуре и человечности.

Я представляю Суду ноту Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных (под № СССР-51) и оглашаю некоторые выдержки из этой ноты:

«Советское правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами и командирами Красной Армии. За последнее время эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым еще раз германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали.

Советским Военным Командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и позорные преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются и где в их руки попадают бойцы и командиры Красной Армии.

Так, например, в Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной Армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки на Украине после отступления немцев с занятой ими позиции были обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям, а на телах чернели пятиконечные звезды,

вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же, неподалеку, был найден еще один труп красноармейца, накануне попавшего к немцам в плен, с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами. При взятии нашими частями деревни Холмы (Северо-Западный фронт) были обнаружены изуродованные трупы красноармейцев, причем один из них был сожжен на костре. Это был красноармеец Осипов Андрей из Казахской ССР. На станции Грейгово (Украинская ССР) немецкие части захватили в плен небольшую группу красноармейцев и несколько дней не давали им никакой пищи и воды. Нескольким пленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки, а затем закололи их штыком. В июле с. г. у железнодорожной станции Шумилино немецкие части захватили в плен группу тяжело раненных красноармейцев и тут же их добили.

В том же месяце в районе города Борисова Белорусской ССР, захватив в плен 70 тяжело раненных красноармейцев, гитлеровцы всех их отравили мышьяком. В августе месяце под местечком Заболотье немцы захватили на поле боя 17 тяжело раненных красноармейцев. Три дня им не давали пищи. Затем все семнадцать истекавших кровью пленных красноармейцев были привязаны к телеграфным столбам, в результате чего трое пленных красноармейцев скончались, остальные 14 были спасены от верной смерти подоспевшим советским танковым подразделением старшего лейтенанта Рыбина. В деревне Лагутино, в районе Брянска, немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В одном из пунктов, западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь» было найдено 11 обгоревших трупов бойцов и командиров Красной Армии, захваченных фашистами. На руках и на спине одного из красноармейцев остались следы пыток раскаленным железом.

Зарегистрирован ряд случаев, когда германское командование во время атак гонит под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн. Такие случаи, в частности, зарегистрированы в районе совхоза «Выборы», Ленинградской области, в районе Ельни, Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области Украинской ССР и в ряде других мест.

Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы прикалывают и расстреливают на месте. Так, в М. Рудня, Смоленской области,

фашистско-германские части захватили советский полевой госпиталь и расстреляли раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. Здесь погибли раненые бойцы Шаламов, Азимов, лейтенант Дилеев, санитарка семнадцатилетняя Варя Бойко и др. Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки».

В этой же ноте приводится еще значительное количество таких фактов, и вслед за этим там говорится:

«Среди солдат и офицеров гитлеровской армии процветает мародерство. С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи — валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки — с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер.

Пленных красноармейцев морят голодом, по неделям оставляя без пищи или выдавая ничтожные порции гнилого хлеба или гнилой картошки. Не давая советским военнопленным пищи, гитлеровцы заставляют их рыться в помойках и разыскивать там остатки пищи, выброшенные германскими солдатами, или, как это имело место в ряде лагерей, в том числе в лагере м. Корма Белорусской ССР, бросают советским военнопленным за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. В Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы 4 месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, немецкий офицер спросил — кто писал это заявление, — и пять человек красноармейцев, подтвердивших, что это писали они, тут же были расстреляны.

Аналогичные факты вопиющего произвола и зверств наблюдаются и в других лагерях (Шитьковский, Демьяновский и др.).

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим. Германским верховным командованием и министерством продовольствия и земледелия издано постановление, которым для советских военнопленных установлено питание худшее, чем для военнопленных других стран как в отношении качества, так и в отношении количества подлежащих выдаче продуктов. Установленные этим постановлением нормы питания... обрекают советских военнопленных на мучительную голодную

смерть. Бесчеловечно жестоко проводя в жизнь свой позорный и явно незаконный режим содержания советских военнопленных, германское правительство, однако, всячески старается скрыть от общественного мнения изданные по этому вопросу германским правительством постановления. Так, на соответствующий запрос Советского правительства Шведское правительство сообщило, что опубликованные в европейской и американской печати сведения о вышеупомянутом постановлении германского правительства соответствуют действительности, но текст этого постановления не опубликован и поэтому недоступен.

То, что было недоступным для Шведского правительства осенью 1941 года, стало доступным сейчас для Международного Военного Трибунала.

Мне кажется особо важным то обстоятельство, что эти документы шли по двум каналам: по линии верховного командования и по линии фашистской партии. Таким образом, умерщвление голодом советских воинов, оказавшихся в германском плену, было запланировано и осуществлено и верховным командованием германской армии, и гитлеровской партией.

Я предъявляю Суду эти недоступные когда-то документы под № Д-225 как тяжкий груз на чашу весов обвинения:

«Верховное командование сухопутными силами. Начальник вооружения и командующий резервной армией.

Берлин, 6 августа 1941 г.

Касательно: снабжения советских военнопленных.

Советский Союз не присоединился к соглашению относительно обращения с военнопленными. Вследствие этого мы не обязаны обеспечивать советских военнопленных снабжением, которое соответствовало бы этому соглашению как по количеству, так и по качеству.

Учитывая общее положение со снабжением, устанавливаются следующие нормы для советских военнопленных, достаточные по врачебному заключению.

Нормы снабжения в лагере военнопленных (для используемых на работах) от 6 июля 1941 г.:

Хлеб	6 кг
Мясо	400 г
Жиры	440 г
Сахар	600 г

Нормы для используемых на особых работах:

Хлеб	9 кг
Мясо	600 г
Жиры	520 г
Сахар	900 г»

Аналогичное предписание, озаглавленное «Снабжение русских военнопленных», было разослано как секретное канцелярией нацистской партии 17 декабря 1941 г.

Я оглашаю из этой партийной директивы только одну выдержку:

«Открытое обсуждение вопроса относительно питания военнопленных устно или в печати исключается, учитывая возможность вражеской агитации».

Авторы документа далее специально подчеркивают, что не следует опасаться сколько-нибудь значительного ухудшения питания «нашего германского народа». Намек, как мне кажется, в достаточной степени ясный. Документ послан верховному командованию сухопутными силами, командованию округов, военным властям в Богемии и Моравии, военным уполномоченным в ряде городов.

Фашистские заговорщики для воинов Красной Армии устанавливали особо заниженные нормы питания. По их собственным расчетам, норма для советских военнопленных по жирам составляла 42 процента, по сахару и хлебу — 66 процентов, по мясу — 0 процентов по сравнению с тем количеством продуктов, которое получали военнопленные из состава других армий, сражавшихся с Германией.

Кроме того, в самой директиве было указано особым примечанием:

«Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма для советских военнопленных».

Но даже и эти явно голодные нормы, которые не могли поддерживать жизнь взрослого человека, существовали чаще всего только на бумаге.

Председатель: Полковник Покровский, Вы сказали 0 процентов, когда говорили о нормах снабжения мясом, и тут же говорили о 400 граммах и 600 граммах мяса для людей, которые исполняли особую и специальную работу. Как же 400 граммов могут составить 0 процентов? Нег ли здесь несоответствия?

Покровский: Вы правы, я назвал те цифры, которые Вы повторили, но противоречия здесь никакого нет. Я как раз и докладываю Суду о том, что существует несколько директив. Причем первая, казалось бы, более благоприятная для советских военнопленных, говорит о количестве мяса в 400 граммов на 28 дней. Следующая, устанавливающая процентное соотношение снабжения советских военнопленных и военнопленных из числа других армий, указывает на 0 процентов.

Речь идет о том, что если мяса не хватало на всех военнопленных, то советские в этом случае не получали ничего.

Председатель: Я понимаю. Продолжайте.

Покровский: Я предъявляю документ по этому же вопросу за № СССР-177. Это запись совещания в министерстве снабжения под руководством статс-секретаря Бакке и министра-диригента Морица от 24 ноября 1941 г. в 16 ч. 30 м. В совещании, как сказано в документе, принимали участие представители ведомств, в том числе генерал Рейнеке (Трибунал, вероятно, помнит, что именно Рейнеке возглавлял тот участок работы, который был связан с военнопленными) и министра-диригента Мансфельда. Совещание происходило по вопросу снабжения русских военнопленных и гражданских рабочих. Я цитирую:

«I. Виды продовольствия.

Попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50 процентах ржаных отрубей, 20 процентах отжимок сахарной свеклы, 20 процентах целлюлозной муки и 10 процентах муки, изготовленной из соломы или листьев.

Обычно употребляемое в пищу мясо животных никогда не удовлетворит в достаточном размере потребности в мясе; поэтому русские должны снабжаться кониной и малопригодным к употреблению мясом, которое сегодня в двойном количестве выдается по карточкам.

При нынешнем состоянии жиротехники больше нет неполноценных жиров, следовательно, русские должны будут получать хорошие столовые жиры».

Трудно пройти спокойно мимо этих издевательских строчек. Русские военнопленные должны были получать в счет своих голодных норм лишь такое малопригодное к употреблению мясо, которое в двойном количестве отпускается по карточкам обычному потребителю, а вместо жиров — какие-то составы, которые становятся возможным употреблять в пищу «лишь при нынешнем состоянии жиротехники». И подобный продукт еще именуется «хорошим столовым жиром».

Вторая часть документа озаглавлена: «Нормы». Я ее цитирую:

«Так как данные специалистов имперского министерства здравоохранения и главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности продуктов сильно расходятся, то окончательное установление норм будет проведено в более узком кругу специалистов в течение недели. Мучной суп в течение семи дней в качестве переходного питания и вопрос о норме для русских, находящихся в настоящее время в немецких лагерях «без работы», разрешаются министерством снабжения». Далее в документе указывается:

«III. Количество русских, которых имперское министерство снабжения может зачислить на продовольственное снабжение».

Я должен отметить, что после этой фразы следует одно слово: «выясняется». Производится выяснение количества русских, которые могут быть зачислены на снабжение.

«На настойчивые вопросы генерала Рейнеке и министра-диригента Мансфельда статс-секретарь Бакке не дал никакого обязывающего ответа».

На документе сделана пометка карандашом: «Просьба точно выяснить дело, так как статс-секретарь Бакке, видимо, начинает терять норму».

В этой надписи, как мне кажется, ясно отразились те споры, которые шли по вопросу об установлении норм.

Здесь не случайно сказано о том, что данные специалистов имперского министерства здравоохранения и главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности сильно расходятся.

Трибунал помнит показания свидетеля Блахы, который, отвечая на мои вопросы, показал Суду, что почти все умершие от истощения военнопленные в лагере Дахау были военнослужащими Красной Армии. Я докажу, что лагерь Дахау в этом отношении не являлся исключением.

27 апреля 1942 г. Народный комиссар иностранных дел СССР вынужден был обратиться с новой нотой:

«...В распоряжении Советского правительства имеются сейчас многие сотни новых документальных подтверждений кровавых преступлений в отношении советских военнопленных, о которых говорилось в ноте Правительства СССР от 25 ноября 1941 г. Непреложно установлено, что германское командование, желая мстить за поражение своей армии в последние месяцы, ввело повсеместную практику физического уничтожения советских военнопленных».

На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству. Части Красной Армии обнаруживают в отбываемых ими у немцев блиндажах, дерево-земляных точках, а также в населенных пунктах трупы убитых после зверских пыток советских военнопленных. Все чаще повторяются такого рода факты, зафиксированные в актах, подписанных очевидцами: 2 и 6 марта 1942 г. на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора были найдены 9 трупов военнопленных красноармейцев, настолько зверски истерзаных фашистами, что опознать удалось лишь два трупа. У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других — обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были найдены

десятки трупов замученных красноармейцев-азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-Заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-Заде, которому гитлеровцы вывернули руки, а затем закололи штыком, ефрейтор Ислам-Мамед Али оглы, которому гитлеровцы вспороли живот, Аскеров Мустафа оглы, привязанный проволокой к столбу и умерший от ран в этом положении».

И далее в этой же ноте сказано:

«В деревне Красноперово Смоленской области наступающими частями Красной Армии найдено 29 раздетых трупов пленных красноармейцев и командиров без единой огнестрельной раны. Все пленные убиты ножевыми ударами. В том же районе, в деревне Бабаево, гитлеровцы поставили у стога сена 58 пленных красноармейцев и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обреченные на сожжение люди пытались бежать из огня, немцы их перестреляли. В деревне Кулешовке немцы, захватив 16 тяжело раненных бойцов и командиров, раздели пленных, сорвали с их ран повязки, морили их голодом, кололи штыками, ломали руки, раздирали раны, подвергали иным пыткам, после чего оставшихся в живых заперли в избе и сожгли.

В деревне Стренево Калининской области немцы заперли в здании школы 50 пленных раненых красноармейцев и сожгли их. В городе Волоколамске оккупанты запретили красноармейцам, запертым на 5 этаже дома № 3/6 по Пролетарской улице, выходить из этого дома, когда в нем возник пожар. Пытавшихся выйти или выброситься из окон расстреливали. В огне погибли и расстреляны 60 пленных. В деревне Поповка Тульской области немцы, загнав в сарай 140 пленных красноармейцев, подожгли их. В огне погибло 95 человек. В шести километрах от станции Погостье Ленинградской области немцы, отступая под натиском частей Красной Армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских пыток свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трех красноармейцев вырезаны звезды. Незадолго до освобождения города Кондрово Смоленской области частями Красной Армии в декабре 1941 года немцы расстреляли за городом свыше 200 пленных красноармейцев, которых они вели через город раздетыми и разутыми, тут же расстреливая как обессилевших, не могущих продолжать идти дальше красноармейцев, так и тех местных граждан, которые выносили и на ходу бросали пленным куски хлеба».

Стремясь осуществить физическое уничтожение наибольшего числа советских военнопленных, нацистские заговорщики изо-

щрялись, изобретая все новые способы уничтожения людей. В ноте говорится:

«За последнее время установлен ряд новых случаев использования германским командованием советских военнопленных в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенных в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийств военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203-му пехотному полку за № 109 сказано: «Главкомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русскими пленными. Это относится также и к германским минам».

Мародерство, о котором упоминалось в первой ноте, не только рассматривается как допустимое явление, но и вменяется в прямую обязанность солдатам германской армии.

В приказе штаба 88-го полка 34-й немецкой пехотной дивизии, озаглавленном «Положение с обмундированием», предлагается: «Не задумываясь, снимать с русских военнопленных обувь».

Что этот приказ не случаен, видно уже из того, что еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей.

В делах 234-го пехотного полка 56-й дивизии найден циркуляр за № 121/4 от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», в котором сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.».

В качестве других средств массового уничтожения советских военнопленных они, как указывается в ноте, «...лишаются пищи, обрекаются на медленную голодную смерть, а в некоторых случаях отравляются заведомо недоброкачественной пищей».

В распоряжении советских органов имеется приказ № 202 штаба упомянутого выше 88-го полка, в котором говорится: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями. Они имеются вдоль шоссе в Мало-Ярославце и в деревнях Романово и Белоусово».

Приказ по 60-й мотопехотной дивизии за № 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В приказе говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою,

даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания...»

Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными за № 1/3058 содержит следующие наставления: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места...» В наставлении также указывается на необходимость «на работе постоянно сохранять дистанцию к пленным, позволяющую немедленно применить оружие».

Всего этого оказалось недостаточно. Изданный от имени Гитлера, как главнокомандующего, приказ верховного командования германской армии от 14 января 1942 г. гласит (пункт 2):

«Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство. Всякое опоздание применения оружия к пленному таит в себе опасность. Главнокомандующий надеется, что данный приказ будет полностью выполняться».

Далее в упомянутой ранее советской ноте говорится:

«Советское правительство продолжает получать достоверную информацию о положении пленных красноармейцев на оккупированных немцами территориях СССР, а также в глубоком германском тылу и в оккупированных Германией европейских странах. Эта информация свидетельствует о дальнейшем ухудшении режима для военнопленных красноармейцев, поставленных в особенно плохие условия по сравнению с военнопленными других стран, о вымирании советских военнопленных от голода и болезней, о режиме подлого издевательства и кровавых жестокостей, которые применяются к красноармейцам гитлеровскими властями, давно поправшими самые элементарные требования международного права и человеческой морали».

В ноте особо отмечается, что бесчеловечные зверства и злодеяния, чинимые немецко-фашистскими разбойниками над советскими военнопленными, превосходят злодеяния Чингис-хана, Батя и Мамай.

«Несмотря на все это, — говорится в ноте, — Советское правительство, верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных и по-прежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по

вопросу о режиме военнопленных по Гагской Конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех ее пунктах, Германией».

Я несколько позднее оглашу документ, составленный группой немецких военнопленных. Авторы документа, с одной стороны, дополнили целым рядом новых фактов перечень злодеяний, совершенных заговорщиками в отношении советских военнопленных, и, с другой стороны, подтвердили, что советское командование по отношению к немецким военнопленным придерживалось принципов человечности и гуманности.

Обратимся к свидетельским показаниям.

Бывший начальник штаба ОКХ Франц Гальдер, допрошенный 31 октября 1945 г., показал (я предъявляю Суду под № СССР-341 выдержку из протокола допроса Гальдера):

«До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к верховному командованию, по поводу предстоящего наступления на Россию. Дату этого совещания я точно вспомнить не могу. Я не знаю, было ли это до наступления на Югославию или после. На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада».

Следователь: Что еще он сказал?

Свидетель: Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это борьба между расами. Он сказал, что так как русские не признают Гагской Конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гагской Конвенции».

(К микрофону подходит адвокат Нельте¹.)

Нельте: Господин председатель! Генерал Гальдер находится в местной военной тюрьме. Он является для нас важным свидетелем не только на данной стадии процесса, а вообще для всего процесса, как такового. Мне кажется, что для Высокого Суда, в соответствии со статьей 21 Устава, как мы ее толкуем, было бы очень важно вызвать свидетеля в Суд и опросить его, а не оглашать его письменных показаний. Я прошу Суд решить этот вопрос.

Председатель: Полковник Покровский, хотели бы Вы ответить на вопрос доктора Нельте?

Покровский: Показания Гальдера для нас важны только в одном пункте, а именно в том, где он устанавливает факт созыва специального совещания у Гитлера до начала войны, совещания, на котором особо отмечался вопрос об обращении с военнопленными Красной Армии. Этот же факт находит

¹ Адвокат Нельте защищал подсудимого Кейтеля. — Составители.

подтверждение и в других свидетельских показаниях, представляемых нами в качестве доказательств Трибуналу.

Председатель: Полковник Покровский! Если свидетель генерал Гальдер находится в Нюрнберге, Вы сможете вызвать его в то время, когда это будет удобно в течение представления Вами доказательств?

Покровский: Если разрешит Суд, мы установим, где находится Гальдер, и, если он действительно находится в Нюрнберге, мы примем меры к тому, чтобы он был доставлен в зал судебного заседания.

Председатель: Очень хорошо.

Покровский: Здесь необходимо отметить очередную фашистскую ложь. Гитлер умышленно искажает факты. Общеизвестно, что Советский Союз принял на себя обязательства, вытекающие из Гаагской Конвенции. Даже в уголовном законодательстве Советского Союза права военнопленных взяты под охрану в соответствии с нормами международного права, и за нарушение этих прав виновные отвечают в уголовном порядке. О принятых на себя Советским Союзом обязательствах, вытекающих из Гаагской Конвенции, еще раз упоминается и в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Она мной только что цитировалась.

После этой справки я продолжаю излагать показания Гальдера относительно выступления Гитлера:

«Затем он¹ сказал, что, учитывая политическое развитие русских войск (в этом месте протокола стоит многоточие), — словом, он сказал, что так называемых комиссаров не следует рассматривать как военнопленных».

Нельзя не отметить, что в связи с высокой политической сознательностью воинов Красной Армии гитлеровцы чуть ли не в каждом военнопленном видели комиссара или коммуниста. Затем в протоколе записан следующий вопрос следователя и ответ на него свидетеля:

«Следователь: Сказал ли фюрер что-нибудь по поводу приказа, который следовало бы отдать в связи с этим вопросом?»

Свидетель: То, о чем я только что Вам сказал, и было его приказом. Он сказал, что он хотел бы, чтобы эта директива выполнялась даже в том случае, если бы в дальнейшем не последовало его письменного приказа об этом».

В книге документов на Вашем столе, вслед за протоколом допроса Гальдера, Вы найдете выписку из показаний бывшего заместителя начальника оперативного отдела штаба ОКВ генерала Варлимонта от 12 ноября 1945 г. Он дал показание под присягой подполковнику американской армии Хинкелю. Этот

¹ Речь идет о Гитлере. — Составители.

документ находился у наших американских коллег. С их любезного согласия наша делегация предьявляет его под № СССР-263.

Мне кажется, что представители защиты хотят представить еще одно ходатайство, поэтому я уступаю место.

Нельте: Господин председатель! Относительно генерала Варлимонта имеются те же предпосылки и основания, о которых я только что говорил, касаясь вопроса о генерале Гальдере. Генерал Варлимонт также находится в Нюрнберге и может быть вызван в Суд для допроса.

Председатель: В чем заключается Ваше ходатайство сейчас?

Нельте: Мое ходатайство заключается в том, чтобы не было допущено оглашение показаний свидетеля, которое сейчас хотел начать представитель русского обвинения, а было бы от дано распоряжение, согласно которому свидетель генерал Варлимонт, который находится сейчас в Нюрнберге, был бы вызван для допроса в Суд.

Положение таково: если обвинитель желает вызвать свидетеля, такой свидетель может быть допрошен каждым защитником при перекрестном допросе, и тогда не следует зачитывать его показания. С другой стороны, если обвинитель желает использовать материал допроса, который имеется у него, он может это сделать. Но если свидетеля можно легко доставить сюда, если он находится в Нюрнберге, то свидетель может быть доставлен для перекрестного допроса.

Председатель: Следовательно, можно использовать показания и вызвать свидетеля. В другом случае, если свидетель здесь, он может быть вызван для перекрестного допроса.

Нельте: Оба свидетеля, генерал-полковник Гальдер и генерал Варлимонт, находятся в Нюрнберге. Мы хотели бы подвергнуть их перекрестному допросу как раз в тот момент, когда представитель обвинения закончит оглашение их письменных показаний.

Председатель: Я думаю, что Вы можете разрешить вопрос с обвинителем. Хотите ли Вы провести перекрестный допрос немедленно или через некоторое время? Я считаю, что перекрестный допрос может быть проведен немедленно, может быть, защитники считают, что им нужно некоторое время для подготовки к перекрестному допросу?

Нельте: Я охотно поговорю об этом с полковником Покровским.

Председатель (обращаясь к Покровскому): Продолжайте, пожалуйста.

Покровский: Я позволю себе продолжить с того места, на котором я остановился. Мы предьявляем Трибуналу документ под № СССР-263, представляющий собой протокол допроса

свидетеля Варлимонта, произведенного под присягой подполковником американской армии Хинкелем. Я не собираюсь оглашать полностью все показания. Варлимонт во многом повторяет Гальдера. Важно, что он полностью подтверждает два факта:

1. Гитлер проводил то совещание, о котором мы узнали из показаний Гальдера.

2. Гитлер еще до войны дал директиву расстреливать советских военнопленных, указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД.

Варлимонт далее показал — я цитирую:

«Гитлер затем добавил, что он вовсе не ждет от своих офицеров понимания его приказов. Единственно, что от них требовалось, — это беспрекословное повиновение».

Мы имеем еще одни показания — это показания свидетеля генерал-лейтенанта гитлеровской армии Курта фон Эстеррейха, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Он дал свои показания представителям Красной Армии 29 декабря 1945 г. Его показания представлены Трибуналу под № СССР-151. Я оглашу отдельные выдержки:

«Моя деятельность на посту начальника отдела по делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа началась с 1 февраля 1941 г.

До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 года я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандующего состоялось секретное совещание. Руководил совещанием генерал-лейтенант Рейнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке.

На этом совещании присутствовали свыше 20 человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки. Фамилии этих офицеров я сейчас не помню.

Генерал Рейнеке сообщил нам под большим секретом о том, что, ориентировочно, в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте».

Я пропускаю три абзаца и перехожу к наиболее важным деталям:

«При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерей с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Рейнеке дал нам инструкции об обращении с русскими военнопленными, предусматривающие расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег...

...Через некоторое время я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Рейнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к бегству. Кто подписал это распоряжение, я сейчас не помню».

Далее свидетель показывает, что он был вызван не то в конце 1941 года, не то в начале 1942 года в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. Совещанием руководил генерал-майор фон Гревенитц. Обсуждался вопрос, как быть с теми русскими военнопленными, которые в результате ранений или истощения непригодны к работе.

Мне кажется, будет полезным процитировать несколько строчек из показаний свидетеля:

«По предложению Гревенитца по этому вопросу высказались несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — в лагере или в лазарете и умерщвлять при помощи яда. В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей».

Свидетель утверждает, что когда летом 1942 года он по делам службы прибыл на Украину, то узнал там, что «...способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применялся».

Свидетель называет конкретные цифры, конкретные факты, связанные с этим преступлением. Мне кажется, важно отметить такое место:

«Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенным знаком. Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральное унижение и умирали от голода и заболеваний».

Эстеррейх перечисляет факты, подтверждающие это заявление. Особенно яркий характер имеет такой эпизод (привожу выдержку):

«В начале 1942 года при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в город Торунь умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. Около ста человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны».

Таких и подобных случаев свидетель знает довольно много. Он их перечисляет, но, мне кажется, нет необходимости все их оглашать на Суде — они похожи один на другой.

Говорит Эстеррейх и о том, что директивы предусматривали поголовные расстрелы политработников Красной Армии, коммунистов и евреев. Политически такая установка открывала путь к уничтожению любого советского военнопленного под предлогом, что он подозревается в принадлежности к Коммунистической партии или похож на еврея.

В дополнение к показаниям Эстеррейха следует привести одну фразу из упоминавшейся директивы главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». Этот документ я предъявляю Суду под № СССР-12:

«Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Председатель: Могли бы Вы сказать нам, что это — приказ генерала Рейхенау?

Покровский: Да, это приказ за подписью генерал-фельдмаршала Рейхенау.

Председатель: Был ли этот документ захвачен или каким-либо иным образом попал к обвинению?

Покровский: Этот документ оказался в числе трофейных документов, захваченных Красной Армией.

Председатель: Русской армией?

Покровский: Советской Армией.

Председатель: Спасибо.

Покровский: Три крупных гитлеровских офицера подтвердили, что еще в начале войны на специальном совещании был предпринят вопрос об истреблении советских военнопленных. Они несколько расходятся в деталях, но самый факт устанавливают совершенно точно.

Та фраза, которую я привел из директивы генерал-фельдмаршала Рейхенау, также удостоверяет, что даже снабжение пищей воинов Красной Армии, попавших в плен к немцам, рассматривалось как «ненужная гуманность».

Быть может, полезно предъявить Вам документ за № ПС-884. Он имеет подпись Варлимонта и приписку подсудимого Иодля. Документ составлен в главной ставке фюрера 12 мая 1941 г. Там сказано, что «ОКХ предложило проект директивы об обращении с ответственными политическими работниками и тому подобными лицами».

Проект предусматривал «устранение» лиц этой категории. Разрешение вопроса о том, подпадает ли военнопленный под признаки, необходимые для принятия решения об «устранении», производится офицером. В документе сказано: «Офицерам, имеющим право накладывать дисциплинарное взыскание».

Таким образом, любой, даже младший, офицер получал право решать вопрос о жизни и смерти в отношении любого воина Красной Армии, захваченного в плен, вне зависимости от его служебного положения и ранга.

Третий пункт этого документа гласит:

«Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл они не эвакуируются».

Подсудимый Иодль сделал такую характерную для него приписку:

«Следует считаться с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучше всего поэтому представить это мероприятие как расплату».

Показания генерала Эстеррейха о наличии приказа клеймить советских военнопленных полностью подтверждены.

Я предъявляю Суду как доказательство за № СССР-15 приказ № 14802/42 начальника жандармерии при наместнике в провинции Штирия, объявляющий приказ начальника полиции порядка. Первый параграф этого приказа начальника полиции порядка гласит:

«1. Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2. Клеймо имеет форму острого угла, примерно в 45 градусов, с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь».

В третьем параграфе этого документа специально подчеркивается:

«Клеймение не является медицинским мероприятием».

В параграфе пятом оговорено, что клеймению подвергаются как все советские военнопленные, вновь поступающие в районы командующих немецкими вооруженными силами Прибалтики, Украины и генерал-губернаторства, так и все остальные военнопленные, находящиеся в ведении ОКХ до 30 сентября 1942 г.

Такая директива пошла в адрес президентов областных управлений по труду и имперских уполномоченных по труду.

В этом документе, имеющем № ПС-1191, указано, что президентом областных управлений по труду и имперским уполномоченным по труду препровождается приказ ОКВ для сведения.

В документе — секретном донесении инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г. начальнику отдела вооружения ОКВ, представленном Вам под № ПС-3257, сказано:

«Жилищные условия, продовольственное положение, обмундирование и состояние здоровья военнопленных неудовлетвори-

тельны. Смертность очень велика. Можно ожидать, что еще десятки и сотни тысяч людей зимой отправятся на тот свет.

Под № Д-288 я предъявляю Вам еще один документ.

Главный лагерный и заводской врач, проверявший состояние лагеря на Ноггератштрассе, в своем строго секретном докладе от 2 сентября 1944 г. доносил санитарному отделу главного управления лагерями:

«Лагерь военнопленных на Ноггератштрассе находится в ужасном состоянии. Люди живут в хранилищах для золы, в собачьих конурах, в старых печах-духовках и самодельных хижинах. Продовольствия едва только хватает. За размещение и снабжение несет ответственность Крупп. Снабжение медикаментами и перевязочным материалом было настолько плохим, что во многих случаях нельзя было вообще производить лечение. За эти факты вина ложится на стационарный лагерь».

В архивах подсудимого Розенберга был обнаружен, в числе прочих бумаг, документ, которому присвоен № ПС-081. Это — письмо Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г. по вопросу о военнопленных. Экземпляр, обнаруженный у Розенберга, не имеет его подписи, но не вызывает никаких сомнений тот факт, что подобное письмо либо было отправлено Кейтелю, либо было заготовлено для отправки в его адрес.

В письме говорится, что «судьба советских военнопленных в Германии — трагедия огромного масштаба».

В этом документе, который уже известен Суду, дается достаточно яркая картина того, что происходило в лагерях. Автор письма говорит, что были попытки со стороны мирного населения доставлять военнопленным продукты питания, но что эти попытки наталкивались на решительный отпор со стороны многих начальников лагерей.

Нет никаких оснований заподозрить автора письма в намерении сгустить краски или в каких-либо симпатиях по отношению к советским людям. Наоборот, есть все данные утверждать, что вопрос освещен далеко не полностью. Этот документ, адресованный одним подсудимым другому, дает возможность представить, что происходило в лагерях для советских военнопленных.

Я обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Смоленске и Смоленской области. В этом Сообщении значительное место уделено вопросам массового истребления немцами военнопленных. Я бы хотел огласить выдержки из этого документа, предъявляемого Вам под № СССР-56:

«Немецко-фашистские захватчики планомерно истребляли раненых и военнопленных советских граждан. Врачи Смирнов А. Н., Лазунов А. Н., Демидов А. М., Погребнов А. С. и другие, бывшие в лагере военнопленных, сообщили, что по дороге

от Вязьмы до Смоленска гитлеровцы расстреляли несколько тысяч человек.

Осенью 1941 года оккупанты пригнали из Вязьмы в Смоленск партию военнопленных. Многие из них от побоев и истощения не в состоянии были держаться на ногах. При попытке населения дать кому-либо из пленных кусок хлеба немецкие солдаты отгоняли советских людей, били их палками, прикладами и расстреливали. На Большой Советской улице, Рославльском и Киевском шоссе фашистские мерзавцы открыли беспорядочную стрельбу в колонну военнопленных. Пленные пытались бежать, но солдаты настигали их и пристреливали. Так было расстреляно около 5 тысяч советских граждан. Трупы расстрелянных несколько дней валялись на улицах».

Не трудно заметить, что эта выдержка полностью совпадает с тем, что было сказано в ранее оглашенном документе ПС-081. Мы имеем лишь дополнение его фактическими сведениями: «Немецкие военные власти истязали военнопленных. По пути в Смоленск, и особенно в лагере, военнопленные погибали десятками и сотнями. В лагере военнопленных № 126 советские люди подвергались истязаниям, больных посылали на тяжелые работы, не оказывали медицинской помощи. Пленные в лагере подвергались истязаниям, посылались на непосильную работу, расстреливались. От истощения на почве голода, от эпидемий тифа и дизентерии, замерзания, изнурительных работ и кровавого террора ежедневно погибали 150—200 человек. Немецко-фашистские захватчики истребили в лагере свыше 60 тысяч мирных граждан и военнопленных. Факты истребления пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также мирных граждан подтверждены показаниями пленных врачей, содержавшихся в этом лагере: Смирнова А. Н., Хмырова В. А., Погребнова А. С., Ерпылова П. П., Демидова А. М., медицинскими сестрами Шубиной Т. С., Ленковской А. Г., а также красноармейцами и жителями города Смоленска.

Под руководством зондерфюрера Эдуарда Гисса в лагере были расстреляны тысячи военнопленных.

Унтер-офицер Гатлин зверски расправлялся с пленными. Зная об этом, они старались не попадаться ему на глаза. Гатлин же передевался в костюм красноармейца, замешивался в толпу и, избрав себе жертву, избивал ее до полусмерти.

Рядовой Рудольф Радтке, бывший борец одного из цирков Германии, специально изготовил себе плетку из алюминиевой проволоки, которой избивал содержавшихся в лагере. По воскресным дням он приходил в лагерь пьяным, набрасывался на первого попавшегося пленного, мучил его и убивал.

На Смоленской городской электростанции фашисты заставляли работать истощенных и выбившихся из сил больных

советских людей. Нередко наблюдались случаи, когда пленные, изнуренные голодом, падали от непосильной работы и тут же расстреливались зондерфюрером Сцепальским, зондерфюрером Брамом, Гофманом Маузером, зондерфюрером Вагнером.

В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных; советские врачи, работавшие в этом госпитале, сообщили: «До июля 1942 года больные лежали на полу, без перевязок. Одежда и подстилка у них были покрыты не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой».

К Сообщению Чрезвычайной Комиссии, которое я только что Вам цитировал, господа судьи, приложен акт судебно-медицинской экспертизы. Эксперты в лице члена Чрезвычайной Комиссии академика Бурденко, главного судебно-медицинского эксперта Народного комиссариата здравоохранения Союза Советских Социалистических Республик доктора Прозоровского, профессора судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова и других специалистов с 1 по 16 октября 1943 г. произвели многочисленные эксгумации и судебно-медицинские исследования трупов в городе Смоленске и его окрестностях. Были вскрыты многочисленные ямы-могилы, в которых были зарыты умерщвленные в период немецко-фашистской оккупации. Количество трупов, обнаруженных в этих ямах-могилах, колеблется от 500 до 4500 в каждом из мест, где происходили массовые казни.

Я оглашу лишь те выдержки из заключения экспертизы, которые прямо относятся к моей теме (документ под № СССР-56):

«Трупы в ямах большей частью были или вовсе без одежды или в поношенном нижнем белье, в меньшей части — трупы обнаружены в одежде или воинском обмундировании...

...Документы, удостоверяющие личность, были найдены лишь в 16 случаях (три паспорта, одна красноармейская книжка и 12 воинских медальонов)».

Имеется в виду медальон, которым был снабжен каждый воин Красной Армии. Это нечто вроде приспособления для хранения иголок; в такую капсулю вкладывается документ с именем, отчеством и фамилией военнослужащего и его домашний адрес.

«В некоторых случаях в качестве материала для опознавания личности покойного могли быть использованы только частично сохранившиеся предметы одежды и татуировки».

Это обстоятельство подтверждает, что немцы стремились сделать невозможным опознавание личности своих жертв, как это и требовалось специальными немецкими директивами.

«Исследование трупов, извлеченных из могил на территории большого и малого концентрационных лагерей, завода № 35, быв-

шего немецкого госпиталя для военнопленных, лесопильного завода, концентрационного лагеря у деревни Печорская и деревни Ракитня, показало, что в подавляющем большинстве случаев в качестве причины смерти, при учете следственных данных, могут быть признаны голодание или острые инфекционные болезни. Объективным доказательством смерти от голодания является, помимо установленного при исследовании трупов полного отсутствия подкожно-жировой клетчатки, обнаружение в ряде случаев в полости желудка травянистых масс, кусков грубых листьев и стеблей растений».

Несколько ниже Вы найдете следующее место в четвертом абзаце:

«Значительное количество раскрытых ям-могил (87) с массами трупов в них, при учете установления одновременности погребения, относящегося ко второй половине 1941 года, 1942 году и 1943 году, свидетельствует о систематическом уничтожении советских граждан.

Этому уничтожению подвергались в подавляющем большинстве случаев мужчины и, главным образом, в наиболее цветущем возрасте — от 20 до 40 лет».

Еще несколько ниже на той же странице сказано:

«Обращает на себя особое внимание регулярно отмечаемое обстоятельство, что на эксгумированных трупах обувь отсутствует (за крайне редкими исключениями), одежда также, как правило, отсутствует или состоит из поношенного нижнего белья или из отдельных предметов ветхого верхнего платья. Отсюда естественным является вывод, что снятие обуви и одежды, представляющей ценность, постоянно, в обязательном, узаконенном порядке предшествовало уничтожению советского населения».

Далее в заключении Комиссии говорится о способах уничтожения людей, в том числе о расстрелах, удушении газом и т. д. Все это не является новым, и нет необходимости эту часть заключения зачитывать здесь.

В нашем документе под № СССР-60 приведены протоколы судебно-медицинских экспертиз и заключение экспертизы. Мы находим их на страницах 9, 10, 11 и 12 документа. Я позволю себе кратко изложить содержание протоколов и процитировать несколько слов из заключения. В протоколах сказано, что в городе Рава-Русская (это в 62 километрах на северо-восток от города Львова) гитлеровцы организовали большой лагерь для военнопленных. В лагере содержалось и погибло большое количество советских и французских военнопленных. Их расстреливали, они умирали от инфекционных болезней и голода. Судебно-медицинская экспертиза вскрыла ряд могил большого размера. Часть этих могил была замаскирована с помощью зеленых насаждений и травы. В могилах обнаружено значительное

количество трупов в военной или полувоенной одежде. У некоторых обнаружены в одежде медальоны военнослужащих Красной Армии. Возраст военнопленных, трупы которых извлечены из могил, от 20 до 40 лет.

В заключении сказано:

«...Данные исследования извлеченных из могил трупов дают право прийти к заключению, что в указанных могилах действительно погребены трупы советских военнопленных. Погребение носило массовый характер. Трупы укладывались по 350—400 трупов в могилу (в могилах размером 7×4 метра) слоями один на другой. Хоронились трупы в той же одежде, в которой они были в момент смерти. Отсутствие обуви на всех трупах указывает, что советские военнопленные при жизни содержались без обуви либо что обувь после смерти снималась. Содержались военнопленные в ужасных антисанитарных условиях: одежда у всех до крайности завшивлена. Судя по одежде, смерть большинства умерших наступила в холодное время года. Несмотря на это, почти на всех трупах отсутствует какая-либо теплая одежда. Спасаясь от холода, военнопленные одевали на себя по 2—3 комплекта летнего обмундирования, обертывались мешковиной, полотенцами и т. п.»

Я пропускаю несколько фраз из этого сообщения и хочу огласить то место, где говорится об общем количестве трупов:

«Количество (36) и размеры могил, количества трупов, обнаруженных в раскрытых могилах, дают основания считать, что во всех могилах на этой площади похоронено 10—12 тысяч трупов советских военнопленных.

Степень разложения трупов указывает, что трупы пробыли в земле около трех лет, то есть срок захоронения трупов следует отнести к поздней осени или к зиме 1941—1942 г.»

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области (я представляю Суду этот документ под № СССР-46) специальным разделом отмечает массовое истребление военнопленных, которое происходило на протяжении длительного времени.

Лагерь для военнопленных был организован в Орловской городской тюрьме. Чрезвычайная Комиссия после изгнания из города Орла гитлеровских захватчиков имела возможность получить свидетельские показания случайно уцелевших военнопленных врачей, находившихся в этом лагере. В сообщении вошли личные наблюдения члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко, который сам осматривал людей, освобожденных Красной Армией из этого лагеря, помещенные лагеря и так называемый лагерьный лазарет. Общий вывод, который может быть сделан, сводится к тому, что в Орловском

лагере, так же, впрочем, как и в других, гитлеровцы с немецкой методичностью осуществляли физическое уничтожение советских людей.

Пленные получали по 200 граммов хлеба и по литру супа из гнилой сои и прелой муки. Хлеб выпекался с примесью древесных опилок. Администрация лагеря, включая сюда и врачей, зверски обращалась с военнопленными.

Я хочу процитировать несколько выдержек из Сообщения Комиссии и начинаю с пятого абзаца второй страницы документа: «Начальник лагеря майор Гофман избивал военнопленных и заставлял истощенных от голода выполнять тяжелые физические работы в каменных карьерах и по разгрузке снарядов. У военнопленных были отобраны сапоги и ботинки и выданы взамен этого деревянные колодки. В зимнее время колодки делались скользкими, и при ходьбе, в особенности при подъеме на второй или третий этажи, пленные падали на лестницах и получали увечья.

Врач Цветков Х. И., находившийся в лагере военнопленных, дал следующие показания:

«За время своего пребывания в Орловском лагере отношение к военнопленным со стороны немецкого командования могу охарактеризовать, как сознательное истребление живой силы в лице военнопленных. Питание, содержащее максимум 700 калорий, при тяжелой, непосильной работе приводило к полному истощению организма (кахексии) и вело к смерти... Немецкие врачи лагеря Купер и Бекель, несмотря на наши категорические протесты и борьбу с этим массовым убийством советских людей, утверждали, что питание вполне удовлетворительно. Мало того, они отрицали происхождение отеков у пленных на почве голода и с полнейшим хладнокровием относили их за счет сердечных или почечных явлений. В диагнозах запрещалось отмечать: «голодный отек». В лагере была массовая смертность. Из общего числа умерших три тысячи человек погибли в результате голодания и осложнений на почве недоедания. Военнопленные жили в ужасных, не поддающихся описанию условиях: полное отсутствие топлива, воды, огромная вшивость, невероятная скученность в камерах тюрьмы — в помещении площадью в 15—20 квадратных метров размещалось от 50 до 80 человек. Военнопленные умирали по 5—6 человек в камере, и живые спали на мертвых».

Далее говорится, что особенно ужасный режим существовал для тех, кто относился к категории «непокорных». Их помещали в особый корпус, прозванный «блоком смерти». Оттуда по расписанию по вторникам и пятницам брали по 5—6 человек на расстрел. При расстрелах среди других лиц присутствовал и немецкий врач Купер.

Академик Бурденко установил, что в так называемом «лазарете» люди истреблялись так же, как и во всем лагере.

В предпоследнем абзаце третьей страницы мы читаем:

«Картины, которые мне пришлось видеть, превосходят всякое воображение. Радость при виде освобожденных людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение. Это обстоятельство заставило меня задуматься, — в чем тут дело? Очевидно, пережитые страдания поставили знак равенства между жизнью и смертью.

Я наблюдал три дня этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей. Гибли в лагере от болезней, от голода, от побоев. Гибли в «лазарете»-тюрьме от заражения ран, от сепсиса, от голода».

2 мая 1945 г. в Берлине был взят в плен эсэсовец Пауль-Людвиг-Готлиб Вальдман. Он родился 17 октября 1914 г. в Берлине в семье торговца Людвиг Вальдмана.

Он дал показания об известных ему фактах массового истребления советских военнопленных. Он наблюдал эти истребления, работая шофером в разных лагерях, и участвовал сам в массовых убийствах. Его показания имеются на странице девятой документа под № СССР-52, который озаглавлен «Лагерь Освенцим». Наиболее подробные сведения он дает об убийстве в лагере Саксенхаузен.

В конце лета 1941 года зондеркоманда полиции безопасности, находившаяся в этом лагере, ежедневно на протяжении месяца истребляла русских военнопленных, поступавших в этот лагерь.

Пауль-Людвиг-Готлиб Вальдман показал:

«От вокзала до лагеря¹ русские военнопленные шли около одного километра. В лагере они оставались на одну ночь без питания. На следующий вечер их увозили на экзекуцию². Заключенных непрерывно возили из внутреннего лагеря на трех грузовых машинах, одну из которых водил я. Внутренний лагерь от двора экзекуции был удален приблизительно на 1³/₄ километра. Сама экзекуция происходила в бараке, который незадолго до этого был оборудован для данной цели.

Одно помещение предназначалось для раздевания, а другое — для ожидания. В помещении играло радио и довольно громко. Это делалось для того, чтобы заключенные не могли заранее догадаться, что их ожидает смерть. Из второго помещения они поодиночке шли через проход в маленькое, отгороженное помещение, на полу которого была железная решетка, под решеткой

¹ Речь идет о лагере смерти в Саксенхаузене. — Составители.

² На гитлеровском жаргоне это означало смертную казнь. — Составители.

был сделан сток. Как только военнопленного убивали, труп уносили два немецких заключенных, а решетка очищалась от крови.

В этом небольшом помещении имелся прорез приблизительно в 50 сантиметров. Военнопленный становился затылком к щели, и стрелок, находящийся за щелью, стрелял в него. Такое устройство практически не удовлетворяло, так как часто стрелок не попадал в пленного. Через восемь дней было оборудовано новое устройство. Военнопленного, так же как и раньше, ставили к стене, потом на его голову медленно спускали железную плиту. У военнопленного создавалось впечатление, будто хотят измерить его рост. В железной плите имелся ударник, который опускался и бил заключенного в затылок. Он падал замертво. Железная плита управлялась при помощи ножного рычага, который находился в углу этого помещения. Обслуживающий персонал был из упомянутой зондеркоманды.

По просьбе чиновников экзекуционной команды мне также приходилось обслуживать этот аппарат. Об этом я буду говорить ниже. Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашины. Мне приходилось непрерывно ездить из внутреннего лагеря в экзекуционный двор. За ночь я должен был сделать десять поездок с перерывом минут на десять. В этот перерыв я и был свидетелем исполнения экзекуций...»

От убийств поодиночке гитлеровцы в дальнейшем перешли к организации фабрик смерти в Трешлинке, Дахау и Освенциме.

Методы и масштабы убийства менялись. Гитлеровцы стремились найти способы для быстрого истребления больших человеческих масс. Над решением этой задачи они работали долго, К реализации ее они приступили еще до нападения на Советский Союз, изобретая разнообразные способы и инструменты для умерщвления, причем жертвами гитлеровских палачей оказались и мирные жители и военнопленные.

Я предъявляю Трибуналу Сообщение Чрезвычайной Комиссии о зверствах немцев в Литовской Советской Социалистической Республике, это документ СССР-7. И здесь, как и в других местах, массовое истребление советских военнопленных являлось частью людоедского плана фашистских захватчиков.

Я процитирую несколько фраз на странице 6 этого документа:

«В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием для руководителей и конвоиров при рабочих командах»...

Военнопленные в форте № 6 были обречены на истощение и голодную смерть».

Свидетельница Медишевская сообщила Комиссии:

«Военнопленные ужасно голодали, я видела, как они рвали траву и ели ее».

Я пропускаю несколько фраз и читаю дальше:

«При входе в лагерь № 336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках: «Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян».

В лагере форты № 6 был «лазарет» для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть».

Из месячных сводок о заболеваниях среди военнопленных в форте № 6 видно, что только с сентября 1941 года по июль 1942 года, то есть за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

Я пропускаю перечень вскрытых могил и цитирую строчку, говорящую об общем итоге:

«...Всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных».

Кроме лагеря № 336, в том же городе Каунасе на юго-западной окраине аэродрома был еще один лагерь без номера. В сообщении по этому поводу говорится:

«Так же, как и в форте № 6, здесь свирепствовали голод, плети и палки. Истощенных военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей».

В последних трех строчках левого абзаца шестой страницы документа СССР-7 сказано:

«На основании раскопок, документов и показаний свидетелей Комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных».

В Сообщении упоминается еще один лагерь — № 133 близ города Алитус и некоторые другие лагеря, которые были организованы в июле 1941 года и просуществовали до начала апреля 1943 года. В этих лагерях люди замерзали. При выгрузке из вагонов немцы расстреливали тех, кто не мог идти дальше. Пленных пытали до потери сознания, подвешивали на цепях за ноги, снимали, отливали водой и снова повторяли то же самое.

Подводя общий итог количеству истребленных, Комиссия пишет:

«Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных».

Истребление советских военнопленных происходило буквально во всех лагерях. Тысячи советских воинов погибли и в лагере

уничтожения на Майданеке. В совместном Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии, которое предъявлено Вам под № СССР-29, во втором абзаце пятой страницы отмечается, что вся «кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами в ноябре — декабре 1941 года. Из партии больше чем в 2 тысячи человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек, — все остальные были расстреляны, и небольшая часть замучена пытками и истязаниями».

В период с января по апрель 1942 года в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались».

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5 тысяч русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из барakov к ямам на бывшую каменоломню и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям перевозились в «лагерь уничтожения» на Майданеке и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т. д.

Свидетель Резник показал следующее:

«В январе 1941 года нас — около 4 тысяч евреев-военнопленных — погрузили в вагоны и отправили на Восток... Нас привезли в Люблин, здесь выгрузили из эшелонов и сдали эсэсовцам. Примерно в сентябре или октябре 1942 года в лагере на Липовой улице № 7 было решено оставить только людей, имеющих фабрично-заводскую квалификацию и нужных в городе, а все остальные, и я в том числе, были отправлены в лагерь «Майданек». О том, что направление в лагерь «Майданек» означает смерть, мы все уже хорошо знали».

Из этой партии в 4 тысячи человек военнопленных сохранились лишь отдельные лица, бежавшие с внелагерных работ».

Летом 1943 года в лагерь на «Майданек» было привезено 300 советских офицеров, из них 2 полковника, 4 майора, все остальные в чине капитанов и старших лейтенантов. Все указанные офицеры были расстреляны в лагере».

Огромные лагеря уничтожения советских военнопленных были организованы немецкими фашистами на территории Латвийской Советской Социалистической Республики. В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии, расследовавшей преступления немецких захватчиков, совершенные ими на территории этой

республики (мы предъявляем Суду этот документ под № СССР-41), содержатся следующие данные об уничтожении 327 тысяч советских военнопленных.

Я цитирую выдержки из раздела на правой стороне седьмой страницы названного мной Сообщения:

«Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа, «Шталаг 350», который просуществовал с июля 1941 года до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. Несмотря на тяжелую каторжную работу по 12—14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150—200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов».

Мне кажется, следует подчеркнуть единообразие пайка, получаемого военнопленными. Показания свидетелей полностью совпадают с той официальной директивой о нормах снабжения военнопленных, которую я уже оглашал здесь сегодня в судебном заседании.

«Бывший военнопленный Яковенко П. Ф., содержащийся в «Шталаге 350», показал: «Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищеного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. От голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941 года по май 1942 года в лагере погибли 30 тысяч военнопленных».

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода».

Новицкис Р. Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях «Шталага 350» на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября месяца 1941 года по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных...

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А. В. показала: «Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50—60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы;

многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Я не буду перечислять других фактов, имевших место в «Шталаге 350», и оглашу только заключительную фразу, относящуюся к этому лагерю:

«В «Шталаге 350» и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 тысяч советских военнопленных...»

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных — «Шталаг 340», который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за три года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124 тысяч советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали по пути следования в лагерь. Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой — в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода. Летом задохались от духоты, зимой замерзали».

Свидетель Усенко Т. К. показал:

«В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на «217 километр» (имеется в виду название участка пути) подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1500 мертвых были выгружены из этого эшелона. Все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинен задачам уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале учительница Ефимова В. А. рассказала Комиссии:

«Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало пять групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6—7 трупов умерших или расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые металась в бреду, убивали в госпитале палками».

Когда в лагере вспыхивала эпидемия, гитлеровцы из того барака, где обнаруживались тифозные больные, вывозили на аэродром всех помещавшихся в бараке и расстреливали. Так было уничтожено около 45 тысяч советских военнопленных.

Потрясающие факты приведены в документах Чрезвычайной Государственной Комиссии, расследовавшей злодеяния немецко-фашистских захватчиков в окрестностях городов: Севастополя, Керчи, на курорте Теберда. Я оглашаю из нашего документа СССР-63/5 отдельные данные. При севастопольской тюрьме немецкое фашистское командование организовало лазарет для

больных и раненых военнопленных. В нем массами погибали советские воины.

«При организации лазарета больным и раненым в течение 5—6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом: «Это наказание за то, что русские с особым упорством защищали Севастополь».

Раненым, доставленным с поля боя, не было оказано никакой медицинской помощи. Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они и лежали, истекая кровью, по 7—8 суток.

В период обороны Севастополя в Инкермане в штольнях завода шампанских вин находился военный госпиталь и медсанбат № 47. После отступления Красной Армии в штольнях № 10, 11, 12 и 13 осталось большое число раненых бойцов и командиров, не успевших эвакуироваться... Немецкие изверги, захватив завод, перепились, а затем подожгли штольню».

Я пропускаю целый ряд фактов, из которых, строго говоря, большинство должно было быть специально доложено Суду. Я перехожу к описанию последнего преступления, указанного в Сообщении Комиссии. Выделяю его потому, что здесь описан факт зверского истребления очень большого количества раненых воинов Красной Армии.

«4 декабря 1943 г. на станцию Севастополь прибыли из города Керчи три эшелона раненых военнопленных из керченского десанта. Загрузив ими баржу, водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоящую в Южной бухте, у пристани подплава, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных. Находившиеся недалеко от баржи женщины не могли оказать раненым никакой помощи, так как были отогнаны жандармерией от места пожара. Спаслось не более 15 человек. Тысячи человек погибли в огне.

На другой день в такую же баржу погрузили 2 тысячи человек из числа раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в неизвестном направлении, находившиеся в ней раненые были потоплены в море».

Повторяю, что я оставляю без оглашения еще значительное количество фактов, установленных Комиссией.

Мало чем отличаются от оглашенных уже материалов по своему характеру те данные, которые мы находим о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками по отношению к советским военнопленным в Сталинской области. В документе под № СССР-2а среди ряда актов мы находим два акта об уничтожении советских военнопленных. Первый составлен 22 сентября 1943 г. в городе Сталино специальной комиссией во главе с председателем Сталинозаводского районного Совета депутатов трудящихся. Я оглашу ту часть этого акта, в которой

имеются интересующие нас сведения. Акт начинается на левой колонке третьей страницы документа 2а.

«Обстоятельства дела: в Сталинозаводском районе города Сталино, в клубе имени Ленина, немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных; в этом лагере находилось временами до 20 тысяч человек. Начальник лагеря, немецкий офицер Гарбель, установил невыносимый режим для советских военнопленных.

Опрошенные в качестве свидетелей бывшие военнопленные, содержащиеся в этом же лагере и бежавшие из него, — Плахов Иван Васильевич и Шацкий Константин Семенович — показали, что военнопленных морили голодом: давалась буханка хлеба весом в 1200 граммов на восемь человек, приготовленного из некачественной горелой муки, и один раз в день жидкая горячая пища, состоящая из небольшого количества горелых отрубей, иногда с добавлением древесных опилок; этой пищи в день выдавалось до одного литра. Помещения, в которых находились военнопленные, были не застеклены, и зимой, даже в сильные холода, для отопления выдавалось пять килограммов угля, что не могло обогреть большого помещения, где находилось до тысячи человек, при сквозном ветре. Были массовые случаи обмороживания. Бани не было. Люди вообще не мылись в течение полугода и страдали от огромного количества паразитов. В жаркие летние месяцы страдали от жары, в течение 3—5 суток они не получали питьевой воды».

Режим лагеря, созданного в Сталинозаводском районе, как видно из оглашенной выдержки, был точно таким же, как и режим в других немецких лагерях для военнопленных. Это свидетельствует, несомненно, о наличии общих директив.

В дополнение к общим установкам начальники лагерей имели возможность зверствовать каждый по-своему, оставаясь совершенно безнаказанными.

«Военнопленные по всякому незначительному поводу избивались палками и прикладами, а при подозрении в попытке к бегству назначалось наказание в 720 плетей, которые отпускались в течение 8 дней по 30 плетей утром, в обед и вечером с одновременным лишением пайка хлеба и выдачей только половины пайка жидкой пищи».

Результатом подобного режима в лагере являлась громадная смертность. Зимой умирало до 200 человек в день. В лагере вспыхивали эпидемии. Наблюдались многочисленные случаи голодной смерти и опухания от голода. Охране доставляло удовольствие унижать военнопленных, натравливая их друг на друга.

Так, Шацкий показал, что он подвергался избиению со стороны немецких полицейских, получив 120 плетей и 15 палочных ударов за то, что не выполнил приказа избить своего това-

рища-военнопленного. Избиениями руководили немецкие офицеры.

Продукты, которые приносили граждане для передачи военнопленным, не попадали к ним. Комиссия пришла к выводу, что на территории лагеря и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских военнопленных. Этот вывод построен на обмерах и подсчетах могил и на показаниях свидетелей.

Массовое умерщвление и убийства военнопленных немецко-фашистские захватчики организовали и в другом городе Донбасса — Артемовске. Специальная комиссия, состоявшая из военного прокурора города Артемовска, священника Покровской церкви Зюмина, представителей интеллигенции, общественных организаций и воинских частей, составила акт об организованном фашистскими захватчиками массовом умерщвлении советских военнопленных. Этот акт мы находим на странице 4 документа под № СССР-2а. В акте сказано:

«В ноябре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Артемовска, на территории военного городка, за Северным вокзалом, был создан лагерь военнопленных, в котором находилось 1000 пленных красноармейцев».

Я пропускаю один абзац и перехожу к вопросу об условиях содержания:

«На почве голода весной 1942 года военнопленные выходили из лагеря и, как животные, на четвереньках собирали и ели траву. Для того чтобы лишить людей и этой кормежки, немцы отгородили дом лагеря двойным забором из колючей проволоки, с расстоянием между заборами в 2 метра, а между ними были набросаны проволочные ежи».

Я пропускаю еще абзац и перехожу к оглашению выводов.

«Возле лагеря обнаружено 25 могил, из них 3 — массовые. Первая могила длиной в 20 метров и шириной в 15 метров; в ней найдено около тысячи человеческих останков. Вторая могила длиной в 27 метров и шириной в 14 метров, где обнаружено около 900 человеческих останков; третья могила длиной 20 метров и шириной в 1 метр, в которой обнаружено до 500 останков, и в остальных могилах — от 25 до 30; всего — до 3 тысяч останков».

В районе небольшого хутора Вертячий Городищенского района Сталинградской области гитлеровцы организовали лагерь для военнопленных. Здесь с характерным для них садизмом они, так же как и в других лагерях, уничтожали пленных воинов Красной Армии.

Я представляю Вам в качестве доказательства документ под № СССР-63/3, где имеется акт от 21 июня 1943 г. Он со-

ставлен и оформлен надлежащим образом и содержит следующие сведения:

«Вследствие зверского режима за 3,5 месяца существования лагеря на хуторе Вертячий погибло от голода, истязаний, болезней и расстреляно по меньшей мере 1500 советских военнопленных.

Немцы принуждали пленных работать по 14—16 часов в сутки, а кормили их один раз в день, причем суточный рацион состоял из 3—4 ложек запаренной ржи или половника несолевой, ржаной, постной похлебки и кусочка дохлой конины.

За несколько дней до наступления Красной Армии немцы совсем перестали кормить пленных и обрекли их на голодную смерть. Почти все пленные страдали дизентерией. У многих были незажившие раны, но никакой медицинской помощи пленные не получали».

Я пропускаю один абзац и перехожу к следующему, где говорится об издевательствах над военнопленными.

«Немцы издевались над патриотическими чувствами советских военнопленных, принуждая их работать на строительстве немецких военных сооружений — рытье окопов, блиндажей, землянок, укрытий для военной техники. Гитлеровцы систематически унижали человеческое достоинство советских военнопленных, заставляли их вставать на колени перед немцами».

В акте отмечено, что Комиссия осматривала вещественные доказательства — орудия, которыми терзали советских военнопленных: кожаную плеть и кинжал, подобранный среди обезображенных трупов, с распространенным гитлеровским лозунгом «Блют унд Эре» («кровь и честь»).

В той обстановке, в которой был обнаружен кинжал, он дает полную возможность понять, что представляла собой германская «честь» и на какую «кровь» он был рассчитан.

О характерных для гитлеровских захватчиков преступлениях говорят документы Чрезвычайной Государственной Комиссии, относящиеся к городу Керчи. Я предьявляю Трибуналу документы Чрезвычайной Государственной Комиссии под № СССР-63/6 и оглашаю несколько выдержек.

«Гр-ка Булычева П. Я., 1894 года рождения, уроженка города Керчи, показала:

— Я была свидетельницей того, как неоднократно гнали наших военнопленных красноармейцев и офицеров, а тех, которые из-за ранений и общего ослабления отставали от колонны, немцы расстреливали прямо на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные проходящими по улице людьми, немцы избивали резиновыми плетками и прикладами. Тех, кто под этими ударами падал, расстреливали».

Я пропускаю несколько фраз, которые, по моему мнению, могут не оглашаться, и продолжаю читать:

«В период второй оккупации, когда немцы снова ворвались в Керчь, они с еще большим остервенением стали расправляться с ни в чем не повинными людьми».

Свидетельница показывает, что в первую очередь фашистские палачи расправлялись с военнослужащими, что раненых бойцов они добивали ударами прикладов.

«Военнопленные были загнаны в большие здания, которые потом поджигались. Так были сожжены школа им. Войкова и клуб инженерно-технических работников, в котором находилось 400 бойцов и офицеров Красной Армии.

Ни одному из них не удалось выбраться из горящего здания.

Всех, кто пытался спастись, расстреливали из автоматов.

Зверски были замучены раненые бойцы в рыбацком поселке «Маяк».

Другая свидетельница, жительница этого поселка Буряченко А. П., показала:

«28 мая 1942 г. немцы расстреляли всех оставшихся в поселке и не успевших спрятаться мирных жителей. Фашистские изверги издевались над ранеными советскими военнопленными, избивали их прикладами и потом расстреливали. В моей квартире немцы обнаружили девушку в военной форме, которая, оказав фашистам сопротивление, закричала: «Стреляйте, гады, я погибаю за советский народ, за Сталина, а вам, извергам, настанет собачья смерть». Девушка-патриотка была расстреляна на месте».

В районе города Керчи имеются Аджимушкайские каменоломни. Там были истреблены и отравлены газом красноармейцы. Жительница деревни Аджимушкай Дашкова Н. Н. показала:

«Я лично видела, когда немцы, выловив около 900 красноармейцев в каменоломне, подвергли их издевательствам, а потом расстреляли. Фашисты применяли газы».

Я пропускаю несколько фраз.

«В клубе имени Энгельса во время оккупации был расположен лагерь советских военнопленных, в котором находилось свыше тысячи человек. Немцы издевались над ними, кормили их один раз в день, гнали на тяжелые, изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте».

Мне кажется необходимым процитировать еще несколько свидетельских показаний.

Жительница поселка имени Горького Шумилова Н. И. показала:

«Я лично видела, когда мимо моего двора вели группу военнопленных. Трое из них не могли двигаться. Они были тут же расстреляны немецким конвоем».

Гражданка Герасименко П. И., жительница поселка Самострой, показала: «В наш поселок согнали много красноармейцев и офицеров. Территория, где они находились, была огорожена колючей проволокой. Раздетые и разутые, люди умирали от холода и голода. Их держали в самых ужасных, нечеловеческих условиях. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирались по нескольку дней. Эта обстановка делала еще более невыносимой жизнь в лагере. Пленных избивали прикладами, плетками, кормили их помоями. Жителей, пытавшихся передать пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачи, расстреливали».

В двадцать четвертой керченской школе немцы создали лагерь для военнопленных. О порядках, существовавших в этом лагере, показала учительница школы Наумова А. Н.:

«В лагере было много раненых. Несчастные истекали кровью, но оставались без помощи. Я собирала для раненых медикаменты и бинты, а фельдшер из числа военнопленных делал им перевязки. Пленные страдали кровавым поносом, потому что им не давали хлеба, а кормили помоями. Люди падали от истощения и болезней, умирали в страшных мучениях. 20 июня 1942 г. трое военнопленных были избиты плеткой за попытку совершить побег из лагеря. Пленные расстреливались».

Учительница школы имени Сталина Кожевникова лично видела, как была расстреляна группа пленных красноармейцев и офицеров в районе фабрики-кухни и завода имени Войкова.

«В 1943 году немецкие преступники гнали с Кавказа пленных красноармейцев. Вся дорога от переправы до города, расстоянием в 18—20 километров, была усеяна трупами красноармейцев. Среди пленных было много раненых и больных. Кто не мог идти от истощения или болезней, того по дороге пристреливали».

Среди других фактов заслуживает особо быть отмеченным еще один:

«В 1942 году фашисты бросили живьем в колодец деревни Аджимушкай 100 пленных красноармейцев, трупы которых впоследствии были извлечены жителями и похоронены в братской могиле».

29 января 1946 г. здесь, в судебном заседании, был допрошен свидетель Поль Розер. Он показал, что за четыре месяца из 10 тысяч русских, которых он видел в качестве военнопленных в немецком лагере в городе Рава-Русская, осталось в живых только 2 тысячи человек.

Мы располагаем свидетельскими показаниями еще одного очевидца многочисленных зверств и безграничных издевательствам, которым подвергались военнопленные в Рава-Русской. Свидетель Кочак В. С., допрошенный с соблюдением всех правил,

предусмотренных нашим законом, показал гвардии капитану юстиции Рыжову 27 сентября 1944 г. (протокол этого допроса я предъявляю Вам под № СССР-6в):

«Я работал в лагере военнопленных Красной Армии при немцах с декабря 1941 года по апрель 1942 года как землекоп.

Этот лагерь немцы организовали в бараках на площади около железной дороги. Территория лагеря вся была обнесена колючей проволокой. По словам самих военнопленных, немцы согнали в этот лагерь 12 или 15 тысяч человек. Когда мы работали, то наблюдали, как немцы издевались над военнопленными Красной Армии. Кормили один раз в день нечищеным, мерзлым картофелем, сваренным с кожурой и грязью. Содержали военнопленных в холодных бараках в зимнюю пору.

Знаю такой факт, что когда немцы загнали военнопленных в этот лагерь, то одежду — шинели и сапоги, а также ботинки, пригодные к носке, — с военнопленных сняли, оставили людей в рубище и босых. Военнопленных выводили под конвоем ежедневно на работу с 4—5 часов утра, держали на работе до 10 часов ночи. Усталых, озябших и голодных людей загоняли в бараки, в которых специально на день открывали окна и двери, чтобы мороз проник в эти бараки, и таким путем замораживались люди. Наутро сотни трупов под охраной немецких солдат сами военнопленные вывозили на тракторе в Волковысский лес, где сгружали в заранее приготовленные ямы.

Во время конвоирования военнопленных на работу немцы у проходных ворот из лагеря выставляли отряд солдат, вооруженных винтовками и колющими, и тех, кто плохо двигался от истощения и голода, убивали колющими по голове, кололи штыками».

Этим же свидетелем описаны и другие факты немецких зверств. Так, например:

«Немецкая администрация лагеря выводила совершенно голых военнопленных, привязывала веревками к стенке, обнесенной колючей проволокой, и держала в декабрьские зимние морозы до тех пор, пока человек не замерзал. Стоны и крики изувеченных прикладами людей наполняли постоянно территорию лагеря... Некоторых убивали прикладами на месте.

Голодные и истощенные военнопленные, когда их приводили на территорию лагеря, набрасывались на кучу гнилой и мерзлой картошки. За этим следовал выстрел немецкого конвоира».

Я представляю Суду за тем же № СССР-6в заявление французского военнопленного Эмиля Леже, солдата 43-го пехотного колониального полка, матрикул № 29.

В его заявлении лагерь в Раве-Русской (Шталаг-325) назван «знаменитым лагерем медленной смерти».

Мне кажется, что эта фраза служит как бы дополнением к показаниям свидетелей Розера и Кочака. Советское обвинение

располагает значительным количеством материалов, изобличающих гитлеровских захватчиков и в других многочисленных преступлениях против военнопленных на территории Львовской области.

Мне кажется достаточным, если я оглашу выдержки из одного свидетельского показания Манусевича Д. Ш. и доложу Вам, что это показание подтверждается показаниями еще двух свидетелей: свидетеля Аша Ф. Г. и Хамайдеса Г. Ю. Все три документа я предъявляю Вам тоже под № СССР-6в.

Свидетели Манусевич, Аш и Хамайдес некоторое время работали в бригаде по сжиганию трупов людей, расстрелянных немцами в районе города Львова и, в частности, в Лисеницких лагерях. Свидетель Манусевич показывает:

«После окончания сжигания трупов нас, «бригаду смерти», ночью на автомашине привезли в Лисеницкий лес, против Львовского дрожжевого завода. Здесь, в лесу, было около 45 ям с трупами ранее расстрелянных на протяжении 1941—42 гг. В ямах было от 500 до 3500 трупов. Были трупы солдат французской, бельгийской и русской армий, то есть военнопленных, а также были и мирные жители. Все военнопленные были похоронены в одежде. Поэтому во время выкапывания из ям я распознавал их по форме одежды, по знакам различия, по пуговицам, медалям и орденам, по ложкам и котелкам. Все это сжигалось после того, как трупы выкапывали. Таким же путем, как и в Яновском лагере, на месте ям сеялась трава, садили деревья, пеньки срубленных деревьев с тем, чтобы стереть следы небывалого в истории человечества злодеяния».

Я представляю документ под № СССР-62, подписанный свыше чем 60 военнослужащими разных частей и родов оружия германской армии. Их подписи имеются под протестом, который они направляли в адрес Международного Красного Креста в январе 1942 года. Также имеется сообщение Международного Красного Креста о том, что этот документ получен. В своем протесте они приводят известные им факты преступного отношения к советским военнопленным. Лица, подписавшие этот протест, являлись военнопленными советского лагеря № 78. Их протест есть результат сопоставления того, что авторы документа видели своими глазами в отношении советских военнопленных, с тем, что они встретили в лагере № 78.

Я процитирую несколько выдержек из этого документа. Текст начинается следующими словами:

«Мы, немецкие военнопленные лагеря № 78, прочли ноту Народного комиссара иностранных дел Советского правительства об обращении с военнопленными в Германии. Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если бы сами не были свидетелями подобных зверств. Чтобы правда

восторжествовала, мы должны подтвердить, что военнопленные — граждане Советского Союза — очень часто подвергались ужасным издевательствам со стороны представителей немецкой армии или даже расстреливались ими».

Далее в тексте приводятся конкретные примеры злодеяний, известных авторам протеста:

«Ганс Дреус из Регенвальде, солдат 4-й роты, 6-го танкового полка, сообщил:

— Я знаком с приказом по 3-й танковой дивизии, изданным генерал-лейтенантом Моделем, в котором сказано, чтобы пленных не брать. Такой же приказ дал командующий 18-й танковой дивизией генерал-майор Неринг. На инструктивном совещании 20 июня, за два дня до выступления против Советского Союза, нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязок делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными».

О наличии предварительного инструктажа показал и солдат штабной роты 18-й танковой дивизии Гарри Марек из района Бреславля:

«21 июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной Армии необходимо расстреливать на месте, ибо с ними нечего церемониться. С ранеными русскими также нечего возиться: их надо просто приканчивать на месте».

Солдат 399-го пехотного полка 170-й дивизии Вильгельм Метцик из Гамбурга привел такой факт:

«Когда мы 23 июня вступили в Россию, мы попали в одно местечко у Бельцы. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автоматов в спину были расстреляны пять русских пленных».

О наличии директивы — истреблять политических работников Красной Армии — показал солдат 2-й роты 3-го отряда истребителей танков Вольфганг Шарте из Гергардсхагена у Брауншвейга:

«За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее:

«Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан».

29 июня 1941 г. я сам видел, как представители немецкой армии расстреливали раненых красноармейцев, лежавших в хлебном поле близ города Дубно. После этого их еще прокололи штыком, чтобы наверняка убить. Рядом стояли немецкие офицеры и смеялись».

Иосиф Берндсен из Оберхаузена, солдат 6-й танковой дивизии, сообщил:

«Еще до вступления в Россию нам на одном из инструктивных совещаний сказали: комиссаров необходимо расстреливать».

Немецкий офицер, лейтенант 112-го саперного батальона 112-й пехотной дивизии, Якоб Корцилиас из Хорфорста близ Трира удостоверил:

«В одной деревне у Болвы по приказу адъютанта штаба 112-го саперного батальона лейтенанта Кирика были выброшены из избы 15 находившихся там раненых красноармейцев. Их раздели догола и закололи штыками. Это было сделано с ведома командира дивизии генерал-лейтенанта Мита».

Алоиз Гетц из Гагенбаха на Рейне, солдат 8-й роты 427-го пехотного полка, сообщил:

«27 июня в лесу у Августова были расстреляны два комиссара Красной Армии по приказу командира батальона капитана Виттмана».

На третьей странице документа СССР-62 мы находим такое сообщение Пауля Зендера из Кенигсберга, солдата 4-го взвода, 13-й роты пехотных орудий 2-го пехотного полка:

«14 июля по дороге между Порховым и Старой Руссой в уличной канаве старшим ефрейтором первой роты 2-го пехотного полка Шнейдером были расстреляны 12 пленных красноармейцев. На мой вопрос Шнейдер заявил: «К чему мне еще возиться с ними. Они даже нули не стоят». Я знаю также другой случай.

В боях под Порховом был взят в плен один красноармеец. Вскоре после этого он был застрелен ефрейтором 1-й роты. Как только красноармеец упал, ефрейтор вытащил из его хлебной сумки все, что там было съестного».

Я хотел бы закончить выдержки из протеста немецких военнопленных, приведя еще два свидетельства: Фрица Руммлера и Рихарда Гиллига. Их показания мы находим в нижней части четвертой страницы документа. Фриц Руммлер из Штрелена в Силезии, старший ефрейтор 9-й роты 3-го батальона 518-го полка 295-й дивизии, сообщил:

«В августе я в городе Златополе видел, как два офицера из частей СС и два солдата расстреляли двух пленных красноармейцев, предварительно сняв с них шинели. Эти офицеры и солдаты принадлежали к бронетанковым войскам генерала фон Клейста. В сентябре экипаж немецкого танка на дороге в Красноград раздавил машиной двух красноармейцев, попавших в плен. Это было сделано просто из жадности крови и убийства. Командиром танка был унтер-офицер Шнейдер из танковых войск фон Клейста. Я видел, как в нашем батальоне допрашивали четырех пленных красноармейцев. Это происходило

в Ворошиловске. Красноармейцы отказались отвечать на вопросы военного характера, которые им задавал командир батальона майор Варнеке. Он пришел в бешенство и собственноручно избил пленных до потери сознания».

Ефрейтор 9-го транспортного взвода 34-й дивизии Рихард Гиллиг сообщил:

«Я не раз был свидетелем бесчеловечного и жестокого обращения с русскими военнопленными. На моих глазах немецкие солдаты по приказу своих офицеров снимали сапоги с пленных красноармейцев и гнали их босиком. Много таких фактов я наблюдал в Тарутине. Я был очевидцем такого факта: один пленный красноармеец не пожелал добровольно отдать свои сапоги. Солдаты из охраны его так избили, что он не мог двигаться. Я видел, как отбирали у пленных не только сапоги, но и все обмундирование, вплоть до белья».

Я пропускаю несколько фраз и перехожу к окончанию заявления Гиллига:

«При отступлении нашей колонны я недалеко от города Медынь видел, как немецкие солдаты избивали пленных красноармейцев. Один пленный очень устал и падал с ног. К нему подскочил солдат из охраны и начал бить его сапогами, прикладом. То же самое делали остальные солдаты. У города этот пленный замертво пал».

Далее говорится:

«Это не секрет, что в немецкой армии на фронте, в штабах дивизий имеются особые специалисты, занимающиеся тем, что мучают красноармейцев и советских офицеров, чтобы принудить их таким образом к выдаче военных сведений и приказов».

Фотостат этого заявления я передаю Трибуналу. На нем Вы можете увидеть 60 собственноручных подписей немецких военнослужащих с указанием их полков и более мелких подразделений.

Я предъявляю Трибуналу 4 фотографии немецкого происхождения. Каждый из этих снимков сделан немцами с указанием времени и места съемки. На одном из снимков — сцена раздачи пищи, на втором — поиски пищи, на третьем и четвертом — вид Уманьского лагеря для военнопленных.

На первом снимке заметно, что раздаваемой пищи явно недостаточно. Люди почти дерутся за право получить пищу. На втором снимке Вы видите, как голодные советские военнопленные бродят около пустого сарая и употребляют в пищу обнаруженный ими в сарае жмых для корма скота. В отношении третьей и четвертой фотографии я могу представить Вам важные показания свидетеля Бингеля. Выдержки из его показаний прямо относятся к вопросу об обращении с советскими военнопленными.

Бингель был допрошен мной, и протокол его допроса от 27 декабря 1945 г. я передаю Трибуналу под № СССР-111. Бингель, бывший командир роты германской армии, показал:

«Я уже сделал одно сообщение о внутреннем режиме в лагере военнопленных в Умани. В этом лагере охрану несла одна рота нашего подразделения 783-го батальона, и поэтому я был в курсе всех событий, которые происходили там. Задачей нашего батальона была охрана военнопленных, контролирование шоссе и железных дорог.

Этот лагерь был рассчитан при нормальных условиях на 6—7 тысяч человек, однако в нем содержалось в то время 74 тысячи человек.

Вопрос: Это были бараки?

Ответ: Нет, это был бывший кирпичный завод, и на его территории, кроме низких навесов для сушки кирпича, больше ничего не было.

Вопрос: Там были размещены военнопленные?

Ответ: Пожалуй, нельзя сказать, что они были размещены, так как под каждым навесом вмещалось самое большее 200—300 человек, остальные же ночевали под открытым небом.

Вопрос: Какой режим был в этом лагере?

Ответ: Режим в лагере был в некотором отношении своеобразным. Условия в лагере создавали впечатление, что командант лагеря капитан Беккер не в состоянии организовать эту большую массу людей и прокормить ее. Внутри лагеря имелись две кухни, хотя их нельзя было назвать кухнями. На цементе и на камнях были установлены железные бочки, и в них готовилась пища для военнопленных. Эти кухни при круглосуточной работе могли изготовить пищи примерно на 2 тысячи человек. Обычное питание военнопленных было совершенно недостаточное. Дневная норма составляла один хлеб на 6 человек, который, однако, нельзя было назвать хлебом. При раздаче горячей пищи возникали часто беспорядки, поскольку военнопленные, а их было в лагере более 70 тысяч, стремились получить пищу. В таком случае охрана пускала в ход дубинки, которые были обычным явлением в лагере. У меня, в общем, сложилось впечатление, что в этих лагерях дубинка являлась основой.

Вопрос: Известно ли Вам что-либо относительно смертности в лагере?

Ответ: Ежедневно в лагере умирало 60—70 человек.

Вопрос: От каких причин?

Ответ: До того как разразилась эпидемия, речь шла, в большинстве случаев, об убитых людях.

Вопрос: Убитых при раздаче пищи?

Ответ: Как во время раздачи пищи, так и в рабочее время, и вообще людей убивали в течение всего дня».

Бингель был допрошен нами вторично, и ему были предъявлены фотографии Уманьского лагеря, те же самые, которые Вы сейчас держите в своих руках. Перед Бингелем был поставлен следующий вопрос:

«Этот ли лагерь, о котором вы говорили, изображен здесь или же какой-нибудь другой?»

После этого ему были предъявлены фотографии с негатива 13 X 18 от 14 августа 1941 г. и негатив 13 X 22 от того же числа. Бингель ответил:

«Да, тот самый лагерь, о котором я говорил.

Это, собственно, не лагерь, а глиняный котлован, принадлежавший лагерю, где размещались военнопленные, прибывающие с фронта. Затем они распределялись по отдельным участкам.

Вопрос: Что вы можете сказать насчет второй фотографии?

Ответ: Вторая фотография — это тот же самый лагерь, снятый только с другой стороны — с правой. Эти строения, которые тут показаны, являлись почти единственными каменными строениями в этом лагере. Это кирпичное здание, несмотря на то, что оно было совершенно пустым и невредимым и имело прекрасные большие помещения, не использовалось для размещения военнопленных».

Трудно сказать, является ли пределом человеческой подлости то, что совершено гитлеровцами в отношении советских военнопленных в так называемом «Гросс-лазарете» города Славуты Каменец-Подольской области. Но при всех обстоятельствах истребление гитлеровцами советских военнопленных в «Гросс-лазарете» — одна из самых мрачных страниц, составляющих историю фашистских преступлений.

Я представляю Трибуналу под № СССР-5 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии и оглашу из этого Сообщения и приложенных к нему материалов отдельные выдержки.

При изгнании фашистских орд из города Славуты на территории бывшего военного городка частями Красной Армии было обнаружено то, что немцы именовали «Гросс-лазаретом» для советских военнопленных. В «лазарете» находилось свыше 500 истощенных и тяжело больных людей. Опрос этих людей и специальное расследование судебно-медицинской экспертизы и экспертизы работников Центрального института питания Народного комиссариата здравоохранения СССР позволили восстановить все подробности, относящиеся к истреблению огромного количества советских военнопленных, происходившему в этом страшном учреждении. Цитирую:

«Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нем для раненых и боль-

ных офицеров и бойцов Красной Армии «лазарет», наименовав его: «Гросс-лазарет» Славута, цвай лагерь 301». «Лазарет» был расположен в полутора-двух километрах восточнее Славуты и занимал десять трехэтажных каменных зданий — блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволочных заграждений. Вдоль заграждений через каждые 10 метров были построены вышки, на которых находились пулеметы, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» в лице коменданта гауптмана Планка, затем сменившего его майора Павлиски, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфера, гауптмана Ное, штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурма, обер-фельдфелея Ильземана и фельдфелея Беккера проводили массовые истребления советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду».

Государственная Чрезвычайная Комиссия называет немецкий «Гросс-лазарет» лазаретом смерти. Я цитирую небольшой отрывок из раздела Сообщения под тем же названием. Это третья страница русского оригинала:

«В «Гросс-лазарете» немецкие власти сосредоточивали 15—18 тысяч тяжело и легко раненных, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в «лазарет», гитлеровцы выбрасывали сотни трупов».

По данным следственной комиссии, из каждого эшелона, разгружавшегося на железнодорожной ветке, выбрасывалось по 800—900 трупов. В Сообщении Комиссии сказано далее:

«В пути пешего следования тысячи советских военнопленных погибали от голода, жажды, отсутствия медицинской помощи, дикого произвола немецкого конвоя...»

Как правило, гитлеровцы ударами прикладов и резиновых дубинок встречали партии военнопленных у ворот «лазарета» и затем отбирали у вновь прибывших кожаную обувь, теплую одежду и личные вещи».

В следующем разделе на той же странице Государственная Комиссия сообщает, что инфекционные заболевания среди находившихся в «лазарете» военнопленных распространялись преднамеренно немецкими врачами. Я цитирую:

«В «Гросс-лазарете» немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены

были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы «уплотнений» «лазарета». Бывший военнопленный Хуажев И. Я. сообщил, что немцы «выстрелами из автоматов уплотняли помещения и люди невольно теснее прижимались друг к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали еще больных и раненых и двери закрывали».

Преднамеренное распространение инфекционных заболеваний в этом лагере смерти, издевательски названном «лазаретом», достигалось самыми примитивными способами: «Больных сыпным тифом, туберкулезом, дизентерией, раненых с тяжелыми и легкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере».

В помещении, где нормально можно было разместить не свыше 400 человек, число больных тифом и туберкулезом составляло 1800 человек.

«Уборка камер не производилась. Больные по несколько месяцев оставались в том белье, в котором попали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались... В «лазарете» не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в «лазарете» приняла чудовищные размеры».

Истребление с помощью умышленного распространения заболеваний сочеталось с замариванием голодом. Пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и двух литров так называемой «баланды». Мука, предназначенная для выпечки хлеба раненым и больным военнопленным, доставлялась из Германии. Ее обнаружили в одном из складов «лазарета» в количестве 15 тонн. На фабричной упаковке сорокакилограммовых бумажных мешков имелись этикетки «Шпельцмель»; образцы этой эрзац-муки были направлены на лабораторное исследование в Центральный институт питания Народного комиссариата здравоохранения СССР.

Я предъявляю Вам документы, относящиеся к истреблению гитлеровцами советских военнопленных в «Гросс-лазарете», под № СССР-5а; на страницах 9, 10 и 11 этого документа Трибунал может видеть фотостат заключений Центрального института питания. Заключение сделано, с одной стороны, по данным анализа, который был произведен фронтовой военной лабораторией, и, с другой — по данным анализа, произведенного непосредственно в Центральном институте питания. В заключении института сказано:

«...Очевидно, «хлеб» выпекался с добавлением небольшого количества натуральной муки для образования связной массы.

Питание таким «хлебом» при лишении питающихся других полноценных веществ и продуктов равносильно голоданию и неизбежно приводит к резкому истощению...»

Анализ показал, что «мука» является не чем иным, как равномерно, но довольно крупно измельченной соломой с длинными частицами до 2, а иногда до 3 мм. При микроскопии в каждом поле зрения, как сказано в заключении, «...наряду с растительными волокнами древесины, обнаружены в очень небольшом количестве крахмальные зерна, напоминая по строению крахмальные зерна овса». Институт пришел к выводу, что «...потребление такого хлеба, благодаря раздражающему действию мякины, приводит к развитию заболеваний пищеварительного аппарата».

Несколько забегая вперед, я хочу доложить о результатах судебно-медицинского вскрытия 112 эксгумированных трупов из объекта № 1 и наружного осмотра около 500 трупов. В первом случае истощение как причина смерти констатировано в отношении 96 жертв. Во втором случае, как сказано в заключении, напечатанном на странице 7 документа СССР-5а, «утверждение о том, что истощение является основной причиной смертности в лагере для военнопленных, обосновывается также данными наружного осмотра около 500 трупов, при котором оказалось, что процент крайнего истощения приближается к 100 процентам».

Несколько далее, в этом же заключении, в пункте «г» § 5 эксперты отмечают, что режим в Славутском «Гросс-лазарете» в числе прочих показателей может быть охарактеризован абсолютно непригодным питанием. Я цитирую:

«Хлеб с 64% примесью древесных опилок., баланда из гнилого картофеля с примесью отбросов, крысиных экскрементов и т. п.»

Военнопленные, уцелевшие до освобождения Славуты из-под власти гитлеровских палачей, заявили (я цитирую выдержку со страницы 4 документа СССР-5а):

«...В «Гросс-лазарете» периодически отмечались вспышки заболевания неизвестного характера, называвшегося немецкими врачами «парахолерой». Заболевание «парахолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парахолеры» в 60—80 процентах случаев был смертельным. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи — военнопленные к вскрытию не допускались».

В пункте восьмом заключения судебно-медицинской экспертизы (страница 7 документа СССР-5а) говорится:

«Никакая объективная обстановка не может объяснить всех тех условий, при которых содержались военнопленные в лагере.

Тем более, как явствует из материалов дела, в немецких военных складах в городе Славуте были огромные запасы продовольствия, в военных аптеках — медикаментов и перевязочных материалов».

В штате «Гросс-лазарета» числилось значительное количество медицинского персонала. Вместе с тем, как это отмечается в Сообщении Государственной Комиссии, больные и раненые офицеры и бойцы Красной Армии не получали самой элементарной медицинской помощи. Да и о каком лечении могла идти речь, если задача «Гросс-лазарета» была диаметрально противоположной. Не только к физическому уничтожению военнопленных стремилась администрация «Гросс-лазарета», но и к тому, чтобы наполнить мучениями и страданиями последние дни жизни раненых и больных.

Один из разделов Сообщения Комиссии озаглавлен: «Пытки и расстрелы советских военнопленных». Я оглашаю часть этого раздела. Он напечатан на странице 4 документа СССР-5а:

«Советских военнопленных в «Гросс-лазарете» подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других трупов военнопленного, которому в агоническом состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и еще живым засыпан землей.

Одним из видов массовых пыток в «лазарете» было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собой холодное помещение с цементным полом. Заключение в карцер на несколько дней лишало пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью еще большего истощения заставляли бегать вокруг зданий «лазарета», а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д. П. сообщил о том, как немцы бросали на проволочные заграждения внутренности павших лошадей, и когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к заграждениям, охрана открывала по ним стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л. С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А. Т. «был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторую порцию «баланды». В феврале 1942 года он «видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал в мусорной яме объедки, оставшиеся в немецкой кухне обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведен к яме, раздет и пристрелен».

Осмотр трупов, эксгумированных при расследовании фашистских злодеяний в так называемом «лагере Славута», удостоверял, что «комендатура и охрана лагеря неоднократно применяли изощренные меры истязаний. Среди вскрытых и эксгумированных трупов судебно-медицинская экспертиза обнаружила четыре трупа военнопленных, умерщвленных холодным оружием, с колотыми головными ранами, проникающими в полость черепа.

Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвленных советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксендза города Славута Милевского, намечен, как вехами, маленькими могильными холмиками».

У фашистских изуверов иногда не хватало терпения дожидаться смерти того или другого военнопленного, и они хоронили еще живых людей.

«На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырех трупов военнопленных вплоть до мельчайших бронхов «большого количества песчинок, которые могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком», судебно-медицинская экспертиза установила, что в «Гросс-лазарете» охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми».

Одному из бывших обитателей «Гросс-лазарета» — военнопленному Панкину был известен случай, когда в феврале 1943 года в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытьи. Больной очнулся уже в мертвецкой. Шефу барака доложили, что в мертвецкую отнесен живой человек. Он приказал оставить его там. Больной был похоронен.

Невыносимый режим побуждал военнопленных игнорировать огромный риск и пытаться совершать индивидуальные и групповые побегі. Мученики, вырвавшиеся из «лазаретного» ада, искали приюта у местного населения Славуты и окружающих населенных пунктов. Гитлеровские негодяи безжалостно расстреливали каждого, кто оказывал какую-либо помощь беглецу.

Город Славута входил в Шепетовский район. 15 января 1942 г. шепетовский гебитскомиссар доктор Ворбс издал специальное распоряжение, в котором было сказано, что если не обнаружатся непосредственные виновники, помогавшие беглецам, то в каждом случае будет расстреляно 10 заложников.

Священник Журковский сообщил, что было арестовано и расстреляно 26 мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. При медицинском освидетельствовании 525 освобожденных из

«Гросс-лазарета» у 435 была установлена крайняя степень истощения, у 59 — осложненное течение ран, у 31 — нервно-психическое расстройство.

Комиссия отмечает:

«За два года оккупации Славуты, при участии немецких врачей Борбе, Штурма и других медицинских работников, в «Гросс-лазарете» гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной Армии».

Отдавая себе полный отчет в безграничной подлости содеянных преступлений, немецко-фашистские палачи всеми мерами пытались скрыть следы своих преступлений. В частности, они тщательно маскировали те места, в которых были похоронены советские военнопленные. Так, например, на кресте могилы № 623 было написано 8 фамилий похороненных, а при вскрытии в могиле оказалось 32 трупа. При вскрытии могилы № 624 было обнаружено то же самое явление.

В других могилах обнаружены грунтовые прослойки между несколькими рядами трупов. Например, в могиле № 625 оказалось 10 трупов, а когда сняли слой грунта толщиной в 30 сантиметров, то в этой могиле обнаружили еще два ряда трупов. То же самое оказалось и при вскрытии могилы № 627 и могилы № 8.

Многие могилы были замаскированы путем разбивки клумб, посадки деревьев, прокладки дорожек и т. д., но никакая маскировка не сможет скрыть кровавых преступлений гитлеровских злодеев.

Частями Красной Армии в полицейских архивах города Житомира среди многих других документов была захвачена одна переписка. Это полицейское дознание. Авторы документов никогда не рассчитывали на то, что он будет оглашен на заседании Международного Трибунала по делу главных военных преступников. Документы, составляющие эту переписку, были предназначены исключительно для полицейского начальства, и составлялись они с соблюдением всех требований, обычных для германского права и для полицейских дознаний фашистской Германии.

Документ предъявляется Вам под № СССР-311 — это фотостат, заверенный надлежащим образом.

24 декабря 1942 г. должны были быть подвергнуты «особо режимному обращению» 78 военнопленных из Бердичевского отделения «воспитательно-трудового» лагеря. Все 78 человек — советские граждане. В переписке есть донесение по начальству оберштурмфюрера СС Кунтце от 27 декабря 1942 г. В нем сказано:

«В данном случае не было никаких данных относительно коммунистической деятельности этих пленных за время существования советской власти».

Следующая фраза Кунтце вносит абсолютную ясность в вопрос о том, почему и как попали эти военнопленные в «воспитательно-трудовой» лагерь:

«По-видимому, военные власти предоставили в свое время этих военнопленных в распоряжение здешнего отделения для того, чтобы подвергнуть их «особо режимному обращению».

Мы убедились в том, что в лагерь они были направлены военными властями. Специалист, каким в этом вопросе, несомненно, являлся оберштурмфюрер СС, говорит, что направлены они были специально для того, чтобы стать объектом «особо режимного» обращения.

Теперь разрешите перейти к изложению существа вопроса. Мне кажется, наиболее целесообразным изложить его словами одного из документов. Я цитирую:

«КОМАНДИР ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ
И СД В ЖИТОМИРЕ

Бердичев
24. XII. 1942 года

По вызову явился штурмшарфюрер СС и криминаль-оберсекретарь Кноп Фриц. Родился в 1897 году в Нойклинце, округ Кесслин. Кноп Фриц показал следующее:

С середины августа я являюсь руководителем Бердичевского отделения полиции безопасности и СД в городе Житомире. 23 декабря 1942 г. заместитель командира гауптштурмфюрер СС Кальбах обследовал местное отделение воспитательно-трудового лагеря, находящегося в ведении вверенного мне учреждения. В этом воспитательно-трудовом лагере с конца октября находятся 78 бывших военнопленных, которые в свое время были переведены туда из стационарного лагеря в Житомире вследствие нетрудоспособности. Значительное число военнопленных в свое время было передано в распоряжение командира полиции безопасности и СД».

Я думаю, что нет никакой необходимости давать специальную справку Трибуналу о том, что передача военнопленных в распоряжение полиции безопасности была предусмотрена специальными эсэсовскими директивами и директивами СД, главным образом тех, кто подлежал физическому уничтожению.

Я цитирую дальше:

«Из их состава в Житомире было отобрано небольшое число до некоторой степени пригодных к труду. Остальные 78 человек были направлены в здешний воспитательно-трудовой лагерь».

Я пропускаю еще два абзаца.

«Находившиеся в здешнем лагере 78 военнопленных были исключительно тяжело раненные. У одних отсутствовали обе ноги, у других — обе руки, у третьих — одна какая-нибудь конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей,

но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы. Последние должны были ухаживать за первыми.

При обследовании воспитательно-трудового лагеря 23 декабря 1942 г. гауптштурмфюрер СС Кальбах отдал распоряжение, чтобы оставшиеся в живых после имевших место смертных случаев 68 или 70 военнопленных подверглись сегодня же «особо режимному» обращению. Для этой цели он выделил грузовую автомашину с шофером эсэсовцем Шефером из управления командующего, который прибыл сюда сегодня в 11 ч. 30 м. Подготовку экзекуции я поручил сегодня ранним утром сотрудникам местного управления унтершарфюрерам СС Фольбрехту и Паалу и ротенфюреру Гессельбаху.

В то время, как экзекуция евреев производилась обычно в пределах рабочего лагеря, правда, в месте, укрытом от взоров содержащихся в лагере, для сегодняшней казни я приказал, считая это целесообразным, избрать подходящее место вне лагеря на пустыре, находившемся за стационарным лагерем.

От упомянутых выше трех лиц, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им, уже в мою бытность, поручался расстрел многих сотен людей...»

Я хотел бы привлечь Ваше внимание к одному моменту, еще раз показывающему, какой смысл вкладывали гитлеровцы в слова «экзекуция» и «особо режимное» обращение. Здесь в одной только фразе поставлены четкие знаки равенства между терминами «массовая экзекуция» и «расстрел», а несколько выше расшифровано, что значит «перевозка на грузовике куда-то поблизости» и «особо режимное» обращение. Бесспорной является полная идентичность всех этих четырех терминов.

После этого отступления я цитирую дальше:

«Из оружия они имели немецкий пистолет-пулемет, русскую самозарядную винтовку, пистолет ОВ и карабин. Хочу еще подчеркнуть, что я намеревался дать в помощь этим трем лицам гауптшарфюрера СС Венцеля, но это было отклонено унтершарфюрером Фольбрехтом, заметившим при этом, что они втроем вполне справятся с этим делом.

По поводу обвинения. Мне не пришло в голову обеспечить проведение обычной экзекуции более многочисленной командой, так как место экзекуции было скрыто от посторонних взоров...»

Председатель: Скажите, пожалуйста, эти слова «по поводу обвинения», они имеются в подлинном документе?

Покровский: Это текст того объяснения, тех показаний, которые моему полицейскому начальству дает лицо, подписавшее документ. Лицам, ответственным за проведение экзекуции,

вменялось в вину, что по их неосмотрительности и небрежности произошло то, что они именуют «инцидентом», и вот по поводу этого «инцидента» они и дают объяснение.

«...По поводу обвинения. Мне не пришло в голову обеспечить проведение обычной экзекуции более многочисленной командой, так как место экзекуции было скрыто от посторонних взоров, а заключенные не были способны к бегству ввиду их физических недостатков.

Приблизительно в 15 часов мне сообщили по телефону стационарного лагеря, что один из сотрудников моего отделения, выполняющий это особое поручение, ранен, а один бежал. Я сейчас же направил на подводе к месту экзекуции гауптшарфюрера СС Венцеля и обершарфюрера СС Фрича. Через некоторое время мне вторично сообщили по телефону из стационарного лагеря, что два сотрудника моего отделения убиты».

Перехожу к части показаний Кноппа, данных им своему полицейскому начальству:

«Я хотел бы еще указать на то, что изложенный мною «инцидент» произошел при второй экзекуции. Ей предшествовал расстрел, примерно, 20 военнопленных, прошедший без инцидентов. Сейчас же, по возвращении, я доложил об этом по телефону командиру в Житомир...

Подпись: *Фриц Кнопп*, штурмшарфюрер СС.

Верно: *Кунтце*, оберштурмфюрер СС».

Следующим был допрошен сам палач.

«...Затем по вызову явился ротенфюрер СС Гессельбах Фридрих, родившийся 24 января 1909 г., уроженец Фейдингена из округа Витгенштейн (Вестфалия), и дал следующие показания:

— Вчера вечером унтершарфюрер СС Пааль сообщил мне, что сегодня я должен принять участие в расстреле военнопленных. Позже я получил также соответствующее задание об этом от гауптшарфюрера СС Венцеля в присутствии штурмшарфюрера СС Кноппа. Сегодня в 8 часов утра мы, гауптшарфюрер СС Бергер, унтершарфюрер СС Пааль, унтершарфюрер СС Фольбрехт и я, приехали на взятой на кожевенном заводе машине с шофером, который был украинцем, на участок, находившийся, примерно, в одном-полутора километрах за лагерем, с семьєю заключенными нашей тюрьмы, чтобы выкопать могилу.

У входа в лагерь по распоряжению Пааля Фольбрехт и я вышли из машины. Этим распоряжением Пааль имел в виду скрыть от содержащихся в лагере наши намерения и не выдать эти намерения присутствием в лагере большого количества сотрудников СС.

Поэтому погрузку пленных в машину производили только я, Пааль и еще несколько полицейских. Первая группа состояла, по распоряжению Пааля, почти исключительно из безногих.

После того, как я расстрелял первых трех заключенных, вдруг услышал наверху крик. Так как четвертый заключенный был как раз на очереди, я быстренько прихлопнул его и, взглянув затем наверх, увидел, что у машины происходит страшная суматоха. Я и до того уже слышал выстрелы, а тут увидел, как пленные разбегались в разные стороны. Я не могу дать подробных данных о происшедшем, так как находился на расстоянии 40—50 метров. Я только могу сказать, что я увидел моих двух товарищей, лежащих на земле, и что двое пленных стреляли в меня и шофера из добытого ими оружия. Поняв, в чем дело, я выпустил оставшийся у меня в магазине четвертый патрон по заключенным, обстреливавшим нас, вставил новую обойму и вдруг заметил, что пуля ударила совсем рядом со мной. У меня появилось такое ощущение, будто бы в меня попали, но потом я понял, что ошибся. Теперь я объясняю это нервным шоком. Во всяком случае я расстреливал патроны второго магазина по беглецам, хотя не мог точно сказать, попал ли я в кого-нибудь из них».

Я могу доложить, что последняя часть показаний Гессельбаха относится к вопросу организации поисков разбежавшихся калек, которые оказались безрезультатными.

Наконец, я хочу процитировать несколько выдержек из документа, идущего в переписке последним. Это — донесение оберштурмфюрера СС Кунтце. Он повторяет, в связи с чем подлежали уничтожению 78 человек после инспектирования лагеря Кальбахом.

«Благодаря своей нетрудоспособности военнопленные представляли... значительный балласт для лагеря... Исходя из этого, гауптштурмфюрер СС Кальбах распорядился, чтобы 24 декабря была произведена экзекуция больных военнопленных.

Ни здесь в управлении, ни в отделении нельзя было установить, по каким именно причинам прежний командир принял этих калек-пленных и отослал их в воспитательно-трудовой лагерь. По-видимому, военные власти предоставили в свое время этих военнопленных в распоряжение здешнего отделения для того, чтобы подвергнуть их «особо режимному» обращению, ибо, они, вследствие своего физического состояния, не могли быть использованы на какой-нибудь работе.

Итак, гауптштурмфюрер СС Кальбах назначил экзекуцию на 24 декабря около 17 часов. Начальник Бердичевского отделения штурмшарфюрер СС Кноп сообщил по телефону, что при выполнении означенной «особо режимной» операции оба работника отделения — унтершарфюрер СС Пааль и унтершарфюрер СС Фольбрехт «подверглись нападению заключенных и были убиты из их собственного оружия...»

Таким образом, из двадцати восьми заключенных четыре были застрелены в могиле, два — при побеге, остальные двадцать два бежали.

Немедленно принятые ротенфюрером СС Гессельбахом меры для поимки беглецов при помощи команды находившегося вблизи стационарного лагеря были целесообразны, но безрезультатны. Все сбежавшие были немедленно объявлены в розысках начальником Бердичевского отделения, о чем были поставлены в известность все полицейские и армейские инстанции. Розыски, однако, будут затруднены тем, что имена бежавших не известны. Имеются лишь имена всех подлежащих «особо режимному» обращению, так что в розыск пришлось объявить и уже казненных и сбежавших.

25 декабря на том же месте под моим руководством была произведена «особо режимная» операция с остальными 20 бывшими военнопленными. Так как можно было опасаться, что сбежавшие заключенные уже успели в короткий срок установить связь с каким-либо партизанским отрядом, то я распорядился о том, чтобы в стационарный лагерь снова послали команду в 20 человек, вооруженную легкими пулеметами и карабинами для охраны окрестностей. Экзекуция прошла без инцидентов».

Надо себе представить, как этих несчастных 20 человек, безруких и безногих, ведут на казнь в сопровождении сильной охраны эсэсовцев и войск, вооруженных пулеметами. Я штирую дальше:

«В качестве меры возмездия я распорядился, чтобы жандармерия сейчас же произвела в прилегающих районах проверку всех уже расконвоированных военнопленных с целью выявления их политической деятельности за время существования советской власти, и чтобы из их рядов было арестовано и подвергнуто «особо режимному» обращению 20 активистов и членов КП».

Для того чтобы закончить с материалом, относящимся к этому чудовищному преступлению гитлеровцев, я хотел бы обратить внимание Трибунала на несколько обстоятельств.

В дальнейшем отправки военнопленных были прекращены в связи с возражениями армии. Я не хочу, чтобы мои слова были истолкованы превратно. Армия не столько возражала против такой отправки, сколько выражала желание, чтобы эти военнопленные, будучи направляемы «куда-то», немедленно получали пристанище.

О каком «пристанище» шла речь, нетрудно догадаться. Это то пристанище, куда, по словам Кноппа, перевозили «на грузовиках куда-то поблизости».

Второе обстоятельство, которое мне кажется важным, — это масштабы злодеяний. Относительно палачей Паала, Гесельбаха и Фольбрехта Кнопф пишет:

«Об упомянутых выше трех лицах, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им, уже в мою бытность, поручался расстрел многих сотен людей».

Было бы неправильным, если бы я не подчеркнул исключительного зверства со стороны Кунтце — этого типичного представителя СС. Двадцать ни в чем не повинных людей, захваченных где попало и как попало, должны быть убиты. За что? Только за то, что они оказались в плену калеками.

Суд, конечно, учтет, что эти 22 инвалида по всем законам, божеским и человеческим, не должны были погибнуть от рук палачей, а должны были находиться под охраной германского правительства как военнопленные.

В высшей степени ценно признание Кунтце относительно мотивов, по которым военные власти направляли инвалидов в лагерь для «особо режимного» обращения. Он прямо говорит, что причиной этого было их физическое состояние, невозможность использовать их на какой-либо работе.

Каторжный режим, сплошной конвейер издевательств и пыток толкали советских людей на такие проявления отчаяния, как нападение на вооруженную до зубов охрану лагеря. Мы знаем о подобных, действительно героических, фактах. Свидетельские показания очевидцев находятся в наших руках.

Я предьявляю Вам собственноручные показания свидетелей Лампа (документ СССР-314), которого Вы допрашивали здесь несколько дней тому назад, и Риболя Фредерика (документ СССР-315). Они поведали о том, что в начале февраля 1945 года в лагере уничтожения Маутхаузене 800 заключенных военнослужащих Красной Армии, обезоружив стражу и прорвав колючую проволоку, через которую был пропущен электрический ток, вырвались из фашистского ада. Ламп показывает, как зверски расправлялись эсэсовцы с теми, кого они смогли поймать. Я процитирую несколько строчек:

«Те, кто вернулся в лагерь, были зверски замучены. А затем видели беглецов, которых вели обратно в блок № 20».

Отвлекаясь от цитаты, я должен доложить, что блок № 20 был блоком смерти.

«Они были избиты, и один был окровавлен. За ними шли человек 10 эсэсовцев, среди которых были 3 или 4 офицера. В руках у них были хлысты, они громко смеялись и, казалось, предвкушали удовольствие увидеть пытки, которым они собирались подвергнуть этих трех несчастных. Мужество восставших и

жестокость репрессий оставили у всех заключенных Маутхаузена неизгладимое воспоминание».

К советским людям фашистские заговорщики относились все с одинаковой ненавистью. Если между ними и возникали какие-либо разногласия, то они касались лишь способов истребления своих жертв. Часть стремилась уничтожить военнопленных немедленно, в то время как другие считали полезным сначала заживо высосать из них всю кровь и силу на заводах, фабриках, военных предприятиях, строительстве военных объектов.

Любая длительная война вызывает нехватку рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве. Фашистская Германия разрешала эту проблему путем ввоза белых рабов и рабынь. Видное место среди этих контингентов занимали военнопленные. Военнопленных направляли на самые тяжелые работы, где они массами гибли от истощения, непосильного труда, голода и зверской расправы со стороны охраны.

Я представляю Вам документ под № ПС-1117 и цитирую из него три абзаца:

«В целях выполнения программы железо-сталелитейной промышленности и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, фюрер 7 июля приказал использовать для этой цели военнопленных».

Я пропускаю несколько фраз, относящихся к технике этого вопроса, и цитирую пункт второй этой директивы:

«2. Всех советских военнопленных, захваченных с 5 июля 1943 г., из лагерей ОКВ направлять для генерального уполномоченного по рабочей силе с тем, чтобы последний мог их в первую очередь использовать в угольной промышленности».

Очень важен четвертый пункт. В нем содержится прямая директива о том, как превращать в военнопленных всех мужчин в возрасте от 16 до 55 лет.

«4. Всех лиц мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет, захваченных в боях с партизанами в районе военных операций, расположения войск восточных комиссариатов, генерал-губернаторства и на Балканах, считать военнопленными. То же самое относится к мужчинам во вновь оккупированных областях на Востоке. Они должны будут посылаться в лагерь для военнопленных и оттуда направляться на работу в Германию».

Второй документ под № ПС-744, исходящий от начальника ОКВ 8 июля 1943 г., дублирует эту директиву. Документ подписан Кейтелем. К тексту подписанного Кейтелем документа (§ 4) имеется примечание. Оно адресовано всем высшим инстанциям СС и подписано Гиммлером. Текст его уже был оглашен 20 декабря 1945 г. Поэтому я напомним лишь содержание. Речь шла о порядке направления детей, старух, стариков и

женщин молодых возрастов. Гиммлер указывает, как и каким порядком через ведомство Заукеля они должны направляться в Германию. И в этом случае Гиммлер, Кейтель, Заукель выступают как одно целое в трех лицах.

Я считаю весьма важным документ, который мы предъявляем Вам под № СССР-354. Это отчет о лагере для военнопленных в Минске. Он исходит из канцелярии Розенберга и составлен 10 июля 1941 г. в Берлине.

Председатель: Скажите, пожалуйста, он уже представлялся в качестве доказательства?

Покровский: Этот документ не оглашался.

Я позволю себе процитировать несколько выдержек.

«В лагере военнопленных, в Минском отделении, на территории размером с Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключенных. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят. Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат в количестве, составляющем роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет».

Далее авторы документа сетуют на невозможность произвести отбор пленных в физическом и расовом отношении для разного рода тяжелых работ. После того, как было приступлено к такому отбору, на второй день это мероприятие было запрещено. Я цитирую:

«...Со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому вопрос о предоставлении заключенных для работы фельдмаршал решает сам».

29 января 1943 г. за подписью главнокомандующего сухопутными силами были даны указания относительно «Права необходимой обороны, применительно к военнопленным». Это документ ПС-696; мы представляем его под № СССР-355, так как он не оглашался. Он начинается так:

«Военными органами и органами национал-социалистской партии неоднократно выдвигался и ставился вопрос относительно обращения с военнопленными в связи с тем, что они считаются предусмотренные в соглашении от 1929 года возможности наказания недостаточными».

В документе разъясняется, что для всех военнопленных, кроме советских, прежнее указание остается в силе. Для советских же военнопленных действует распоряжение отдела военнопленных ОКВ № 389/42с от 24 марта 1942 г.

Второй документ — это циркуляр партийной канцелярии нацистской партии, имеющий № 12/43с. Циркуляр исходит от руководителя партийной канцелярии Бормана и подписан им 12 февраля 1943 г.

Циркуляр разослан имперским руководителям, гаулейтерам, командирам соединений. В нем сообщается о секретном указании начальника главного штаба за № 3868/42с.

Таким образом, еще раз полностью доказано, что за все зверства в отношении советских военнопленных несут одинаковую ответственность и руководство нацистской партии и военное командование.

В отношении всех военнопленных, кроме советских, сохраняют силу указания устава военно-морского флота, а в отношении советских военнопленных «...действует распоряжение ОКВ», о котором я уже говорил.

И в этом вопросе с абсолютной бесспорностью устанавливается единая преступная линия и руководства нацистской партии и ОКВ, как я уже доложил Трибуналу.

До нас дошла служебная записка за подписью Ламмерса. Этот документ имеет № ПС-073.

Мы предъявляем его под № СССР-361. Он не оглашался. В документе сказано:

«Военнопленные являются иностранцами... В соответствии с этим руководство всеми невоенными делами военнопленных и сосредоточено в министерстве иностранных дел...»

Я пропускаю несколько фраз.

«...Исключением из этого правила являются советские военнопленные, которые подчинены министру по управлению оккупированными областями Востока, так как в отношении их не действует Женевская Конвенция и они занимают особое политическое положение».

В связи с этой позицией я предъявляю Вам под № СССР-356 немецкий документ. Это заметки, составленные в управленииграничной контрразведки 15 сентября 1941 г. для «господина начальника штаба ОКВ». Я оглашу несколько выдержек:

«Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились в XVIII столетии в том направлении, что военный плен не является ни мстостью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленному в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник

заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения.

Имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок...

В целях экономии времени я пропускаю ряд фраз и оглашаю конец абзаца:

«...А также устраняют и многое другое, что до сих пор в соответствии с опытом считалось не только целесообразным с военной точки зрения, но и обязательным в целях поддержания воинской дисциплины и боеспособности собственных войск.

Распоряжения составлены в самых общих выражениях. Но если иметь перед глазами господствующую над ними основную тенденцию, то допускаемые «распоряжениями» меры должны привести к произвольным безнаказанным убийствам, хотя формально произвол и был бы запрещен.

Это видно, например, из правил применения оружия в случае неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных; сплошь и рядом невозможно будет распознавать, является ли неисполнение приказа результатом недоразумения или неповиновения. Основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается «правомерным», освобождает караульных от всякой обязанности разбираться в этом».

Я пропускаю еще два абзаца, как не имеющие отношения к интересующим нас вопросам, и цитирую дальше:

«Организация лагерной полиции, вооруженной палками, кнутами и т. п. оружием, противоречит военным воззрениям, даже если эта работа и выполняется заключенными. Кроме того, органы вооруженных сил передают тем самым средства наказания в чужие руки без того, чтобы иметь в виду возможность действительно проверить их применение».

Я хочу процитировать еще одну фразу, взятую из пункта пятого этих заметок.

«В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных».

Документ этот подписан начальником заграничной контрразведки адмиралом Канарисом. К нему приложены распоряжения об обращении с советскими военнопленными...

В свете оглашенных документов, а также протеста германских военнопленных лагеря № 78, из которого видно, как гуманно обращалось советское командование с военнопленными из состава германской армии, бесстыдным издевательством

звучит фраза из приложения № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД относительно обращения с советскими военнопленными. Эта фраза может быть Вами прочитана в документе, который я предъявляю Трибуналу под № СССР-3:

«Большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской Конвенцией».

Прошу Трибунал запомнить, что в приложении № 2 к приказу ставки командования германской армии № 11, датированному 7 октября 1941 г., имеется и такая директива:

«Деятельность зондеркоманд с санкции командующих тылом армейской группы (районных комендантов по делам военнопленных) должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась по возможности незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих пересыльных лагерей и населенных пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению».

Вот какие перевозки военнопленных «куда-то на грузовиках неподалеку» имел в виду квалифицированный палач Кунтце, когда отчитывался перед своим начальством по поводу «инцидента при экзекуции 28 военнопленных инвалидов».

В числе документов, предъявляемых советской делегацией Трибуналу, имеются материалы о расстреле 7 апреля 1945 г. на кладбище Зельхорст (Ганновер) 150 военнопленных и советских граждан. Мы предъявляем эти материалы под № СССР-112. Они состоят из ряда показаний, в том числе показаний офицера Красной Армии Петра Пальникова, который спасся от расстрела. Они предоставлены в наше распоряжение американскими следственными органами. Там имеются показания и других лиц из местного населения, которые были допрошены под присягой американскими следственными органами. Свидетельские показания подкреплены медицинским отчетом по эксгумации трупов из могил на кладбище Зельхорст. Кроме того, мы предъявили фотографии, удостоверенные надлежащим образом.

Я не буду оглашать всех этих документов, а только отмечу, что 167 трупов, которые были эксгумированы, были специально отмечены в заключении комиссии в том смысле, что по ним можно было судить о «недостаточном питании в очень большой степени».

Мне важно подчеркнуть это обстоятельство, чтобы у Суда была абсолютная ясность относительно условий питания советских военнопленных в самых различных лагерях. Вне зависимости от того, на территории какого оккупированного государства находился лагерь, советских военнопленных морили голодом с одинаковой жестокостью и последовательностью.

К тому моменту, когда я докладываю Вам о гитлеровских зверствах в отношении военнопленных, мы располагаем некоторыми приговорами судов над фашистскими преступниками, которые совершили свои преступления на временно оккупированных территориях. Под № СССР-87 я передаю Трибуналу как доказательство в соответствии со статьей 21 Устава приговор военного трибунала округа. Он вынесен 19 декабря 1945 г. в городе Смоленске. Трибунал осудил к разным мерам наказания, начиная от 12 лет каторжных работ до смертной казни через повешение, 10 гитлеровцев — непосредственных виновников многочисленных злодеяний в городе Смоленске и Смоленской области.

Я не буду оглашать документ в целом, но докладываю Суду, что на страницах 4, 5 и 6 приговора содержатся сведения о том, как в результате псевдонаучных экспериментов над военнопленными лица, имевшие, к стыду для медицины, звание немецких профессоров и врачей, мучили и умерщвляли путем заражения крови советских военнопленных.

Там говорится далее, как в результате варварских распоряжений со стороны немецких охранников в пути следования советских военнопленных из города Вязьмы в Смоленск было уничтожено до 10 тысяч полуживых, истощенных людей. Именно это место, именно эти сведения Вы найдете в пункте третьем приговора. В приговоре отражены массовые, систематические расстрелы военнопленных в лагере № 126 в городе Смоленске при переводе военнопленных в лазарет. Приговор отмечает факты расстрела военнопленных, которые в силу истощения не могли больше работать.

Теперь я хотел бы перейти к вопросу о гитлеровских зверствах, совершенных ими по отношению к военнослужащим чехословацкой, польской и югославской армий. В Обвинительном акте по данному делу в числе тягчайших преступлений, за которые отвечают главные военные преступники, указан массовый расстрел немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (вблизи Смоленска) военнопленных поляков. Я предъявляю Трибуналу как доказательство этого злодеяния официальные материалы Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела. Эта Комиссия состояла из академиков Бурденко и Алексея Толстого, Митрополита Николая, председателя Всеславянского Комитета генерал-лейтенанта Гундорова, председателя Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесникова, Народного комиссара просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики академика Потемкина, начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковника Смирнова и председателя Смоленского

областного исполнительного комитета Мельникова. Для участия в своей работе Комиссия привлекла судебно-медицинскую экспертизу из наиболее авторитетных специалистов.

Потребовалось бы слишком много времени, чтобы полностью огласить тот подробный и обстоятельный документ, который под № СССР-54 я представляю Вам как результат расследования. Поэтому я позволю себе огласить лишь небольшие, сравнительно, выдержки:

«Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов, тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами...

...Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше ста опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 года включительно.

2. В Катынском лесу осенью 1941 года производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей.

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стояли оберстлейтенант Арнес¹ и его сотрудники обер-лейтенант Рекс, лейтенант Хотт.

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 года немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчете поссорить русских с поляками.

5. В этих целях:

¹ Как было установлено Трибуналом, подполковник (оберстлейтенант) Арнес. — Составители.

а) немецко-фашистские захватчики путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добывались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 года;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 года свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работы по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 года;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Красномдаре и в том же Смоленске.

В пункте седьмом общих выводов Комиссии сказано:

«Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 года полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил.

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов».

Затем следуют подписи всего состава Комиссии.

Катынью не исчерпываются гитлеровские преступления против военнослужащих польской армии. В Польском правительственном докладе, который был предъявлен мною под № СССР-93, мы находим ряд доказательств нарушения гитлеровскими заговорщиками элементарных норм международного права в отношении законов и обычаев войны. На странице 36 этого доклада мы находим в качестве самостоятельного пункта собранный материал об издевательствах над военнопленными и их истреблении. В докладе сказано:

«По мере возвращения польских офицеров и других чинов из германских лагерей для военнопленных поступает все больше подробностей относительно условий, господствовавших в немецких лагерях. Все эти детали доказывают несомненно генераль-

ную линию политики, инструкций и приказов в отношении польских военнопленных. Плохое обращение, лишения и нечеловеческие условия были общими явлениями, убийства и причинение тяжелых телесных повреждений весьма часты. Ниже приведены примеры, которые были установлены показаниями свидетелей, подкрепленными присягой».

Я позволю себе огласить несколько примеров из числа приведенных в Польском докладе. В качестве первого примера я могу изложить описание факта, имевшего место во временном лагере для военнопленных в городе Бельске.

«10 октября 1939 г. комендант лагеря созвал всех заключенных и приказал тем, которые боролись в польской армии в качестве добровольцев, поднять руку. Трое военнопленных сделали это. Их немедленно вывели из шеренги, поставили на расстоянии 25 метров от группы немецких солдат, вооруженных пулеметом. Комендант приказал стрелять. Затем комендант обратился к оставшимся в живых и сказал, что три добровольца были казнены для примера».

Осенью 1939 года в Кунау, вблизи Сагана, у реки Бобер, притока Одера, был устроен лагерь «Шталаг-VIII-C». Показания свидетелей из числа находившихся в этом лагере рисуют следующее:

«Лагерь в Кунау представлял открытое пространство, огороженное колючей проволокой, с большими палатками для 180—200 человек каждая. Несмотря на сильный холод (минус 25 градусов по Цельсию), в декабре 1939 года там не было вовсе отопительных приспособлений. Вследствие этого жители отмораживали себе руки, ноги и уши. Так как у пленных не было покрывал и их изношенные мундиры не защищали от холода, возникали болезни, а дурное питание вызывало полное изнурение. Вдобавок зрители третировали беспрестанно заключенных. Их били по любому поводу, ломая ребра и руки и выбивая глаза.

Это нечеловеческое обращение было повсюду нескольких случаев самоубийства и помешательства среди солдат».

Я считаю возможным перейти сразу к общим выводам и огласить с этой целью пункт «ж» документа.

«Обращаясь с польскими военнопленными описанным способом, отдельные лица, как и военные власти Германии, самым явным образом нарушили постановления статей 2, 3, 9, 10, 11, 29, 30, 50 и 54 Женевской Конвенции 1929 года. Упомянутая Конвенция была ратифицирована Германией 21 февраля 1934 г.».

Военнослужащие югославской армии, попадавшие в плен к немецким войскам, становились объектами самого разнузданного произвола со стороны фашистских захватчиков. Издева-

тельства, пытки и мучения, а также массовые казни были введены в систему. Гитлеровские преступники и в этом случае прекрасно отдавали себе отчет в том, что они творят.

Для того чтобы в какой-то степени обелить себя в глазах мирового общественного мнения, они во всех документах, связанных с уничтожением военнопленных югославов, именуют офицеров и солдат югославских вооруженных сил «бандитами».

На странице 23 Югославского правительственного сообщения, во втором абзаце снизу, по этому поводу сказано. Я цитирую документ под № СССР-36:

«...Повсюду, где немцы использовали в качестве предлога для уничтожения гражданского населения (женщин, детей и стариков) так называемые действия против «банд и бандитов», речь шла о военных действиях против соединений югославской национально-освободительной армии и партизанских частей...»

Части национально-освободительной армии под военным командованием и с четкими военными знаками различия вели вооруженную борьбу с фашистскими оккупантами и пользовались при этом полным признанием всех союзников. Впрочем, мы позднее увидим, что само германское командование в некоторых своих документах ясно признало этот факт, но в своем отношении к югославским борцам оно продолжало безудержно нарушать положения международного военного права».

В качестве дополнительного подтверждения сообщения, оформленного в соответствии со статьей 21 Устава как доказательство по делу, я представляю Суду еще один документ под № СССР-305 (Ю-68). Это выдержка из сообщения Югославской государственной комиссии по установлению преступлений оккупантов и их сообщников. Государственная комиссия сообщает, что в ее распоряжении имеется секретный доклад генерал-лейтенанта Геслина, командира 188-й германской запасной горно-стрелковой дивизии, за № 9070/44. Доклад имеет огромное значение в силу следующих соображений, о которых я Вам доложу словами документа СССР-305. Я цитирую:

«Хотя в докладе наши дивизии, бригады и дивизионы называются их настоящими именами и настоящими номерами — в случае боевого столкновения с ними, — однако, вся наша армия в этом докладе именуется общим именем «бандиты» и притом по той простой причине, что таким образом они стремятся отнять у нас права воюющей стороны, иметь право расстреливать военнопленных, убивать раненых и иметь повод для репрессивных мер против неборющегося, мирного населения из-за предполагаемого содействия «бандитам».

Генерал-лейтенант Геслин признал, что боевая группа полковника Кристеля после «столкновения ночью со слабыми силами бандитов», — так дословно говорится в докладе, — сожгла

деревни Ласковица, Лазна, Локва, Чепова и уничтожила один госпиталь...»

В докладе генерала Геслина говорится далее, что дивизия вместе с 3-м Бранденбургским полком и другими немецкими полицейскими соединениями принимала участие в «свободной охоте на бандитов в окрестностях Клана (мероприятие «Эрнст»)...»

Я представляю Вам документ за № СССР-132 (Ю-67). Это заверенная Югославской государственной комиссией выдержка из указаний генерал-майора Кюблера о поведении войск при наступлении. Я оглашаю эти выдержки:

«Секретно. 118-я истребительная дивизия, отдел 1-С, № 1418/43 — секретно. Дивизионная штаб-квартира. 12 июня 1943 года. Указания о поведении войск при наступлении...»

п. 2. Пленные: тот, кто открыто участвовал в боях против вооруженных сил Германии и попал в плен, подлежит после допроса расстрелу».

Я передаю, далее, Трибуналу документ СССР-304 (Ю-56). Под этим номером зарегистрирована выдержка из сообщения № 6 Югославской государственной комиссии по установлению преступлений оккупантов и их сообщников.

В последнем абзаце документа СССР-304 сказано:

«3 мая 1945 г. немцы привезли из одной партизанской больницы 35 связанных больных и санитаров; 10 больных, которые не могли передвигаться, были поставлены, расстреляны, сложены в кучу, покрыты дровами и подожжены».

Под № СССР-307 (Ю-73) я представляю Вам еще одну выдержку из сообщения № 6 той же государственной комиссии, «Сообщения о преступлениях оккупантов и их сообщников». Я процитирую сейчас часть выдержки:

«5 июня 1944 г. ...гитлеровские преступники взяли в плен двух солдат югославской освободительной армии и словенских партизанских отрядов. Они привезли их в Разори, где отрезали им штыками носы и уши, выкололи им глаза и потом спросили их, могут ли они теперь видеть товарища Тито? Вслед за этим они созвали крестьян и отрубили обеим жертвам головы... Обе головы они поставили на стол...»

По своему обыкновению фотографировать трупы своих жертв, фашисты произвели фотосъемку, и, как далее говорится в цитируемой мной выдержке, «позднее, во время боев, эти фотокарточки были взяты у убитого немца. По ним видно, что они относятся к вышеупомянутому происшествию в Разори».

Трибуналу будут предъявлены эти снимки среди других югославских фотодокументов.

Я предъявляю Вам под № СССР-65/А (Ю-69) объявление за подписью командира отрядов СС и полиции в 18-ом военном

округе группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Резенера.

Часть этого объявления я оглашу. Вы увидите, что взятых в плен бойцов югославских вооруженных сил вешали и расстреливали.

«В связи с боевыми действиями между полицейскими отрядами... за последнее время в бою расстреляно 18 бандитов и взято много пленных.

Из числа пленных 30 июня 1942 г. в Штейне были публично повешены следующие бандиты...»

Далее в объявлении, которое я не зачитываю, следуют фамилии восьми югославских бойцов — мужчин в возрасте от 21 до 40 лет. На странице 36 нашего документа СССР-36, в первом абзаце снизу, читаем:

«Подобные сведения мы встречаем в захваченных протокольных записях совещаний штаба гаулейтера Юберрейтера...»

Так, например, в протоколе от 23 марта 1942 г. говорится:

«...Сегодня в Марбурге казнено 15 бандитов...» (Я пропускаю несколько фраз.) В протоколе от 27 июля 1942 г. записано: «За последнее время расстреляно много участников банд». В протоколе от 21 декабря 1942 г. имеется место: «... С начала деятельности банд, с июля 1941 года, полиция порядка уничтожила 164 бандита, а в порядке чрезвычайных мероприятий уничтожено 1043». В протоколе от 25 января 1943 г. записано: «Количество участников банд, ликвидированных полицией безопасности и полицией порядка 8 января 1943 г., составляет 86, включая раненых и взятых в плен. Из них 77 предано смертной казни».

Такие записи встречаются в каждом протоколе совещаний Юберрейтера».

Некоторая часть военнопленных, которая избежала немедленного уничтожения, направлялась в специальные лагеря и постепенно истреблялась путем голода и самой изнурительной работы. Я оглашаю последний абзац страницы 37 Югославского правительственного доклада, уже упоминавшегося мной и предъявленного мной под № СССР-36:

«Такой лагерь был создан в 1942 году в Ботене у Рогнана. Сюда было сослано около тысячи югославских военнопленных. Через несколько месяцев все до последнего человека погибли от болезней, голода, телесных истязаний и расстрелов. Ежедневно они были обязаны выполнять самые тяжелые работы на строительстве дорог и плотин. Рабочий день длился с рассвета до шести часов вечера в ужаснейших климатических условиях крайнего севера Норвегии. Во время работ военнопленные непрерывно избивались. В лагерях они подвергались непрерывным ужасным издевательствам. Так, например, в августе 1942 года германские лагерные власти приказали всем пленным уни-

чтожить все волосяные покровы в подмышечных впадинах и на половых органах. Тем, кто этого не сделает, грозил расстрел. Хотя они знали, что у пленных не было никаких бритвенных принадлежностей, они не выдали им их. Пленные были вынуждены вырывать себе и друг другу волосы всю ночь. Несмотря на это, немецкие часовые утром расстреляли четырех и ранили трех пленных.

26 ноября 1942 г. немецкие солдаты ворвались в лазарет, вывели во двор 80 больных пленных, раздели их, несмотря на страшный мороз, и всех расстреляли.

26 января 1943 г. от избиений в страшных муках умерло 50 пленных. В течение всей зимы много военнопленных было уничтожено следующим образом: совершенно голые, они закапывались наполовину в снег и поливались сверху водой. Немцы делали из них «ледяные статуи». Установлено, что всего в этом лагере различными способами уничтожено 880 югославских военнопленных».

Далее, на странице 38 Югославского правительственного доклада содержатся сведения о расстреле югославских пленных в лагере Байсфьорд. После того как 10 июля 1942 г. в этом лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа и охватила шесть лагерей, немцы не нашли другого способа борьбы с эпидемией, как поголовный расстрел всех больных. Это было сделано 17 июля 1942 г.

На той же странице имеется ссылка на норвежское сообщение от 22 января 1942 г., составленное на основании показаний бежавших норвежских охранников лагеря Байсфьорд, где сказано, что из 900 югославских пленных было расстреляно 320 человек, а остальные с целью изоляции были переведены в другой лагерь — Бьерфель. Я оглашаю страницу 38 документа за № СССР-36, начиная с пятого абзаца снизу.

«Когда и здесь вспыхнул сыпной тиф, то в течение пяти-шести недель немцы ежедневно расстреливали по 12 человек. В конце августа 1942 года в Байсфьорд возвратилось всего 350 заключенных. Германские части СС продолжали уничтожение. Наконец, в живых осталось 200 человек, которых перевели в Озен».

Я пропускаю два абзаца и перехожу к последнему на той же странице:

«22 июня 1943 г. в Норвегию прибыл транспорт с 900 югославскими пленными. Эшелон состоял из интеллигентов, рабочих и крестьян, которые частично были пленными бывшей югославской армии, частично пленными партизанами и так называемыми «политически подозрительными элементами». Около 400 человек были помещены в не полностью отстроенный лагерь Корген. Вторая группа, около 500 человек, — в 10—12 километрах от

него, в Озен. Комендантом обоих лагерей был штурмбанфюрер СС Дольпс с июня 1942 года по конец марта 1943 года...

...Люди постепенно умирали от голода. В бараках, предназначенных для шести человек, было помещено по 45 человек... Не было никаких лекарств... Они работали... в тяжелых условиях... на шоссейных дорогах, в сильный мороз, без одежды и головных уборов, в дождь и бурю по 12 часов в сутки... В лагере Озен военнопленные спали в одних рубашках, без кальсон, без одеял, на голых досках. Дольпс лично осматривал и контролировал бараки. Военнопленных, которые спали в кальсонах, расстреливал на месте из своего автомата. Так же он поступал с теми, кто во время проверки в шеренге, которую он проводил, оказывался в грязном нижнем белье... В конце 1942 года из первой группы в четыреста пленных в Коргене в живых осталось только 90 человек... Из 500 пленных, поступивших в конце июня 1942 года в Озен, к марту 1943 года осталось в живых только 30 человек».

Я перехожу к оглашению выдержки со страницы 39 документа под № СССР-36, начиная с третьего снизу абзаца:

«Наряду с этим жесточайшим обращением с военнопленными борцами национально-освободительной югославской армии и партизанских частей немцы, вопреки международному праву и в явном противоречии с положениями Женевского Соглашения об обращении с военнопленными от 1929 года, так же жестоко обращались с югославскими военнопленными старой югославской армии.

В апреле 1941 года, непосредственно после оккупации югославской территории, немцы угнали в Германию как военнопленных около 300 тысяч солдат и офицеров. Югославская государственная комиссия располагает многочисленными доказательствами об издевательствах и противозаконном обращении с этими военнопленными. Здесь же приведем несколько примеров:

14 июля 1943 г. в офицерском лагере «СС» в Оснабрюке были выделены 740 военнопленных югославских офицеров и переведены в специальный штрафной лагерь, носивший название «Лагерь Д». Здесь их разместили в четырех бараках. Им было запрещено всякое соприкосновение с остальными отделениями лагеря. Обращение с ними еще больше противоречило международным соглашениям, чем обращение с прочими военнопленными. В этом штрафном лагере находились все те, которых немцы причисляли к приверженцам национально-освободительного движения. Часто в отношении их применялись меры массового наказания.

Немцы играли жизнью военнопленных и часто расстреливали их из прихоти. В лагере Оснабрюк 11 января 1942 г. немецкий часовой начал стрелять в группу военнопленных и при этом тя-

желю ранил капитана Пэтра Ножинича; 22 июля 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров; 2 сентября 1942 г. часовой выстрелил в югославского старшего лейтенанта Владислава Вайса, который вследствие этого ранения надолго стал инвалидом; 22 сентября 1942 г. часовой с наблюдательной вышки стал стрелять в группу офицеров; 18 декабря 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров, наблюдавших из окна своего барака за проходившими английскими военнопленными; 20 февраля 1943 г. часовой выстрелил в военнопленного офицера только за то, что он курил; 11 марта 1943 г. часовой открыл огонь по двери барака и убил военнопленного генерала Дмитрия Павлевича; 21 июня 1943 г. часовой выстрелил в югославского подполковника Бранко Попанича; 26 апреля 1944 г. немецкий унтер-офицер Рихардс выстрелил в старшего лейтенанта Владислава Гайдера, который вскоре после этого умер от ран.

26 июня 1944 г. немецкий капитан Кунце выстрелил в двух югославских офицеров и тяжело ранил старшего лейтенанта Дьорьевич.

Вся эта стрельба велась без всякого основания и без всякой причины. Она была результатом жестоких приказов германского коменданта лагеря, согласно которым оружие применялось даже при самых незначительных проступках.

Все перечисленные случаи произошли в одном и том же лагере, но та же самая картина имела место во всех остальных лагерях для военнопленных югославских офицеров и солдат».

В Чехословацком правительственном докладе приводится факт, который я хочу доложить Вам. Он характерен не тем, что вносит что-либо новое в освещение методов фашистских злодеяний, а тем, что имел место тогда, когда гитлеровцы уже совершенно отчетливо понимали, что они доживают последние дни. Этот факт описан в четвертом приложении к Чехословацкому правительственному докладу, и я изложу его вкратце своими словами.

В Гавличковом Броде имелся аэродром, где размещались военные учреждения, а в бывшем убежище для умалишенных находился лазарет СС. Когда встал вопрос об оформлении сдачи немецких военных частей, находившихся на аэродроме (в 1945 году), туда направились в качестве официальных представителей чешской армии штабс-капитан Сула с одним из своих сослуживцев. Ни один из них не вернулся. Несколько позднее аэродром и госпиталь были взяты чешскими национальными частями, и было произведено расследование. Оказалось, что парламентарии, а также ранее исчезнувшие в Гавличковом Броде шесть человек были приведены немцами в госпиталь СС, где их подвергли жестоким пыткам, в частности, штабс-капитану Суле был вырезан язык, выколот глаз и разрезана грудь.

С остальными поступили подобным образом. У большинства из них были вырезаны половые органы.

В подтверждение этого факта имеются фотодокументы, которые я представляю Суду.

Мой доклад занял несколько часов. Ни этого времени, ни слов, имеющихся в запасах человеческой речи, конечно, недостаточно, чтобы сказать о тысячной доле страданий всех воинов моей Родины и других демократических государств, которые имели несчастье оказаться во власти фашистских палачей.

Я мог лишь в самом сжатом виде показать Вам, как осуществлялись людоедские фашистские директивы об издевательствах над военнопленными, об их массовом истреблении способами, перед которыми бледнеют ужасы средневековья.

Мы попытаемся хотя бы несколько восполнить пробел. Перед Вами пройдут десятки тысяч свидетелей. Они вызваны в зал Суда по этому делу. Я не могу назвать их имен, и Вы не приведете их к присяге, но их показаниям нельзя не верить, ибо мертвые никогда не лгут. Значительная часть тех фильмов о немецких злодеяниях, которые Вам будут предъявлены советским обвинением, относятся к преступлениям против военнопленных. Немое свидетельство заживо сожженных в госпиталях, истерзанных до неузнаваемости пытками, замученных голодом — я уверен в этом — будет сильнее любых моих слов.

Враг вероломно напал на нашу страну. Люди взяли в руки оружие, чтобы защищать Родину, ее свободу, независимость, честь и жизнь своих семей. Они стали в ряды воинов. Они воевали. Некоторые из них оказались во власти врага. Посмотрите, как надругался враг над ними, когда в их руках уже не было оружия.

Так пусть за мучеников, за неопишуемые зверства, которые Вы увидите сами, и за многие подобные, о которых, вероятно, не узнает уже никто, ответят по всей строгости Закона Международной Справедливости главные виновники фашистских злодеяний — главные военные преступники.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Л. Н. СМЕРНОВЫМ ОБ УБИЙСТВЕ 50 БРИТАНСКИХ ОФИЦЕРОВ-ЛЕТЧИКОВ

*[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 26 февраля 1946 г.]*

Я прошу Суд в качестве одного из доказательств преступлений гитлеровцев в концлагерях для военнопленных принять материалы, которые я хотел бы предъявить Суду по просьбе наших уважаемых британских коллег. Советское обвинение тем более охотно выполняет эту просьбу, что считает материалы британского обвинения имеющими существенное значение для доказательства преступного погрома главными гитлеровскими военными преступниками законов и обычаев войны, принятых в обращении с военнопленными всеми цивилизованными народами. Я прошу Суд приобщить к материалам процесса представляемые мною под № СССР-413 документы британского обвинения, касающиеся жестокого убийства 50 пленных офицеров-летчиков королевских воздушных сил, захваченных после массового побега из лагеря военнопленных «Люфт-3» в Сагане и расстрелянных немецкими преступниками после их задержания в ночь с 24 на 25 марта 1944 г. Эти документы состоят из официального отчета о преступлениях гитлеровцев за подписью Чаркотта, командира бригады, представителя военных британских властей, и приложенных к нему протоколов следственного суда, имевшего место в Сагане по приказу старшего британского офицера в лагере для военнопленных «Люфт-3».

Кроме того, к материалам приложены показания следующих свидетелей союзных стран: подполковника военно-воздушных сил Дея, капитана авиации Тондера, капитана авиации Добзе, капитана авиации Вак-Вимерша, капитана авиации Грина, капитана авиации Маршалла, капитана авиации Нельсона, капитана авиации Черчилля, капитанов Нили и Хикса.

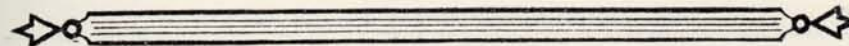
Материалы расследования подтверждены также показаниями, данными следующими немцами: генерал-майором Вестгофом,

высшим правительственным советником и советником по вопросам уголовного права Вилем, полковником фон Линдейнером. К материалам приложен также фотостат официального списка погибших, переданного германским министерством иностранных дел швейцарской дипломатической миссии в Берлине, и отчет представителя державы, представляющей интересы воюющей стороны, о посещении им лагеря для военнопленных «Люфт-3» 5 июня 1944 г.

Кратко излагаю обстоятельства этого подлого преступления гитлеровцев, цитируя отчет командира бригады Чаркотта.

«В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. 76 офицеров британских воздушных сил бежали из лагеря для военнопленных «Люфт-3» в Сагане, в Силезии, где они были заключены как военнопленные. Из них 15 были вновь схвачены, 3 окончательно спаслись, а 8 человек были задержаны гестапо после поимки».

Германские власти заявили, что 50 офицеров были якобы застрелены при попытке к бегству. На самом же деле это утверждение было очередной ложью гитлеровцев, так как тщательно произведенным британскими военными властями расследованием с бесспорностью установлено, что британские офицеры-летчики были подло убиты уже после задержания их германской полицией.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ Ш. ДЮБОСТОМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 30 января 1946 г.]

...Другая сторона вопроса в этой политике террора и уничтожения выявляется при рассмотрении военных преступлений, совершенных Германией в отношении военнопленных. Эти преступления, как Вам будет доказано, преследовали две цели. Первая из них — максимально унижить узников, чтобы подорвать в них энергию, деморализовать их, заставить их сомневаться в самих себе, правоте дела, за которое они воевали, и вызвать у них разочарование в будущем, которое ожидает их родину. Вторая цель заключалась в уничтожении тех военнопленных, которые своими предшествующими действиями или тем, как они себя проявили, находясь в плену, показали, что они являются неприемлемыми для нового порядка, который нацисты хотели установить.

С этой целью Германия усугубила бесчеловечность обращения, стремясь максимально ухудшить условия лиц, содержащихся в заключении; этими лицами были солдаты, верившие при сдаче в плен в чувство военной чести у армии, которой они сдавались. Военнопленных перевозили в бесчеловечных условиях. Солдат плохо кормили, заставляли проходить пешком очень большие расстояния, подвергали при этом всякого рода издевательствам; убивали, когда они уставали и не были в состоянии следовать в колонне. Во время этих переходов по этапу не предусматривалось никакого места для ночлега и никакого снабжения. Доказательством этого служит отчет о перегоне партии военнопленных, которая отправилась из Сагана 8 февраля 1941 г. в 12 ч. 30 м. дня. Этот документ был предъявлен моим коллегой господином Герцогом под № РФ-46. Обращаюсь к другому документу:

«1300 английских военнопленных всех рангов, которые двинулись тремя колоннами, вышли 28 января 1945 г. пешком из Шталага-9—III. Они проходили в этапном порядке до Штремберга от 27 до 31 км в день. Из Штремберга их направили в Лукенвальд. Во время перехода продуктов питания, воды, медикаментов, а также соответствующего ухода в большинстве случаев совершенно не было. По меньшей мере трое военнопленных должны были остаться в Мускау».

В конце страницы, третья строка снизу:

«31-го числа они покрыли расстояние в 31 км, отделявшее их от Мускау. Во время этого перехода выбыли из строя три человека: лейтенанты Килли, Уайз и Бэртон, которых пришлось оставить в госпитале».

Страница 2, в самом конце документа:

«Во время перехода, кроме посылок Красного Креста, о которых речь шла ранее, единственным питанием, которое выдавали военнопленным, были ячменная похлебка и полбулки на каждого. Снабжение водой было предоставлено воле случая. Пятнадцать человек пропало без вести. Колонна французских и бельгийских военнопленных была поставлена в еще более тяжелые условия.

Форты в лагере находились в состоянии, нарушающем все правила гигиены; военнопленные были согнаны в очень небольшое помещение, им не хватало воды и топлива; в Шталаге III-C они были размещены по 30—40 человек в одной комнате» (показания Будо).

Показания господина Будо фигурируют в отчете, который был также вручен Вам ранее господином Герцогом. Аналогичные выводы вытекают из отчетов Красного Креста.

Бергер, назначенный по указанию Гиммлера с 1 октября 1944 г. уполномоченным по делам военнопленных, признал на допросе, что питание военнопленных было далеко не удовлетворительным.

Второй абзац:

«Я посетил лагерь к югу от Берлина, названия которого я не помню; быть может, я вспомню его позднее. Тогда я понял, что снабжение продовольствием совершенно неудовлетворительно, и это вызвало очень резкий разговор между Гиммлером и мной. Гиммлер был решительно против того, чтобы посылки Красного Креста продолжали раздавать в лагерях военнопленных в том же количестве, что и до сих пор. Со своей стороны я считал, что со временем это сильно отразится на здоровье лиц, о которых идет речь».

Мы представляем документ ПС-826, который идет под № РФ-356. Этот документ исходит из главной ставки Гитлера и представляет собой отчет о посещении Норвегии и Дании.

Вы найдете его на странице 7 предъявленной Вам книги документов. Читаю третий абзац:

«Все военнопленные в Норвегии получают продовольствие, позволяющее им лишь существовать, не работая. Однако рубка леса требует от военнопленных такой затраты энергии, что в случае, если снабжение продовольствием не улучшится, следует ожидать в ближайшее время значительного снижения производительности труда».

Эта заметка касается положения, в котором находились 82 тысячи военнопленных, содержащихся в заключении в Норвегии, из которых 30 тысяч использовались на тяжелых работах, проводимых организацией Тодта. Это вытекает из первого абзаца на странице 7.

Мы предъявляем теперь Трибуналу документ ПС-820 на четвертой, вернее на девятой, странице книги документов. В нем говорится о создании лагерей военнопленных в районах, подвергавшихся бомбардировкам с воздуха. Этот документ исходит от генерального штаба и датирован 18 августа 1943 г. Он был направлен верховным командованием военно-воздушных сил верховному главнокомандующему германской армией. Мы представляем его под № 358 и огласим перед Трибуналом, третий абзац:

«Полковник штаба военно-воздушных сил предложил создать лагеря для военнопленных в жилых районах городов, чтобы таким путем добиться некоторой защиты».

Я пропускаю абзац и читаю:

«Исходя из вышеизложенных рассуждений, возникает вопрос о немедленном создании таких лагерей в городах, находящихся под угрозой воздушных налетов; как это было установлено при обсуждении вопроса в городе Франкфурте, в этих городах будут приложены все усилия для ускорения строительства лагерей».

Наконец, последний абзац:

«К настоящему времени в Германии находится около 8 тысяч военнопленных английских и американских летчиков, не считая помещенных в госпиталь. Эвакуировав существующие лагеря в другие места, можно предоставить эти последние для размещения лиц, чьи жилища были разрушены. Таким образом, это дало бы нам число военнопленных, достаточное для заселения значительного числа указанных лагерей. Здесь имеются в виду лагеря, создаваемые в районах, подвергающихся бомбардировкам и наибольшей угрозе».

На странице 10 Трибунал обнаружит документ от 3 сентября 1943 г., исходящий из ставки фюрера. Он касается создания новых лагерей военнопленных для английских и американских летчиков. Мы представляем этот документ под № РФ-359.

«1. Высшее командование германских военно-воздушных сил намечает создание новых лагерей для военнопленных летчиков, поскольку число их достигает более тысячи человек в месяц, а имеющихся в настоящее время мест, куда они могут быть помещены, недостаточно.

Верховное командование германских военно-воздушных сил предлагает создать новые лагеря внутри жилых кварталов городов, что явится в то же время мерой защиты городского населения, а также предлагает перевести существующие в настоящее время лагеря, в которых находится около 8 тысяч английских и американских летчиков-военнопленных, в города, подвергающиеся угрозе нападения со стороны авиации противника.

2. Верховное командование германской армии и начальник управления по делам военнопленных в принципе одобрили этот проект».

На первой странице книги документов, которая лежит перед Трибуналом, находится документ Ф-551, который мы представим под № РФ-360. В этом документе, являющемся приказом, говорится о наказаниях, налагаемых на военнопленных в нарушение 60-й и последующих статей Женевской Конвенции. Женевская Конвенция предусматривает, что при возбуждении судебного преследования против военнопленных следует уведомлять государство, представляющее интересы воюющих стран, и что это государство имеет право быть представленным на суде.

Я оглашу, вернее прокомментирую, этот приказ.

Я изложил Трибуналу статью 60 и последующие статьи Женевской Конвенции, предусматривающие, что государство, защищающее интересы воюющих стран, должно быть уведомлено о возбуждаемом против военнопленных судебном преследовании. Из документа, который мы представляем под № РФ-360, явствует, что эти положения были нарушены. Мы оглашаем первую строку:

«На практике проведение в жизнь положений статей 60 и 66 и, в частности, § 2 статьи 66 Конвенции 1929 года относительно обращения с военнопленными сталкивается с серьезными трудностями. Для сурового уголовного преследования за особенно тяжкие преступления, как, например, за убийство караула, неприемлемо положение, согласно которому смертный приговор может быть приведен в исполнение лишь по истечении трехмесячного срока после уведомления о приговоре государства, защищающего интересы воюющих стран. От этого должна страдать дисциплина среди военнопленных».

Я перехожу к странице 12:

«Предлагается следующее решение вопроса:

...b) Французы должны доверять процедуре, принятой в германских военных трибуналах.

c) Германией назначается защитник и устный переводчик.

d) В случае вынесения смертного приговора (это в конце двенадцатой страницы) для его приведения в исполнение будет дан соответствующий срок».

В начале страницы 13:

«Конечно, в этом случае Германия сохраняет за собой право, даже если оно и не было предусмотрено, в критические моменты привести приговор в исполнение немедленно».

В § 3 говорится:

«Не может быть и речи о предоставлении разрешения Франции, которая может сослаться на третий абзац статьи 62 Женевской Конвенции, посылать своего представителя на наиболее важные процессы германских военных трибуналов».

В нашем распоряжении имеется пример нарушения шестидесятой и последующих статей Женевской Конвенции, содержащийся в отчете Голландского правительства, который Трибунал обнаружит на странице 12 переданной ему книги документов.

Мы остановились на оглашении документа Голландского правительства, который уже был представлен Трибуналу под № РФ-324 и из которого явствует, что был заявлен протест против тайного приговора к смерти и казни трех офицеров: лейтенантов Ван-Боша, Браата и Тибо.

Из этого документа явствует, что нацисты, проводя систематическую политику устрашения, постарались сохранить возможно большее количество военнопленных для того, чтобы в случае необходимости оказывать эффективное давление на страны, из которых происходили эти военнопленные. Эта политика проводилась путем незаконного захвата военнопленных или систематического отказа репатриировать пленных, плохое состояние здоровья которых могло бы оправдать эту меру. В качестве примера незаконного захвата военнопленных мы можем упомянуть о французских военнопленных. Отчет министерства по делам военнопленных и сосланных, на который мы ссылаемся, указывает на странице 440, что некоторые французские военные части сложили оружие в момент перемирия, когда германские военные власти заверили их, что войска, которые таким образом прекратят военные действия, не будут уведены в плен. Однако эти войска были захвачены в плен. Альпийская армия, перешедшая Рону для демобилизации, находилась на западе от города Вьенны. Эту армию захватили в плен и увели в Германию, где она пробыла до конца июля 1940 года. Кроме того, несражающиеся части специального назначения были уведены в плен во исполнение приказа Гиммлера, которым

предписывался захват всех без исключения французов, способных носить оружие. Только благодаря индивидуальным нарушениям этих приказов и личной инициативе отдельных командиров частей не все французы были уведены в Германию. Ввиду трудностей увода в Германию огромной массы военнопленных в 1940 году было решено создать концлагеря для военнопленных в германских военных частях («Фронт Шталаг»). Фактическому правительству, образованному во Франции после перемирия, было дано обещание, что военные, которые будут содержаться в лагерях «Фронт Шталаг», будут находиться во Франции. Однако заключенных этих лагерей начали пересылать в Германию с октября 1940 года.

В дополнительном отчете, приложенном к книге документов, министерство по делам военнопленных и сосланных обращает внимание на незаконный захват в плен войск укрепленного сектора Агно: 22-го пехотного полка и 81-го батальона, а также 51-го и 58-го пехотных полков и одной североафриканской дивизии. Это документ Ф-668.

Цитирую документ:

«Войска укрепленного сектора Агно, 22-й пехотный полк и 81-й батальон, сражались по 25 июня до 1 ч. 30 м. Они прекратили огонь только после соглашения между полковником, командующим укрепленным сектором Агно, и германскими генералами. По этому соглашению французским военнослужащим обеспечивались почетные условия сдачи, в частности, они не должны были быть взяты в плен. 51-й и 58-й пехотные полки, а также североафриканская дивизия отошли к городу Туль только после соглашения, подписанного 22 июня 1940 г. французским генералом Дюбюссонем и немецким генералом Андреасом в местечке Тюилье-Грозейль (департамент Мёрт и Мозель). По условиям этого соглашения французским частям обеспечивались военные почести и они не должны были быть захвачены в плен». Этот отчет под французским № РФ-668 является выдержкой из письма Дарлана послу Скапини от 22 апреля 1941 г. Привожу другой документ:

«4 апреля 1941 г.

Господин Жорж Скапини, французский посол, его превосходительству господину Абецу, германскому послу в Париже.

Тема: «Солдаты, захваченные после вступления в силу конвенции по перемирию, с которыми обращаются как с военнопленными».

Внизу страницы:

«1. Женевская Конвенция. Женевская Конвенция может применяться в отношении захвата военнопленных только во время войны. Однако перемирие прекращает военные действия. Таким образом, захват в плен всякого солдата после вступления в силу

конвенции по перемирию и обращение с ним как с военнопленным неправильно».

Третий параграф страницы 17:

«Статья 4. Во втором параграфе конвенции по перемирию лишь говорится о том, что французские вооруженные силы, расположенные в районах, подлежащих германской оккупации, должны быть срочно возвращены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Однако в этой статье не говорится (что нарушило бы Женевскую Конвенцию) о том, что их захватят в плен».

Пятый параграф той же страницы:

«1. Гражданские лица. Если допустить, что с гражданскими лицами нельзя обращаться как с военнопленными, взяв их в плен до заключения перемирия, о чем говорилось в предыдущем письме, то тем более можно ли допустить это по их захвате в плен после заключения перемирия? Я должен заметить по этому вопросу, что захват, иногда массового характера, производился еще в течение нескольких месяцев после окончания военных действий».

Страница 18, в начале страницы:

«К категориям гражданских лиц, которые я определил в моем первом письме, прибавляется еще одна категория — категория демобилизованных, которые возвращались домой в оккупированную зону после заключения перемирия и которых чаще всего в результате инициативы местных властей захватывали по дороге домой и посылали в плен.

2. Военные. Я так условно называю тех людей, которые, хотя они и были освобождены после перемирия, по некоторым обстоятельствам того трудного времени не смогли получить оформленных демобилизационных документов. Многие из них были захвачены и уведены в плен при таких же обстоятельствах, как и предыдущие».

Перейдем к странице 19, ко второй части страницы:

«А. Гражданские лица, не подлежащие военной службе. Само собой разумеется, их нельзя рассматривать как военных согласно французским законам; их можно разделить по возрасту на 2 группы:

а) люди, не достигшие 21 года, не призывавшиеся в армию, — например: Фланкар Александр — 18 лет, захваченный германскими войсками в Курьере, департамент Па-де-Кале, по вступлении германских войск в этот район. Фланкар был направлен в плен в «Шталаг-26».

б) Люди, в возрасте от 21 года до 48 лет, немобилизованные, демобилизованные или освобожденные от военной службы». Следует довольно длинный список примеров, который Трибунал,

может быть, примет как доказательство без его оглашения. В нем значатся одни фамилии.

В середине страницы:

«Военные специальных частей. Военные разных спецчастей делятся на две группы.

1. Военные, мобилизованные в специальные корпуса, являющиеся военными частями и созданные путем мобилизации в различных министерствах, по следующей таблице».

В начале страницы 21:

«Военные специального назначения, оставленные на военных предприятиях в качестве мобилизованных на той же работе, которую они выполняли в мирное время. Например, рабочие артиллерийских парков.

Гражданские специалисты. В отличие от предыдущих, гражданские специалисты не входили в военные части и не находились в ведении военных властей. Однако их захватывали в плен. Например (*я пропускаю несколько строчек*), Мюссе Анри, работавший в качестве специалиста на заводе Марэ-Вонен (*я пропускаю еще несколько строк*), он был взят в плен и направлен в «Шталаг 102 II-A».

Не все эти люди были освобождены. Некоторые оставались в плену до конца войны.

Аресты офицеров запаса».

Я буду сейчас цитировать документ, представленный под № РФ-324. Этот текст можно изложить в нескольких словах. В нем говорится о голландских офицерах, освобожденных по капитуляции голландской армии и снова захваченных некоторое время спустя для того, чтобы отправить их в плен в Германию.

Абзац третий этого документа:

«9 мая 1942 г. в голландских газетах было опубликовано уведомление для всех кадровых офицеров бывшей голландской армии, находившихся на действительной службе 10 мая 1940 г., о явке их в пятницу 15 мая 1942 г. в казарму Шоссе в Бреда».

Параграф пятый:

«Более тысячи кадровых офицеров явились в казарму Шоссе 15 мая 1942 г. За ними заперлись двери».

Теперь я перехожу к седьмому абзацу:

«Один германский офицер из высших чинов явился в казарму и заявил, что офицеры не сдержали своего слова — ничего не предпринимать против фюрера, в связи с чем с этого момента они находятся в плену».

Следующий абзац:

«Их отправили с охраной из Бреда в Нюрнберг, в Германию».

Множество препятствий существовало для освобождения французских военнопленных, которые вследствие своего плохого

здоровья должны были возвратиться домой. Я цитирую документ, который уже был представлен под № РФ-297:

«...Вопрос об освобождении французских генералов, военнопленных Германии, по возрасту или плохому здоровью несколько раз поднимался французскими управлениями».

Второй абзац:

«Фюрер всегда относился отрицательно к этому вопросу как с точки зрения их освобождения, так и помещения в госпиталь в других или нейтральных странах».

Третий абзац:

«Освобождение или помещение в госпиталь теперь должно иметь место еще реже, чем когда-либо».

От руки приписано на этом документе: «На это французское письмо ответа не последует». Это письмо было послано верховным командованием германской армии германской комиссии по перемирию, обратившейся в штаб за консультацией по вопросу, следует ли отвечать на требования об освобождении больных французских генералов, поступавшие от фактического французского правительства того времени.

Гораздо более серьезные меры были приняты германскими властями в отношении наших военнопленных, когда по причинам патриотического характера некоторые из наших соотечественников-военнопленных дали понять немцам, что они не намерены сотрудничать с Германией. Германские власти считали, что те из наших соотечественников, которые так вели себя, строптивы и представляют угрозу своим мужеством и своей решимостью. Тогда началась настоящая резня людей. Нам известны многочисленные примеры умерщвления военнопленных в результате участия их в действиях «командос», обвинения их немцами в совершении террористических актов в воздухе, или потому только, что им вменялись в вину победы либо попытка к бегству, или же потому, что их обвиняли просто в активном либо моральном сопротивлении нацистскому порядку. Эти убийства осуществлялись посредством заключения военнопленных в концлагеря, где к ним применялся режим, о котором Вам уже известно и который приводил их к смерти. Или же их убивали еще проще: выстрелом в затылок, по способу, описанному Вам моими американскими коллегами, на котором я не буду останавливаться.

В других случаях их линчевали на месте согласно отданным приказам или же в силу попустительства германского правительства толпе. В некоторых случаях их передавали в гестапо или СД.

В конце моего выступления я скажу, что в последние годы оккупации эти организации имели право производить казни.

С разрешения Трибунала мы рассмотрим случаи уничтожения военных, захваченных в результате военных действий, случаи с «командос» и с летчиками.

Как Трибуналу уже известно, «командос» почти всегда были добровольцами. Во всяком случае, их набирали из самых отважных бойцов, физически наиболее боеспособных. Таким образом, можно рассматривать их как лучших из лучших; поэтому приказы об уничтожении их имели своей целью уничтожение лучших бойцов союзных армий. С точки зрения юридической, казни «командос» оправдать нельзя. Кстати, немцы сами очень широко применяли «командос». Но если в отношении своих собственных «командос» после захвата их в плен немцы всегда требовали признания за ними положения военнопленных, то они отказывали в этом качестве нашим «командос» или «командос» союзных армий.

По этому вопросу приказ о смертной казни был подписан Гитлером 18 октября 1942 г., и этот приказ выполнялся очень энергично. Ему, кстати, предшествовали другие приказы ОКВ. Это является доказательством тщательного рассмотрения этого вопроса до издания окончательного приказа за подписью руководителя германского правительства.

Документ под № ПС-553, который я представляю под № РФ-362. Это — приказ, предусматривающий уничтожение всех отдельных парашютистов или небольших групп парашютистов, имеющих определенное задание. Он датирован 4 августа 1942 г. и подписан Кейтелем. Этот приказ был представлен в качестве доказательства.

7 октября 1942 г. в сообщении ОКВ, напечатанном прессой и переданном по радио, было объявлено о решении верховного командования уничтожить диверсантов. На странице 26 своей книги документов Трибунал найдет выдержку из «Фелькишер Beobachter» от 8 октября 1942 г.:

«В будущем все отряды террористов и диверсантов англичан и их вспомогательные части, которые поведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут подвергнуты германской армией соответственному обращению: их будут убивать на поле боя и, вне зависимости от места сражения, на месте их действия».

Под № РФ-363 мы представляем запись заседания штаба германской армии, которая датирована 14 октября 1942 г.

Третий абзац:

«В период тотальной войны диверсия стала основным элементом ведения войны. В этой связи достаточно указать наше собственное отношение. Враги могут найти доказательства тому в отчетах наших собственных отделов пропаганды».

На странице 29, в конце третьего абзаца (это все из записи заседания от 14 октября 1942 г. штаба армии), сказано, что «ди-

версия является основным элементом, и мы сами сильно развили этот вид боя».

Затем шестой параграф:

«О намерении ликвидировать впредь все террористические и диверсионные группы, которые ведут себя как бандиты, уже передавалось по радио...»

...Таким образом, надо считать, что задачи штаба армии заключаются единственно в том, чтобы давать директивы практического выполнения, чтобы войска знали, как им следует поступать в отношении таких групп».

На странице 30 Трибунал увидит, какие приказы отдавались в отношении таких групп, которые германский штаб называл группами английских террористов и саботажников, так как речь шла о «командос» противника. Конечно, германский штаб своих «командос» никогда не называл «группами террористов и саботажников».

Первый параграф, четвертая строчка, относится к группам британской армии, одетым в гражданское платье или в военную форму. Я читаю:

«Их надо истреблять беспощадно во время боя и в то время, как они спасаются бегством».

Параграф «b»:

«Члены группы террористов и диверсантов британской армии, которые в военной форме повели себя в военном отношении недостойным образом или нарушили международное право, должны быть изолированы».

Пропускаю несколько строк и читаю:

«Инструкции об обращении с ними будут даны штабом армии по согласованию с юридическим и иностранным отделами».

Наконец, на странице 31, второй абзац:

«Группы террористов и диверсантов будут всегда рассматриваться как нарушающие правила войны в случае, если несколько нападающих диверсантов, агентов, солдат или штатских в военной форме или в штатском производят, по мнению войск, агрессивные или варварские действия».

Третий параграф:

«В этом случае такие группы будут уничтожены до последнего человека как во время боя, так и при попытке к бегству. Таких лиц заключать в лагерь для военнопленных запрещается».

Таким образом, во исполнение этих приказов, если британские солдаты в военной форме были захвачены во время операции «командос», германским войскам предоставлялось судить, вели ли себя «командос», как подобает военным. Даже унтер-офицеры могли безапелляционно истреблять их до последнего и тогда, когда они прекращали сопротивление.

Эти приказы применялись в отношении британских «командос».

Документ ПС-498 был представлен нашими американскими коллегами под № США-364; в нем подтверждаются сведения, сообщенные нами Трибуналу путем оглашения предыдущих документов. Мне кажется, этот документ оглашать нецелесообразно.

Документ ПС-510 (страница 48). Мы представляем его под № РФ-367; в нем говорится о выполнении упомянутых выше приказов в связи с высадкой английских войск в Патосе.

Циркулярное письмо штаба, адресованное командованию различных частей (ПС-532), является приложением к книге документов Трибунала. Этот документ снова упоминает и уточняет инструкции, уже известные Трибуналу, и не содержит ничего нового. Мы представляем его под № 367 и просим Трибунал принять его.

Сейчас мы будем говорить о казни союзных летчиков, захваченных в плен. Из изложения этого вопроса Трибуналу стало известно, что некоторые воздушные операции рассматривались немецким правительством как преступные действия, что косвенно содействовало линчеванию населением летчиков или непосредственному умерщвлению путем применения к ним «зондербехандлунг», на котором нет надобности останавливаться, так как о нем уже говорилось в документе США-333, который уже оглашался, так же как и документ США-334.

В соответствии с этими инструкциями письмом от 4 июня 1944 г. министру юстиции были отданы приказы для того, чтобы он предписал прекратить дела против германских гражданских лиц в связи с убийством союзных летчиков. Об этом говорится в документе ПС-365, который Трибунал найдет в приложении к книге документов «Министерство юстиции Рейха». Этот документ получит № РФ-370 в связи с передачей его Трибуналу.

«Министерство юстиции Рейха, 4 июня 1944 г.

Министру юстиции Германии доктору Тираку.

Содержание: Народная расправа над англо-американскими убийцами.

Начальник партийной канцелярии сообщил мне секретным циркулярным письмом и просил ознакомить вас. Я осмеливаюсь сделать это настоящим письмом и прошу вас решить, в какой степени вы ознакомите с этим вопросом трибуналы и прокуратуры».

6 июня на двух важных заседаниях присутствовали Кальтенбруннер, Риббентрон, Геринг (эти трое являются обвиняемыми в настоящем процессе), Гиммлер, фон Браухич, офицеры воздушных сил и войск СС. Было решено установить точный список

воздушных операций, которые являются террористическими действиями.

Оригинал отчета, составленного Варлимонтом, на котором имеются сделанные от руки замечания Иодля и Кейтеля, содержится в документе ПС-735, который при представлении его Трибуналу будет носить № РФ-371. На этом заседании было решено, что суд Линча будет наилучшим наказанием за некоторые воздушные нападения на гражданское население.

Кальтенбруннер обещал, со своей стороны, активное содействие частей СД (страница 68, в конце первого абзаца, а также второй абзац)...

Документ ПС-884.

ДИРЕКТИВА ГЛАВНОЙ СТАВКИ ГИТЛЕРА
ОТ 12 МАЯ 1941 Г. ОБ ОБРАЩЕНИИ
С ЗАХВАЧЕННЫМИ В ПЛЕН СОВЕТСКИМИ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ВОЕННЫМИ
РАБОТНИКАМИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОТДЕЛ ОБОРОНЫ СТРАНЫ
(IV — Qu)

Главная ставка фюрера 12.5.1941 г.
Совершенно секретно
(для высш. команд.).
Только через офицера.

Вписано от руки: «Должно быть возвращено фюреру».
13 мая. Иодль

Содержание: ОБРАЩЕНИЕ С ЗАХВАЧЕННЫМИ В ПЛЕН
ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ВОЕННЫМИ РУССКИМИ
РУКОВОДЯЩИМИ РАБОТНИКАМИ

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ДОКЛАДА

I. ОКХ предложило проект (см. прилож. № 1):

«Директива относительно обращения с ответственными политическими работниками и т. п. лицами во исполнение задания, данного 31. 3. 1941».

Этот проект предусматривает следующие моменты:

1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются.

4. Технических руководителей хозяйственных учреждений и на производстве следует задерживать только в том случае, если они оказывают сопротивление германским вооруженным силам.

5. Эти мероприятия не должны мешать проведению военных операций. Планомерные операции по розыску и прочесыванию проводятся позднее.

6. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) передавать специальным командам (эйнзатц-командам) полиции безопасности.

II. В отличие от этого, памятка № 3 рейхслейтера Розенберга предусматривает, что следует уничтожать только крупных и высших руководящих работников, так как государственные, коммунальные, хозяйственные руководители нужны для управления оккупированными областями.

III. Поэтому требуется решение фюрера, какие принципы должны быть взяты за основу.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ РАЗДЕЛА II

1) Руководящие работники, которые будут выступать против наших войск, чего следует ожидать от радикальной части их, попадают под «распоряжение военной подсудности в районе «Барбаросса». Их следует уничтожать, рассматривая как партизан. Подобное же обращение предусматривает «директива о поведении войск в России» (приложение № 2).

2) Руководящие работники, не проявившие себя враждебно, могут быть пока оставлены. Трудно предполагать, чтобы войска были в состоянии различать служебные звания по отдельным секторам. Только при дальнейшем продвижении по стране можно будет принять решение о том, могут ли оставшиеся руководящие работники быть оставлены на месте или их следует передавать особым командам, поскольку войсковые части сами не в состоянии произвести расследование.

3) С политическими работниками в войсках следует обращаться в соответствии с предложением ОКХ.

Они не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях и ни в коем случае не должны отправляться в тыл.

Варлимонт

Приписка: Следует считаться с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучше всего поэтому представить это мероприятие как расправу.

Иодль

Geheime Kommandofache

Abt. Landesverteidigung
(IV/Qu)

F.H. Qu., den 12.5.1941

Cheffache!

Nur durch Offizier!

Betr.: Behandlung gefangener politischer
und milit. russischer Funktionäre.

Vortragsnotiz.

1. OKH hat einen Entwurf für
"Richtlinien betr. Behandlung politischer Hohensträger
usw. für die einheitliche Durchführung des bereits am
31. 3. 1941 erteilten Auftrages"
vorgelegt, der als Anlage 1 beiliegt.
Dieser Entwurf sieht vor:
- 1.) Politische Hohensträger und Leiter (Kommissare)
sind zu beseitigen.
 - 2.) Soweit sie von der Truppe ergriffen werden, Entschet-
dung durch einen Offizier mit Disziplinarstrafgewalt,
ob der Betreffende zu beseitigen ist. Hierzu genügt die
Feststellung, dass der Betreffende politischer Hohensträ-
ger ist.
 - 3.) Politische Leiter in der Truppe werden nicht als Ge-
fangene anerkannt und sind spätestens in den Dulags
zu erledigen. Kein Abschieben nach rückwärts.
 - 4.) Fachliche Leiter von wirtschaftlichen und technischen
Betrieben sind nur zu ergreifen, wenn sie sich gegen
die Deutsche Wehrmacht auflehnen.
 - 5.) Die Durchführung der Operationen darf durch diese
Maßnahmen nicht gestört werden. Planmäßige Such- und
Säuberungsaktionen unterbleiben.
 - 6.) In rückwärtigen Heeresgebiet sind Hohensträger und
Kommissare mit Ausnahme der politischen Leiter in der
Truppe den Einsatzkommandos der Sicherheitspolizei ab-
zugeben.

/ II.

Anl. 1-

-- 2 --

- II. Demgegenüber sieht die Denkschrift 3 des Reichsleiter
Rosenberg vor, dass nur hohe und höchste Funktionäre zu
erledigen seien, da die staatlichen, kommunalen und wirt-
schaftlichen Funktionäre für die Verwaltung des besetzten
Gebietes unentbehrlich sind.
- III. Es ist deshalb eine Entscheidung des Führers erforderlich,
welche Grundsätze maßgebend sein sollen.

Vorschlag I für den Fall II:

- 1.) Funktionäre, die sich gegen die Truppe werden, was
von dem radikalen Teil zu erwarten ist, fallen unter
den "Erlass über die Ausübung der Kriegsgerichtsbarkeit
im Gebiet Barbarossa". Sie sind als Freischärler zu
erledigen. Eine gleiche Behandlung sehen die "Richt-
linien für das Verhalten der Truppe in Russland"
(Anlage 2) vor.
- 2.) Funktionäre, die sich keiner feindlichen Handlung
schuldig machen, werden zunächst unbehelligt bleiben.
Man wird es der Truppe kaum zumuten können, die ver-
schiedenen Dienstgrade der einzelnen Sektoren aussondern
zu können. Erst bei der weiteren Durchdringung des
Landes wird es möglich sein zu entscheiden, ob die
verbliebenen Funktionäre an Ort und Stelle belassen
werden können oder an die Sonderkommandos zu übergeben
sind, sofern nicht diese selbst die Überprüfung vor-
zunehmen in der Lage sind.
- 3.) Funktionäre in der Truppe werden entsprechend dem
Vorschlag OKH zu behandeln sein. Diese werden nicht als
Gefangene anerkannt und sind spätestens in den Durch-
gangslagern zu erledigen und keinesfalls nach rückwärts
abzuschicken.

Verteiler:
Chef W. F. St.
Chef I
L IV
Ktb.
nschr.: 8 RСекретная директива главной ставки Гитлера об обращении с захваченными
в плен советскими политическими и военными работниками
(первая страница)Секретная директива главной ставки Гитлера об обращении с захваченными
в плен советскими политическими и военными работниками
(вторая страница)

7 Зак. 3369, Нюрнбергский процесс, т. III

Документ СССР-354

ИЗ ДОКЛАДА МИНИСТЕРИАЛЬНОГО
СОВЕТНИКА ДОРША РЕЙХСЛЕЙТЕРУ
РОЗЕНБЕРГУ 10 ИЮЛЯ 1941 г. «ОТЧЕТ
О ЛАГЕРЕ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В МИНСКЕ»

...Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят.

Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат, по количеству составляющей роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешима, живущим по 6—7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, — достать что-либо съедобное.

Гражданские заключенные в возрасте от 15 до 50 лет происходят из Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, поскольку они из Минска, благодаря своим родственникам. Питанием обеспечены, конечно, только те, у которых есть родственники, тянущиеся длинными рядами с утра до вечера к лагерю пленных.

Единственно доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет.

Помочь этому хаотическому состоянию военные власти не могут вследствие огромной потребности в транспорте и людях, вызванной наступлением.

Организация Тодта по строительству автострад (ОТ) попыталась принять решительные меры, сознавая, что, во-первых, огромную работу, выпавшую на долю тыловых оперативных работников, невозможно выполнить только с помощью немецкой рабочей силы; во-вторых, потому, что из-за уничтожения всех предприятий, выпускающих продукты питания в Минске, изо дня в день возрастает угроза распространения эпидемии в лагере вследствие тесного контакта человеческих масс.

Из числа гражданских заключенных организация Тодта в качестве опыта отобрала полноценных в смысле расы квалифицированных рабочих и успешно использовала их. После этого удачного опыта предполагалось отобрать еще около 200 квалифицированных рабочих для использования на восстановлении автопарка при управлении автострады Минск — Смоленск — Москва.

Отбор заключенных следовало производить и далее с целью использования заключенных на строительстве дорог под руководством немецких рабочих из организации Тодта. На второй же день ОТ был запрещен отбор гражданских заключенных со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому вопрос о предоставлении заключенных для работ фельдмаршал решает сам.

Под этим понятным, с военной точки зрения, приказом скрыта опасность того, что:

1. Реализация срочной программы невозможна из-за недостатка рабочей силы.

2. Едва ли возможно предотвратить ужасную эпидемию.

Вследствие этого необходимо немедленно освободить от ОТ нужное количество гражданских заключенных для восстановления предприятий, выпускающих продукты питания в Минске, причем при отборе следует ограничиваться только теми квалифицированными рабочими, которые полноценны с точки зрения расы.

Поскольку в недалеком будущем не может быть и речи о роспуске или сокращении лагерей, надо немедленно объявить строгий карантин в массовом лагере Минска, который, вероятно, не один в таком состоянии.

Г-ну рейхслейтеру Розенбергу в связи с беседой с г-ном министром д-ром Тодтом.

Дорш, министеральный советник.

Документ СССР-421

ДИРЕКТИВА НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА
ВОЕННОПЛЕННЫХ VIII ВОЕННОГО ОКРУГА
(БРЕСЛАУ) ОТ 15 АВГУСТА 1949 г.
«ПАМЯТКА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА
СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Главный штаб вооруженных сил издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым использование русских военнопленных допускается лишь при условиях, являющихся значительно более строгими по сравнению с условиями работы военнопленных иных национальностей. Вот эти условия, соблюдение которых является совершенно обязательным:

1) Для того чтобы обеспечить необходимую постоянную охрану русских военнопленных, находящихся в жилых помещениях, требуется усиленный состав охранных команд. Такая охрана может быть обеспечена лишь в том случае, если численность самой рабочей команды будет составлять не менее 100 человек. В особенности надо обратить внимание на следующее:

а) Минимальная численность рабочих команд, формируемых из русских военнопленных, должна составлять 100 человек, если они используются на такой работе, на которой до этого были заняты военнопленные другой национальности, подлежащие теперь замене русскими военнопленными.

б) Минимальная численность рабочих команд, формируемых из русских военнопленных, должна составлять 200 человек, если на данной работе до этого вообще не использовались военнопленные.

2) Помещения для русских должны находиться вне населенных пунктов. В тех случаях, когда эти помещения находятся внутри населенных пунктов, охрана должна иметь возможность наблюдения и обстрела.

3) Помещения должны быть обязательно обнесены двумя рядами колючей проволоки высотой не менее двух метров.

4) В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских

военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными.

5) Уборные должны обязательно находиться в пределах зоны, окруженной колючей проволокой. В противном случае следует считать помещение неподготовленным для размещения русских военнопленных.

6) Ответственность за приготовление пищи для военнопленных возлагается на работодателя, причем оно должно производиться вне пределов зоны размещения военнопленных, чтобы исключить всякую возможность соприкосновения русских военнопленных с гражданскими лицами, занимающимися приготовлением пищи. Русские военнопленные не должны участвовать в приготовлении пищи; воспрещается также хранение продуктов питания в пределах зоны размещения военнопленных.

7) Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно.

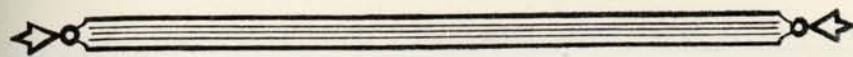
8) Русские военнопленные должны работать только компактными группами, в составе которых все рабочие сосредоточены в одном месте; эти группы должны всегда оставаться сосредоточенными для того, чтобы обеспечить их постоянную и тщательную охрану. На те работы, где такое сосредоточенное использование невозможно, русских военнопленных направлять не следует. Таким образом, распределение небольших групп на несколько рабочих мест в пределах одного предприятия недопустимо, так как это препятствует обеспечению предписанной системы охраны.

9) Немецкие рабочие не должны работать на одном рабочем месте с русскими военнопленными или в непосредственной близости от них. На эти рабочие места могут допускаться только надежные немецкие гражданские лица, которые сами не работают, а лишь дают указания по работе и наблюдают за их исполнением.

10) Относительно обращения с русскими военнопленными имеются следующие указания. Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военноплен-

ными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и пр., должны безусловно задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции.

11) В пределах военного округа ответственность за использование труда советских военнопленных лежит на командующем военным округом и на начальнике по делам военнопленных. Поэтому при проведении всех мероприятий по использованию советских военнопленных следует руководствоваться исключительно приказами и распоряжениями начальника по делам военнопленных VIII военного округа. Всякое непосредственное участие трудовых управлений в использовании труда советских военнопленных воспрещается. В вопросах использования русской рабочей силы их функции сводятся к направлению заявок командованию округа и начальнику по делам военнопленных.

Документ СССР-356¹

Берлин, 15. IX — 1941 г.
Секретно

УПРАВЛЕНИЕ
ЗАГРАНИЧНОЙ КОНТРАЗВЕДКИ
№ 9731/41 секр. начальник
заграничн. отдела ф.—XVI, Е—1.

Доложить господину начальнику Штаба ОКВ
Доложить господину начальнику общего
управления вооруженными силами

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ДОКЛАДА

Содержание: РАСПОРЯЖЕНИЯ ОБ ОБРАЩЕНИИ
С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

Относится к № 2—ф от 24.II общ. упр. вооруж. сил, отдел военнопленных
(1) № 3058/41 секр. от 8. IX 1941 г.

1. Правовое положение следующее: Женевское Соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты, в случае пленения, будут защищены от плохого обращения.

2. Имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок. Согласно этим предпосылкам военная служба для советских

¹ На документе имеется следующая резолюция: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель». Против текста п. «аа, 3» на полях Кейтелем сделана пометка: «Вполне целесообразно». — Составитель.

граждан отнюдь не рассматривается как выполнение воинского долга, а в связи с совершенными русскими убийствами характеризуется в общем и целом как преступление. Тем самым отрицается применение военно-правовых норм в войне против большевизма, а также устраняется и многое другое, что до сих пор в соответствии с опытом считалось не только целесообразным с военной точки зрения, но и обязательным в целях поддержания воинской дисциплины и боеспособности собственных войск.

3. Распоряжения составлены в самых общих выражениях. Но если иметь перед глазами господствующую над ними основную тенденцию, то допускаемые распоряжения мероприятия должны привести к произвольным беззакониям и убийствам, хотя формально произвол и был бы запрещен.

а) Это видно, например, из правил применения оружия в случаях неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных; сплошь и рядом невозможно будет распознавать, является ли неисполнение приказа результатом недоразумения или неповиновения. Основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается «правомерным», освобождает караульных от всякой обязанности разбираться в этом.

б) Вопросы обращения с военнопленным фактически изъяты из-под надзора вооруженных сил. Лишь для внешнего мира поддерживается видимость ответственности за это вооруженных сил:

аа) Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе производится оперативными командами полиции безопасности и СД согласно инструкциям, которые не знакомы органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить;

бб) организация лагерной полиции, вооруженной палками, кнутами и тому подобными орудиями, противоречит военным воззрениям, даже если эта работа выполняется заключенными. Кроме того, органы вооруженных сил передают тем самым средства наказания в чужие руки без того, чтобы иметь возможность действительно проверить их применение.

4. Согласно элементарному опыту, несправедливое обращение пробуждает дух сопротивления, так что охрана этих военнопленных, по-видимому, всегда останется затруднительной. Даже распоряжения предусматривают при посылке военнопленных на работу по одному караульному на каждых 10 плен-ных, так что уже на сегодня, когда число способных к труду военнопленных достигает 1,5 млн. человек, понадобится по меньшей мере 150 тысяч человек для охраны,

5. В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского Соглашения о военнопленных. Этот закон, бесспорно, не соблюдается русскими войсками на фронте, тем не менее и русский закон и немецкие распоряжения предназначены главным образом для глубокого тыла. Если даже русский закон вряд ли соблюдается в русском глубоком тылу, то все же остается опасность, что немецкие распоряжения попадут в руки вражеской пропаганды и будут последней противопоставлены русскому закону.

6. Затрудняется восстановление оккупированных территорий, столь жизненно важное для германской военной экономики. Создается политическая невозможность использовать в наших интересах по освобождении из лагерей тех военнопленных, которых, исходя из их антибольшевистских взглядов, особой подготовки или по иным основаниям, можно было применить в органах управления этих областей, — даже в тех случаях, если эти военнопленные на основании опыта, полученного в лагерях военнопленных, охотно хотели бы сделать это. Вместо того, чтобы использовать обострение отношений между отдельными группами населения в целях обеспечения немецкого правления, облегчается мобилизация и сплочение всех внутренних сил сопротивления в России в единую враждебную массу.

7. При особенностях русского театра войны воля к сопротивлению у армии противника будет чрезвычайно усиливаться благодаря службе разведки противника и очень быстро действующей там подпольной пропаганде.

8. Закрываются возможные источники информации. Военнопленные, которые могли быть использованы контрразведкой как внутривнутриполитические противники большевистского режима, в особенности принадлежащие к национальным меньшинствам, должны потерять всякую готовность к тому, чтобы дать себя завербовать. Это особенно относится к народностям Кавказа, имеющего решающее значение для военной экономики.

9. Отпадает возможность протестовать против плохого обращения с германскими военными служащими, находящимися в советско-русском плену.

II. Управление заграничной контрразведки не было предусмотрено об издании этих распоряжений или об их разработке. Эти распоряжения, по мнению управления заграничной контрразведки, вызывают большие сомнения как с принципиальной точки зрения, так и из-за вредных последствий в области политической и военной, которые могут наступить.

Канарис

Секретно

Приложение к журналу № 3058/41
секр. от 8.IX—41.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ ВО ВСЕХ ЛАГЕРЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными. Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы **каждый немецкий солдат** проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности X/ДФ 38/II стр. 13 и т. д., в связи с этим отменяются.

Приложение к директиве ОКВ (общее управление вооруженных сил, отдел военнопленных) № 3058/41 секр. от 8.IX 1941 г. (рассматривать как несекретное)

ПАМЯТКА ОБ ОХРАНЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые в этой войне немецкому солдату противостоит противник, подготовленный не только как солдат, но и как политический противник, который видит в коммунизме свой идеал, а в национал-социализме своего злейшего врага. В борьбе против национал-социализма он считает законным всякое средство: партизанскую борьбу, организацию банд, диверсию, поджоги, разлагающую пропаганду, убийство. Даже в плену советский солдат, каким бы он с виду ни казался добродушным, использует всякую возможность для того, чтобы дать выход своей ненависти ко всему немецкому. Следует считаться с тем, что военнопленные могли получить соответствующие указания, что им делать в плену. Поэтому по отношению к ним настойчиво предлагается проявлять чрезвычайную бдительность, величайшую осторожность и самое острое недоверие.

Для караульных команд действуют следующие инструкции:

1) Безоговорочное вмешательство при малейших признаках неповиновения и непослушания.

Чтобы сломить сопротивление, следует безжалостно применять оружие.

По убегающим военнопленным следует немедленно стрелять (без оклика), с твердой решимостью поразить цель.

2) Всякие разговоры с военнопленными, кроме абсолютно необходимых служебных указаний, строго запрещены, в том числе и во время передвижения к месту и с места работы.

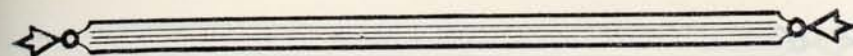
Строго запрещается курить как во время передвижения к месту и с места работы, так и во время работы.

Следует препятствовать всяким разговорам военнопленных с гражданскими лицами, вплоть до применения в необходимых случаях оружия, в том числе и против гражданских лиц.

3) И на работе необходим постоянный строгий надзор за военнопленными со стороны караульных команд. Каждый

караульный должен держаться от военнопленных на таком расстоянии, чтобы он всегда имел возможность немедленно пустить в ход свое оружие. Никогда не поворачиваться спиной к военнопленному!

4) Мягкость неуместна в отношении даже тех военнопленных, которые изъявляют готовность работать и являются послушными. Они могут расценивать это как слабость и сделать из этого свои выводы...

Документ ПС-429

ИЗ ДИРЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ
VIII ВОЕННОГО ОКРУГА (БРЕСЛАУ)
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1941 г.
«О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ»

В соответствии с решениями, принятыми на совещании в главном штабе вооруженных сил, сделаны следующие распоряжения.

1. Одежда

Советские военнопленные получают бумажные одеяла, которые они должны изготовить сами по типу стеганых одеял, но из бумажной дерюги, заполненной скомканной бумагой или чем-либо подобным. Материал будет предоставлен главным штабом вооруженных сил.

2. Погребение советских военнопленных

Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов. Гробами разрешается пользоваться только для перевозки. В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной.

Документ ПС-1191, СССР-15

НАЧАЛЬНИК
ПОЛИЦИИ ПОРЯДКА
Кдо. 1г 1а (1) № 74/42

Копия с копии
Берлин, 9 февраля 1942 г.

Относительно: КЛЕЙМЕННИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ.

Нижеследующую копию распоряжения ОКВ от 16.1 1942 — А ц 2ф 24.73 (1а) № 539/42 я направляю в дополнение к моему приказу от 5.1—1942 г. — О—Кдо. 1 г (1) № 127/41 (г)

По поручению: Ш лаке
заверено — подпись

Копия с копии

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
Ац 2ф, 24.73 (1а) № 539/42

Берлин—Шенеберг 1.
16.1. 42

ОТНОСИТЕЛЬНО: КЛЕЙМЕННИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Ввиду того, что советские военнопленные при побегах большей частью снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, в частности как советские военнопленные, приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья.

Начальник верховного командования
вооруженными силами
По поручению — подпись

КОМАНДУЮЩИИ ПОЛИЦИЕЙ ПОРЯДКА
ОСТЛАНДА

Кдо. отдел 1а 13.08

Рига, 8.2. 42

Копия для сведения

Приказ начальника полиции порядка от 5.1—1942 г. — О—КДО. — 1 г 1а (1) был направлен вместе с моей директивой от 17. 1—1942 г. 1а, 13, 00 № 33/429.

За командующего полицией порядка
Начальник штаба 1 А

Мюллер
Старший лейтенант охранной полиции
заверено — подпись

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
Ац, 2 ф, 24 82 х ...№ 3142/42

Копия с копии
Берлин—Шенеберг, 20.7—42
Баденштрассе, 51

ОТНОСИТЕЛЬНО: КЛЕЙМЕННИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫМ ЗНАКОМ

1) Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2) Клеймо имеет форму острого угла примерно в 45 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь. Выполнить это надлежит следующим образом: царапины, нанесенные раскаленным ланцетом на поверхность напряженной кожи, смочить китайской тушью. При этом следует избегать глубоких кровотокающих порезов.

Так как в настоящее время еще нет достаточного опыта в отношении стойкости клеймения, то затем через определенные промежутки времени, по истечении 14 дней, четырех недель и через три месяца, следует проверить клеймо и, в случае необходимости, возобновить его (см. § 7).

3) Клеймение не является медицинским мероприятием. Германскому санитарному персоналу не следует поэтому поручать его выполнение за недостатком санитарного персонала. Клеймение, несомненно, можно поручить соответствующему санитарному персоналу из советских военнопленных под медицинским надзором немцев. Срочно предлагается обучить необходимое количество подобного вспомогательного состава практическому выполнению этого, согласно данному предписанию.

4) В интересах быстрого исполнения необходимо затребовать на санитарных складах ланцеты и китайскую тушь.

5) Клеймению необходимо подвергать:

а) вновь поступающих советских военнопленных в районах деятельности командующих вооруженными силами и на востоке и Украине и командующего вооруженными силами в генерал-губернаторстве после мытья, при первой санобработке;

б) всех остальных военнопленных в сфере действия ОКВ до 30. 9. 42. Об исполнении донести ОКВ до 15. 10. 1942 г.

6) Это мероприятие не должно препятствовать использованию на работах. Поэтому клеймение военнопленных, занятых на работах, должно, по возможности, производиться по месту нахождения рабочих команд или во время ближайшей санобработки.

7) Произведенное первое клеймение должно быть тотчас же занесено в личную карту 1, в раздел «Особые приметы» с пометкой «такого-то... 1942 г.», то же самое при каждом необходимом возобновлении клейма (см. § 2).

8) О клеймении находящихся под надзором ОКХ распорядится ген.-кв. ОКХ. Просим сообщить о данном предложении.

Нач. верховного командования
вооруженными силами

По поручению — подпись

ИЗ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ЭРВИНА ЛАХУЗЕНА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 30 ноября 1945 г.]

...Эймен¹: В 1941 году Вы присутствовали на совещании, на котором был также генерал Рейнеке?

Лахузен: Да.

Эймен: Кем был генерал Рейнеке?

Лахузен: Генерал Рейнеке был тогда начальником общего управления, то есть управления в ОКВ.

Эймен: Помните ли Вы хотя бы приблизительно дату этого совещания?

Лахузен: Это было, примерно, летом 1941 года, вскоре после начала кампании в России, возможно, в июле.

Эймен: Можете ли Вы наиболее точно и определенно сообщить нам, кто присутствовал на этом совещании?

Лахузен: На этом совещании, на котором я присутствовал в качестве заместителя Канариса и которое запечатлено в записях, сделанных мною для Канариса, председателем совещания был генерал Рейнеке, затем присутствовали обергруппенфюрер Мюллер из РСХА, кроме того, полковник Брейер, который представлял отдел военнопленных, и затем я, присутствовавший в качестве представителя Канариса, то есть отдела разведки.

Эймен: Объясните Трибуналу, кто такой Мюллер и почему он присутствовал на этом совещании?

Лахузен: Мюллер был начальником управления в главном имперском управлении безопасности и принял участие в этом заседании, так как он отвечал за проведение мероприятий, касавшихся русских военнопленных, а именно за проведение эзекуций.

Эймен: Объясните также, кто такой полковник Брейер и почему он присутствовал на этом совещании?

Лахузен: Полковник Брейер также ведал вопросами о военнопленных. Я точно не знаю, в каком именно отделе он

¹ Полковник Эймен — представитель обвинения от США. — Составители.

в то время работал. Но, во всяком случае, он имел какое-то отношение к вопросам о военнопленных в системе верховного командования вооруженных сил.

Эймен: Каковы были цели этого совещания?

Лахузен: Это совещание имело своей задачей комментировать полученные до этого времени приказы об обращении с русскими военнопленными, разъяснить их и, сверх того, обобщать.

Эймен: Устанавливалось ли из обсуждения на этом совещании, в чем суть этих инструкций и указаний?

Лахузен: Содержание сводилось в основном к следующему. Предусматривались две группы мероприятий, которые должны были быть осуществлены. Во-первых, умерщвление русских комиссаров и, во-вторых, умерщвление всех тех элементов среди русских военнопленных, которые должны были быть выявлены СД, то есть большевиков или активных носителей большевистского мировоззрения.

Эймен: Узнали ли Вы также из этого обсуждения, каковы были основы, вызвавшие появление такого рода приказов?

Лахузен: Основа появления таких приказов была в общих чертах обрисована генералом Рейнеке. Война между Германией и Россией, мол, не война между двумя государствами или двумя армиями. Это война двух мировоззрений — мировоззрения национал-социалистского и большевистского. Красноармеец не рассматривается как солдат в обычном смысле слова, как это понимается в отношении наших западных противников. Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению.

Эймен: Скажите, пожалуйста, Канарис сообщил Вам, почему он выбрал именно Вас, чтобы послать на это совещание?

Лахузен: Канарис послал меня на это совещание по двум, даже по трем причинам, хотя сам был в Берлине. Во-первых, он хотел избежать личной встречи с Рейнеке, который рассматривался им как один из самых ярких национал-социалистских генералов и который был ему весьма антипатичен. Во-вторых, приказав мне поехать на это совещание, он дал мне следующую директиву: попробовать рядом фактических аргументов или провалить этот не только жестокий, но и совершенно бессмысленный приказ, или, во всяком случае, добиться невозможного ограничения действия этого приказа. Он назначил меня еще и по тактическим соображениям, потому что он как начальник управления в том положении, в каком он находился, конечно, не мог так смело высказываться, как мог бы сделать это я, благодаря моему подчиненному положению. И в-третьих, он точно знал мои настроения по этому вопросу, то есть те убежде-

ния, которые я неоднократно практически на деле подчеркивал там, где это было можно, в связи с моими поездками на фронт, где я бывал очевидцем истязаний военнопленных. Все это недвусмысленно изложено в моих записях.

Эймен: Скажите, Канарис и другие члены Вашей группы имели какие-нибудь прозвища для Рейнеке?

Лахузен: Не только наша группа, но и другие называли его «маленьким Кейтелем» или «вторым Кейтелем».

Эймен: Скажите, пожалуйста, до того, как Вы пошли на это совещание, Канарис давал какие-нибудь пояснения к приказам командования?

Лахузен: Уже при издании этих приказов Канарис в наших кругах (когда я говорю «наши круги», я в первую очередь подразумеваю начальников отделов) резко отрицательно отнесся к ним и заявил протест через отдел разведки, то есть Бюркнера. Я не могу точно сказать сейчас, было это доложено Кейтелю устно или письменно. Возможно, были использованы оба способа. Бюркнер это должен точно знать.

Эймен: Когда Вы говорите «протестовали через Бюркнера», что Вы имеете в виду?

Лахузен: Этот протест или эти контраргументы по вопросу обращения с русскими военнопленными были переданы Канарисом через отдел разведки, через Бюркнера. В отделе разведки имелся сектор, занимающийся вопросами международного права. Этот сектор возглавлялся графом Мольтке, который, так же как и другие, принадлежал к узкому кругу Остера и был казнен после 20 июля.

Эймен: Объясните теперь, пожалуйста, Трибуналу, что произошло и что было сказано на этом совещании?

Лахузен: Совещание открыл генерал Рейнеке и в качестве введения прокомментировал приказы в таком духе, как я уже говорил. Он заявил, что необходимо принять эти меры, и особенно необходимым он считал добиться того, чтобы и армия и в особенности офицерский состав уяснили себе это, так как они поныне пребывают мысленно где-то в ледниковом периоде, а не в национал-социалистской действительности.

Эймен: Что Вы сказали на этом совещании, какую точку зрения Вы высказывали?

Лахузен: Я представлял точку зрения отдела разведки за границей, то есть Канариса. Я указал главным образом на крайне неблагоприятное влияние этих мероприятий на армию и именно на фронте, где никогда бы не поняли смысла такого приказа. Во всяком случае простой солдат не понял бы этого приказа. Кроме того, у нас имелись сообщения о том, что эти экзекуции проводились прямо на глазах у солдат...

Эймен: И чтобы нам было совершенно ясно, еще раз повторите, что Вы сказали о том впечатлении, которое произведет на немецких солдат выполнение этого приказа?

Лахузен: Я сказал, что, как нам стало известно по различным сообщениям с фронта, выполнение подобных приказов оказывает неблагоприятное, разлагающее влияние на настроение и дух наших войск и даже на дисциплину армии.

Эймен: Были ли какие-либо обсуждения международного права на этом совещании?

Лахузен: Нет. В этой связи о международном праве не говорилось. Говорилось лишь о том, что изоляция военнопленных проводится совершенно произвольно, не говоря уже об этом основном приказе.

Эймен: Мы перейдем к этому через минуту. Ваша точка зрения была принята на этом совещании?

Лахузен: Моя точка зрения, которая являлась точкой зрения управления контрразведки, была в самой резкой форме подвергнута критике со стороны Мюллера, который, отвергая ее, выступил против моих аргументов с обычными формулировками и сделал только тот вывод, что, принимая во внимание необходимость поддерживать дух войск, отныне все эти экзекуции должны производиться в стороне от воинских частей. Кроме того, он высказался по вопросу отбора (изоляции) военнопленных, который до сих пор являлся совершенно произвольным, всецело зависел от воли отдельных командиров на фронте и проводился по их усмотрению.

Эймен: А потом, после этого совещания, был ли издан приказ об этих убийствах, которые должны были производиться в стороне от немецких войск?

Лахузен: Кроме того, что я сейчас говорил о высказываниях Мюллера, я ничего больше не слышал об этом в то время. Только сейчас в приказе, который мне был представлен, я увидел результаты того совещания и подтверждение того обещания, которое мне было дано.

Эймен: Скажите, говорилось ли на этом совещании что-нибудь о том, каким путем должны приводиться в исполнение приказы об этих убийствах?

Лахузен: Да, на этом совещании вообще обсуждался комплекс этих вопросов, а также и способы выполнения этих приказов. Насколько я помню, это должно было быть поручено эйнзатцкомандам СД, которые должны были проводить и отбор необходимых людей в лагерях и сборных пунктах для военнопленных; они также должны были проводить экзекуции. Далее Рейнеке обсуждал мероприятия по обращению с русскими военнопленными в лагерях. Рейнеке в очень резкой форме выска-

зался против моих аргументов и энергично поддержал аргументацию Мюллера.

Эймен: Теперь объясните, пожалуйста, Трибуналу из того, что Вы узнали на этом совещании, каким образом производился отбор этих военнопленных и как устанавливалось, кого из них убивать?

Лахузен: Отбор военнопленных производили специально предназначенные для этого особые команды СД, причем по совершенно своеобразному и произвольному принципу. Некоторые руководители этих эйнзатцкоманд придерживались расового принципа, то есть если практически какой-либо из военнопленных не имел определенных расовых признаков или безусловно был евреем или еврейским типом или если он являлся представителем какой-то низшей расы, над ним производилась экзекуция. Иные руководители этих эйнзатцкоманд производили отбор по принципу интеллекта или интеллигентности военнопленных. Другие руководители таких эйнзатцкоманд тоже имели свои принципы отбора. Обычно это были очень своеобразные принципы. Поэтому я счел необходимым спросить Мюллера: «Скажите, по каким, собственно, принципам должен происходить этот отбор, что тут принимается во внимание: размер ботинок или рост военнопленного?» Мюллер не принял во внимание это мое возражение, как и все прочие, и весьма резко высказал свое мнение. Надо сказать, что Рейнеке вместо того, чтобы согласиться с моей точкой зрения, принял те соображения, которые были высказаны Мюллером, в то время как наша точка зрения, то есть точка зрения управления контрразведки, которая должна была построить так называемый «золотой мост», не была принята. Это и явилось содержанием совещания, на котором я присутствовал.

Эймен: Узнавали ли Вы из официальных донесений, которые Вы получали, о том, как выполнялись эти приказы?

Лахузен: О том, что действительно происходило, мы в ходе событий информировались нашими специальными органами, которые работали либо на фронте, либо в этих лагерях. В лагерях обычно находились также офицеры третьего отдела контрразведки, и мы получали оттуда сведения в форме донесений обычным служебным порядком; иногда это были устные доклады. Таким образом, обычным путем мы ставились в известность о том, как проводились в жизнь эти мероприятия и какое влияние они оказывали.

Эймен: Сведения, которые Вы получали, были секретными, недоступными для других?

Лахузен: Информация, которую мы получали, считалась секретной, как и всякая информация, получаемая в нашем отделе. Но на практике это было известно широким военным

кругам, а именно то, что происходило в лагерях во время отборов.

Эймен: На этом совещании Вы узнали что-нибудь от Рейнеке об обращении с русскими военнопленными в лагерях?

Лахузен: На этом совещании говорилось также и об обращении с русскими военнопленными в лагерях, и именно Рейнеке придерживался той точки зрения, что в лагерях с русскими военнопленными, само собой разумеется, не следует обращаться так, как с военнопленными других союзных стран; должно существовать принципиальное различие в обращении с русскими военнопленными. Поэтому охранники в лагерях должны иметь хлысты и иметь право применять оружие при малейшей попытке к бегству или нежелательных действиях.

Эймен: Помимо хлыстов, что еще получала охрана в штаб-лагах?

Лахузен: Это детали, которых я в настоящий момент не помню. Я могу лишь передать общий смысл того, что говорилось на этом совещании.

Эймен: А что Рейнеке сказал о хлыстах, если он вообще говорил что-нибудь об этом?

Лахузен: Рейнеке сказал, что охранники лагерей должны применять палки и хлысты или вообще что-либо вроде этого.

Эймен: Знали ли Вы из официальных источников о приказе клеймить русских военнопленных?

Председатель: Полковник Эймен, мне кажется, Вам следует говорить «советские военнопленные» вместо «русские военнопленные».

Эймен: Хорошо, ваша честь. Что же Вы знали об этих приказах?

Лахузен: Я узнал об этом на совещании, как я уже сказал ранее, на котором присутствовали начальники отделов. Во всяком случае один из начальников отделов должен был присутствовать обязательно.

Эймен: Знаете ли Вы о существовании каких-либо протестов против этого приказа?

Лахузен: Канарис заявил очень резкий протест сразу же после того, как был получен этот приказ, протест против намерения подвергать советских военнопленных клеймению раскаленным железом. Это было сделано Канарисом через Бюркнера.

Эймен: Канарис Вам что-нибудь говорил об этом приказе? Что именно он говорил?

Лахузен: Канарис не только мне, но и вообще нам говорил, что этот вопрос уже был поднят в одном из заключений врачей-экспертов и как вообще могли найтись врачи, считающие возможным письменно излагать свои соображения относительно

этого безумия. Это и явилось основным вопросом, разбиравшимся на совещании.

Эймен: Получали ли Вы какую-нибудь информацию из официальных источников относительно планов угона советских военнопленных на немецкую территорию?

Лахузен: В той же связи и в том же кругу (я должен повториться), то есть на совещаниях между Канарисом и его начальниками отделов, я слышал и знаю, что генеральный штаб подготовил переброску советских военнопленных на германскую территорию, но что эта переброска внезапно была приостановлена. Насколько я помню, это было произведено по приказу самого Гитлера. Об этом свидетельствуют и те условия, которые затем создавались в лагерях, находящихся в районах военных действий. Военнопленные там жили крайне скученно, им не хватало одежды, еды; ввиду крайней скученности возникали эпидемические заболевания...

Эймен: Вы говорили об изменениях в планах перевода советских военнопленных обратно на германскую территорию. Это правильно?

Лахузен: Да, их именно не послали в Германию.

Эймен: Что явилось результатом этого мероприятия, то есть отказа от перевода военнопленных в Германию по приказу Гитлера?

Лахузен: Военнопленные, большинство военнопленных, оставались в зоне военных операций и никак не обеспечивались даже тем, что было предусмотрено для обеспечения военнопленных, то есть у них не было жилья, продовольственного снабжения, врачебной помощи и т. п., и ввиду такой скученности, недостатка пищи или полного отсутствия ее, оставаясь без врачебной помощи, валяясь большей частью на голом полу, они умирали. Распространялись эпидемии...

Эймен: Вы лично были на фронте и видели эти условия?

Лахузен: Я совершил ряд поездок вместе с Канарисом и кое-что из описанного мною видел собственными глазами. Эти записи того времени, которые я вел, были найдены среди моих бумаг.

Эймен: Вы получали также сведения об этих вопросах через официальные источники разведки?

Лахузен: Да, я получал эти сообщения через подчиненный мне отдел и управление разведки.

Эймен: На основании Ваших официальных сведений скажите, в какой степени участвовало командование вооруженных сил в дурном обращении с военнопленными?

Лахузен: По моим сведениям, вооруженные силы Германии были связаны со всеми мероприятиями, касавшимися

военнопленных, но не с экзекуциями, которые проводились командами СД и главного имперского управления безопасности.

Эймен: Правильно ли, что лагеря военнопленных находились в ведении вооруженных сил?

Лахузен: Военнопленные находились в ведении верховного командования вооруженных сил Германии.

Эймен: До того, как пленники размещались в лагерях, специальные части СС занимались казнями и отбором пленных для производства казней над ними. Это правильно?

Лахузен: Да.

Эймен: Получали ли Вы официальным путем сведения относительно существования приказа об убийстве английских «командос»?

Лахузен: Да.

Эймен: Что Вы или Канарис сделали в связи с этим приказом?

Лахузен: Насколько я помню, приказ или, во всяком случае, намерение издать такой приказ существовало. Канарис обсуждал этот вопрос с начальниками отделов. Все мы, конечно, встретили этот приказ единодушным протестом. Не говоря уже о чисто международно-правовых соображениях, надо учитывать, что при управлении контрразведки существовало специальное подразделение, которое было присоединено к моему отделу. Это был Бранденбургский полк, который должен был выполнять функции, аналогичные функциям особых команд СД. Поэтому я как начальник отдела, которому был придан этот полк, за который я нес ответственность, опасаясь репрессий, которые могло повлечь за собой выполнение этого приказа, самым резким образом протестовал против него.

Эймен: Вы лично участвовали в составлении этих протестов?

Лахузен: Мне известно, что дважды: первый раз, кажется, одновременно с оглашением приказа письменно или устно и второй раз после приведения в исполнение казней, согласно этому приказу, Канарис через управление разведки, через Бюркнера, передавал по этому поводу протесты. Я сам принимал некоторое участие в создании проекта одного из этих письменных протестов. Я не знаю, был ли первый или второй протест подан в письменном виде, так как я написал только ту часть проекта, которая затрагивала интересы моего отдела, то есть Бранденбургского полка, который действовал почти так же, как эйнзатцкоманда, во всяком случае, его деятельность была очень похожа на деятельность команды СД.

Эймен: Кому обычно направлялись эти протесты?

Лахузен: Протесты направлялись начальнику Канариса, то есть начальнику ОКВ,

Эймен: Кто был начальником ОКВ?

Лахузен: Им был тогда Кейтель.

Эймен: Попадали ли эти протесты обычно к Иодлю?

Лахузен: Я этого не могу сказать, но это возможно.

Эймен: Теперь скажите Трибуналу, на чем были основаны протесты?

Лахузен: Основой этих протестов был прежде всего тот принцип, что по этому приказу солдаты, то есть не шпионы или агенты, а именно солдаты, которые брались в плен как таковые, убивались после того, как их брали в плен. Это было самым существенным пунктом, который затрагивал и мой отдел, так как в мой отдел входили также солдаты, которые, будучи солдатами, должны были выполнять похожие задачи.

Эймен: Были ли какие-либо другие доводы высказаны в протесте?

Лахузен: Да, конечно, приводились еще и другие подтверждения этих доводов, а именно в зависимости от того, каковы были интересы затронутых этим приказом отделов. Так, например, иностранный отдел рассматривал это с точки зрения международного права, отдел контрразведки № 3 отстаивал ту точку зрения, что следует допрашивать солдат, захваченных этими командами, и этот отдел не был заинтересован в убийстве этих солдат...

...Руденко¹: Отвечая на вопрос полковника Эймена, Вы сказали: «Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению». Я прошу уточнить, что означал у Вас термин «соответствующее обращение»?

Лахузен: Под этим я подразумеваю все те жестокие мероприятия, которые практически проводились, о чем я уже здесь говорил. Я глубоко убежден, что эти мероприятия были еще больших масштабов, чем мне это было известно ввиду ограниченной деятельности.

Руденко: Вы говорили, что были созданы специальные команды по отбору и сортировке военнопленных. Правильно ли понимать сортировку так: кого — убить, а кого — заключить в лагерь?

Лахузен: Да. Команды особого назначения, то есть эйнзатцкоманды СД, очевидно, осуществляли казни только отобранных военнопленных.

Руденко: Значит, руководитель команды решал вопрос: кому — жить, кому — не жить?

Лахузен: Да. Именно об этом говорилось на совещании у Рейнеке, так как руководителям этих команд было дано право

¹ Руденко Р. А. — Главный обвинитель от СССР. — Составители.

решать, кого в соответствии с приказом следует рассматривать как человека, отравленного большевизмом, а кого — нет.

Руденко: И руководитель команды решал этот вопрос?

Лахузен: Да...

Руденко: Вы здесь говорили о Ваших протестах Канарису против этих зверств и убийств. Имелись ли какие-нибудь результаты от этих протестов?

Лахузен: Результаты были очень скромные, их вряд ли можно рассматривать как результаты. Тот факт, что казни все-таки имели место, хотя они и производились в 500 метрах от расположения наших войск и на глазах у солдат, вряд ли можно назвать результатом.

Руденко: Какой разговор был у Вас с Мюллером насчет «уступок Мюллера» по поводу расстрелов, пыток и т. д.? Вы, может, вспомните, что Вы сообщали об этом при допросе Вас представителем советской делегации, полковником Розенблитом?

Лахузен: С Мюллером я имел подробный разговор, особенно относительно системы отбора военнопленных, и, как пример, привел события в Крыму, когда были расстреляны советские солдаты, жители Крыма, по подозрению в том, что они евреи, хотя на самом деле они были мусульмане. Не говоря уже о зверском характере этого и всех других мероприятий, можно констатировать совершенно бессмысленную точку зрения, согласно которой проводились все эти мероприятия. Нормальный человек не может себе их уяснить. Я об этом говорил.

...Руденко: Меня интересует, что сказал Мюллер?

Лахузен: Он мне довольно цинично ответил: «Тогда придется производить эти расстрелы в стороне от наших войск, если, как вы утверждаете, вид этих расстрелов настолько их расстраивает и духовно солдаты страдают от этого». Таков был в основном смысл его ответа.

Руденко: Это и был результат Вашего протеста?

Лахузен: Да, это был результат моего протеста.

Руденко: Условия в лагерях, где были заключены советские военнопленные, массовое уничтожение военнопленных — все это было, существовало с ведома и согласно приказам германского верховного командования?

Лахузен: Это находилось в какой-то связи с главным имперским управлением безопасности и его сотрудниками. В дополнение к сказанному я должен объяснить, что в то время приказы мною не читались. Я узнавал о них только на совещаниях, главным образом на совещаниях у Рейнеке, с которым я встречался как с представителем ОКВ, и у Мюллера. На всех этих совещаниях говорилось о сотрудничестве и координации.

Руденко: Вы это узнавали из частных разговоров или на специальных и официальных совещаниях?

Лахузен: Это были совершенно официальные служебные совещания, которые созывал председательствующий Рейнеке. На этих совещаниях я присутствовал официально, не как Лахузен, а как представитель отдела разведки за границей.

Руденко: Стало быть, приказы, которые были Вам известны, исходили от германского верховного командования?

Лахузен: Да, от ОКВ и высшей инстанции главного имперского управления безопасности, причем Рейнеке оглашал эти приказы и разъяснял их.

Руденко: На этих совещаниях вопрос, как Вы изволили выразиться, вертелся вокруг убийств и поджогов?

Лахузен: О поджогах ничего не говорилось, на совещаниях обсуждались приказы, касающиеся военнопленных и их казней.

...Председатель: Французский обвинитель желает задать какие-либо вопросы?

Дюбост: У меня будет единственный вопрос (*обращается к свидетелю*). Кто Вам давал приказы относительно уничтожения военных руководителей?

Лахузен: Я что-то не понял.

Дюбост: Кто Вам давал приказы о совершении преступлений?

Лахузен: Приказов я не читал. То, что обсуждалось в наших кругах, говорит о том, что эта идея принадлежала самому Гитлеру...

Дюбост: Кто из подсудимых отдавал такие приказы?

Лахузен: Я этого не могу сказать, потому что я просто не знаю этого.

...Дюбост: Кто Вам давал приказы об убийстве Жиро и Вейгана?

Лахузен: Приказ об устранении, то есть об убийстве, Вейгана и Жиро был мне передан Канарисом как приказ Кейтеля. Я заметил это еще на совещании-докладе, на котором присутствовал и которое, по моим записям, происходило 23 декабря 1940 г. у Кейтеля. Я присутствовал тогда на беседе между Канарисом и Кейтелем, и тогда Кейтелем был задан вопрос, в какой стадии находится это дело? О том, что этот приказ был передан Канарису Кейтелем, я узнал от самого Канариса... Во второй раз мне сообщили об этом на докладе у Кейтеля, где я был вместе с Канарисом в июле 1942 года. Мне это было сообщено в такой же форме, как и об убийстве Вейгана. И наконец, об этом я узнал непосредственно, разговаривая по телефону с Кейтелем.

...*Председатель*: Хотите задать какие-либо вопросы, доктор Нельте?

Нельте: Свидетель Лахузен дал очень важные показания... Мой подзащитный — Кейтель — хочет задать ряд вопросов после того, как он поговорит со мной. Прошу Трибунал или сделать сейчас продолжительный перерыв, или отложить эти вопросы до следующего заседания...

Председатель: Хорошо. Вы будете иметь возможность подвергнуть свидетеля перекрестному допросу завтра. Есть ли сейчас вопросы к свидетелю у членов Трибунала?

*Биддл*¹: Я хочу спросить свидетеля, давались ли приказы об убийстве русских и относительно обращения с военнопленными в письменном виде?

Лахузен: По моему мнению, да.

Биддл: Это были официальные приказы?

Лахузен: Да, это были официальные приказы. Они содержали полное объяснение тех действий, которые должны были совершаться. Об этих приказах говорили Рейнеке и другие... Эти приказы обсуждались, но я не могу сказать, был ли один или несколько приказов и кем они подписаны...

Биддл: Знаете ли Вы, кому и в какие организации обычно такие приказы направлялись?

Лахузен: Основные приказы такого рода, безусловно, направлялись в ОКВ, потому что они затрагивали вопрос о военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, то есть Рейнеке. Поэтому и совещания происходили у Рейнеке.

Биддл: Таким образом, члены генерального штаба или хотя бы некоторые из них знали об этих приказах?

Лахузен: Содержание приказов, о котором я говорил, было известно очень многим представителям германских вооруженных сил, и воздействие этих приказов на вооруженные силы было огромным, об этих приказах очень много говорилось...

Биддл: Приказы были известны руководителям СА и СД?

Лахузен: Они должны были быть им известны, так как все рядовые солдаты это знали. Это было частично известно даже населению...

*Никитченко*²: Правильно ли, что инструкции об уничтожении военнопленных и зверском обращении с ними Вы получали на совещаниях у Рейнеке?

Лахузен: Да, но я должен внести поправку. Я и отдел разведки не получали эти инструкции, так как мы непосредственно не имели к этому отношения. До моего сведения об этом доводилось, и меня на эти совещания привлекали только

¹ Биддл — член Трибунала от США. — Составители.

² Никитченко И. Т. — член Трибунала от СССР. — Составители.

потому, что я являлся представителем разведки за границей.

Никитченко: Помимо совещаний у Рейнеке, происходили ли также совещания в главной ставке, где давались бы указания об уничтожении военнопленных?

Лахузен: Конечно, совещания такого рода должны были иметь место, однако я присутствовал только на одном таком совещании, оно состоялось в ОКВ...

Никитченко: Совещания проводились не для того, чтобы устанавливать правила хорошего обращения с военнопленными, а для того, чтобы разрабатывать методы их истребления?

Лахузен: Да.

Никитченко: Риббентроп присутствовал на этих совещаниях?

Лахузен: Нет...

Никитченко: На каком совещании было дано указание об уничтожении и сожжении деревень в Галиции?

Лахузен: То, что подразумевает генерал, относится к совещанию, состоявшемуся в поезде фюрера в 1939 году. Согласно записи в дневнике Канариса, это было 12 сентября. Смысл приказа или указания, которое было сделано Риббентропом Канарису через Кейтеля, был таков: необходимо было связаться с украинскими националистами, с которыми разведка имела уже соответствующий контакт в военном отношении, для того, чтобы вызвать повстанческое движение в Польше, которое имело бы своим следствием истребление поляков и евреев в Польше. Об этом же говорилось Риббентропом лично Канарису. Когда говорили «поляки», то подразумевали интеллигенцию и все те круги, которые выступали в качестве носителей национального сопротивления... Считали, что нам следует дать это политическое и террористическое задание и мы его выполним вместе с украинскими националистами..., которых было, примерно, 600 или 1000 человек... Это была подготовка чисто военных диверсионных актов.

Никитченко: Такие указания исходили от Риббентропа и Кейтеля?

Лахузен: Да, они исходили от Риббентропа. Приказы, имевшие политический смысл, не могли исходить от управления разведки.

Документ СССР-151

ПОКАЗАНИЯ

КУРТА ФОН ЭСТЕРРЕЙХА, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ В ОТСТАВКЕ — БЫВШЕГО
НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ДАНЦИГСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

от 28 декабря 1945 г.

Моя деятельность на посту начальника отдела по делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа началась с 1 февраля 1941 г. До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 года я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандования состоялось секретное совещание.

Руководил совещанием генерал-лейтенант Рейнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке.

На этом совещании присутствовало свыше двадцати человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки. Фамилий этих офицеров я сейчас не помню.

Генерал Рейнеке сообщил нам под большим секретом о том, что ориентировочно в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте.

Все присутствовавшие на этом совещании начальники отделов по делам военнопленных получили конкретные задания о подготовке определенного количества лагерей для приема и размещения в них русских военнопленных.

Я лично получил от генерала Рейнеке задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тысяч русских военнопленных.

В связи с ограниченным сроком генерал Рейнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерь с крытыми бараками, то устраивать лагерь для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженное только колючей проволокой.

Далее Рейнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег.

Спустя, примерно, 8—10 дней после возвращения с указанного совещания в Данциг, я получил совершенно секретный приказ ставки, подписанный генерал-лейтенантом Рейнеке, в котором говорилось, что мне, в соответствии с указаниями, данными на совещании в Берлине, надлежит организовать на территории Данцигского военного округа лагерь для военнопленных, присвоив ему номер 312-А.

В соответствии с этим приказом в городе Торунь, на военном учебном плацу, мною был организован стационарный лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Для сооружения этого лагеря я использовал английских военнопленных, содержащихся в подчиненных мне Шталагах XX-Б. Одновременно мною был подобран штат лагерной администрации.

Через некоторое время после получения упомянутого выше приказа я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Рейнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к побегу. Кто подписал это распоряжение, я сейчас не помню.

В июне 1941 года, через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза, я получил еще приказ ставки верховного германского командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Рейнеке.

В этом документе, так называемом «комиссарен-эрлас», именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось расстреливать всех поголовно русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, коммунистов и евреев.

В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам Шталагов XX-Б майору Зегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнингу.

Подполковник Дульнинг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных политических работников Красной Армии, коммунистов и евреев. Трупы расстрелянных были зарыты в общих могилах на кладбище в районе расположения лагеря XX-C.

Выявленных среди военнопленных политработников Красной Армии, коммунистов и евреев, в соответствии с указанием ставки верховного германского командования, коменданты лагерей передавали в зондеркоманды СД, где их расстреливали.

Так, комендантами шталагов Данцигского военного округа было передано зондеркоманде СД для расстрела около 1200 советских военнопленных.

В конце 1941 или начале 1942 года я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.

Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах.

По предложению Гревенитца по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание — нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зегера, Больмана и Дульнинга проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось бы весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 года я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется.

В октябре 1942 года, во время посещения Дулага в районе Чир, комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30—40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях не способных к труду русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 года Дулага № 125 в городе Миллерово комендант

лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних восьми дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных.

Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками.

Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний.

Так, в шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 4 тысяч человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине — 6—9 тысяч русских военнопленных, трупы которых зарывались массами или одиночками в ямах в районах расположения лагерей.

Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе города Острожска. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь 1942 года), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей.

Аналогичное положение русских военнопленных имело место и при этапировании их. Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, ботинки, обмундирование, белье и другие вещи.

Пленных привозили в крытых или открытых товарных вагонах, где им приходилось и оправляться. Десятки дней они не могли умываться из-за отсутствия воды, получали голодную норму пищи.

В начале 1942 года при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в город Торунь умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. В этих вагонах стоял зловонный трупный запах. Около 100 человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны.

За время моей деятельности в Данцигском военном округе ко мне поступило 12—13 эшелонов по 1000—1500 русских военнопленных в каждом. В этих эшелонах в пути следования умирало приблизительно 50—100 человек русских военнопленных.

В октябре 1942 года в Харьков прибыл эшелон с русскими военнопленными. В Харькове выяснилось, что в этом эшелоне

из 1500 человек недостает около 150. При выяснении оказалось, что 75 человек умерло в пути следования от голода, а их трупы находилось неубранными в вагонах. Остальные 75 человек пытались бежать, но были схвачены охраной и расстреляны на месте.

Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжело больные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200—300 человек.

Должен также указать, что в подчиненных мне лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках содержалось под арестом до 20 тысяч советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов Украины, охваченных партизанским движением.

Кроме того, около 30 деревень с проживавшими в них около 10 тысяч человек гражданского населения по тем же мотивам было взято под арест.

Каждая из указанных деревень была оцеплена немецкими войсками. Проживавшее в них гражданское население никуда не выпускалось до момента подавления партизанского движения в прилегающих к этим деревням районах.

После подавления в указанных районах партизанского движения работоспособные советские граждане — мужчины и женщины — от семнадцати до сорока лет были вывезены для работы в Германию. Насколько я помню, в Германию было вывезено свыше 10 тысяч человек.

Показания написаны мною собственноручно.

Эстеррейх Курт

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ МОРИСА ЛАМПА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 25 января 1946 г.]

Председатель: Как Ваше имя?

Свидетель: Морис Ламп.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги. Я клянусь говорить без страха...

Ламп: Я клянусь говорить без страха...

Председатель: Буду говорить правду...

Ламп: Буду говорить правду...

Председатель: Всю правду, только правду...

Ламп: Всю правду, только правду.

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: я клянусь.

Ламп: Я клянусь.

Дюбост: Мсье Ламп Морис.

Председатель: Скажите по буквам.

Дюбост: Ламп. Вы родились в городе Рубэ 23 августа 1900 г. Вы были высланы немцами?

Ламп: Да.

Дюбост: Вы были заключены в Маутхаузене?

Ламп: Да.

Дюбост: Можете ли Вы дать свидетельские показания о том, что Вы знаете об этом лагере?

Ламп: Охотно.

Дюбост: Скажите, что Вы знаете?

Ламп: Я был арестован 8 ноября 1941 г. После двух с половиной лет заключения во Франции я был выслан 22 марта 1944 г. в Маутхаузен, в Австрию.

Дорога туда продолжалась три дня и три ночи в условиях, чрезвычайно мучительных, — четвереста арестованных находились в душных вагонах для скота. Я не вижу необходимости более подробно описывать это путешествие. Но можно себе представить, в каких условиях при 12 градусах мороза мы добрались утром 26 марта 1944 г. в Маутхаузен. Я указываю, однако, что, начиная с французской границы, в вагонах мы ехали совершенно раздетыми.

Когда мы прибыли в Маутхаузен, офицер СС, который принимал этот эшелон, состоявший из 1200 французов, объявил нам в следующих выражениях, которые я повторяю на память почти дословно:

«Германии нужны ваши руки. Следовательно, вы будете работать. Но я хочу вас предупредить, что никогда вы не увидите ваших семей. Когда попадают в этот лагерь, выходят только через трубу крематория».

Я оставался приблизительно три недели в карантине (изолированный блок) и затем был направлен для работы в бригаду в каменоломне.

Каменоломня Маутхаузена, расположенная в углублении, находилась приблизительно в 800 метрах от лагеря. Чтобы спуститься туда, имелось 186 ступенек; предстоял тяжелый путь, поскольку эта лестница, где были неровные ступени, была построена таким образом, что, поднимаясь даже без ноши, люди приходили уже обессиленными.

В этот день, 15 апреля 1944 г., я был назначен в смену, состоявшую из 12 человек. Все мы французы были под командой немецкого «капо» — бандита и одного члена СС. Мы начали работу в 7 часов утра. В 8 часов, час спустя, двое из моих товарищей уже были убиты. Это были: почти старик, мсье Грегуар из Лиона, и совсем юноша, Лефевр из города Тур. Они были убиты потому, что не поняли команды на немецком языке, когда назначали этих людей на работу. Наше незнание немецкого языка давало очень часто повод нас избивать.

Вечером этого первого дня, 15 апреля 1944 г., нам было поручено принести эти два трупа. Тот, которого я и трое из моих товарищей несли, было тело старика Грегуара, человека тяжелого. Мы были несколько раз избиты, пока поднимались с трупом по лестнице в 186 ступенек.

Жизнь в Маутхаузене, а я хочу рассказать Суду лишь только то, что я сам знал и видел, была длинной цепью страданий и пыток.

Мне хотелось тем не менее напомнить некоторые сцены, особенно тяжелые, которые у меня особенно запечатлелись. В течение сентября, мне кажется, 6 сентября 1944 г., прибыл в Маутхаузен небольшой транспорт: 47 английских офицеров, американцев и голландцев. Это были летчики, спустившиеся на парашютах. Они были задержаны после попытки вернуться в свою страну. За это они были приговорены к смерти немецким судом. Они были взяты в плен полтора года тому назад. Их привезли в Маутхаузен, чтобы там казнить. По приезде их поместили в бункер — лагерную тюрьму. Они были совсем раздеты, на них были лишь кальсоны и рубашки, и они были босы. Утром в 7 часов они были на перекличке. Лагерные бригады отправи-

лись на работу. Эти 47 офицеров были собраны около канцелярии и слышали от коменданта лагеря свой смертный приговор. Я должен сказать, что один американский офицер просил у коменданта СС, чтобы его казнили так, как подобает быть казненным солдату. Последовал ответ: «Удары хлыстом, только удары». 47 человек должны были идти босиком к каменоломне. Их казнь осталась у всех в памяти в Маутхаузене. Это была картина Дантова ада.

Вот как действовали в этих случаях. Внизу лестницы на плечи несчастных накладывали камни, которые они должны были нести наверх, от 25 до 35 килограммов. Первое путешествие заканчивалось под ударами палок. Затем следовал спуск бегом. При втором путешествии камни были более тяжелые и, по мере того, как ноша становилась все тяжелее, на несчастных сыпались еще удары сапогом, удары резиновых дубинок и даже камнями, которые в них бросали. Это длилось несколько дней. Вечером, когда я шел в бригаду, в которой я состоял, дорога, которая вела в лагерь, была дорогой крови. Я едва не наступил на нижнюю челюсть убитого — 21 труп лежал на дороге. 21 человек умер в первый день, а 26 остальных умерли на следующий день утром. Я попытался, по возможности кратко, изложить это ужасное зрелище. Мы не смогли, когда были в лагере, узнать имена этих офицеров, но мне кажется, что после их имени стали известны.

В сентябре 1944 года к нам приехал Гиммлер. Ничего не изменилось в работе лагеря. Бригады, как обыкновенно, спускались, и мы имели печальный случай увидеть Гиммлера довольно близко. Но если я упоминаю о пребывании Гиммлера в лагере, что не было, в конце концов, большим событием, то лишь потому, что в этот день Гиммлеру представили зрелище казни 50 советских офицеров. Я должен сказать, что я тогда работал в бригаде Мессершмидта и в этот день я был в ночной смене. Блок, где я находился, был как раз напротив крематория и того места, где происходили казни, и я видел этих советских офицеров, которые стояли по пять человек в ряд у блока в ожидании быть вызванными один за другим. Дорога, которая вела в комнату, где совершались казни, была относительно короткая; туда вела лестница, по которой можно было спуститься: комната казни была под крематорием. Казнь, в начале которой присутствовал Гиммлер, длилась непродолжительное время и была особенно тяжелым зрелищем. Я повторяю: советских офицеров вызывали одного за другим, и образовывалось нечто вроде конвейера между теми, которые ожидали своей очереди, и теми, которые слышали выстрел на лестнице. Казнь производилась выстрелом в затылок.

Дюбост: Вы лично присутствовали при этом?

Ламп: Я повторяю, я находился в этот день в послеобеденное время в блоке № 11, расположенном напротив крематория, и если мы не видели самой казни, то мы слышали каждый выстрел. Мы видели осужденных, они стояли напротив нас и обнимались перед тем, как расстаться и спуститься по лестнице.

Дюбост: Кто были эти осужденные?

Ламп: Это были в большинстве случаев советские офицеры, политические комиссары или члены Коммунистической партии. Они прибыли из лагерей для офицеров-военнопленных.

Дюбост: Скажите, были среди них офицеры?

Ламп: Да.

Дюбост: Вам было известно, откуда они прибыли?

Ламп: Нам трудно было знать, из какого лагеря они прибыли, потому что, как общее правило, их изолировали по прибытии в лагерь и отправляли или прямо в тюрьму, или в блок № 20, примыкавший к лагерю...

Дюбост: Откуда Вы знали, что это были офицеры?

Ламп: Потому что мы имели возможность общаться с ними.

Дюбост: Все прибыли из лагеря военнопленных?

Ламп: Вероятно.

Дюбост: Вы точно не знали?

Ламп: Мы этого не знали, потому что главным образом интересовались национальностью, но не подробностями.

Дюбост: Английские, американские и голландские офицеры, о которых Вы нам только что говорили, были казнены на лестнице в каменоломне. Знаете ли Вы, откуда они все прибыли?

Ламп: Мне кажется, что они прибыли из Голландии, в частности, летчики, самолеты которых, вероятно, были сбиты, которые сбросились с парашютами и которые, скрываясь, пытались добраться до своей страны.

Дюбост: Было ли известно заключенным в Маутхаузене, что офицеров и унтер-офицеров казнили?

Ламп: Это было обычно.

Дюбост: Это было обычно?

Ламп: Это было очень обычно.

Дюбост: Знаете ли Вы о некоторых коллективных казнях заключенных в Маутхаузене?

Ламп: Мы знаем множество примеров.

Дюбост: Пожалуйста, расскажите о них.

Ламп: Наряду с теми казнями, которые я только что описал, надлежит напомнить казнь особого вида части транспорта, прибывшего из Саксенхаузена. Это происходило 17 февраля 1945 г. Под натиском союзных армий некоторые лагеря эвакуировались по направлению к Австрии. Транспорт в 2,5 тысячи

арестованных отбыл из Саксенхаузена и прибыл утром 17 февраля в Маутхаузен приблизительно в количестве 1700 человек; 800 человек погибли или были убиты во время пути.

Лагерь Маутхаузен был в это время, если я могу употребить такое выражение, набит до отказа. Поэтому из 1700 оставшихся в живых в этом составе комендант Мейер отобрал 400 человек больных, стариков и самых слабых, сказав, что они попадут в лазарет. Этих 400 человек, которые добровольно назвались, раздели догола при 10-градусном морозе, и в таком виде они оставались 18 часов. Их оставили в таком виде, и они находились между прачечной и стеной, окружавшей лагерь.

Дюбост: Вы при этом присутствовали лично?

Ламп: Лично.

Дюбост: Вы это можете засвидетельствовать, Вы это видели сами непосредственно?

Ламп: Да.

Дюбост: Где Вы были в это время в лагере?

Ламп: Эта сцена длилась, я повторяю, 18 часов, и когда мы входили и выходили из лагеря, это печальное зрелище стояло перед нашими глазами.

Дюбост: Хорошо, продолжайте. Вы нам только что говорили о посещении Гиммлером и о казнях советских офицеров. Вы часто видели при этом известных особ немцев?

Ламп: Да, но не могу их назвать.

Дюбост: Вы их не знали?

Ламп: Гиммлер от них отличался.

Дюбост: Всем было известно, что это видные личности?

Ламп: Да. Мы это знали потому, что, во-первых, при посещении этих людей всегда сопровождали лица из генерального штаба, которые в особенности осматривали примыкавшие к тюрьме блоки и самую тюрьму.

Если Вы позволите, я буду продолжать давать объяснения по поводу убийства этих 400 несчастных. Я сказал, что после того, как попросили больных, самых слабых, стариков, комендант лагеря Мейер приказал, чтобы эти люди при 10-градусном морозе совершенно разделлись. Очень быстро некоторые окоченели, но эсэсовцам казалось, что это недостаточно быстро. Трижды в эту ночь их заставляли спускаться в душ, их заставляли находиться по полчаса трижды под ледяной водой и вновь подниматься, не вытираясь. Утром, когда бригады вышли на работу, лежали трупы. Нужно добавить, что последних приканчивали ударом топора.

Я предьявляю здесь совершенно неоспоримое свидетельство, самое точное, факта, который легко можно проверить. Среди этих 400 людей был кавалерийский капитан французской армии Додион, в настоящее время, мне кажется, он — комендант во-

французском военном министерстве. Этот человек находился среди 400 и спасся только благодаря тому, что спрятался под трупами и, таким образом, избежал удара топором. Когда трупы унесли в крематорий, ему удалось спастись бегством через лагерь, но он получил выстрел в плечо, отчего у него остается шрам на всю жизнь. Пойманный эсэсовцами, он снова спасся, так как эсэсовцам показалось забавным, что живой человек вышел из-под кучи трупов. Мы его лечили, поддерживали и отправили обратно во Францию.

Дюбост: Вам известно, почему эта казнь была совершена?

Ламп: Потому, что в лагере было слишком много людей. В этот лагерь отовсюду пересылали заключенных из свернутых лагерей, и они не могли приноровиться к темпам рабочих команд. Блоки были переполнены. Вот это единственное объяснение, которое можно дать.

Дюбост: Известно ли Вам, кто дал приказ об убийстве английских, американских и голландских офицеров, казнь которых Вы видели в каменоломне?

Ламп: Мне кажется, я сказал, что эти офицеры были приговорены к смерти немецким судом.

Дюбост: Да.

Ламп: Вероятно, некоторые из них были осуждены несколько месяцев тому назад. Они были отосланы в Маутхаузен, чтобы там приговор был приведен в исполнение. Вероятно, это был приказ из Берлина.

Дюбост: Известны ли Вам условия, при которых был создан лазарет?

Ламп: Я со всей объективностью могу заявить, что лазарет был построен до моего прибытия в лагерь.

Дюбост: Значит, это не прямое показание?

Ламп: Показание, подтверждаемое группой заключенных, а также и самими эсэсовцами. Он был построен первыми советскими пленными, которые прибыли в Маутхаузен. 4 тысячи советских солдат были убиты, замучены во время постройки 8 блоков этого лазарета. Воспоминание об этих убийствах настолько живо осталось в памяти, что никогда в Маутхаузене лазарет не называли иначе, как русский лагерь.

Дюбост: Сколько Вас было французом в Маутхаузене?

Ламп: Приблизительно в Маутхаузене и в бригадах нас было 10 тысяч французам.

Дюбост: Сколько Вас вернулось?

Ламп: 3 тысячи.

Дюбост: Были ли с Вами и испанцы?

Ламп: 8 тысяч испанцев прибыли в Маутхаузен в 1941 году. Когда мы уехали в апреле 1945 года, их осталось 1600 человек, все остальные были уничтожены.

Дюбост: Откуда прибыли эти испанцы?

Ламп: В большинстве случаев эти испанцы прибыли из рабочих рот, организованных в 1939 и 1940 годах во Франции, или были непосредственно переданы правительством Виши германским властям.

Дюбост: Это все, что Вы имеете сказать?

Ламп: С разрешения Суда, я хочу рассказать об одном случае зверств, который остался у нас в памяти. Это также происходило в течение сентября 1944 года. Извините, если я не точно запомнил дату. Но я помню, что это было в субботу, потому что в субботу все наружные команды проходили вечернюю переключку внутри лагеря. Так было только в субботу вечером и в воскресенье утром. Переключка в этот вечер длилась дольше, чем обычно. Кого-то не хватало. После долгого ожидания обысков, произведенных в различных блоках, нашли одного русского, советского человека, который, возможно, заснул и забыл о переключке. Какова была причина, нам не известно, но он не присутствовал на переключке. Немедленно эсэсовцы с собаками отправились к несчастному, и перед всем лагерем — я находился в первом ряду, не потому, что я этого хотел, но потому, что мы были так размещены, — разъяренные собаки бросились на этого несчастного советского пленного и разорвали его на глазах у всех. Я должен сказать, что, несмотря на мучения, этот пленный держался с особым достоинством.

Дюбост: Какой был режим в лагере? Одинаково ли относились к заключенным всех национальностей? Или были различия по расовым признакам?

Ламп: Как общее правило, режим лагеря был одинаковым для заключенных всех национальностей, за исключением блоков карантина, блоков, примыкавших к тюрьме. Условия работы, выбор команды позволяли иногда некоторым изменить обычные условия. Например, те, кто работал в продовольственных магазинах и на кухне, имели гораздо большие возможности.

Дюбост: Разве на кухнях или в продуктовых магазинах могли работать евреи?

Ламп: Евреи в Маутхаузене составляли команды, где были самые тяжелые условия. Должен, впрочем, сказать, что в декабре 1943 года евреи не жили больше трех месяцев в Маутхаузене. Их было мало.

Дюбост: Что произошло в этом лагере после убийства Гейдриха?

Ламп: Произошел один очень трагический эпизод. В Маутхаузене насчитывалось 3 тысячи чехов, из которых 600 были людьми интеллигентного труда. После убийства Гейдриха чешский концлагерь был уничтожен, за исключением 300 человек

из 3000 и 6 человек из 600 человек интеллигентного труда, которых мы нашли в лагере.

Дюбост: Не говорили ли Вам о «научных» экспериментах?

Ламп: Да, они были часты в Маутхаузене так же, как и в других лагерях. У нас есть свидетельства, которые, мне кажется, вполне себя оправдывают. Это два черепа, которые служили вместо пресс-папье главному врачу СС. Это черепа двух молодых голландских евреев, которые были изъяты из эшелона в 800 человек и выбраны потому, что у них были прекрасные зубы. Главный врач, отбирая их, сказал, что этих двух голландских евреев не постигнет судьба их товарищей по транспорту. Он им сказал: «Здесь евреи не живут. Мне нужно двух здоровых людей для хирургических экспериментов, вы можете выбрать: или вы будете подвергнуты экспериментам, или будете убиты вместе с другими». Этих евреев направили в лазарет, и они были подвергнуты операциям: одному удалили почки, другому — желудок, после этого им сделали укол в сердце бензином, затем их обезглавили. Как я Вам уже говорил, два черепа с прекрасными зубами находились все время, до освобождения, на столе главного врача.

Дюбост: Я обращаюсь по поводу Гиммлера. Вы уверены, что Вы его видели во время казни?

Ламп: Да.

Дюбост: Думаете ли Вы, что то, что происходило в лагере, могло быть не известно членам германского правительства? Посещения, которые у вас были, были ли это посещения просто членов СС или других лиц?

Ламп: Что касается первого вопроса, то мы все знали Гиммлера, и даже, если мы его не знали, то о его посещении говорили за несколько дней вперед, и эсэсовцы нам сообщили о его приезде. Об этом его посещении знали заранее. Он присутствовал при казни советских офицеров. Эта казнь происходила в послеобеденное время, и он не оставался до конца.

Дюбост: Возможно ли, что только эсэсовцы знали, что происходило в лагере? Посещали ли лагерь другие лица, кроме СС?

Знакома ли Вам форма СС?

Ламп: Те, которых мы видели в лагере, это были обычно солдаты или офицеры. Незадолго до освобождения лагерь посетил гаулейтер Верхнего Дуная. Нас часто также посещали члены гестапо, одетые в штатское. Но населению немецкому, в данном случае австрийскому, было известно абсолютно все, что происходило в Маутхаузене. Команды¹ почти все были внешние.

¹ Речь идет о командах заключенных, которых выводили на внешние работы. — Составители.

Я только что говорил, что я работал у Мессершмидта. Мастер был мобилизованный немец, который вечером возвращался в свою семью. Ему была известна наша жизнь, наши страдания, он часто видел, как приходили за людьми, которые должны были быть убиты. Он был свидетелем большинства избиений, о которых я говорил.

Я добавлю. Однажды в Маутхаузене произошло следующее: прибыл эшелон из 30 венских пожарных, арестованных за то, что они приняли участие в акте солидарности. Эти венские пожарные нам сказали, что в Вене, когда хотели напугать детей, говорили: «Если ты не будешь послушным, я тебя отправлю в Маутхаузен». Вот еще более существенная подробность. Лагерь Маутхаузен расположен на плоскогорье, и каждую ночь трубы крематория дымились и наполняли чадом всю местность. Все знали, для чего служил крематорий.

Еще одна подробность: город Маутхаузен находился в пяти километрах от лагеря. Прибывавшие эшелоны разгружались на вокзале города, и все население могло видеть, как шли прибывавшие люди, и знало, в каких условиях эти люди прибывали в лагерь.

Дюбост: Я благодарю Вас.

Председатель: Какие будут вопросы у генерала Руденко?

Руденко: Скажите, свидетель, не известно ли Вам, по чьему приказу были казнены 50 советских офицеров? За что их казнили?

Ламп: По этому отдельному случаю я не могу ответить... Я не знаю причин приговора и их казни, но, как общее правило, все советские офицеры, все политические комиссары или члены Коммунистической партии были казнены в Маутхаузене. И если некоторым из них удалось спастись, то это потому, что их служебное положение не было известно эсэсовцам.

Руденко: Вы утверждаете, что при казни 50 советских офицеров присутствовал Гиммлер?

Ламп: Я утверждаю, что я видел его собственными глазами.

Руденко: Не можете ли Вы более подробно сообщить о казни 400 советских военнопленных, о которых Вы только что говорили?

Ламп: Я не смогу добавить многого, кроме разве того, что эти люди убиты во время работы, потому что, очевидно, недоедание, непосильная работа, которую они должны были выполнять, лишали их сил выполнить задание. Они были убиты на месте ударами палок. Иногда их убивали эсэсовцы или их заставляли идти к проволоке и в них стреляли. Я больше не могу добавить подробностей.

Руденко: Еще один вопрос. Не можете ли Вы более детально сообщить об уничтожении чешской колонны?

Ламп: Я не был в лагере во время уничтожения 3 тысяч чехов, но оставшиеся в живых чехи, с которыми я встречался в 1944 году, мне все единогласно подтвердили этот факт, и, очевидно, они составили для своей страны список убитых людей.

Руденко: Значит, если я Вас правильно понял, в лагере, где Вы находились, происходили расправы без всякого суда и следствия. Каждый эсэсовец вправе был убить заключенного. Правильно ли я понял Ваше сообщение?

Ламп: Это именно так. Жизнь человека в Маутхаузене ни во что не ставилась.

Председатель: Может быть, кто-либо из защитников хочет задать вопрос этому свидетелю?¹

Биддл: Какое количество охраны было в лагере?

Ламп: Количество охраны колебалось, но было, как общее правило, 1200 эсэсовцев и солдат фольксштурма. Тем не менее следует упомянуть, что только 50—60 членам СС разрешалось входить в лагерь.

Биддл: Эти 50 или 60 человек были эсэсовцами, которым разрешалось входить на территорию лагеря?

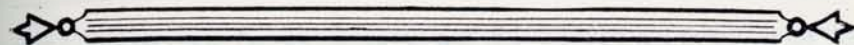
Ламп: Да, это были эсэсовцы.

Биддл: Все ли они были эсэсовцами?

Ламп: Все были эсэсовцами.

Председатель: Свидетель может идти.

¹ Вопросов от защитников не последовало. Свидетелю задал вопрос член Трибунала господин Биддл. — Составители.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЖАНА-ФРЕДЕРИКА ВЕЙТА

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 28 января 1946 г.]

Дюбост: С разрешения Трибунала, мы перейдем к заслушиванию показаний свидетеля Вейта.

(*Вейт подходит к кафедре.*)

Председатель: Вы вызываете этого свидетеля с тем, чтобы он дал показания об обращении с заключенными в концлагерях?

Дюбост: Да, господин председатель, а также потому, что этот свидетель может сообщить нам сведения о жестоком обращении с некоторыми военнопленными в лагерях. Речь идет не только о концлагерях и о гражданских лицах, подвергавшихся жестокому обращению, но и о военных, направленных в эти концентрационные лагеря, где они подвергались такому же жестокому обращению, как и гражданские лица...

...*Вейт:* Жан-Фредерик Вейт. Я родился 28 апреля 1903 г.

Дюбост: Вы француз по национальности?

Вейт: Я по национальности француз, мои родители французы.

Дюбост: В какой лагерь Вы были заключены?

Вейт: Я находился в Маутхаузене с 22 апреля 1943 г. по 22 апреля 1945 г. ...

...*Дюбост:* Можете ли Вы сказать то, что Вы знаете относительно поездки в неизвестный замок автобуса с интернированными, которых больше никто никогда не видел?

Вейт: Одно время в Маутхаузене уничтожали больных посредством уколов. Этим занимался особенно доктор Кребсбах, которого заключенные называли доктором Шприцбахом, так как он ввел систему уколов. Затем больше не стали применять уколы, а в этот период слишком тяжело больных и слишком обесиленных людей стали отправлять в замок, название которого, как мы впоследствии обнаружили, было Хартхайн, но который носил официальное название «Генезунгслагерь», то есть лагерь для выздоравливающих. Все те, кто туда были отправлены, никогда не возвращались, и мы получали непосредственно

из политической секции лагеря извещения об их смерти. Эти извещения были секретными. Все те, кого направляли в замок Хартхайн, умирали. Число умерших достигло приблизительно 5 тысяч человек.

Дюбост: Видели ли Вы прибытие военнопленных в Маутхаузен?

Вейт: Разумеется, я видел военнопленных. Прибывающие в Маутхаузен в первую очередь проходили мимо здания, где помещался политический отдел. Так как я работал в «Холлерите», то я имел возможность их видеть, потому что окна конторы выходили на площадку, на которой находился политотдел и по которой проходили эшелоны. Эти эшелоны немедленно сортировались: одну часть отправляли в лагерь для регистрации, и очень часто некоторых лиц, одетых в форму, отделяли. Этим последним подвергали особым издевательствам в политическом отделе и передавали прямо тюремной охране. Они попадали в тюрьму и пропадали без вести. Их не регистрировали в лагере. Единственную регистрацию, которую они проходили, это в политотделе у Мюллера, который специально занимался этими заключенными.

Дюбост: Это были военнопленные?

Вейт: Это были военнопленные, они очень часто были одеты в военную форму.

Дюбост: Какой национальности?

Вейт: Главным образом русские и поляки.

Дюбост: Их привозили в ваш лагерь для истребления?

Вейт: Их привозили в наш лагерь для того, чтобы подвергнуть их мероприятию «К».

Дюбост: Что Вы знаете о мероприятии «К» и каким образом Вы это узнали?

Вейт: Сведениями о мероприятии «К» я располагаю благодаря тому, что я руководил отделом «Холлерит» в Маутхаузене, вследствие чего я получал все пересылочные путевки из различных лагерей, и когда к нам по ошибке присылали так называемых обычных пленных, мы их заносили в списки как лиц, подлежащих пересылке, которых мы должны были отправлять в центральное управление в Берлине, нет, вернее, мы не нумеровали их, так как не могли этого делать; политический отдел не давал нам никаких указаний и даже уничтожал списки фамилий, если они к нам случайно попадали.

Из разговоров с моими сослуживцами по политотделу я узнал, что это мероприятие «К» применялось прежде всего по отношению к военнопленным, пойманным при попытке к бегству. В дальнейшем это мероприятие распространилось на других. Оно продолжало применяться к пойманным при побеге военным, и в особенности к офицерам, которым удалось бежать,

но которые были схвачены в странах, находящихся под властью немцев.

Кроме того, всякий, кто проявлял какую-либо активность, рассматривавшуюся как не соответствовавшая желаниям нацистских руководителей, мог также быть подвергнут мероприятию «К». Эти заключенные прибывали в Маутхаузен и исчезали, то есть их отправляли в тюрьму, где некоторых из них немедленно уничтожали, а других помещали в филиал тюрьмы, ставшей слишком тесной, в знаменитый в Маутхаузене блок № 20.

Дюбост: Скажите, речь идет именно о военнопленных?

Вейт: Речь идет главным образом о военнопленных.

Дюбост: Знаете ли Вы о казни военнопленных офицеров, привезенных в Маутхаузен?

Вейт: Я не могу Вам назвать фамилий, но такие случаи были.

Дюбост: Видели ли Вы, как казнили союзных офицеров, которые были убиты в течение 48 часов с момента их прибытия в лагерь?

Вейт: 6 сентября я видел прибытие эшелона. Я думаю, что Вы имеете в виду именно этот эшелон. Я видел, как прибыл этот эшелон, и в тот же день после полудня эти 47 человек, в одних рубашках и кальсонах, были отведены в каменоломню. Вскоре послышалась стрельба из ручных пулеметов. Я вышел из своей конторы и, сделав вид, что задворками несу документы в другую контору, прошел мимо того места и видел собственными глазами, что этих несчастных расстреливали. 19 были расстреляны в тот же день, а остальные были казнены на другой день утром. Об их смерти на карточках впоследствии было сказано: «убиты при попытке к бегству».

Дюбост: Вы имеете список фамилий?

Вейт: Да, у меня имеется копия списка этих заключенных.

Дюбост: Мы заканчиваем допрос свидетеля Вейта, которому мне осталось задать лишь один вопрос...

Сделайте некоторые дополнительные уточнения о казни 47 союзных офицеров, которая, как Вы наблюдали, произошла в лагере Маутхаузен в течение 48 часов.

Вейт: Эти офицеры, эти парашютисты, были умерщвлены теми методами, которыми обычно устранялись заключенные, то есть их заставляли выполнять самые тяжелые работы. Они носили камни, их били и заставляли брать самые тяжелые камни. Таким образом, это продолжалось до тех пор, пока доведенные до крайности они подходили к колючей проволоке. Если они сами не шли к этой проволоке, то их избивали до тех пор, пока они этого не делали. Когда они приближались к проволоке на расстояние одного метра, их убивали часовые эсэсовцы

очередью из автомата. Это была обычная система, известная под названием «убийство при попытке к бегству».

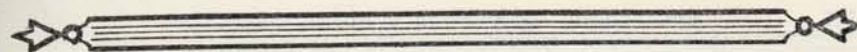
Эти 47 человек были убиты после полудня 6 сентября и утром 7 сентября.

Дюбост: Откуда Вам известны их имена?

Вейт: Эти имена я узнал из официального лагерного списка, в котором они были зарегистрированы, а так как я занимался передачей всех изменений, которые происходили в списках, в Берлин в отдел «Холлерит», то я видел все списки прибывших и все списки умерших.

Дюбост: Вы передали эти списки в какое-либо официальное ведомство?

Вейт: Да. Этот список был взят американскими властями, когда я был в Маутхаузене. После моего освобождения я немедленно вернулся в Маутхаузен, потому что я был осведомлен о документах, и в это время американские власти получили все списки, которые мы смогли обнаружить...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПОЛЯ РОЗЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 29 января 1946 г.]

Дюбост: С разрешения Трибунала, мы можем сейчас заслушать свидетеля Розера, который сообщит некоторые подробности об условиях, в которых находились французские военнопленные в немецких штрафных лагерях.

(Свидетель входит.)

Председатель: Как Ваша фамилия?

Свидетель: Розер Поль...

...*Дюбост:* По национальности Вы француз?

Розер: Француз.

Дюбост: Вы были военнопленным?

Розер: Да.

Дюбост: Вы пытались бежать?

Розер: Да, несколько раз.

Дюбост: Вы были переведены, в конце концов, в дисциплинарный лагерь?

Розер: Да.

Дюбост: Можете ли Вы рассказать нам, какой распорядок был в этом дисциплинарном лагере. Назовите свое звание и укажите нам, какому обращению подвергались французы Вашего звания в этих дисциплинарных лагерях и по каким причинам.

Розер: Охотно. Я был «аспирантом». Это звание французской армии между старшиной и младшим лейтенантом. Я был в различных дисциплинарных лагерях. Сначала в небольшом лагере близ Линцбурга в провинции Ганновер, который немцы называли «Штрафкоммандо». Это произошло в 1941 году. Нас было человек 30. Летом 1941 года во время пребывания в этом «Коммандо» мы вновь пытались бежать. Наша стража нас схватила как раз в момент выхода из лагеря. Мы, конечно, были без оружия. ...Немцы — наши стражники, — схватив одного из нас, хотели заставить его сказать, кто хотел совершить побег вместе с ним. Этот человек молчал. Тогда стражники на него набросились. Били его рукоятками револьверов по лицу, штыками

и прикладами ружей. В этот момент, не желая подвергать нашего товарища смерти, многие из нас добровольно признались. Меня начали бить штыками по голове, и я упал без сознания. Когда я пришел в себя, один из немцев прижал мою ногу коленом и продолжал меня бить, а другой, подняв свое ружье, хотел попасть мне в голову. Я спасся на этот раз только потому, что вмешались мои товарищи, которые бросились между немцами и мною. В эту ночь нас били в течение 3 часов прикладами ружей, штыками и рукоятками револьверов по лицу. Я три раза терял сознание. Тем не менее, утром нас повели на работу. Мы копали рвы для осушения болот. Это была очень тяжелая работа, которая начиналась в 6 ч. 30 м. утра и заканчивалась в 6 часов вечера. Мы имели два перерыва, каждый по полчаса, и целый день нам ничего не давали есть. Вечером получали только суп, кусок хлеба, маленький кусок сосиски или два кубических сантиметра маргарина. Это было все.

После нашей попытки к бегству наша охрана оставляла у себя абсолютно все вещи, которые в течение месяца нам присылали наши семьи. Мы не имели права писать и получать письма. Через три с половиной месяца, в сентябре 1941 года, мы были включены в обычные «команды». Лично я в это время был очень сильно болен и вернулся в лагерь XV в Зандбостеле.

Дюбост: Почему Вы были подвергнуты особому обращению, несмотря на то, что Вы были «аспирантом»?

Розер: Конечно, потому, что я пытался бежать.

Дюбост: Вы согласились работать?

Розер: Нет. Я, как и все мои товарищи «аспиранты» и как большинство младших офицеров, отказался работать, ссылаясь на положение Женевской Конвенции, которую Германия подписала и которая предусматривает, что младшие офицеры-военнопленные не могут подвергаться никакой работе без их согласия. Немецкая армия, в руках которой мы находились, можно сказать, никогда не соблюдала этого обязательства, взятого Германией.

Дюбост: Вы знаете о казнях, которые происходили в лагере для военнопленных П.?

Розер: Я знаю о смерти многих французских и союзных военнопленных, в частности, в офицерском лагере П., в Гроссборне, Помераня. Французский лейтенант Робен, который с несколькими товарищами подготовил побег и прорыл для этого тоннель, был убит следующим образом: немцы узнали о том, что подготовлен тоннель. Капитан Бухман, который служил в лагерной администрации, с несколькими немецкими охранниками подстерегал бегущих у выхода. Лейтенант Робен, который выходил первым, был убит выстрелом в то время, когда он, несомненно, не мог ни на кого напасть и не мог защищаться.

Имели место и другие случаи такого же рода. Один из моих друзей, французский лейтенант Леду, который был послан в крепость Грауденц, где он был в заключении в ужасных условиях, видел, как в их камере старший фельдфебель Эстеррейх выстрелом из револьвера в затылок убил его лучшего друга — английского лейтенанта Антони Томпсона. Лейтенант Томпсон как раз пытался совершить побег и был схвачен немцами на аэродроме. Лейтенант Томпсон служил в английских военно-воздушных силах.

Дюбост: Скажите, почему Вы были в Раве-Русской?

Розер: В течение зимы 1941—42 годов немцы хотели запугать, во-первых, младших офицеров, отказывавшихся работать, во-вторых, пытавшихся бежать и, в-третьих, заключенных из трудовых команд, которых уличали в саботаже. Немцы предупредили нас, что начиная с 1 апреля 1942 г. все пойманные беглецы будут направлены в специальный лагерь — в так называемый штрафной лагерь в Раве-Русской. После новой попытки к бегству я, приблизительно с двумя тысячами французов, был переведен в Польшу. Я оказался в лагере для военнопленных 12-А, близ Львова, где мы были разбиты на группы и помещены в вагоны. У нас отобрали шинели, ботинки и все те продукты, которые некоторым из нас удалось сохранить. Нас было от 53 до 56 человек в каждом вагоне. Путешествие длилось 6 дней. Вагоны обычно открывались только на несколько минут во время остановки в открытом поле. За 6 дней нам только 2 раза дали суп. Один раз в Оппельне — и этот суп был совершенно несъедобным — и второй раз — в Ярославле. В течение 36 часов мы ничего не пили, так как у нас не было посуды и нам не во что было набирать воду.

Когда утром 1 июня 1941 г. мы прибыли в Раву-Русскую, мы встретили других французских военнопленных, большинство из которых находилось там несколько недель, и были совершенно обескуражены. Питание было значительно хуже, чем то, которое мы получали раньше. Никто не получал посылок из дому или от Международного Красного Креста.

В это время нас было в этом лагере, приблизительно, 12 или 13 тысяч человек. На все это количество людей был один кран, из которого в течение нескольких часов в день текла непригодная для питья вода. Это положение вещей продолжалось до тех пор, пока, кажется, в сентябре лагерь не посетили два швейцарских врача. Мы размещались в четырех казармах до 600 человек в каждой комнате. Нары были расположены в три ряда, на каждого приходилось от 35 до 40 сантиметров.

Во время нашего пребывания в Раве-Русской были совершены многочисленные попытки к бегству: более 500 случаев за 6 месяцев. Многие из наших товарищей были убиты. Некоторые

были убиты в тот момент, когда их замечал часовой. Несмотря на нашу скорбь, никто из нас не оспаривал права охраны в таких случаях, но часто происходили прямые убийства. В частности, 12 августа 1942 г. в «Коммандо Тарнополь» нашли солдата по фамилии Ловек со следами многочисленных и больших штыковых ран.

14 августа в «Коммандо Версинек» 93 француза прорыли подземный ход и совершили побег. Утром следующего дня трое из них, Конан, Ван ден Бош и Путрель, были настигнуты искавшими их немецкими солдатами. Немцы — капрал и двое рядовых — проверили личность этих трех французов и очень спокойно, без криков, заявили им: «Теперь мы вынуждены вас убить». Трое несчастных говорили о своих семьях, просили пощады. Немецкий капрал дал им ответ, который мы слышали очень часто: «Приказ есть приказ». Они немедленно убили двух из французских военнопленных — Ван ден Боша и Конана. Путрель, как сумасшедший, ринулся прочь, и случайно его не догнали. Через несколько дней он, тем не менее, был пойман в районе Кракова и привезен обратно в Раву-Русскую, где мы видели его в состоянии, близком к умопомешательству.

14 августа в «Коммандо Стрый» группа, примерно в 20 военнопленных, сопровождаемых многими стражниками, шла на работу...

Дюбост: Прошу прощения. Речь идет о французских военнопленных?

Розер: В данном случае о французских военнопленных.

Идя вдоль леса, немецкий унтер-офицер, в течение некоторого времени сопровождавший двух военнопленных — Пьереля и Ондивьеля, затянул их в лес. Через несколько минут остальные услышали выстрелы. Пьерель и Ондивьель были убиты.

20 сентября 1942 г. опять в Стрые еще одна бригада работала под надзором немецких солдат и немецких гражданских мастеров. Одному из французов удалось бежать. Немецкий унтер-офицер немедленно выбрал двух солдат из военнопленных, если я не ошибаюсь, их звали Саладен и Дюбеф, и расстрелял их на месте.

Факты такого рода происходили и при других обстоятельствах. Их перечисление заняло бы очень много времени.

Дюбост: Можете ли Вы рассказать об условиях, в которых находились отказавшиеся работать младшие офицеры, которые находились с Вами в Раве-Русской?

Розер: Младшие офицеры, которые отказывались работать, находились в одной части лагеря, в двух огромных конюшнях, которые служили бараками. Они подвергались очень суровому режиму: частые переключки, поверки и упражнения, во время которых приходилось ложиться и вставать и которые

очень изнурительны, если их часто повторять. Однажды сержант Корбиян не подчинился немецкому капитану Фурнье... Тогда немецкий капитан сделал жест, и один из немецких солдат, которые были с ним, проткнул Корбияна штыком. Корбиян чудом спасся от смерти.

Дюбост: Сколько человек исчезло из лагеря?

Розер: В Раве-Русской за 5 месяцев, которые я там пробыл, было похоронено приблизительно 60 товарищей, погибших от болезней или убитых при попытках к бегству. Но до сих пор человек 100 из тех, которые были с нами и которые пытались бежать, не обнаружены.

Дюбост: Это все, чему Вы были свидетелем?

Розер: Нет.

Я должен сказать, что пребывание в штрафном лагере Рава-Русская было связано с явлением еще более ужасным, чем то, что мы, военнопленные, видели или пережили. Мы были подавлены тем, что, как мы узнали, происходило вокруг нас. Немцы превратили район Львов — Рава-Русская во что-то похожее на огромное гетто. В этот район, где и так было много евреев, они привезли евреев из всех стран Европы. Каждый день, в течение пяти месяцев, за исключением перерыва около шести недель, приблизительно в августе и сентябре 1942 года мы видели, как в 150 метрах от нашего лагеря проходили 1—2, а иногда и 3 поезда, состоящих из товарных вагонов, в которых были скучены мужчины, женщины и дети. Однажды из этих вагонов раздавался голос. Этот голос кричал: «Я из Парижа. Нас везут на бойню». Очень часто товарищи, которые выходили из лагеря на работу, находили трупы вдоль железной дороги. Мы туманно знали в то время, что эти поезда останавливались в Белчече — местечке, расположенном приблизительно в 17 километрах от нашего лагеря, и что там происходили казни этих несчастных. Какими именно средствами, я не знаю.

Однажды, в июле 1942 года, мы всю ночь слышали очереди из ручных пулеметов и вопли женщин и детей. Наутро группы немецких солдат прочесывали ржаные поля рядом с нашим лагерем с винтовками наперевес в поисках спрятавшихся людей. Те из наших товарищей, которые в этот день вышли на работу, рассказывали нам, что они видели мертвых повсюду: в городе, в ручьях, в амбарах, в домах. Позднее некоторые из нашей стражи, которые участвовали в этом мероприятии, охотно объяснили нам, что в эту ночь было казнено и убито 2 тысячи евреев под предлогом, что двое эсэсовцев были убиты где-то в районе.

Позднее, в 1943 году, в первую неделю июня произошел погром во Львове, во время которого было убито 30 тысяч евреев. Я лично в это время не был во Львове, но несколько

французских военнопленных врачей, например военный врач Гиге, врач-лейтенант Леван, рассказали мне о случившемся.

Дюбост: Господин Розер, Вы нам давали сегодня утром показания, касающиеся погрома в районе Рава-Русская, при котором Вы присутствовали, и хотели дать показания о другом погроме; Вы нам объяснили, что один солдат, участвовавший в нем, рассказывал Вам об этом. Не так ли?

Розер: Да.

Дюбост: Вы хотите рассказать о том, что слышали от него?

Розер: К концу 1942 года я был привезен в Германию и случайно вместе с одним французским врачом встретил шофера главного врача лазарета, где в то время я находился. Этот солдат, имя которого я забыл, сказал мне следующее:

«В Польше, в одном из городов, название которого я также забыл, одного сержанта из моего полка видели гуляющим с еврейкой; несколько часов спустя его нашли мертвым. Тогда, — рассказывал германский солдат, — вывели мой батальон. Половина персонала оцепила гетто. Остальная часть — две роты, куда входил и я, — проникла в дом и стала беспорядочно выбрасывать через окна имущество и жителей». Германский солдат закончил свой рассказ такими словами: «О, мой бедный друг, это было бесчеловечно, чудовишно». Мы спросили у него: «Как вы могли делать подобные вещи?» Он нам ответил обычными словами: «Приказ есть приказ».

Вот пример, о котором я хотел рассказать.

Дюбост: Вы стали рассказывать об обращении, которому подвергались русские заключенные, находившиеся до Вас в лагере Рава-Русская, насколько я помню?

Розер: Да. Первый эшелон французов, который прибыл 14 или 15 апреля 1942 г. в Раву-Русскую, заменил собой там 400 русских военнопленных, которые остались в живых из 6 тысяч человек, умерших от тифа. Немногие из медикаментов, которые были обнаружены французскими врачами по прибытии в Раву-Русскую, остались от лазарета русских военнопленных. Там было лишь несколько порошков аспирина и немного других медикаментов; ничего не было для лечения тифозных больных. После пребывания в лагере русских больных там не было сделано никакой дезинфекции.

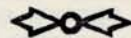
Я не могу рассказывать здесь обо всех этих несчастных русских, выживших в Раве-Русской, не испросив разрешения Трибунала воспроизвести здесь страшное зрелище, представшее перед всеми нами, французами, которые находились осенью — зимой 1942 года в концентрационном лагере в Германии, обо всем, что мы увидели, когда стали прибывать первые отряды русских пленных. Что касается меня, то я присутствовал при

этом зрелище однажды в воскресенье; все это казалось мне неправдоподобным. Русские шли в колонне по 6 человек, держась за руки, так как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты.

Мы видели много фотографий концентрационных лагерей и лагерей смерти, наши несчастные русские товарищи были точно в таком же положении с 1941 года. Их лица были даже не желтые, а зеленые, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били их прикладами ружей, избивали кнутом. Так как это происходило в воскресенье, в полдень, то заключенные в общем пользовались некоторой свободой, внутри лагеря, разумеется. При виде всего этого французы стали кричать, и немцы заставили нас возвратиться в бараки. В лагере русских тотчас же распространился тиф, из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля осталось 2 500.

...Русские военнопленные, еще не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы покрыли брезентом...

Дюбост: У меня к Вам нет больше вопросов.

ДОКУМЕНТ СССР-507, ПС-402

ТЕЛЕГРАММА

УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ИЗ
ВАРШАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР-
СТВА ОТ 19 АПРЕЛЯ 1943 г. ПО ПОВОДУ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОЛЬСКИМ КРАСНЫМ КРЕСТОМ
ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ
ОФИЦЕРОВ

Срочно. Краков.

Местный отдел пропаганды и я пытались сформировать делегацию из представителей Польского Красного Креста для осмотра лагерей пленных польских офицеров в Германии. Польский Красный Крест ответил нам на это следующим образом:

«В связи с предложением о создании делегации из представителей Польского Красного Креста для осмотра лагерей пленных польских офицеров в Германии главное правление Польского Красного Креста заявляет о своей готовности принять в этом участие и просит соответствующие инстанции о предоставлении этим представителям соответствующих прав в рамках международных конвенций. Поэтому мы просим подвергнуть рассмотрению следующие моменты:

1. Справочное бюро Польского Красного Креста должно вновь проводить такую работу, которая предусмотрена в конвенциях.

Запрещения и ограничения, которые не обусловлены интересами безопасности вооруженных сил, должны быть сняты. Речь идет о следующем:

а) деятельность справочного бюро Польского Красного Креста должна вновь распространиться на все области, являющиеся местожительством военнопленных или их родных, это значит на те области, жители которых призывались в польскую армию, независимо от настоящих административных границ,

б) справочное бюро Польского Красного Креста должно вновь получить право прямой переписки с военнопленными и их родственниками и наоборот.

Эта корреспонденция будет проверяться уполномоченным Польского Красного Креста. Бюро должно также получить право пересылать посылки в соответствии с существующими в лагерях правилами. Наконец, право заботы о семьях военнопленных.

2. Отпущенным из лагерей по состоянию здоровья военнопленным должно быть разрешено возвращение на территорию генерал-губернаторства. Военнопленным из Шильдберга возвращение должно быть запрещено.

3. Военнопленные из лагерей не могут быть предоставлены в распоряжение гражданских и полицейских властей в целях расследования и осуждения их за якобы совершенные перед войной проступки, они должны лишь подлежать военному суду согласно международным конвенциям, причем они должны пользоваться правовой охраной, предусмотренной в конвенциях, и охраной со стороны других государств. Осужденные уже военнопленные должны быть вновь препровождены в лагерь для военнопленных и предоставлены в распоряжение соответствующих военных властей. Вынесенные приговоры должны быть пересмотрены.

4. Дела арестованных и препровожденных в концентрационные лагеря офицеров резерва должны быть проверены как можно скорее, и, если окажется, что они лично не совершили каких-либо проступков, их следует немедленно отпустить.

В связи с вышеизложенным главное правление Польского Красного Креста обращается с просьбой о пересмотре дела госпожи Марии Бортновска, начальника справочного бюро Польского Красного Креста, которая шесть месяцев тому назад была арестована и отправлена в Берлин.

Если будет невозможно освободить ее тотчас же, то главное правление Польского Красного Креста надеется, что высшие инстанции рассмотрят ходатайство Польского Красного Креста в письме от 1 апреля 1943 г. № 1474 к президиуму Германского Красного Креста и освободят госпожу Бортновска на поруки членов президиума Польского Красного Креста».

Судя по этому заявлению, мне кажется невозможным побудить Польский Красный Крест предпринять осмотр лагерей пленных польских офицеров в Германии. Я прошу связаться по этому вопросу и обсудить его как можно более тщательно с начальником местного главного управления пропаганды Хейнрихом.

Документ СССР-507, ПС-402

ТЕЛЕГРАММА № 6

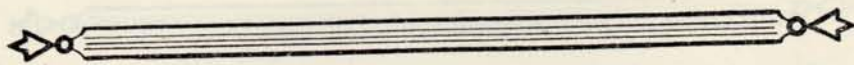
УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ИЗ
ВАРШАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР-
СТВА ОТ 3 МАЯ 1943 г.

Правительству генерал-губернаторства. В Главное управле-
ние внутренней администрации. Старшему административному
советнику Вейрауху — Краков. Молния.

Секретно. Часть делегации Польского Красного Креста
вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники Польского Красного
Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при
расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это — немецкие
боеприпасы. Калибр 7,65, фирма «Геко». Письмо следует.

Хейнрих.

Передано: Варшава, Фидлер. Принял: Зидов.

Документ СССР-507, ПС-402

ТЕЛЕГРАММА

УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ИЗ
ВАРШАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР-
СТВА ОТ 20 АПРЕЛЯ 1943 г.

Правительство генерал-губернаторства, Управлению вну-
тренней администрации, отдел обеспечения населения — Краков.
Вручить старшему административному советнику Вейрауху.

В случае, если к г-ну Вейрауху нельзя будет больше до-
звониться по № 15200, прошу передать по его личному
№ 11200.

Генеральный руководитель Гартман от президиума Герман-
ского Красного Креста передал мне только что через Министер-
ство пропаганды следующую телеграмму:

«Очень срочно — немедленно доложить — немедленно по
телефону г-ну Хейнриху, правительство, Варшава, отдел обес-
печения населения.

Телеграмму Польского Красного Креста в Женеву обяза-
тельно задержать, а это мероприятие и другие подобные меро-
приятия — до получения полномочий. По всем связанным
с этим вопросам поддерживать связь с заграничным отделом.
Установлена связь с Министерством иностранных дел относи-
тельно телеграммы Польского Красного Креста. Для дальней-
шего ведения дела поддерживать связь с учреждением уполномо-
ченного, Краков, связь с которым уже установлена. Германский
Красный Крест, отдел заграницы. Генеральный руководитель
Гартман».

Что делать? Телеграмма могла бы быть задержана еще
в Берлине. По моему мнению, вмешательство Германского
Красного Креста не оправдано. Гл. Упр. пропаганды, Краков,
доктор Штейнмец получил также телеграмму по телеграфу
пропаганды. Прошу сейчас же установить с ним связь. Ожидаю
новых указаний.

Хейнрих

Документ СССР-54

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ
ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЯКОВ
В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ

А К Т
СУДЕБНОМЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ города Смоленска) военнопленных польских офицеров судебномедицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебномедицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР В. И. Прозоровского;

профессора судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктора медицинских наук В. М. Смольянинова,

профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук Д. Н. Выропаева,

старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П. С. Семеновского,

старшего научного сотрудника судебнохимического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М. Д. Швайковой,

при участии:
Главного судебномедицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы Никольского,
судебномедицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы Бусоедова,
начальника патологоанатомической лаборатории 92, майора медицинской службы Субботина,
майора медицинской службы Оглоблина,
врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы Садыкова,

старшего лейтенанта медицинской службы Пушкаревой
в период с 16 по 23 января 1944 г. произвела эксгумацию и судебномедицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от города Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около $60 \times 60 \times 3$ метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около $7 \times 6 \times 3,5$ метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебномедицинское исследование трупов произведены для установления:

- а) личности покойных;
- б) причины смерти;
- в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебномедицинских исследований трупов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебномедицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебномедицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению.

По раскрытии могил и извлечении трупов из них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлеченных трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как

правило, носит на себе следы обыска, произведенного на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддается разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки, — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме 3 случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырех случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твердым, тяжелым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице

и шее. В двадцати семи случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий), и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабо деформированные и вовсе не деформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, то есть 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, то есть 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорят о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклоненной вперед голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них, и разрушение тканей мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твердым, тяжелым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полостей сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезе имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчетливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий

материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывании их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 года. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в городе Смоленске и его ближайших окрестностях — в Геденовке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт судебно-медицинской экспертизы от 22 октября 1943 г.), — надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьи Горы» произведено около двух лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований

считает установленным акт умерщвления путем расстрела военнопленных и офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около двух лет тому назад, то есть между сентябрем — декабрем 1941 года;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 года, доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 года обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 года;

констатирует, что в 1943 году немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной тер-

ритории СССР, в том числе в городах Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР
В. И. Прозоровский

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук *В. М. Смольянинов*

Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук *Д. Н. Выропаев*

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР
доктор *П. С. Семеновский*

Старший научный сотрудник судебнохимического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР
доцент *М. Д. Швайкова*

Смоленск, 24 января 1944 г.

ДОКУМЕНТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТРУПАХ

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 года, а не весна 1940 года, как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 года, но и к весне и лету (март — июнь) 1941 года.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12. IX — 40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX—40» и штамп — «Москва, почтамт, 9 экспедиция, 28. IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15. XI—1940 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь 12. XI—40 г.».

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19. XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелирторгу.

4. На трупе № 46:

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16. XII—1939 г. Старобельским лагерем о приеме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе № 71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись «Ядвиня» и дата «4 апреля 1941 г.».

6. На трупе № 46:

Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе № 46:

Квитанция от 5 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 102 рубля.

8. На трупе № 101:

Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе 53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя, 15, кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше ста опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катинского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск, до сентября 1941 года включительно.

2. В Катинском лесу осенью 1941 года производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей.

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катинском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стояли оберстлейтенант Арнес и его сотрудники обер-лейтенант Рекс, лейтенант Хотт.

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 года немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчете посорить русских с поляками.

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добывались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 года;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 года свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катинского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катинском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катинском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 года;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа — пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 года полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катинских могил.

8. Расстреливая польских военнопленных в Катинском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов. Город Смоленск, 24 января 1944 г.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ БАЗИЛЕВСКОГО БОРИСА

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 1 июля 1946 г.]

Смирнов: Господин председатель, я прошу о вызове для допроса в качестве свидетеля бывшего заместителя бургомистра города Смоленска во время немецкой оккупации — профессора астрономии Базилевского.

Председатель: Да, пожалуйста, приведите свидетеля.

(Вводят свидетеля.)

Назовите Ваше имя и фамилию.

Свидетель: Базилевский Борис.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги в следующей форме:

«Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Высокого Суда торжественно обещаю и клянусь говорить все, что мне известно по данному делу, ничего не утаить и ничего не прибавить».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Вы можете сесть.

Смирнов: Разрешите приступить к допросу, господин председатель?

Председатель: Да, пожалуйста.

Смирнов: Скажите, свидетель, чем занимались Вы до начала немецкой оккупации города Смоленска и Смоленской области и где проживали?

Базилевский: Я до оккупации Смоленска и Смоленской области проживал в городе Смоленске и занимал должность профессора сначала Смоленского университета, затем Смоленского педагогического института, одновременно был директором астрономической обсерватории. В течение десяти лет был деканом физико-математического факультета, в последние годы — заместителем директора по учебной части.

Смирнов: Сколько всего времени Вы жили в Смоленске до начала немецкой оккупации?

Базилевский: С 1919 года.

Смирнов: Известно ли Вам, что представлял собой так называемый Катинский лес?

Базилевский: Да. По существу, это была, скорее, роща — излюбленное место, в котором жители Смоленска проводили праздничные дни, а также летний отдых.

Смирнов: Являлся ли этот лес до начала войны какой-либо особой территорией, охраняемой вооруженными патрулями, сторожевыми собаками или, наконец, просто отгороженной от окружающей местности?

Базилевский: За долгие годы моего проживания в Смоленске это место никогда не ограничивалось в смысле доступа всех желающих. Я сам многократно бывал там и в последний раз в 1940 году и весной 1941 года. В этом лесу находился и лагерь для пионеров. Таким образом, это место являлось свободным, свободно доступным для всех желающих.

Смирнов: Я прошу Вас несколько задержаться на этом ответе. В каком году там помещался пионерский лагерь?

Базилевский: В последний раз Смоленский лагерь пионеров был в районе Катинского леса в 1941 году.

Смирнов: Следовательно, я правильно понял Вас, что в 1940 и 1941 годах, до начала войны во всяком случае (Вы говорите о весне 1941 года), Катинский лес не был особо охраняемой территорией и доступ туда был совершенно свободен?

Базилевский: Да, я утверждаю, что это именно так.

Смирнов: Вы это показываете как очевидец или из вторых уст?

Базилевский: Нет, как очевидец, бывавший там.

Смирнов: Я прошу Вас рассказать Суду, при каких обстоятельствах вы оказались первым заместителем бургомистра города Смоленска в период немецкой оккупации? Говорите медленнее.

Базилевский: Ввиду того, что я был административным лицом, я не имел возможности своевременно эвакуироваться, так как был занят руководством по замуровыванию весьма ценной библиотеки института и ценного оборудования. Я имел возможность, в силу сложившихся обстоятельств, сделать попытку выехать только 15-го числа вечером. Попасть на поезд мне не удалось, и мне была назначена эвакуация на 16 июля утром. Но в ночь с 15 на 16 июля Смоленск неожиданно для меня был занят немецкими войсками, мосты через Днепр взорваны, и я в силу обстоятельств оказался в плену. Через некоторое время, 20 июля, на обсерваторию, где я проживал как директор ее, явилась группа немецких солдат, которые заявили, что они должны записать, что здесь, на обсерватории, имеются ее директор в моем лице и проживавший там же профессор физики

Ефимов. Вечером 20 июля ко мне явились два немецких офицера и повели меня в штаб части, которая заняла Смоленск. После проверки моих документов и небольшого разговора мне было предложено занять должность начальника города, то есть бургомистра. На мой отказ, мотивированный тем, что я — профессор астрономии, совершенно неопытен в подобного рода делах и не могу взять на себя этой должности, мне было категорически и даже угрожающе указано, что «мы всю русскую интеллигенцию заставим работать».

Смирнов: Таким образом, правильно ли я Вас понимаю, что немцы заставили Вас угрозами быть заместителем бургомистра этого города?

Базилевский: Это еще не все. Мне было указано тогда, что через несколько дней я буду вызван в комендатуру. 25 июля ко мне на квартиру в сопровождении немецкого жандарма явился не известный мне человек в штатском платье, который отрекомендовался смоленским адвокатом Меньшагиным, и заявил, что по поручению немецкой комендатуры он прислан за мной и что я должен немедленно с ним отправиться в комендатуру, уже постоянную.

Смирнов: Скажите, свидетель, кто был бургомистром Смоленска?

Базилевский: Адвокат Меньшагин.

Смирнов: В каких отношениях Меньшагин находился с немецкой администрацией и, в частности, с немецкой комендатурой города?

Базилевский: В очень хороших. Эти отношения становились более тесными с каждым днем.

Смирнов: Можно ли сказать, что Меньшагин был у немецкой администрации доверенным лицом, которому они считали возможным доверять секреты?

Базилевский: Несомненно.

Смирнов: Я прошу Вас ответить, — Вам известно, что в Смоленске находились польские военнопленные, вернее, близ Смоленска?

Базилевский: Да, очень хорошо.

Смирнов: Что делали польские военнопленные близ Смоленска и в какое время?

Базилевский: Весной 1941 года и в начале лета они работали по ремонту дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск.

Смирнов: Что известно Вам о дальнейшей судьбе польских военнопленных?

Базилевский: О судьбе польских военнопленных мне, в силу занимаемой мною должности, стало известно даже несколько ранее.

Смирнов: Я прошу Вас рассказать об этом Суду.

Базилевский: В связи с тем обстоятельством, что в лагере для русских военнопленных, известном под именем «Дулаг 126», существовал чрезвычайно жестокий режим, при котором военнопленные сотнями ежедневно умирали, в силу этого обстоятельства я старался по возможности всех, по отношению к кому можно было найти повод, освободить из этого лагеря. Вскоре я получил сведения, что в лагере находится известный в Смоленске педагог Георгий Дмитриевич Жиглинский. Я обратился к Меньшагину с просьбой возбудить ходатайство перед германской комендатурой Смоленска, в частности перед фон Швецем, об освобождении Жиглинского из лагеря, мотивуя...

Смирнов: Я прошу Вас не задерживаться на этих деталях и не терять на них времени, а рассказать Суду о беседе с Меньшагиным, о том, что Вам сообщил Меньшагин.

Базилевский: Меньшагин сказал на мою просьбу: «Что же, одного спасем, а сотни все равно будут умирать». Однако я все-таки настаивал на ходатайстве. Меньшагин после некоторого колебания согласился войти с таким ходатайством в немецкую комендатуру.

Смирнов: Может быть, Вы будете короче говорить, свидетель, и расскажете, что Вам сказал Меньшагин, вернувшись из немецкой комендатуры?

Базилевский: Через два дня он мне сообщил, что из-за моей просьбы он попал в неловкое положение. Фон Швец ему отказал, сославшись на существующую директиву из Берлина проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных.

Смирнов: Что сказал он Вам о военнопленных поляках?

Базилевский: Относительно военнопленных поляков он мне сказал, что русские, по крайней мере, сами будут умирать в лагере, а вот поляков-военнопленных предложено уничтожить.

Смирнов: Далее, какой разговор имел место между вами?

Базилевский: Я на это, естественно, довольно громко возразил: «Как так? Как это надо понимать?» На это Меньшагин ответил, что понимать надо в самом прямом смысле слова, и тут же обратился ко мне с указанием и просьбой — ни под каким видом об этом никому не говорить, так как это представляет собой большой секрет.

Смирнов: Когда имела место точно эта ваша беседа с Меньшагиным, в каком месяце, в какой части месяца?

Базилевский: Эта беседа имела место в начале сентября, точно число сейчас не помню.

Смирнов: Но Вы помните, что это было в начале сентября?

Базилевский: Да.

Смирнов: Возвращались ли Вы когда-нибудь далее в беседах с Меньшагиным к вопросу о судьбе военнопленных поляков?

Базилевский: Да.

Смирнов: Когда это было?

Базилевский: Недели через две, то есть в конце сентября.

Смирнов: Медленнее.

Базилевский: В конце сентября я не удержался и задал вопрос, какова же судьба военнопленных поляков. Сначала Меньшагин помедлил, а затем в некоторой степени нерешительно сказал: «С ними уже покончено».

Смирнов: Он сказал что-нибудь о том, где с ними покончено, или нет?

Базилевский: Да, он сказал, что ему фон Швец сказал, что они расстреляны близ Смоленска.

Смирнов: Но точного места им названо не было?

Базилевский: Нет, мне он это место не назвал.

Смирнов: Скажите, Вы рассказывали, в свою очередь, кому-нибудь об умерщвлении гитлеровцами польских военнопленных близ Смоленска?

Базилевский: Я об этом рассказал жившему в одном доме со мной профессору Ефимову, и, кроме того, через несколько дней об этом же зашел разговор с санитарным врачом города Никольским. Но оказалось, что Никольский из каких-то других источников уже знал об этом злодеянии.

Смирнов: Вам говорил что-нибудь Меньшагин, в силу каких причин были произведены эти расстрелы?

Базилевский: Да, когда он мне сообщил, что с военнопленными покончено, он еще раз подчеркнул необходимость во избежание больших неприятностей хранить это в глубочайшей тайне и стал мне пояснять линию немецкого поведения в отношении поляков-военнопленных. Он указал, что это является одним из звеньев общей системы по отношению к военнопленным-полякам.

Смирнов: От кого-нибудь из служащих немецкой комендатуры Вам приходилось слышать относительно уничтожения поляков?

Базилевский: Да. Дня через два или три, войдя в кабинет к Меньшагину, я застал там переводчика зондер-фюрера седьмого отдела немецкой комендатуры, ведавшего русским отделом. Он вел с Меньшагиным разговор относительно поляков. Это был Отзейский.

Смирнов: Может быть, Вы кратко расскажете о том, что он говорил?

Базилевский: Его разговор сводился в тот момент, когда я его застал, к тому, что поляки — неполноценная нация, уни-

чтожение которой может послужить хорошим удобрением и расширением жизненного пространства для Германии.

Смирнов: Меньшагин говорил Вам о расстреле польских военнопленных со слов коменданта фон Швеца?

Базилевский: Да, кроме того, насколько я вынес впечатление, он ссылаясь на фон Швеца. Но, по-видимому, — это мое глубокое убеждение из частных разговоров, — в комендатуре он имел об этом разговор.

Смирнов: К какому времени относится разговор с Меньшагиным, когда он сказал, что польские военнопленные уже уничтожены близ Смоленска?

Базилевский: Это относится к концу сентября...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ МАРКОВА МАРКО

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 1—2 июля 1946 г.]

...Смирнов: Господин председатель, я прошу Суд о вызове для допроса в качестве свидетеля профессора судебной медицины Софийского университета Марко Антонова Маркова — болгарского подданного.

(В зал вводят свидетеля и переводчика.)

Председатель: Вы — переводчик?

Переводчик: Да, сэр.

Председатель (обращается к переводчику): Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.

Переводчик: Людомир Валев.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Клянусь перед богом и законом, что я буду переводить показания, которые будет давать этот свидетель, правильно и по мере моих способностей».

(Переводчик повторяет слова присяги. Свидетель Марко Антонов Марков занимает место за свидетельским пультом.)

Председатель: Назовите Ваше имя и фамилию.

Свидетель: Доктор Марко Антонов Марков.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Клянусь в качестве свидетеля, вызванного по данному делу, что я буду говорить только правду, зная полностью о своей ответственности перед богом и законом, и что я ничего не утаю и ничего не прибавлю».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Вы можете сесть.

Смирнов: Разрешите мне приступить к допросу свидетеля, господин председатель?

Председатель: Да, пожалуйста.

Смирнов: Свидетель, я прошу Вас в самой краткой форме, не занимая внимания Суда подробностями, рассказать,

при каких обстоятельствах Вы были включены в состав так называемой международной медицинской комиссии, созданной немцами в апреле 1943 года для осмотра могил польских офицеров в Катинском лесу. Я прошу Вас, давая ответы, делать паузы между вопросом, который я Вам ставлю, и Вашим ответом.

Марков: Это было в конце апреля 1943 года. Я находился в судебно-медицинском институте, где я работал тогда и где я и сейчас работаю.

Меня вызвал по телефону доктор Гюров, секретарь доктора Филова, который был тогда премьер-министром Болгарии. Он сообщил мне, что в качестве представителя болгарского правительства я должен принять участие в работе какой-то международной медицинской комиссии, которая будет исследовать трупы, найденные в Катинском лесу, — трупы польских офицеров.

Не желая выехать, я ответил, что я обязан заменять директора института, который находился в провинции. Доктор Гюров сказал мне, что согласно распоряжению министра иностранных дел, который послал телеграмму, я должен выехать именно с тем, чтобы заменить его. Гюров вызвал меня в министерство. Там я спросил, могу ли я отказаться от выполнения этого распоряжения. Он ответил мне, что теперь мы находимся в состоянии войны и что правительство может посылать людей туда, куда оно найдет необходимым.

Гюров направил меня к главному секретарю министерства иностранных дел Шушманову. Шушманов повторил это распоряжение и сказал мне, что предстоит исследовать трупы тысячи польских офицеров. Я ответил, что для того, чтобы исследовать тысячи трупов, необходимы месяцы времени. Но Шушманов сказал мне, что немцы уже эксгумировали большую часть из них и что я должен выехать вместе с остальными членами комиссии только для того, чтобы осмотреть то, что уже сделано, и подписать в качестве болгарского представителя уже составленный протокол.

После этого меня провели в германское посольство к советнику Морману, который организовал эту поездку практически.

Это было в субботу, а в понедельник 26 апреля утром я вылетел в Берлин. Там меня встретил сотрудник болгарского посольства, который и доставил меня в гостиницу «Адлон».

Смирнов: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос: когда и в каком составе эта так называемая международная комиссия выехала в Катынь?

Марков: Следующий день, 27 апреля, мы провели в Берлине, и туда же прибыли остальные члены комиссии.

Смирнов: Кто именно?

Марков: Это были следующие лица: кроме меня, были доктор Биркле — главный врач министерства юстиции и первый

ассистент института судебной медицины и криминалистики в Бухаресте, доктор Милославич — ординарный профессор судебной медицины и криминалистики в Загребском университете, который присутствовал в качестве представителя Хорватии, профессор Пальмиери — профессор судебной медицины и криминалистики в Неаполитанском университете, доктор Орзос — профессор судебной медицины и криминалистики в Будапештском университете, доктор Субик — ординарный профессор патологической анатомии в Братиславском университете и начальник государственного ведомства здравоохранения в Словакии, доктор Хаек — профессор судебной медицины и криминалистики в Праге в качестве представителя так называемого протектората Богемии и Моравии, профессор Навиль — ординарный профессор судебной медицины в Женевском университете в качестве швейцарского представителя, доктор Спелерс — ординарный профессор по глазным болезням в Гентском университете в качестве бельгийского представителя, доктор де Бурлетт — профессор анатомии в Гронингском университете в качестве голландского представителя, доктор Трамсен — заместитель директора института судебной медицины в Копенгагене в качестве датского представителя, доктор Саксен — ординарный профессор патологической анатомии в университете в Хельсинки. В течение всей работы комиссии не присутствовал только доктор Костедуа, который заявил, что он может присутствовать только в качестве личного представителя президента Лавала.

Прибыл также и профессор Пига из Мадрида, человек очень немолодой, который не принял никакого участия в работе комиссии. Впоследствии нам сказали, что он заболел в результате длительного путешествия.

Смирнов: Все эти лица вылетели в Катынь?

Марков: Все эти лица прибыли в Катынь, за исключением профессора Пига.

Смирнов: Кто, кроме членов комиссии, вылетел еще в Катынь вместе с комиссией?

Марков: 28-го числа утром мы вылетели в Катынь с аэродрома Темпельгоф в Берлине. Мы вылетели на двух самолетах, в каждом из которых находилось около 15—20 человек.

Смирнов: Кто именно, может быть, Вы ответите короче на этот вопрос?

Марков: Вместе с нами находился доктор Тиц, который встретил нас и сопровождал нас от министерства здравоохранения. Там также были представители прессы и представители немецкого министерства иностранных дел.

Смирнов: Я прошу Вас тогда прервать ответ на этот вопрос и сообщить мне, когда комиссия прибыла в Катынь?

Марков: Эта комиссия прибыла в Смоленск вечером 28 апреля.

Смирнов: Сколько рабочих дней, я подчеркиваю рабочих дней, продолжалось пребывание комиссии в Смоленске?

Марков: Мы оставались в Смоленске только два дня — 29 и 30 апреля 1943 г. и 1 мая утром мы выехали из Смоленска.

Смирнов: Сколько раз члены комиссии были непосредственно у массовых могил в Катынском лесу?

Марков: Мы были в Катынском лесу два раза, а именно: в те же дни 29 и 30 апреля, в первой половине дня.

Смирнов: Сколько часов вы каждый раз были непосредственно у массовых могил?

Марков: Я считаю, что не больше 3—4 часов каждый раз.

Смирнов: Присутствовали ли члены комиссии хоть раз при разрытии могил?

Марков: В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько могил, уже разрытых до нашего прибытия.

Смирнов: Следовательно, Вам были предъявлены уже вскрытые могилы, около которых лежали трупы?

Марков: Совершенно верно. Около этих разрытых могил лежали уже вырытые трупы.

Смирнов: Были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для объективного и всестороннего научного исследования?

Марков: Единственным, что из нашей деятельности можно охарактеризовать как научное судебно-медицинское исследование, явилось вскрытие, совершенное некоторыми членами комиссии, которые являлись экспертами судебной медицины. Среди нас было семь или восемь человек, которые могли претендовать на такую квалификацию, и, насколько я припоминаю, было вскрыто восемь трупов. Каждый из нас вскрыл по одному трупу, за исключением профессора Хаека, который вскрыл два трупа. Вся наша остальная деятельность в течение этих двух дней носила характер быстрого осмотра под руководством немцев. Это напоминало туристскую прогулку, в течение которой нам показали разные могилы и сельский дом, отстоявший на несколько километров от Катынского леса, где в витринах были выставлены какие-то документы и другие предметы. Об этих документах и предметах нам заявили, что их извлекли из одежды вскрытых трупов.

Смирнов: Вы видели сами, как извлекли эти бумаги и документы, или они Вам были предъявлены под стеклом на витринах?

Марков: Документы, которые мы видели на витринах, были извлечены еще до нашего прибытия.

Смирнов: Вам дали возможность произвести какие-нибудь исследования этих документов, например, проверить пропитанность бумаги трупными кислотами и вообще произвести какие-нибудь судебно-криминалистические исследования?

Марков: Мы не производили никаких научных исследований этих документов. Как я уже заявил, нам они были показаны на витринах за стеклом, и мы даже не дотрагивались до них.

Смирнов: Теперь я все же прошу ответить коротким ответом — да или нет — на поставленный мной ранее вопрос, были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для объективного и всестороннего научного исследования?

Марков: По моему мнению, эти условия работы никак нельзя назвать соответствующими для производства полного и объективного научного исследования. Единственно, что носило характер действительно медицинского исследования, это было вскрытие, которое я произвел.

Смирнов: Однако правильно ли я Вас понял, что из 11 тысяч трупов члены комиссии вскрыли всего 8 трупов — это так?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. В каком состоянии находились трупы? Я прошу Вас описать состояние трупов и внутренних органов.

Марков: О состоянии трупов в катынских могилах я могу судить только по состоянию трупа, вскрытие которого я произвел. Состояние этого трупа было, насколько я мог констатировать, таким же, как и состояние остальных трупов. Кожа была совершенно сохранившейся, частично высохшей, с коричнево-красноватой окраской, кое-где окрашенная в синий цвет от одежды. Ногти и волосы в большинстве случаев уже выпали. В голове трупа, которую я отделил, находилось маленькое отверстие от пулевой раны в затылок.

От мозга осталась лишь кашеобразная масса. Мышцы были сохранившимися до такой степени, что были видны даже волокна сердечной мышцы и сердечного клапана. Внутренние органы были также, в основном, хорошо сохранившимися, но, конечно, согнутыми, ссохшимися и потемневшей окраски. В желудке имелись следы какого-то содержимого. Часть жира превратилась в жировоск. На нас произвело впечатление то обстоятельство, что даже при грубом дергании трупа никакие части конечностей не отрывались.

На основании того, что я констатировал, я продиктовал на месте производства вскрытия протокол, такой же протокол продиктовали и остальные члены комиссии, производившие вскрытие. Позже этот протокол под № 827 был опубликован немцами в изданной ими книге.

Смирнов: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос: свидетельствовал ли судебно-медицинский осмотр трупов о том, что они находились в земле в течение трех лет?

Марков: Об этом я мог судить опять-таки только по трупу, вскрытие которого я производил.

Состояние этого трупа, как я уже заявил, было типично для среднего состояния катынских трупов. Это были трупы, которые находились в состоянии, далеком от распада мягких частей, поскольку жир только еще начинал преобразовываться в жировоск. По моему мнению, эти трупы находились в земле гораздо меньше трех лет. Я считал, что труп, который я вскрыл, находился в земле около года или полутора лет.

Смирнов: Следовательно, применяя критерии, выработанные Вашим опытом в Болгарии, то есть в более южной местности, чем Смоленск, где процесс распада трупов активизируется в сравнении со Смоленской областью, Вы считали, что трупы, извлеченные из могил в Смоленском лесу, пролежали в земле не более полутора лет? Я правильно Вас понял?

Марков: Да, совершенно правильно. Я считал, что они находились в земле не более полутора лет.

(Объявляется перерыв до 10.00 2 июля 1946 г.)

(Заседание 2 июля 1946 г.)

Смирнов: Разрешите, господин председатель?

Итак, свидетель, когда Вами производилось вместе с другими членами комиссии вскрытие этих восьми трупов, точно какого числа?

Марков: Это было 30 апреля в первой половине дня.

Смирнов: И на основании Ваших личных наблюдений Вы пришли к заключению, что трупы пробыли в земле год или максимум полутора года?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Прежде чем задать следующий вопрос, я прошу Вас дать мне короткий ответ на такой вопрос. В практике болгарских судебных медиков принято, чтобы при освидетельствовании трупа составленный по этому поводу судебными медиками акт заключал в себе две части: описательную часть и выводы?

Марков: В нашей практике так же, как и в практике других стран, насколько мне известно, это делается так: дается сначала описательная часть и затем заключение.

Смирнов: В составленном Вами протоколе вскрытия трупов есть заключение или нет?

Марков: Мой протокол о трупе, вскрытие которого я произвел, состоит только из описательной части, без заключения.

Смирнов: Почему?

Марков: Потому что из бумаг, которые были даны нам, я понял, что нам хотели заранее внушить, что трупы находились в земле три года. Это бумаги, которые нам были показаны в этом маленьком деревенском доме, о котором я говорил.

Смирнов: Кстати, эти бумаги Вам были показаны до вскрытия трупов или после вскрытия трупов?

Марков: Да, это было за день до вскрытия.

Смирнов: Значит, Вы были сразу поставлены...

Марков: Так как данные, полученные во время вскрытия трупа, которое я произвел, находились в явном противоречии с этой версией, я воздержался от заключения.

Смирнов: Следовательно, вы воздержались от заключения потому, что объективные данные медицинского вскрытия свидетельствовали о том, что трупы пробыли в земле не три года, а только полтора?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Существовало ли единство по вопросу о пребывании в земле трупов, извлеченных из катынских могил, у членов комиссии?

Марков: Большинство членов делегации, которые совершили вскрытие в Катынском лесу, дали заключение, не касаясь, однако, существенного вопроса о времени пребывания трупов в земле; некоторые, как, например, профессор Хаек, говорили о несущественных вещах, как, например, о том, что покойный болел плевритом; другие, как, например, профессор Биркле из Бухареста, изъял волосы с трупа для исследования вопроса о возрасте трупа, что, по моему мнению, совершенно несущественно. Профессор Пальмиери на основании исследований трупа, вскрытие которого он произвел, сказал, что труп находился в земле больше года, но точно не определил — сколько.

Единственный, кто дал заключение о том, что труп находился в земле три года, был профессор Милославич из Загреба. Когда была опубликована немецкая книга о Катыни, я прочитал его объективную констатацию о состоянии трупа, вскрытие которого он произвел, и у меня создалось впечатление, что труп, вскрытие которого он произвел, не отличается по своему состоянию от остальных трупов. На основании этого я пришел к заключению, что его сообщение о том, что труп находился три года в земле, не соответствует его описанию.

Смирнов: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. Много ли черепов с явлениями так называемого псевдо-каллуса было предъявлено членам комиссии? Кстати, так как этот термин в общей криминалистике и в обычных книгах по судебной медицине не известен, я прошу Вас остановиться на том, что

подразумевал профессор Орзос из Будапешта под наименованием «псевдо-каллус»...

Много ли черепов с явлениями так называемого псевдо-каллуса было предъявлено членам комиссии? Остановитесь на этом термине профессор Орзоса.

Марков: О псевдо-каллусе профессор Орзос говорил нам на общей конференции делегатов, которая состоялась 30 апреля во второй половине дня в здании, где помещалась полевая лаборатория Бутца в Смоленске. Под этим явлением профессор Орзос понимал отложение и наслоение нерастворимых солей кальция и других солей во внутренней части черепа, и профессор Орзос утверждал, что, согласно его опыту, в Венгрии такое явление наблюдалось в том случае, если труп находился в земле, по меньшей мере, три года. Когда профессор Орзос сообщил об этом на научной конференции, никто из делегатов не сказал ничего ни за, ни против этого явления, в силу чего у меня создалось убеждение, что и остальным делегатам явление псевдо-каллуса так же неизвестно, как и мне. На той же конференции профессор Орзос продемонстрировал нам это явление на одном черепе.

Смирнов: Я прошу Вас ответить, под каким номером значился труп, от которого якобы взял череп для демонстрации профессор Орзос?

Марков: Труп, череп которого был взят, носил номер 526. В книге, в которой был отмечен этот труп, стоял данный номер. Этот факт позволил мне убедиться в том, что этот труп был извлечен из могилы до нашего прибытия в Катынь, так как все остальные трупы, вскрытие которых мы произвели 30 апреля, имели номера больше, чем 800. Нам было объяснено, что как только труп извлекается из могилы, на него надевается сразу соответствующий номер.

Смирнов: Скажите, на черепах трупов, которые были вскрыты Вами и вашими коллегами, имелись ли явления псевдо-каллуса?

Марков: В черепе трупа, вскрытие которого я произвел, имелась вместо мозга кашеобразная масса, но явлений псевдо-каллуса я не заметил. Все остальные делегаты после объяснений профессора Орзоса также не заявили о том, что они наблюдали это явление. Даже Бутц и его сотрудники, которые исследовали трупы еще до нашего прибытия, не заявляли, что они наблюдали это явление. Позже, в изданной немцами книге, в докладе Бутца, я заметил, что Бутц ссылается на явления псевдо-каллуса, чтобы подкрепить свой тезис, что труп находился в земле три года.

Смирнов: Таким образом, Вам был предъявлен только один череп с явлениями псевдо-каллуса из 11 тысяч трупов?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Я прошу Вас подробно описать Суду состояние одежды трупов.

Марков: Одежда вообще хорошо сохранилась. Но, конечно, она была пропитана жидкостью из разлагающихся трупов. При грубом дерганье, чтобы снять одежду и обувь, одежда не рвалась, а сапоги не расшивались по швам. У меня даже создалось впечатление, что после соответствующей чистки эту одежду можно употребить вновь. В одежде трупа, вскрытие которого я произвел, были найдены и некоторые бумаги. Они также были пропитаны трупной жидкостью. Некоторые из немец, присутствовавших на месте производства вскрытия трупа, потребовали, чтобы я описал эти бумаги и их содержание. Но я отказался сделать это, возразив, что это не дело врача.

По существу, я уже в предыдущий день заметил, что на основании дат из этих бумаг стремятся внушить нам, что трупы находятся в земле три года, и поэтому я хотел основываться лишь на объективном состоянии трупа. Некоторые из других делегатов, которые совершили вскрытие, также извлекли из одежды трупов некоторые бумаги. Бумаги, которые были найдены на трупе, вскрытие которого производил я, были вложены в конверт с тем же номером, что и у трупа, — 827. Позже, в изданной немцами книге я увидел, что некоторые из делегатов описали содержание бумаг, найденных при трупах.

Смирнов: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. На каких же объективных судебно-медицинских данных основывается заключение комиссии о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

Свидетель, я спрашиваю Вас не о вашем личном протоколе, а об обобщенном протоколе всей комиссии. Я спрашиваю, на каких объективных судебно-медицинских данных основывается заключение всей комиссии, под которым в числе других подписей имеется и Ваша подпись, о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

Марков: Общий протокол, который был подписан всеми делегатами, очень беден в отношении настоящих судебно-медицинских данных. В отношении состояния трупов... о состоянии трупов там сказано лишь одна фраза о том, что трупы находятся в различной степени разложения, но не описывается степень разложения. Так что, по моему мнению, это заключение основывается на документах и на свидетельских показаниях, но отнюдь не на судебно-медицинских данных. В судебно-медицинском отношении старались подкрепить это заключение констатацией Орзоса о явлениях псевдо-каллуса в трупе № 526, но, по моему убеждению, на основании этого единственного черепа все неправильно приходится к заключению о состоянии тысяч

трупов, которые находились в катынских могилах. Кроме того, наблюдения Орзоса относительно псевдо-каллуса были произведены в Венгрии, то есть при совершенно других почвенных и климатических условиях и притом в единичных могилах, а не в массовых могилах, как в Катыни.

Смирнов: Вы говорили о свидетельских показаниях. Членам комиссии была предоставлена возможность лично подробно и свободно допросить свидетелей, в частности русских свидетелей, или нет?

Марков: Нам не была предоставлена возможность общаться с местным населением. Напротив, немедленно после нашего прибытия в гостиницу в Смоленск Бутц собрал нас и предупредил о том, что мы находимся в военной зоне и что не имеем права передвигаться по городу без сопровождения немца в военной форме, или общаться с местными жителями, или производить снимки. И, действительно, во время нашего пребывания там у нас не было никакого контакта ни с кем из местных жителей.

В первый день нашего пребывания в Катынском лесу, то есть 29 апреля, в первой половине дня, до обеда, на место, где находились могилы, было приведено несколько русских гражданских лиц, сопровождаемых немецкой стражей. Сразу же после нашего прибытия в Смоленск нам были вручены показания некоторых местных свидетелей, напечатанные на машинке. Когда привели этих свидетелей в Катынский лес, нам заявили, что это те же самые свидетели, показания которых нам были предъявлены.

Не было регулярного опроса свидетелей, который мог быть запротоколирован, и он вообще не был запротоколирован. С ними вступил в разговор профессор Орзос, который заявил нам, что он владеет русским языком, так как был пленным в России во время первой мировой войны. Он начал разговаривать с одним довольно пожилым мужчиной, фамилия которого, насколько я помню, была Киселев. Затем он разговаривал со вторым свидетелем, фамилия которого была, насколько я помню, Андреев. Весь этот разговор продолжался всего несколько минут. Пользуясь тем, что наш болгарский язык похож на русский язык, я также попытался начать разговор с некоторыми из них.

Председатель: Нельзя ли эти детали оставить для перекрестного допроса?

Смирнов: Слушаю, господин председатель.

(*Обращается к свидетелю.*) Я прошу Вас, свидетель, прервать ответ на этот вопрос и ответить на следующий вопрос. Было ли Вам в момент подписания обобщенного протокола всей комиссией совершенно ясно, что убийства совершены в Катыни

во всяком случае никак не ранее последней четверти 1941 года и что 1940 год во всяком случае исключается?

Марков: Да, это было для меня ясным, и именно поэтому я не сделал заключения к протоколу, который был составлен мной в Катинском лесу.

Смирнов: Почему же Вы все-таки подписали обобщенный протокол, с вашей точки зрения неверный?

Марков: Чтобы стало ясным, при каких условиях я подписал этот протокол, я должен сказать, как он был составлен и как произошло подписание.

Смирнов: Разрешите один вопрос, уточняющий это. Был ли протокол действительно подписан 30 апреля 1943 г. в Смоленске или он был подписан в другое время и в другом месте?

Марков: Он не был подписан в Смоленске 30 апреля, а был подписан 1 мая в полдень на аэродроме, носившем название «Бела».

Смирнов: При каких обстоятельствах? Скажите о них Суду.

Марков: Составление протокола должно было происходить на той же конференции, о которой я говорил и которая состоялась в лаборатории Бутца. Это было 30 апреля после полудня. На этой конференции присутствовали все делегаты и все немцы, которые прибыли с нами из Берлина, Бутц и его помощник, генерал-лейтенант медицинской службы Холм — главный врач Смоленского сектора, а также некоторые неизвестные мне немцы-военнослужащие. Бутц заявил, что они, немцы, присутствуют лишь в качестве хозяев. Но в действительности ведущее место на конференции занял генерал Холм, а работа велась фактически под руководством Бутца. Секретарем была личная секретарша Бутца, которая составляла протокол, однако этого протокола я никогда не видел. На эту конференцию явились Бутц и Орзос с проектом какого-то протокола, однако мне не было известно, чтобы кто-либо поручил им составление такого протокола. Этот протокол был зачитан Бутцем, и тогда возник вопрос о состоянии и возрасте молодых сосенок, которые находились в просеках Катинского леса. Бутц считал, что в этих просеках находятся также могилы.

Смирнов: Простите, я прерву Вас. Вам было представлено доказательство, что на этих просеках действительно находятся могилы, или нет?

Марков: Нет, когда мы присутствовали, не были раскрыты какие-нибудь новые могилы. Поскольку некоторые из делегатов заявили, что в качестве медиков они некомпетентны и не могут сказать своего мнения о возрасте этих деревьев, генерал Холм распорядился привести какого-то немца, который являлся специалистом по лесному делу. Он показал нам поперечный разрез

ствола дерева, и по числу кругов этого разреза он пришел к заключению, что возраст дерева — пять лет.

Смирнов: Простите, я опять прерву Вас. Вы сами можете подтвердить, что это дерево было взято именно с могилы, а не просто с лесной просеки?

Марков: Я могу лишь сказать, что действительно в Катинском лесу были просеки с маленькими деревьями и что действительно, когда мы возвращались в Смоленск, в автобусе везли дерево, но я не знаю, имелись ли действительно могилы на том месте, откуда было взято это дерево, так как, я уже сказал, в нашем присутствии вообще не раскапывались могилы.

Смирнов: Я прошу Вас продолжать Ваши ответы, но очень коротко, не задерживая внимания Суда ненужными подробностями.

Марков: В этот проект протокола, который был предложен на заседании, были внесены и некоторые редакционные замечания, содержания которых, однако, я не припоминаю. Тогда Орзосу и Бутцу было поручено составить протокол в окончательной форме. Подписание протокола должно было состояться в тот же вечер на банкете, который состоялся в одном немецком военном лазарете. На банкет Бутц действительно явился с протоколом и начал зачитывать его, но подписание тогда не произошло по причинам, которые до сих пор для меня остались неясными. Было заявлено, что протокол нужно будет еще раз перередактировать, в связи с чем банкет продолжался до очень позднего времени, до 3—4 часов ночи. Тогда профессор Пальмиери сказал мне, что немцы недовольны содержанием протокола, что с Берлином ведутся телефонные разговоры и что вообще, может быть, не будет никакого протокола. Действительно, переночевав в Смоленске, мы 1 мая утром вылетели, не подписав протокола. У меня лично создалось убеждение, что вообще не будет никакого протокола и я был очень доволен.

Как по пути к Смоленску, так и на обратном пути некоторые из делегатов попросили остановиться в Варшаве, чтобы осмотреть город, но нам ответили, что это невозможно по военным соображениям.

Смирнов: Это не имеет отношения к делу, я прошу Вас придерживаться фактов.

Марков: Вместо этого в полдень мы приземлились на аэродроме под названием «Бела». Аэродром был, очевидно, военный, так как я там видел лишь легкие военные постройки, баракы. Там мы пообедали, и непосредственно после обеда, не смотря на то, что нам не сообщили, что подписание протокола произойдет по пути в Берлин, нам предложили экземпляры протокола для подписания. При подписании присутствовало много военнослужащих, так как вообще на этом аэродроме не было

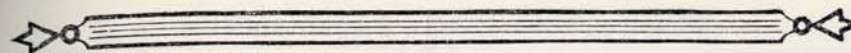
других лиц, кроме военных. Меня лично поразило то обстоятельство, что протоколы были готовы еще в Смоленске, но там они нам не были предложены для подписания, а также не подождали, чтобы мы их подписали несколько часов спустя в Берлине. Нам их предложили подписать именно здесь, на этом изолированном военном аэродроме. Вот это именно и явилось причиной того, что я подписал протокол, несмотря на убеждение, к которому я пришел при вскрытии, которое я произвел.

Смирнов: Значит, дата и место, указанные в протоколе являются ложными?

Марков: Да, это так.

Смирнов: И Вы его подписали потому, что Вы были поставлены в безвыходное положение?

Марков: Я считал, что для меня нет другой возможности.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПРОЗОРОВСКОГО ВИКТОРА

[*Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 2 июля 1946 г.*]

Смирнов: Господин председатель, я прошу Вас о вызове для допроса в качестве свидетеля профессора судебной медицины Прозоровского Виктора Ильича.

(*Вводят свидетеля.*)

Председатель: Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.

Свидетель: Прозоровский Виктор Ильич.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: « Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом Высокого Суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавить и не утаить».

(*Свидетель повторяет слова присяги.*)

Вы можете сесть.

Смирнов (обращаясь к свидетелю): Я прошу Вас сообщить Суду в самой короткой форме сведения о Вашей научной специальности и о стаже в качестве судебного медика.

Прозоровский: По образованию я — врач, профессор судебной медицины, доктор медицинских наук, Главный судебно-медицинский эксперт Министерства здравоохранения СССР, директор Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР. В порядке научно-общественной деятельности являюсь председателем судебно-медицинской комиссии ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР.

Смирнов: Стаж Вашей работы в качестве судебного медика?

Прозоровский: Практический стаж моей работы 17 лет.

Смирнов: В чем заключалось Ваше участие в расследовании массовых убийств гитлеровскими преступниками польских офицеров в Катынском лесу?

Прозоровский: Председатель Специальной Комиссии по расследованию и установлению обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками польских офицеров в начале января 1944 года академик Николай Нилович Бурденко предложил мне возглавить судебно-медицинскую экспертную комиссию. Помимо этой организационной деятельности, я принимал непосредственное участие в эксгумации и исследовании этих трупов.

Смирнов: Свидетель, я прошу Вас сказать, далеко ли от города Смоленска были размещены места захоронения трупов?

Прозоровский: 14 января 1944 г. судебно-медицинская экспертная комиссия совместно с членами Специальной Комиссии — академиком Бурденко, академиком Потемкиным, академиком Толстым и другими членами этой комиссии выехала на место захоронения польских офицеров в так называемый Катинский лес. Это место расположено в 15 километрах от города Смоленска. Могила располагалась метрах в двухстах от Витебского шоссе, на покато холме. Одна могила была размерами 60 на 60 метров, другая могила в некотором отдалении от этой большой могилы — размерами 7 на 6 метров.

Смирнов: Какое количество трупов подверглось эксгумации возглавляемой Вами комиссией?

Прозоровский: В Катинском лесу судебно-медицинской экспертной комиссией было эксгумировано и исследовано с различных участков и различной глубины могил 925 трупов.

Смирнов: Как были организованы работы по эксгумации и какой круг сотрудников был привлечен к этим работам?

Прозоровский: В судебно-медицинскую комиссию вошли специалисты — судебно-медицинские эксперты, которые в сентябре — октябре 1943 года эксгумировали и исследовали трупы жертв, погибших от расстрела немцев. В эту комиссию вошли...

Смирнов: В каком месте они исследовали трупы?

Прозоровский: Они исследовали трупы в городе Смоленске и его окрестностях. В эту комиссию вошли: профессор Прозоровский, профессор Смольянинов, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института судебной медицины, старейший эксперт судебной медицины доктор Семеновский, профессор патологической анатомии Выропаев и профессор судебной химии Швайкова, которая была приглашена для судебно-химической консультации и судебно-химических исследований. В помощь этой комиссии были привлечены также судебно-медицинские эксперты — военные, в числе их были: Никольский, кандидат медицинских наук, доктор Субботин.

Смирнов: Свидетель, вряд ли Суд интересуется перечисление всех фамилий.

Прозоровский: Хорошо.

Смирнов: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. Какой метод исследования трупов был принят Вами? Я понимаю под этим следующее. Снималась ли одежда с трупов, ограничивались ли Вы внешним осмотром мертвого тела или производилась полная медицинская секция трупа — каждого трупа из 925 извлеченных?

Прозоровский: После извлечения трупов из могил они подвергались тщательному осмотру, в частности их одежда, затем производился наружный осмотр трупа, затем подвергались полному судебно-медицинскому исследованию все три полости трупа — черепная полость, грудная и брюшная полости, а также подвергались детальному исследованию все внутренние органы этих полостей.

Смирнов: Я прошу Вас ответить: извлеченные из мест захоронения трупы имели на себе следы ранее произведенного медицинского исследования?

Прозоровский: Из 925 трупов, которые мы исследовали, только три были вскрыты, и то частично — черепа. На остальных какой-либо судебно-медицинской деятельности заметно не было, так как одежда на них была надета; кители..., в частности, кители были застегнуты, брюки застегнуты, рубашки застегнуты, помочи пристегнуты, шарфы, которые имелись на трупах, и галстуки были повязаны вокруг шеи. И второе — мы отметили, что ни в области головы, ни в области туловища никаких разрезов или надразов и каких-либо других действий судебной медицины не было обнаружено. Этим самым исключается, что эти трупы подвергались какому-либо судебно-медицинскому исследованию.

Смирнов: При судебно-медицинском исследовании, производившемся Вашей комиссией, вскрывались черепа жертв?

Прозоровский: Обязательно. При исследовании каждого трупа череп распиливался и исследовалось содержимое черепной полости.

Смирнов: Вам известен термин псевдо-калтус?

Прозоровский: В частности, о нем я узнал, когда получил книгу в институте судебной медицины, в библиотеке. Это было в 1945 году...

Смирнов: Говорите медленнее, свидетель.

Прозоровский: До этого у нас, в частности в Советском Союзе, ни один судебно-медицинский эксперт таких явлений не наблюдал.

Смирнов: Среди вскрытых 925 черепов много ли было с явлениями псевдо-каллуса?

Прозоровский: Никто из судебно-медицинских экспертов при исследовании этих 925 трупов каких-либо известковых отложений на внутренней поверхности черепа или на каком-либо другом участке головного мозга не обнаружил.

Смирнов: Таким образом, ни одного черепа с явлением псевдо-каллуса не было?

Прозоровский: Нет.

Смирнов: Подвергалась ли исследованию одежда трупов?

Прозоровский: Как я уже сказал, одежда подвергалась тщательному исследованию.

Смирнов: Я прошу Вас говорить медленнее.

Прозоровский: Эта одежда подвергалась тщательному исследованию. По поручению Специальной Комиссии, в присутствии членов ее, как, например, митрополита Николая, академика Бурденко и других членов, судебно-медицинские эксперты исследовали, осматривали эту одежду; карманы, в частности брюк, кителей, шинелей, как правило были вывернуты, разрезаны или разорваны. Это свидетельствовало о том, что производился обыск. Сама одежда, в частности шинели, кители, брюки и верхнее белье, были влажные, пропитанные трупной жидкостью. При значительном усилии руками эта одежда разрыву не поддавалась.

Смирнов: Таким образом, ткань исследуемой одежды была крепкой на разрыв?

Прозоровский: Эта ткань одежды была очень крепкой и замазана, конечно, землей.

Смирнов: При эксгумации Вы производили осмотр карманов одежды и находили там какие-либо документы?

Прозоровский: Как я уже сказал, большинство карманов было разрезано и вывернуто, но некоторые карманы остались целыми. В этих карманах, а также под подкладкой кителей, брюк были обнаружены, например, записки, брошюры, газеты, открытые и закрытые почтовые карточки, папиросная бумага, мундштуки, трубки и т. д., далее были обнаружены и ценности — слитки золота, золотые доллары.

Смирнов: Эти детали не имеют отношения к делу, свидетель. Я прошу Вас не останавливаться на них, я прошу Вас ответить на следующий вопрос: были ли обнаружены в одежде трупов документы, датированные концом 1940 года или 1941 годом?

Прозоровский: Да, были, в частности, мною обнаружены некоторые документы и другими судебными экспертами, как, например, профессором Смольяниновым было обнаружено у одного трупа письмо на русском языке. Отправительницей этого письма была некая Софья Зигонь. Она направляла письмо прямо в Москву в адрес Красного Креста с просьбой сообщить местопребывание ее мужа — Томаша Зигоня. Дата поставлена в этом письме — 12. IX—40 г. Помимо этого, на конверте имелся штамп почтовый: «Варшава», а также штамп московского почтамта, датированный 28 сентября 1940 г.

Следующий документ такого же порядка — открытка из Тарнополя со штампом: «Тарнополь 12. XI—40 г.». Затем были обнаружены квитанции с датами, в частности, на имя, если не путаю, Арашкевича, кажется, о приеме от него денег на хранение с датой 6 апреля 1941 г. На его же имя была обнаружена другая квитанция, также о приеме денег на хранение, датированная 5 мая 1941 г. Затем мною лично было обнаружено письмо с датой от 20 июня 1941 г. на имя Ирены Кучинской. И ряд других документов такого же порядка.

Смирнов: Были ли извлечены при судебно-медицинском исследовании трупов стреляные гильзы или пули, патроны? Я прошу Вас сообщить, какой фирмы были эти стреляные гильзы и патроны — советской фирмы или иностранной? Если иностранной, то какой, какого калибра?

Прозоровский: Причиной смерти польских офицеров служили пулевые огнестрельные раны головного мозга. При слепых огнестрельных ранениях мы обнаруживали в веществе мозга, в костях черепа или под мягкими тканями пули, которые были или деформированы или мало деформированы. В отношении гильз. При раскопках действительно были найдены pistolные гильзы германского производства, так как на них, на донышке гильзы, была указана фирма «Геко».

Смирнов: Одну минуту, свидетель. Я оглашу Вам сейчас один подлинный немецкий документ, за которым прошу следить. Господин председатель, я прошу разрешения Суда предъявить по ходу допроса документ, любезно предоставленный нам нашими американскими коллегами. Это документ ПС-402. Я предъявляю его под № СССР-507. Это германская переписка о Катыни. Целая серия телеграмм, причем телеграммы эти отправлены каким-то германским чиновником генерал-губернаторства по фамилии Хейнрих правительству генерал-губернаторства. Это подлинный документ, который я передаю Суду. Я оглашу только один документ, очень короткий, связанный с патронами, обнаруженными в массовых могилах. Я начинаю цитату. Телеграмма адресована: «Правительству генерал-губернаторства. В Главное управление внутренней администрации. Старшему административному советнику Вейрауху — Краков. Молния. Секретно».

Часть делегации Польского Красного Креста вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники Польского Красного Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это — немецкие боеприпасы. Калибр 7,65, фирма «Геко». Письмо следует. Хейнрих».

Обнаруженные Вами в массовых могилах германские патроны были той же германской фирмы и такого же калибра или нет?

Прозоровский: Как я указал, пули, найденные при следах огнестрельных ранениях, были калибра 7,65, гильзы, найденные при раскопках, имели марку фирмы «Геко».

Смирнов: Я прошу Вас подробно описать состояние тканей тела и внутренних органов трупов, извлеченных из могил в Катynie.

Прозоровский: Кожные покровы трупов и внутренние органы их находились в хорошей степени сохранности. Мышцы туловища и конечностей сохранили свою структуру. Мышцы сердца на разрезах также имели свою характерную структуру. Вещество головного мозга в некоторых случаях подверглось гнилоственному изменению, в большинстве же случаев сохранило свои структурные особенности с ясно выраженными границами белого и серого вещества. Изменения внутренних органов заключались главным образом в их дряблости и уменьшении размеров. Волосы головы при незначительном усилии легко отделялись.

Смирнов: К какому заключению пришли Вы при исследовании трупов о времени наступления смерти и времени захоронения жертв?

Прозоровский: Основываясь на полученном мною опыте, опыте Смольянинова, Семеновского и других...

Смирнов: Одну минуту, свидетель. Я прошу Вас, расскажите коротко Суду, какой это опыт. Какое количество трупов в местах захоронения было эксгумировано Вами или при Вашем участии?

Прозоровский: Во время Великой Отечественной войны мне пришлось быть судебно-медицинским экспертом при эксгумации и исследовании трупов жертв, расстрелянных немцами. Эти расстрелы были в городе Краснодаре и его окрестностях, в городе Харькове и его окрестностях, в городе Смоленске и его окрестностях, в лагере смерти, так называемом Майданеке, близ Люблина. В общей сложности при моем участии было эксгумировано и исследовано более 5000 трупов.

Смирнов: Так вот, основываясь на Вашем опыте и объективных наблюдениях, к какому заключению Вы пришли о времени наступления смерти и времени захоронения катынских жертв?

Прозоровский: То, что я сейчас сказал, относится ко мне и к моим коллегам, которые участвовали при этих эксгумациях. И все судебно-медицинские эксперты, то есть комиссия в целом, пришли к единому мнению о том, что захоронение польских офицеров в катынских могилах было произведено около двух лет тому назад, считая с января 1944 года, то есть падает на период осени 1941 года.

Смирнов: Дает ли объективная картина состояния трупов возможность допустить, что они были захоронены в 1940 году?

Прозоровский: Сравнительное судебно-медицинское изучение трупов, похороненных в Катынском лесу, и сопоставление данных, полученных при этом изучении, с картиной трупных изменений предшествовавших им многочисленных эксгумаций, проведенных нами, при учете описанных доказательств, дали нам полное основание заключить, что захоронение было произведено не ранее чем осенью 1941 года.

Смирнов: Таким образом, 1940 год исключается?

Прозоровский: Таким образом, 1940 год исключается полностью.

Смирнов: Насколько я Вас понял, Вы являлись судебно-медицинским экспертом по делу других убийств в районе города Смоленска и окрестностей?

Прозоровский: В районе города Смоленска и окрестностей при моем участии было эксгумировано и исследовано 1173 трупа.

Смирнов: Кроме Катynie?

Прозоровский: Кроме Катynie..., извлеченных из 88 мест захоронения.

Смирнов: К каким приемам маскировки массовых могил прибегали учинявшие расстрелы немцы в других местах?

Прозоровский: Метод маскировки могил был применен, в частности, в окрестностях Смоленска, в Гедеевке. Этот метод заключается в том, что на верхний слой земли этих могил накладывался дерн. Были случаи также в Гедеевке, когда на некоторых могилах были высажены деревья, а также мелкие кустарники для маскировки. Помимо этого, в частности в пионерском саду в городе Смоленске, могилы были замощены кирпичом и были устроены дорожки.

Смирнов: Вами было эксгумировано более 5000 трупов в различных местах Советского Союза?

Прозоровский: Да.

Смирнов: От каких причин в подавляющем большинстве случаев следовала смерть жертв?

Прозоровский: В подавляющем большинстве причиной смерти являлось огнестрельное пулевое ранение в голову, в область затылочной кости.

Смирнов: Картина смерти жертв в Катynie являлась сходной или нет с картиной смерти в других местах? Я говорю о массовых расстрелах.

Прозоровский: Все расстрелы были произведены одним методом — выстрелом в затылок в упор или на близком расстоянии. Выходные отверстия, как правило, находились в лобной кости или в области лица.

Смирнов: Я оглашаю последний абзац из вашего акта по Катynie, приведенного в Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии.

«Экспертная комиссия... отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрела мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре и Воронеже».

Вы подтверждаете эти положения?

Прозоровский: Да, это был типичный метод расстрела жертв, характерный для уничтожения мирных граждан немцами.

Документ СССР-112

МАТЕРИАЛЫ ДОЗНАНИЯ,
ПРОИЗВЕДЕННОГО ВЕЛИКОБРИТАНСКИМИ ВОЕННЫМИ
ВЛАСТЯМИ, О РАССТРЕЛЕ 7 АПРЕЛЯ 1945 г.
150 ВОЕННОПЛЕННЫХ И СОВЕТСКИХ
ГРАЖДАН НА КЛАДБИЩЕ ЗЕЛЬХОРСТ (ГАННОВЕР)

Показания Петра Пальникова,
данные 1 мая 1945 г. в г. Ганновере (Германия)

Я, Петр Пальников, родился в г. Харькове (Россия) 2 мая 1920 г. Мое постоянное местожительство — Майкоп, Пролетарская ул., д. 146.

...20 ноября 1944 г., выполняя обязанности офицера связи между полками, я был взят в плен 326-й немецкой дивизией или полком, точно я не знаю. После взятия в плен я вместе с другими пленными был отправлен в район Вены. Переход длился четыре дня. В течение этих четырех дней мы не получали никакой пищи. Многие пленные падали, потому что не были в состоянии идти. Те, кто пытался достать пищу по дороге, расстреливались. От 18 до 20 русских пленных были расстреляны во время этого перехода.

Я был помещен в офицерское отделение лагеря для военнопленных, находившегося около Вены. Пробыв там девять дней, я вместе с другими 106 офицерами был отправлен поездом в Ниенбург, который расположен в 80 километрах от Ганновера и около 30 километров от Миндена.

В Ниенбурге (Германия) я был послан в русский лагерь военнопленных, где находились только русские офицеры. В этом лагере я находился до 2 февраля 1945 г. — дня моего побега из лагеря. Я шел по направлению к Вене обходными путями и 10 или 11 февраля был снова взят немцами в плен в одной маленькой деревушке, название которой не помню. Меня взяли в плен два германских полицейских. Меня снова отправили в Ниенбург и посадили на два дня в карцер. После этого меня отправили в исправительный лагерь в Либенау — 6 километров от Миндена. Я прибыл в Либенау 14 или 15 февраля. В Либенау из поезда

было выгружено 70 русских, включая гражданских лиц, офицеров и солдат Красной Армии.

В Либенау, вместе с 20 другими мужчинами, я был помещен в так называемую красную камеру, которая была предназначена для лиц, подлежащих уничтожению. Это был барак, состоящий из двух комнат. Когда мы прибыли в барак, там уже находилось 40 человек, из которых большинство было русских. Среди них также находились один голландец и один немец. Я оставался в Либенау до 3 апреля 1945 г. и все в том же бараке. Первоначальное количество заключенных в 60 человек то увеличивалось, то уменьшалось, так как ежедневно уводили заключенных, которых убивали и вешали.

3 апреля 1945 г. весь лагерь в Либенау, насчитывавший около 800 человек, был собран и отправлен пешком в район Ганновера (Германия). 6 апреля 1945 г. мы прибыли в Ганновер. Шли мы под охраной, и, в частности, моя группа охранялась особой группой войск СС в форме и гражданской одежде. Во главе каждой группы охранников в 16 человек был один офицер СС.

В моей специальной группе насчитывалось около 250 человек. Среди тех охранников, которые были приставлены к моей группе, был поляк. Фамилия его была Шафа, имени я не помню. Этот человек не присутствовал при расстреле, который потом последовал.

По дороге из Миндена, на окраине Ганновера, находились штаб гестапо и тюрьма. В эту тюрьму была помещена наша группа.

7 апреля 1945 г. в 6 часов утра в штабе гестапо была собрана группа в составе 25 мужчин и одной женщины, которых я раньше не видел. Нас всех посадили в машину и повезли на кладбище в г. Ганновер. Эту группу охраняли шесть человек, четверо из них находились с нами в задней части машины и имели при себе автоматы. Шофер и один охранник сидели в кабине. Я никого из охранников не знал и никогда раньше их не видел. У нас были с собой лопаты. По прибытии на кладбище охранники приказали нам выйти из машины и начать копать могилы. Охрана показывала нам, где и сколько копать. Девушка, которая приехала с нами, не копала, а стояла около нас. Это была русская девушка 17—18 лет.

Мы копали с 6 ч. 30 м. до 10 часов утра того же дня. Пока мы копали, прибыло еще шесть охранников, из которых трое были немецкие солдаты и трое гражданских. Охранники стояли вокруг, смеялись и болтали. После окончания работы нас построили по 4 человека, в том числе и девушку. Каждый ряд стоял лицом к могилам. Один из охранников подошел к девушке и выстрелил в нее. Он выстрелил второй раз, а девушка все еще стояла. Когда был дан третий выстрел, девушка упала.

Охранник, который стрелял, находился от меня на расстоянии одного метра. Я схватил лежавшую около меня лопату и ударил охранника по голове... Он упал. Я бросился бежать, а за мной еще двое. За кладбищем был лес, и я побежал в том направлении. Между лесом и кладбищем была деревянная ограда, наверху которой была протянута проволока. Один из бежавших со мной был застрелен в тот момент, когда он пытался перелезть через ограду. Что случилось со вторым, я не знаю. Мне удалось перелезть через ограду. Когда я бежал, по мне было сделано по меньшей мере 40 выстрелов. Между кладбищем и лесом (примерно 60 метров от леса) стоял небольшой домик. Когда я был примерно в 20 метрах от домика, с заднего двора его в меня стал стрелять из пистолета мужчина лет 50. Он сделал четыре выстрела. Мне удалось добраться до леса, не будучи раненым, и пройти в глубь его на два километра. Я не знал, следовал ли кто-нибудь за мной, и провел ночь в лесу. На следующее утро я попал в лесную хижину и достал там гражданскую одежду. До этого я носил зеленую форму военнопленного, со знаком «S.U.» на спине. Эта форма была мне выдана в Ниенбурге.

После того как я переделался в гражданскую одежду, я вышел на дорогу и направился в русский лагерь в г. Ганновер, проходя мимо кладбища, где происходил расстрел. По дороге я встретил двух русских, которые отвели меня в русский лагерь.

Когда, после моего побега, я был возвращен в Ниенбург, меня повели в комендатуру лагеря, где находился человек, который, по-моему, был немецким офицером. В этой комнате больше никого не было, но за дверью стоял караульный. Этот человек прочел мне небольшую бумагу и на хорошем русском языке сказал, что я — агитатор и что меня ждет плохая судьба. После того, как он зачитал мне все это по-русски, мне дали уже другую бумагу и сказали, чтобы я ее подписал. Эта бумага была написана по-немецки. Мне ее не зачитали, и я не знаю, что в ней говорилось. Когда я подписал ее, меня снова отправили в барак. Когда я находился в комендатуре, этот человек спросил меня, как мне удалось сбежать, куда и по какому пути я направился.

Он также спросил, почему я сбежал. Я ответил ему, что здесь так плохо, что я больше не мог оставаться. Все это происходило за день до моей отправки в Либенау.

Люди, которые были со мной в красных бараках, в Либенау попадали туда по различным причинам. Военнопленные, находившиеся там, были те, которых ловили после побега. Другие сидели за то, что воровали продукты питания. Всех нас рассматривали как политически нежелательных лиц.

Пальников

Я удостоверяю, что вышеизложенное представляет собой правильный перевод русского оригинала допроса, происходившего в моем присутствии 1 мая 1945 г. в Ганновере, Германия.

Лейт. Эфрейм А керман 0-2000203

Показания, данные Карлом Фревертом
в Ганновере (Германия)

Я, Карл Фреверт, родился в Ганновере 26 декабря 1892 г. всю свою жизнь я проживал в Германии. В настоящее время я живу в Дэрене, близ Ганновера, на Пейневштрассе, № 24.

7 апреля 1945 г. в 9 ч. 30 м. утра я проехал на велосипеде мимо кладбища, которое находится в Дэрене, недалеко от моего дома. Вдруг какой-то штатский остановил меня и заставил сойти с велосипеда. Я спросил его, почему, и он ответил: «Там стреляют, двое русских убежали». Затем он спросил меня, куда я намереваюсь ехать, я объяснил ему, и он указал мне дорогу, по которой я должен был ехать. У этого гражданина, насколько я мог видеть, не было при себе никакого оружия.

В то время как я разговаривал с ним, я слышал выстрелы, доносящиеся с кладбища. Потом я отправился по указанной дороге, которая привела меня в мой сад. Поставив свой велосипед под навес, я взял грабли и опять отправился на кладбище. Все кладбище было обнесено деревянной оградой. Я быстро нашел дыру и проник через нее на кладбище. Затем осторожно я подполз к кусту, который находился в 30 метрах от того места, где стояли русские.

Там было около 200 русских. Я видел, как несколько из них рыли длинную могилу. После того, как могила была готова, 10 или 15 русских вошли в нее. В это время двое штатских дали по ним очередь из автоматов.

Затем я услышал, как один из штатских сказал: «Одна свинья все еще жива». И в этот момент один из солдат, который охранял кладбище, с места выстрелил из винтовки в него. Насмотревшись на эту картину, я тем же путем возвратился в сад.

В тот же день в 7 ч. 30 м. утра я видел, как около 200 русских проходили мимо моего дома в направлении к кладбищу. Они охранялись солдатами и десятками штатскими. Причем в 14 ч. 30 м. я видел, как все эти солдаты и штатские возвращались с кладбища. Русских с ними уже не было.

Я слышал стрельбу, доносившуюся с кладбища с 9 ч. 30 м. утра до 14 часов дня.

Из всех этих солдат и штатских я раньше никого не видел. Я думаю, что я смогу узнать того штатского, который остановил меня, когда я ехал на велосипеде. Рост его приблизительно 1 м

70 см, вес 145—150 англ. фунтов. Лицо очень худое, и тогда он был в черных роговых очках. Ему было около 50 лет.

В то время, как я возвращался с кладбища во второй раз, я видел Груневальда, направляющегося с маленьким терьером к месту стрельбы.

Карл Фреверт

Я, Мейнхард М. Клейнерман, заявляю, что вышеизложенное является точным переводом показания, данного под присягой Карлом Фревертом в Ганновере, Германия, 1 мая 1945 г.

Мейнхард М. Клейнерман

Подписано под присягой в моем присутствии. Ганновер, Германия, 1 мая 1945 г.

Джемс В. Бост, майор кавалерии

Медицинский отчет по эксгумации трупов
из могил на кладбище Зельхорст

Ганновер, 4 мая 1945 г.

Медицинская комиссия, состоящая из:

- 1) обермедициналрата д-ра Мисбаха,
- 2) медициналрата д-ра Вилша,
- 3) » д-ра Беке,
- 4) профессора д-ра Нордманна,

2 мая 1945 г. с 9 часов утра до 15 часов присутствовала, по приказанию военной администрации, при эксгумации 223 трупов на кладбище Зельхорст.

Комиссия установила:

I

Было выкопано 153 мужских трупа и один женский; причем вскрытие трупов не было произведено.

За короткий промежуток времени, между выкапыванием и отвозкой, безусловно, невозможно было раздеть все трупы. Однако причину смерти можно было установить в каждом случае. В большинстве случаев люди были убиты выстрелами в голову на близком расстоянии. В двух случаях было попадание в область груди и в одном случае — в верхнюю часть левого бедра.

Очевидно, в этих последних случаях выстрелы производились на большом расстоянии.

Трупы, в основном, были одеты в гражданскую одежду или одежду пленных (бесцветная немецкая форма), а некоторые были в русской военной форме.

Было также установлено, что похороны состоялись около трех или четырех недель назад.

Пять трупов были опознаны их русскими друзьями или родственниками.

Это следующие лица:

1) Седнев Василий, опознанный Доварским, могила № 24	
2) Масускевич Михаил, » Войжуковичем, могила № 25	
3) Бурба Иван, » Александром Стояком, могила № 26	
4) Зауджук Иван, » Клищуком, могила № 34	
5) Белозенко Николай, » Буловженко, могила № 36	

II

Помимо этого было вырыто еще 69 трупов, которые были не непосредственно убиты, а умерли от недостаточного питания или болезни. 40 из них были зарегистрированы в конторе этого кладбища. Они имеют свои номера, заметки о причине смерти и дату их похорон.

18 трупов были зарыты в гробах, сколоченных из грубых досок, другие даже без одежды. 29 трупов были совершенно неизвестны. Они не были зарегистрированы и были похоронены в период с 23 марта по 6 апреля 1945 г. без всякого ведома конторы кладбища. По общей договоренности с уполномоченным английским офицером — старшим лейтенантом Холлом — комиссия воздержалась от вскрытия.

Недостаточное питание было очевидно во всех случаях, когда никаких других причин насильственной смерти не было установлено.

В целом 223 трупа были эксгумированы и подвергнуты осмотру 2 мая 1945 г.

III

3 мая 1945 г. с 9 часов утра до 3 часов дня были эксгумированы новые 303 трупа и подвергнуты осмотру. Причем состояние трупов было очень плохое, ибо похоронены они были около трех месяцев назад.

В большинстве случаев причину смерти невозможно было установить простым осмотром трупов. Также невозможно было сообщить и вскрытие трупов по той причине, о которой уже говорилось при предыдущей эксгумации.

1. 112 трупов, соответственно списку в приложении № 2. Все они зарегистрированы обычным порядком; при этом 111 трупов с данными рождения или возраста, датой похорон, а также данными о причине смерти и только один труп был неизвестен.

2. 191 труп был похоронен без всякого ведома конторы кладбища. Среди них у 6 трупов оказались документы:

- 1) Перел Мозес, 22 года, слесарь, Литцманштадт, причина смерти: ослабление сердечных мышц;
- 2) Войдила Томас — рожд. 13 декабря 1909 г.;
- 3) Радомский Шмуль — 32 года;
- 4) Кривошей Галина, рожд. 17 февраля 1921 г. в г. Иванко;
- 5) Мовшан Лина, рожд. 24 января 1924 г. в г. Кантиар;
- 6) Ведороц Александра, рожд. 25 января 1925 г. в хуторе Федорце.

Другие трупы были неизвестны. 24 трупа (15 мужчин и 9 женщин) были в довольно хорошем состоянии. 4 из них погибли насильственной смертью. Один был убит выстрелом в левую щеку; другие жертвы (1 мужчина и 2 женщины) были задушены.

Причину смерти других 20 лиц невозможно было точно установить.

Остальные 167 трупов показали недостаточное питание в очень большой степени.

Беке, Мисбах, Нордманн, Вилш

Подлинность копии удостоверяю: *Чарльз Р. Циммер*, капитан пехоты.

Документ СССР-315

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ РИБОЛЯ ФРЕДЕРИКА

...В Маутхаузене тюрьма, иначе называемая «Бункер», стала в скором времени недостаточной для помещения всех тех, кого должны были казнить. Один блок служил пристройкой, это был блок № 20.

Этот блок был рассчитан на то, чтобы в нормальных условиях вмещать 200 человек, в действительности это была каторга для несчастных, число которых колебалось между 1500 и 2000.

Жизненные условия там были исключительно тяжелые, в десять раз хуже, нежели во всем остальном лагере.

Питание давалось по усмотрению охраны СС, которая иногда заставляла несчастных заключенных голодать по 2—3 дня, к тому же рацион был гораздо меньше, чем в остальной части лагеря.

Иногда суп наливали в желоба, и эсэсовцы смеялись, глядя на людей, которые ели без ложек, прямо руками. Иногда суп наливали в умывальник, и эсэсовцы буквально наслаждались видом этой борьбы за еду 2000 человек вокруг бассейна, где едва было место только для 20 человек. Смертные случаи от 30—35 в день возросли до 150 случаев. Большинство этих людей были русские офицеры регулярной армии, советские офицеры. Там также были лучшие представители интеллигенции, попавшие в плен к немцам. Жуткие жизненные условия и перспектива близкой смерти заставили этих людей восстать. Это случилось в начале февраля 1945 года. Воспользовавшись воздушной тревогой, эти люди собирались бежать. План этот был задолго, очевидно, ими задуман. Накануне они сгребли снег к ограде, чтобы иметь возможность перелезть через стену. По данному сигналу были брошены одеяла на проволоку, где проходил электрический ток, и она была сорвана. В это время другие бросали в часовых все, что только возможно. Один из восставших ударом огнетушителя ослепляет эсэсовца, вооруженного автоматом. Один из офицеров, овладев этим оружием, дает возможность выйти своим товарищам.

Все это длилось несколько минут, и в этот отрезок времени только 12 заключенных были убиты. Восставшим удалось овладеть постом ДСА и взять там все оружие.

На следующий день все эсэсовцы были мобилизованы на охоту за людьми.

Венское радио передавало каждый час призывы к населению помочь в поимке сбежавших «бандитов».

Репрессия была ужасающая. Это было избивание тех беглецов, кто по слабости не в состоянии был убежать далеко. Все те, которых привели живыми в лагерь, были избиты с невероятной яростью до того, как их убили выстрелом в затылок разъяренные эсэсовцы.

Несмотря на то, что мы привыкли к жутким картинам, эта картина по своей жестокости оставила в памяти товарищей и, в частности, у меня неизгладимый след.

Это показание, правильность которого я подтверждаю, было мною написано 27 января 1946 г. в Нюрнберге.

Фредерик Риболь

85 Авеню д'Иври, Париж 13-е

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОНАЧАЛИСТВА
ПРОИЗВОДИТЕЛИ ПОНАЧАЛИСТВА
ОТ СССР

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ, ЮГОСЛАВИИ, ФРАНЦИИ И ДРУГИХ СТРАН

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СССР Л. Н. СМИРНЫМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы предъявить Вам письменные документы и иные судебные доказательства, свидетельствующие о совершении гитлеровскими заговорщиками тяжчайших преступлений в отношении мирного населения временно оккупированных районов Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии.

Количество подобных доказательств, находящихся в распоряжении советского обвинения, необычайно велико.

Достаточно указать, что лишь в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников находится 54 784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза.

Однако и эти документы далеко не охватывают всех злодеяний, совершенных преступниками войны в отношении мирного населения.

Советское обвинение утверждает, и я представляю Суду доказательства этому, что на всем протяжении громадного фронта, от Баренцова моря до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики.

Злодеяния немецко-фашистских преступников выявлялись по мере продвижения на запад частей Красной Армии. Акты о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения

составлялись офицерами передовых частей Красной Армии, местными органами власти, общественными организациями.

Советские люди узнавали о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в первую очередь не по циркулярам немецкого командования, указаниям рейхслейтеров или инструктивным письмам обергруппенфюреров СС, снабженным входящими и исходящими номерами соответствующих канцелярий, хотя и подобные документы были в большом количестве захвачены наступающими частями Красной Армии и находятся в распоряжении советского обвинения.

Иными здесь являются источники доказательств. Возвращаясь в родные места, солдаты армий-освободительницы находили много сел, деревень, городов, превращенных гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни».

У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее Суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний, тянущихся, как справедливо сказано в речи Главного обвинителя от СССР, «от рук палачей до министерских кресел».

В этих чудовищных злодеяниях была своя определенная преступная система. Единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банок с отравляющим веществом «циклоном А» или «циклоном Б», построенные по одним и тем же типовым проектам печи крематориев, одинаковая планировка «лагерей уничтожения», стандартная конструкция зловонных «машин смерти», которые немцы называли «газенвагенами», а наши люди — «душегубками», техническая разработка конструкций передвижных мельниц для размалывания человеческих костей — все это указывало на единую злую волю, объединяющую отдельных убийц и палачей.

Становилось ясным, что рационализацией массовых убийств по указаниям гитлеровского правительства и руководства военными немецкими силами занимались немецкие теплотехники и химики, архитекторы и токсикологи, механики и врачи.

Становилось ясным, что «фабрики смерти» вызывали к жизни целые отрасли вспомогательной индустрии.

Но единство злой воли проявлялось не только там, где целям злодейского умерщвления людей служила специальная техника.

Это единство злой воли проявлялось также в единстве приемов исполнителей злодеяний, однотипности техники умерщвления людей и там, где для убийств использовались не специальные технические устройства, а применялись обычные образцы оружия, принятого на вооружение германской армии.

Из тех доказательств, которые мною будут предъявлены дальше, Вы увидите, что места захоронения немецких жертв вскрывались советскими судебными медиками на севере и на юге страны, могилы были отделены одна от другой тысячами километров, и очевидно было, что эти злодеяния совершались различными физическими лицами. Но одинаковыми были приемы совершения преступлений. Одинаково локализовались ранения. Одинаково подготавливались маскируемые под противотанковые рвы или траншеи гигантские ямы-могилы. Приведенным к месту расстрела безоружным и беззащитным людям убийцы в почти одинаковых выражениях приказывали раздеться и лечь лицом вниз в заранее приготовленные ямы. Первый слой расстрелянных, было ли это в болотах Белоруссии или в предгорьях Кавказа, одинаково присыпался хлорной известью, и на прикрытый смешанной с кровью едкой массой первый ряд мертвых убийцы вновь заставляли ложиться обреченных беззащитных людей.

Это свидетельствовало не только о единстве полученных свыше инструкций и приказов. Настолько одинаковы были приемы убийств, что становилось ясным, как готовились кадры убийц в специальных школах, как заранее предусматривалось все, начиная от приказа раздеться перед расстрелом до самого умерщвления. Эти основанные на анализе фактов предположения были впоследствии полностью подтверждены захваченными Красной Армией документами и показаниями пленных.

С первых месяцев войны Советскому правительству было ясно, что бесчисленные преступления немецко-фашистских агрессоров против мирных жителей нашей Родины представляют не эксцессы недисциплинированных военных частей или изолированных преступные действия отдельных офицеров и солдат, а являются системой, заранее предусмотренной, не просто санкционированной преступным гитлеровским правительством, но преднамеренно насажденной им и всячески поощряемой.

Суду уже представлена как бесспорное доказательство в соответствии со статьей 21 Устава и зарегистрирована под № СССР-51 одна из нот Народного комиссариата иностранных дел Союза ССР, датированная 6 января 1942 г. Я начинаю цитировать третий абзац после заголовка ноты. Там сказано:

«Освобождение частями Красной Армии, в процессе ее продолжающегося успешного контрнаступления, ряда городов и сельских местностей, находившихся временно в руках германских

захватчиков, выявило и с каждым днем все более продолжает выявлять неслыханную картину повсеместного грабежа, всеобщего разорения, гнусных насилий, издевательств и массовых убийств, учинявшихся немецко-фашистскими оккупантами над мирным населением при их наступлении, во время оккупации и при отступлении. Имеющиеся в распоряжении Советского правительства многочисленные документальные материалы свидетельствуют о том, что грабежи и разорение населения, сопровождавшиеся зверскими насилиями и массовыми убийствами, распространены во всех районах, попавших под пяту немецких захватчиков. Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты.

Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной советской территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, карело-финской территории, русских районов и областей несет разрушение и уничтожение бесчисленных материальных и культурных ценностей нашего народа, потерю мирным населением нажитого упорным трудом имущества, установление режима каторжного труда, голодовки и кровавых расправ, перед ужасами которых бледнеют самые страшные преступления, какие когда-либо знала человеческая история.

Советское правительство и его органы ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире свое заявление о фактах, характеризующих чудовищные преступления, совершаемые гитлеровской армией над мирным населением захваченной ею территории Советского Союза».

Я оглашаю затем 2, 4 и 5 абзацы заключительного раздела этой ноты:

«Гитлеровское правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз, не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Оно ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем са-

мым свою подлую разбойничью сущность. Это разбойничье правительство, признающее только силу и разбой, должно быть сломлено всеокрушающей силой свободолюбивых народов, в ряду которых советские народы выполняют свою великую освободительную задачу до конца...

Доводя обо всех этих зверствах, чинимых немецкими захватчиками, до сведения этих Правительств, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, Советское правительство заявляет, что оно возлагает всю ответственность за эти бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск на преступное гитлеровское правительство Германии.

Правительство СССР вместе с тем с непоколебимой уверенностью заявляет, что освободительная борьба Советского Союза является борьбой за права и свободу не только народов Советского Союза, но и за права и свободу всех свободлюбивых народов мира и что эта война может закончиться только полным разгромом гитлеровских войск и полной победой над гитлеровской тиранией».

Обилие материалов и фактов, которые я должен предъявить Суду, обуславливает необходимость строгой систематизации этих материалов.

Суду будут последовательно предъявлены доказательства:

Во-первых, сознательного развязывания со стороны главных преступников войны низменных инстинктов германских офицеров, солдат и направленных в оккупированные восточные области немецких должностных лиц, подстрекаемых к убийствам мирного населения и насилию над ним; создания атмосферы безнаказанности для преступников и узаконения режима террора.

Во-вторых, специального воспитания и подбора кадров, предназначенных для осуществления массовых убийств и проведения режима террора в отношении мирных граждан.

В-третьих, объемов преступлений, повсеместности и громадных размеров немецко-фашистских злодеяний.

В-четвертых, постепенного развития и усовершенствования методов осуществления чудовищных преступлений, от первых расстрелов до создания «лагерей уничтожения».

В-пятых, попыток сокрытия следов преступлений и специальных мероприятий, проведенных с этой целью по приказам из центра.

Я перехожу к предъявлению документов по первым двум разделам этого перечня.

Суду уже были предъявлены доказательства того, что конкретные приказы, циркуляры и так называемые «законы», изданные гитлеровскими преступниками для легализации террора в отношении мирного населения и для оправдания насилий

и убийств, стоят в прямой связи с человеконенавистническими «теориями» фашизма. В речи Главного обвинителя были приведены две цитаты из книги бывшего президента данцигского сената и одного из весьма приближенных в свое время к Гитлеру лиц — Германа Раушнинга, изданной в 1940 году в Нью-Йорке под названием «Голос разрушения». Эта книга переиздавалась также в разных странах и в разное время под другими названиями («Гитлер говорил мне», «Разговор с Гитлером» и т. д.).

Из книги Раушнинга, предъявленной мною сейчас Суду, в речи Главного обвинителя от СССР приведены две цитаты. Одна из них находится на странице 225 подлинника. Содержание этой цитаты вкратце сводится к тому, что Гитлер говорил Раушнингу о том, что он освобождает человечество от «унижающих ограничений», выдвигаемых «химической совестью и морали». Вторая цитата также очень важна. Я постараюсь на ряде совершенно конкретных фактов раскрыть кажущееся абстрактным содержание этой цитаты. Вы найдете ее на страницах 137—138. Здесь речь шла относительно разговора Гитлера с Раушнингом о специальной «технике обезлюдивания» — действиях, необходимых для физического уничтожения целых народов, и о «праве победителя на физическое уничтожение целых народов».

И в самом деле, для того чтобы умертвить миллионы невинных и беззащитных людей, необходимо было не только разработать химическую рецептуру «циклона А», сконструировать газовые камеры и печи крематориев или специально разработать процедуры осуществления массовых расстрелов. Для этого надо было также воспитать многие тысячи исполнителей «не по форме приказа, а по его духу» (как говорил в одном из своих выступлений Гиммлер). Нужно было воспитать людей, лишенных сердца и совести, извращенных существ, сознательно порвавших с основными положениями морали и права. Нужно было легализовать и «теоретически обосновать» закономерность замены понятия «вины» понятием «подозрения», понятия «наказание» — понятием «превентивного очищения от нежелательных элементов в политических целях», понятия «справедливости» — понятием «права господ», понятия «суда» — апологией административного произвола и полицейского террора.

В форме приказов, распоряжений, узаконений нужно было внушить сотням тысяч дрессированных, как кровавые собаки, исполнителей замысленных главными преступниками злодеяний, что они не отвечают ни за что. Вот почему Гитлер освободил их от «химеры, именуемой совестью».

Но теоретические высказывания не были все же надлежаще оформленными инструкциями и не вводили определенных репрессий за проявление ненужной мягкости к тем, кто недостаточно познал «радость жестокости».

Вот почему еще до начала войны с Советским Союзом немецко-фашистские преступники издали ряд так называемых «памяток», «заповедей» и других подобных документов для немцев, отправляющихся на Восток. Я предъявляю уважаемому Суду один из таких документов. Из тех материалов, которые имелись в моем распоряжении, я сознательно выбрал этот небольшой документ и останавливаюсь на нем потому, что он предназначен не для эсэсовцев или полицейских, а всего лишь для так называемых «сельскохозяйственных фюреров». Называется этот документ «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими».

Я представляю Суду этот документ под № СССР-89. Из «12 заповедей» я цитирую только одну, а именно шестую заповедь, которая, как кажется мне, имеет непосредственное отношение к моей теме.

Нельте: Господин председатель! Было бы желательно, если бы представителем обвинения было указано, кто является автором этих заповедей. Я прошу Вашего решения, можно ли этот документ принять как доказательство.

Председатель: Полковник Смирнов, сможете ли Вы информировать нас, каков источник, из которого Вы получили этот документ?

Смирнов: Этот документ находится в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию и установлению немецко-фашистских злодеяний.

Документ этот был захвачен полевыми частями нашей армии в районе Россоши, доставлен в Чрезвычайную Государственную Комиссию, и подлинник этого документа сейчас предъявляется уважаемому Суду.

Председатель: Сейчас передо мной находится этот документ. Здесь сказано: Берлин, 1 июня 1941 г., и, кроме того, здесь есть подпись, которая выглядит, примерно, как Бакке. Возможно, защитник хотел бы ознакомиться с подлинником документа, посмотреть на него. Насколько я понял обвинителя, этот документ представляет собой часть советского правительственного отчета?

Смирнов: Так точно.

Я имею справку о должностном положении Бакке. Бакке был статс-секретарем министерства питания и продовольствия.

Итак, я цитирую шестую заповедь из представленных Суду «12 заповедей».

«6. Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием

своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Отсутствие характеров у отдельных лиц безусловно явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи».

К каким самым «жестоким и самым беспощадным» мероприятиям готовило преступное гитлеровское правительство тех, кого оно именовало «знаменосцами национал-социалистской революции», и какие преступления были содеяны ими, мы покажем ниже.

Так отвлеченные теоретические рассуждения подтверждались официальными распоряжениями, вполне определенными и не допускающими двоякого толкования.

Кадры убийц готовились в специальных учебных заведениях. Сеть этих учебных заведений доходила почти до нижних чинов.

Я предъявляю уважаемому Суду обвинительное заключение, составленное следователем по важнейшим делам при Прокуроре СССР по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области. Этот документ нашел полное свое подтверждение в приговоре военного трибунала, который также представляется Суду.

Обвинительное заключение и приговор представляются Трибуналу под № СССР-32.

На первой странице обвинительного заключения приведена выдержка из показаний обвиняемого. Цитирую эту выдержку из показаний:

«Обвиняемый старший ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгарт, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал:

...На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо утверждали о том, что народы Советского Союза, и в особенности русской национальности, являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий и, надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мною, неуклонно выполнялись».

Таковы были курсы, посвященные обучению и воспитанию младших чиновников полиции.

Но фашистская система воспитания убийц знала и другие формы обучения, специально посвященные, в частности, технике уничтожения следов преступления. Суду уже предъявлен

в качестве доказательства документ, зарегистрированный под № СССР-6в/8. Документ этот является одним из приложений к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области.

Это — показание свидетеля Манусевича, допрошенного по специальному поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии старшим помощником прокурора Львовской области. Протокол допроса надлежаще оформлен в соответствии с процессуальным законом Украинской Советской Республики.

Манусевич был заключен немцами в Яновский лагерь, где работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов умерщвленных советских людей. После сожжения 40 тысяч трупов, умерщвленных в Яновском лагере, команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу.

Я цитирую протокол допроса:

«...В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других лагерей, из каких — не могу вспомнить. Фамилии курсантов не знаю, но это были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей».

Суду будет далее представлена фотография этой машины и акт осмотра ее, вернее, акт технического освидетельствования.

«Дальше Шаллок объяснял, как разровнять яму, просеять и посадить деревья на этом месте, где рассыпать и прятать пепел человеческих трупов. Такие курсы были на протяжении длительного времени. За время моего пребывания, то есть за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов».

Для воспитания подростков немецкие фашисты создали особую организацию, так называемую «гитлерюгенд» («гитлеровская молодежь»).

Длительное время эта организация возглавлялась подсудимым Бальдуrom фон Ширахом.

О том, какие методы воспитания немецкой молодежи применялись фашистскими преступниками, свидетельствует французская подданная Ида Вассо, директриса существовавшего во Львове пансиона для престарелых французов. В период оккупации немцами Львова она имела возможность посетить львовское гетто. В заявлении на имя Чрезвычайной Государственной Комиссии Вассо описала существовавшую там систему истребления людей.

Из заявления Вассо видно, что немцы воспитывали «гитлерюгенд», тренируя этих молодых фашистов в стрельбе по живым мишеням — по детям, которых специально отдавали организации «гитлерюгенд» в качестве мишеней для стрельбы.

Заявление Вассо было проверено Чрезвычайной Государственной Комиссией и полностью подтверждено. В подтверждение этого я представляю Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» (документ под № СССР-6).

Цитирую заявление Вассо:

«...Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодежи, которая из этих детей делала живую мишень, обучаясь стрелять. Никакой жалости к другим, все для себя — таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а главное, не забыть их, так как вездесудно не вернет жизнь миллионов людей».

Чрезвычайная Государственная Комиссия констатировала, что во Львове немцы «...не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе».

Так были созданы, воспитаны, обучены те моральные уроды, которые были призваны осуществить программу главных военных преступников по физическому уничтожению народов стран Восточной Европы.

Фашистскому правительству незачем было опасаться того, что эти «знаменосцы национал-социалистской революции» на Востоке обнаружат какие-нибудь остаточные признаки гуманности...

Я цитирую:

«Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочки воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочки. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволочное ограждение в два ряда, расстояние между рядами — 1 метр 20 сантиметров, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти, и там умирал с голоду и от холода. Но прежде чем забрасывать, человека избивали до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали человека. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайне, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу, если попадали в стакан, то человека оставляют живым, а если

в руку, то тут же расстреливают и при этом заявляют, что «вы к труду не способны, подлежите расстрелу». Брели человека за ноги и разрывали. Детей от 1 месяца до 3 лет бросали в бочки с водой и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара. Кроме этого, в лагере перед посылкой на работу производили так называемую проверку физически здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 метров, и если человек хорошо пробежит, то есть быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег, если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их, и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Гайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах 28 ран (ножевых). Этот человек вылечился и работал в бригаде смерти, а впоследствии был расстрелян. Возле кухни во время получения кофе палач Гайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстреливал несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его, почему ты стоишь последний, и тут же расстреливал его. Все эти зверства я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере...»

Оглашенные мною показания свидетеля Манусевича находят полное подтверждение в официальном Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области». Более того, Манусевич говорит главным образом о действиях нижних и средних чинов лагерной администрации. Из Сообщения Чрезвычайной Комиссии видно, что система гнуснейших издевательств над незащищенными людьми насаждалась и организовывалась высшей лагерной администрацией, неизменно подававшей подчиненным личные примеры бесчеловечности.

Я не буду никак комментировать этот документ, но я прошу уважаемый Суд обратить внимание на некоего оберштурмфюрера Вильгауза, упоминаемого в этом документе.

«Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря — оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

Я лично видел, — сообщил Комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил

женщин и детей, а мужчин замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания.

По показаниям многочисленных свидетелей — советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух двух-четырехлетних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!», — и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор.

Свидетельница Киршнер Р. С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице десятилетнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в боль-

нице более двух недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставили руководить профессора Штрикса и известного дирижера Мунда. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

Членам Суда далее будут представлены фотодокументы — снимки этого «оркестра смерти».

То, что происходило в Яновском лагере, отнюдь не являлось чем-то исключительным. Точно так же вела себя немецко-фашистская администрация всех концентрационных лагерей, размещенных на территории временно оккупированных областей Советского Союза, Польши, Югославии и других стран Восточной Европы.

Суду уже предъявлен под № СССР-29 документ «Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине».

Я цитирую раздел третий этого документа, озаглавленный «Пытки и кровавые расправы в «лагере уничтожения».

«...Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шуток», которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или каким-нибудь тупым предметом, мнимое утопление в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали ударом палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т. д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключенных за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключенный быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно за подозрение в попытке к бегству, вешали заключенных лагеря.

В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

«Видел я из своего барака, — говорит свидетель, бывший заключенный лагеря советский военнопленный Домашев, — как на столбе, находящемся среди поля, вешали людей».

Возле прачечной, на межполье между первым и вторым полем, был специальный барак с перекладинами у потолка, на которых вешали людей целыми группами.

Не меньшим издевательствам и истязаниям подвергались женщины, заключенные в лагере: те же формы поверок, непосильный труд, избияния и издевательства. Особой жестокостью отличались эсэсовки: главная надзирательница Эрих и надзирательницы Браунштайн, Девид Ани, Вебер, Кноблик, Эллерт и Редли.

Комиссия установила много фактов совершенно неслыханных жестокостей со стороны немецких палачей в лагере.

Немец кампфполицай Штальбе Гейнц на пленарном заседании Комиссии заявил, что он был очевидцем, как шеф крематория обершарфюрер Мусфельд связал по рукам и ногам женщину-полячку и живую бросил в печь.

Свидетели Елинский и Олех, работавшие в лагере, также рассказывают о сожжении в печах крематория живых людей. «Ребенка отняли у матери от груди и на глазах ее убили о стенку барака», — говорит свидетель Атрохов. «Я видел лично, — говорит свидетель Баран Эдвард, — как у матери брали маленьких детей и на их глазах убивали: за одну ножку брали рукой, на другую — становились ногой, и таким образом разрывали ребенка».

Исключительным садизмом отличался заместитель начальника лагеря оберштурмфюрер СС Туманн. Он ставил в ряд на колени группы заключенных и ударами палки по голове убивал их, он травил заключенных овчарками, он принимал самое деятельное и активное участие во всех казнях и умерщвлениях заключенных.

Таким образом, голод, непосильный труд, пытки, истязания, издевательства и убийства, сопровождавшиеся неслыханным садизмом, были поставлены на службу массовому истреблению узников лагеря».

В подтверждение того, что эти ухищренные садистские преступления были характерны не только для частей СС или специальных полицейских частей, но что в состоянии глубочайшего морального падения главными преступниками войны были преднамеренно ввергнуты самые широкие слои личного состава немецко-фашистских вооруженных сил, я обращаюсь к содержанию ноты Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., уже предъявленной Трибуналу под № СССР-51.

«Нет предела народному гневу и возмущению, которые вызывают во всем советском населении и в Красной Армии бесчисленные факты подлых насилий, гнусного глумления над женской честью и массовых убийств советских граждан и гражданок, производимых немецко-фашистскими офицерами и солдатами. Всюду, где начинает господствовать германский штык, устанавливается невыносимый режим кровавого террора, мучительных пыток и зверских убийств. Грабежи, которыми повсюду занимаются германские офицеры и солдаты, сопровождаются избияниями и убийствами огромного количества ни в чем не повинных людей. За невыполнение требования о сдаче всего продовольствия до последней крошки или о сдаче всей одежды до последней рубашки оккупанты истязают и вешают старых и малых, женщин и детей. На принудительных работах бьют и расстреливают за неполное выполнение установленных норм работы.

30 июня гитлеровские бандиты вступили в город Львов и на другой же день устроили резню под лозунгом «бей евреев и поляков». Перебив сотни людей, гитлеровские бандиты устроили «выставку» убитых в здании пассажа. У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте этой ужасающей «выставки» был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок.

Таковы были чудовищные зверства гитлеровцев с самого начала войны. Утопая в невинной крови, гитлеровские мерзавцы продолжают свои подлые преступления.

В поселке Красная Поляна, под Москвой, немецко-фашистские мерзавцы собрали 2 декабря все местное население в возрасте от 15 до 60 лет и заперли в холодном, с выбитыми окнами, помещении районного исполкома, не давая им в течение 8 дней ни хлеба, ни воды. У попавших под эти пытки работниц Краснополянской фабрики А. Зайцевой, Т. Гудкиной, О. Налеткиной и М. Михайловой на руках умерли дети грудного возраста.

Немало случаев, когда гитлеровцы превращают советских детей в мишень для стрельбы.

В деревне Белый Раст Краснополянского района группа пьяных солдат поставила на крыльце одного дома в качестве мишени двенадцатилетнего Володю Ткачева и открыла по нему стрельбу из автоматов. Мальчик был весь изрешечен пулями. После этого бандиты открыли беспорядочную стрельбу по окнам домов. Шедшую по улице колхозницу И. Мосолову с тремя своими детьми они остановили и тут же расстреляли вместе с детьми.

В селе Воскресенское Дубининского района гитлеровцы использовали в качестве мишени трехлетнего мальчика и по нему производили пристрелку пулеметов.

В районном центре Волово Курской области, в котором немцы находились четыре часа, немецкий офицер ударил головой о стену и убил двухлетнего сына Бойковой за то, что ребенок плакал.

В Злобинском сельсовете Орловской области фашисты убили двухлетнего ребенка колхозников Кратовых за то, что он мешал им спать своим плачем.

В селе Семеновское Калининской области немцы изнасиловали двадцатипятилетнюю Ольгу Тихонову, жену красноармейца, мать трех детей, находившуюся в последней стадии беременности, причем шпагатом связали ей руки. После изнасилования немцы перерезали ей горло, прокололи обе груди и садистски высверлили их. В той же деревне оккупанты расстреляли мальчика лет тринадцати и на его лбу вырезали пятиконечную звезду.

В ноябре месяце телеграфистка города Калинина К. Иванова вместе со своим тринадцатилетним сыном Леонидом пошла к своим родственникам в село Бурашово, около Калинина. Когда они вышли из города и их заметили гитлеровцы, они с расстояния 60 метров начали в них стрелять, в результате чего мальчик был убит. Мать несколько раз пыталась поднять и унести труп ребенка, но каждый раз, как только она пыталась сделать это, немцы открывали по ней огонь и она вынуждена была его оставить. В течение восьми дней немецкие солдаты не давали убирать труп. Он был подобран и похоронен Ивановой только тогда, когда эта местность была занята нашими войсками».

Далее в ноте упоминается о другом ребенке, сделавшемся жертвой фашистов. Члены Суда увидят этого убитого мальчика в наших кинодокументах. Я прошу членов Суда обратить внимание на оглашаемые мною далее слова ноты.

«В Ростове н/Дону ученик ремесленного училища пятнадцатилетний Витя Черевичный играл во дворе со своими голубями. В это время проходили немецкие солдаты и стали отнимать голубей. Мальчик запротестовал. Немцы взяли его и на углу 28-й линии и 2-й Майской улицы расстреляли за то, что он не дал голубей. Гитлеровцы изуродовали до неузнаваемости лицо мальчика ударами каблуков.

Освобожденная в начале сентября нашими войсками деревня Басманово Глинковского района Смоленской области после хозяйничанья немцев представляла собой сплошное пепелище. В первый же день фашистские изверги выгнали в поле более 200 школьников и школьниц, приехавших в деревню на уборку урожая, окружили их и зверски перестреляли. Большую группу школьниц они вывезли в свой тыл «для господ офицеров».

Захват сел и городов обыкновенно начинается с постройки виселиц, на которых германские палачи убивают первых попавшихся под руку мирных жителей. При этом фашисты оставляют виселицы с повешенными на много дней и даже на несколько недель. Так же они поступают с теми, кого расстреливают на улицах городов и сел, оставляя трупы по многу дней неубранными.

После захвата города Харькова германские разбойники повесили несколько человек в окнах большого дома в центре города. Кроме того, в том же Харькове 16 ноября на балконах ряда домов фашистами было повешено 19 человек, в числе которых была одна женщина».

О глубоком моральном растлении преступников свидетельствуют совершенные ими повсеместно зверские насилия над женщинами.

В ноте от 6 января 1942 г. говорится:

«...Гнусные насилия над женщинами и девушками в оккупированных районах повсеместны.

В украинском селе Бородаевка Днепропетровской области фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек.

В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увели с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет.

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой.

Повсеместно озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насилюют женщин, девушек на глазах у их родных и их детей, глумятся над изнасилованными и зверски тут же расправляются со своими жертвами.

В городе Львове 32 работницы львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика-священника В. Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилия над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

В Белоруссии, возле города Борисова, в руки гитлеровцев попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближении немецких войск. Немцы изнасиловали, затем зверски убили 36 женщин и девушек. Шестнадцатилетнюю девушку Л. И. Мельчукову по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес, где изнасиловали. Спустя некоторое время другие женщины, также отведенные в лес, увидели, что около деревьев

стоят доски, а к доскам штыками приколоты умирающая Мельчукова, у которой немцы на глазах других женщин, в частности В. И. Альперенко и В. М. Березниковой, отрезали груди.

Из деревни Боровки Звенигородского района Московской области фашисты при отступлении насильно увели с собой несколько женщин, разлучив их, несмотря на их мольбы и протесты, с малолетними детьми.

В городе Тихвине Ленинградской области пятнадцатилетняя М. Колодецкая, будучи ранена осколком, была привезена в госпиталь (бывший монастырь), где находились раненные немецкие солдаты. Несмотря на ранение, Колодецкая была изнасилована группой немецких солдат, что явилось причиной ее смерти».

Я опускаю один абзац и продолжаю цитату:

«Но гитлеровцы не ограничиваются убийствами отдельных советских людей. В истории гитлеровского разбоя и террора на захваченной советской территории выделяются своим кошмарным изуверством массовые убийства советских граждан, которыми, как правило, сопровождается временный захват немцами городов, сел и других населенных местностей.

Вот некоторые примеры поголовной кровавой расправы немецких оккупантов с жителями целых деревень. В деревне Яскино Смоленской области гитлеровцы расстреляли всех стариков и подростков, а дома пожгли дотла. В деревне Починок той же области немцы загнали всех стариков, старух и детей в помещение правления колхоза, закрыли двери и всех сожгли. В украинском селе Емельчино Житомирской области немцы заперли в маленькой избе 68 человек, наглухо забили окна и двери, в результате чего все погибли от удушья. В ныне освобожденной нашими войсками деревне Ершово Звенигородского района Московской области немцы при оставлении деревни загнали в церковь около 100 мирных жителей и раненых красноармейцев, заперли их, после чего церковь взорвали. В селе Аграфеновка Ростовской области 16 ноября фашисты арестовали все мужское население от 16 до 70 лет и каждого третьего расстреляли».

Следующая часть ноты посвящена массовым преступлениям немцев, так называемым «акциям», в частности «акциям» в Киеве. Я вынужден обратить внимание Суда на то обстоятельство, что цифра умерщвленных в Бабьем Яру, которая приведена в ноте, является меньшей, чем в действительности. После освобождения Киева было установлено, что объем злодеяний немецко-фашистских захватчиков превышает преступления немцев, о которых было известно по первоначальной информации.

Из предьявляемого далее Суду Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву видно, что в Бабьем

Яру во время этой чудовищной так называемой «массовой акции» немцами расстреляно было не 52 тысячи, а 100 тысяч человек.

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице — Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тысячи мужчин и женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность Советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище города Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избили; первую отобранную для расстрела группу заставили лечь на дно рва, вниз лицом, и расстреливали из автоматов; затем расстрелянных немцы слегка засыпали землей, на их место вторым ярусом укладывали следующую партию казнимых и вновь расстреливали из автоматов».

Пропускаю один абзац и продолжаю цитату. Вы увидите затем те преступления гитлеровцев, о которых говорится в ноте. Злодеяния немцев в Ростове показаны в кинодокументе очень подробно.

«Кровожадность нацистов в отношении жителей города Ростова приобрела особенно широкую известность. Забравшись на десять дней в Ростов, немцы расправлялись не только с отдельными лицами и семьями, но в кровавом азарте уничтожали десятки и сотни жителей, особенно в рабочих районах города. У дома Управления железной дороги немецкие автоматчики среди бела дня расстреляли 48 человек. На тротуаре центральной улицы Ростова гитлеровские убийцы расстреляли 60 человек. На Армянском кладбище убили 200 человек. Даже изгнанные нашими войсками из Ростова немецкие генералы и офицеры публично похвалялись, что они будто бы еще вернутся в Ростов именно для того, чтобы учинить кровавую расправу с городским населением, активно помогавшим изгнанию заклятых врагов из родного города».

По непосредственной инициативе командиров соединений и частей немецко-фашистской армии они прикрывали боевые порядки своих войск как при наступлении, так и при отступлении мирными жителями, преимущественно женщинами, стариками, детьми.

Ничего не комментируя, я считаю, что, тем не менее, необходимо заметить, что так могли поступать только люди, хорошо помнящие известное уже уважаемому Суду указание Кейтеля о том, что человеческая жизнь в тех странах, «которых это касается, ровно ничего не стоит». Я цитирую далее ноту Народного комиссара иностранных дел.

«Кроме всего сказанного выше, Советское правительство располагает документальными материалами о систематически повторяющихся чудовищных преступлениях немецко-фашистского командования: об использовании мирного советского населения в качестве прикрытия для немецких войск во время боев с войсками Красной Армии.

28 августа 1941 г. при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали впереди себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление.

Это же подлое преступление было повторено по отношению к гражданскому населению германским командованием в Ленинградской области, в районе совхоза «Выборы», а также в Ельнинском районе Смоленской области. Фашистские мерзавцы продолжают пользоваться этим зверским и трусливым приемом вплоть до последних дней. 8 декабря гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступающими частями Красной Армии. При боях наших войск за освобождение города Калинина части германского 303-го полка 162-й дивизии, пытаясь перейти в контратаку, собрали в пригородной деревне женщин и, поставив их впереди себя, пошли в бой. К счастью, советским войскам удалось, отбив эту атаку, вклинуться между гитлеровцами и их жертвами и спасти женщин».

Для нужд немецко-фашистской армии, в нарушение всех международных конвенций, преступники использовали мирное население на особо опасных работах, в частности на работах по разминированию участков.

Я привожу выдержку из второго раздела этой ноты, четвертый абзац:

«Везде, где только на советской территории появлялись германские войска и германские власти, немедленно устанавливался режим жесточайшей эксплуатации, бесправия и произвола в отношении беззащитного гражданского населения... Не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья советских граждан, гитлеровцы, заняв или разрушив их дома, загоняют многих из них в концентрационные лагеря, заставляя под угрозой пыток, расстрелов и голодной смерти бесплатно выполнять различные тяжелые работы, в том числе и военного характера. В ряде случаев после использования гражданского населения для выполнения тех или иных работ военного характера работавших для сохранения тайны подвергают поголовному расстрелу.

Так, в деревне Колпино Смоленской области оккупанты погнали всех крестьян строить мосты и блиндажи для германских частей. По окончании строительства этих укреплений все крестьяне были расстреляны».

Мирных жителей немецкие фашисты насильственно отправляют в концентрационные лагеря, искусственно и незаконно увеличивая этим число военнопленных и перенося нечеловеческий режим, который был установлен немецко-фашистскими властями для военнопленных, на мирное население.

Я предъявляю Суду, далее, выписку из протокола судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. Этот документ предъявляется под № СССР-172.

Я позволю здесь себе своими словами изложить биографические сведения об обвиняемом Ле-Курте, который был предан военно-полевому суду. Это был не эсэовец, а ординарный беспартийный обер-ефрейтор немецкой армии, 27 лет. Он родился и проживал до войны в городе Штрафгарте, являлся владельцем кинотеатра, затем был призван в армию. Военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии.

«По существу дела Ле-Курт показал:

До пленения меня войсками Красной Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обслуживания «Е 33/ХI» лаборантом. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное время, то есть я вместе с солдатами занимался в свободное от работы время ради своего интереса расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан. Мной делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан...

Кроме расстрела военнопленных, я еще занимался расстрелом партизан, мирных граждан и сжигал дома вместе с населением.

В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 97 советских граждан.

С апреля по декабрь 1942 года в составе авиапехотного полка я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял...

Кроме этого, я еще участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался бежать из дома, я их загонял обратно

в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети...

Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что я расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно — 1 ноября 1941 г. — присвоили звание обер-ефрейтора, которое мне должны были присвоить 1 ноября 1942 г., наградили «Восточной медалью».

Ле-Курт отнюдь не был исключением, и в подтверждение этого я позволю себе в весьма кратких извлечениях сослаться на приговор военного трибунала Смоленского военного округа по делу группы бывших военнослужащих германской армии, преданных суду за совершенные ими зверства в отношении мирного населения и военнопленных в городе Смоленске. Этот документ был представлен Суду моим коллегой — полковником Покровским под № СССР-87 и приобщен к материалам процесса. Я опускаю всю общую часть приговора и лишь прошу разрешения Суда привлечь его внимание к тому месту приговора, где сказано, что лишь в 80 ямах-могилах, разрытых и обследованных судебно-медицинскими экспертами, в городе Смоленске и Смоленской области обнаружено свыше 135 тысяч трупов советских женщин, детей и мужчин разного возраста. Далее я опускаю вторую страницу приговора и перехожу к той части документа, которая дает характеристику преступных деяний отдельных преданных суду по этому делу лиц. И здесь я приведу данные, характеризующие не всех 10 обвиняемых, а всего лишь нескольких — двух-трех.

«*Кирмфельд*, являясь переводчиком Смоленской областной немецкой комендатуры, лично избивал ни в чем не повинных, беспричинно схваченных на улицах города Смоленска советских граждан, независимо от пола и возраста, вынуждая их давать вымышленные показания. По получении ложных показаний, добытых путем избиения, комендатурой были истреблены десятки невинных советских граждан. Лично участвовал в истреблении советских людей в городе Смоленске в мае 1943 года посредством удушения их окисью углерода в «душегубке», участвовал в январе-феврале 1943 года в карательных экспедициях против партизан и мирных советских граждан в районе Невель-Усвяты. Являясь командиром немецкого карательного отряда, со своими солдатами чинил злодейскую расправу над мирными жителями, вместе с вверенными ему солдатами сжег 9 советских сел и деревень; производил грабежи колхозников и расстреливал ни в чем не повинных мирных советских граждан, выходявших из леса к пепелищам своих

сгоревших домов в поисках продуктов для питания; участвовал в отправке советских граждан в немецкое рабство».

Я позволю себе привести еще один пример, касающийся Модиса — лекарского помощника в 551-м германском военном лазарете:

«...*Модис*, являясь лекарским помощником в 551-м германском военном лазарете в городе Смоленске, с сентября 1941 года по апрель 1943 года был очевидцем и принимал личное участие в умерщвлении пленных раненых бойцов и офицеров Красной Армии, над которыми немецкие профессора и врачи — Шом, Гетте, Мюллер, Отт, Штефан, Вагнер и другие, под видом лечения, производили разные эксперименты и испытания не одобренных ранее биологических и химических препаратов, подвергая после этого раненых военнопленных заражению крови — сепсису, а затем их умерщвляли».

Что сделал лично Модис?

«Лично Модис умертвил путем впрыскивания большой дозы яда (строфантина и мышьяка) не менее 24 военнопленных красноармейцев и офицеров Красной Армии. Кроме того, он использовал для лечения раненых немецких военнослужащих кровь советских детей в возрасте 6—8 лет, беря кровь в больших дозах, после чего дети умирали; производил изъятия спинномозговой жидкости у русских военнопленных, у которых ввиду истощения наступал паралич нижних конечностей; участвовал в грабежах советских медицинских учреждений в Смоленске».

Суд может убедиться в том, что каждый из этих десяти преданных суду лиц совершил такой длинный ряд преступлений, за которые они по закону любой цивилизованной страны подлежали бы смертной казни. Я привлекаю в качестве примера этого одно из обвинений, доказанных на Суде, в отношении Курта Гаудияна. Я обращаю внимание Суда на то, что Гаудиян изнасиловал 7 девушек, а затем их убил.

«При этом в августе 1943 года при его участии было расстреляно и сожжено заживо в сарае до 60 человек жителей деревни близ города Осиповичи, а также сожжена и деревня».

Я опускаю часть, относящуюся к Генчке, и цитирую из приговора место, относящееся к некоему Мюллеру — ефрейтору 355-го охранного батальона.

«В разное время подсудимым Мюллером убито 96 человек советских граждан, в том числе стариков, женщин и грудных детей. Мюллером было изнасиловано 32 советских женщины, причем 6 из них после изнасилования были им же убиты. Из изнасилованных женщин было несколько девушек в возрасте 14—15 лет».

Мне думается, что облик этих преступников, жизнь семи из десяти человек которых уже закончилась на виселице, ясен

Суду. Но для характеристики не тех, кто исполнял преступления, а тех, кто распоряжался жизнью населения оккупированных восточных областей, я прошу разрешения уважаемого Суда обратиться к дневнику подсудимого Ганса Франка, который уже был предъявлен Трибуналу нашими уважаемыми американскими коллегами под № ПС-2233.

6 февраля 1940 г. он дал интервью корреспонденту «Фелькишер Беобахтер» Клайссу:

«Клайсс: Быть может, было бы интересно разработать положения, отличающие протекторат от генерал-губернаторства?

Генерал-губернатор: Образно я могу об этом сказать так: В Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно 7 чехов. Тогда я сказал себе: «Если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывешивали плакаты о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов. Да, мы должны поступать жестоко...»

Начавшееся 10 мая 1940 г. наступление на западном фронте отвлекло внимание мирового общественного мнения от преступлений, совершавшихся под непосредственным руководством Франка, и позволило Франку осуществить осуждение военно-полевыми судами к смертной казни и физическое уничтожение нескольких тысяч представителей польской интеллигенции.

Я цитирую выступление Франка на заседании полиции от 30 мая 1940 г., где окончательно был решен вопрос об этом злодеянии:

«10 мая началось наступление на западе, и в этот день во всем мире пропал интерес к событиям, которые происходят здесь, у нас.

То, что натворили во всем мире ужасной пропагандой и клеветой на поведение национал-социалистских властителей в этой области, было бы для меня совершенно безразлично — тревожит ли это американцев, французов, евреев или папу римского, однако ужасно для меня и для каждого из вас непрерывно в продолжение этих месяцев слышать из министерства пропаганды, из министерства иностранных дел, из министерства внутренних дел и даже из армии голоса о том, что мы проводим режим убийц, что нам надо прекратить эти злодеяния и т. д.

При этом, конечно, было ясно, что мы должны сделать заявление о том, будто бы мы этого больше делать не будем.

Было также ясно, что до тех пор, пока эта область находилась под перекрестным огнем всего мира, мы были лишены возможности предпринимать нечто подобное в большом масштабе. Но с 10 мая мы не придаем этой ужасной всемирной про-

паганде никакого значения. Теперь нам нужно использовать удобный момент...

Я признаюсь откровенно, что тысячи поляков поплатятся за это жизнью, и прежде всего это будут руководящие представители польской интеллигенции.

Нас всех, как национал-социалистов, это время обязывает позаботиться о том, чтобы польский народ не был в состоянии оказывать сопротивление». Я особенно привлекаю внимание Суда к следующей фразе: «Я знаю, какую ответственность мы этим берем на себя»...

«...Более того, обергруппенфюрер СС Крюгер и я решили, что мероприятие по умиротворению будет проведено ускоренными темпами.

Я прошу вас, господа, помочь нам со всей энергией при выполнении этой задачи. Что касается меня, то я сделаю все, что могу, для того, чтобы облегчить ее выполнение.

Я обращаюсь к вам как борец национал-социализма, и больше мне нечего вам сказать. Это мероприятие мы проведем. И, говоря откровенно, во исполнение приказа, данного мне фюрером. Фюрер сказал мне: «Вопрос о немецкой политике и обеспечении ее проведения в генерал-губернаторстве является сугубо личным делом ответственных лиц генерал-губернаторства».

Он выразился следующим образом: «Необходимо ликвидировать имеющееся в настоящее время в Польше руководящее ядро; что еще подрастет потом, — нам нужно выявить и через определенный промежуток времени также устранить. Затем нам нужен германский рейх. Чтобы не обременять этим имперскую организацию немецкой полиции, нам не нужно сажать эти элементы в германские концентрационные лагеря, потому что тогда у нас начались бы хлопоты и ненужная переписка с их семьями, — мы ликвидируем их в самой стране. Сделаем мы это в самой простой форме».

...Что касается концентрационных лагерей, то ясно, что мы не хотим устраивать в генерал-губернаторстве концентрационные лагеря в полном смысле этого слова. Кто нам подозрителен, должен быть тотчас же ликвидирован. Если в концентрационных лагерях рейха находятся заключенные из генерал-губернаторства, то они должны быть предоставлены операции «АБ» или уничтожены на месте...»

Цитирую далее продолжение этого же выступления в разделе «Дополнительные выдержки из дневника Ганса Франка, относящиеся к 1940 году»:

«Мы не можем сваливать на имперские концлагеря наши собственные дела. Ужас, сколько мы имели хлопот с краковскими профессорами. Если бы мы за дело взялись отсюда,

вышло бы по-другому. Поэтому мне хочется настойчиво просить вас никого больше не спихивать в концлагеря империи, а на месте проводить ликвидацию или налагать надлежащие наказания. Все прочее обременяет империю и приводит к постоянным затруднениям. Здесь у нас совсем другая форма обращения, и этой формы мы должны придерживаться. Я настоятельно обращаю внимание на то, что даже в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет только означать, что мы тогда как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу обычную политическую линию».

В связи с этим я считал бы возможным привлечь внимание Суда к тому обстоятельству, что все крупнейшие лагеря уничтожения были действительно размещены на территории «генерал-губернаторства».

В злодеяниях фашистских преступников, в увеличении объема этих злодеяний была своя периодичность, и если в 1940 году Франк произнес перед полицейскими длинную речь, обосновывая так называемую «акцию» в отношении нескольких тысяч польских интеллигентов, то 18 марта 1944 г. в своей речи в Рейхсгофе он заявил:

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 тысяч поляков», — то он бы сказал: «Прекрасно, если это было необходимо».

Этот фашистский специалист по правовым вопросам уничтожил в подчиненной ему, временно подпавшей под власть фашистских захватчиков стране три миллиона евреев.

При этом Франк говорил (цитирую его речь на рабочем совещании ораторов НСДАП в Кракове 4 марта 1944 г.):

«Если сегодня мы имеем какого-либо сострадателя, который плачет по евреям и говорит: разве не ужасно, что сделали с евреями, — тогда его нужно спросить: держится ли он сегодня такого же мнения. Если бы мы сегодня имели на одной стороне эти два миллиона евреев при всей их активности, а с другой — имели бы немного немцев в стране, то мы не были бы господами положения. Евреи — это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено».

...Заседание политических руководителей НСДАП в Кракове 15 января 1944 г. начинается так:

«Д-р Франк: Я не постеснялся заявить, что если будет убит один немец, то будет расстреляно до ста поляков...»

В эти черные времена польский народ относился к жертвам Франка и подчиненных ему злодеев, как к мученикам. Вот почему, как мне кажется, именно 16 декабря 1943 г. на правительственном заседании в Кракове Франк заявил:

«Нужно обсудить, является ли целесообразным проводить казнь по возможности там, где было совершено покушение на какого-либо немца.

Нужно также обсудить, не следует ли организовать особые места для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет в церкви...»

Я задержал Ваше внимание, уважаемые судьи, на дневнике Франка потому, что он как один из наиболее приближенных Гитлера и наиболее известный «ученый юрист» германского фашизма был на самом деле подлинным «альтер эго» тех, кто рассекал надвое детей в Яновском лагере. Именно Франк был, вместе с тем, одним из создателей отвергающего основы правосудия немецко-фашистского права. По существу, вся убогая (я внимательно проглядывал эту книгу и не нашел иного смысла в тексте) юридическая мудрость «Майн кампф» свелась к зловещей формуле: «Только в силе лежит право» (цитирую по 64-му изданию, страница 740).

Франк был для Гитлера тем необходимым ему злым гномом юриспруденции, который облек в форму «законов» человеконенавистнические теории фашизма. В подтверждение того, как далеко зашло профанирование основных правовых положений, характерных для уголовно-процессуального и материального права всех цивилизованных народов, я представляю Суду в подлиннике, напечатанном в «Вестнике постановлений генерал-губернаторства» за 1943 год, одно из постановлений Франка. Оно датировано 2 октября 1943 г. и предьявляется Суду под № СССР-335. Я цитирую документ полностью:

«Постановление о подавлении сопротивления германскому строительству в генерал-губернаторстве, 2 октября 1943 г.

На основании § 5 раздела 1 указа фюрера от 12 октября 1939 г. (Вестник имперских законов, 1, страница 2077) постановляю:

§ 1

1. Не немцы, которые в целях воспрепятствования германскому строительству в генерал-губернаторстве или в целях его расстройств совершат нарушение законов, постановлений или — я подчеркиваю это — ведомственных распоряжений, должны караться смертью.

2. Пункт 1 не распространяется на граждан союзных с великой Германией государств, а также государств, не находящихся с нею в состоянии войны.

§ 2

Подстрекатели и сообщники наказываются как исполнители. Покушение наказывается как законченное деяние.

§ 3

1. Для вынесения приговоров уполномочиваются военно-полевые суды полиции безопасности.

2. По особым соображениям военно-полевые суды полиции безопасности вправе передавать дело немецкой прокуратуре.

§ 4

Военно-полевые суды полиции безопасности состоят из одного фюрера СС, принадлежащего к составу управления начальника полиции безопасности и СД, и из двух сотрудников этого же учреждения.

§ 5

1. В письменном виде следует обозначать:

- 1) фамилии судей;
- 2) фамилии осужденных;
- 3) доказательства, которые обосновывают обвинительный приговор;
- 4) состав преступления;
- 5) дату осуждения;
- 6) дату исполнения приговора».

Весьма характерен следующий пункт, оговаривающий процессуальный порядок действий этого суда. Продолжаю цитату: «2. В остальном военно-полевой суд полиции безопасности ведет производство по делу в соответствии с сознанием своего долга.

§ 6

Приговоры военно-полевых судов полиции безопасности подлежат немедленному исполнению.

§ 7

Если деяние, являющееся преступлением в соответствии с § 1 и 2 настоящего постановления, одновременно представляет собой другое преступление, подсудное военно-полевому суду, должны быть применены только процессуальные правила настоящего постановления».

Опускаю параграф восьмой. Подписано: «Генерал-губернатор Франк. Краков. 2 октября 1943 г.».

Таким образом, пункт первый параграфа первого этого постановления вводил единую меру наказания — смертную казнь за любое действие «не немца», независимо от того, квалифици-

ровалось ли оно немецкими «господами» как нарушение закона или даже как нарушение ведомственного распоряжения.

Этим же наказанием каралась любая форма покушения на подобные действия, к числу которых чины полиции практически могли отнести вообще любые действия или высказывания заподозренного лица (параграф второй постановления).

Обвиняемый лишался всяких процессуальных гарантий. Тот документ, который в соответствии с параграфом пятым должен был заменить приговор суда, как видно из перечня вопросов, подлежащих обозначению в письменном виде, преследовал фактически цель регистрации отдельных случаев расправ, а не цели обоснования применения наказания.

Исключались всякие возможности кассационного обжалования или апелляции в вышестоящие инстанции. Приговоры подлежали немедленному исполнению.

И, наконец, самый «суд», конструируемый на основании «постановления» Франка, по существу представлял издевательство над правосудием. В составе суда (причем слово «суд», как кажется мне, следует взять в кавычки) находились три чиновника той самой полиции безопасности, которая на улицах польских городов арестовывала невинных людей и производила массовые расстрелы заложников.

Предъявляю Трибуналу документ СССР-332.

Я позволю своими словами изложить первую, вводную, часть документа. В Варшаве 31 октября 1945 г. был допрошен под присягой Стефан Корбонский, адвокат, который о себе заявил, что он являлся одним из руководителей движения Сопротивления польского населения немецким оккупантам.

Стефан Корбонский говорит как раз о том постановлении Франка, которое я только что зачитал Суду. В пункте первом протокола допроса он говорит, что в начале октября 1943 года немцы расклеивали на стенах домов в Варшаве и других городах «генерал-губернаторства» текст того самого постановления, которое было оглашено мною Суду:

«Вскоре по обнаружении этого приказа, независимо от увеличившегося числа казней, совершенных немцами тайно на месте бывшего варшавского гетто и в варшавской тюрьме, называвшейся «Павиак», немцы начали публичные казни, то есть расстрелы целых групп поляков числом от 20 до 200 человек каждая.

Эти казни совершались в разных районах города, на улицах, открытых для нормального движения, которые оцеплялись небольшими участками чинами гестапо непосредственно перед самым совершением казни для того, чтобы польское население наблюдало казни из окон или улиц, расположенных за цепью чинов гестапо.

Во время совершения этих казней немцы расстреливали или лиц из «Павиака», где они были заключены после облав, сделанных на улицах, или лиц, арестованных иными способами, а также и людей, захваченных непосредственно перед совершением казни. Число этих публичных казней, а также и число людей, расстрелянных при каждой казни, увеличивалось до тех пор, пока оно достигало 200 человек, расстреливаемых одновременно. Они продолжались до самого начала варшавского восстания.

Сначала немцы привозили поляков на место казни в закрытых грузовиках. Они были одеты в штатские костюмы, и иногда их руки были связаны за спиной. Но так как жертвы, привозимые для казни, кричали: «Долой Гитлера!», «Да здравствует Польша!», «Долой немцев!» и т. д., немцы стали лишать их возможности кричать, наполняя им рот гипсом или заклеивая им губы пластырем. Заключенных из тюрьмы «Павиак» привозили на расстрел одетыми в рубашки или другую одежду, сделанные из бумаги.

Я часто получал сведения от нашей подпольной организации через наших агентов, работавших в тюрьме «Павиак», о том, что немцы перед казнями совершали операции над осужденными: они выпускали им кровь и впрыскивали различные химические вещества, что вызывало физическую слабость и делало невозможным попытку к побегу или сопротивлению.

По этим причинам обреченные на казнь приводились на место ее совершения бледными, слабыми, апатичными, так что они еле могли стоять на ногах, хотя и вели себя героями и не просили о пощаде.

Тела расстрелянных нагружались другими заключенными на грузовики и отвозились в бывшее гетто, где они обыкновенно сжигались на костре. Заключенные, которые должны были увозить и сжигать эти тела, являлись, главным образом, заключенными из «Павиака» и постоянно назначались на эту работу.

Польское население сейчас же покрывало цветами пятна, оставленные кровью на земле, ставило зажженные свечи на то место, где раньше лежали тела расстрелянных, и вешало на стенах кресты и иконы. Ночью члены подпольного движения делали на стенах лаком надписи такого характера, как «Слава героям», «Слава погибшим за родину» и т. д.

Когда немцы замечали эти надписи, они арестовывали людей в этих местах и отводили их в тюрьму «Павиак». Иногда немцы стреляли в толпу людей, стоящих на коленях и молящихся на месте, где совершалась казнь, как, например, на Сенаторской улице, где было убито несколько человек и, кроме того, несколько человек было ранено.

После каждой публичной казни немцы развешивали в городе на стенах домов плакаты со списками имен убитых, под которыми были даны списки заложников, подлежащих расстрелу в случае неисполнения немецких приказов.

В Варшаве немцы расстреляли несколько тысяч поляков путем таких публичных казней, не считая жертв, расстрелянных в других городах. В Краковской области они также расстреляли несколько тысяч людей.

Так было претворено в жизнь предъявленное мною ранее Суду «постановление» Ганса Франка.

В свете показаний Корбонского становится совершенно ясно, почему 16 декабря 1943 г. Франк решил обсудить вопрос о целесообразности осуществления массовых казней публично.

На территории Польши впервые были введены в действие уголовные законы, прямо утверждающие особое право «господ» и драконовское право для народов, которые эти фашистские «господа» считали уже покоренными.

В докладе Польского правительства, представленном уже Международному Военному Трибуналу под № СССР-93, дан краткий обзор того режима произвола и бесправия, который был установлен под видом особого законодательства в оккупированной Польше.

Я позволю себе сослаться на две коротких выдержки из доклада правительства Польской Республики, это — раздел «Германизация польского права».

«В генерал-губернаторстве механизм правосудия был особенно изменен декретом от 26 октября 1939 г. за подписью Франка.

Польские суды были подчинены надзору немецких судов, созданных в генерал-губернаторстве. Юрисдикция польских судов была ограничена только теми делами, которые были вне подсудности немецких судов. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено «по интуиции», обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции. Немецкое право было введено, а польское право отменено...

...а) 4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали... декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на «присоединенных территориях» вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второстепенную группу граждан. Поэтому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послушанию по отношению к рейху, но, с другой стороны, будучи второстепенными гражданами, они не имеют права на охрану, которую закон обеспечивает другим...

Смертные приговоры допустимы также в следующих случаях:

1) за устранение или публичное повреждение плакатов, вывешенных немецкими властями;

2) за акты насилия в отношении представителей немецких вооруженных сил;

3) за оскорбления чести рейха или нанесение вреда его интересам;

4) за повреждение имущества, принадлежащего немецким властям;

5) за повреждение предметов, предназначенных для работ общественного характера;

6) за вызывающее отношение и неподчинение постановлениям и распоряжениям, изданным немецкими властями,

и в некоторых других случаях, которые могли оправдать не более как тюремное заключение на короткий срок...

б) Полякам было запрещено, согласно официальному распоряжению наци, поддерживать отношения с немками, чтобы не опорочить благородную кровь «герренфолька». Кто бы осмелился или пытался сделать это, неизбежно рисковал жизнью.

Но не только немецкий суд был призван выносить приговоры в таких случаях. Признано было лишним устраивать процессы — простое распоряжение полиции считалось достаточным, чтобы лишать людей жизни...»

Перехожу к тому, что, мне кажется, совершенно правильно в докладе правительства Чехословакии названо «Судебный террор немецких фашистов в Чехословакии». В этой стране мы можем последовательно проследить, как с течением времени во все более возрастающей прогрессии происходило разрушение гитлеровцами общепризнанных правовых норм.

В докладе Чехословацкого правительства, также уже представленном Суду моими коллегами под № СССР-60, весьма подробно показан этот процесс, начиная от так называемых «народных судов» до организации так называемых «штанггерихте», являющих нам знакомую уже по Польше картину органов прямого нацистского произвола.

Этот процесс полного распада, вернее развала, правовых норм фашистами показан в докладе очень подробно, я привожу только краткие цитаты:

«Право объявления чрезвычайного положения было осуществлено не позже чем 28 сентября 1941 г. Декретом того же дня (прил. 12), подписанным Гейдрихом, чрезвычайное положение было объявлено для района «Оберландрата» в Праге, а через несколько дней для оставшейся части протектората. «Штанггерихте», которые были немедленно введены, действовали в течение всего периода и вынесли 778 смертных приговоров.

Все были казнены. Тысяча человек была передана гестапо, то есть концлагерям...

Единственное руководство к учреждению, составу и процессуальной стороне «штанггерихте» находится в постановлении от 27 сентября 1941 г. ...

...Постановление не указывает на то, кто должен исполнять должность судьи в этих «штанггерихте», и должны ли быть судьи профессиональными или непрофессиональными, и должны ли быть приговоры вынесены присяжными заседателями или одним судьей. Постановление только гласит: «Штанггерихте» могут быть введены имперским протектором. Он компетентен выбрать лиц, которые должны исполнять функции судей...

Ссылаясь на информацию, которой мы в настоящее время располагаем, судьи в этих «штанггерихте» были только как редкое исключение судьями профессиональными.

Самое большое значение имела партийная благонадежность. Это является причиной, почему судьи были, можно сказать, без исключения членами и администраторами НСДАП или других национал-социалистских организаций, то есть людьми, которые, за редкими исключениями, не имели ни малейшего понятия о праве и не обладали никакой практикой в уголовных процессах...

...«Штанггерихте» никогда не разбирали дел публично. Так как публика не допускалась на судебные заседания «штанггерихте», само существование этого трибунала увеличивало неуверенность в безопасности под существующим законом.

Не допускалось никакой апелляции на приговоры, вынесенные «штанггерихте».

Протоколы судебного следствия «штанггерихте» содержат только перечень имен судей, обвиняемого и свидетелей, а также описание преступления и дату приговора (раздел 4, п. 2 постановления). Распоряжения, допускающие и даже рекомендуемые столь неполные данные, могут иметь только одну цель — воспрепятствовать какому-либо контролю, скрывая все то, что происходило во время следствия, таким образом, чтобы уничтожить все следы того, что было сделано.

В соответствии с разделом 4, § 1 постановления «штанггерихте» могут вынести только смертный приговор или передать обвиняемого тайной государственной полиции...

...Приговоры, вынесенные «штанггерихте», должны быть исполнены немедленно (раздел 4, § 3 постановления). Многочисленные примеры указывают на то, что жестокое нацистское законодательство никогда не смягчалось. В конце так называемого судебного следствия предоставлялось судьям решать, должен ли осужденный быть расстрелян или повешен (раздел 4, § 3 постановления).

Не давался даже и самый короткий срок к предсмертным приготовлениям. О помиловании вообще не было речи...

в постановлении. Во всяком случае, жестокая поспешность, с которой выполнялся приговор, делала помилование невозможным...

...Совершенно очевидно, что «штандгерихте» не носили того характера, который, согласно общему мнению, должен иметь трибунал, а также что судебное разбирательство в «штандгерихте» нарушало фактически все принципы, которые должны быть соблюдаемы правом всех цивилизованных наций. «Штандгерихте» не могут быть названы трибуналами, а их разбирательство не может быть названо судебным следствием и решением». (Очевидно, было бы более правильно сказать — приговором.)

«Казни, являющиеся следствием «приговоров» «штандгерихте», не отличаются ни в какой степени от казней без суда. Они должны быть квалифицированы как убийство.

Невозможно найти в установлениях, регулирующих процедуру «штандгерихте», малейший признак гуманности. Например, правило, которое требует немедленной казни и фактически не дает осужденному ни малейшего срока к приготовлению к смерти, является формой жестокости, которая, как и весь институт «штандгерихте», имеет целью терроризирование населения».

Учреждение «штандгерихте» не отменяло и не исключало полицейского осуждения, как это было установлено Франком в Польше. Мне кажется, что все законы, приведенные мной выше, свидетельствуют о том, что из права, призванного карать за преступления, гитлеровцы пытались создать право, творящее преступления.

Именно для этого и создавали они свои так называемые «законы»...

Я перехожу к тем террористическим законам и распоряжениям гитлеровских преступников, которые были изданы в отношении мирных граждан Советского Союза.

Дело в том, что, начав преступную войну против СССР, немецко-фашистская разбойничья клика сочла недостаточными и эти специально созданные для оправдания преступления «законы» и установленные ими нормы «права» разбойников.

В документе Л-221 зафиксирована реплика, брошенная Гитлером Герингу на совещании 16 июля 1941 г.

Гитлер говорил: «...Гигантское пространство... должно быть как можно скорее замирено». Я цитирую из следующей фразы, где Гитлер говорит: «...Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд...»

Я привожу эти строки потому, что они являются лейтмотивом, который проходит через все распоряжения и законы Гитлера.

Я цитирую директиву Кейтеля. Она была предъявлена Суду американским обвинением за № Р-98:

«...Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и... устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Я представляю, далее, Суду фотостат документа, который уже был предъявлен под № ПС-459:

«Всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а тем, что оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен, — как говорилось в этой директиве, — отнять у населения всякую охоту к сопротивлению».

Позволю себе для подтверждения этого процитировать две строки из директивы командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау, которая была уже предъявлена Суду под № СССР-12.

Там говорится:

«Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков».

Далее я хотел бы огласить Суду один документ, который носит печать той же квазиюридической аргументации, которая отмечает «законы» и постановления Ганса Франка. Говорю о циркулярном распоряжении главного имперского управления безопасности за № 567/42-176, датированном 5 ноября 1942 г. Я позволю лишь напомнить Суду, что в этом документе говорилось о том, что даже принципы для оценки действий «не немцев» должны были быть иными, что всякий поступок чужеземца «должен рассматриваться с точки зрения общей преценции».

Таким образом, на тех территориях оккупированных стран, куда следом за войсками агрессора приходили эсэсовцы, мирное население отдавалось произволу со стороны этих специально вышколенных и свирепых представителей полицейских частей германского фашизма.

Разрешите сослаться на одну строку документа под № ПС-447, которую Суд найдет на странице 197 книги документов, пятый абзац, после заголовка «Район операции». В документе под № ПС-447 говорилось об особых полномочиях рейхсфюрера СС и указывалось, что «в рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность».

Хорошо известно, что представлял собой рейхсфюрер СС. Из многих высказываний Гимmlера я ограничусь здесь лишь одной цитатой, характерной, однако, как руководящее указание подчиненным Гимmlеру чиновникам СС, к которым он обращался.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер говорил (этот документ был предъявлен Трибуналу американским обвинением под № ПС-1919 и оглашен 19 декабря 1945 г.):

«...Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует. Погибнут ли от изнурения при создании противотанкового рва 10 тысяч русских баб или нет — интересует меня лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковые рвы...»

Суду был предъявлен документ, которым установлено, что легализация массовых убийств и истребление мирного населения Советского Союза, производимые непосредственно армией с целью терроризирования, были установлены Гитлером и его кликой еще 13 мая 1941 г. — более чем за месяц до начала войны. Я говорю в данном случае об уже широко оглашенном на Суде известном распоряжении Кейтеля «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск».

Этот документ был предъявлен Трибуналу под № С-50. Полагаю, что он хорошо памятен Суду. Я лишь напоминаю, что в этом документе в прямой форме отрицалась необходимость установления вины. Подозрение становилось достаточным основанием для применения смертной казни. Официально устанавливалась преступная система круговой поруки и массовых репрессий. Кроме того, указывалось, что «заподозренные» во всех случаях подлежали уничтожению — об этом прямо говорит пункт 5 раздела первого «Распоряжения».

Предъявляю документ СССР-3. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, озаглавленное «Директивы и приказы гитлеровского правительства и германского военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан».

Документ, касающийся осуществления массовых казней, так называемых «экзекуций», в лагерях, где содержалось мирное население и военнопленные. Он свидетельствует об организации немецко-фашистскими преступниками с первых же дней войны с Советским Союзом так называемых «зондеркоманд» — особых команд. Документ касается организации «зондеркоманд» в лагерях, где содержались военнопленные и мирное население. Термин «зондеркоманды» наполнился зловещим смыслом для населения временно оккупированных областей Советского Союза с первых же дней войны. Это был один из самых грубых и самых жестоких механизмов, созданных немецкими фашистами для умерщвления людей.

«Из обнаруженных документов видно, — говорится в Сообщении, — что гитлеровские палачи еще до своего нападения на СССР составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководящих советских работниках, которые, по их кровавым планам, подлежали уничтожению. Так были подготовлены «Особая розыскная книга СССР», «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода «розыскные книги и списки», которые гитлеровским убийцам должны были облегчить истребление передовой части населения СССР.

В документе, именуемом «Приложение № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД», датированном — «Берлин, 17 июля 1941 г.» и подписанном Гейдрихом, исполнявшим в то время обязанности заместителя Гиммлера, указывается, однако, на недостаточность списков и розыскных книг и на необходимость не стеснять инициативу исполнителей убийств.

В документе говорится:

«Для осуществления ваших задач нет возможности предоставить в распоряжение команд пособия. «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания», «Особая розыскная книга СССР» окажутся полезными лишь в небольшом количестве случаев. «Особая розыскная книга СССР» поэтому недостаточна, так как в нее занесена лишь незначительная часть советских русских, которых следует считать опасными...»

...Для выполнения своих преступных планов немецкие оккупанты в стационарных и пересыльных лагерях для военнопленных, устроенных в то время на германской территории, в так называемом польском «генерал-губернаторстве» и на оккупированной советской территории, создали «зондеркоманды» (особые команды)...

...В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД (Секретно. Государственной важности, экземпляр 15-й), датированном — «Берлин, 29 октября 1941 г.», указывается порядок формирования «зондеркоманд»:

«Формирование зондеркоманд полиции безопасности и СД производится по договоренности между начальником полиции безопасности и СД и верховным командованием вооруженных сил от 7/X 1941 года.

Команды работают на основе особых полномочий и, согласно данным им общим директивам, в рамках лагерного распорядка самостоятельно. Само собой разумеется, что команды поддерживают тесный контакт с комендантами лагерей и офицерами контрразведки».

Широкий размах был придан имперским руководством насажению этих опаснейших полицейских организаций. «Зондер-

команды» организовывались от города Красногвардейска (это пригородное место под Ленинградом) до города Николаева на Черном море.

«...Приказ начальника полиции безопасности и СД от 29 октября 1941 г. об организации «зондеркоманд» был разослан оперативным группам в Красногвардейск, Смоленск, Киев, Николаев и «информационно» в Ригу, Могилев, Кривой Рог.

Нужно также отметить, что гитлеровцы во время своего наступления на Москву создали в Смоленске специальную «зондеркоманду Москва», задачей которой должны были явиться массовые убийства москвичей».

Выше отмечался широкий круг полномочий «зондеркоманд». В документе, цитируемом мной, по этому поводу сказано:

«О задачах, возложенных на «зондеркоманды», говорят оперативные директивы, приложенные к приказу начальника полиции безопасности и СД № 8, датированному — «Берлин, 17 июля 1941 г.», который под видом «фильтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в восточном походе», указывает, что «особая обстановка восточного похода требует особых мер, которые должны проводиться под собственную ответственность, вне каких-либо бюрократических и административных влияний».

Развязав преступную войну, гитлеровцы вели ее на массовое уничтожение граждан Советского Союза и стран Восточной Европы. Я огласил уже некоторые документы, воссоздающие облик гитлеровских убийц и их преступления. Это были специально воспитанные главарями гитлеровской шайки массовые кадры преступников. Однако каждому криминалисту ясно, что мало было создать эти гнусные кадры преступников, но нужно было добиться и того, чтобы, осуществляя преступление, преступники чувствовали себя совершенно безнаказанными. Для того чтобы во всем колоссальном объеме осуществлять замысленные главными преступниками злодеяния, нужно было создать атмосферу безнаказанности для преступников. Я не буду цитировать уже ранее оглашенный под № С-50 американским обвинением документ, который озаглавлен «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Но мне кажется, что содержание его следует твердо держать в памяти, ибо без уяснения полностью смысла этого документа в ряде случаев просто нельзя понять массовых преступлений, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Советского Союза.

Это распоряжение, подписанное Кейтелем, но изданное от имени Гитлера и по его прямым указаниям, было воспринято всеми солдатами и офицерами фашистской армии как личное распоряжение Гитлера. В подтверждение того, какие выводы сде-

ОГОЛОШЕННЯ

Випадки підпалу та саботажу, що поширюються в місті Києві примушують мене вжити рішучих заходів.

Через те сьогодні 300 мешканців міста Києва розстріляно. За кожний такий випадок підпалу або саботажу буде розстрілюватись значно більша кількість мешканців міста Києва.

Кожний мешканець зобов'язаний про всяке підозріле помічення негайно донести німецькій поліції.

Я буду за всяку ціну та усіма способами підтримувати порядок та спокій в місті Києві.

ЕБЕРГАРД

Генерал-майор та Комендант міста.

Київ, 2 листопада 1941 р.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева.

За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Київ, 2-го ноября 1941 г.

ЕБЕРГАРД

Генерал-майор и Комендант города

BEKANNTMACHUNG

Die zunehmenden Faelle von Brandstiftungen und Sabotage in Kiew zwingen mich zu durchgreifenden Massnahmen.

Es werden daher heute 300 Einwohner von Kiew erschossen.

Fuer jeden neuen Fall von Brandstiftung oder Sabotage wird eine mehrfache Zahl erschossen werden. Jeder Einwohner hat die Pflicht, jede verdachtige Wahrnehmung der deutschen Polizei unverzueglich anzuzeigen.

Ich werde unter allen Umstaenden und mit allen Mitteln Ruhe und Ordnung in Kiew aufrechterhalten.

Kiew, den 2. November 1941.

EBERNHARD

Generalmajor u. Stadtkommandant.

Объявление коменданта г. Киева
от 2 ноября 1941 г.

ОГОЛОШЕННЯ

В Києві зловмисно пошкоджено засоби зв'язку (телефон, телеграф, кабель). Через те що шкідників надалі не можна було терпіти, **В МІСТІ БУЛО РОЗСТРІЛЯНО 400 МУЖЧИН, що має бути пересторогою для населення.**

Вимагаю ще раз про всякі підозрілі випадки негайно повідомляти німецькі війська або німецьку поліцію для того, щоб злочинці по заслугі були покарані.

ЕБЕРГАРД,

Генерал-майор та Комендант міста.

Київ 29. XI 1941.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В Киеве злонамеренно попорчено средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было дальше терпеть, то **В ГОРОДЕ БЫЛО РАССТРЕЛЯНО 400 МУЖЧИН,** что должно послужить предостережением для населения.

Требую еще раз о всяких подозрительных случаях немедленно сообщать немецким войскам или немецкой полиции, для того чтобы в надлежащей мере были наказаны преступники.

ЭБЕРГАРД,

Генерал-майор и Комендант города.

Киев 29. XI 1941.

BEKANNTMACHUNG

In Kiew wurde eine Nachrichten-Anlage böswillig beschädigt. Da die Täter nicht ermittelt werden konnten, wurden **400 MÄNNER AUS KIEW ERSCHOSSEN.** Ich gebe dies der Bevölkerung zur Warnung bekannt und fordere sie erneut auf, jede verdächtige Wahrnehmung den deutschen Wehrmachtstellen oder der deutschen Polizei unverzüglich anzuzeigen, damit derartige Verbrecher verdienstlos massen unschädlich gemacht werden können.

EBERHARD,

Generalmajor und Stadtkommandant.

Kiew, den 29. XI 1941

№ 40-1000

Объявление коменданта г. Киева
от 29 ноября 1941 г.

лали немецкие военнослужащие из этого распоряжения Кейтеля, я позволю себе сослаться на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске.

Я предъявляю Суду документ за № СССР-38. В этом документе содержится выдержка из показаний председателя военного трибунала 267-й немецкой стрелковой дивизии капитана Райхофа Юлиуса.

Цитирую по Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии показания Райхофа Юлиуса:

«...За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера, немецкие солдаты, руководимые офицерами..., учиняли различного рода зверства...»

Но и это казалось недостаточным гитлеровскому руководству. И в 1942 году оно сочло необходимым в форме резкой директивы, абсолютной не допускающей исключений, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления немецко-фашистских военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей Советского Союза.

Имперское военное руководство особо подчеркивало, что безнаказанность злодеяний должна быть безоговорочно создана и в том случае, если жертвами любых, по методам совершения зверств, преступлений окажутся женщины и дети.

Председатель: Каковы материалы, которые вы называете «Строжайшими инструкциями»?

Смирнов: Я представляю сейчас Суду эту директиву под № СССР-16 в виде фотостата, заверенного Чрезвычайной Государственной Комиссией. Эта директива подписана Кейтелем и озаглавлена «Борьба с бандами». Документ датирован 16 декабря 1942 г.

Председатель: Вы сказали, СССР-16?

Смирнов: СССР-16, господин председатель.

Председатель: Очень хорошо, продолжайте.

Смирнов: Благодарю Вас. Я почти полностью оглашу текст документа. Начинаю цитировать с заголовка:

«Содержание: Борьба с бандами. Строго секретно.

Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд (а «бандой», как известно, гитлеровские преступники называли всякое движение сопротивления мирного населения преступной деятельности немецких захватчиков), за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности.

В связи с этим фюрер приказал:

«Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Я подчеркиваю, что директива говорила о любых средствах расправ с женщинами и детьми.

«Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников.

Эти принципы должны лечь в основу «Инструкции по борьбе с бандами на Востоке».

2) Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке.

Командиры войск, действующих против банд, несут ответственность:

за обстоятельное и неуклонное ознакомление с этим приказом всех офицеров подчиненных им частей;

за немедленное ознакомление с этим приказом своих юрисконсультов;

за то, чтобы не утверждались приговоры, противоречащие этому приказу.

Кейтель».

Я заканчиваю на этом предъявление документов по первым двум разделам оглашенного в начале доклада перечня.

До сих пор предъявляемые мной Суду материалы призваны были удостоверить три положения.

1. Прямое подстрекательство главными военными преступниками самых широких слоев личного состава немецко-фашистских

вооруженных сил к совершению тяжчайших военных преступлений в отношении мирного населения.

2. Специальное воспитание гитлеровским руководством массовых кадров преступников для практического осуществления планов истребления народов.

3. Всемерное развязывание низменных инстинктов у исполнителей преступлений и создание обстановки полной безнаказанности для преступников.

Эти цели были вполне достигнуты главными немецкими военными преступниками. На оккупированных территориях Советского Союза и стран Восточной Европы гитлеровцами были совершены преступления в отношении мирного населения, которые ни по их масштабам, ни по методам совершения злодеяний, ни по цинизму и жестокости замыслов и действий организаторов и исполнителей не имеют прецедентов в мировой истории.

Я приступаю к предъявлению доказательств, характеризующих объем и методы этих преступлений немецких фашистов.

Установление режима немецко-фашистского террора

Я хочу показать, что означала в жизни народов установка Кейтеля о «замирении» оккупированных территорий.

Установление режима террора—это первое, что отмечало появление немецко-фашистских властей, безотносительно, были ли это военные или гражданские власти, на территории СССР или других стран Восточной Европы.

При этом режим террора осуществлялся не только в самых жестких формах. Он осуществлялся также в форме бесстыдного глумления над достоинством и честью сделавшихся жертвами немецких фашистов людей.

При этом в первую очередь террористические действия фашистов обрушивались на головы тех, кого преступники считали наиболее активной в политическом отношении и способной к сопротивлению частью населения.

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное мною ранее под № СССР-6 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области»:

«Отряды гестаповцев еще до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных произведений профессора Тадеуша Бой-Желенского,

профессора мединститута Романа Реницкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю де Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича...»

Далее следует длинный список, в котором содержится еще тридцать одна фамилия выдающихся представителей интеллигенции города Львова.

«Профессор львовского мединститута Ф. В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил Комиссии:

«Когда 3 июля 1941 г. в 12 часов ночи меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней уже находились профессоры: Грек, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом «Бурса Абрагамовичев». Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дергали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития «Бурса Абрагамовичев» немцы вывели под конвоем пять профессоров, четверо из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руффа. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению к Кадетской горе. Спустя 15—20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров».

Чтобы унижить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б. О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома № 8 на улице Артишевского в июле 1941 года эсэсовцы «привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии — доктор юстиции Крепс. Среди приведенных было 5—6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в семи подъездах четырехэтажного дома. После того, как все лестницы были вымыты, этих людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора...»

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла ученых, немцы отделивались «незнанием».

По приказу рейхсминистра Германии Гимmlера осенью 1943 года гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключенные Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили Комиссии следующее:

«5 октября 1943 г. ночью между улицами Кадетской и Вулецкой по приказу одного из гестаповцев при свете прожекто-

ров нами была открыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены.

Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили во Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства».

Сказанное мною ни в коей мере не означает того, что жертвами фашистского террора делались только руководители местных организаций или представители интеллигенции.

Выше я говорил лишь о том, что в первую очередь фашистский террор обращался против этих лиц.

Но одной из характернейших черт гитлеровского террора было то, что он декретировался немецким фашистским руководством и осуществлялся исполнителями как всеобщий террор.

В подтверждение этого я обращаюсь к документу СССР-63—Акту Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи.

Керчь — сравнительно небольшой город. От Львова он отделен многими сотнями километров. Если во Львове немецкие захватчики были уже в начале июля 1941 года, то до Керчи они добрались лишь в ноябре. В январе 1942 года немцы были уже выбиты из Керчи частями Красной Армии.

Таким образом, весь период оккупации (первой оккупации, потому что Керчь была дважды оккупирована немцами) был непродолжительным, он исчислялся сроком около двух месяцев. Но вот какие преступления были совершены немецкими фашистами в этом городе:

«Захватив город в ноябре 1941 года, гитлеровцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу». Следующим приказом № 2 немецкая городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят и рабочий скот. Владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

Гестаповцы бесчинствовали. За каждый обнаруженный лишний килограмм фасоли или муки они расстреливали главу семьи.

Свои чудовищные зверства в городе немцы начали отравлением 245 детей школьного возраста».

Вы увидите впоследствии трупы этих детей при просмотре наших кинодокументов. Трупы детей были выброшены в керченский ров.

«Согласно приказу немецкого коменданта все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками 245 детей отправили за город, в заводскую школу якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленным ядом. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в «амбулаторию» и смазал их губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей. Там находился очень большой, очень длинный противотанковый ров.

Вечером 28 ноября 1941 г. по городу был вывешен приказ гестапо № 4, согласно которому жители, ранее зарегистрированные в гестапо, должны были 29 ноября от 8 часов утра до 12 часов дня явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. Явиться было приказано всем мужчинам и женщинам, независимо от возраста и состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали публичным расстрелом. Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали для направления на работу. К 12 часам дня на площади собралось свыше 7 тысяч человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Это злодейское истребление обманом заключенного в тюрьму мирного населения производилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у всех посаженных в тюрьму были сняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы и пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных, заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особым утонченным пыткам — их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза.

После изгнания немцев из Керчи, 30 декабря 1941 г. красноармейцами во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерovo, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей.

По приходе Красной Армии в Керчь, в январе 1942 года, при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями. На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежали простреленные разрывными пулями восьмилетняя девочка и мальчик лет пяти. Их ручки вцепились в платье своей матери».

Обстоятельства расстрела подтверждаются показаниями многочисленных свидетелей, которым посчастливилось выбраться невредимыми из рва смерти. Приведу два из этих показаний:

«Двадцатилетний Анатолий Игнатьевич Бондаренко, ныне боец Красной Армии, показал: «Когда нас подвезли к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы, мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы заставить засыпать ров землей или копать новые окопы. Мы не верили, что нас привезли на расстрел. Но когда раздались первые выстрелы из наведенных на нас автоматов, я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так невредимым я в полуобморочном состоянии пролежал почти до вечера. Лежа в яме, я слушал, как некоторые раненые кричали жандармам, расстреливающим их: «Добей меня, мерзавец», «Ох, не попал, негодяй, еще бей!» Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: «Поднимайтесь, кто живой». Я встал, и мы вдвоем стали раскидывать трупы, вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман и пар от остывающей груды тел, крови и последнего дыхания умирающих. Мы выгнали Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней ночью я добрался к своим знакомым в деревню Багерovo и там дождался прихода Красной Армии».

Свидетель Каменев А. показал:

«За аэродромом шофер остановил машину, и мы увидели, что у рва немцы расстреливали людей. Нас из машины вывели и по десяти человек стали подгонять ко рву. Я с сыном встали в первом десятке. Дошли мы до рва. Нас поставили лицом к яме, а немцы стали готовиться расстреливать нас в затылок. Сын мой обернулся и крикнул им: «За что вы расстреливаете мирное население?» Но раздалась выстрелы, и сын сразу упал в яму. Я бросился за ним. В яму на меня стали падать трупы людей. Часа в три дня из груды трупов поднялся мальчик 11 лет и стал кричать: «Дяденьки, кто живой, вставайте, немцы ушли». Я боялся подняться, так как думал, что мальчик кричит по приказанию полицейского. Мальчик второй раз стал кричать, и на этот крик отозвался мой сын. Он поднялся и спросил: «Папа, ты живой?» Я не мог ничего сказать и только качал головой. Сын и мальчик вытащили меня из-под трупов. Мы увидели еще живых людей, которые кричали: «Спасите!» Некоторые из них были ранены. Все время, пока я лежал в яме, под трупами, слышны были крики и плач детей и женщин. Это после нас немцы расстреливали стариков, женщин и детей»...

...Немецкие варвары в своих бесчеловечных издевательствах над советскими людьми не щадили и детей. Учительница Колесникова М. Н. показала, что немцы убили тринадцатилетнего мальчика за то, что он взял старую камеру автомашины и хотел плавать на ней во время купания на море.

Из показаний Сапельниковой Ефросиньи Николаевны установлен следующий факт: жительница Аджимушкая Бондаренко Мария, желая спасти трех своих детей от голодной смерти, попросила у немцев, работавших на кухне, что-нибудь покушать. Ей насыпали в котелок жиденькой каши. Семья Бондаренко с жадностью поела ее. Через несколько часов мать и трое детей были мертвыми. Фашистские палачи отравили их.

Из показаний Шумиловой Н. Х. установлено, что в июле немецкий офицер расстрелял шестилетнего мальчика за то, что он, идя по городу, пел советскую песню.

В саду имени Сакко и Ванцетти почти все лето висело тело мальчика лет девяти, который был повешен за то, что сорвал с дерева абрикос».

Я остановился на примере города Керчи не потому, что злодеяния гитлеровцев в этом городе были необычайны по размерам или особенно разительно выделяются по своей жестокости из других преступлений немцев, материалы о которых имеются в распоряжении советского обвинения. Отнюдь нет. Наоборот, Акт Чрезвычайной Комиссии я привел исключительно потому, что он дает подробную объективную запись военных преступлений в одном из многих городов, обреченных

на то, чтобы в результате ужасной войны, начатой немецко-фашистскими преступниками, сделаться жертвами террористического режима.

Такие же злодеяния творились гитлеровцами на всех временно оккупированных ими территориях Советского Союза.

В подтверждение этого я обращаюсь к обобщающему документу под № СССР-51, который частично оглашался, говорю о ноте Народного комиссара иностранных дел от 27 апреля 1942 г. Во введении к ноте Советское правительство вновь констатировало следующее:

«В распоряжение Советского правительства продолжают поступать все новые материалы и сообщения о том, что гитлеровские захватчики производят повсеместное ограбление и прямое истребление советского населения, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, ни перед какой жестокостью и насилием на территориях, которые они временно занимали или еще продолжают занимать. Советское правительство уже заявляло, что эти злодеяния не являются случайными эксцессами отдельных недисциплинированных воинских частей, отдельных германских офицеров и солдат. В настоящее время Советское правительство располагает недавно захваченными в штабах разгромленных германских частей документами, из которых явствует, что чинимые немецко-фашистской армией кровавые преступления и зверства совершаются ею в соответствии с тщательно составленными и разработанными до деталей планами германского правительства и приказами германского командования...»

Из текста этой ноты видно, что приказы имперского руководства об установлении террористического режима интерпретировались на оккупированных территориях всякого рода «комиссарами оккупированных областей», «гаулейтерами», командирами военных соединений:

«Нечеловеческая жестокость, которую гитлеровская клика, рожденная в насилиях над собственным народом, проявила к населению европейских стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, во много крат превзойдена германской армией при ее вторжении на советскую территорию. Расправы гитлеровцев над мирным советским населением затмили самые кровавые страницы истории человечества и происходящей мировой войны и полностью разоблачают фашистские кроваво-преступные планы, направленные на истребление русского, украинского, белорусского и других народов Советского Союза.

Этими чудовищными фашистскими планами продиктованы приказы и инструкции германского командования об истреблении мирных советских жителей.

Так, например, инструкция германского верховного командования, озаглавленная «Обращение с гражданским населением и пленными противника», объявляет, что «офицеры ответственны за то, чтобы обращение с гражданским населением было беспощадным», и предписывает: «Производить воздействие силой по отношению ко всей массе населения». В инструкции, разосланной германским командованием в качестве руководства для оккупационных властей на территории Белоруссии, сказано: «Любое враждебное поведение населения по отношению к немецким вооруженным силам и их организациям наказывается смертью. Кто укрывает красноармейцев или партизан, наказывается смертью. Если партизана не нашли, следует взять заложников из населения. Этих заложников следует повесить, если виновники или их помощники в течение 24-х часов не будут доставлены. В последующие сутки на этом же месте следует повесить удвоенное число заложников».

Пункт седьмой приказа № 431/41 германского коменданта города Феодосии капитана Эбергарда гласит:

«Во время тревоги каждый гражданин, появившийся на улице, должен быть расстрелян. Появляющиеся группы граждан должны быть окружены и безжалостно расстреляны. Вожаки и подстрекатели должны быть публично повешены».

В инструкции по 260-й германской пехотной дивизии по вопросу об обращении с гражданским населением отдельным офицерам ставится на вид, что «необходимая жестокость применяется не везде».

Приказы, вывешиваемые оккупантами в советских городах и селах, предусматривают смертную казнь по самым разнообразным поводам: за выход на улицу после пяти часов вечера, за ночлег посторонних, за невыдачу красноармейцев, за сдачу имущества, за попытки тушить пожар в населенном пункте, назначенном к сожжению, за передвижение из одного населенного пункта в другой, за отказ от принудительного труда и т. д. и т. п. ...

...Немецко-фашистское командование не только допускает, но прямо предписывает убийство женщин и детей. Организованное детоубийство в некоторых приказах представлено в виде мер борьбы с партизанским движением. Так, например, в приказе командира 254-й германской дивизии генерал-лейтенанта фон Бешнитта от 2 декабря 1941 г. характеризуется как «беспечное благодушие» тот факт, что «старики, женщины и дети всех возрастов» передвигаются позади германских линий, и приказывается: «стрелять без оклика в каждое гражданское лицо *любого* возраста и пола, которое приближается к передней линии», а также «возложить на бургомистров ответственность за то, чтобы о появляющихся чужих лицах, в особенности

о детях, немедленно сообщалось местному коменданту», и «немедленно расстреливать всякое лицо, подозреваемое в шпионаже».

В ноте содержатся также данные об установках, получавшихся фашистскими властями на временно оккупированных территориях от имперских властей:

«Некоторые из преступлений германских оккупантов, совершенных ими еще в первые недели их разбойничьего нападения на СССР, в частности, зверское истребление ими гражданского населения Белоруссии, Украины и прибалтийских советских республик, документально устанавливаются лишь сейчас. Так, например, при разгроме частями Красной Армии в районе города Торопца в январе 1942 года кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет первого кавалерийского полка названной бригады об «умиротворении» им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за № 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем «сообщении о проведении усмирительной припятской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.»: «Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно, песка)». В том же штабе обнаружена телеграмма № 37 командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», указывает, что «необходимо действовать радикально», что «командиры соединений слишком мягки в проведении операций», и приказывает ежедневно докладывать о числе расстрелянных...»

В этой связи нельзя не упомянуть о преступной деятельности подсудимого Розенберга. Развивая общие установки имперского руководства о насаждении режима террора в оккупированных восточных областях, правильнее говоря, будучи одним из основных авторов этих установок, Розенберг в «Остланде» (так гитлеровцами назывались оккупированные районы в Прибалтике) издал ряд законов, причем в том же «Остланде» подобные же распоряжения и приказы, преследующие цели террора, издавали и другие высшие чиновники насажденной Розенбергом фашистской администрации.

Я предъявляю Суду под № СССР-39 Сообщение Государственной Чрезвычайной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской ССР:

«17 июля 1941 г. Гитлер своим декретом передал *законодательную власть* на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний, в свою очередь, передоверил законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введен произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 г. рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 г. закон специально для лиц, не принадлежащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих — эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 г. чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к *местной национальности*, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должны караться со всей строгостью:

- а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу,
- б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

12 января 1942 г. рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председательствующего — полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме «судов», созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввел местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман».

Я представляю Суду, далее, под № СССР-18 фотостат откровенного террористического приказа немецких военных властей. Это приказ военной комендатуры города Пскова. Из этого доку-

мента видно, что мирному гражданскому населению запрещалось даже выходить на проездные дороги в своей местности. Все замеченные там немецкими солдатами мирные граждане должны были быть расстреляны.

«...Исходя из вышеизложенного, приказываю:

1. Все гражданские лица, независимо от возраста и пола, которые будут обнаружены на полотне дорог или вблизи от него, должны рассматриваться как бандиты и подлежат расстрелу. Само собой разумеется, исключение составляют рабочие колонны, находящиеся под надзором.

Все лица, упомянутые в пункте 1, которые пересекают дороги, подлежат расстрелу. Все лица, упомянутые в пункте 1, которые ночью или в сумерках находятся на дорогах, подлежат расстрелу...

4. Лица, упомянутые в пункте 1, если они обнаружены на дорогах днем, подлежат задержанию и самой тщательной проверке».

Таковы были террористические «постановления», «приказы» и даже издаваемые единолично, на так называемых «принципах фюрерства», «законы» крупных чиновников и представителей военных властей немецко-фашистского государства.

Но право беспощадной расправы с мирным населением приобретали не только они. Любая ортскомендатура, любой командир мелкой части, наконец, любой солдат гитлеровской армии приобретали право расправы с мирным населением оккупированных районов.

Я предъявляю Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве:

«Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в «душегубках». Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах...»

Прошу Суд принять в качестве доказательства фотостат объявления под № СССР-290. Текст этого объявления гласит следующее:

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением.

Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа.

Киев, 22 октября 1941 г. Комендант города».

Под № СССР-291 представляется фотостат следующего объявления коменданта города Киева:

«В Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было долгие терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно послужить предостережением для населения.

Требую еще раз о всяких подозрительных случаях немедленно сообщать немецким войскам или немецкой полиции для того, чтобы в надлежащей мере были наказаны преступники.

Эбергард, генерал-майор, комендант города.

Киев, 29 ноября 1941 г.».

Под № СССР-333 я представляю фотостат третьего и последнего по Киеву объявления:

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Эбергард, генерал-майор, комендант города.

Киев, 2 ноября 1941 г.».

Я ссылаюсь на документ под № СССР-63. Здесь содержится акт комиссии Дзержинского районного Совета города Сталинграда. Достоверность сообщаемых в нем сведений была подтверждена. Свидетельство этому Вы найдете в Акте Чрезвычайной Государственной Комиссии за подписью члена Комиссии академика Трайнина и других лиц.

Я цитирую акт комиссии, обследовавшей территорию Дзержинского района города Сталинграда после разгрома немцев под Сталинградом, где содержатся сведения об объявлениях, вывешенных на улицах Сталинграда немецкой комендатурой, и о последствиях этих объявлений.

«...Военная комендатура сеяла смерть повсюду. На улицах ею были развешены объявления, угрожающие расстрелом за каждый шаг. Например, на Аральской улице висело такое объявление: «Кто здесь пройдет, тому смерть», на углу улиц Невской и Медведицкой: «Проход русским запрещен, за нарушение — расстрел».

И в действительности немцы расстреливали на каждом шагу, о чем свидетельствуют сотни могил, обнаруженных вдоль улиц Дзержинского района города Сталинграда. Замученных, расстрелянных и повешенных в самой комендатуре вначале выбрасывали в яму, что находилась рядом с комендатурой. После

изгнания оккупантов в этой яме был обнаружен 31 труп. Когда эта яма была заполнена, то трупы вывозились на кладбище, что в двух километрах от здания комендатуры. На кладбище была вырыта яма глубиной около 6 метров, длиной 40 метров и шириной 12 метров.

После изгнания оккупантов в названной яме было обнаружено 516 трупов советских граждан, в том числе 50 детей, замученных, расстрелянных, повешенных в комендатуре и других местах. При осмотре трупов 25 марта 1943 г. было установлено, что гитлеровцы зверски истязали советских людей перед их умерщвлением. Кроме трупов детей, было обнаружено 323 трупа женщин, 69 трупов стариков и 74 трупа мужчин.

141 труп имел следы огнестрельных ран в голову и грудь, 92 трупа имели странгуляционные борозды на шеях, что свидетельствовало об их повешении. Все остальные трупы были обезображены и носили следы пыток. У 130 жертв — женщин, девушек — руки были заломлены назад и связаны проволокой, причем у 18 из них были вырезаны груди, у некоторых обрезаны уши и обрублены пальцы рук и ног, у большинства на теле имелись следы ожогов.

Осмотр этих трупов показал, что 21 женщина умерла от истязаний и ран, а остальные после пыток были расстреляны.

Даже трупы детей были изуродованы — у некоторых были обрезаны пальцы, порезаны ягодицы, выколоты глаза.

Я перехожу к следующему разделу представления доказательств, к пыткам, которые применялись гитлеровцами во время допроса.

Пытки вообще были официально предусмотрены и санкционированы гитлеровцами. Я представляю Трибуналу под № СССР-11 один из таких документов, свидетельствующих о том, что пытки были совершенно официально предусмотрены. Это служебная инструкция для концлагерей, «Лагерный устав», изданный в Берлине в 1941 году. Например, в разделе третьем инструкции, озаглавленной «Телесные наказания», сказано:

«Можно наносить от 5 до 25 ударов по пояснице и ягодицам. Количество ударов назначается комендантом лагеря и вносится им в соответствующую рубрику распоряжения о наказании».

Для оформления «особо строгого допроса», правильное, допроса с применением пыток, соответствующими немецкими полицейскими управлениями были изданы специальные бланки. Я предъявляю Суду и прошу приобщить к делу в качестве доказательства подлинный формуляр такого «особо строгого допроса». Я предъявляю его под № СССР-254. Он является приложением к докладу правительства Югославии. Этот формуляр, как видно из приложенного к нему удостоверения, был захвачен в немецком архиве частями югославской армии.

«Чтобы яснее охарактеризовать зверскую жестокость, — говорится в докладе, — осуществляемую при проведении этого плана уничтожения, мы вручаем Трибуналу еще один оригинальный документ, захваченный в немецких архивах Югославии. Это бланк-формуляр так называемого «особо строгого допроса» жертв нацистских преступников. Такие допросы проводились в Словакии органами полиции безопасности и СД.

На первой странице формуляра полицейский орган предлагает применить по отношению к какому-то лицу «особо строгий допрос». На второй странице соответствующий офицер СС одобряет такой допрос. Ответ на вопрос, каким должен быть «особо строгий допрос», мы находим в следующем положении этого формуляра:

«Особо строгий допрос должен заключаться в... Следует вести протокол допроса. Можно привлечь врача (или можно не привлечь)».

Упоминание о врачах и об его присутствии при допросе не оставляет сомнения в том, что допрос заключался в физических пытках допрашиваемого. Тот факт, что для такого допроса существовали печатные инструкции, ясно доказывает массовое применение этих преступных способов».

Рейхсфюрером СС специально предусматривались случаи того, что при допросах заподозренные могут пытаться покончить жизнь самоубийством.

Поэтому руководитель эсэсовцев не просто разрешал, а приказывал связывать арестованным руки и ноги или заковывать их в цепи.

Я представляю Суду под № СССР-298 фотостат директивы шефа германской полиции под № 202/43 от 1 июня 1943 г. Документ заверен Чрезвычайной Государственной Комиссией. Дата этого документа — 1 июня 1943 г.

«О предотвращении случаев бегства при допросах.

Для предотвращения попыток к бегству при допросах во всех случаях, где существует сильная угроза того, что при сложившихся обстоятельствах или важности личности арестованного последний может совершить бегство или самоубийство, я приказываю так связывать арестованным руки и ноги, чтобы любые попытки к бегству были пресечены.

Можно использовать кольца и цепи, если таковые имеются».

Все эти официальные распоряжения немецких центральных полицейских властей я привел Суду не просто для того, чтобы показать, как официальные немецкие инстанции предусматривали применение пыток и истязаний во время допросов. Это положение общеизвестно и не нуждается в особых доказательствах. Но я представляю, далее, один из документов, находящихся в руках советского обвинения, который покажет, на-

сколько те истязания, которым подвергались в полицейских камерах арестованные, неизмеримо превышали даже установленные преступниками санкции и официально санкционированные виды пыток.

Я предъявляю Суду под № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Расследование этих злодеяний производилось под руководством крупного академика, ныне покойного, русского писателя Алексея Николаевича Толстого. Академик А. Н. Толстой, как помнит, очевидно, Суд, являлся членом Чрезвычайной Государственной Комиссии:

«...Исключительные по своей жестокости пытки и истязания советских граждан производились в помещении гестапо. Так, например, гражданина Ковальчука Филиппа Акимовича, 1891 года рождения, проживающего в городе Пятигорске, арестовали 27 октября 1942 г. у себя на квартире, избили до потери сознания, затем отвели в гестапо и бросили в одну из камер. Через сутки гестаповцы приступили к его истязаниям и пыткам. Допрашивали и избивали его только ночью. Для допросов вызывали в отдельную камеру, где были специальные приспособления для пыток: цепи с поручнями для закрепления рук и ног. Эти цепи были прикреплены к цементному полу камеры. Арестованных предварительно раздевали наголо, клали на пол, затем руки и ноги заковывали в цепи. Таким пыткам и подвергали гражданина Ковальчука. Находясь закованным в цепях, он совершенно не мог двигаться и лежал вверх спиной, в таком положении избивали его резиновыми палками в течение 16 дней.

Кроме нечеловеческих пыток, гестаповцы применили и следующие. Закованным в цепи на спину клали широкую доску и сверху по этой доске тяжелыми гири наносили резкие удары, вследствие чего у заключенного лилась кровь изо рта, носа и ушей, и он терял сознание.

Камера пыток в гестапо была устроена таким образом, что когда одного арестованного пытали, то остальные арестованные, сидящие в соседней камере и ожидающие предстоящей расправы, наблюдали за пытками и истязаниями.

После пыток заключенного, потерявшего сознание, бросали в сторону, и следующую свою жертву гестаповцы силой волокли из соседней камеры, вновь заковывали в цепи и таким же путем продолжали пытать. Камеры пыток всегда были в крови. Доска, которую накладывали на спину, также была вся в крови, резиновые палки, которыми избивали арестованных, от крови были красные.

Арестованных советских людей, обреченных на расстрел, после невероятных пыток и истязаний загоняли в машину, увозили за город и расстреливали...

...Чайка Варвара Ивановна, 1912 года рождения, проживающая по улице Дзержинского, дом 31, кв. 3, во время пребывания в заключении гестапо подвергалась со стороны начальника гестапо капитана Винца невероятно жестоким пыткам. Вот что сообщает об этом Чайка В. И.:

«Я была подвергнута издевательствам и пыткам со стороны начальника гестапо немца капитана Винца. Однажды он меня вызвал на допрос в камеру пыток. В этой камере было четыре стола, на полу деревянные решетки и два таза с водой, в которых лежали кожаные плетки. На потолке — два кольца с продетыми в них веревками, на которые подвешивали арестованных во время пыток. По команде капитана Винца гестаповцы положили меня на стол, сняли с меня всю одежду и сильно избивали плетью. Избиениям я подвергалась дважды. Всего мне нанесли 75 ударов плетью, отбили почки и выбили 8 зубов».

То, что происходило в застенках гестапо в Ставрополе, отнюдь не являлось исключением. То же самое происходило повсеместно. В подтверждение этого я ссылаюсь на предьявленное мною уже ранее Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве»:

«...Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской Лавре...»

Я позволю себе специально обратить внимание Суда на то, что Киево-Печерская Лавра — это один из древнейших архитектурных памятников Советского Союза, это особо охраняемая культурная ценность, близкая сердцу советских людей, ибо это вещественная память древности. Полицейский застенок был устроен именно в Киево-Печерской Лавре. О дальнейшей судьбе ее уважаемый Суд узнает из следующих докладов моих коллег.

В крайне жестоких формах производились пытки во время допросов в период господства немецко-фашистских захватчиков в Одессе.

Я ссылаюсь на одно показание, содержащееся в Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области».

Этот документ я предьявляю Суду под № СССР-47. Оглашаю показания режиссера кинохроники Павла Крапивного:

«...Следователь включал стоящий на столе реостат, и когда подсудимый не так отвечал на вопрос, как того хотел следователь, рукоятка реостата безжалостно шла на напряжение,

тело подсудимого начинало дрожать, а глаза вылезали из орбит».

Или: «Подсудимого со связанными назад руками подвешивали к потолку... и начинали его крутить вокруг собственной оси. Покрутившись таким образом до 200 раз, висящий на веревке подсудимый с бешеной скоростью раскручивался в обратном направлении. В этот момент палачи с двух сторон били его резиновыми палками. Человек терял сознание не только от бешеного вращения, но и от побоев».

Я ссылаюсь на документ, предьявленный моим коллегой под № СССР-41, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики:

«...В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирало 30—35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали...»

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР».

Перехожу к следующему разделу моего доклада.

Убийства заложников

Несколько вводных замечаний.

Одним из наиболее позорных преступлений гитлеровцев в Польше, Чехословакии и в Югославии является повсеместное насаждение немецкими фашистами звериной системы заложничества.

Система заложничества насаждалась гитлеровцами во всех странах, сделавшихся жертвами их агрессии. На востоке Европы формы, в которых немецкие преступники осуществляли убийства заложников, были особенно жестоки. Насаждая эту систему, гитлеровцы попирали все законы и обычаи войны.

Однако применительно к Советскому Союзу вообще трудно говорить об убийстве заложников, ибо преступления, повсеместно осуществляемые гитлеровцами на временно оккупированных территориях СССР, не могут быть вменены даже в рамки этой преступной системы заложничества. В значительной степени эти же замечания относятся к Польше, и в особенности к Югославии.

В этих странах гитлеровцы под видом заложничества совершали неизмеримо большие военные преступления, ставящие конечной целью истребление народов.

В виде кратких извлечений из соответствующих докладов я привожу данные по странам Восточной Европы.

Привожу извлечение из доклада правительства Польской Республики:

«а) одной из наиболее отвратительных черт гитлеровской оккупации в Польше было применение системы заложников. Коллективная ответственность, уплата коллективной пени и торговля человеческой жизнью считалась лучшим методом порабощения польского народа;

б) вот несколько типичных случаев массовых репрессий. Они являются иллюстрацией методов, употребляемых немецкими оккупантами;

с) в ноябре 1939 года неизвестный человек подложил огонь под овин, наполненный зерном, находящийся на окраине Ново Место Любавске. Овин был собственностью немца. Вследствие этого некий Шперлинг, штандартенфюрер СС, получил приказ от высших властей предпринять репрессию. Известное количество поляков из среды наиболее выдающихся граждан было арестовано. Среди них 15 были выбраны и публично расстреляны эсэсовцами. Среди жертв были:

два брата Янковских, один — юрист, второй — священник, портной Малковский, кузнец Зимны, майор резерва армии Вона, сын одного трактирщика, издатель газеты, священник Бронислав Дембеновский;

д) в октябре 1939 года немецкие власти поймали несколько поляков в городе Иновроцлав и заключили их в тюрьму в качестве заложников. Затем вывели во двор тюрьмы, где их были беспощадно, и расстреляли одного за другим. В общем было убито 70 человек, в числе их — городской голова и его заместитель. Среди жертв были самые выдающиеся жители города...

е) 7 марта 1941 г. кинематографический актер Иго Сым, который причислял себя к немецкой национальности (фольксдейче) и которому вверены были немецкие театры в Варшаве, был убит на своей квартире. Хотя виновных не нашли, губернатор Варшавы Фишер заявил, что Сым убит поляками, и приказал арестовать большое число заложников, закрыть театры и запретил польскому населению выходить вечером на улицу. Заложники были взяты, чтобы обеспечить обнаружение виновных. Арестовано было около 200 человек, среди которых учителя, духовенство, врачи, юристы и артисты. Дано было три дня населению Варшавы, чтобы найти убийц Сыма. По истечении трех дней, когда виновники остались неизвестными, 17 заложников были казнены. Среди них — профессор Копец, его сын и профессор Закржевский».

Прошу Суд обратиться к докладу правительства Чехословакии.

«Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности католических и протестантских священников, юристов, докторов, учителей и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности». Вначале это были только угрозы. В 1940 году Карл Франк заявил в речи к «вождям движения национального единства», что 2 тысячи чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности.

Некоторое время спустя после покушения на Гейдриха, многие из этих заложников были казнены. Типичным методом нацистского полицейского террора были угрозы репрессии против директоров заводов в том случае, если произойдет перебой в работе. Таким образом, в 1939 году гестапо созвало директоров и заведующих складами различных промышленных фирм и заявило им, что они будут расстреляны в случае забастовки. Когда они уходили, они должны были подписать следующее заявление: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

Подобным же образом школьные преподаватели ругались за лояльное поведение своих учеников. Многие учителя были арестованы только потому, что ученики их школы обвинялись в составлении антинемецких лозунгов или чтении запрещенных книг».

Перехожу к разделу, посвященному убийству заложников в Югославии.

Эти преступные убийства мирных людей в Югославии приобрели особое развитие. По существу, здесь уже нельзя говорить об убийстве заложников, хотя все официальные документы гитлеровцев, которые будут предъявлены далее Суду, употребляют этот термин.

По существу же, под видом убийств заложников гитлеровские преступники в громадных масштабах осуществляли режим террористического истребления мирных граждан не только за то, что кем-то сделано, но даже за то, что, по мнению гитлеровцев, могло быть сделано.

«Убийство заложников было одним из тех средств, которые применялись военными органами и имперским правительством в невероятных масштабах для массового уничтожения югославского населения.

Югославская государственная комиссия по установлению военных преступлений располагает по этому вопросу бесчисленным количеством конкретных подробностей и подлинными доказательствами из германских архивов. Здесь мы предлагаем

только ограниченное количество таких подробностей и доказательств, которых, однако, достаточно, чтобы представить убийство заложников как часть общего плана и систематичности нацистского преступления». Далее, в докладе правительства Югославии цитируется приказ коменданта так называемой группы «Запад» генерала Браунера. Приводится следующая цитата:

«В захваченных партизанами районах взятие заложников из всех слоев населения остается в силе как единственное средство занугования, имеющее успех».

В подтверждение объема преступлений гитлеровцев, связанных с убийствами заложников, предъявляю Трибуналу следующие документы:

Во-первых, под № СССР-261 — заверенную фотокопию «Объявления» командующего генерала и главнокомандующего в Сербии от 25 декабря 1942 г., в котором он объявляет о расстреле 50 заложников; во-вторых, под № СССР-319 — заверенную фотокопию «Объявления» того же командующего от 19 февраля 1943 г., в котором он объявляет о расстреле 400 заложников, произведенном в тот же день в Белграде; в-третьих, под № СССР-320 — заверенную фотокопию «Объявления» районной комендатуры в Позареваце от 3 апреля 1943 г., в котором объявляется о расстреле 75 заложников; в-четвертых, под № СССР-321 — заверенную фотокопию «Объявления» того же самого районного коменданта в Позареваце от 16 апреля 1943 г., в котором он сообщает о расстреле 30 заложников, и, наконец, — заверенную фотокопию «Объявления» военного коменданта Белграда от 14 октября 1943 г., где он сообщает о расстреле 100 заложников.

Планомерное и систематическое убийство заложников видно из следующих данных, которые были собраны Югославской государственной комиссией по установлению военных преступлений на основании конфискованных германских архивов и найденных в них материалов. Эти данные относятся только к Сербии:

«3 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 450 заложников; 17 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 200 заложников; 27 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 50 заложников; 3 ноября 1941 г. в Белграде расстреляно 100 заложников».

Другие данные показывают нам страшное нагромождение этих преступлений по времени:

12 декабря 1942 г. в Крагуеваце расстреляно 10 заложников,
12 декабря 1942 г. в Крусеваце расстреляно 10 заложников,
15 декабря 1942 г. в Бруше расстреляно 30 заложников,
17 декабря 1942 г. в Петроваце расстреляно 50 заложников,
20 декабря 1942 г. в Бруше расстреляно 10 заложников,
25 декабря 1942 г. в Петроваце расстреляно 50 заложников,

26 декабря 1942 г. в Бруше расстреляно 10 заложников,
26 декабря 1942 г. в Петроваце расстреляно 250 заложников,
27 декабря 1942 г. в Крусеваце расстреляно 25 заложников.

Можно согласиться, как кажется мне, с утверждением правительства Югославии, которое говорит далее, что такого рода цифры можно было бы представлять до бесконечности:

«Расстрел заложников, как правило, проводился варварским способом. Чаще всего жертв заставляли становиться группами друг за другом, ждать своей очереди и наблюдать за казнью предыдущих групп. Так они последовательно уничтожались».

Предъявляю Суду под № СССР-25 отчет полицейского управления квислинговской администрации Милана Недича. Там говорится о расстреле 11 декабря 1941 г. в Лесковаце 310 заложников, из которых цыган — 293. Продолжаю цитирование доклада правительства Югославии:

«Путем осмотра места и допроса цыган районным управлением по расследованию военных преступлений в Лесковаце был установлен способ этого расстрела».

Я представляю Суду документ, на который ссылается правительство Югославской Республики, под № СССР-226:

«11 декабря 1941 г. с 6 часов утра до 4 часов пополудни немцы перевозили на своих грузовых машинах арестованных заложников по группам, численностью до 20 человек каждая, со связанными руками, к подножью горы Хисар. Отсюда они пешком перегонялись через гору..., там их рядами устанавливали у свежевырытых могил, расстреливали и сбрасывали в могилы».

В подтверждение того, что преступный способ заложничества получил в Югославии самое широкое распространение, правительство Югославии предъявило ряд подлинников и заверенных фотокопий различных документов.

Я предъявляю под № СССР-256а подлинник «Объявления» от 12 августа 1941 г., в котором сообщается о расстреле 10 заложников. Отпечатанный плакат подписан германским полицейским комиссаром в Лашко (Лаак) Храдецким.

Далее я представляю под № СССР-148 заверенную фотокопию «Объявления» о расстреле 57 лиц. Этот плакат датирован 13 ноября 1941 г. и подписан Кучерой. Следом за ним я представляю под № СССР-144 заверенную фотокопию «Объявления» от 21 января 1942 г. о расстреле 15 заложников. Плакат подписан Розенером.

Далее я представляю под № СССР-145 заверенную фотокопию «Объявления» 1942 года (месяц не известен) о расстреле 51 заложника. Плакат подписан тоже Розенером. Далее я представляю под № СССР-146 подлинник «Объявления» от 31 марта 1942 г. о расстреле 29 заложников. Отпечатанный плакат подписан также Розенером. Далее я представляю под № СССР-147

заверенную фотокопию «Объявления», согласно которому 1 июля 1942 г. расстреляно 29 заложников.

Я считаю, что комплекс этих документов может убедить в том, что заложничество применялось немецко-фашистскими преступниками в Югославии чрезвычайно широко.

Я представляю Трибуналу под № СССР-364 выдержку из сообщения № 6 Югославской государственной комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целье (Целли) на крючьях, на которых мясники вывешивают мясо. В Мариборе каждые 5 из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти 5 человек расстреливались и следующие 5 были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось непрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текущей с грузовиков. Число в 50 тысяч убитых кажется слишком малым, так как каждый раз расстреливались многие сотни, в Грацце даже по 500 человек».

Я представляю Международному Военному Трибуналу доклад правительства Греческой Республики, доклад этот заверен должным образом и подписан послом Греции в Великобритании, а также британским Министерством иностранных дел.

Война Греции была объявлена Германией 6 апреля 1941 г.

Уже 31 мая германский командующий в Афинах издал откровенно террористический приказ, направленный против мирного населения Греции.

Непосредственным поводом к изданию этого приказа послужило то, что 30 мая 1941 г. греческие патриоты сорвали свастику с Акрополя.

Я привожу извлечение из этого приказа командующего немецкими вооруженными силами в Греции, цитируя доклад правительства Греции:

«...За то, что в ночь с 30 на 31 мая немецкий военный флаг, развевавшийся над Акрополем, был сорван неизвестными лицами, виновные в совершении этого акта, а также их сообщники подлежат смертной казни...»

С этого времени в Греции устанавливается тот же режим немецко-фашистского террора, который характеризует действия гитлеровских преступников на всех оккупированных ими территориях.

В нарушение статьи 50 Гаагских правил они систематически наказывали невинных, строго придерживаясь при этом принципа, что за действия, совершенные отдельными лицами, ответственность должно нести все население в целом.

Обрекая население на голодную смерть, они использовали это как средство для оказания давления, для ослабления сопро-

тивления со стороны греческого народа... Очень немногие судились военным трибуналом, но и в тех случаях, когда такие суды назначались, они были какой-то пародией на суд. Они проводили политику репрессий, включая захват и убийство заложников, массовые убийства, разорение и опустошение деревень в качестве контрмер за действия, совершенные неизвестными лицами в окрестностях этих деревень.

Таким образом, подавляющее большинство тех, кто был казнен в качестве репрессий, были без разбора взяты из тюрем и лагерей, без какого-либо отношения к действиям, за которые они были казнены. Жизнь каждого гражданина зависела от произвольного решения местного командира. Мне кажется, что будет правильным считать одним из звеньев этого террористического режима немецких фашистов, установленного в Греции, умерщвление многих тысяч людей голодом. В докладе правительства Греции сказано следующее:

«Без сомнения, огромное большинство населения Греции в течение трех лет жило на грани голодной смерти. Тысячам людей Греции пришлось терпеть настоящий голод, пока они, наконец, получили помощь, доставленную по морю. Результатом явилось повышение смертности на 500—600 процентов в столице и на 800—1000 процентов на островах за период с октября 1941 года по апрель 1942 года, 25 процентов новорожденных детей погибло, причем здоровье выживших было значительно подорвано».

В докладе правительства Греции приводятся извлечения из отчета нейтральных миссий. Я приведу одно из этих извлечений:

«В течение зимы 1941—1942 гг., когда в столице царил голод, условия в провинции были еще терпимыми. Но во время следующего года, когда свободный рынок поглотил все запасы Канады в помощь наиболее крупным городам, положение значительно изменилось. Во время наших первых поездок по расследованию общего положения в марте 1943 года мы знакомились с людьми, которые, буквально плача, просили хлеба. Население многих деревень питалось только заменителем, приготовленным из муки, диких груш и желудей, — пищей, пригодной для свиней. Во многих районах люди с декабря не видели хлеба. Нас приглашали в дома и показывали пустые полки и кладовые. Мы видели, как люди варили траву без масла и ели только для того, чтобы чем-нибудь наполнить себе желудок. Население наиболее бедных деревень было исключительно истощено. В особенности в жалком состоянии находились дети, с тощими конечностями и опухшими животами. Они были лишены присущей детям подвижности и жизнерадостности. То, что половина детей была не в состоянии ходить в школу, представляло собой весьма обычное явление». (Отчет шведской делегации в январе 1944 года.)

Расстрелы заложников приобрели в Греции с первых недель оккупации ее немецко-фашистскими вооруженными силами самое широкое распространение. Я цитирую по этому поводу доклад правительства Греции:

«Заложников брали без всякого разбора и из всех слоев населения. Политические деятели, профессора, ученые, адвокаты., офицеры, гражданские служащие, духовенство, рабочие, женщины — все были помещены под рубрику «подозрительные» или «коммунисты» и заключались в местные тюрьмы или концлагеря. На допросах заключенных подвергали различного рода утонченным пыткам. Заложников концентрировали в местах заключения, где арестованным создавался совершенно невыносимый режим...

Заключенных морили голодом, избивали и пытали, заставляли жить в совершенно нечеловеческих условиях, не оказывали им никакой медицинской или санитарной помощи, отдавали в распоряжение утонченных садистов охраны СС. Многие были расстреляны или повешены, многие умерли от жестокого обращения, голода, и лишь очень немногие были освобождены и дожили до того дня, когда пришло освобождение их родины. Заложников увозили в концлагеря в Германию. Так, определенное количество греков содержалось в лагерях в Бухенвальде, Дахау и т. д.»

В докладе приводятся итоговые цифры убитых заложников: «Около 91 тысячи заложников было расстреляно».

Сейчас я прошу Суд обратить внимание на документ, трактующий о колоссальных масштабах уничтожения советских людей на временно оккупированных районах Союза ССР. В подтверждение этого я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области. Я предъявляю этот документ под № СССР-45 и оглашаю заключение судебно-медицинской экспертизы трупов, извлеченных из мест захоронения немцами мирных советских граждан.

«1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвленных немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них:

а) в городе Ровно по Белой улице у дровяного склада	49 000
б) в городе Ровно по Белой улице на огороде	32 500
в) в селе Сосенки	17 500
г) в карьерах у села Выдумка	3 000
д) на территории тюрьмы города Ровно	500.

Я прошу Суд обратить внимание на то, что в последующем тексте содержатся указания на распределение определенных способов умерщвления людей, применяемых преступниками, по

отдельным периодам времени. Так, массовые расстрелы, как видно из следующих далее пунктов «а», «б» и «в», относились к 1941, 1942 годам. Умерщвление мирных граждан путем отравления угарным газом в душегубках, как видно из пункта «г», относилось к 1943 году. Расстрелы с последующим сожжением трупов относились к 1943 году, и расстрелы в тюрьме относились к 1944 году.

«...18 марта 1943 г. ровенская газета немецких оккупантов «Вольнь» опубликовала следующее извещение:

«8 марта 1943 г. пытались убежать заключенные Ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полицией безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

В ноябре 1943 года неизвестным лицом был убит немецкий областной судья. В ответ на это гитлеровцы опять расстреляли свыше 350 заключенных, содержащихся в Ровенской тюрьме».

Я не буду приводить более примеров расстрела заключенных в тюрьмах, ибо в тех кинодокументах, которые будут предъявлены Суду, уважаемые судьи найдут ряд подобного рода преступлений гитлеровских захватчиков, совершенных на территории СССР.

Перехожу к следующему разделу своего доклада.

Уничтожение в виде репрессий населения деревень

В бесконечном ряду злодеяний германского фашизма есть такие, которые надолго, может быть навсегда, останутся в памяти негодующего человечества, хотя оно и узнало затем о неизмеримо больших преступлениях нацизма.

К числу таких преступлений нацистов относятся уничтожение ими маленькой чехословацкой деревни Лидице и зверская расправа с населением этой деревни.

Много раз еще в более жестоких формах судьба Лидице была повторена на территориях Советского Союза, Югославии, Польши. Но мир помнит Лидице и не забудет о ней. Эта маленькая деревня стала символом преступлений нацизма.

Уничтожение Лидице было произведено нацистами в виде репрессии за справедливое убийство патриотами протектора Чехии Гейдриха.

Главный обвинитель от СССР, говоря о Лидице, привел официальное сообщение немцев об этом акте террора из газеты «Дер нейес Таг» от 11 июня 1942 г.

Приведу очень краткие извлечения из доклада правительства Чехословацкой Республики:

«9 июня 1942 г. деревня Лидице была окружена по приказанию гестапо солдатами, прибывшими из местечка Слани в 10 больших грузовиках. Они разрешали всем входить в деревню, но никому не позволяли из нее выходить. Двенадцатилетний мальчик пытался бежать. Солдат застрелил его на месте. Одна женщина хотела скрыться — пуля в спину сразила ее, и ее труп был найден в поле после снятия урожая. Гестапо потащило женщин и детей в школу.

10 июня было последним днем Лидице и ее обитателей. Мужчины были заперты в погребе, гумне и конюшне фермы семьи Горак. Они предвидели свою участь и спокойно ожидали ее. Семидесятитрехлетний священник Штерибек поддерживал их молитвами...

Мужчины были выведены из фермы Горака в сад за гумном и расстреляны по десяти человек. Убийства продолжались от утра до четырех часов дня. Затем палачи сфотографировались на месте казни у трупов...

Судьба мужского населения была ужасна: 172 взрослых мужчин и юношей от 16 лет были расстреляны 10 июня 1942 г., 19 человек, работавших в шахтах Кладно, были спустя некоторое время схвачены в шахтах или в ближайших лесах и расстреляны в Праге.

7 женщин из Лидице были расстреляны в Праге. Остальные 195 женщин были сосланы в концлагерь Равенсбрюка, 42 умерли от плохого обращения, 7 погибли в душегубках, а 3 пропали без вести.

4 женщины из Лидице были отвезены в родильные дома в Праге, новорожденные дети были убиты, а женщины посланы в Равенсбрюк.

Дети из Лидице были отняты у матерей несколько дней спустя после разрушения деревни. 90 детей было послано в Лодзь, в Польшу, а оттуда в концлагерь Гнейзнау (так называемый «Бартоланд»). До сих пор не найдены следы этих людей. Семь самых младших (до года) были отвезены в немецкую детскую больницу в Праге и после осмотра «расовыми экспертами» отосланы в Германию. Они должны были быть воспитаны как немцы и получили немецкие имена. Все следы их потеряны.

Два или три ребенка родились в концлагере Равенсбрюк. Они были убиты немедленно после рождения».

Много советских деревень повторили затем судьбу Лидице. Много мирных жителей этих деревень погибли в страданиях, еще более тяжких, сжигаемые заживо или сделавшиеся жертвами иных мучительных казней.

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захват-

чиков в Литовской Советской Социалистической Республике. Из этого Сообщения я цитирую всего один абзац:

«3 июня 1944 г. в деревню Перчюпе Тракайского уезда ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горящие дома. Так было сожжено все население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и (я особенно подчеркиваю последнюю фразу) 69 детей».

Я представляю под № СССР-279 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и городе Ржеве Калининской области.

Я хотел бы шире цитировать это Сообщение, но ограничусь очень немногими местами, опять-таки в целях сокращения времени и избежания частностей:

«...В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Зайкова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других — всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

...При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 года помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей (там указаны далее названия деревень), закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек...

...В деревнях Куликово и Колесники Гжатского района фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика».

Я прошу принять документ, который привожу как доказательство за № СССР-119, это заверенный фотостат отчетов 15-го немецкого полицейского полка. Среди этих документов мы находим «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 сентября по 26 сентября 1942 г.».

Из этого документа с бесспорностью устанавливается, что под видом борьбы с партизанами гитлеровские преступники безжалостно уничтожали мирное население советских деревень:

«1. Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка.

2. Силы: 2 взвода полицейских, 1 жандармский взвод (мотор 16) и 1 танковый взвод (я подчеркиваю, господа судь, что в составе этой экспедиции находился танковый взвод) из Березы-Картуской».

Против кого же применялись эти танковые силы и полиция? Ответ на это находим в следующем разделе этого отчета:

«3. Исполнение: Рота собралась вечером 22 сентября в Дывине. В ночь с 22 на 23 сентября 1942 г. последовал марш из Дывина по направлению к Борисовке. К четырем часам утра деревня была окружена с севера и с юга двумя взводами. С рассветом староста в Борисовке собрал все население. После проверки населения, при содействии полиции безопасности и СД из Дывина, 5 семейств были переселены в Дывин. Остальные были расстреляны особо выделенной командой, похоронены в 500 метрах северо-восточнее Борисовки. Всего было расстреляно 169 человек, из них 49 мужчин, 97 женщин и 23 ребенка».

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в Сталинской области. Документ под № СССР-2.

До сих пор я приводил доказательства того, что в селах немцы производили преступное уничтожение советского населения путем сожжения заживо. В этом Сообщении мы находим подтверждение того, что заживо сжигались люди и в городах:

«...В городе Сталино немецкие захватчики сожгли жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 г. специальная комиссия... произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп».

С первых же дней войны против СССР немецко-фашистский террор в отношении мирного населения принял чудовищные формы. Это отмечали в своих сообщениях даже некоторые немецкие офицеры, участники первой мировой войны, подчеркивавшие, что даже при жестокости той войны они тем не менее не встречали ничего подобного.

Я вновь обращаюсь к немецкому документу и предъявляю Суду за № СССР-293 заверенные фотостаты «донесения» бывшего командира 528-го полка майора Рэслера и отношения начальника 9-го армейского округа Ширвиндта. Так как документ достаточно интересен, я позволю себе его огласить почти целиком:

«Кассель, 3 января 1942 г.

Донесение

Порученное мне 52-м запасным полком дело «Поведение по отношению к гражданскому населению на Востоке» дает мне повод доложить следующее:

В конце июля 1941 года 528-й пехотный полк, которым я в то время командовал, находился в пути с Запада на Житомир, где должен был расквартироваться на отдых. Когда я

вместе со своим штабом в день расквартирования пришел в расположение своего штаба, то мы слышали недалеко от нас винтовочные залпы, следовавшие один за другим через определенные интервалы, а через некоторое время вслед за этим раздались выстрелы из пистолетов. Я решил узнать, в чем дело, и отправился на поиски вместе с адъютантом и офицером-ординарцем (обер-лейтенантом Бассевицем и лейтенантом Мюллер-Бродманом) в направлении выстрелов. Вскоре мы почувствовали, что здесь должно было происходить что-то ужасное, так как через некоторое время мы увидели множество солдат и лиц из гражданского населения, устремившихся по железнодорожной насыпи, за которой, как нам сказали, происходили массовые расстрелы. Сначала мы долгое время не могли попасть по ту сторону насыпи, однако мы слышали через какой-то определенный промежуток времени свисток, а вслед за этим около 10 винтовочных залпов, чередовавшихся с пистолетными выстрелами. Когда мы, наконец, вскарабкались на насыпь, нашим глазам представилась страшная, душераздирающая картина. В углу была вырыта яма, около 7—8 метров длиной и 4 метров шириной, а на одном краю ямы лежала пластами земля. Эта земля и вся стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Вся яма была заполнена человеческими трупами мужчин и женщин всех возрастов. Трупов было так много, что нельзя было определить глубину ямы. За насыпанным валом стояла команда полиции под руководством полицейского офицера. На форме полицейских были следы крови. Кругом стояло множество солдат только что расквартированных частей; некоторые из них были в трусах, как зрители, там же было много гражданского населения — женщин и детей. Картина была настолько страшной, что я не могу ее до сих пор забыть. Особенно врезалась в память сцена, как в этой могиле лежал какой-то старый человек с длинной седой бородой, в его левой руке была зажата трость. Так как этот человек, судя по прерывистому дыханию, еще был жив, я приказал одному из полицейских убить его, на что тот ответил с улыбкой: «Я ему уже семь раз выстрелил в живот, он уже теперь сам должен подохнуть». Убитые в могиле лежали не рядами, а вповалку, так, как они падали сверху в яму. Все эти люди были убиты выстрелом в затылок из винтовки, а потом в яме добивались выстрелами из пистолетов.

Я не видел ничего подобного ни в мировую войну, ни в русскую, ни во французскую кампанию этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1919 году, но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного...

Я хочу добавить, что по рассказам солдат, которые часто видели подобные сцены, видимо, таким способом ежедневно убивалось несколько сот человек.

Рэслер».

Характерно также отношение заместителя командующего 9-м армейским корпусом и начальника 9-го военного округа, который отправил донесение Рэслера начальнику вооружения и комплектования армии в Берлин:

«Содержание: Зверства над гражданским населением на Востоке.

В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены.

При сем препровождаю донесение майора Рэслера, которое полностью подтверждает эти слухи».

И очень характерна последняя фраза:

«Если подобные действия будут происходить открыто, то они станут известны на родине и будут подвергнуты обсуждению».

Ширвицдт».

Я представляю Суду документ под № СССР-297. Это заверенный фотостат одного из отношений начальника полиции безопасности и СД, запрещающих фотографирование массовых казней, которые назывались экзекуциями.

«Рейхсфюрер СС приказом от 12 ноября 1941 г. за № 1481 запретил фотографирование экзекуций и распорядился, поскольку такие снимки нужны для служебных надобностей, собирать все фотодокументы в архив...

Руководитель оперативной группы и зондеркоманды или командир роты войск СС и командир взвода военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, фильмы и копии не оставались в руках отдельных лиц оперативной службы».

Считаю, что предъявлены достаточные доказательства того, что самое высшее полицейское начальство было обеспокоено тем, что частые съемки немецко-фашистскими преступниками экзекуций или массовых казней создают доказательства этих преступлений.

Разрешите мне перейти ко второму разделу, озаглавленному «Массовое уничтожение немецкими фашистами советских граждан и граждан Польши, Югославии, Чехословакии».

Массовые уничтожения мирных жителей Советского Союза и стран Восточной Европы осуществлялись немецко-фашистскими преступниками повсеместно и, как видно из их офи-

Повешенные гитлеровцами мирные советские граждане на балконах Жолковской улицы г. Львова

(немецкий снимок, захвачен в помещении гестапо г. Львова в июле 1944 года передовыми частями Советской Армии).

(Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

Повешенные гитлеровцами мирные советские граждане на базарной площади в центре г. Львова

(немецкий снимок, захвачен в помещении гестапо г. Львова в июле 1944 года передовыми частями Советской Армии).

(Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

циальных распоряжений и донесений об исполнении казней, проводились в целях:

1. Физического устранения тех слоев населения, которых они считали способными к сопротивлению.
2. По расовым мотивам для осуществления положений челоноконенавистнической расовой теории.
3. В виде репрессий.
4. Якобы «для борьбы с партизанами», которых немецкие фашисты изловить и уничтожить не могли, а поэтому обрушивали тяжесть репрессий на мирное население.

Особо жестокими в системе гитлеровского террора были казни детей. Применение особо мучительных способов умерщвления детей является одной из основных и наиболее отвратительных особенностей гитлеровского террористического режима на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Начиная от Гимmlера до Кейтеля, гитлеровцы неизменно предписывали подчиненным бесчеловечные, бессмысленные по жестокости убийства детей.

Гимmlер говорил:

«Если кто-либо придет ко мне и скажет: «Я не могу строить противотанковые рвы с детьми или женщинами. Это бесчеловечно, ибо они умрут», — то я скажу: «Ты убийца своей крови».

Многочисленными расследованиями немецко-фашистских зверств в Советском Союзе с бесспорностью установлено, что при массовых расстрелах многих детей бросали в ямы живыми.

В подтверждение этого я обращаюсь к официальным документам.

Я прошу Суд обратить внимание на документ под № СССР-46. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области.

«...Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьмах совершались так: мужчины ставились лицом к стенке, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры, и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю, и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, обернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми».

Далее ссылаюсь на документ под № СССР-1. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае.

«...При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги..., была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп четырехмесячной девочки насильственных признаков смерти не имел, ребенок был брошен в овраг живым и погиб от удушья... При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний...»

Позволю сослаться далее на приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта, предъявленный ранее мною Суду за № СССР-32.

Я ссылаюсь на показания свидетеля Беспалова.

Беспалов показывает: «С конца июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10—12 грузовых автомашин до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе металась из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками и ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, среди которых были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам.

В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали».

Документ под № СССР-9 представляет собой Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву:

«...Гитлеровские бандиты согноли 29 сентября 1941 г. на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, ото-

брали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями... «Было заметно, как слой земли шевелился от движения еще живых людей»...

Таким образом, это были не отдельные случаи, а система. Насаждая бесчеловечный террор по отношению к детям, главари германского фашизма понимали, что эта форма устрашения будет особенно ужасна для оставшихся в живых. Сострадание к слабым и беззащитным является неотъемлемым свойством человечности. Умерщвления особенно жестокими способами детей, немецко-фашистские злодеи показывали мирному населению, что нет преступлений, перед которыми остановились бы они при «замирении» оккупированных районов.

Дети не просто разделяли участь своих родителей. Зачастую массовые так называемые «акции» немцев обрушивались непосредственно на них. При этом детей насильственно отделяли от родных, сосредоточивали в одном месте, а затем умерщвляли.

Я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецких заговорщиков в Латвии:

«...В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2 тысяч детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском лагере — более 3 тысяч детей».

Какими жестокими способами немцы отбирали детей у заключенных в тюрьмы, лагеря или гетто родителей (обычно это предшествовало умерщвлению детей), Суду будет видно из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литве (документ под № СССР-7):

«...В начале 1944 года немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунас Владислав Блюм показал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: «Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!» «Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и пойте все зверства, которые произошли в XX веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет, и я ко всему безразлична».

Я ссылаюсь, далее, на предъявленный Суду документ под № СССР-63-4. Это акт об издевательствах и о расстреле детей Домачевского детского дома в Брестской области БССР:

«По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района Прокопчук приказал бывшей заведующей детским домом Павлюк А. П. отравить больного ребенка Ренклах Лену, 12 лет. После того, как Павлюк отказалась отравить ребенка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома, якобы при попытке к бегству.

В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 году 11 детей было роздано на воспитание местным жителям и 16 детей взяты родственниками».

Вот дальнейшая судьба этих детей.

«23 сентября 1942 г. к 7 часам вечера во двор детского дома прибыла пятитонная автомашина с шестью вооруженными немцами в военной форме. Старший из группы немцев, Макс, объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать детей в кузов автомашины. В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская. Шахматова Тося, 9 лет, слезла с машины и убежала, а все остальные 54 ребенка и воспитательница Грохольская были вывезены в направлении ст. Дубица, в 1,5 километрах от деревни Леплевка. На пограничной дерево-земляной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг, автомашина с детьми остановилась. Дети были раздеты, о чем свидетельствует наличие детского белья на взвратившейся автомашине в Домачево, и расстреляны».

Материалами расследований установлено, что при массовых казнях детей разрывали надвое и бросали в огонь.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на показания свидетеля Хамайдаса — уроженца села Лисинчи Львовской области, заключенного немцами в Яновский лагерь во Львове.

Хамайдас занимался в этом лагере тем, что по приказу немецких преступников сжигал трупы расстрелянных. Одновременно он был очевидцем массовых расстрелов мирного населения — мужчин, женщин и детей. Показания Хамайдаса, наряду с другими документами по Львовским лагерям, уже предъявлены Суду под № СССР-6:

«Я был очевидцем таких фактов, когда палач брал детей за ноги, разрывал живьем и бросал в огонь».

Расстреливая родителей, немецко-фашистские убийцы не считали нужным тратить патроны на детей. Если они не бросали детей живыми в ямы-могилы, то умерщвляли их ударами тяжелых предметов или ударами о землю.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на предъявленный уже Суду под № СССР-6 в числе других документов акт судебно-

медицинской экспертизы, которая была проведена по эксгумации трупов в Яновском лагере. Из выводов я цитирую всего две строки.

«На детей палачи не считали нужным тратить боеприпасы, они просто уничтожали их ударами по голове тупым предметом».

Я прошу разрешения Суда огласить второй абзац из ноты Народного комиссара иностранных дел Союза ССР от 27 апреля 1942 г.:

«Оккупанты подвергают детей и подростков самым зверским пыткам. Среди раненых и изувеченных пытками 160 детей — жертв гитлеровского террора в освобожденных ныне районах Московской области, находящихся на излечении в Русаковской больнице города Москвы, имеется, например, четырнадцатилетний мальчик Ваня Громов из деревни Новинки, которому гитлеровцы отпилили ржавой пилой правую руку, предварительно привязав его ремнями к стулу. У двенадцатилетнего Вани Крюкова из деревни Крюково Курской области немцы отрубили кисти обеих рук и, истекающего кровью, погнали в сторону расположения советских войск».

Детей травили окисью углерода в немецких машинах — «душегубках».

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное Суду под № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ставропольском крае:

«...Установлено, что в декабре 1942 года по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния сотрудники детских санаториев, медицинская сестра Иванова С. Е. и санитарка Полупанова М. И. сообщили:

«22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжело больных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, — это были дети, которые не могли двигаться, и поэтому их не загоняли в машину, а укладывали ярусами, — затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначира».

Детей топили в открытом море.

В подтверждение этого я ссылаюсь на документ под № СССР-63 — «Акт о злодеяниях немцев в Севастополе».

«Гитлеровцы, наряду с массовыми расстрелами, практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный обер-ефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2-19 МКА (Морская транспортная рота) показал:

«Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стояли плач и вопли.

Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт».

Огонь тяжелых артиллерийских батарей немецко-фашистские преступники сознательно обрушивали на школы, детские ясли, больницы и другие детские учреждения блокированного ими Ленинграда. Я представляю Трибуналу итоговый доклад Ленинградской комиссии по расследованию немецких злодеяний под № СССР-85. Я лишь обращаю внимание Суда на перечень объектов, подвергавшихся немецкому обстрелу, о чем свидетельствуют журналы боевых действий самих немцев. Вот некоторые из этих объектов: № 736 — школа в Бабуринском переулке, № 708 — Институт охраны материнства и младенчества, № 192 — Дворец пионеров.

Я привожу далее небольшой отрывок из показаний директора школы № 218 по улице Рубинштейна, 13. Он сообщает:

«18 мая 1942 г. школа № 218 пострадала от артиллерийского обстрела... Двенадцатилетний мальчик Леня Изаров убит. Маленькая девочка Дора Бинамова побледнела, стонет от боли: «Мамочка, как же я буду без ножки», — говорит она. Генделев Лева истекает кровью. Ему оказывают помощь, но она уже не нужна. Со словами «проклятый Гитлер» он умирает в руках у своей матери. Тяжело раненный Кутарев Женя просит не расстраивать отца, у которого большое сердце. Преподаватели школы и старшие школьники оказывают помощь пострадавшим».

Предъявляю Трибуналу под № СССР-8 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Я цитирую несколько кратких извлечений из раздела, озаглавленного «Убийцы детей»:

«Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнурили на тяжелых физиче-

ских работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорфа (Германия), показала: «В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Прошу обратить внимание на фотодокументы по Освенциму. Там засняты двенадцатилетний мальчик Цимлих и тринадцатилетний мальчик Мангель. Суд может увидеть, каковы были телесные повреждения, полученные этими детьми от обмороживания. Продолжаю:

«Девятилетний мальчик Леринциакос Андраш, уроженец города Клеза (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

...Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52 человека, от 8 до 15 — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т. д.»

Я предъявляю, далее, Суду документ под № СССР-92. Это директива управления питанием и сельским хозяйством, озаглавленная «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности». Документ я привожу в подтверждение того, что в злобной ненависти к славянским народам немецко-фашистские преступники стремились умертвить детей еще в утробе матери:

«За последнее время наблюдается значительный рост деторождаемости среди женщин не немецкой национальности. Вслед-

ствие этого возникают трудности не только при использовании на работах, но и еще в большей степени появляется опасность социально-политического характера, которую нельзя недооценивать...

Простейшей борьбой с этими трудностями явится то, чтобы возможно скорее оповестить о беременных женщинах не немецкой национальности те учреждения, которые их используют на работе».

Обращаю особое внимание на последнюю фразу: «Эти учреждения должны попытаться заставить женщин избавиться от детей оперативным путем».

Анализ материалов, связанных с гитлеровским террором в странах Восточной Европы, свидетельствует о том, что преступления, совершенные гитлеровцами в отношении детей, навсегда останутся позорнейшей страницей истории немецкого фашизма.

В первой части раздела моего доклада, посвященной массовым акциям немцев, я говорил специально об уничтожении детей, о тех зверских приемах, которые были применены немцами для этого, ибо террор в отношении детей, наиболее зверские и жестокие формы этого террора являются одной из характернейших черт немецко-фашистского террора.

Я перехожу к предъявлению Суду доказательств массового уничтожения людей в различных странах Восточной Европы. Предъявляю Суду краткие извлечения из доклада Польского правительства. Там описывается так называемое Аннинское избиение:

«В конце декабря 1939 года польский полицейский был застрелен в окрестностях Варшавы бандитом. Следствие показало, что виновник находится в ресторане в Вавере, вблизи Варшавы. Когда они входили в ресторан, он открыл огонь, убив, по-видимому, одного из них и ранив другого.

В ответ на это немецкие власти приказали 26 декабря 1939 г. предпринять репрессии, и карательная экспедиция явилась в деревню.

Отряд ландесшютцен под командой офицера направился в Вавер и в дачную местность Аннин. Обе местности были окружены цепью солдат. Владелец ресторана, в котором случилось описанное выше, был немедленно повешен, и его тело оставалось висеть перед его домом в течение трех дней. В то же время мужское население вытаскивалось поочередно из всех домов. Собрав таким образом около 170 человек, немцы приказали им стоять на станции железной дороги лицом к стене с руками, заложеными на голову, в течение нескольких часов. После проверки документов некоторые из них были отпущены, но огром-

ному большинству объявили, что они будут казнены. После чего их увели в поле, разделили на группы по 10—14 человек и расстреляли пулеметными залпами. Число отдельных могил, найденных на месте казни, доходило до 107. Среди казненных были 2 доктора, 30 юношей моложе 16 лет, 12 стариков свыше 60 лет. Один из них был американским гражданином польского происхождения; его застрелили вместе с сыном...

В Тухольском дистрикте хозяйство фольксдейче Фритца, находящееся близ города Прецина, кем-то было сожжено ночью с 21 на 22 октября; у фольксдейче Фритца случился сердечный приступ. По приказу начальника гражданской администрации в эту местность была направлена карательная экспедиция для расправы с населением. В качестве репрессии 10 поляков, известных своим враждебным отношением к Германии, были расстреляны. Сверх того, польскому населению в окрестности было приказано вновь построить сожженные здания и возместить причиненный ущерб...

В половине января 1940 года семья немецких колонистов в деревне Юзефув была ограблена и убита, как об этом сообщалось в немецких газетах, бандитами. Но карательная экспедиция отправилась в Юзефув против населения...

Экспедиция приступила к проведению дальнейших избиений. Все мужчины, которых удалось поймать в Юзефове и в окрестности, даже одиннадцатилетние мальчики, были арестованы и застрелены на месте. Всего убитых было 300 человек».

В крайне жестоких формах совершалось массовое уничтожение мирных жителей в Югославии.

Я прошу приобщить в качестве доказательства под № СССР-188 фотокопию приказа генерал-лейтенанта Нейтхольда. Я привожу то место из этого приказа, которое цитируется в докладе правительства Югославии:

«Населенные пункты Загнезье и Удор должны быть уничтожены. Мужское население этих населенных пунктов повесить, женщин и детей увезти в Столяц».

В подтверждение сообщения правительства Югославии мы передаем Трибуналу заверенную фотокопию сообщения немецкой гарнизонной комендатуры в Крагуеваце, где сама гарнизонная комендатура немцев признает расстрел 2300 лиц. Документ представляется Трибуналу под № СССР-74:

«Это было массовое убийство, совершенное 21 октября 1944 г. в Крагуеваце германской карательной экспедицией под командованием майора Кенига. Кроме Кенига, в организации и осуществлении этого преступления принимали участие районный комендант Бишофсгаузен, комендант населенного пункта доктор Циммерманн и другие.

Еще за 10—15 дней до совершения преступления в Крагуевац прибыл в качестве подкрепления германского гарнизона один батальон.

Прежде всего были уничтожены деревни Мешковац, Марсич и Грошница — в окрестностях Крагуеваца. В Мешковаце карательная экспедиция уничтожила 66 человек, в Марсиче — 101 человека, в Грошнице — 100 человек. Все убитые были мирными жителями упомянутых деревень.

Когда после этих преступлений карательная экспедиция прибыла в Крагуевац, немцы приступили к осуществлению плана уничтожения граждан Крагуеваца, в особенности сербской интеллигенции. Уже в начале октября районный комендант доктор Циммерманн потребовал от директоров школ в Крагуеваце, чтобы школьники регулярно посещали занятия, в противном случае их будут считать саботажниками и расстреливать. После такой угрозы все школьники регулярно ходили на школьные занятия. 18 октября 1941 г. согласно составленному списку были арестованы все мужчины-евреи, а также все те, кого считали коммунистами, и заключены в бараки бывшей югославской автотранспортной комендатуры в Становленске Поле. Здесь их продержали без всякой пищи до 20 октября и всех расстреляли около 18 часов. Их было около 60 человек. В тот же день, 20 октября начинается сбор всего мужского населения Крагуеваца. После того, как все выходы из города были закрыты, немцы ворвались во все общественные здания и вывели всех чиновников. Затем были выведены из гимназии и учительской семинарии все профессора и ученики с пятого класса и выше вместе с директорами школ...

Наряду с остальными в казармы были переведены все заключенные Крагуевацкой тюрьмы.

Затем им был отдан приказ выйти во двор казармы. Здесь у них были отняты все вещи. Первыми были расстреляны тюремные заключенные, приблизительно 50 человек. Остальные были заперты в бараке. На следующий день, 21 октября, начиная с 7 часов утра, их группами выводили в так называемое Становленске Поле и расстреливали из пулеметов. Тех, кто сразу не умирал, немцы расстреливали из автоматов и винтовок...

Родственникам жертв этого массового побоища было запрещено посещение места расстрела до тех пор, пока не было закончено погребение жертв и не были уничтожены все следы. Родственникам также было запрещено служить панихиды по расстрелянным. В объявлениях о смерти запрещалось сообщать о расстреле, как о причине смерти.

Прошу судей обратить внимание лишь на короткую выдержку из доклада правительства Югославии, которая посвя-

щена получившему зловещую славу так называемому «кровавому маршу» в местечке Ерак.

«В начале сентября 1941 года крупная германская карательная экспедиция собрала все мужское население Шабаца от 14 до 70 лет и погнала его из Шабаца через реку Саву в местечко Ерак. Это был так называемый «кровавый марш». Около 5 тысяч человек должны были бегом преодолеть расстояние в 23 километра туда и обратно. Те, кто не мог выдержать и по дороге отставал, были беспощадно расстреляны на месте. Ввиду того, что было много старых и слабых, число жертв было очень велико, в особенности при переходе моста через Саву...

На обратном пути они встретили другую группу, состоявшую из 800 крестьян, которые должны были проделать тот же путь, обращение с которыми, однако, было еще более жестоким. Они были вынуждены идти с поднятыми руками и бежать, причем в дороге их систематически умерщвляли. Из них только 300 человек добрались живыми до Ерака».

Прошу Трибунал принять в качестве доказательства публичное объявление главнокомандующего немецкими войсками в Сербии. Этот документ представляется под № СССР-200. В нем главнокомандующий доводит до сведения о следующем:

«...В деревне Скела коммунистический отряд обстрелял немецкий военный грузовик. Было установлено, что несколько жителей наблюдали и видели подготовку к этому нападению. Установлено, что эти жители имели возможность поднять тревогу в ближайшем месте расположения сербской жандармерии. Установлено, что жители деревни незаметно могли поставить в известность германские военные машины о подготовляемом покушении на них. Они не воспользовались этой возможностью и, таким образом, оказались на стороне преступников. Деревня Скела сожжена дотла. В отдельных домах во время пожара взрывались боеприпасы. Этим доказано соучастие жителей деревни. Все живущие в этой деревне лица мужского пола расстреляны, 50 коммунистов повешены на месте...»

Прошу Суд обратить внимание на краткие извлечения из доклада правительства Греции, из которых видно, что к таким же бесчеловечным преступным приемам массовых расстрелов гитлеровские преступники прибегали и на территории временно оккупированной ими Греции.

«Как только Крит был оккупирован... был совершен первый репрессивный акт и несколько человек, в большинстве случаев совершенно невиновных, были расстреляны в деревнях Скики, Брасси и Канадес. Деревни были сожжены дотла в качестве возмездия, произведенного сотрудниками местной полиции во время нападения на остров Крит. На местах, где были эти селения, были установлены столбы с надписями на греческом и

немецком языках: «Уничтожено в качестве возмездия за зверское убийство взвода парашютистов и полувзвода саперов вооруженными мужчинами и женщинами из тыловых районов».

Репрессивные меры, носившие вначале временный характер, постепенно все более и более усиливались, в особенности после того сопротивления, которое было оказано организованными партизанскими отрядами по всей стране в начале 1943 года. Техника была всюду одна и та же. На следующий день после саботажа или какого-либо действия, совершенного партизанами вблизи деревни, там появлялись немецкие войска. Население стогнали к центральной площади или в другое подходящее к случаю место якобы для прослушивания объявления и там расстреливали из пулеметов. Вслед за этим немцы или сжигали, или в некоторых случаях обстреливали деревню, предварительно разграбив ее. Они убивали людей прямо на улицах, в домах, на полях, независимо от пола и возраста. Были случаи, когда расстрелу подвергались только лица мужского пола в возрасте от 16 лет и старше. В других случаях, когда мужчины успевали скрыться в горах, немцы казнили стариков, женщин и детей, которые оставались в деревнях в надежде на то, что их возраст и пол послужат им защитой. Примером могут послужить деревни Арохово, Коловрита, Гестаном, Клессура, Коммена, Лисовоуне. Некоторые деревни подвергались разрушению по той лишь причине, что они находились в районе действий партизан.

Число убитых жителей достигает почти 30 тысяч человек».

Перехожу к представлению доказательств о массовом уничтожении немцами мирных граждан Советского Союза.

Об обстоятельствах массовых казней мы можем судить не только по показаниям очевидцев или исполнителей злодеяний.

Частично мы можем судить о них также по материалам судебно-медицинских экспертиз. Я говорю «частично», так как, начиная с 1943 года, боясь возмездия за совершенные злодеяния, гитлеровцы стали уничтожать следы преступлений, выкапывая и сжигая трупы, размалывая кости, разбрасывая по полям пепел сожженных и употребляя шлак, образовавшийся от сожжения тел, и костяную муку на засыпку дорог и удобрение полей.

Но несмотря на усилия преступников скрыть следы преступлений, было невозможно уничтожить все трупы умерщвленных ими людей.

Первые массовые «акции» немцев в Советском Союзе, когда были казнены одновременно десятки тысяч мирных невинных людей, — это «акции» в Киеве. Для того чтобы уяснить объем этих злодеяний, я прошу уважаемых судей обратиться к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии, уже предъявленному Суду под № СССР-9:

«...В Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру — свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.

3. В противотанковом рву у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.

4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.

5. На территории Киево-Печерской Лавры — около 500 мирных граждан.

6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан...

...В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС Топайде, сотрудник жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС Рэвер.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, В. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 г., показали: «В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова — слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500—3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12—15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега — 29 сентября — было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов».

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской ССР. В том месте, на которое я обращаю внимание Суда, указано, что гитлеровцы систематически производили расстрелы в Бикернекском лесу:

«В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Риги, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. Свидетельница Стабульnek М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: «В пятницу и в субботу перед пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные — женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств — у многих на лицах кровавые подтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы...» ...На месте расстрелов Комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5—7 километрах восточнее города Риги, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В. З. показал: «Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами. В 20-х числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые «беженцы», их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я, спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй!» Пули убийц прерывали крики».

Обращаю внимание Суда, что в этом лесу было расстреляно 38 тысяч жителей. Я прошу, далее, членов Суда обратиться к предъявленному уже ранее Суду под № СССР-47 Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области. Я привожу две выдержки из этого Сообщения:

«21 декабря 1941 г. румынские жандармы приступили к расстрелу заключенных в лагере. Заключенные выводились под охраной к полуразрушенному строению, находящемуся на опушке леса, ставились на колени на краю обрыва и расстреливались. С края обрыва убитые, а часто только раненые, па-

дали на дно оврага, где был сложен гигантский костер из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сбрасывали живыми в пламя этого костра. Сжигание трупов производилось круглые сутки...

...По предварительным данным, установленным Комиссией, немецкие оккупанты расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и в Одесской области до 200 тысяч человек...»

В подтверждение того, что при массовых казнях, так называемых «акциях», немецкие преступники зарывали в землю живых людей, я предъявляю Суду под № СССР-37 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии от 24 июня 1943 г.:

«...При раскопке ямы на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района, среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка.

Все расстрелянные были без обуви, а некоторые без одежды...

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными, и очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается гражданами, проходившими вблизи ямы вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля и был слышен глухой стон из могилы...»

В подтверждение этого же обстоятельства я прошу Суд приобщить к материалам процесса извлеченный из дел Чрезвычайной Государственной Комиссии подлинный протокол допроса свидетеля Василевича Иосифа Афанасьевича, допрошенного по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии прокурором города Станислава. Этот документ предъявляется под № СССР-346. Я привожу всего два абзаца из протокола этого допроса.

«...В начале 1943 года немцы жгли людей там, на кладбище, для чего туда были завезены дрова.

Были случаи, что в ямы бросали детей, женщин живыми и так их зарывали землей. Одна женщина, фамилии не знаю, просила офицера не расстреливать ее, и он ей дал слово, что расстреливать ее не будет, он даже сказал: «Даю офицерское слово, что расстреливать не буду», — а по окончании расстрела той партии, в которой была эта женщина, ее... взял сам этот офицер за руки и живой бросил в яму, и живую закопал».

Таким образом, в ряде случаев погребение людей заживо производилось преступниками умышленно, для придания особой жестокости своим действиям. В других случаях оно объяснялось тем, что убийцы даже не считали нужным проверить, умерщвлены ли уничтожаемые лица.

Исследование материалов эксгумации трупов из тех мест захоронений жертв, в которых немецкие фашисты не успели уничтожить следов преступлений путем сожжения мертвых тел, показывает, что в конце 1941 года и в 1942 году преступники не старались особо маскировать места расстрелов, несмотря даже на известные уже Суду инструкции фашистского центра о маскировке и сохранении в глубокой тайне так называемых «экзекуций».

Мне думается, что это объясняется тем, что немцы, потерпевшие отдельные поражения, все же были уверены в победе, а следовательно, и в безнаказанности. Я ссылаюсь на уже представленный в числе других документ под № СССР-2а — акт о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Сталинской области. Там имеется заключение судебно-медицинской экспертизы о зверствах, совершенных немецко-фашистскими преступниками на алебастровых карьерах в окрестностях города Артемовска Сталинской области:

«...В двух километрах к востоку от города Артемовска, в туннеле карьера Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой овальной пещерой. Вся пещера заполнена трупами людей; лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре ее свободны от трупов. Все они тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры».

Это характерно, потому что и здесь расстрелы производились тем же типичным немецким приемом — в затылочную область головы.

«Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел...»

По показаниям жителей города Артемовска, 9 февраля 1942 г. в заброшенную выработку алебастровых карьеров было занесено несколько тысяч людей, имевших с собой мелкие домашние вещи и продукты питания.

По мере того, как пещера заполнялась людьми, они расстреливались в стоячем либо в коленопреклоненном положении; пригонялась другая группа, которую убивали на груде трупов умирающих, и тела убитых нагромождались в несколько рядов.

Некоторые люди пытались убежать от убийств и, дав друг друга, погибли в ужасных мучениях...»

В период массовых «экзекуций» немецко-фашистские преступники выработали определенные приемы этих злодеяний. Мне хотелось бы привести некоторые, наиболее типичные из них, Суду потому, что по мере предъявления отдельных дока-

зательств мне думается, что Трибуналу станет очевидно, как преступно усвершенствовалась техника этих злодеяний и как все более и более цинично жестокими, я бы сказал жестоко продуманными, становились эти чудовищные преступления.

Суду уже был предъявлен под № СССР-48 акт судебно-медицинской экспертизы, произведенной в городе Смоленске при участии члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, видного советского врача, академика Бурденко, президента Академии медицинских наук. В составе экспертной комиссии участвовали также Главный медицинский эксперт Наркомздрава, доктор медицинских наук Прозоровский и другие эксперты. Прошу Суд приобщить к материалам первичные акты судебно-медицинской экспертизы, из которых Суду будут видны не только итоговые выводы, но и метод исследования. Эксперты описывают здесь типичный вид места захоронения жертв немецкого террора 1941 года и начала 1942 года:

«Ямы, из которых эксгумировались трупы, не представляли собой братских могил. Трупы в них не располагались в один ряд и не лежали один возле другого, а представляли собой многослойную, компактную массу беспорядочно сцепившихся между собой мужских и женских тел. В этой массе то распластанных, то согнутых или полусогнутых трупов, лежащих ничком, на боку, навзничь, стоящих на коленях, стоящих то вверх, то вниз головой, с переплетавшимися руками и ногами, было невозможно определить контуры каждого отдельного трупа до его извлечения из ямы».

Однако такое хаотическое нагромождение мертвых тел констатируется в большинстве случаев лишь при эксгумации из мест захоронения жертв первых массовых расстрелов, относящихся к 1941 году и началу 1942 года. В последующем при эксгумации судебные медики находили правильные многослойные ряды трупов. Типичный вид такого захоронения жертв уважаемые судьи могут найти в альбоме, посвященном Львовскому лагерю.

Цитирую Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области:

«...Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал: «Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан: украинцев, русских, поляков, евреев. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обреченных, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок. Потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем

третий, до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались раствором хлорной извести и засыпались землей».

Насколько широко был распространен этот подлый и жестокий прием массовых убийств, покажет короткое извлечение, касающееся расстрелов, произведенных в Майданеке. Я цитирую Советско-Польское Коммюнике, предъявленное ранее Суду под № СССР-29:

«...3 ноября 1943 г. в лагере было расстреляно 18 400 человек. Из самого лагеря было взято 8 400 человек, а 10 тысяч человек было пригнано из города и из других лагерей... Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых догола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автоматов. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И до тех пор, пока рвы не заполнялись...»

Я специально занимался вопросом о том, к какому времени относится первое практическое применение преступниками этого жестокого приема. Советские материалы свидетельствуют о том, что это относится ко второй половине 1942 года. Но вообще можно сказать, что такие же методы расстрелов применялись полицейскими частями немцев в Польше и в 1939 году.

Я предъявляю Суду документ, который получен нашей делегацией от британского обвинения. Это — фотостат, подлинник хранится в архивах британской делегации. Это — немецкое дознание, изъятое из архива адъютанта Гитлера. Немецкие штабные врачи считали нужным донести об этих расстрелах Гитлеру, так как «благодаря расстрелам, которые происходили публично, неприятельская пропаганда может получить материалы...»

Из этой переписки я привожу короткое извлечение из протокола допроса некоего ефрейтора Пауля Клюге. Пауль Клюге, в числе санитаров части, находился в городе Швец. Он услышал, что в воскресенье на еврейском кладбище происходят расстрелы поляков, и из любопытства решил посетить место расстрела.

«Мы решили уже, — показывает Клюге, — что сделались жертвами глупых слухов, и направились обратно в казармы, когда большой омнибус, полный женщинами и детьми, въехал на кладбище. Мы вернулись обратно на кладбище. Затем мы увидели, как из омнибуса одна партия, состоящая из одной женщины и трех детей в возрасте от 3 до 8 лет, была приведена к выкопанной ранее могиле размером 2 метра в ширину и 8 метров в длину. Женщина должна была опуститься в могилу и нести на руках с собой младшего ребенка. Двое мужчин из карательной экспедиции передали ей двух других детей. Женщина должна была лечь лицом к земле в могиле и ее трое детей по-

местились таким же образом по ее левую сторону. После этого четверо из отряда сошли также в могилу и направили свои винтовки так, что отверстие дула находилось приблизительно в 30 сантиметрах от затылка, и таким способом расстреляли женщину и ее трех детей.

Затем старший отряда потребовал, чтобы я помог засыпать трупы. Я исполнил это приказание и затем, уже находясь совсем близко, мог видеть, как следующие партии женщин и детей были расстреливаемы таким же образом, как была расстреляна первая партия. Всего было 9—10 партий детей и женщин, которых расстреливали каждый раз по четверо в той же могиле».

Таким образом, вот к каким далеким временам относятся эти жестокие приемы массовых расстрелов.

Гитлеровские преступники, начиная с 1943 года, стали применять различные меры для сокрытия следов преступлений, и в частности сжигать трупы. Документально установлено, что гитлеровцы заставляли свои жертвы сначала заготавливать дрова и бревна, затем ложиться на эти бревна и таким образом расстреливали первый ряд обреченных. Следующая партия обреченных на смерть людей вновь приносила бревна, клала их на первый ряд мертвецов, ложилась затем на эти бревна сама и только после этого подвергалась казни.

Я прошу уважаемых судей обратиться к альбому документов по лагерю Освенцим, где приведены также снимки по лагерю Клога. Вы найдете там типичный вид подобного рода жестоких приемов расстрела. Для подтверждения этого я обращаюсь к документу под № СССР-39:

«...19 сентября 1944 г. немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник концлагеря гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы — из полицейских команд СД — силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 г. было уничтожено около 2 тысяч человек».

Прошу обратиться к документу, уже предъявленному под № СССР-38, — Сообщению о злодеяниях немецких захватчиков в городе Минске.

В первой части цитаты описывается, что, скрывая следы преступления, немецко-фашистские захватчики устроили рядом

с лагерем в Малом Тростинце примитивные кремационные устройства. Я начинаю цитировать акт в той части, где говорится о расстрелах, произведенных непосредственно у этих кремационных устройств. Начинаю цитату из показаний Савинской; она показала следующее:

«...Отъехав примерно 10 километров от города Минска, возле деревни Малый Тростинец автомашина остановилась у одного из сараев. Здесь мы все поняли, что нас привезли на расстрел... По команде немецких палачей заключенные женщины по четыре выходили из машины. Вскоре очередь дошла и до меня. Я совместно с Голубович Анной, Семашко Юлей и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, влезла на верх уложенных трупов. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала...»

...Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях бревен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысячи человек».

Я перехожу к предъявлению Суду доказательств существования специальных пунктов массовых расстрелов, где количество уничтоженных исчисляется сотнями тысяч человек и куда предназначенные для уничтожения люди свозились не только из районов данной местности, но и из ряда стран Европы.

В кратких извлечениях предъявляю Суду доказательства существования других таких пунктов и одного из наиболее зловещих, а именно: пункта массовых расстрелов местечка Панеряй (Понары), в 8 километрах от Вильнюса, получившего зловещую славу форта № 9, или «Форта смерти», в Каунасе.

Я цитирую предъявленное уже ранее Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литве.

Пункт массовых расстрелов в местечке Понары был организован в июле 1941 года и действовал до июля 1944 года:

«В декабре 1943 года, — сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович, — нас заставили выкапывать и сжигать трупы... Таким образом, на каждый костер мы укладывали около 3 тысяч трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком...»

«Исследованные трупы, — говорится в заключении судебно-медицинской экспертной комиссии, — относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были врачи, инженеры, студенты, шоферы, слесари, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие...»

...Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек...»

А вот другие факты:

«Форт № 9 жители Каунаса назвали «Фортом смерти». Форт расположен в шести километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри него имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров, у западной стены форта. В течение июля—августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание...»

...В форте № 9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белоруссы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Щербаков со своей женой и новорожденным ребенком и многие другие.

Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте № 9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта № 9 Науджюнас Ю. Ю. показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4 тысяч человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 г. началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все 4 тысячи человек иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 г. прибыла еще одна группа

численностью около 3 тысяч человек, которая также была уничтожена».

Комиссия по расследованию установила, что гитлеровцы уничтожили в форте более 70 тысяч мирных жителей.

В ряде случаев для массового умерщвления мирных жителей Советского Союза немецкие фашисты прибегали к приемам, полным жестокого коварства. Для подтверждения этих приемов ссылаюсь на уже предъявленное мною Суду за № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю:

«...Установлено, что перед отступлением из города Георгиевска 9 и 10 января с. г. по приказу начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гаймана с целью отравления советских людей немецкие солдаты продали на городском рынке спирт и питьевую соду, причем спирт оказался метиловым, а «сода» щавелевой кислотой. Произошло массовое отравление жителей города...»

В ряду злодеяний немецких фашистов, совершенных на территории СССР, особое место занимает террор, который они проводили в отношении мирного населения Ленинграда.

Я приведу только общие данные, касающиеся немецких разрушений и злодеяний в Ленинграде:

«...За 900 дней беспримерной осады Ленинграда, за время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики чинили бесчисленные злодеяния и зверства над мирным населением.

Немцы сбросили на Ленинград 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, 150 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Каждый ленинградец ежеминутно в течение всех 900 дней осады был как бы на поле боя, ежеминутно ему угрожала гибель или опасность быть искалеченным на всю жизнь. От бомбежек и артиллерийского обстрела убито 16 747 и ранено 33 782 человека...»

Прошу судей обратить внимание на выписку из дневников немецких артиллеристов, обстреливавших Ленинград. Это крайне циничные и жестокие записи.

Ограничиваю дальнейшую цитату лишь оглашением цифр о людях, погибших в Ленинграде от голода зимой 1941—1942 г.: «В результате голодной блокады в городе Ленинграде погибли 632 253 человека».

Перехожу к предъявлению доказательств, связанных с применением немецко-фашистскими преступниками специальных машин для умерщвления людей отработанными парами бензина — «зондермашин», «газвагенов», или «душегубок», как их правильно называли советские люди.

Самый факт применения этих машин для массового умерщвления людей является тягчайшим обвинением руководителей

германского фашизма. Специальные устройства для массового уничтожения людей в закрытых герметических автомашинах, выхлопные трубы двигателей которых соединялись с кузовами при помощи особых подвижных шлангов, были применены гитлеровцами впервые в СССР в 1942 году.

Я напоминаю уважаемому Суду, что впервые упоминание о «душегубках» мы находим в предъявленном уже мной Трибуналу акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Керчи (документ под № СССР-63); это относится к весне 1942 года.

Я напоминаю Трибуналу включенную в акт выдержку из показаний свидетельницы Дарьи Демченко, которая видела, как из двух «душегубок» немецкие военнослужащие в Керчи выбрасывали трупы умерщвленных в противотанковый ров...

Однако с бесспорной очевидностью явствует, что массовое умерщвление людей «душегубками» впервые было установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией в Ставропольском крае. Это видно из документа под № СССР-1.

Расследование злодеяний немецких фашистов в Ставропольском крае проходило под руководством ныне покойного выдающегося русского писателя, члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, академика Алексея Николаевича Толстого. Организовано было весьма тщательное расследование с привлечением к нему крупных специалистов, судебных медиков, ибо мышление человеческое, ставящее определенные логические границы преступлениям, с трудом воспринимало тогда существование этих машин.

Однако в результате следствия и показаний очевидцев о «душегубках» совершенные с их помощью немецкими фашистами массовые мучительные убийства мирных людей были полностью подтверждены.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю содержится первое подробное описание устройства «душегубок»:

«...Установлено массовое истребление немцами мирного советского населения путем отравления окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках». Военнопленный Фенихель Е. М. сообщил:

«Работая автомехаником, я имел возможность детально ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения — уничтожения людей отработанным газом. Таких машин в городе Ставрополе при гестапо было несколько.

Устройство ее было таково: кузов длиной, примерно, 5 метров, шириной — 2,5 метра, высота кузова также, примерно, 2,5 метра. Кузов имел форму вагона, без окон, внутри обит

оцинкованным железом, на полу, тоже обитом железом, лежали деревянные решетки; дверь кузова обита резиной, с помощью автоматического замка плотно закрывалась. На полу автомашины под решеткой находились две металлические трубы... Трубы эти между собой были соединены поперечной такого же диаметра трубой... Эти трубы имели частые полусантиметровые отверстия; от поперечной трубы вниз через отверстие оцинкованного пола выходит резиновый шланг, на конце которого шестигранная гайка с резьбой, соответствующей резьбе на конечности выхлопной трубы мотора. Этот шланг навинчивается на выхлопную трубу, и при рабочем моторе весь отработанный газ идет во внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов машины может вместить 70—80 человек. Мотор на этой автомашине установлен марки «Зауэр»...

В Ставропольском крае «душегубка» была применена для умерщвления 660 человек больных в местной больнице. Далее я обращаю внимание уважаемого Суда на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских преступников в Краснодаре. Этот документ я представляю Суду под № СССР-42. Здесь также констатируются факты массовых убийств людей с помощью «душегубок». Я предъявляю Суду под № СССР-65 приговор военного трибунала Северо-Кавказского фронта. Из этого приговора я в целях сокращения времени приведу короткую цитату:

«...Судебным следствием также установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путем отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках» около 7 тысяч невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях города Краснодара и Краснодарского края, из них детей в возрасте от 5 до 16 лет 42 человека».

Я предъявляю затем Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области. Документ под № СССР-43. Я обращаюсь к приговору военного трибунала 4-го Украинского фронта, который представлен под № СССР-32.

«Для массовых убийств советских граждан немецко-фашистские захватчики применяли так называемые «газгаены» — большие закрытые автомашины, которые известны у русских как «душегубки». В эти «газгаены» немецко-фашистские захватчики загоняли советских граждан и умерщвляли их путем пуска специального смертельного газа — окиси углерода. С це-

лью сокрытия следов совершенных чудовищных злодеяний и массового истребления советских людей путем удушения окисью углерода в «газгаенах» немецко-фашистские преступники сжигали трупы своих жертв».

В доказательство того, что «душегубки» применялись не только в тех пунктах, о которых я говорил, я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, предъявленное Суду под № СССР-9, о злодеяниях немцев в Киеве. Суд найдет там доказательства применения «душегубок» в Киеве.

Я остановлюсь на данных о широком применении «душегубок» на территории временно оккупированных районов Союза ССР, то есть на Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Ровно и Ровенской области.

«...3. Уничтожение мирных граждан и военнопленных в городе Ровно производилось путем массовых расстрелов из автоматов и пулеметов, умерщвлением угарным газом в машинах-«душегубках», и в отдельных случаях люди сбрасывались в могилы и засыпались живыми. Часть расстрелянных людей, в частности в карьерах у села Выдумка, подвергалась сожжению на заранее подготовленных и приспособленных площадках».

Ссылаюсь в подтверждение этого на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Минску:

«...От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях».

Перехожу к показаниям свидетеля Мойсевича. Он говорит: «...Я был очевидцем того, как немцы уничтожали людей в «душегубках». В каждую «душегубку» они насильно вталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении».

В Минске убийцами принцип «душегубки» был применен для устройства стационарных газовых камер, которые устраивались преступниками в обычных банях. Об этом также сказано в этом Сообщении Чрезвычайной Комиссии.

Ссылаюсь на приговор военного трибунала Смоленского военного округа от 15—19 декабря 1945 г. Там сказано о том, что в Смоленске немцы практиковали также удушение советских людей окисью углерода в специальных газовых автомашинах, так называемых «душегубках». Мне кажется, что не случайно «душегубки» появились на территории СССР именно в 1942 году. В то время главные преступники еще были уверены в победе и приступили к практическому осуществлению созданных ранее планов истребления народов Европы. Они не боялись тогда ответственности за преступления. Вот почему в 1942 году появляются новые звенья в длинной цепи преступлений руководителей германского фашизма. Фашистская техника обезлюживания вновь пришла в действие. Она создавала «душегубки», газовые камеры концентрационных лагерей, специальные электрические

устройства для одновременного массового умерщвления обреченных, печи крематориев и банки с «циклоном».

Я перехожу к представлению доказательств последующего раздела моего доклада — «Концентрационные лагеря для мирного населения».

Я прошу разрешения Трибунала привлечь внимание к тому, что конец 1941 года и весь 1942 год были временем громадного увеличения объема злодеяний немецко-фашистских захватчиков, содеянных ими в концентрационных лагерях. Я ссылаюсь, в частности, для подтверждения этого на доклад Польского правительства, в котором содержится свидетельство тому, что в 1942 году было начато ускоренное строительство одного из самых страшных лагерей уничтожения — Трехлинского лагеря № 2. Немцы назвали его «Трехлинка-Б». Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму.

«...В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года».

Привлекаю внимание уважаемого Суда к следующей фразе: «Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать».

Из доклада Польского правительства видно, что лагерь Собибур был основан еще в первый и второй периоды ликвидации еврейских гетто. Но главная волна зверств прошла по этому лагерю в начале 1943 года. В этом же докладе мы можем найти упоминание о том, что лагерь в Бельчице был устроен в 1940 году, но именно в 1942 году здесь были устроены особые электрические устройства для массового умерщвления людей. Под предлогом того, что их ведут купаться, обреченных заставляли раздеваться, затем их вели в здание, где пол был особым образом наэлектризован, и там их убивали.

Обычно концентрационные лагеря германского фашизма принято делить на две группы: на «рабочие» концентрационные лагеря и «лагеря уничтожения». Мне кажется, что деление это является неверным, ибо «рабочие» лагеря также служили целям умерщвления людей.

В подтверждение сказанного сейчас я обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по Яновскому лагерю во Львове. Но одновременно с этим я прошу обратить внимание на альбом документов по Львовскому лагерю. Там есть снимок «траншея в долине смерти». Земля в траншее пропитана человеческой кровью на глубину в полтора метра. На

последующих страницах показаны вещи, изъятые у убитых в лагере. Этот снимок сделан экспертами — судебными медиками примерно через два месяца после массовых расстрелов. Из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Яновскому лагерю видно, что в этом лагере, который формально носил название «обычного рабочего лагеря», по определению экспертов — судебных медиков, было истреблено более 200 тысяч советских граждан.

«Учитывая общую площадь закапывания и рассеивания пепла и костей, достигающую 2 квадратных километров, экспертная комиссия считает, что в Яновском лагере истреблено более 200 тысяч советских граждан».

Я прошу разрешения Суда обратиться к представлению доказательств по лагерю, который возник в последнюю стадию войны.

Дело в том, что в Майданеке и Освенциме умерщвляли только тех людей, которые туда попадали. Фактом своего существования они не представляли прямой угрозы для тех людей, которые находились за стенами лагеря. Но в ходе войны, уже понеся тяжкие поражения, германский фашизм начал практиковать новые зверские формы уничтожения мирного населения. Так были созданы в Белоруссии лагеря смерти не только для умерщвления людей, находившихся в самом лагере, но прежде всего для распространения среди мирного населения и в рядах Красной Армии тячайших инфекций. В этих лагерях не было крематориев и газовых камер. Но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществление его плана истребления народов.

Я представляю Суду документ под № СССР-4 — Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения их сыпным тифом:

«...19 марта 1944 г. наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков...

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было».

Я обращаю внимание уважаемых судей на то, что это было в марте в Белоруссии, в полосу очень больших морозов.

«Заклученные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи.

Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из этих лагерей детей до тринадцатилетнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4448...»

Освобожденная из лагеря Л. Пекорская сообщила комиссии: «12 марта 1944 г. под вечер нас, жителей города Жлобина, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истощенный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Немцы умышленно концентрировали в этих лагерях больных сыпным тифом.

«...Освобожденная из лагеря Митрахович П. С., жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З. П. сообщила: «В течение трех суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболели...»

...Командование германской армии специально посылало в лагерь у переднего края обороны своих агентов, которым вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного

тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии».

Завершая представление доказательств по этому разделу, я привожу лишь некоторые выдержки из заключения экспертов-эпидемиологов:

«...а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан...;

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие...;

в) в тех случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагери, немецкие власти применяли насилие...;

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях...»

И последний пункт:

«д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период второй половины февраля и первой половины марта». Это приводило к массовому заражению людей, находившихся в лагерях, свидетельство чему члены Суда могут найти в следующих абзацах, где сказано, что командование частей Красной Армии госпитализировало 4052 советских гражданина, освобожденных только в одном местечке Озаричи Полесской области, из них детей в возрасте до 13 лет—2370 человек.

Перехожу к концлагерям «обычного типа».

Привожу очень короткие извлечения из доклада правительства Югославии, касающиеся лагеря Баньница у Белграда, из которых видно, что югославский лагерь по условиям зверского режима для заключенных был совершенно сходен с лагерями в других странах Восточной Европы:

«Итак, лагерь Баньница у Белграда. Этот лагерь германские оккупационные власти основали еще в июне 1941 года. Из захваченных документов этого лагеря видно, что в нем было зарегистрировано 23 637 заключенных. Однако из показаний выживших свидетелей, в особенности служащих квислинговских властей, работавших в этом лагере, можно было установить, что через лагерь прошло значительно большее число жертв».

Свидетель Мончило Демьянович в конце 1943 года принимал участие в сожжении трупов жертв лагеря Баньница.

На допросе 7 февраля 1945 г. он заявил Югославской государственной комиссии, что за время своей работы он насчитал 68 тысяч трупов.

Я предъявляю Суду под № СССР-193 выдержку из регистра лазарета лагеря «Саймиште» у Белграда.

В докладе Югославского правительства справедливо указывается на то, что подобного рода «лазарет» больше напоминал

лагерную часовню, куда доставлялись умерщвленные люди для совершения погребальной мессы.

В некоторые дни, — я прошу Суд обратиться к записи под порядковым № 1070, — в лазарет доставлялись десятки и даже сотни трупов людей, умерших от голода. Так, например, под порядковой записью 1070 значится, что в лазарет доставлено было 87 трупов, под порядковым № 1272 значится: в лазарет доставлено 122 трупа, под порядковым № 2041 — в лазарет доставлено 112 трупов.

Я считаю, что эти цифры не нуждаются в комментариях для определения режима содержания заключенных в этом лагере.

Бесчеловечны были условия содержания для заключенных во всех лагерях, размещенных на территории временно оккупированных районов Советского Союза. Я привожу краткие извлечения из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Литовской ССР:

«На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (*Вы увидите этот лагерь в тех кинодокументах, которые сегодня будут предъявлены Суду*)... с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек...

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей...»

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литовской ССР немцами создавались специальные концлагеря, причем в этих лагерях был вывешен следующий приказ:

«За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию.

Начальник четырех таких лагерей — немка Елизавета Зеелинг неоднократно заявляла заключенным: «Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу».

Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Киеве.

Из этого Сообщения я привожу лишь одну цитату, которая говорит о методах истребления людей в Сырецком лагере.

«Радомский и Ридер всячески ухищрялись в истреблении советских людей. Они, например, «изобрели» следующий способ

убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались».

Привожу, далее, цитату из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях в Эстонской ССР. Эта часть свидетельствует о крайне жестоком режиме в концлагерях Эстонии:

«Ежедневно в лагере производились публичные порки заключенных на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2—3 часа к столбу. Издевательствами над заключенными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключенных: врача Залкиндсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключенных, вспрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И. М. показал: «В феврале 1944 года в лагере в Клога родилось двое детей, оба эти ребенка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены».

Перехожу к представлению доказательств по лагерям уничтожения, так называемым «фернихтунгслагер». Туда свозились люди и из Западной Европы и из стран Восточной Европы.

Для уничтожения людей в концлагерях служила специальная техника, и здесь я задержу внимание судей на одном новом моменте, специально мною исследованном при анализе материалов о концлагерях. Я задался целью выяснить, сколько специальных фирм в немецко-фашистском государстве занималось строительством крематориев для концлагерей.

В фашистской Германии было минимум три специальных фирмы, занятых только конструированием крематориев и строительством кремационных установок. Это свидетельствует о масштабе преступлений в концлагерях.

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Освенциме:

«...Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I.

1. И. А. Топф и сыновья. Эрфурт, 12 февраля 1943 г.
Центральному строительству СС и полиции

Аушвиц (Освенцим). Касается: крематория 2-го и 3-го лагеря военнопленных. Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособления для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья».

Представляю Суду за № СССР-64 документ, приложенный к докладу правительства Югославии. Это заверенный фотостат документа фирмы. Эта фирма Дидье. Переписка касается строительства крематория, «рассчитанного на крупный лагерь» в Белграде. В предъявляемом мною документе фирма Дидье рекомендовала себя, как имеющую специальный опыт по строительству кремационных установок для концлагерей и понимающую требования клиентуры. Для доставки трупов в печи фирма разработала особую конструкцию конвейера из двухколесных валов. Она считала, что может выполнить этот заказ лучше, чем какая-либо другая фирма, и запрашивала небольшой аванс на составление сметы по строительству лагерного крематория.

Перехожу к оглашению кратких извлечений из этого документа:

«Мы ссылаемся на визит вашего сына и на переговоры с ним нашего сотрудника господина Шторля.

Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку...

Для доставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота — 450 мм.

Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставим вам чертежи этих тележек».

Оркестр музыкантов из заключенных в Яновском лагере играет «Танго смерти» во время расстрела советских граждан

Предъявляю Суду документ под № СССР-225.

Документ, посвященный строительству тех же кремационных печей для концлагеря в Белграде. Это переписка фирмы Кори — Общества с ограниченной ответственностью. Это была вполне определенная фирма, которая даже деловое письмо считала необходимым закончить возгласом «Хайль Гитлер!» При этом, хорошо зная свою клиентуру, фирма Кори рекомендовала еще раз запросить, «достаточно ли будет двух печей». Фирма, между прочим, упоминала, что уже построила четыре печи для Дахау и пять печей для Люблина, и подчеркивала, что ее усовершенствованные печи оправдали себя на практике с наилучшей стороны. Я привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции, мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи по сжиганию, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей...

О том, какая площадь необходима для печей с местом для обслуживания их и для раздувания огня, видно из прилагаемых чертежей. Чертеж (указан номер) наглядно иллюстрирует устройство двух печей; по чертежу № 9122 изготовлено для строительства в Дахау четыре печи.

Следующий чертеж за № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам.

Хайль Гитлер!

Кори — Общество с ограниченной ответственностью».

Итак, мы установили, что только конструированием и постройкой кремационных печей для концлагерей в Германии...

Председатель: Так как Трибунал не имеет перед собою этих писем, то Суд хотел бы знать, кому были адресованы эти письма.

Смирнов: Это письмо было адресовано частям СС в Белграде. Эти документы были изъяты Югославским правительством. Дело в том, что эсэсовские части в Белграде сочли методы умерщвления, практиковавшиеся в Баньнице и Саймиште, о которых я докладывал Суду, недостаточными и продолжали их технически совершенствовать. С этой целью они начали строить, вернее, задумали строительство кремационных устройств в концлагерях. И тогда между частями СС в Белграде и немецкими фирмами началась та оживленная деловая переписка, часть из которой я представил Вашему вниманию.

Председатель: Остальные письма, на которые Вы ссылались, также были адресованы частям СС?

Смирнов: Да, также частям СС. Первое письмо, адресованное администрации лагеря в Аушвиц, исходило от фирмы «Топф и сыновья». Разрешите продолжать?

Я представляю сейчас доказательство того, что кроме стационарных крематориев существовали крематории передвижные. Суд уже знаком с передвижными газовыми камерами. Это были «душегубки». Кроме того, были созданы передвижные крематории. Об их существовании свидетельствует эсэовец Пауль Вальдман, принявший участие в одном из злодеяний немецких фашистов — в единовременном уничтожении многих тысяч русских военнопленных в Саксенхаузене. Суду уже представлены под № СССР-52 документы по этому лагерю. Я цитирую то место из показаний эсэовца Вальдмана, которое говорит о массовой экзекуции в Саксенхаузене: «...Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашин...» Прошу Суд обратить внимание на отвратительный процесс, введенный немецко-фашистскими преступниками, который связан с промышленным использованием тел умерщвленных людей. Я представляю Суду вещественные доказательства, которые будут свидетельствовать о еще более отвратительной утилизации мертвых тел жертв. Прошу судей обратиться к альбому по Освенциму, где видны снимки упакованных для отправки в Германию семи тонн волос, которые были срезаны с умерщвленных женщин.

«...С 1943 года немцы с целью промышленного использования несгоревших костей стали дробить кости и продавать фирме «Штрэм» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отпарку в адрес фирмы «Штрэм» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения».

Прошу Суд обратить внимание на заключение технической экспертизы.

Так, в газовых камерах были произведены специальные исследования, и на основании точных химических реакций было установлено, что отравление в газовых камерах производилось синильной кислотой (это «Циклон А» и «Циклон Б»), а также окисью углерода. Я цитирую абзац из заключения технической экспертизы:

«...Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использовались для массового и систематического уничтожения людей

путем отравления общеядовитыми газами, как-то: синильной кислотой... и окисью углерода».

Я привожу некоторые данные, касающиеся отвратительного и циничного ограбления заключенных, умерщвленных в Майданеке и в Освенциме:

«На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды . . . 348 820 комплектов

Я повторяю: 348 820 комплектов.

2. Женской верхней и нижней одежды . . . 836 255 комплектов

3. Женской обуви 5 525 пар

4. Мужской » 38 000 »

5. Ковров 13 694 штук».

Та же картина организованного ограбления умерщвленных людей была установлена Комиссией и при проведении следствия на Майданеке. Я не буду цитировать полностью этого раздела Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии и процитирую лишь одно отношение главного хозяйственного управления СС, содержащееся в Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии:

«Всем комендантам концентрационных лагерей.

Согласно заявлению главного имперского управления безопасности, из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом, в управление гестапо города Брюнн, причем оказалось, что в некоторых случаях вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и, таким образом, посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакета.

Ввиду того, что главное имперское управление безопасности в ближайшее время издаст инструкцию, регулиующую вопрос об оставшихся после смерти заключенных вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казненных заключенных.

Глюкс — генерал-майор войск СС».

Я перехожу к представлению доказательств, свидетельствующих об объеме злодеяний.

Только в двух лагерях смерти преступниками было уничтожено пять с половиной миллионов человек. В подтверждение привожу выводы Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму:

«...Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее четырех миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран...»

Цитирую соответственные места из Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку:

«...Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что за четырехлетнее существование «лагеря уничтожения» Майданек гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек — советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французоз, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев».

Я заканчиваю этим документом раздел о концентрационных лагерях и перехожу к последнему разделу своего доклада — «Соккрытие следов преступлений».

В период своих временных военных успехов немецко-фашистские преступники сравнительно мало заботились о сокрытии следов преступлений.

Часто они не считали нужным даже замаскировать дерном могилы, в которые сбрасывались после расстрелов тела умерщвленных.

Но после разгрома, который гитлеровская военная машина потерпела под Сталинградом, положение изменилось. Подгоняемые страхом возмездия, преступники стали применять срочные меры для сокрытия следов преступлений. Всюду, где это было возможно, они сжигали трупы. Там, где этого сделать было нельзя, могилы тщательно маскировались дерном или зелеными насаждениями. Земля, которой были засыпаны могилы расстрелянных, выравнивалась специальными машинами и гусеничными тракторами.

Однако основным методом, к которому прибегали немецко-фашистские преступники, следует признать все же сжигание трупов. Пепел от сожженных тел разбрасывался по полям, несгоревшие в пламени кости дробились специальными машинами и смешивались с навозом для изготовления удобрений. В крупных лагерях раздробленные кости умерщвленных продавались немецким промышленным фирмам для переработки на суперфосфат.

Я представляю Суду в качестве доказательства громадного масштаба преступной деятельности гитлеровцев по сокрытию следов преступлений ряд документов.

Ссылаюсь, прежде всего, на Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку. Документ представлен под № СССР-29:

«...Уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того, что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на пять сжигательных печей. Эти печи горели непрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1500° С. Для того чтобы в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленились, в частности, обрубались конечности трупов».

Печей в крематориях было недостаточно, и немцы для уничтожения трупов вынуждены были прибегать к специальным примитивным кремационным устройствам, которые делали следующим образом:

«На рельсы или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костер, от 500 до 1000 трупов. Все это обливалось горючей жидкостью и поджигалось».

Привожу краткую цитату, устанавливающую объем этой преступной работы по сокрытию следов преступлений:

«Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600 тысяч трупов; на гигантских кострах в Кремпецком лесу было сожжено более 300 тысяч трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 тысяч трупов; на кострах в самом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 тысяч трупов».

Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Минску:

«...В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил в них на глубине трех метров найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям Комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек».

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилкой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов».

Обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Львовской области. Документ был уже представлен Суду под

№ СССР-6. Привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«По указанию рейхсминистра Германии Гимmlера и генерал-майора полиции СС Кацмана в июне месяце 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана особая зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбанфюрер Шерляк, его заместителем — гауптштурмбанфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их».

Зондеркоманда 1005 была прототипом аналогичных зондеркоманд, созданных немцами. Последующие зондеркоманды, созданные для этих целей, получали номера — 1005-а, 1005-б и т. д.

«...Гитлеровские убийцы на территории Львовской области придерживались той же методики скрытия своих преступлений, которую они начали раньше, убив польских офицеров в лесу под Катынью. Экспертная комиссия установила полную идентичность маскировки расположенных в Лисеницах могил с такой же маскировкой могил убитых немцами польских офицеров в Катыни.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали в Львове при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров».

В эту школу приезжали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Руководитель зондеркоманды № 1005 Шерляк у «рабочего места» учил комендантов, как производить извлечение трупов из земли, как складывать их в штабели, сжигать, высевать пепел, перемалывать кости, засыпать ямы, производить на них маскировочную посадку деревьев и кустарника».

Я ссылаюсь на документ под № СССР-61 — акт осмотра в городе Львове костедробилки, специально предназначенной для перемалывания человеческих костей.

Машина для перемола жженой кости смонтирована по специальному заданию на площадке автотракторного прицепа. Машина легко передвигается на любое расстояние, без демонтажа ее, посредством автомобиля или какого-либо другого транспорта.

Машина может работать в любом выбранном месте и не требует специально подготовленного места. Перевозится установка автомобилем или каким-либо другим транспортом.

Машина при данных размерах имеет производительность приблизительно 3 кубических метра жженой мелкой кости в час.

Предъявляю Трибуналу в качестве доказательства протокол допроса Герхарда Адамеца, произведенного лейтенантом американской армии Патриком Мак-Магоном.

Показания Герхарда Адамеца подтверждают наши материалы. Они очень обширны, и я ограничусь лишь сравнительно короткими извлечениями из них.

Герхард Адамец был в составе «зондеркоманды 1005-б».

Перед этим Герхард Адамец говорит о том, что он в составе сорока других служащих охранной полиции покинул Днепропетровск и был отправлен в Киев. Я напоминаю Суду уже знакомое ему название «Бабий Яр». Начинаю цитировать показания Герхарда Адамеца:

«Наш лейтенант Винтер доложил о нашей колонне оберлейтенанту Ханишу, цугфюреру охранной полиции отряда 1005-а. На этом месте пахло трупным запахом, который одурманивал нас, мы закрывали носы и придерживали дыхание.

Обер-лейтенант Ханиш обратился к нам с речью, из которой я помню следующие отрывки:

«Вы прибыли на то место, где вы должны нести службу и поддерживать своих товарищей. Вы уже чувствуете запах, который исходит из кухни, находящейся позади нас. Мы все должны привыкнуть к этому, и вы все должны исполнять свои обязанности. Нужно будет охранять заключенных и очень тщательно. Все, что здесь происходит, — это тайные дела империи. Каждый из вас отвечает своей головой, если у него убежит заключенный. И помимо этого данный человек будет подвергнут особому режиму. То же самое ожидает того, кто что-либо выболтает или не будет достаточно осторожен в переписке...»

...После этой речи обер-лейтенант Ханиша нас вывели для того, чтобы познакомить с местом, где мы должны были нести службу. Нас вывели с кладбища и привели к прилегающему полю. Дорога, которая шла через это поле, была с обеих сторон оцеплена полицейскими, которые отгоняли всех приближающихся лиц. На поле мы увидели около 100 человек заключенных, отдыхающих от работы. Ноги каждого заключенного были закованы в цепи, приблизительно 35 сантиметров длины. Заключенные были одеты в гражданское платье...

...Работа заключенных состояла в том, как мы узнали впоследствии, чтобы выкапывать трупы, которые были зарыты здесь в двух массовых могилах, переносить их, складывать в две огромные груды и сжигать. Трудно установить, однако я предполагаю, что на этом месте было погребено от 40 до 45 тысяч трупов. В одном противотанковом рву была устроена могила, которая частично была заполнена трупами. Этот ров был длиной в 100 метров, 10 метров шириной и глубиной в 4—5 метров...

...В тот день, когда мы прибыли на это место (около 10 сентября 1943 г.), на поле было 3—4 небольших груды трупов».

Интересно, что этот фашистский специалист по сжиганию трупов называет небольшими грудями? Продолжаю цитату: «Каждая такая груда состояла, приблизительно, из 700 трупов, была около 7 метров длиной, 4 метров шириной и 2 метров высотой...

...Как здесь, так и в других местах, я наблюдал следующий метод работы: ...посредством железных крючков трупы стаскивались в определенное место, а затем складывались на деревянный настил. Затем вся груда трупов обкладывалась дровами, обливалась нефтью и поджигалась.

Нас, полицейских из отряда 1005-б, потом повели обратно на кладбище в кухню. Однако никто из нас не мог есть из-за жуткого запаха и из-за воспоминаний о виденном».

Показания Адамеца подтверждаются другими материалами. Продолжаю цитировать:

«Примерно, 29 октября 1943 г. в 4 ч. 45 м. утра во время сильного тумана убежало человек 30 заключенных. Они сорвали свои ножные цепи, с ревом вырвались из своих барачных помещений и разбежались в разных направлениях. Человек 6 было убито. Остальным удалось уйти из-за сильного тумана... В других местах, где я нес охранную службу, заключенные по окончании работы (выкапывание и сожжение трупов) были умерщвлены после того, как их группами или поодиночке под охраной полицейских, выделенных для этой цели, выводили к указанному СД месту. Затем эти полицейские посылались назад для того, чтобы доставить сюда новых заключенных. После этого сотрудники СД заставляли заключенных ложиться лицом вниз на деревянный настил, и они сейчас же получали выстрел в затылок. Заключенные в большинстве случаев без сопротивления подчинялись приказу, ложась рядом со своими уже расстрелянными товарищами...»

Я обращаю внимание членов Суда на тот путь, который далее совершила зондеркоманда. Эта зондеркоманда была в Кривом Роге, в Николаеве, в Вознесенске и в Риге, то есть она совершила путь почти с самого юга и до Балтийских областей моей Родины, путь, исчисляемый тысячами километров. Везде команда занималась тем же самым делом:

«Мы из отряда 1005-б получили затем приказ направиться к нескольким вновь построенным барачным помещениям, которые были расположены, примерно, в 250 метрах от 6—7 массовых могил».

Я цитирую именно это место потому, что Бикернекский лес будет показан в кинодокументах.

«Последние находились, примерно, в 4 километрах от окраины Риги в Бикернекском лесу. Там находились, примерно, 10—12 тысяч трупов. Новый отряд из 50—60 заключенных был вывезен

туда, и в середине июня 1944 года началась работа (выкапывание и сожжение трупов) таким же образом, как описывалось ранее, и закончена в конце июля 1944 года.

Я думаю, что в то время фронт находился в 300 километрах отсюда. Эти 10—12 тысяч трупов принадлежали мужчинам, женщинам и детям всех возрастов и были похоронены, примерно, два года тому назад. Мы, полицейские, вообще думали, что эти люди убиты СС. Однако это было только предположение.

Этот новый отряд из 50—60 заключенных был... умерщвлен в конце июля 1944 года...

Мы думали впоследствии, что в действительности нацисты боялись обнаружения массовых могил продвигающимися русскими и что эти ужасные массовые убийства станут известны цивилизованному миру.

Я думаю, что приблизительно 100 тысяч трупов из массовых могил были выкопаны сотрудниками СД из отрядов 1005-а и 1005-б.

Я думаю, что еще другие подобные команды выполняли такую же самую работу, но я не знаю — сколько. Если бы я думал или знал, что я когда-нибудь буду вынужден выполнять эту грязную и унижительную работу, я бы куда-нибудь эмигрировал...»

Убийства многих миллионов людей были совершены немецкими фашистами из мотивов, продиктованных их человеконенавистническими каннибальскими «теориями» расизма и «права господ» на уничтожение народов.

Все эти убийства были хладнокровно обдуманы. Беспрецедентные по масштабу злодеяния были выполнены в точно определенные для этого сроки, причем, как я показывал это неоднократно раньше, для массовых убийств и для уничтожения следов преступлений была создана специальная техника.

Но, кроме того, во многих преступлениях немецких фашистов есть одна черта, которая делает их еще более отвратительными.

В ряде случаев немцы, уже лишив жизни жертву, не прекращали на этом преступления, но продолжали его, делая затем объектом преступного глумления самое тело умерщвленного.

Глумление над трупами жертв было характерно для всех лагерей уничтожения. Я напоминаю уважаемому Суду, что несгоревшие кости покойников продавались немецкими фашистами фирме Штрэм. Волосы умерщвленных женщин срезались, упаковывались в тюки, прессовались и отправлялись в Германию. В ряду этих же преступлений находятся и те, о которых я предъявляю доказательства сейчас. Я указывал уже неоднократно ранее, что основным методом уничтожения следов являлось сожжение трупов, но та же подлая рационализаторская эсэсовская техническая мысль, которая создала газовые камеры

и «душегубки», стала работать над тем, чтобы создать такие способы полного уничтожения человеческих трупов, при которых уничтожение следов преступлений сочеталось бы с получением определенного фабриката. В Данцигском анатомическом институте уже были произведены в полупромышленном масштабе опыты по получению мыла из человеческих тел и дублению с промышленными целями человеческой кожи. Я представляю Суду под № СССР-197 показания одного из непосредственных участников изготовления мыла из человеческого жира, препарата анатомического института в Данциге Зигмунда Мазура:

«Вопрос: Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов и вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943—1944 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2—3 часа в 10 литрах воды с 500 граммами или одним килограммом каустической соды, затем дать остыть. Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах. К смеси прибавлялась еще и поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2—3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы.

Я представляю сейчас Суду эти «формы» — кюветы, в которые выливалось сваренное мыло. Дальше я представляю доказательство того, что полуфабрикат этого человеческого мыла действительно был изъят в Данциге.

«Мыло получалось неприятного запаха. Для того чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальдегид...

...Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70—80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось и гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей — для туалета и стирки — употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла 4 килограмма...

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер...

...Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимались старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких, не знаю».

Я представляю сейчас под № СССР-196 копию рецепта мыла, изготовленного из тел умерщвленных. Он в основном идентичен с тем, который изложен в протоколе допроса Мазура. Для подтверждения того, что все изложенное в протоколе допроса Мазура соответствует действительности, я приведу принятые Судом протоколы допроса британских военнопленных, в частности рядового королевского суссекского полка Джона Г. Виттона. Документ представляется Суду под № СССР-264. Я цитирую одно небольшое место из этого протокола:

«...Трупы прибывали в количестве от 7 до 8 в день. Все они были обезглавлены и раздеты догола. Иногда их доставляли в автомашинах Красного Креста в деревянных ящиках, вмещающих 5—6 трупов, иногда по 3—4 трупа доставляли в небольших грузовиках... Трупы обычно выгружали с предельной быстротой и сносили в погреб, в который вела боковая дверь из фойе при главном входе в институт... Вследствие того, что трупы предварительно пропитывались какой-то жидкостью, ткань очень легко отделялась от костей. Затем всю ткань складывали в бак для кипячения размером с небольшой кухонный стол. После кипячения полученную жидкость разливали по белым сосудам размером, примерно, в двойной лист обычной писчей бумаги и глубиной в 3 сантиметра. Обычно в день машина давала 3—4 таких сосуда».

Я представляю, далее, Суду под № СССР-272 письменные показания британского подданного — капрала королевских войск связи Вильяма Андерсена Нили.

«...Трупы доставлялись в количестве 2—3 в день. Все они были совершенно нагие, причем большинство было обезглавлено...

...Конструирование машины для изготовления мыла было завершено в марте — апреле 1944 года. Постройка здания, в котором ее предполагалось поместить, была закончена в июне 1942 года. Машина эта была смонтирована на данцигской фирме Айрд, не связанной с военным производством. Насколько я помню, эта машина состояла из бака, обогреваемого электричеством, в котором при помощи добавления каких-то кислот растворялись кости трупов.

Процесс растворения занимал около 24 часов. Жировые части трупов, в особенности женских, складывались в большие эмалированные чаны, подогреваемые огнем двух бензиновых горелок. Для этой процедуры также применялись какие-то кислоты. Я предполагаю, что в качестве кислоты брали едкий натр. Когда кипячение заканчивалось, полученной смеси давали остынуть, а затем выкладывали в специальные формы...

Я не могу точно определить количество получаемого вещества, но я видел, как его употребляли в Данциге для чистки столов, на которых производили вскрытие трупов. Люди, пользовавшиеся им, уверяли меня, что это — лучшее мыло для этой цели».

Я предъявляю, далее, образцы полуфабриката мыла и изготовленного мыла. Здесь Вы увидите небольшой кусочек вполне готового мыла, которое по внешнему виду, уже пролежав несколько месяцев, напоминает, однако, обычное хозяйственное мыло. Я передаю его Трибуналу. Кроме того, я предъявляю образцы полувыделанной человеческой кожи. Предъявленные образцы убеждают в том, что процесс изготовления мыла был уже вполне разработан Данцигским институтом. Что касается кожи, то она по внешнему виду напоминает еще полуфабрикат. Наиболее приближается к типу промышленной кожи тот кусок, который Вы видите наверху слева. Таким образом, можно считать доказанным, что опыты по промышленному производству мыла из человеческого жира были вполне завершены в Данцигском институте. Опыты по дублению человеческой кожи еще производились, и только победоносное наступление Красной Армии положило предел этому новому преступлению нацистов.

Длинный ряд преступлений против мирного населения временно захваченных немецко-фашистскими преступниками районов Советского Союза, Чехословакии, Польши, Югославии и Греции не может быть исчерпан даже в самом подробном докладе. Можно выделить только наиболее типичные в тех жестокостях, подлых и расчетливых приемах, к которым прибегали главные преступники, замышлявшие преступления, и те, кто эти преступления выполнял. Те, кто находится ныне на скамье подсудимых, освободили от «химеры, именуемой совестью», сотни тысяч и миллионы преступников. Они воспитали этих преступ-

ников, создали им атмосферу безнаказанности и натравили своих кровавых собак на мирных людей. Они глумились над совестью и достоинством человека. Но к совести мира зывали те, кого травили в «душегубках» и газовых камерах, кого разрывали на куски, те, чьи тела сжигали в печах крематориев и пепел развеивали по ветру. Мы не можем теперь назвать даже многие из мест захоронений миллионов злодейски умерщвленных невинных людей. Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрелов, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, взывающие к возмездию краткие записи обреченных на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатленные на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, зывавших перед смертью к совести мира, о справедливости и о возмездии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ФРАНЦИИ Ш. ДЮБОСТОМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ
ПРОТИВ ПАТРИОТОВ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 31 января 1946 г.]

...Мы остановились, господа судьи, на изложении вопроса о террористической политике, проводившейся армией, германской полицией и СС, которые совместно творили свои преступные деяния против французских патриотов.

Воинствующие патриоты не были единственными жертвами этой террористической политики, даже их семьи подвергались преследованиям. Репрессиями угрожали их родственникам, и эти угрозы приводились в исполнение.

Мы предъявляем документ ПС-719 под № РФ-406. Этот документ Трибунал обнаружит на странице 147 представленной нами книги документов. Это заметка, сделанная карандашом в германском посольстве в Париже для министерства иностранных дел в Берлине.

Автор этой записки (вероятно, Абец) объясняет, что Буске, с которым был Лаваль во время этого разговора, заявил, что ему совершенно ничего не известно о недавнем побеге брата Жиро.

«Господин Жиро, трое его сыновей, другой брат генерала и его свояченица, кажется, находятся в лагере Баль-де-Бон.

Я ответил, что эта мера является недостаточной и что не следовало бы удивляться, если в один прекрасный день полиция возьмет это дело в свои руки у французской полиции, учитывая, что последняя проявила несостоятельность в ряде случаев».

Угроза была приведена в исполнение. Мы сообщали уже, что семья генерала Жиро была угнана...

...Все они были невиновны и не принимали участия в организации побега Жиро, но были наказаны за побег.

Я уже неоднократно показывал, что в стремлении создать царство террора немцы использовали средства, которые возмутили сознание честных людей. Одним из этих отталкивающих средств был призыв к доносу.

В документе ПС-278 на странице 152, предъявляемом под № РФ-408, воспроизводится приказ от 27 сентября 1941 г., который являлся столь откровенным нарушением международного права, что это даже привело в беспокойство гитлеровское министерство иностранных дел.

Этот приказ предписывает:

«Если кому-либо станет известно, что средства, указанные в § 1¹, находятся во владении или хранятся лицами, не имеющими на то разрешения, следует в обязательном порядке делать заявления об этом в ближайшее бюро по приему оружия».

Министерство иностранных дел (29 июня 1942 г., Берлин) подготовило проект ответа на французскую ноту, которой в настоящее время в нашем распоряжении нет, но которая является протестом в ответ на упомянутый приказ от 27 декабря 1941 г.

Во втором абзаце проекта немецкой ноты вкратце изложены аргументы французского протеста. Французы, видимо, писали, что если бы французы оккупировали какую-либо германскую территорию, они, безусловно, сочли бы бесчестным любого немца, который выдал бы оккупационным властям нарушителя изданных ими приказов.

Далее в проекте ноты говорится:

«Основываясь на упомянутых соображениях, министр иностранных дел считает спорным указание на то, что наказание, налагаемое на какое бы то ни было лицо, которое не выдало того, кто владел оружием, в том случае, если ему это было известно, выносится без проведения какого бы то ни было расследования».

По мнению министерства иностранных дел, не представляется необходимым делать указание общего порядка на такое наказание, тем более, что это предоставит возможность французам заявить, что германская армия требует от них действий, которые сама она расценивала бы как преступные в том случае, если бы они были совершены немцами».

Я повторяю, что этот проект ноты подготовлен в германском министерстве иностранных дел и подписан Штраком.

Но не было таких суровых наказаний за действия против германской армии, перед которыми остановилось бы то же германское министерство иностранных дел.

Представители гитлеровской армии выразили свое отношение к ноте так:

¹ Имеется в виду оружие. — Составители.

«Берлин. 8 декабря 1942 г. Верховное командование германских вооруженных сил.

Верховное командование германских вооруженных сил считает:

«Не представляется необходимым открывать дискуссии с французским правительством по вопросу о праве, на которое оно ссылается. Вследствие этого мы также считаем, что не следует отвечать на французскую ноту».

Этот ответ к тому же начинается с утверждения, что любое обсуждение отданных приказов будет рассматриваться во Франции и Бельгии как признак слабости.

То, что германская армия причинила оккупированным странам Западной Европы, не явилось признаком ее слабости. Она показала себя как армия терроризирующая, она создала царство террора во всех наших странах, и это она делала для того, чтобы представить возможность развиваться политике уничтожения побежденных народов, что по представлению всех нацистских руководителей, оставалось главной, вернее, единственной целью настоящей войны.

Эта террористическая политика, с примерами которой Трибунал только что ознакомился, в частности, в вопросе о репрессиях в связи с нападением наших внутренних сил на силы противника, эта политика проводилась без всякой военной необходимости во всех странах Запада. Совершенные врагом опустошения весьма многочисленны. Мы ограничиваем изложение наших материалов описанием разрушения Роттердама, которое было произведено уже после того, как город капитулировал и оставалось лишь определить условия капитуляции. Во-вторых, мы хотим дать описание наводнения, произведенного германской армией без какой бы то ни было военной необходимости, когда уже стало ясно, что игра окончательно проиграна.

Мы избрали в качестве примера разрушение Роттердама потому, что это был первый террористический акт, совершенный Германией на Западе.

Мы останавливаемся на искусственно созданном наводнении потому, что без своих дамб Голландия перестает быть Голландией и прекращает существование в тот день, когда ее дамбы уничтожены.

Вот какова была реализация планов уничтожения противника, планов, которые были подготовлены Германией задолго до их проведения в жизнь, о чем свидетельствуют слова Гитлера, которые я процитирую в начале изложения материалов по этому вопросу, планов, которые Германия осуществляла до самого последнего момента, свидетельством чего являются бессмысленные наводнения.

Мы предъявляем за № Ф-719 документ, который Трибунал обнаружит на странице 38 находящейся перед нами второй книги документов, являющейся голландским отчетом относительно бомбардировки Роттердама и капитуляции голландской армии.

На страницах 38—39 находятся копии перевода документов, которыми обменялись командующий германскими войсками, осаждавшими Роттердам, и полковник, командовавший голландскими войсками, защищавшими город.

На странице 40 имеется представленный капитаном инженерных войск Беккером доклад о событиях, происшедших в тот вечер, и последовавшем за ними пожаре в городе.

«В 10.30 германский парламентар явился с ультиматумом, который не был подписан и в котором не было никаких указаний на отправителя ультиматума, предлагавшего голландцам капитулировать до 24-х часов 30-го числа. Этот документ был отослан обратно полковником голландской армии, который потребовал, чтобы ему сообщили фамилию и воинское звание офицера, обратившегося с этим ультиматумом.

В 12.15 на линию германских войск явился капитан Беккер, который был принят германским офицером.

В 12.35 он вел с ним переговоры в закусочной.

Германский генерал написал условия капитуляции в письме, которое являлось ответом на врученное ему письмо эмиссара голландского штаба.

В 13.20 капитан Беккер отбыл из пункта, где происходили переговоры (закусочной), с условиями капитуляции, на которые следовало дать ответ. Его сопровождали два германских офицера. Когда они находились в пути, над ними пролетали эскадрильи германских самолетов, сбрасывавшие светящиеся красные ракеты. Это происходило в 13.22 и в 13.25.

В 13.30 первые бомбы начали падать на Роттердам, и город был полностью сожжен».

Страница 41: «Вступление германских войск должно было состояться в 18 ч. 50 м., оно произошло раньше назначенного срока, а именно в 18 ч. 20 м.».

Четвертый параграф:

«Позднее немцы заявили капитану Беккеру, что красные ракеты предназначались для того, чтобы избежать бомбардировки. Между тем управление самолетами по радио было бесперебойным. Капитан Беккер выразил свое удивление, что сигнал для предотвращения бомбардировки был передан с помощью ракет».

Затопление польдера в Бергенверфе произошло 17 апреля 1945 г. Трибунал обнаружит на странице 4 книги документов доказательство этому.

«В тот день германские военнослужащие появились на территории польдера, они отдавали приказания и выставили охрану у плотины».

Второй параграф, страница 7:

«17 апреля 1945 г. в четверть первого они взорвали плотину так, что две части ее были разрушены таким образом, что они лишь едва возвышались над поверхностью Нисельмеер».

Вторая книга документов озаглавлена: «Уничтожение оккупантами гражданского невинного населения». На странице 7 говорится:

«О населении. Оно было поднято по тревоге ночью с 16 на 17 апреля, то есть в тот момент, когда вода начала заливать польдер. Сообщение, полученное мэром, о том, что в полдень, возможно, будет разрушена плотина, передавали в Бергенверфе из дома в дом. Для эвакуации большого польдера, занимавшего около 20 тысяч гектаров, было предоставлено времени всего с 8 ч. 30 м. до 9 часов.

Телефонная связь была полностью прервана, и для установления ее не могли быть использованы автомобили. Поэтому уведомято было всего несколько человек и то лишь в 8 часов утра...

Срок, предоставленный населению для эвакуации, следовательно, был слишком коротким...

Утром 17 апреля, в день, когда произошла эта катастрофа, взводы германских солдат начали грабежи. Эти солдаты прибыли из Вирингена. Все, что они не хотели грабить, они уничтожали...

Этот польдер занимает площадь, равную половине всей затопленной территории Северной Голландии. Он был затоплен 17 апреля, то есть тогда, когда германская армия уже потерпела поражение».

Голландия прилагает усилия к тому, чтобы отвоевать этот польдер у воды. Ее мужество, усердие и энергия являются предметом нашего восхищения, но, тем не менее, ущерб, причиненный ей германской армией 17 апреля, колоссален.

Во всех странах Запада политика террора и политика уничтожения переплетались теснейшим образом.

Мы предъявляем документ С-45 под № 406.

Первый параграф его показывает нам, что, по мнению руководителей германской армии, карательные меры должны были осуществляться без учета каких бы то ни было соображений:

«Следует немедленно производить ответные действия с помощью огнестрельного оружия. Если при этом погибнут невинные, то хотя это и вызывает сожаление, но виновниками в данном случае являются только террористы».

Эти строки подписаны офицером штаба военного командования в Бельгии и Северной Франции, и начальство ни разу не выразило ему своего неодобрения.

Предъявляемый под № РФ-411 документ Ф-665 свидетельствует о том же:

«Производство розыска в находящихся под подозрением деревнях требует опыта. Следует обращаться к помощи частей СД и гестапо. Сообщников партизан следует разоблачать и хватать без всякой жалости...»

Этот документ датирован 6 мая 1944 г. и исходит от верховного командования германских вооруженных сил. Он изобличает не только генеральный штаб армии, но и управление по набору и использованию рабочей силы, то есть Заукеля, а также организации Тодта, то есть Шпеера.

Действительно, в предпоследнем параграфе мы читаем:

«Настоящее указание имеет силу не только в отношении всего состава германских вооруженных сил, но и в отношении всех органов, действующих на оккупированных территориях, местных управлений по набору и использованию рабочей силы и организации Тодта».

Эти приказы по замыслу были направлены на истребление невинного гражданского населения и проводились в жизнь со всей жестокостью путем постоянного сотрудничества германской армии, СС, СД и ЗИПО, действия которых внушали населению всех стран Запада одинаковое отвращение и вызывали одинаковое осуждение.

В дневнике боевых действий генерала Бродовского, уже предъявленном Трибуналу сегодня утром под № РФ-305, Вы найдете следующее место:

«Были проведены карательные операции. Одна из них была предпринята в юго-западном районе департамента Дордонь у Лалинда».

И далее в записи от 14 июня 1944 г. говорится о разрушении Орадура-сюр-Глан. В дальнейшем я возвращусь к вопросу о разрушении этого французского города, а сейчас цитирую:

«Было расстреляно 600 человек», — пишет генерал Бродовский. Между тем все мужское население Орадура было расстреляно. Женщины и дети укрылись в церкви. Церковь была подожжена. В церкви были сложены снаряды. Все женщины и дети погибли.

Мы сообщим Вам вскоре о результатах произведенного французскими расследования, и Трибунал увидит, сколь лживо было описание разрушения Орадура-сюр-Глан, данное генералом Бродовским.

Читаю далее:

«Юль, 9 июня 1944 г.

Террористы совершили нападение на казармы, занимаемые частью 1395.

Сражение закончилось благодаря прибытию подкрепления — бронетанковой части № 120 из дивизии «Дас Рейх».

100 жителей Тюлля было расстреляно, а 1000 — передана в руки СД в Лиможе для производства расследования».

Мы приводили примеры террористической политики истребления в Голландии, Бельгии и других оккупированных странах Запада.

Вот еще один из тысячи примеров: массовая казнь в Пюттене (Голландия) 30 сентября 1944 г. О ней говорится в документе Ф-719, который мы предъявляем под № РФ-409.

30 сентября 1944 г. участниками голландского движения Сопротивления в Пюттене было совершено нападение на легковой автомобиль. Немцы решили, что деревня является логовом партизан, и отправили туда карательный отряд. Они собрали население деревни в церкви.

Один немецкий офицер был ранен и взят в плен участниками Сопротивления. Немцы потребовали, чтобы офицера выдали в ближайшие 24 часа, и в этом случае не будет предпринято никаких мер. Офицер был освобожден после того, как ему была оказана помощь солдатами голландского движения Сопротивления, которыми он был захвачен. Тем не менее, несмотря на данное обещание, в отношении населения деревни Пюттен были предприняты карательные меры.

Голландское правительство так описывает это событие:

«Собранному в церкви населению было сообщено, что все мужчины будут угнаны, а все женщины должны будут покинуть деревню, деревня же будет разрушена. Было сожжено 105 домов. Восемь человек, которые пытались спастись, в том числе и одна женщина, были убиты выстрелами из винтовок...

...Мужчины были увезены в концентрационный лагерь в Амерсфорте. Среди них находилось много людей, которые мимоходом зашли в блокированную деревню, но не смогли оттуда уйти. Из лагеря в Амерсфорте было освобождено около 50 человек, 12 — выпрыгнули в пути из поезда, и, наконец, 622 человека перегнали в лагерь Освенцим. Большинство из них умерло за первые два месяца пребывания там. Из 662 человек, которые были угнаны, после освобождения лагеря возвратилось лишь 32 человека из деревни Пюттен и 10 человек из других мест».

Относительно Бельгии мы сообщим лишь несколько фактов, о которых говорится в документе Ф-685, который был уже предъявлен под № РФ-394.

В двух последних абзацах на странице 47 описывается убийство немцами, разыскивавшими солдат бельгийской подпольной армии, молодого человека, который спрятался в укрытии.

В Гервэ немцы стреляли в автомобиль, переполненный молодыми людьми, и убили их. В этот же день немцы, ехавшие в танке, убили нескольких лиц гражданского населения.

Далее описываются массовые казни представителей подпольной армии. Цитирую:

«По немцам стреляли. Тогда они форсировали Маас, сожгли 58 домов и убили 13 человек...»

В пяти следующих абзацах говорится о разрушениях, бессмысленных с военной точки зрения.

Перейдем к последнему абзацу: 5-го числа в Арendonке было убито 80 человек, 5 домов было сожжено. В Сент-Юбере 6-го числа было убито 3 человека и 4 дома сожжено. В Оди была планомерно разрушена деревня: 40 домов было разрушено и 16 человек было убито, в Маркуре 10 человек было расстреляно и 36 домов сожжено, в Неростерене было расстреляно 9-го числа 9 человек, в Кост-Ханне 10-го числа было расстреляно 5 человек, в Белен-Нете 11-го числа было расстреляно 10 человек.

На странице 49 дается описание незаконных изъятий, произведенных немцами в то время, когда фронт временно стабилизировался. В предпоследнем абзаце говорится о том, что когда немцы отступили перед английским авангардом из Эштеля, население вывесило флаги. Свежие германские части вынудили отойти английский авангард и провели карательные действия: расстреляли 31 жителя, сожгли 89 домов и произвели массовый грабеж.

В Эльштерне при таких же обстоятельствах было сожжено 34 дома и 10 человек было расстреляно. В Эренту имели место подобные же действия.

«Обстоятельства, при которых эти люди были казнены, — сообщается в докладе Голландского правительства, — идентичны: немцы обыскивали подвалы, заставляли выходить оттуда людей, выстраивали их в ряд на дороге и, приказав бежать, стреляли по ним. В то же время они бросали в подвалы гранаты, ранив женщин и детей, которые в них находились».

Последний абзац: «Неожиданно возвратившись в деревню Ломель, немцы установили, что она разукрашена флагами. Один из немцев обнаружил 17 человек, спрятавшихся в укрытии. Он дал сигнал об этом экипажу танка, танк двинулся на укрытие и производил на укрытии развороты до тех пор, пока оно не обрушилось и не погребло под собой 12 человек».

О Норвегии мы предъявляем выдержки из представленного уже под № РФ-526 документа:

«13 апреля 1940 г. две женщины в возрасте шестидесяти лет были расстреляны в Рейнгейке. 15 апреля четыре гражданских лица, из которых двое подростки по 15—16 лет, были расстреляны в Адале. Один из них был убит выстрелом в голову и

ударами штыка в живот. 19 апреля четыре гражданских лица, среди которых две женщины и маленький мальчик трех лет, были расстреляны в Рингзекере...

...В качестве мести за смерть двух германских полицейских, которые были убиты 26 апреля 1942 г. в Телеваге, этот населенный пункт, то есть более восьмидесяти хозяйств с 334 постройками, был полностью разрушен; был причинен ущерб в 4200 тысяч крон».

На странице 52 Трибунал обнаружит продолжение описания германских злодеяний, совершенных в Норвегии без всякой военной необходимости и вызванных одним лишь стремлением поддерживать атмосферу террора.

Массовые расправы и разрушения во Франции были весьма многочисленны и не вызывались никакой военной необходимостью. Все они тесно переплетались между собой. Мы предъявляем под № РФ-412 документ Ф-243. Трибунал обнаружит его на странице 178 предъявленной ему книги документов. Это длинный перечень, составленный французским управлением по расследованию военных преступлений во Франции, в котором указаны разрушенные и ограбленные без всякой военной необходимости населенные пункты. Этот перечень занимает четырнадцать страниц книги документов, предъявленной Трибуналу. Чтение этого документа явится достаточным для того, чтобы Трибунал составил себе ясное представление о происходившем.

Мы дадим лишь несколько примеров.

Предъявив документ Ф-909 под № РФ-413, мы рассчитываем с его помощью изложить обстоятельства, при которых был разрушен в Марселе целый жилой квартал. Это сообщается на страницах 56, 57, 58 книги документов, которая лежит перед Трибуналом.

Считают, что около 20 тысяч человек было угнано. Этот угон проводился на основании приказа от 23 января и имел место ночью с 23-го по 24-е число без предварительного уведомления. Я цитирую:

«Считают, что было угнано около 20 тысяч человек. Некоторые лица, проживающие в Фрежюсе, были высланы в концентрационный лагерь в Компьене...

Операции по разрушению начались около 9 часов утра 1 февраля. Они осуществлялись германскими инженерными войсками.

Площадь разрушенной территории равняется 14 гектарам, и на ней было 1200 строений».

Было произведено расследование для установления виновников этих разрушений. После освобождения Марселя был допрошен фон Шпигель, германский консул в Марселе. Его показания включены в документ С-906, который мы предъявляем под № РФ-418.

Шпигель показал:

«Мне известно, что спустя некоторое время после выселения жителей Вье Порта пронесся слух, что это мероприятие было вызвано интересами финансового порядка. Я могу утверждать перед вами, что, по моему мнению, это предположение ошибочно. Приказ пришел из высших органов имперского правительства, в нем указывались следующие мотивы: обеспечение безопасности войск и ликвидация угрозы эпидемии».

Мы не намереваемся давать полное описание деяний, совершенных немцами. Мы дадим лишь несколько показательных примеров.

В городе Ои департамента Эн (это — документ Ф-600, который мы предъявляем под № РФ-415) «один гражданин хотел дать выпить сидра американскому солдату. Возвратились немцы. Американский солдат, а также и господин Эннебер были взяты в плен и уведены немцами в место, которое называлось «Черная гора», находящееся в коммуне Ориеньи-Эн-Тиераш, где и был впоследствии обнаружен труп господина Эннебера, который был спрятан разрезанным на части в куче хвороста. На трупе были следы от двух ударов штыком в спину...»

В Ланье, находящемся в департаменте Эн (это — документ Ф-604, предъявляемый под № РФ-416), «один гражданин был убит в своем винограднике. Молодые люди и девушки были убиты на дороге».

Основанием для убийств послужило якобы «наличие «маки» в этом районе». Все жертвы ни в чем не были повинны.

В Кюло (документ Ф-904, который мы предъявляем под № РФ-417) «...двое молодых людей были арестованы потому, что побежали, увидев немцев... Ни один из них не принадлежал к движению Сопротивления».

В Сен-Жан-де-Морьенн (это документ Ф-906) «...28 июля одетые в гражданское платье жандармы Шаван и Эмперер были арестованы германскими солдатами без каких-либо законных оснований. Начальник комендатуры — лейтенант обещал офицеру из жандармерии освободить этих людей. Этот германский комендант приказал своим людям расстрелять арестованных...»

1 сентября мадемуазель Люси Перо, 21 года, служанка в кафе Дентру, была изнасилована германским солдатом, угрожавшим ей револьвером».

Я перечисляю лишь в порядке очередности все описанные в этом документе зверства, которые излагаются вплоть до страницы 68 предъявленной Вам книги документов.

Я подошел к событиям в Веркоре. Бесспорно, в этом районе были собраны значительные силы армии Сопротивления. Но в документе Ф-611, который мы предъявляем под № РФ-419, перечисляются зверства в отношении невинного населения

этого района, совершенные в качестве репрессии за то, что в этом районе находились «маки».

«...Операции полиции в районе Сен-Дона 15 июля: насилия, грабежи; 8 июля казнь в Пат-де-Валенс; казнь 30 заложников, взятых из числа политических заключенных из фор-Монтлюка в Лионе; с 25 июля по 5 августа 1944 г. операции полиции против «маки», находившихся в Веркоре; насилия и грабежи в районе Креста, Сажана и Ди. Бомбардировка с воздуха многочисленных деревень в Веркоре, особенно деревень Ля-Шапель и Басье-Эн-Беркор. Массовые казни жителей этих населенных пунктов. Грабежи.

После короткого суда в Сен-Назер-Эн-Ройан было казнено 100 молодых людей, 300 других было угнано из этого района в Германию, умерщвлено 80 тяжело раненных в гроте на Жюир...

15 июня 1944 г. при налете германских войск на деревню Сенд-Дона 54 женщины и девушки в возрасте от 13 до 50 лет были изнасилованы разнужданными солдатами».

...Теперь я перехожу к страшным подробностям совершенных зверств во время бомбардировок и занятия немцами деревень.

«В большинстве случаев количество жертв из числа гражданского населения в результате этих бомбардировок было довольно велико, так как население, захваченное врасплох, не имело времени для того, чтобы укрыться...

...В Кресте две женщины были изнасилованы... В Сайане три женщины были изнасилованы.

...Девочка двенадцати лет была ранена. Ей привязали обе ноги к балке и в течение шести дней она ожидала смерти, не имея возможности ни сесть, ни встать и не получая никакой пищи. Все это происходило на глазах немцев, которые заняли деревню...

...Для того чтобы терроризировать население Требордена в Бретани, были повешены невинные люди, а для того чтобы трупы кровоточили, они были искромсаны ножом».

В документе Ф-912, который мы предъявляем под № РФ-421, описано умерщвление 35 евреев в Сент-Аман-Монроне: «Эти люди были арестованы и убиты гестаповцами и военнослужащими германских вооруженных сил выстрелами из револьверов в спину. Они не были виновны ни в одном преступлении».

А вот еще документ Ф-913, который мы предъявляем под № РФ-422: «8 апреля 1944 г. германские военные из гестапо арестовали юношу Андре Бессидона, 18 лет, проживавшего в Байне. Его брат был «маки». Зверски изуродованный труп этого молодого человека был обнаружен в Съеже (Юра) 11 апреля 1944 г.: нос и язык были отрезаны, на всем теле были следы ударов ножом и порезы на ногах. Одновременно с Бессидоном в Съеже было обнаружено еще четверо других молодых

людей, которые были так изуродованы, что их невозможно было опознать. На них не было следов пуль, что ясно указывает на то, что они умерли в результате зверского обращения».

Я перехожу к документу Ф-615 (который мы предъявляем под № РФ-423) — описанию разрушения деревни Серизей (Де-Севр).

«...Пожар не вызвал несчастных случаев, но в это время сгорели трупы двоих людей, убитых германским отрядом, а также трупы жертв бомбардировки. Деревня была разрушена огнем из орудий: было разрушено 172 строения и 559 повреждено...»

В документе Ф-616, который мы предъявляем под № РФ-425, описываются операции германской армии в районе Ниццы, начиная примерно с 20 июля 1944 г.:

«После того, как отряд, ...находившийся под постоянным командованием ээсовцев, подвергся нападению нескольких местных отрядов «маки», этот отряд направился к ферме, на которой укрывались двое французов — участников движения Сопротивления, и предпринял там карательные действия: были схвачены муж и жена — владельцы указанной фермы, и после многочисленных зверских пыток, ударов, насилия и т. д. они были застрелены выстрелами из автомата, затем был схвачен их сын, которому было только три года. После жесточайших пыток он был распят на двери фермы».

...Я перехожу к документу Ф-914, который мы предъявляем под № РФ-426. Это пространное описание убийств, совершенных немцами без всяких на то оснований на улице Троншэ в Лионе:

«...Без предварительного уведомления, не попытавшись проверить действительное положение вещей и при удобной возможности захватить действительных виновников сборища, солдаты открыли огонь; ряд лиц из гражданского населения — мужчин, женщин и детей — остались на земле, а легко раненные поспешно рассеялись».

...В документе Ф-607, который мы предъявляем под № РФ-428, говорится о грабежах, насилиях и поджогах, которые были совершены в Сайане в июле и августе 1944 года.

...Перехожу, далее, к документу Ф-608, который предъявляется под № РФ-429: один человек был сожжен заживо во время карательной экспедиции. Он был невиновен.

Я предъявляю под № РФ-430 документ Ф-610, в котором говорилось, что «весь район Басье в Веркоре опустошен». Этот документ является отчетом Красного Креста, составленным перед освобождением.

«Мы обнаружили на одной ферме раненого пулей при следующих обстоятельствах: немцы заставили его поджечь собственный дом и хотели помешать ему выйти из огня, стреляя в него

из револьвера. Но, несмотря на ранения, ему чудом удалось спастись».

Мы предъявляем, далее, под № РФ-431 документ Ф-618.

«... Прежде чем эти лица были расстреляны, их подвергли пыткам. Одному из них — господину Франциску Дюперье — сломали руку и разбили в кровь лицо, другому — господину Пьеру Плато — воткнули в живот кол, кроме того, ему раздробили челюсть».

Мы предъявляем под № РФ-432 документ Ф-605. В этом документе говорится о поджоге поселка Плэн близ Мутье (Савойя): «... Две женщины: госпожа Ив Романэ, 72 лет, и ее дочь Марта, 41 года, сгорели в небольшом помещении, где они укрылись. Один мужчина, господин Марва, после того как был ранен в ногу пулей, укрылся в том же помещении, он также сгорел».

Мы предъявляем теперь под № РФ-433 французский документ Ф-298. В этом документе говорится о разрушении Майя (департамент Эндр-и-Луара). Эта местность была полностью разрушена 25 августа 1944 г., и значительное число жителей было убито или тяжело ранено. Эти разрушения и эти преступления не были мотивированы никакими террористическими действиями, никакими действиями французских вооруженных сил...

Я обращаюсь к документу Ф-673, который предъявляется под № РФ-392. В этом документе описываются события, которые происходили при совершении немцами преступлений в Монпеза-де-Кэрсис.

Это письмо, адресованное французской комиссией по перемирию и взятое из архивов германской комиссии по перемирию в Висбадене: «В ночь с 6 на 7 июня, в связи с операцией в районе Монпеза-де-Кэрсис, германские войска сожгли четыре фермы, составлявшие поселок Пэрш. Трое мужчин, две женщины и двое детей в возрасте 4 и 14 лет заживо сгорели, а две женщины и ребенок 10 лет бесследно исчезли; вероятно, их постигла та же участь».

«... В субботу 10 июня двое дезертиров открыли стрельбу по германским солдатам, последние застрелили этих людей и, кроме того, без всяких причин истребили всех жителей деревни, которых смогли обнаружить. Всего было убито таким образом 7 мужчин, 6 женщин и 14 детей. Большая часть из них была убита в постели, поскольку все это происходило ранним утром».

10 июня около 19 часов пять германских военных самолетов в течение 30 минут подвергали атакам деревню Таро, сбрасывая бомбы и ведя огонь из пулеметов. Были разрушены многие постройки, в том числе здание управления мостов и дорог и здание инспекции. Было убито 7 и ранено 12 жителей этой деревни...

... Мы предъявляем теперь под № РФ-435 документ Ф-190, в котором говорится о преступлениях, совершенных в Аске гер-

манской войсковой частью, которая в качестве репрессий за разрушение железной дороги убила 77 человек, самых различных по положению и возрасту, среди которых находились коммерсанты, служащие, промышленники и рабочие.

Это массовое убийство явилось основанием для возбуждения французским правительством протеста, на который бывший в то время главнокомандующим Рунштедт ответил 3 мая 1944 г.

Документ Ф-673, который уже был нами предъявлен под № РФ-392, является ответом этого высокопоставленного офицера германской армии: «... Население Аска несет ответственность в результате своего предательского поведения, за которое я могу лишь сурово карать».

Генерал Берар, глава французской делегации при германской комиссии, не счел себя удовлетворенным ответом Рунштедта и 21 июня 1944 г. повторно возбудил французский протест, направив его на этот раз главе германской комиссии по выполнению условий перемирия генералу Фоглю.

«... В общей сложности с 1 октября 1943 г. по 1 мая 1944 г. более 1200 человек явились жертвами этих репрессивных мер. ... Эти меры, направленные против невинных, внушали ужас французскому населению».

... Значительное число указанных действий было совершено в ходе карательных экспедиций, направленных против населения, которое обвиняли в связи с «маки». В этих операциях никогда не проявлялось стремления установить, были ли лица, подозреваемые в оказании помощи нарушителям, действительно виновны, и, тем более, не проявлялось стремления установить, участвовали эти лица по принуждению или по собственной воле, и, в связи с этим, сделать разграничение. Поэтому неизбежно, что общее число ни в чем не повинных лиц, которых казнили, было исключительно велико...

Карательные действия в Дордони с 26 марта по 3 апреля 1944 г. и особенно скорбное происшествие в Аске, которые вызвали вмешательство французского правительства, являются наиболее мрачными примерами. В частности, в Аске 80 ни в чем не повинных людей заплатили жизнью за покушение, которое, судя по полученным мною сведениям, не привело к смерти ни одного германского солдата.

Подобные акты могут лишь способствовать развитию бунтарских настроений, в которых заинтересованы только враги Германии».

Ответ комиссии по исполнению условий перемирия находится в документе Ф-707, который мы предъявляем под № РФ-436. В нем отклоняется протест генерала Берара. Этот документ лежит перед Трибуналом, и я не считаю необходимым его оглашать.

В конце своего протеста генерал Берар писал: «Противник, который сдастся, не может быть убит, даже если он является франтирером или шпионом. Последние должны понести заслуженное наказание на основании решения трибунала, который действует в соответствии с положениями германского внутреннего законодательства».

Мы предъявляем документ Ф-706, который также является французской нотой германскому генералу. В ней выражен протест против разрушений, произведенных немецкими войсками в Шодобоне и Шавроше. Я не оглашаю этого документа. Остановлюсь лишь на отдельных фактах уничтожения людей.

«...Жертвы были избраны без проведения расследования, даже без допроса, как попало: рабочие, студенты, профессора, промышленники, среди них были даже лица, симпатизирующие фашистской милиции, и даже кандидаты в «ваффен СС». 120 трупов, висевших на протяжении 500 метров на балконах и фонарях улицы Гар, представляли страшное зрелище, которое надолго останется в памяти несчастного населения города Тюлля».

Мы подошли к вершине, которой достигли немцы в своих зверствах — к разрушению Орадур-сюр-Глан в июне 1944 года.

Мы надеемся, что Трибунал примет предъявляемый документ Ф-236, который будет фигурировать под № РФ-438. Имеется в виду официальный текст, изданный французским правительством, в котором полностью излагаются события. Я дам общий анализ доклада, который существовавшее в то время правительство де-факто адресовало германскому генералу — главнокомандующему районов Запада:

«В субботу, 10 июня, в начале второй половины дня, соединение СС, принадлежавшее, по всей вероятности, к дивизии «Дас Рейх», появилось в указанном районе, и, предварительно полностью окружив деревню, ворвалось в нее. Населению было приказано собраться на центральной площади. Ему было сообщено, что в сделанном доносе было указано, что в деревне спрятаны взрывчатые вещества, и в связи с этим будут произведены обыски и проверка удостоверений личности. Мужчинам было предложено собраться по 4—5 человек, после чего каждую группу заперли в сарае. Женщин и детей отвели в церковь и заперли. Было около 14 часов. Немного спустя стали раздаваться выстрелы из автоматов, и вся деревня, а также прилегающие к ней фермы были подожжены. Дома поджигали один за другим. В связи с той площадью, которую занимал населенный пункт, эта операция длилась несколько часов.

В это время женщины и дети, находившиеся в церкви, были охвачены страхом, слыша шум пламени и стрельбу. В 17 часов германские солдаты проникли в церковь и оставили на алтаре прибор, вырабатывающий удушающее вещество. Этот прибор

имел форму коробки, из которой выходили наружу подожженные фитили. Немного спустя воздух стал таким, что невозможно было дышать. Тогда кому-то удалось выломать дверь в модельню, что позволило прийти в себя женщинам и детям, которые находились на грани отравления. После этого германские солдаты начали стрелять через окна церкви, затем они проникли в нее, чтобы прикончить из автоматов последних людей, оставшихся в живых, они облили пол воспламеняющимся веществом. Лишь одной женщине удалось ускользнуть. Она взобралась на окно, чтобы бежать через него. Крики одной из матерей, которая хотела передать ей своего ребенка, привлекли внимание часового, он выстрелил в беглянку и тяжело ранил ее. Ей удалось спасти жизнь лишь благодаря тому, что она притворилась мертвой; впоследствии ее вывели в госпитале в Лиможе.

Около 18 часов германские солдаты остановили проходивший поблизости поезд и, высадив из него всех пассажиров, ехавших в Орадур-сюр-Глан, расстреляли их, после чего бросили их трупы в кустарник. Поздно вечером и на следующий день, в воскресенье утром, жители соседних поселков, встревоженные пожаром или испуганные отсутствием своих детей, ушедших в школу в Орадуре-сюр-Глан, пытались приблизиться к нему, но они были либо расстреляны, либо отогнаны силой германскими часовыми, охраняющими выходы из деревни. Тем не менее, во второй половине дня в воскресенье нескольким людям удалось проникнуть в руины и установить, что церковь была наполнена скорчившимися и обугленными телами женщин и детей.

Одному свидетелю, которому можно полностью довериться, удалось увидеть у входа в церковь труп матери, державшей на руках ребенка, коленопреклоненный труп маленького ребенка у алтаря и два соединившихся вместе трупа детей около исповедальни.

В ночь с воскресенья на понедельник немцы возвратились и попытались уничтожить вне церкви следы массового умерщвления женщин и детей. Новая трагедия разыгралась в Лиможе днем 11 июня. Вечером командующий отказался удовлетворить ходатайство местного префекта выдать ему пропуск, чтобы он смог совершить поездку по вверенному ему району. Только префект де Рошфор смог отправиться в Орадур и на следующий день представить отчет своему начальнику, отчет, в котором было указано, что от деревни в 85 домов остались руины, а большая часть населения, в том числе женщины и дети, погибли.

Во вторник, 13 июня, местный префект получил, наконец, разрешение передвигаться по своему району и отправиться на место происшествия в сопровождении уполномоченного префектуры и архиепископа Лиможа. Большая часть церкви была

разрушена, и в ней находились еще обугленные останки детских трупов. Остатки костей были смешаны с древесным пеплом. По полу были рассыпаны гильзы с фабричным знаком «СТК-АМ», и на стенах остались на высоте человеческого роста многочисленные следы от пуль.

Снаружи была свежевырытая земля и лежали собранные, наполовину сгоревшие остатки детской одежды. В том месте, где находились сарай, валялась груда совершенно обуглившихся человеческих тел. Она была частично прикрыта различными предметами и создавала зрелище чудовищной бойни».

Три последних абзаца: «Хотя и нельзя точно определить число жертв, по приблизительным подсчетам его можно считать равным 800—1000 погибших, в том числе и большого количества детей, многие из которых были эвакуированы сюда из районов, подвергавшихся бомбардировкам. Полагают, что из всех жителей деревни, находившихся в ней в начале второй половины дня 10 июня, в живых осталось не более двенадцати человек».

Таковы факты.

Позже было произведено расследование. Результаты его кратко изложены в только что предъявленной нами книге. Им было установлено, что ни один из представителей французских внутренних вооруженных сил не находился в деревне, как не находился и в районе ее на расстоянии многих километров. Было установлено также, что действия, явившиеся причиной массовой казни в Орадуре-сюр-Глан, были совершены далеко от него. Было установлено, что часть, совершившая это преступление, мстила за покушение, произведенное на нее более чем в 50 километрах от Орадура.

Командованием германской армии был отдан приказ произвести судебное следствие. Это подтверждается документом Ф-678. Из этого документа, датированного 4 января 1945 г., явствует, что к тому времени в этой местности или, по крайней мере, в районе Орадура-сюр-Глан не оставалось ни одного немца. Согласно версии, выдвинутой германскими властями, «репрессии представляются полностью оправданными соображениями военного порядка, к тому же военные командиры, ответственные за эти действия, пали во время боев в Нормандии».

«Репрессии представляются полностью оправданными соображениями военного порядка» — так, с точки зрения германской армии, было полностью оправдано преступление, изложение которого было мною дано в самых сдержанных тонах. Ответственность Кейтеля за все эти действия безусловна. В документе Ф-673 (это явится заключительной частью моего изложения) имеется указание за подписью Кейтеля, датированное 5 марта 1945 г., о казнях французских граждан без суда и следствия.

Из этого указания Трибуналу станет ясно, как германская армия производила следствие после столь серьезных событий, которые имели место в Орадуре-сюр-Глан, событий, которые необходимо было оправдать любой ценой.

...Документ Ф-673 был предъявлен под № РФ-392; это сборник документов, находившихся у германской комиссии в Висбадене.

«...Верховное командование германских вооруженных сил. Ставка Гитлера, 5 марта 1945 г. Лицо, излагающее вопрос: капитан СА Стерлиери. Секретно. Относительно так называемых смертных казней французских граждан без суда и следствия.

1. Германской комиссии по выполнению условий перемирия.
2. Командованию на Западе.

В августе 1944 года французская комиссия при германской комиссии по выполнению условий перемирия адресовала последней ноту, в которой дана полная картина событий, связанных с так называемыми произвольными казнями французов, имевшими место с 9 по 24 января 1944 г.

Сведения, которые даются в французской ноте, в большинстве случаев столь точны, что проверка их с германской стороны, безусловно, возможна. 26 сентября 1944 г. верховное командование германских вооруженных сил поручило германской комиссии по выполнению условий перемирия ознакомиться с указанным происшествием. В связи с этим упомянутая комиссия потребовала у командования на Западе расследования событий и занятия определенной позиции в отношении фактов, изложенных во французской ноте.

12 февраля 1945 г. германская комиссия по выполнению условий перемирия получила от армейской группы «Б» (от председателя военного трибунала этой группы) сообщение о том, что документы по этому делу находятся с ноября 1944 года у судьи при главном командовании 6-й бронетанковой армии и что вторая бронетанковая дивизия СС «Дас Рейх» и командование 6-й бронетанковой армии вышли из состава армейской группы «Б».

Независимо от того, каким образом было произведено расследование по настоящему делу, необходимо сделать следующие замечания:

Французы, а именно делегация правительства Виши, сделала германскому военному командованию серьезный упрек в том, что казнь французских граждан не была оправдана законами войны, а являлась убийством. В германских интересах ответить как можно скорее на этот упрек. После того, как прошло значительное время с момента вручения французской ноты, было бы возможно даже в ходе военных событий и при передвижениях войск, которые имеют отношение к указанным действиям,

рассмотреть и опровергнуть, с помощью реалистического изучения фактов, хотя бы часть возводимых упреков. Если хотя бы часть упреков будет опровергнута, то можно будет показать французам, что вся совокупность их протестов основывается на данных, достоверность которых сомнительна. В связи с этим фактом, что с германской стороны не было ничего предпринято в отношении этого дела, у противной стороны сложится впечатление, что мы не в состоянии возразить на эти упреки.

Расследование этого дела показывает, что часто совершенно недооценивается важность опровержения упреков, возводимых на германские вооруженные силы, и важность действий против вражеской пропаганды.

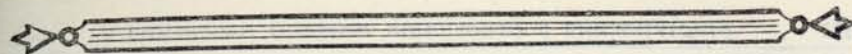
Настоящим германской комиссии по выполнению условий перемирия поручается продолжать расследование дел со всей необходимой для этого энергией.

Мы просим всех тех, кто имеет к нему отношение, оказать всю необходимую помощь. Особенно в том, что касается ускорения расследования. Тот факт, что командование 6-й бронетанковой армии не входит более в ведение командования на Западе, не может явиться препятствием для получения необходимых сведений в целях освещения дела и опровержения французских упреков.

Кейтель».

...Французская комиссия и правительство неоднократно указывали германскому правительству не только на злодеяния в Орадуре-сюр-Глан, но и на многочисленные другие зверства.

В настоящем письме делается ссылка на предшествовавшие этой ноте французские протесты, которые были частично оглашены перед Трибуналом в ходе рассмотрения излагаемого вопроса.

Документ СССР-378

ИЗ КНИГИ ГЕРМАНА РАУШНИНГА «ГОЛОС РАЗРУШЕНИЯ» ИЗДАНИЯ 1940 ГОДА

Глава XI. Внешняя политика Гитлера (стр. 137)

...Он¹ продолжал: минимально, что мы можем сделать, — это предотвратить поднятие чужеземной крови в теле нашей нации.

Я признаю, что угроза этого чужеземного засиления не ослабнет, если в недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. Подумайте об Австрии, о Вене. Разве в них осталось что-нибудь немецкое?

Мы обязаны истреблять население, — продолжал он, возбуждаясь, — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, — грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви. Под словом «уничтожить» я не имею в виду непрременное истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения. Например, я могу на несколько лет отделить мужчин от женщин. Вы помните, насколько упал процент деторождаемости во время мировой войны? Почему бы нам в течение нескольких лет не проводить сознательно того, что тогда явилось неизбежным следствием продолжительной войны? Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уж во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов.

¹ Гитлер. — Составители.

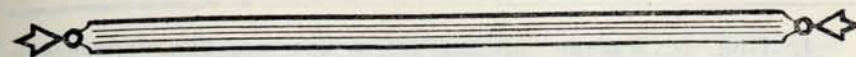
Кстати, — добавил он, — я без всякого колебания заявлю об этом открыто. После войны французы жаловались, что немцев на двадцать миллионов больше, чем нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем осуществление регулирования по плану численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих веков хныкания о защите бедных и забитых для нас пришло время решить защищать сильных перед низшими. Одна из основных задач германского государственного управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал исключительное право уничтожать целые племена, целые народы. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы проявляем гуманность. Нам не нужно забывать, что мы поступаем с другими только так, как они сами поступили бы с нами...

Глава XVI. Черная и белая магия (стр. 225)

Я благодарю свою судьбу за то, что она не уготовила мне благословения, посылаемого государством, и не опустила мне на глаза завесу, называемую научным образованием. Мне удалось избежать многих наивных заблуждений. Теперь я пожинаю плоды достигнутого мною. Я приближаюсь ко всему с колоссальным ледяным спокойствием и без предрассудков.

Провидение предопределило, что я буду величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума, который завладел ими, от грязных и разлагающих унижений, которые личность претерпевает от химеры, носящей название совесть и мораль, и от требований свободы и личной независимости, которые могут быть перенесены лишь немногими.

Христианской доктрине о бесконечной значимости индивидуальной человеческой души и личной ответственности я с неотразимой ясностью противопоставляю спасительную доктрину о ничтожности и маловажности индивидуального человеческого существа и о его повторяющемся существовании в очевидной бессмертности нации. Догма о страданиях за ближнего и смерть от руки божественного спасителя дает место догме символики жизни и деятельности нового лидера — законодателя, который освобождает преданные ему массы от тяжести свободной воли.

Документ С-50

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ ГИТЛЕРА ОТ 13 МАЯ 1941 г. «ОБ ОСОБОЙ ПОДСУДНОСТИ В РАЙОНЕ «БАРБАРОССА» И ОБ ОСОБЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ВОЙСК»

II

О преступлениях, совершенных военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению

1. Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок.

2. При обсуждении подобных действий необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918 году, последовавший за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлись результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл.

3. Поэтому судебный начальник¹ должен тщательно разобрататься, необходимо ли в подобных случаях возбуждение дисциплинарного или судебного преследования. Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям поддержания воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск... Не подлежат, как правило, смягчению приговоры за бессмысленное уничтожение помещений и запасов или других трофеев во вред собственным войскам.

Предложение о привлечении к уголовной ответственности в каждом случае должно исходить за подписью судебного начальника.

¹ Командиры воинских соединений и частей, которым принадлежало право возбуждения уголовных дел в отношении военнослужащих. — Составители.

4. При осуждении предлагается чрезвычайно критически относиться к достоверности показаний враждебных гражданских лиц...

III

Ответственность войсковых начальников

Войсковые начальники в пределах своей компетенции ответственны за то:

1. чтобы все офицеры подчиненных им частей своевременно и тщательно были проинструктированы об основах настоящего распоряжения;

2. чтобы судебные советники своевременно были поставлены в известность как о настоящем распоряжении, так и об устных указаниях, которыми главнокомандующим были разъяснены политические намерения руководства;

3. чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства...

По поручению — Начальник верховного командования вооруженными силами Кейтель.

CSU - 2

Seckriegsleitung
B.Nr. 1. Skl. Ia 6010/1111 *CSU* Chefs.

Berlin, den 17 Juni 1941

Geheime Kommando *[redacted]*
Nur durch Offizier!

Yfz.

II.) Schreibe an:

Gruppe Nord	= Prüf 1+2
Admiral Norwegen	= " 8+4
Station O	= " 5+6
Bdk	= " 7+8
Verbindungstab Finnland	= " 9+10
Mar. Bef. "C"	= " 11+12
Mar. Bef. "D"	= " 12+14

nachrichtlich

Anliegend wird ein Führererlass über die Ausübung der Kriegegerichtsbarkheit im Gebiet "Barbarossa" und über besondere Massnahmen der Truppe übersandt.

Handwritten: Fertige Abschrift des Führererlasses vom 13.5. und füge je 2 mal dem Schreiben zu i.) bei. *Referat: Fertig bis 30.*

III.) I Op.

1. Skl. 1. A. Ia

11.1.18/16

Pollen...

Handwritten signature

Handwritten signature

Распоряжение Гитлера от 13 мая 1941 г. „Об особой подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск“ (препроводительное письмо)

Der Führer
und Oberste Befehlshaber
der Wehrmacht

Stabschefquartier, d. 13. Mai 1941.

*aus Anlass für Gruppe bis
ausgeführt am 15. 12. 1941*

C-50

Exzess
über die Befugnisse der Kriegsgesichte
auswärtig im Gebiet "Barbarossa"
und über besondere Massnahmen der Truppe.

Die Wehrmachtgerichtsbarkeit dient in erster Linie der Erhaltung der Mannszucht.

Die weite Ausdehnung der Operationsräume im Osten, die Form der dadurch gebotenen Kampfesführung und die Besonderheit des Gegners stellen die Wehrmachtgerichte vor Aufgaben, die sie während des Verlaufs der Kampfhandlungen und bis zur ersten Befriedung des eroberten Gebietes bei ihrem geringen Personalbestand nur zu lösen vermögen, wenn sich die Gerichtsbarkeit zunächst auf ihre Hauptaufgabe beschränkt.

Das ist nur möglich, wenn die Truppe selbst sich gegen jede Bedrohung durch die feindliche Zivilbevölkerung wehrlos zur Wehr setzt.

Dieses wird für den Raum "Barbarossa" (Operationsgebiet, rückwärtiges Frontgebiet und Gebiet der politischen Verwaltung) folgendes bestimmt:

1.

Behandlung von Straftaten feindlicher Zivilpersonen

1. Straftaten feindlicher Zivilpersonen sind der Zuständigkeit der Kriegsgesichte und der Standgerichte bis zur weiteren Entzogen.

2. Prälschüler sind durch die Truppe im Kampf oder auf der Flucht wehrlos zu erledigen.

3. Auch alle anderen Angehörige feindlicher Zivilpersonen gegen die Wehrmacht, ihre Angehörigen und das Gefolge sind von der Truppe auf der Stelle mit den krassesten Mitteln bis zur Vernichtung des Feindes zu vernichten.

C-50-5

- 2 -

4. Wo Massnahmen dieser Art verkannt wurden oder zunächst nicht möglich waren, werden verantwortliche Elemente sogleich einem Offizier vorgeführt. Dieser entscheidet, ob sie zu erschossen sind.

Gegen Ortschaften, aus denen die Wehrmacht hinterlistig oder heimtückisch angegriffen wurde, werden unverzüglich auf Anordnung eines Offiziers in der Dienststellung mindestens eines Bataillons usw. Kommende deutsche kollektive Gewaltmassnahmen durchgeführt, wenn die Umstände eine rasche Feststellung einzelner Täter nicht gestatten.

5. Es wird ausdrücklich verboten, verdächtige Täter zu verwahren, um sie bei Wiedereinführung der Gerichtsbarkeit über Landeseinwohner an die Gerichte abzugeben.

6. Die Oberbefehlshaber der Heeresgruppen können im Einvernehmen mit den zuständigen Befehlshabern der Luftwaffe und der Kriegsmarine die Wehrmachtgerichte über Zivilpersonen dort wieder einführen, wo das Gebiet ausreichend befriedet ist.

Für das Gebiet der politischen Verwaltung ergeht diese Anordnung durch den Chef des Oberkommandos der Wehrmacht.

II.

Behandlung der Straftaten von Angehörigen der Wehrmacht und des Gefolges gegen Landeseinwohner

1. Für Handlungen, die Angehörige der Wehrmacht und des Gefolges gegen feindliche Zivilpersonen begehen, besteht kein Verfolgungsanspruch, auch dann nicht, wenn die Tat zugleich ein militärisches Verbrechen oder Vergehen ist.

2. Bei der Beurteilung solcher Taten ist in jeder Verfahrenslage zu berücksichtigen, dass der Zusammenbruch im Jahre 1918, die spätere Leidenszeit des deutschen Volkes und der Kampf gegen den Nationalsozialismus mit den zahllosen Blutopfern der Bewegung entscheidend auf bolschewistischen Einfluss zurückzuführen war und dass kein Deutscher dies vergessen hat.

3. Der Gerichtsherr prüft daher, ob in solchen Fällen eine disziplinare Ahndung angezeigt oder ob ein gerichtliches

liches

C-50-6

- 3 -

liches Einschreiten notwendig ist. Der Gerichtsherr ordnet die Verfolgung von Taten gegen Landeseinwohner im kriegsgerichtlichen Verfahren nur dann an, wenn es die Aufrechterhaltung der Mannszucht oder die Sicherung der Truppe erfordert. Das gilt z.B. für schwere Taten, die auf geschlechtlicher Heimmungslosigkeit beruhen, einer verbrecherischen Veranlagung entspringen oder ein Anzeichen dafür sind, dass die Truppe zu verwildern droht. Nicht wider sind in der Regel zu beurteilen Straftaten, durch die sinnlos Unterkünfte sowie Vorräte oder andere Beutegut zum Nachteil der eigenen Truppe vernichtet wurden.

Die Anordnung des Ermittlungsverfahrens bedarf in jedem einzelnen Fall der Unterschrift des Gerichtsberrn.

4. Bei der Beurteilung der Glaubwürdigkeit von Aussagen feindlicher Zivilpersonen ist höchste Vorsicht geboten.

III.

Verantwortung der Truppenbefehlshaber.

Die Truppenbefehlshaber sind im Rahmen ihrer Zuständigkeit persönlich dafür verantwortlich,

1. dass sämtliche Offiziere der ihnen unterstellten Einheiten über die Grundsätze zu I rechtzeitig in der eindringlichsten Form belehrt werden,
2. dass ihre Rechtsberater von diesen Weisungen und von den mündlichen Mitteilungen, in denen den Oberbefehlshabern die politischen Absichten der Führung erläutert worden sind, rechtzeitig Kenntnis erhalten,
3. dass nur solche Urteile bestätigt werden, die den politischen Absichten der Führung entsprechen.

IV.

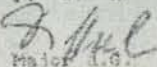
Geheimschutz

Mit der Enttarnung genießt dieser Erlass nur noch Geheimschutz als Geheime Kommandosache.

Im Auftrage

Der Chef des Oberkommandos der Wehrmacht
gez. Keitel.

F. d. R.

Major i. G.

Распоряжение Гитлера от 13 мая 1941 г. (третья страница)

Документ СССР-12

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПОЛИЦИИ
БЕЗОПАСНОСТИ И СД ПРИ НАЧАЛЬНИКЕ
ТЫЛОВОГО ВОЕННОГО ОКРУГА 102
№ 1694/41

СЕКРЕТНО

НАЧАЛЬНИКУ СК 7а

По вопросу: ПОВЕДЕНИЕ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ

Указание

Начальнику штурмового отряда
Вильбрандту

— заготовить копии прилагаемого
приказа генерал-фельдмаршала фон
Рейхенау и разослать по одному экз.
в I.СС 192 и 161 див. УА.
5.12.

В приложении посылаю копию с ко-
пии одобренного фюрером приказа
командующего 6-й германской армии
о поведении войск на Востоке с прось-
бой довести до сведения всего состава
вашего штаба.

Штурмбанфюрер
(Подпись неразборчива)

О ПОВЕДЕНИИ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ

По вопросу отношения войск к большевистской системе имеются еще во многих случаях неясные представления.

Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей война.

К борьбе с врагом за линией фронта еще недостаточно серьезно относятся. Все еще продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков-женщин; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще, как к настоящим солдатам, и направляют их в лагеря для военнопленных. Пленные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь. Подобное отношение войск объясняется только полным легкомыслием. Руководству сейчас своевременно разъяснить смысл происходящей борьбы.

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если это является трофеями. Они являются необходимой частью нашего снабжения. Войска

заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.

Для сохранения важного в военно-хозяйственном отношении сырья и промышленных объектов руководство даст специальные указания.

Необходимо полное разоружение населения в тылу сражающейся части, принимая во внимание протяженность и уязвимость путей подвоза. Где возможно, прятать и охранять трофейное оружие и боеприпасы. Если же условия боя не позволяют этого, то оружие и боеприпасы выводить из строя. В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан, применять в отношении их решительные и жестокие меры. Эти мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с их стороны покушений. Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуется на то, что с ними обращаются, как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженных сил.

2. Беспощадное искоренение вражеской хитрости и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности.

Главнокомандующий *фон Рейхенау*, генерал-фельдмаршал.

ИЗ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОЙ ДИРЕКТИВЫ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1942 г. № 1А/1388/42 «О БОРЬБЕ С БАНДАМИ»

Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд¹., за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности.

В связи с этим фюрер приказал:

1) ...Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху...

Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников.

Эти принципы должны лечь в основу «Инструкции по борьбе с бандами на Востоке»...

2) Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке.

Командиры войск, действующих против банд, несут ответственность:

за обстоятельное и неуклонное ознакомление с этим приказом всех офицеров подчиненных им частей;

за немедленное ознакомление с этим приказом своих юристов-консультантов;

за то, чтобы не утверждались приговоры, противоречащие этому приказу.

Кейтель

¹ Бандами гитлеровцы именовали советских партизан. — Составители.

Документ СССР-254

ИЗ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОЙ ДИРЕКТИВЫ
НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД
ОКРУГА РАДОМ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1944 г.
№ 1У А-326/43 «ОБ ОСОБО СТРОГОМ ДОПРОСЕ»
(ДОПРОС 3-й СТЕПЕНИ)

...Так как до настоящего времени допрос 3-й степени проводился по-разному, то для предотвращения нарушения и во избежание возможного привлечения чиновников к уголовной ответственности, командующий полицией безопасности и СД в Кракове распространил применение положений о полиции безопасности, действующих в Германии, также и на генерал-губернаторство:

а) В случае, когда необходимо производить допрос 3-й степени немцев, проживающих в Германии, немцев по национальности или граждан дружественных или нейтральных стран, следует применять распоряжение шефа полиции безопасности и СД, совершенно секретное, за № IV-226/42 от 12 июня 1942 г. Во всех других случаях, а особенно в тех, когда требуется разрешение шефа полиции безопасности и СД, немедленно докладывать мне¹. Следственные чиновники другой национальности не должны принимать участия в допросе 3-й степени как по делам немцев, проживающих в Германии, или лиц немецкой национальности, так и по делам подданных дружественных или нейтральных государств.

б) В отношении прочего населения, не немецкого происхождения, живущего на территории генерал-губернаторства, а также и в отношении граждан Советского Союза поступать следующим образом: допрос 3-й степени следует применять только в тех случаях, когда заключенный не хочет признаться в том, что ему известно о важных антигосударственных или антиимперских фактах, о связях, об уже совершенных или задуманных крупных

¹ Указание на необходимость получения разрешения на истязания являлось фикцией. — Составители.

преступлениях (например об убийствах, грабежах, а также о местах сокрытия награбленного и т. п.), установление и раскрытие которых нормальным путем невозможно, хотя осведомленность заключенного об этом весьма вероятна.

Предварительным условием применения этого метода допроса является положение, когда обычные методы допроса остались безрезультатными. Недопустим допрос 3-й степени в отношении лиц, дела которых временно переданы на исследование органам юстиции. Исключения из этого допустимы только с моего особого и предварительного согласия.

Более строгое ведение допроса в зависимости от положения дела может заключаться в следующем:
ухудшенное питание (хлеб и вода);
лишение постельных принадлежностей,
содержание в темной камере,
лишение сна,
изнурительные движения, а также удары палками по ягодицам.

Все средства допроса 3-й степени применяются с разрешения. При наказании палочными ударами присутствуют не менее двух чиновников.

По делам, расследуемым уголовной полицией, нанесение ударов заключенным не немецкой национальности производится чиновниками уголовного следствия, не принадлежащими к немецкой национальности. Сказанное о применении допроса 3-й степени запрещается толковать расширительно.

Если заключенного, подлежащего допросу 3-й степени, представляют судье, то немедленно следует письменно и совершенно секретно с краткой мотивировкой довести до сведения соответствующего главного прокурора о том, что заключенный допрошен указанным способом. В самом деле, как вообще во всех делах, не следует упоминать о допросе 3-й степени.

Поскольку я не сам присвоил себе право допроса 3-й степени, выбор формы и объема данного допроса я предоставляю руководителям отделений 4 и 5, а также руководителям соответствующих учреждений.

Разрешение на допрос 3-й степени, в основном даваемое до допроса, должно последовать в письменной форме.

с) В исключительных случаях, особенно по служебным делам, проходящим не по месту службы, старшему по чину чиновнику, ведущему дело, может быть предоставлено до начала дела право вести допрос 3-й степени не по месту службы.

По возвращении на место службы об этом следует доложить. Данные разрешения хранятся, собранные в одном месте, в отделении IV в Радоме в продолжение трех лет.

Ходатайство о разрешении на допрос 3-й степени и полученное разрешение следует рассматривать как совершенно секретное дело государственной важности.

О результате допроса 3-й степени, по каждому случаю которого я дал разрешение, докладывать мне лично.

За строжайшее выполнение этого предписания несут личную ответственность руководители отделений, а также руководители других учреждений; им надлежит позаботиться об обучении чиновников, в компетенцию которых входит допрос 3-й степени, и строго учитывать секретное значение этих предписаний и отдельных случаев.

Нарушение этого распоряжения карается в уголовном и дисциплинарном порядке.

Ильмер

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ФОН ДЕМ БАХ-ЗЕЛЕВСКОГО

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 7 января 1946 г.]

Тэйлор¹: Вы были членом СС?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Какой последний чин у Вас был в СС?

Бах-Зелевский: Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС.

Тэйлор: Вы служили в армии во время войны 1914—1918 гг.?

Бах-Зелевский: Да, я был с 1914 по 1918 год на фронте, был дважды ранен и получил железный крест 1-й и 2-й степени.

Тэйлор: Вы оставались в армии после конца прошлой войны?

Бах-Зелевский: Да, я оставался в армии.

Тэйлор: В течение какого времени Вы оставались в армии?

Бах-Зелевский: До 1924 года, когда я ушел в отставку.

Тэйлор: Скажите, Ваша военная карьера затем закончилась?

Бах-Зелевский: Нет, затем я был командиром батальона в пограничных войсках, после чего до начала похода в Польшу оставался в составе вооруженных сил Германии.

Тэйлор: Вы были членом нацистской партии?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: В каком году Вы вступили в нее?

Бах-Зелевский: В 1930 году.

Тэйлор: В какую организацию партии Вы вступили?

Бах-Зелевский: В общие части СС.

Тэйлор: Какова была Ваша деятельность в СС до начала войны?

¹ Полковник Тэйлор — представитель обвинения от США. — Составители.

Бах-Зелевский: Я создавал общие и пограничные части СС в районах Шнейдемюля и Франкфурта на Одере, после чего с 1934 года был оберабшнитсфюрером в Восточной Пруссии и затем в Силезии.

Тэйлор: Вы были членом рейхстага в течение этого периода?

Бах-Зелевский: Да, я был депутатом рейхстага с 1932 года до конца.

Тэйлор: Принимали ли Вы какое-либо активное участие в этой войне до начала кампании против Советского Союза?

Бах-Зелевский: Нет. До начала войны с Россией я не принимал участия в войне.

Тэйлор: Какой пост Вы занимали, каковы были Ваши обязанности с начала войны?

Бах-Зелевский: В начале войны я был группенфюрером СС и генерал-лейтенантом.

Тэйлор: Когда Вы были повышены в звании?

Бах-Зелевский: 9 ноября 1941 г. я получил звание обергруппенфюрера и генерала войск СС.

Тэйлор: Какой пост Вы занимали после начала войны с Советским Союзом?

Бах-Зелевский: После того, как начался поход против России, я участвовал в нем как высший руководитель СС и полиции на центральном направлении и в тыловом районе этого направления.

Тэйлор: Имелось ли такое должностное лицо СС в тыловом районе каждой армейской группы?

Бах-Зелевский: Да, в каждой войсковой группе — Северной, Центральной и Южной — был такой высший руководитель СС и полиции.

Тэйлор: Кто был главнокомандующим Центральной армейской группой?

Бах-Зелевский: Главнокомандующим Центральной группой был вначале генерал-фельдмаршал фон Бок, позднее — генерал-фельдмаршал Клюге.

Тэйлор: Кто был командующим вооруженными силами в тыловом районе Центральной армейской группы?

Бах-Зелевский: Генерал от инфантерии фон Шенкендорф.

Тэйлор: Он был непосредственно подчинен командующему армейской группой?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Кто был Вашим непосредственным начальником по линии СС?

Бах-Зелевский: Генрих Гиммлер.

Тэйлор: Кто был Вашим непосредственным начальником в тыловом районе армейской группы?

Бах-Зелевский: Генерал фон Шенкендорф.

Тэйлор: Какова была Ваша основная задача в качестве высшего руководителя СС и полиции в России?

Бах-Зелевский: Моя основная деятельность заключалась в борьбе против партизан.

Тэйлор: Вам известна деятельность так называемых оперативных групп СД?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Скажите, эти группы играли значительную роль в антипартизанских операциях большого масштаба?

Бах-Зелевский: Нет.

Тэйлор: Какова была основная задача этих оперативных групп?

Бах-Зелевский: Основная задача оперативных групп СД заключалась в уничтожении евреев, цыган и политических комиссаров.

Тэйлор: Тогда, какие же силы применялись для антипартизанских операций большого масштаба?

Бах-Зелевский: Для борьбы против партизан были предназначены специальные подразделения войск СС, полиции порядка и, в первую очередь, воинские части.

Тэйлор: Опишите, пожалуйста, характер тех подразделений регулярной армии, которые применялись для операций против партизан?

Бах-Зелевский: Эти соединения вооруженных сил, в первую очередь, были охранными дивизиями, которые использовались в тылах войск за линией фронта; затем так называемые батальоны территориальных стрелков; далее, воинские соединения по охране военных объектов. Они действовали у железнодорожных путей, шоссе и охраняли другие военные объекты. Кроме того, с 1942—1943 гг. были созданы так называемые дежурные части, которые формировались из тыловых частей и маршевых рот.

Тэйлор: До какого времени Вы оставались на посту высшего руководителя СС и полиции?

Бах-Зелевский: Я был начальником СС и полиции в центральном районе России с некоторыми перерывами в связи с поездками на фронт и затем вследствие болезни. В общем, я был им до конца 1942 года, затем я получил пост начальника соединений по борьбе с партизанами.

Тэйлор: Скажите, этот пост начальника соединений по борьбе с партизанами был создан специально для Вас?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Кому непосредственно Вы подчинялись в этой новой должности?

Бах-Зелевский: Генриху Гиммлеру.

Тэйлор: Скажите, Ваши функции по этой новой должности ограничивались какой-либо определенной частью Восточного фронта?

Бах-Зелевский: Нет. Мои задачи охватывали восточную территорию в целом.

Тэйлор: Каков был общий характер Ваших обязанностей в качестве начальника антипартизанских соединений?

Бах-Зелевский: В первую очередь я должен был установить связь со ставкой Гиммлера, где должен был быть организован пункт сбора донесений, куда поступали бы все донесения, касавшиеся партизанского движения. Все эти донесения должны были быть обработаны там и распределены по организациям, занимавшимся этим вопросом.

Тэйлор: При исполнении своих обязанностей Вы совещались с командующими фронтами и армий на Восточном фронте?

Бах-Зелевский: Только с командующими фронтами, а не армий, и с представителями верховного командования вооруженных сил.

Тэйлор: Вы давали им советы по поводу методов, которые должны применяться для борьбы с партизанами?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Назовите, пожалуйста, некоторых из командующих, с которыми вы лично совещались.

Бах-Зелевский: Называю по памяти — с командующими группой на Востоке генералом кавалерии Бремером, с генерал-фельдмаршалом Кюхлером, командующим Северной группой (фронтом) Кребсом, командующими группой центра Клюге и Бушем, командующим украинской группой, генералом военно-воздушных сил Китцингером, генерал-фельдмаршалом бароном фон Вейхсом, командующим в Сербии и в Белграде, и генералом Кюблером — командующим группировкой в районе Триеста.

Тэйлор: В какой пропорции применялись для антипартизанских операций войска вермахта по сравнению с применением полицейских частей и частей СС?

Бах-Зелевский: Так как число полицейских соединений и соединений войск СС было очень незначительно, то основные действия против партизан осуществлялись главным образом подразделениями вооруженных сил.

Тэйлор: Антипартизанские подразделения обычно действовали под командой офицеров вермахта или офицеров СС?

Бах-Зелевский: Это делалось различным образом. Во-первых, это зависело от района. В районах военных действий

почти в основном командование осуществляли представители вооруженных сил, однако действовало распоряжение о том, что, независимо от того, кто давал руководящие указания в отношении какого-либо мероприятия, операциями руководили те, кто поставлял большее количество войск для выполнения этого задания, будь то воинские части, части СС или полиция.

Тэйлор: Скажите, высшие военные руководители издавали инструкции о том, что антипартизанские действия должны проводиться жестоко и безжалостно?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Скажите, высшие военные руководители издавали какие-либо инструкции о методах, которые должны были применяться при антипартизанских операциях?

Бах-Зелевский: Нет.

Тэйлор: Каков был результат того, что поступающие сверху на оккупированные территории инструкции были недостаточно подробны и детальны?

Бах-Зелевский: В результате такого упущения в области борьбы с партизанами господствовала полная анархия.

Тэйлор: Каково Ваше мнение, были ли меры, принимавшиеся в борьбе с партизанскими действиями, более жестокими, чем того требовали обстоятельства?

Бах-Зелевский: Так как не существовало никаких приказов по этому вопросу и младшие командиры должны были действовать самостоятельно, исход этих мероприятий был различным и зависел от характера самого командира, а также от способностей самой группы, выполнявшей эти мероприятия. Я считаю, что эти мероприятия часто не только противоречили здравому смыслу, но и в большинстве своем превышали то, что нужно было бы делать.

Тэйлор: Скажите, приводили ли эти меры к ненужным убийствам большого количества гражданского населения?

Бах-Зелевский: Да.

Тэйлор: Вы сообщали об этих излишних мерах жестокости командующим армейскими группами и другим офицерам вермахта, с которыми Вы сотрудничали?

Бах-Зелевский: Это было общеизвестно, и по этому вопросу не нужно было доносить особо, так как о каждом мероприятии доносилось в определенный срок и во всех подробностях, и, таким образом, мероприятие становилось известным тем руководителям, которые были ответственны за него.

Тэйлор: Были ли этими высшими военными начальниками или командующими армейскими группами предприняты какие-нибудь эффективные меры для того, чтобы прекратить эти эксцессы?

Бах-Зелевский: Насколько я помню, особенно генерал фон Шенкендорф согласовывал со мной ряд таких сообщений, передававшихся потом нами дальше по служебной линии.

Тэйлор: Имели ли эти донесения генерала Шенкендорфа какой-нибудь результат?

Бах-Зелевский: Нет.

Тэйлор: Почему же?

Бах-Зелевский: Генерал-квартирмейстер Вагнер пытался, правда, внести некоторые изменения введением более строгого руководства. Однако он не смог провести это решение в жизнь.

Тэйлор: Скажите, пожалуйста, был ли издан верховным командованием приказ о том, что германские солдаты, совершившие насилие над гражданским населением, не должны наказываться военными судами?

Бах-Зелевский: Да, такой приказ был издан.

Тэйлор: Препятствовал ли этот приказ тому, чтобы устранить экспессы со стороны воинских частей?

Бах-Зелевский: Да, по моему мнению, этот приказ мешал введению какого-либо порядка в действия войск, так как войска можно воспитывать только в том случае, если вы имеете полномочия в области дисциплины и суда, которые можно было бы применять.

Тэйлор: Какие награды Вы получили в течение этой войны?

Бах-Зелевский: В этой войне я получил золотую пряжку к Германскому кресту и рыцарский крест.

Тэйлор (обращаясь к председательствующему): Теперь свидетель может быть допрошен другими представителями обвинения и защиты.

Председатель: Имеются ли вопросы у советского обвинения?

Покровский: С Вашего разрешения, я хотел бы задать ряд вопросов.

Какие силы полиции и СС были в Вашем распоряжении в 1941—1942 гг., когда Вы состояли высшим руководителем полиции и СС в тыловом районе Центральной армейской группы?

Бах-Зелевский: Мне непосредственно подчинялся в 1941 году один полк полиции порядка, кроме того, временно, 2—3 месяца, мне была подчинена кавалерийская бригада СС.

Покровский: Подчинялась ли Вам эйнзатцгруппа «Б», во главе которой стоял Небе?

Бах-Зелевский: Нет.

Покровский: Получали ли Вы отчеты Небе?

Бах-Зелевский: От него нет, но я их доставал сам.

Покровский: Что Вы знаете о деятельности эйнзатцгруппы «Б»?

Бах-Зелевский: Оперативная группа «Б» находилась в Смоленске. Она оперировала так же, как и другие оперативные группы. Можно было всюду услышать разговоры о том, что евреев собирают и направляют в гетто.

Покровский: Докладывалось ли военному командованию об оперативной деятельности эйнзатцгруппы «Б»?

Бах-Зелевский: Я осведомился о деятельности оперативной группы «Б» через Шенкендорфа.

Покровский: Известно ли Вам о приказе командующего 6-й армией генерала Рейхенау о борьбе с партизанским движением?

Бах-Зелевский: Так точно. Насколько мне известно, это было в 1941 или, может быть, в 1942 году. Приказ генерала фон Рейхенау был доведен до сведения всех командующих. В нем говорилось о действиях против евреев и партизан.

Покровский: Имелись ли в Вашем подчинении в 1943 году и позже этого времени какие-либо части, специально занимавшиеся борьбой с партизанским движением?

Бах-Зелевский: В 1943 году я, будучи начальником соединений по борьбе с партизанами, не имел права непосредственно издавать приказы, так как руководил тогда центральным учреждением. Но в тех местах, где полномочия двух командующих соприкасались, я проводил действия самостоятельно.

Покровский: Известно ли Вам что-нибудь относительно существования особой бригады, которая была сформирована из бывших контрабандистов и освобожденных из тюрем браконьеров?

Бах-Зелевский: После ухода всех действительно способных вести борьбу с партизанами частей — в конце 1941 — в начале 1942 года — Центральному фронту был дан батальон под командованием Дюрлевангера, который и должен был бороться против партизан. Он был впоследствии усилен до полка (это до 1944 года), затем это была уже бригада. Эта бригада Дюрлевангера состояла в основном из преступников, которые уже были наказаны, официально это были так называемые «ворьшки», но среди этих людей были и настоящие уголовники, которые были арестованы за кражу со взломом, убийства и т. д.

Покровский: Чем Вы объясните, что командование германской армии так охотно усиливало и увеличивало размеры частей, сформированных из уголовных преступников, и направляло их именно на борьбу с партизанами?

Бах-Зелевский: Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Везельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил

тогда, что целью похода на Россию является истребление славянского населения до 30 миллионов и что в этой области следовало использовать именно такие неполноценные войска.

Покровский: Правильно ли я понял Вас, что сам характер людских контингентов, которые командование бросало против партизан, уже заранее и обдуманно определял характер действий этих войск против населения и против партизан? Я имею в виду прямое истребление населения.

Бах-Зелевский: Да. Я считаю, что при выборе командиров и определенного состава команд имелась в виду именно эта цель.

Покровский: Каким способом части вермахта истребовались для участия в борьбе с партизанским движением — путем ли специальной заявки, по какому-нибудь определенному плану или от случая к случаю?

Бах-Зелевский: Какого-либо определенного плана, в общем, не существовало. Правда, существовали так называемые мероприятия большого масштаба, которые планировались в центре и согласно этому плану проводились, но в большинстве случаев борьба против партизан осуществлялась стихийно, так как каждый младший командир был обязан очищать свой район от партизан, то есть действовать самостоятельно.

Покровский: Вы показали, что в ряде случаев генералы и офицеры вермахта лично возглавляли операции по борьбе с партизанами. Не сможете ли Вы назвать несколько конкретных фактов и конкретные фамилии генералов и офицеров?

Бах-Зелевский: Да, некоторых генералов я уже упомянул ранее. Я еще припоминаю, что в России в Центральном районе был генерал-майор Гартман (проводилось большое мероприятие против партизан, и он руководил этим мероприятием сверху) и генерал-полковник Рейнхард, в подчиненных которому тыловых районах были основные партизанские группы. Я хотел бы сказать, что вообще не было таких генералов в тылу, которые так или иначе не участвовали бы в операциях против партизан. Я только сейчас не могу вспомнить эти имена. Если они будут упомянуты здесь, то я вспомню.

Покровский: Не сможете ли Вы сказать, каким большим мероприятием руководил генерал Гартман?

Бах-Зелевский: Нет, я сейчас не помню этого.

Покровский: Существовали ли какие-нибудь общие приказы о линии поведения по отношению к пленным, мирному населению и борьбе с партизанским движением?

Бах-Зелевский: К сожалению, таких приказов не было, приказов, которые могли бы ясно сказать, как надо обращаться с партизанами и как надо обращаться с населением. Это как раз то, в чем я упрекаю руководство, так как не было приказов,

которые бы определяли, что надо делать с партизанами, и даже не было сказано, кого следует считать партизаном. И если что-нибудь случалось, что наносило ущерб немецкой армии, то у нас не было приказов, точно определяющих, что должно быть принято как возмездие.

Покровский: Должен ли я понять Вас таким образом, что отсутствие прямых указаний открывало широкое поле для произвола со стороны любого командира части, что он имел право отнести к категории партизан любого человека и поступить с ним как с партизаном?

Бах-Зелевский: Во всяком случае, он должен был действовать совершенно самостоятельно и мог самостоятельно принимать решение. Точный контроль осуществить было невозможно. Деятельность всех войск, участвовавших в этом, была всегда ясна для высших инстанций, так как в донесениях эти контрмеры точно описывались. Это значит, что нужно было точно доложить, сколько было убито партизан в этом бою, сколько расстреляно, сколько человек было расстреляно по подозрению и какие потери понесла наша часть. Таким же образом необходимо было точно перечислить трофеи, которые были захвачены войсками во время операций. Так что каждый руководитель точно знал, как на практике проходят эти мероприятия.

Покровский: Значит, каждый командир сам решал вопрос, есть ли основания подозревать любого человека в принадлежности к партизанскому движению и убивать его?

Бах-Зелевский: Так точно.

Покровский: Известны ли Вам какие-либо приказы, которые предписывали брать заложников, сжигать деревни в качестве репрессий за помощь, которую оказывало население партизанам?

Бах-Зелевский: Нет, я не думаю, чтобы такие приказы имелись когда-либо в письменном виде. Я именно и говорю, что ошибка заключалась в том, что таких приказов не существовало. Следовало бы давать точные указания, сколько, например, человек должно быть казнено в качестве карательной меры за уничтожение, предположим, одного немецкого солдата или же за каждых 10 солдат.

Покровский: Должен ли я Вас понять таким образом, что если командиры сжигали деревни в порядке наказания местного населения за помощь, оказываемую партизанам, то их действия были результатом самостоятельно принятых решений?

Бах-Зелевский: Да. Эти решения принимались командирами самостоятельно, и не было никакой возможности что-нибудь предпринять против этого, так как высший приказ относительно этого гласил, что никакие меры против гражданского населения, проводимые в рамках борьбы против партизан, не

могут повлечь за собой дисциплинарных взысканий и судебного преследования.

Покровский: То же самое следует понимать и в отношении взятия заложников?

Бах-Зелевский: Да, я думаю, что в связи с борьбой против партизан заложники вообще не принимались во внимание. Такая «система заложников», я думаю, применялась на Западе. Во всяком случае, даже такое выражение — «заложник» в борьбе против партизан не употреблялось.

Покровский: Известно ли Вам что-нибудь относительно угона в Германию несовершеннолетних в возрасте 14—18 лет?

Бах-Зелевский: Я не могу детально вспомнить возраста угоняемых. Однако я сам приветствовал решение, которое было принято на основании моих докладов как начальника по вопросам борьбы с партизанами. Было запрещено войсковым частям без разбору чинить расправу. Это было сделано в связи с распоряжением о том, что партизан и людей, подозреваемых в участии в партизанской борьбе, не следует больше расстреливать, а следует их использовать в качестве рабочей силы в империи, в системе Заукеля.

Покровский: Если я правильно понял Ваш ответ на один из вопросов, заданных Вам раньше моим коллегой, представителем американского обвинения, то Вы сказали, что борьба с партизанским движением имела своей целью фактически истребить славянское и еврейское население?

Бах-Зелевский: Да.

Покровский: Знало ли командование вермахта о методах борьбы с партизанским движением, направленных на истребление еврейского и славянского населения?

Бах-Зелевский: Методы были общеизвестны, так что военное командование тоже должно было знать об этом. Я, конечно, не знаю, было ли оно осведомлено о плане, который упоминался Гиммлером.

Покровский: Лично Вам не приходилось ли участвовать на каких-либо совещаниях с генералами вермахта, на которых было бы ясно и прямо сказано о методах борьбы с партизанами?

Бах-Зелевский: Методы военных действий как таковые обсуждались в деталях, и предполагалось, что они известны. Однако во время этих обсуждений не говорилось, например, сколько человек должно быть расстреляно. Это не следует понимать так.

Покровский: Вы показывали, что немцы имели в виду истребить славянское население с тем, чтобы сократить число славян до 30 миллионов человек. Откуда Вам была известна эта цифра и эта установка?

Бах-Зелевский: Я разрешу себе исправить ошибку. Здесь речь шла о сокращении не до 30 миллионов, а на 30 миллионов. Эта цифра была названа Гиммлером в его речи в Везельсбурге.

Покровский: Подтверждаете ли Вы, что вся практическая деятельность немецких властей, немецких воинских соединений в борьбе с партизанами была направлена на выполнение этой директивы — сократить число славян на 30 миллионов человек?

Бах-Зелевский: Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 миллионов, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий.

Покровский: У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Имеются ли вопросы у защиты?

Экснер¹: Господин свидетель, Вы сказали, что Вы были начальником тех боевых соединений, которые боролись с партизанами. Скажите, если действительно имели место такие хаотические явления, почему же Вы не изменили системы?

Бах-Зелевский: Потому, что у меня не было права издавать приказы.

Экснер: Докладывали ли Вы о существующем положении своему непосредственному начальнику?

Бах-Зелевский: Да, каждый день. У меня был постоянный штаб при Гиммлере.

Экснер: Вносили ли Вы предложения относительно изменений?

Бах-Зелевский: Да, все время вносил.

Экснер: Почему же эти предложения не были осуществлены?

Бах-Зелевский: Мне кажется, что я достаточно ясно выразился по этому поводу. Очевидно, потому, что эти изменения были нежелательны.

Экснер: Вы также сказали, что Вы докладывали вышестоящему учреждению об убитых, раненых и плененных, захваченных у противника после каждого такого мероприятия. Скажите, примерно, каково было соотношение между убитыми и ранеными у противника?

Бах-Зелевский: Нужно сказать, что все зависело от частного случая. Все эти мероприятия нельзя причислить под одну гребенку. Во всяком случае, количество плененных намного превышало количество убитых.

Экснер: Пленных было больше чем убитых?

¹ Адвокат Экснер защищал генеральный штаб, ОКВ и подсудимого Иодля. — Составители.

Бах-Зелевский: Только с тех пор, как был издан приказ о том, что следует брать пленных.

Экснер: То есть сначала система была строже, а позднее она была смягчена?

Бах-Зелевский: Да, некоторое изменение имело место, так как позже имелись ясные приказы о том, куда надо было направлять пленных и куда их надо сдавать, чего вначале не было.

Экснер: Можете ли Вы назвать приказы, получаемые Вами от военных инстанций, которые были бы направлены на уничтожение миллионов славян?

Бах-Зелевский: Я уже ответил на этот вопрос обвинителю: такого письменного приказа не было.

Экснер: Знаете ли Вы, что донесения, которые Вы посылали Гиммлеру относительно мероприятий, проводимых Вами, Гиммлер передавал непосредственно фюреру?

Бах-Зелевский: Разрешите мне ответить на этот вопрос более подробно.

Сначала я имел постоянный штаб у Гиммлера. Мой начальник штаба постоянно находился в штабе, в то время когда я находился на передовой. Между военными инстанциями и моим штабом существовал постоянный контакт, то есть через определенные периоды происходил обмен донесениями. Ведь дело обстояло не так, что донесения о действиях партизан сначала поступали ко мне, так как были же целые районы военных действий, откуда донесения поступали сначала в ОКХ; это значит, что от этих военных инстанций я получал столько же донесений, сколько и сам посылал им. То, что эти донесения затем обобщались в моем штабе, является фактом. Затем каждый день эти донесения передавались Гиммлеру, а тот передавал их дальше.

Экснер: Кому передавал?

Бах-Зелевский: Господа из ОКВ сами мне здесь подтверждали, будучи уже в плену, что они получали эти донесения во время обсуждения обстановки.

Экснер: Скажите, участвовали ли в этих партизанских группах евреи?

Бах-Зелевский: Не подлежит сомнению, что в отдельных партизанских группах также участвовали евреи.

Экснер: Может быть, это, скорее, было исключением?

Бах-Зелевский: Да, это совершенно точно было исключением.

Экснер: Поэтому я не понимаю, как же борьба с партизанами приводила к истреблению евреев?

Бах-Зелевский: Этого я не говорил. Речь шла об оперативных группах полиции безопасности.

Экснер: Это другое дело. Скажите, знаете ли Вы полк Дюрлевангера? Это для Вас нечто нарицательное?

Бах-Зелевский: Это — бригада Дюрлевангера, о которой я говорил подробно представителю обвинения.

Экснер: Скажите, эта бригада находилась когда-либо под Вашим руководством?

Бах-Зелевский: Да, в 1941 году.

Экснер: Скажите, это было соединение регулярной армии или СС?

Бах-Зелевский: Бригада Дюрлевангера не была соединением войск СС, она обеспечивалась общими частями СС, то есть учреждением Бергера.

Экснер: Можете ли Вы сказать, кто присутствовал, когда Гиммлер произносил речь в Везельсбурге?

Бах-Зелевский: Там присутствовало примерно 12 группенфюреров. Я готов назвать их фамилии, если это нужно.

Экснер: Это были офицеры вооруженных сил Германии?

Бах-Зелевский: Нет.

Экснер: Благодарю Вас.

*Штамер*¹: Свидетель, Вы сказали, что с 1942 года являлись начальником соединений по борьбе с партизанами. В качестве такового Вы и были назначены руководителем борьбы против партизан на Востоке?

Бах-Зелевский: Да, это правильно.

Штамер: По борьбе с ними? Вы сказали, что существовала неясность по поводу того, что следует понимать под «партизанами»; что понятие «партизан» все это время было недостаточно ясным, верно?

Бах-Зелевский: По смыслу, да. По моему мнению, необходимо делать различие между партизанами и людьми, подготавливаемыми в том, что они партизаны. Войска не всегда различали это. Я всегда придавал значение тому, чтобы к этому понятию не подходили огульно и чтобы оно было как-то точно определено. Говорилось: меня обстреливают из деревни, из местечка, из леса; значит все, кто там находится — партизаны. Это неверно, так как тактика партизан заключалась в том, чтобы после достижения успеха сразу исчезнуть, потому что у партизан в их борьбе основным был момент внезапности. В результате получалось, что постольку, поскольку не существовало определенного понятия относительно того, кто является партизаном, плохо обученное, неопытное подразделение говорило: из этой деревни вели огонь — значит, все они являются партизанами. По моему мнению, партизаном был только тот, кто действительно был застигнут, то есть пойман на месте с оружием

¹ Адвокат Штамер защищал подсудимого Геринга. — Составители.

в руках. Тех, у кого не было оружия в руках, не следовало считать партизанами.

Штамер: Что же Вы предприняли положительного для того, чтобы определить это понятие — «партизан»?

Бах-Зелевский: Я уже упоминал, что непрерывно с 1941 года, еще до того, как я стал начальником боевых соединений, ведущих борьбу с партизанами, не только от меня, но и от генерала Шенкендорфа непрерывно поступали меморандумы, в которых были изложены соответствующие предложения по этому вопросу. Например, мы даже организовали на Центральном фронте в России школы по борьбе с партизанами, где всему этому должны были обучать. Мы, то есть Шенкендорф и я, совместно разработали инструкцию по борьбе с партизанами. Однако эта инструкция никогда не была издана. Сразу после того, как я встал во главе руководства по борьбе с партизанами в 1943 году, мой штаб приступил к разработке новой инструкции по борьбе с партизанами. Это длилось месяцы, пока, наконец, такая инструкция была издана в 1944 году, когда смысл подобной инструкции, собственно говоря, был уже утрачен.

Штамер: Кто издал эту инструкцию?

Бах-Зелевский: Эта инструкция была издана по всем правилам в армии и являлась обычной инструкцией вооруженных сил Германии.

Штамер: Каково было ее содержание?

Бах-Зелевский: Она так и называлась: «Инструкция по борьбе с партизанами».

Штамер: Каково было ее содержание?

Бах-Зелевский: Содержание ее как раз касалось борьбы против партизан вообще. Здесь освещалось все: разведка, вылазка, различие между маленькой, средней и большой операцией.

Штамер: Как Вы говорите, это было издано в 1944 году, а до того разве не Вашей именно непосредственной обязанностью постольку, поскольку Вы возглавляли борьбу против партизан на Востоке, являлось давать соответствующие указания подразделениям относительно того, как они в отдельных случаях должны были себя вести?

Бах-Зелевский: Во-первых, я не имел права издавать приказы. Я это уже говорил. И так, я только мог выдвигать предложения по этому вопросу. Во-вторых, не имелось каких-либо определенных стабильных подразделений, которые осуществляли бы борьбу против партизан. Это было одно название. И только от случая к случаю стягивались любые воинские части.

Кроме того, я хочу указать на то, что в документе, согласно которому я был назначен на должность начальника боевых

соединений, предназначенных для борьбы против партизан, говорилось, что только высший чиновник СС или соответствующий командующий в районах военных действий имел полномочия регулировать все вопросы, касающиеся борьбы против партизан. Я сам, согласно этой инструкции, имел только инспекционные функции, несмотря на то, что я неоднократно требовал, чтобы мне дали полномочия отдавать приказы.

Штамер: Это мне не совсем понятно. Будучи генералом войск СС, Вы должны были иметь полномочия отдавать приказы?

Бах-Зелевский: Я имел это право в том случае, когда лично проводил какую-либо операцию.

Штамер: Но ведь Вас назначали для того, чтобы Вы осуществляли борьбу против партизан, следовательно, у Вас должны были быть подразделения?

Бах-Зелевский: Я не имел никаких подразделений.

Штамер: А какими же средствами Вы проводили борьбу против партизан?

Бах-Зелевский: От случая к случаю я договаривался с соответствующим командующим, обсуждал с ним вопрос об использовании тех или иных частей для проведения мероприятий.

Штамер: Другими словами, Вы запрашивали воинские части? Эти части, если они предоставлялись Вам, подчинялись Вашим приказам?

Бах-Зелевский: Нет. Только в том случае, если мне самому приходилось проводить операцию. Иначе действиями этих отрядов руководил соответствующий генерал либо, если операции проводились в зоне гражданской администрации, — полицейский руководитель и руководитель СС. В инструкции относительно полномочий начальника соединений по борьбе с партизанами говорилось, что я могу только тогда приказывать, когда полномочия двух руководителей СС и полиции или двух командующих скрещиваются так, что необходим новый командир для того, чтобы разрешить возникшие трудности.

Штамер: Вы никогда самостоятельно не проводили операции?

Бах-Зелевский: Я провел одну операцию самостоятельно в 1943 году.

Штамер: Каким образом Вы это сделали?

Бах-Зелевский: Эта операция имела место осенью 1943 года в районе Идрица — Полоцк. Сначала я полетел на Центральный фронт, обсудил все с генералом Кребсом, тогдашним начальником, затем командующим Северным фронтом, а также с генерал-фельдмаршалом Кюхлером. Генерал-фельдмаршал Кюхлер объединил все войска СС и полиции, а также

и воинские части в один корпус под командованием Неккеля. То же самое сделал и Центральный фронт; он также выставил один корпус под командованием руководителя полиции и СС. Я сам имел штаб, и к ним был прикомандирован полковник фон Мелентин, который был связным офицером между моим штабом и ОКХ. Затем я сам лично провел эту операцию. В это время был прорван фронт у Невеля, и я принял самостоятельное решение создать фронт против этого клина Красной Армии, который, таким образом, стал передним краем со всеми теми подразделениями, которые находились в моем распоряжении.

Штамер: Известно ли Вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили Вас именно за жестокость мероприятий, которые Вы проводили в отношении партизан, за которые Вас и наградили?

Бах-Зелевский: Нет, я не получал никаких наград за борьбу с партизанами. Все мои награды, начиная от пряжки к железному кресту, я получил за действия на фронте от военного командования.

Штамер: Бригада Дюрлевангера принадлежала к войскам СС, не правда ли?

Бах-Зелевский: Нет, она не принадлежала к войскам СС. Эту бригаду следует, скорее отнести к общим подразделениям СС, так как она по всем вопросам снабжения подчинялась не войскам СС, а управлению Бергера.

Штамер: Скажите, командир ее, Дюрлевангер, был членом СС?

Бах-Зелевский: Да.

Штамер: Скажите, не предложили ли Вы лично собрать преступников и использовать их в борьбе против партизан?

Бах-Зелевский: Нет.

*Тома*¹: Господин свидетель, знали ли Вы, что гражданская администрация в Белоруссии часто протестовала против методов борьбы, которые применялись против партизан?

Бах-Зелевский: Да, я знал об этом.

Тома: Гражданская администрация подчинялась имперскому комиссару, который, в свою очередь, подчинялся министру по вопросам оккупированных восточных областей, то есть Розенбергу. Это верно?

Бах-Зелевский: Да.

Тома: Господин свидетель, если я Вас правильно понял, Вы осуждали такой метод борьбы с партизанами, при котором погибло много неповинных людей, и, во всяком случае, осуждали само существование полка Дюрлевангера, а также речь рейхсфюрера СС?

Бах-Зелевский: Да.

Тома: Как же это было совместимо с Вашим представлением о совести и порядочности? Вы — начальник, инспектор по вопросам борьбы против партизан и руководитель оперативных групп, как Вы могли осуществлять эти функции, осуждая методы борьбы против партизан?

Бах-Зелевский: Я никогда не был руководителем оперативных групп.

Тома: Как же Вы могли совместить со своей совестью свой пост в качестве начальника и инспектора по вопросам борьбы против партизан на Востоке?

Бах-Зелевский: Я не только совмещал это со своим представлением о совести, но я даже сам стремился получить этот пост, так как вместе с Шенкендорфом я видел именно в 1941—1942 гг., что так дело не может продолжаться, и генерал фон Шенкендорф, мой непосредственный начальник, как раз и выдвинул меня на эту должность.

Тома: Но Вы же знали, что все эти предложения, которые делал Шенкендорф, ни к чему не приведут?

Бах-Зелевский: Видите ли, то, что я говорил сейчас, этого я не мог знать тогда. Этого я не предвидел.

Тома: Но, во всяком случае, Вы ничего не достигли?

Бах-Зелевский: Я считаю, что, если бы вместо меня кто-нибудь другой занимал этот пост, было бы еще больше горя.

Тома: Считаете ли Вы, что речь Гиммлера, в которой он потребовал, чтобы 30 миллионов славян были уничтожены, отражала его личное мировоззрение, или это мировоззрение, по Вашему мнению, являлось вообще национал-социалистским мировоззрением?

Бах-Зелевский: Сегодня я считаю, что это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения.

Тома: Сегодня?

Бах-Зелевский: Сегодня.

Тома: А какое мнение у Вас было в то время?

Бах-Зелевский: Тяжело прийти немцу к такому заключению. Мне многое потребовалось для этого.

Тома: Господин свидетель, как это могло случиться, что несколько дней тому назад выступал здесь свидетель Олендорф, который, давая показания, признал, что он с оперативными группами уничтожил 90 тысяч человек и что это не соответствует национал-социалистской идеологии?

Бах-Зелевский: Ну, у меня другое мнение по этому поводу. Если десятилетиями проповедают, что славяне являются низшей расой, что евреи вообще не являются людьми, — неминуем именно такой результат...

¹ Адвокат Тома защищал подсудимого Розенберга. — Составители.

Председатель: Доктор Экснер. Вы хотите еще задать вопросы от имени другого подсудимого или что-либо другое?

Экснер: Я хочу задать еще два-три вопроса, которые передали мне во время перерыва мои подзащитные.

Председатель: Но Вы уже задавали вопросы?

Экснер: Да, но это — три новых вопроса. Мы не были подготовлены к этому перекрестному допросу.

Председатель: Ну, хорошо. Продолжайте.

Экснер: Господин свидетель, Вы сказали, что в 1944 году была получена инструкция, касавшаяся борьбы против партизан. А вот сейчас, во время перерыва, я нашел в книге документов обвинения под № ПС-1786 упоминание об инструкции по борьбе против партизан от 27 ноября 1942 г. Известна ли Вам эта инструкция? Она должна была существовать, потому что она упоминается в этом документе. Известно Вам что-либо об этой инструкции?

Бах-Зелевский: Нет.

Экснер: Скажите, пожалуйста, знаете ли Вы о существовании инструкции по борьбе с русскими партизанами?

Бах-Зелевский: Да. Была такая, была.

Экснер: Можете ли Вы что-нибудь вспомнить о содержании этой инструкции и методах борьбы?

Бах-Зелевский: Нет, я этого сейчас не помню.

Экснер: Не знаете ли Вы, можно ли получить эту инструкцию?

Бах-Зелевский: Нет.

Экснер: Благодарю Вас.

Биддл: Вы знаете, сколько членов вермахта использовалось в какой-либо одной операции против партизан? Какое было максимальное количество войск?

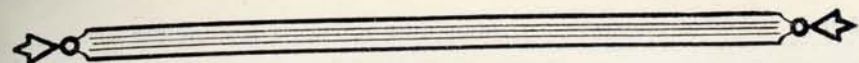
Бах-Зелевский: Большими назывались мероприятия, выполнявшиеся такими подразделениями, как дивизия. Я думаю, что самым большим, примерно, было такое мероприятие, в котором было объединено три дивизии.

Биддл: Вы знаете, сколько оперативных групп использовалось?

Бах-Зелевский: Насколько мне известно, три. На каждый фронт по одной.

Председатель (представителю обвинения): Вы хотите задать дополнительные вопросы?

Тэйлор: Нет, сэр.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ВАН-ДЕР-ЭССЕНА

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 4 февраля 1946 г.]

Фор¹: С разрешения Трибунала, я хотел бы вызвать для допроса свидетеля Ван-Дер-Эссена.

Председатель: Пожалуйста.

(К микрофону для свидетелей подходит Ван-Дер-Эссен.)

Председатель: Как Ваша фамилия?

Свидетель: Ван-Дер-Эссен.

Председатель: Вы клянетесь говорить без ненависти и страха, говорить всю правду и только правду. Поднимите правую руку и скажите: «Я клянусь».

Ван-Дер-Эссен: Я клянусь...

Фор: Господин Ван-Дер-Эссен, Вы преподаете историю на литературном факультете института в Лувене?

Ван-Дер-Эссен: Да.

Фор: Вы генеральный секретарь университета в Лувене?

Ван-Дер-Эссен: Да.

Фор: Вы находились в Бельгии в течение всего периода оккупации?

Ван-Дер-Эссен: С конца июля 1940 года я не выезжал из Бельгии.

Фор: Можете ли Вы сказать, как происходило разорение библиотеки в Лувене?

Ван-Дер-Эссен: Как известно, уже в 1914 году эта библиотека, которая была без сомнения одной из самых богатых университетских библиотек по всей Европе и содержала многочисленные инкунабулы, рукописи и книги XVI и XVII веков, подвергалась систематическому разрушению и поджигалась немецкими солдатами 9-го корпуса резервной армии.

На этот раз, в 1940 году, повторилось то же самое: библиотека систематически разрушалась немецкой армией. Для того

¹ Фор — представитель обвинения от Франции. — Составители.

чтобы это стало понятным, я должен прежде всего сказать, что, согласно всем свидетельским показаниям, пожар начался в ночь с 16 на 17 мая 1940 г. в 1 ч. 30 м. утра. Как раз на заре 17-го числа английская армия производила необходимые маневры, покидая оборонную линию «К-дубль-ве». С другой стороны, совершенно достоверно, что первые немецкие части вошли только 17 мая около 8 часов утра.

Этот перерыв между моментом ухода последних английских войск и приходом немцев дал этим последним повод распространять версию о том, что английские войска систематически разрушали библиотеку.

Я должен категорически опровергнуть здесь эту версию: библиотека Лувенского университета была разрушена в результате систематического обстрела ее немецкой артиллерией. Две батареи, из которых одна была расположена в деревне Корбек, а другая — в деревне Ловенжуль, каждая со своей стороны, систематически обстреливали библиотеку и именно библиотеку. Лучшим доказательством этого служит то, что все бомбы падали только на библиотеку. Случайно был поврежден лишь один дом, находившийся в том же квартале, а в башню библиотеки снаряды попали 11 раз — 4 раза со стороны батареи, стрелявшей из Ловенжуля, и 7 раз — со стороны батареи, стрелявшей из Корбека. Перед тем, как батарея в Ловенжуле открыла огонь, офицер, который ею командовал, потребовал от Виньерона, жителя деревни, чтобы он сопровождал его в поле. Когда они пришли к такому месту, откуда была видна башня библиотеки, офицер спросил: «Это точно башня университетской библиотеки?» Ответ был утвердительный. Офицер еще раз настойчиво спросил крестьянина, уверен ли он. «Ну, конечно, — ответил крестьянин, — раз я ее вижу каждый день так, как вы ее видите сейчас». Через пять минут после этого начался артиллерийский обстрел, и сейчас же столб дыма поднялся совсем рядом с башней.

Таким образом, не может быть никакого сомнения, что этот обстрел был систематическим и в качестве мишени была избрана именно библиотека.

В то же время совершенно определенно известно, что эскадрилья из 43 самолетов летала над библиотекой и сбрасывала бомбы на здание.

Фор: Господин Ван-Дер-Эссен, Вы являетесь членом официальной Бельгийской комиссии по расследованию военных преступлений?

Ван-Дер-Эссен: Да, господин Фор.

Фор: В качестве такового Вы проводили следствие о событиях, о которых Вы нам только что поведали?

Ван-Дер-Эссен: Совершенно правильно.

Фор: Те показания, которые Вы сейчас дали Трибуналу, являются результатом расследования, которое Вы провели, и допроса свидетелей, которых Вы лично опрашивали?

Ван-Дер-Эссен: То, что я заявил здесь, действительно является результатом официального следствия, проведенного бельгийской комиссией по расследованию военных преступлений, которая допрашивала свидетелей под присягой.

Фор: Можете ли Вы рассказать о тех мероприятиях по нацификации Бельгии, которые проводились немцами, и, в частности, о посягательстве на обычные конституционные права национальных властей?

Ван-Дер-Эссен: Да, конечно. Прежде всего интересно будет отметить, что немцы нарушили один из основных принципов Бельгийской Конституции и законов, который состоит в разделении властей, то есть в разделении властей исполнительной и законодательной, потому что в многочисленных организациях нового порядка, которые они сами создавали как указами, так и путем предложения коллаборационистам об их создании, они всегда соединяли воедино исполнительную и законодательную власть, и, кроме того, у них никогда не существовала или, во всяком случае, была сильно ограничена свобода слова, защиты.

Но еще более важен тот факт, что они предприняли уничтожение того, что в истории нашей страны восходит еще к очень раннему периоду, к периоду средних веков. Я говорю об автономности общин, которая гарантировала нас и народ от слишком опасного вмешательства центральной власти.

В этой области произошло следующее: достаточно прочитать за определенный период бельгийские газеты, которые сейчас выходят, чтобы установить, что бургомистры, старейшины, возглавляющие общины в таких главных городах, как Брюссель, Гент, Льеж, Шарлеруа, и многих второстепенных городах, все сейчас либо находятся в тюрьме, либо уже предстали перед военным судом. Это достаточно ясно показывает, что эти бургомистры и старейшины являются не теми лицами, которых назначили король и Бельгийское правительство до 1940 года, а людьми, которых назначал враг при посредстве коллаборационистских групп или рексистов.

Очень важно констатировать этот факт потому, что с тех пор, как бургомистры стали зависеть непосредственно от центральной власти, то есть с момента, когда был введен принцип фюрерства, они получили возможность вмешиваться различными способами в административную, политическую и общественную жизнь. Бургомистр назначает старейшин, старейшины назначают служащих и чиновников общины, и поскольку бургомистры состояли в нацистской партии и ею назначались,

они назначали в качестве чиновников также членов этой партии, которые получали возможность, например, отказать в выдаче продовольственных карточек людям, уклоняющимся от подчинения введенным немцами порядкам, поручать полиции составлять списки коммунистов или тех, кто подозревался в принадлежности к коммунистам. Короче говоря, всеми средствами вмешиваться в общественную жизнь Бельгии.

В больших и малых городах — повсюду существовала настоящая сеть шпионажа, как следствие тех событий и фактов, о которых я говорил.

Фор: Таким образом, будет совершенно правильно утверждать, что вмешательство немцев в управление общинами означало отмену национального суверенитета Бельгии?

Ван-Дер-Эссен: Да, конечно, это совершенно правильно, потому что они упразднили основной конституционный принцип Бельгии, то есть суверенитет, принадлежащий нации, а именно общинным советам, которые сами назначали раньше бургомистров и старшин. При немцах общинные советы не могли нормально осуществлять свою деятельность, и поэтому суверенитет бельгийского народа был непосредственно нарушен.

Фор: Поскольку Вы являетесь преподавателем высшего учебного заведения, можете ли Вы рассказать нам о вмешательстве немцев в область преподавания?

Ван-Дер-Эссен: Да, конечно. Прежде всего осуществлялось вмешательство в области начального и среднего образования. Для этого немцы оказывали давление на генерального секретаря, ведавшего народным образованием. Была создана комиссия по проверке учебных пособий; было запрещено пользоваться учебниками, в которых говорилось о том, что немцы делали в Бельгии во время войны 1914—1918 гг. Эта тема была строжайше запрещена, и такие книги могли продаваться только при том условии, если продавцы или владельцы магазинов вырвали всю эту главу целиком.

При переиздании и издании новых книг эта комиссия точно указывала, что именно должно быть изъято и зачеркнуто.

Вот то, что касается очень опасного и очень значительного вмешательства немцев в начальное и среднее образование.

Что касается высшего образования, то здесь вмешательство немцев происходило с самого начала оккупации и было направлено, прежде всего, по причинам, которых я здесь касаться не буду, но которые хорошо известны, против свободного Брюссельского университета. Прежде всего, немцы назначили в Брюссельский университет немецкого уполномоченного, который контролировал его деятельность во всех отношениях, вплоть, мне кажется, до бухгалтерии.

Кроме того, они потребовали смены преподавателей. Но самые большие затруднения начались с того момента, когда в Брюсселе, как и повсюду, они потребовали, чтобы им сообщались заранее все кандидатуры тех профессоров, которые должны назначаться, а также все дисциплины в университетах. В результате этого присвоенного ими права они хотели навязать Брюссельскому университету трех преподавателей, из которых два были совершенно неприемлемы для каждого бельгийца, достойного носить это имя.

Один из них был членом фландрского совета во время оккупации 1914—1918 гг. и потом был приговорен к смертной казни судом этой страны. Теперь же, в 1940 году, немцы предлагали назначить его преподавателем Брюссельского университета. При этих условиях университет отказался принять этого преподавателя, что было расценено оккупационными властями как акт саботажа; в качестве санкции председатель административного совета университета, основные члены административного совета, деканы основных факультетов университета и некоторые преподаватели, особенно известные как антифашисты, были арестованы и заключены в тюрьму Витте. При этом они рассматривались как заложники и в случае какого-либо акта саботажа или сопротивления могли быть расстреляны.

Что касается других университетов, я уже сказал Вам, что и там немцы также настаивали на замене некоторых преподавателей назначаемыми ими преподавателями. Но мы в Лувене категорически отказались их принять, тем более, что оказалось, что выдвигаемые немцами преподаватели, прежде всего, не являются настоящими учеными и исследователями, а являются в большинстве своем агентами-осведомителями оккупационных властей.

Фор: Кстати, правильно ли, что бельгийские власти обнаружили отчет одного из этих так называемых «приглашенных» профессоров?

Ван-Дер-Эссен: Да, это совершенно правильно. Бельгийским властям удалось захватить отчет профессора Макензена, присланного в университет в Гент взамен снятого немцами преподавателя. Этот отчет составлен необычайно тщательно и очень интересен благодаря наблюдениям личного и психологического порядка в отношении различных членов факультета университета Гента. Из этого отчета видно, что за всеми наблюдали и следили изо дня в день, склонности каждого регистрировались, сообщалось, кто является сторонником или противником оккупационного режима или имеет связи со студентами, принадлежащими к какой-либо политической организации. Короче говоря, малейшие действия или жесты всех преподавателей отмечались

тщательно и очень точно. Это почти «научная» работа, но работа доносчика.

Фор: Господин Ван-Дер-Эссен, я сообщил сегодня Трибуналу о различных случаях, которые произошли в университете в Лувене, генеральным секретарем которого Вы являетесь. Я хотел бы, чтобы Вы указали Трибуналу очень кратко, каковы были эти события, особенно касающиеся заключения в тюрьму ректора этого университета монсиньора Ван-Баенберга?

Ван-Дер-Эссен: Пожалуйста. Большие трудности начались в университете в Лувене после издания указа о принудительной трудовой повинности от 6 марта 1943 г., согласно которому все студенты университета обязаны были принимать направления на обязательную работу. Я добавляю: не на территории Германии, а в Бельгии. Однако это мнимое преимущество для студентов университетов было совершенно неприемлемо для бельгийских патриотов по одной очень простой причине: если студенты соглашались работать на бельгийских заводах, они, этим самым, занимали место бельгийских рабочих, которых тогда посылали в Германию.

Прежде всего, студенты не хотели работать на врага, и, кроме того, с точки зрения социальной, в них говорило чувство солидарности с рабочим классом, переносившим большие страдания. Вот почему студенты отказывались от этой «льготы».

В Лувене из общего количества студентов, наверняка, две трети уклонились от трудовой повинности. Факультеты опустели, студенты скрывались, как могли, и многие из них ушли к партизанам. Тогда немецкие власти, видя, какой характер принимали события, потребовали передать им списки студентов с указанием адресов для того, чтобы производить аресты на дому, а если их дома не обнаружат, то арестовывать вместо них брата, сестру, отца, мать — все равно кого-нибудь из членов семьи на основе принципа коллективной ответственности, который применялся ими повсюду.

После того как были применены сначала методы задабривания, потом шантажа, немцы перешли к неприкрытым насильственным действиям; они возобновили обыски и, кажется, уволили доктора Тчаке, доктора Калиша, а также других, они производили обыски в канцелярии университета, чтобы захватить список, но так как он был тщательно спрятан, они, оставшись ни с чем, приняли решение арестовать ректора Лувенского университета монсиньора Ван-Баенберга, который спрятал все списки в такое место, которое было известно только ему, и заявил, что он один его знает, чтобы не подвергать опасности своих коллег и преподавательский состав. Однажды в июне утром к нему явились два сотрудирика брюссельской тайной полиции в сопровождении жандармов. Они арестовали ректора в его кабинете

и отвезли его в Сан-Жиль в Брюсселе, где он был заключен в тюрьму.

Вскоре он предстал перед немецким военным трибуналом и был осужден за саботаж к 18 месяцам тюрьмы. Я должен прибавить, что в действительности он отбыл только шесть месяцев, потому что врач этой тюрьмы Сан-Жиль убедился, что состояние его здоровья настолько плохо, что дальнейшее заключение будет грозить серьезными последствиями, а также ввиду того, что происходили многочисленные вмешательства различных авторитетных лиц. Ректора освободили, но ему запретили появляться на территории Лувена, а университету предложили немедленно назначить другого ректора, на что последовал отказ.

Фор: Хорошо. Будет ли правильно сказать, что немецкие власти особенно упорно преследовали наиболее выдающихся лиц умственного труда?

Ван-Дер-Эссен: Да, в этом нет сомнения. Я могу привести в качестве примера следующие факты: при захвате заложников в качестве таковых арестовывались всегда профессора университетов, врачи, адвокаты, писатели. Их брали в качестве заложников для сопровождения поездов. В период, когда движение Сопrotивления проводило диверсионные акты на железной дороге и взрывало поезда, профессоров университетов Гента, Льежа и Брюсселя, с которыми я был знаком, помещали в первом вагоне за паровозом, таким образом, чтобы в случае диверсии они неизбежно погибли.

Я знаю один очень характерный случай, который покажет Вам, что это не были увеселительные поездки. Два профессора из Льежа, находясь именно в таком поезде, увидели следующую сцену: паровоз вместе с первым вагоном совершенно случайно проскочили через заложенное взрывчатое вещество, а взорвался второй вагон, в котором находилась немецкая охрана, которая вся целиком была убита.

С другой стороны, некоторое число профессоров и лиц умственного труда были вывезены в пользовавшийся зловецей известностью лагерь Брендонк, о котором Вы знаете; одни были вывезены за участие в деятельности Сопrotивления, а другие по совершенно неизвестным причинам; иные вывозились в Германию. Профессора из Лувена были вывезены в Бухенвальд, где попали в трудовые команды Дора, Нейенгамме, Гросс-Розен, а возможно, также в другие места. Я должен добавить, что вывозились не только профессора из Лувена, но также и другие многочисленные лица умственного труда, игравшие выдающуюся роль в культурной жизни страны. В подтверждение этого я приведу доказательство: в Лувене во время торжественного открытия университета в этом году я сам в качестве

генерального секретаря оглашал список умерших во время войны, если я не ошибаюсь, в нем было 348 имен.

Может быть, только 30 человек из этого списка были на войне и погибли в сражениях у Шельды и Лиса в 1940 году, а все остальные являлись жертвами гестапо или погибли в различных лагерях в Германии, в частности в лагерях Гросс-Розен и Нейенгамме. Кроме того, совершенно определенно известно, что немцы вообще преследовали лиц умственного труда. В связи с этим они проводили время от времени в прессе организованную кампанию, выставляя напоказ тот факт, что подавляющее большинство интеллигенции категорически отказывается подчиниться новому порядку и что оно, в частности, отказывается даже понять необходимость борьбы против большевизма. В заключение таких статей указывалось на необходимость принять меры против этих лиц. И я хорошо помню, как некоторые газетные статьи предлагали просто посылать этих лиц в концентрационные лагеря. Поэтому нет ни малейшего сомнения в том, что интеллигенцию преследовали умышленно.

Фор: Я не буду задавать Вам вопросы обо всем, что касается вывоза или же заключения в лагеря, потому что все это уже хорошо известно Трибуналу, и, задавая следующий вопрос, прошу Вас не говорить о ссылках. Мой настоящий вопрос относится в целом к тем зверствам, которые совершались немцами в Бельгии, и в особенности к тем, которые совершали войска в момент наступления в декабре 1944 года. Можете ли Вы по этому поводу сообщить какие-либо сведения?

Ван-Дер-Эссен: Совершенно верно. Я тем более могу сообщить точные и подробные сведения, если это потребуется, относительно зверств, совершавшихся во время наступления фон Рундштедта в Арденнах, что, будучи членом Правительственной комиссии по расследованию военных преступлений, я был на месте при расследовании, сам допрашивал свидетелей и лиц, уцелевших после этих зверств, так что я достоверно знаю все, что произошло.

Во время наступлений фон Рундштедта в Арденнах в 1944 году там были совершены следующие действительно отвратительные преступления в отношении мужчин, женщин и детей. Эти преступления совершались, с одной стороны, как это всегда происходит на войне, отдельными солдатами, и я не буду на этом останавливаться. Но то, что я особенно хочу отметить, это — преступления, совершенные целыми войсковыми соединениями, которым были даны официальные инструкции, а также преступления, которые были совершены органами, которые, насколько я помню, были известны как «команды специального назначения», действовавшие не только в бельгийских Арденнах,

но и совершавшие такие же преступления, теми же методами и в Великом Герцогстве Люксембургском.

Что касается первого факта, то есть преступлений, совершенных целыми войсковыми соединениями, то я, чтобы не злоупотреблять вниманием Трибунала, приведу просто очень характерный пример. Это событие, происшедшее в Ставело, где, приблизительно, 140 человек (эта цифра приблизительно, так как вначале считали 137 человек, а затем нашли трупы 140 человек), из которых было 36 женщин и 22 ребенка, старшему из которых 14 лет, а младшему — 4 года, были зверским образом убиты германскими частями, принадлежавшими к танковым дивизиям СС.

Это были дивизия «Хоенштауфен» и охранная дивизия СС «Адольф Гитлер».

Вот каким образом действовали эти части. Мы хорошо осведомлены по этому вопросу благодаря свидетельским показаниям одного человека, служившего в одной из этих частей. Он дезертировал во время кампании фон Рундштедта, переделся в штатское и впоследствии поступил работать на ферму в Арденнах. Однажды, работая на поле без рубашки, он был опознан бельгийским жандармом по татуировке, которая указывала на его принадлежность к СС. Он был немедленно арестован и допрошен.

Вот как поступали солдаты дивизии «Хоенштауфен»: двигалась колонна танков, состоявшая из «королевских тигров», впереди и позади которых шли танки для прикрытия. Наступал момент, когда оберштурмфюрер этого соединения останавливал ненадолго своих людей и разъяснял им, что все встречающееся гражданское население должно быть уничтожено. Затем все снова садились в танки, по мере продвижения колонны вдоль дороги оберштурмфюрер указывал пальцем на тот или иной дом. Тогда солдаты обстреливали дом картечью и затем врывались в него. Если кто-нибудь находился в доме, то его убивали на месте; если жители прятались в погребе, то в погреб выпускали пулеметную очередь; если же людей встречали на дороге, то их убивали на дороге. Так действовали не только в дивизии «Хоенштауфен».

Точно так же поступали и солдаты из охранной дивизии «Адольф Гитлер» и другие. Они действовали на основании официальных приказов, которыми предписывалось убивать все гражданское население. Почему же принимались эти меры? Именно потому, что во время сентябрьского наступления в этой части Арденн движение Сопротивления перешло к активным действиям и было убито много немецких военных. Поэтому для того, чтобы отомстить участникам движения Сопротивления, было дано приказание беспощадно убивать все гражданское

население, которое попадалось немцам на дороге во время их наступления в этом районе.

Другая система, может быть, еще более значительная с точки зрения привлечения к ответственности за совершенное, — это действия команд особого назначения. Здесь речь идет о действиях лиц, командовавших частями полиции безопасности, которые после занятия какого-либо пункта прежде всего производили допрос населения относительно того, кто участвовал в движении Сопротивления, о частях тайной армии, о том, где живут участники движения Сопротивления, бежали ли они или все еще живут здесь; они раздавали населению специальные, напечатанные на машинке опросные листки, содержавшие 27 вопросов по этим пунктам. Эти вопросы были всегда одни и те же. Они задавались всем в деревнях, через которые немцы проходили. Я, как и в первом случае, не буду долго задерживаться на подробностях и приведу в качестве примера местечко Банд в округе Марш.

В этом местечке действовал отряд тайной полиции, офицеры которого сами говорили, что они специально назначены Гиммлером для того, чтобы осуществлять казни всех участвовавших в движении Сопротивления. Этот отряд захватил всех лиц в возрасте от 17 до 32 лет, и после допроса из их числа был сделан совершенно произвольный отбор, поскольку они не задержали лиц, участвовавших в движении Сопротивления. Большинство из них никогда не участвовало в движении Сопротивления. В движении Сопротивления участвовали только четыре человека. Затем их погнали с поднятыми вверх руками по большой дороге, ведущей из Марша в Бастейль; поровнявшись с разрушенным домом, который был сожжен в сентябре, офицер, командовавший этим отрядом, встал вместе с фельдфебелем у входа в дом, затем фельдфебель положил руку на плечо последнего человека, стоявшего в третьем ряду, и заставил их войти в дом, где тот же офицер, вооруженный автоматом, убивал каждого из 34 молодых людей выстрелом в затылок. Не довольствуясь этим, он ногой стаскивал трупы в погреб, выпустив туда очередь из автомата для того, чтобы быть уверенным, что все убиты.

Ф о р: Я желал бы задать Вам последний вопрос. Если я понял Вас правильно, Вы сами никогда не были арестованы и не подвергались лично особым преследованиям со стороны немцев. Я хотел бы знать, как Вы считаете, мог бы свободный человек, который лично не подвергался преследованиям со стороны немецкой администрации или полиции, вести при немецкой нацистской оккупации жизнь, соответствующую понятию свободного человека о том, что такое человеческое достоинство?

Ван-Дер-Эссен: Вот Вы видите меня перед собой. Я вешу точно 67 килограммов. Мой рост равен 1 м 67 см. Такое соотношение, следовательно, вполне нормально, если верить моим коллегам с медицинского факультета.

До 10 мая 1940 г., до того, как внезапно, без объявления войны, налетели немецкие самолеты и принесли смерть и отчаяние бельгийскому населению, я весил 82 килограмма. Так вот, эта разница между моим тогдашним и теперешним весом, несомненно, является следствием оккупации. Но я не могу останавливаться на этих личных соображениях, а также соображениях общих философских или теоретических, я хочу просто рассказать Вам, и это займет не более двух минут, как средний бельгиец во время оккупаций проводил самый обычный день.

Я возьму в виде примера один день зимы 1943 года. В 6 часов утра раздается звонок. Первая мысль, которая, очевидно, каждому из нас приходит в голову, что это гестапо. Но это было не гестапо, это был просто жандарм, который заметил мне, что в моем кабинете горит свет и что, принимая во внимание требования оккупационного режима, следует в будущем быть внимательнее. Но нервное потрясение уже произошло.

В 7 ч. 30 м. утра приходит почтальон, который приносит мне письма. Он заявляет служанке, что хочет меня видеть лично. Я спускаюсь, и этот человек говорит мне: «Господин профессор, Вы знаете, что я являюсь членом тайной армии и что я в курсе происходящих событий. Сегодня немцы в 10 часов собираются произвести арест всех бывших военных бельгийской армии, живущих в этом округе. Ваш сын должен немедленно скрыться».

Я быстро поднимаюсь вверх, бужу сына, заставляю его наскоро собраться и отправляю в место, куда он должен был явиться.

В 10 часов я сажусь на трамвай и еду в Брюссель. Не дойдя до Лувена несколько километров, трамвай останавливается — жандармский патруль. Нас высаживают и всех без различия чинов и званий ставят лицом к стене с поднятыми вверх руками. Нас обыскивают с головы до ног и, не найдя у нас ни оружия, ни каких-либо компрометирующих бумаг, заставляют снова сесть в трамвай. Через несколько километров трамвай снова останавливается, так как на пути собралась толпа, мешающая движению трамвая. Я вижу плачущих женщин, слышу крики и жалобы. Я спрашиваю, в чем дело; оказывается, что этой ночью были арестованы полицией безопасности лица, уклоняющиеся от трудовой повинности, живущие в этом местечке. В том числе арестовали старика 82 лет и его 16-летнюю дочь, которые должны нести ответственность за то, что один молодой человек скрылся.

Приезжаю в Брюссель, чтобы присутствовать на заседании Академии. Вот первые слова, с которыми ко мне обращается председатель: «Ты знаешь, что произошло? Вчера на улице были арестованы двое наших коллег. Их семьи страшно обеспокоены. Никто не знает, где они находятся». Вечером я возвращаюсь, и нас снова трижды останавливают по дороге. Один раз потому, что разыскивают скрывшихся террористов, и еще два раза — для того, чтобы проверить бумаги. Наконец, я добирюсь домой без серьезных происшествий.

Я могу сказать, что только в 9 часов вечера мы могли вздохнуть с облегчением, когда можно было включить наше радио и слышать приятный голос, который раздавался каждый вечер — голос сражающейся Франции: «Сегодня 189-й день борьбы французского народа за освобождение», или голос Виктора Делаблей, этого благородного человека, работавшего на бельгийском радио в Лондоне, который в заключение говорил: «Мужайтесь, мы победим бошей!» Это и только это позволяло спокойно вздохнуть и спать ночью.

Таков был средний нормальный день среднего бельгийца во время немецкой оккупации. Вы понимаете сами, что такой период нельзя считать эрой счастья и благоденствия, которую обещали нам немцы, когда 10 мая 1940 г. они вторглись в Бельгию...

РАЗГРАБЛЕНИЕ И РАСХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СССР Л. Р. ШЕЙНИНЫМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «РАЗГРАБЛЕНИЕ И РАСХИЩЕНИЕ
ЧАСТНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

*[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 20 февраля 1946 г.]*

Господа судьи! Моя задача заключается в том, чтобы представить Суду доказательства преступных, грабительских мотивов гитлеровской агрессии и чудовищного ограбления народов Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР.

Мои коллеги уже доказали, что нападение на Советский Союз, как и на другие государства Европы, заранее планировалось и подготавливалось преступным гитлеровским правительством. Я представлю Суду ряд подлинных документов заговорщиков и их собственные высказывания и выступления, которые в совокупности своей докажут, что расхищение и разграбление частной, общественной и государственной собственности на оккупированных территориях также было заранее обдумано, запланировано и широко подготовлено и что, таким образом, наряду с заблаговременной разработкой чисто военных и стратегических планов нападения гитлеровцы также заблаговременно с хладнокровием и расчетливостью профессиональных грабителей и убийц разработали и подготовили план организованного грабежа и мародерства, скрупулезно и точно подсчитав свои будущие «барыши», свою преступную наживу, свою разбойничью «добычу».

Международному Военному Трибуналу уже представлен официальный доклад Чехословацкого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами на территории Чехословацкой Республики, явившейся первой жертвой германской агрессии. Этот документ представлен Трибуналу под № СССР-60.

В третий раздел этого доклада включена небольшая выдержка из статьи Лея, опубликованной 30 января 1940 г. в газете «Ангрифф».

«...Наше предназначение — принадлежать к высшей расе. Раса низшего уровня требует меньше места, одежды, меньше пищи и меньше культуры, чем раса высшего уровня...»

Эта установка, эта программная линия нашла свое конкретное выражение в том, что все захваченные территории гитлеровские заговорщики подвергали безудержному ограблению, самому разнообразному в отношении форм и методов и совершенно бесстыдному по своим опустошительным результатам.

В докладе Чехословацкого правительства содержится большое количество примеров, подтверждающих соответствующие разделы Обвинительного акта.

Я оглашаю эту часть доклада, начиная с первого абзаца страницы 72 русского перевода. Читаю:

«...Немецкий план кампании против Чехословакии был направлен не только против Республики как политического и военного целого, но и против самого существования чехословацкого народа, у которого были отняты не только политические права и культурная жизнь, но также и его благополучие, его финансовые и промышленные ресурсы...»

После Мюнхена. Непосредственный грабеж. Сразу же после Мюнхена немцы захватили все промышленные и коммерческие акционерные общества, принадлежавшие чехам и евреям, в районах, отнятых у Республики, и все это без компенсации. У чехов и евреев было отнято их имущество, предприятия обычно путем кровавого насилия.

Далее в докладе приводится следующий характерный факт. Речь идет о том, с чего именно начал сам Гитлер свое «знакомство» с только что захваченной им Чехословакией. Я оглашаю пункт «б» раздела доклада, озаглавленного «После вторжения 15 марта 1939 г.». Господа судьи найдут эту выдержку на страницах 3 и 4 тома документов. Читаю:

«Гитлер вошел в Прагу поздним вечером 15 марта 1939 г. и провел ночь в знаменитой крепости Градчаны. На другой день он уехал, захватив с собой множество драгоценных гобеленов. Мы упоминаем об этом грабеже не ради ценности украденных вещей, но ради примера, показанного главой партии и немецкого государства в самый первый день вторжения.

Немецкие отряды, наводнившие Прагу, привезли с собой целый штат немецких экономических экспертов, то есть экспертов экономического грабежа.

Все, что представляло какую-либо ценность для Германии, было захвачено, особенно запасы сырья, меди, жести, железа, бумаги, шерсти и провианта.

Средства транспорта, вагоны, паровозы и т. д. были увезены в рейх. Все рельсы в протекторате, находившиеся в приличном состоянии, были сняты и посланы в Германию, а на их место были положены старые рельсы из Германии. Новые, только что изготовленные вагоны, которые были заказаны для пражских городских трамваев, были, вопреки их назначению, посланы в рейх.

Пароходы, принадлежавшие чехословацкому обществу пароходного плавания по Дунаю (большинство акций принадлежало Чехословацкому государству), были разделены между Германией и Венгрией.

Ценные художественные произведения и мебель исчезли из общественных зданий без всякой попытки какого-либо «законного» обоснования такого грабежа; картины, статуи, гобелены были увезены в Германию, а Чешский национальный музей, галерея современного искусства, общественные и частные собрания расхищены.

Германский имперский комиссар Чехословацкого национального банка приостановил все переводные операции с границей и захватил золотой запас и валюту в протекторате. Так, немцы взяли 23 тысячи килограммов золота в номинальной цене на 737 миллионов крон (5 265 тысяч фунтов стерлингов) и перевели золото из банка международных операций в рейхсбанк.

Одним из способов тщательного, я бы сказал «тотального», ограбления являлась так называемая экономическая германизация. Я представляю Трибуналу в качестве доказательства этих преступлений следующую выдержку из Чехословацкого официального доклада. Эту выдержку господа судьи смогут найти на страницах 4 и 5 тома документов. Читаю:

«Экономическая германизация»

А. Земельная экспроприация

После Мюнхена

В областях, занятых германской армией, в октябре 1938 года, Германия начала налагать руку на все фермы, принадлежавшие чешским или еврейским собственникам, бежавшим из-за политических или расовых причин.

Чехословацкая земельная реформа 1919 года, поскольку она была на пользу чехам, была объявлена недействительной, и чехи должны были сдать немцам скот, оборудование и мебель. Формально чехи получили компенсацию; фактически же они были обложены пошлинами для того, чтобы покрыть расходы по так называемому «хладнокровному убытку», который они

причинили якобы своим бегством. Эти пошлины далеко превосходили компенсацию.

Большие земельные государственные имения Чехословацкой Республики сделались автоматически собственностью рейха и попали под юрисдикцию соответствующих имперских министров.

После вторжения 15 марта 1939 года

После вторжения немецкие директора, надсмотрщики и мастера заменили чехов в государственных предприятиях Чехословацкой Республики.

Германизация частной собственности началась, конечно, под лозунгом «аризации».

Германизация земельной Чехии и Моравии была поручена особому органу с центральным управлением в Праге. Чешским земледельцам была предложена компенсация за их продукты, но по несоответствующим ценам.

Земельная германизация, кроме чистой и обыкновенной германизации, стремилась к тому, чтобы как можно больше чехов обнищало.

Нацисты делали все возможное, чтобы добыть как можно больше от чешского земледелия. Здесь тоже цель была двойная: с одной стороны, добыть как можно больше продовольствия, а с другой — как можно глубже германизировать.

Сельские хозяйства были изгнаны из своих владений для того, чтобы дать место немецким колонистам. Целые земельные районы были таким образом очищены от чехов. Хозяйственные кооперативы, которым был поручен контроль над производством продукции, были превращены в принудительные организации и также постепенно были германизированы.

Расхищение имущества сопровождалось грабежом продуктов земледелия. Большие штрафы, а часто даже смертная казнь ожидали чешских земледельцев за то, что они не соблюдали распоряжений о сдаче продуктов и пайков.

В. Экспроприация банков и вкладов

В Чехословакии промышленные предприятия непосредственно финансируются банками, которые часто владеют большинством акций или же контролируют их. Захватив контроль над банками, нацисты также захватили контроль над промышленностью.

После Мюнхена два крупных немецких банка — Дрезднербанк и Дейчебанк — захватили филиалы пражских банков, находившихся на отнятой у Чехословакии территории. Так, Дрез-

днербанк захватил, между прочим, 32 отделения богемского Учетного банка, а Дейчебанк — 25 отделений богемского Унионбанка. Как только эти два банка получили контроль над судетскими отделениями банков, они начали стремиться к тому, чтобы оказывать влияние и на пражские главные отделения соответствующих банков.

Чехословацкие банки были акционерными обществами. Каждое акционерное общество, в котором хотя бы один директор был евреем, стало считаться еврейским. Таким образом, и нееврейское имущество было захвачено.

После вторжения 15 марта 1939 г. несколько чехословацких банков в Чехии стали путем аризации имуществом Дрезднербанка; так немецкий банк захватил Унионбанк Богемии. Таким образом, все финансовые интересы, которые эти банки имели в чешской промышленности, так же как и все акции, попали в германские руки.

С тех пор началось проникновение немецкого капитала в чешские банки, их экспроприация и слияние с немецкой банковской системой. Дрезднербанку (он был фактически предприятием, заведующим фондами национал-социалистской партии) и Дейчебанку было поручено дело экспроприации фондов, принадлежащих чехословацким банковским концернам. Различными «транзакциями», путем приобретения влияния через судетские филиалы на пражские главные отделения соответствующих банков, путем сокращения акций и увеличения их при помощи немецких акций, путем приобретения промышленных акций, путем лишения банков их промышленных интересов и т. д. оба берлинских банка добились полного контроля над банками протектората. Им содействовал террор гестапо».

Я пропускаю один абзац из этого доклада и перехожу к следующему разделу, озаглавленному «Уничтожение национальной промышленности».

«После вторжения немцы ввели в Чехии немецкий способ принудительной организации чешской промышленности в протекторате. Они назначили комитеты каждого нового общества и всех промышленных «групп», назначив хотя бы одного нациста председателем или товарищем председателя или же просто рядовым членом. Фактически все чешские члены правлений были бесправными фигурами.

О р у ж е й н ы е з а в о д ы. Дрезднербанк приобрел самые важные заводы в Чехословакии, то есть заводы Шкода в Пльзене и чехословацкую «Сброевку» в городе Брно. Частные акционеры должны были сдать свои акции по наименьшей стоимости; банк заплатил за эти акции купонами, изъятыми из оборота, или же купонами, конфискованными немцами в районах, захваченных ранее согласно Мюнхенскому договору.

Концерн «Герман Геринг». Немецкий захват чехословацких банков, а таким образом и промышленности, посредством больших берлинских банков был осуществлен при содействии огромного концерна «Герман Геринг», который один за другим захватил самые большие чехословацкие промышленные предприятия под предлогом аризации, путем давления со стороны рейха, путем финансовых «мероприятий» и, наконец, путем угроз гестапо концентрационными лагерями.

Таким образом, все большие чехословацкие предприятия и оружейные заводы, угольная и металлургическая промышленность попали в немецкие руки. Огромная химическая промышленность была захвачена немецким концерном «И. Г. Фарбен-индустри».

Я пропускаю абзац доклада, относящийся к тем же методам, применявшимся в отношении легкой промышленности, и перехожу к следующему разделу доклада, озаглавленному «Финансовый грабеж»:

«После оккупации территории, отданной под предлогом Мюнхенского соглашения, немцы отказались принять на себя обязательства по чехословацкому государственному долгу, хотя приобрели весьма ценное государственное имущество в областях, отнятых у Чехословакии; 1600 миллионов крон государственными облигациями низкого знаменателя находились в обороте на занятой территории. Немцы оставили за собой право пользоваться ими, как законными денежными знаками».

Далее, господа судьи, в докладе подробно описывается разграбление гитлеровцами финансового хозяйства Чехословацкой Республики. В целях сокращения времени я не буду оглашать эту выдержку.

Оглашу, далее, выдержку из раздела «Налоги»:

«Когда началась война, нацисты наложили на протекторат «военную контрибуцию» в размере 2000 миллионов крон (14 200 000 фунтов стерлингов) в год. Они утверждали, что они имеют на это право на том основании, что «чехи не воюют, а немцы воюют за них».

Сразу после оккупации немцы захватили доходы с различных косвенных налогов и направили их в имперскую казну».

Таким образом, господа судьи, приведенные мною выдержки из доклада Чехословацкого правительства дают ясное и точное представление о том, как, захватив Чехословакию, гитлеровцы подвергли ее самому разнузданному ограблению решительно во всех областях ее экономики — сельского хозяйства, промышленности и финансов.

Захватив в свои руки все народное хозяйство Чехословацкой Республики, гитлеровское правительство поставило это хозяйство на службу своим преступным интересам, выкачивая из

него все возможности для подготовки дальнейшей агрессии против народов Европы, для новых военных нападений, преследовавших чудовищную цель достижения мирового господства германской «высшей расы».

Я перехожу к оглашению четвертого раздела официального доклада Польского правительства о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в оккупированной ими Польше. Этот доклад уже представлен Трибуналу под № СССР-93 и, согласно статье 21 Устава, является бесспорным доказательством. Читаю выдержку из этого доклада, которую господа судьи могут найти на странице 14 тома документов.

«Экспроприация и грабеж общественной и частной собственности

а) 27 сентября 1939 г. немецкие военные власти издали декрет о секвестре и конфискации польской собственности в западных провинциях. «На собственность Польского государства, польских общественных учреждений, муниципалитетов и союзов, лиц и корпораций может быть наложен секвестр, и оно, то есть это имущество, может быть конфисковано», — так гласит § 1 упомянутого декрета.

б) Право военных властей распоряжаться польской собственностью в присоединенных провинциях перешло к особому «доверенному присутствию» (установленному Герингом 1 ноября 1939 г.) с главным управлением в Берлине и отделениями в Польше. Ему была доверена администрация конфискованной собственности Польского государства, а также экономическая политика в Польше, в согласии с планом, составленным правительством рейха.

с) Согласно декрету от 15 января 1940 г. вся собственность Польского государства была отдана «под охрану», что практически означало конфискацию всей государственной собственности на присоединенных территориях. Особый декрет от 12 февраля 1940 г. был посвящен земледелию и лесам с той же целью.

д) Конфискация частной собственности в западных провинциях была начата декретом от 31 января 1940 г. Приобретение собственности, а также изменение прав собственности на каждом предприятии требовало на присоединенных территориях особого разрешения.

Дальнейшим декретом от 12 июня 1940 г. Геринг уполномочил «доверенное присутствие» захватить не только государственную собственность, но также и собственность граждан «бывшего Польского государства».

е) Процесс конфискации, однако, подвигался далее. Собственность польских граждан могла быть захвачена и конфиско-

вана, если собственник не получал германского гражданства по декрету Гитлера от 8 октября 1939 г. Дальнейшие декреты регламентировали вопросы уплаты долгов ввиду того, что секвестраторы были уполномочены платить долги только привилегированным кредиторам. Таковыми были члены «Дейче фолкслеите», поскольку дело касалось довоенных долгов, а также граждане рейха или вольного города Данцига по отношению к долгам, возникшим после 1 сентября 1939 г.»

Я опускаю две страницы этого доклада, посвященные перечислению обществ, специально созданных для проведения этой грабительской деятельности, а также для ограбления польского еврейского населения, которое, как известно уже Трибуналу, было в дальнейшем истреблено. Я перехожу к заключительной части доклада Польского правительства. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 17 тома документов. Простые цитаты из этого и других декретов могут произвести совсем неправильное впечатление относительно средств, которые обвиняемые применяли к еврейской собственности в Польше. Но следует указать, что меры, касающиеся еврейской собственности, были лишь вступлением к гораздо большим преступлениям в будущем.

В заключительной части этого раздела доклада справедливо указывается:

«Кроме преступлений, доказанных и представленных здесь, есть тысячи других, которые отошли в тень из-за размера массовых убийств, массового грабежа и массового разрушения».

Нет возможности перечислить все преступления, которые были совершены в Польше под непосредственным руководством подсудимого Франка, возглавлявшего всю власть в так называемом генерал-губернаторстве.

Обнаруженные и приобщенные к материалам дела дневники Франка дают ясное и конкретное представление о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Польше под его руководством. В этих дневниках, господа судьи, содержатся также записи, непосредственно относящиеся к теме моего выступления.

Вот почему я, с Вашего разрешения, приведу выдержки из дневника, которые ранее оглашены не были.

Из тома под названием «Заседания руководителей отделов 1939/40 гг.» страницы 11—12. В Вашем томе документов, господа судьи, это находится на странице 21 — оборот. Читаю:

«...Мое отношение к полякам — это отношение между муравьем и тлей. Если я обрабатываю поляка и, так сказать, дружественно его щекочу, то я это делаю в ожидании того, что за это мне пойдет на пользу производительность его труда. Здесь речь идет не о политической, а о чисто тактической, технической проблеме. Там, где несмотря на все эти мероприятия не повы-

шается производительность, или там, где самый незначительный акт дает мне повод принимать решительные меры, я не остановлюсь, конечно, и перед драконовскими мерами...»

Из тома с надписью «Дневник 1942 год».

«Д-р Франк: Если вспомнить, что 540 миллионов złotych Польского банка, расплывенные в присоединенных восточных областях, были взяты генерал-губернаторством без всякой оплаты со стороны империи, то это составит дань в сумме более полумиллиарда, которую генерал-губернаторство уплатило Германии, не считая иных финансовых услуг».

Из того же тома, страница 1277. Речь идет о совещании губернаторов 7 декабря 1942 г. в Кракове. Там обсуждались мероприятия по повышению выпуска продукции в 1942—1943 гг. Выступал некий доктор Фишер. Читаю: «Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек».

Из этого же тома, страница 1331. Выступает Франк. Читаю:

«Я постараюсь изъять из резервуара этой области все, что еще можно. Если вспомнить, что мне удалось отправить в Германию 600 тысяч тонн зерна и что к этому следует еще добавить 180 тысяч тонн для находящихся здесь войск, а также многие тысячи тонн посевного материала, жиров, овощей и отправку в Германию 300 миллионов яиц и т. д., то вы поймете, какое значение имеет эта область для Германии».

Тот же Франк (господа судьи найдут эту выдержку на странице 27 тома документов) говорил:

«Однако эти поставки империи имеют и свою значительную теневую сторону ввиду того, что возложенные на нас поставки превосходят продовольственные возможности области. Это ставит перед нами следующую проблему. Сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающие в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

В томе, озаглавленном «Рабочие заседания 1943 года», мы находим запись совещания от 14 апреля 1943 г., имевшего место в городе Кракове. На странице 28 тома документов господа судьи найдут выдержку, которую я намерен процитировать. Выказывается президент Науман. Он приводит следующие цифры на 1943—1944 гг.:

«1500 тонн сладостей для немцев, 36 миллионов литров снятого молока для немцев, 15 100 тысяч литров цельного молока для немцев».

Он же продолжает:

«В прошлом году из поголовья скота генерал-губернаторства было позаимствовано более 20 процентов наличного

количества. При этом пошел на убой скот, необходимый для производства молока и масла. Это было осуществлено для того, чтобы более или менее обеспечить поставки для империи и армии. Для того, чтобы изъять 120 тысяч тонн мяса, необходимо осуществить убой 40 процентов наличного поголовья скота». И далее:

«На вопрос господина генерал-губернатора президент Науман отвечает, что в 1940 году было изъято 383 тысячи тонн зерна, в 1941 году — 685 тысяч тонн зерна, в 1942 году — 1,2 миллиона тонн зерна. Из этого уже видно, что изъятие увеличивается с каждым годом и все более достигает пределов возможного. Теперь собираются увеличить изъятие на 200 тысяч тонн, и тем самым будет достигнут крайний предел. Голод польского крестьянина можно усилить лишь до такой степени, чтобы он все же был в состоянии обрабатывать свое поле и производить все те работы, которые от него требуются сверх того, как, например, поставка дров и т. д.»

Впрочем, то, о чем говорил Науман, никак не повлияло на политику беспощадного ограбления польского народа, судьба которого, по словам самого Франка, его интересовала лишь в определенном разрезе.

В томе под названием «С 1 января по 28 февраля 1944 г.» имеется следующее заявление Франка, цинично сделанное им на совещании руководителей германского сельского хозяйства 12 января 1944 г. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 30 тома документов. Читаю:

«...Если бы мы выиграли войну, тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг, можно превратить в фарш. Пусть будет, что будет...»

Я думаю, господа судьи, что после этой цитаты мне как представителю советского обвинения нет нужды добавлять что-либо к разделу о злодеяниях, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Польского государства.

Поистине одной приведенной фразы более чем достаточно для того, чтобы получить точное представление о режиме, созданном в Польше Франком, и о Франке, создавшем этот режим.

Переходя к разграблению и расхищению частного и общественного имущества, произведенным гитлеровцами в Югославии, я, господа судьи, должен огласить соответствующий раздел официального доклада Югославского правительства, уже представленного советским обвинением Трибуналу под № СССР-36.

Этот доклад, в соответствии со статьей 21 Устава, также является бесспорным доказательством. Шестой раздел этого доклада, носящий наименование «Грабеж общественного и частного имущества», гласит нижеследующее. Этот раздел господа судьи найдут на странице 32 тома документов и дальше. Читаю:

«6. Грабеж общественного и частного имущества»

Вместе с эксплуатацией рабочей силы в Югославии происходил систематический грабеж общественного и частного имущества. Он проводился в различных формах и в рамках различных мероприятий. Во всяком случае, Германии удалось и этим путем выкачать из оккупированной Югославии все экономические силы и ценности и экономически почти совершенно уничтожить страну.

Здесь мы приведем только несколько примеров этого планомерного грабежа.

А. Мероприятия в области валюты

Так же, как и во всех остальных оккупированных странах, немцы сразу же после вступления в Югославию провели целый ряд мероприятий в области валюты, которые позволили им массами и по дешевым ценам вывозить из Югославии товары и прочие ценности.

Еще 14 апреля 1941 г., то есть до оккупации Югославии, главнокомандующий немецкими сухопутными войсками издал «Объявление для оккупированной югославской территории» со ссылкой, что он действует «на основании полномочий, полученных от фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами».

В пункте IX этого объявления назначается принудительный курс югославской валюты: за 1 германскую марку — 20 югославских динаров. Таким образом, искусственно и насильственно была снижена стоимость динара. Реальное соотношение динара и германской марки до войны было значительно более благоприятным для первого.

Это является неопровержимым доказательством нарушения положений Гаагской Конвенции по этому вопросу, а также доказательством заранее составленного плана обесценивания югославской валюты».

Я предьявляю Трибуналу заверенную фотокопию этого объявления в качестве документа под № СССР-140.

Вторым грабительским мероприятием в области валюты было введение принудительного платежного средства в оккупированной Югославии: введение в оборот кредитных билетов германской государственной кредитной кассы. Об этом также говорится в пункте IX объявления, предьявленного Трибуналу в качестве документа СССР-140. Эти так называемые «оккупационные марки» в самой Германии ничем не обеспечивались и не имели никакой цены. Они печатались в Югославии в соответствии с потребностями германских оккупационных войск и

властей и играли роль принудительного средства для создания возможностей закупок по самым дешевым ценам.

30 июня 1942 г., то есть более чем через год, эти имперские кредитные билеты были изъяты. Это произошло после того, как немцы уже купили в Югославии все, что только можно было купить, когда был ликвидирован Югославский национальный банк и все его имущество было разграблено. Вместо него немцы в принудительном порядке создали так называемый «Сербский национальный банк».

С тем чтобы и в этом случае иметь возможность наживаться, немцы вменили в обязанность Сербскому национальному банку обмен изъятых имперских кредитных билетов на новые динары. Выменные марки немцы затем изымали из Сербского национального банка в обмен на простые квитанции. Таким путем был произведен бесцеремонный грабеж, стоивший Югославии многих тысяч миллионов динаров.

Я представляю Трибуналу закон об изъятии имперских кредитных билетов от 30 июня 1942 г. в качестве документа под № СССР-194 и, кроме того, заверенную копию закона о «Сербском национальном банке» от 29 мая 1941 г. в качестве документа под № СССР-135.

Из этих документов явствует, что германские оккупационные власти насильственно и противозаконно ликвидировали Югославский эмиссионный банк и под предлогом, что Югославия более не существует, использовали эту ликвидацию в целях чудовищного ограбления страны.

Немцы создали так называемый «Сербский национальный банк» исключительно как орудие своей грабительской валютной политики в Сербии. Во главе банка стояли назначаемые немцами лица.

Показателен также пример с югославскими металлическими деньгами. Они содержали известный процент серебра и латуни и поэтому были изъяты, а в обращение пущены значительно менее ценные металлические монеты.

Немцы переправили в Германию, естественно, самые дорогие югославские металлические деньги. Продолжаю цитату:

«Имперский министр Шпеер как высший начальник управления вооружения заявил, что установленные цены являются «Великой хартией программы вооружения». Приказом от 25 марта 1943 г. Геринг потребовал дальнейшего снижения цен на импортируемые из всех оккупированных стран товары.

Такое снижение цен было достигнуто как путем валютных мероприятий, так и путем проведения реквизиций, конфискаций, взимания денежных штрафов и, в особенности, проведения политики цен.

Путем реквизиций, политики твердых низких цен и принудительных закупок правительству рейха удалось полностью ограбить народы Югославии. Немцы зашли так далеко, что даже сотрудничавшие с ними квислинговские учреждения часто вынуждены были заявлять о невозможности обеспечения таких поставок для Германии.

Например, в отчете головы района Морава (квислинговская администрация Милана Недича) от 12 февраля 1942 г. говорится:

«1. Если у них отобрать такое количество скота, то они не смогут обрабатывать поле. С одной стороны, власти требуют обработки каждого клочка земли, а с другой — бесцеремонно отбирают скот.

2. Закупочная стоимость скота так низка, что крестьянин воспринимает эту закупку как простую реквизицию».

Таких примеров из других районов Югославии очень много.

С целью ограбления страны немцы часто прибегали к систематическому взиманию всякого рода денежных штрафов. Денежные штрафы, установленные в 1943 году полевой комендатурой, только в одном городе Белграде достигли гигантских размеров — 48 818 068 динаров. В Ницце за первые три с половиной месяца 1943 года было собрано денежных штрафов на 5 065 000 динаров.

...В заключение мы хотим привести некоторые данные по клирингу. Расчеты при вывозе товаров в Германию из Югославии производились посредством клиринга.

К 1 марта 1943 г. клиринг-сальдо составляло 219 миллионов германских марок, или 4380 миллионов динаров, в пользу Сербии.

К концу оккупации Германия оставалась в долгу у Сербии более чем на 10 миллиардов динаров».

В остальных районах Югославии положение в основном было таким же, только формы грабежа страны менялись в зависимости от местных условий.

Наиболее распространенным средством ограбления Югославии явилась система конфискаций. Еще до полной оккупации Югославии в 1941 году на фронте был издан указ о конфискации.

На основании этого указа было конфисковано огромное количество сельскохозяйственных продуктов, сырья, полуфабрикатов и иных товаров.

Я представляю Трибуналу копию этого указа как документ СССР-206. Немедленно после завершения оккупации германские оккупационные власти посредством различных законов ввели в Югославии систему конфискации частной и общественной собственности.

Я опускаю в целях сокращения часть этого раздела, в котором излагаются конкретные примеры конфискации имущества у населения Югославии, и перехожу к следующему разделу, носящему наименование «Прочие виды грабежей». Господа судьи найдут этот раздел на странице 52 тома документов.

«Наряду с вышеупомянутыми формами грабежа, осуществляемого в рамках всевозможных законов, распоряжений и приказов, во всей Югославии практиковались и более грубые методы ограбления.

Они не были случайным явлением и представляли собой неотъемлемую часть германской системы порабощения и эксплуатации.

Немцы грабили все, начиная с промышленных и хозяйственных предприятий, поголовья скота и продуктов питания и кончая предметами личного обихода.

Приведем несколько примеров:

1) Сразу же после своего вторжения в Югославию немцы разграбили все крупные торговые предприятия и товарные склады. Они производили грабежи по ночам, в особенности по-сле так называемого «полицейского часа».

2) В приказе немецкого генерал-майора Кюблера (приказ уже представлен Трибуналу советским обвинением под № СССР-132) имеются, между прочим, следующие слова:

«Войска обязаны беспощадно и с жестокой строгостью обращаться с враждебно настроенным населением. Они обязаны лишать неприятеля всякой возможности существования, разрушая оставленные населенные пункты и захватывая имеющиеся запасы».

На основе этого и подобных ему приказов немцы беспре-рывно грабили страну под предлогом «контроля над имеющи-мися запасами» в связи с «разрушением покинутых населенных пунктов».

3) Карательные экспедиции, ставшие при оккупации обы-чным явлением, грабили имущество намеченных жертв. Таким же путем они грабили пленных и убитых бойцов национально-освободительной армии и сотни тысяч узников концентрацион-ных лагерей».

Я зачитываю заключительную часть раздела доклада Юго-славского правительства:

«В течение четырех лет все районы Югославии подвергались систематическому разграблению. Это проводилось как путем многочисленных «узаконенных мероприятий», так и путем мас-совых грабежей со стороны немцев. Нацистские оккупанты про-являли большую изобретательность и использовали приобре-тенный в других оккупированных странах опыт.

Этой преступной деятельностью они нанесли Югославскому государству и его гражданам такой большой ущерб, что его вообще можно рассматривать как экономическое уничтожение страны».

Таким образом, господа судьи, мы можем констатировать, что и разграбление общественной и частной собственности Юго-славии осуществлялось гитлеровцами по заранее обдуманному плану, что оно коснулось всех слоев населения и всех отраслей народного хозяйства страны и причинило огромный материаль-ный ущерб Югославскому государству и его гражданам.

Следуя своей политике беспощадного разграбления оккупи-рованных государств, гитлеровские заговорщики после захвата Греции начали грабить ее народное достояние. Суду уже был представлен официальный доклад Греческого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами в этой стране.

В соответствующем разделе этого доклада, озаглавленном «Эксплуатация», приведены конкретные факты разграбления частной и общественной собственности Греции.

Я цитирую выдержку из этого раздела, которую господа судьи найдут на странице 59 тома документов. Читаю:

«Благодаря своему географическому положению Греция ис-пользовалась немцами как база для проведения операций в Се-верной Африке. Они также использовали Грецию как место от-дыха для тысяч своих солдат из Северной Африки и с восточных фронтов. Таким образом, они концентрировали в Греции гораздо большие силы, чем это требовалось для целей оккупации.

Большое количество местных запасов фруктов, овощей, картофеля, сливочного масла, мяса и молочных продуктов изымалось для удовлетворения нужд этих войск. Поскольку нормальной продукции не хватало для удовлетворения этих нужд, усиленно применялись реквизиции скота, что имело своим результатом серьезное уменьшение количества скота в стране».

Помимо реквизиций продовольствия для снабжения своих войск, гитлеровские захватчики ввели с Греции огромные суммы на покрытие так называемых «издержек по оккупации». В докладе Греческого правительства по этому поводу указы-вается:

«За период с августа по декабрь 1941 года немцам было вы-плачено 26 206 085 тысяч драхм, то есть на 60 процентов больше государственного дохода за этот же период. Действительно, по исчислению двух экспертов стран оси — доктора Барберина (не-мец) и доктора Бертони (итальянец) государственный доход за этот год равнялся лишь 23 миллиардам драхм. В следующем году, поскольку государственный доход уменьшился, немцы изымали средства за счет национальных сбережений».

Другим приемом разграбления Греции, широко применяемым гитлеровцами, явились конфискации и реквизиции. В целях экономии времени я, с разрешения Суда, оглашу лишь короткую выдержку из греческого доклада, относящуюся к этому вопросу. Читаю:

«Одним из первых мероприятий врага при оккупации Греции являлся захват путем реквизиции или прямой конфискации всех существовавших в стране запасов.

В числе товаров немцы реквизировали из оптовой и розничной торговли 71 тысячу тонн коринки, 10 тысяч тонн прованского масла. Они конфисковали также 1435 тонн кофе, 1143 тонны сахара, 2525 тонн риса и корабль с пшеницей стоимостью в 530 тысяч долларов».

Поскольку страна была разделена между тремя оккупантами, гитлеровцы блокировали ту зону Греции, которая была оккупирована их войсками. Запретив вывоз продовольствия из этой зоны, гитлеровские грабители начали конфисковывать все запасы продовольствия и других товаров и вызвали этим резкое обнищание и голод населения. Результаты этого грабежа оказались столь губительными для греческого народа, что в конечном счете даже немецкие власти были вынуждены признать, что они зашли слишком далеко. Конкретно это выразилось в том, что немецкие власти в конце 1942 года дали обязательство международной комиссии Красного Креста вернуть населению все местные продукты, которые были изъяты оккупационными войсками и экспортированы ими в Германию. Немцы обязались взамен этих продуктов импортировать продукты такой же калорийности.

Однако это обязательство выполнено не было.

Как и во всех захваченных ими странах, немцы выпускали в обращение неограниченное количество денежных знаков, причем в качестве денежных знаков выпускали так называемые оккупационные марки, которые решительно ничем обеспечены не были.

Цитирую короткую выдержку из доклада Греческого правительства, которую господа судьи найдут на странице 63 тома документов. Читаю:

«С самого начала они (немцы) пустили в оборот 10 миллиардов оккупационных марок, сумму, равную половине денег, находившихся в обращении в тот момент. В апреле 1944 года денежное обращение достигло 14 миллиардов драхм, то есть выросло в 700 раз с момента оккупации».

Вызвав таким путем резкую инфляцию, немцы в то же время приобретали все товары по твердым ценам, существовавшим до оккупации. Все скупаемые ими товары, а также драгоценности, золотые изделия, домашнюю обстановку и т. п. немцы отправляли в Германию.

Наконец, как и во всех оккупированных ими странах, гитлеровцы применили и в Греции систему «клиринга». При этом товары, предназначенные для экспорта, сначала конфисковывались или подвергались эмбарго со стороны военных властей, а уже затем «скупались» немецкими фирмами по совершенно произвольно установленным ценам. После этого стоимость товаров, установленная таким односторонним образом, заносилась в счет кредита Греции. Товары же, которые импортировались из Германии, оценивались на 200—500 процентов выше их нормальной стоимости. И, наконец, на дебет Греции заносилась и стоимость товаров, поступавших из Германии для нужд оккупационных войск.

Этот циничный грабеж назывался у немцев «клирингом».

Цитирую короткую выдержку из доклада Греческого правительства, которую господа судьи смогут найти на странице 64 тома документов. Читаю:

«Вследствие этого, несмотря на тот факт, что Греция экспортировала в Германию все имеющиеся у нее запасы, после ухода германских войск из Греции в клиринге кредит оставался в пользу Германии и исчислялся в сумме 264 миллиардов марок, тогда как кредитный баланс в пользу Греции в период вступления немецких войск исчислялся суммой в 4 миллиарда 353 миллиона 428 марок».

Таким образом, господа судьи, гитлеровские грабители разграбили достояние греческого народа.

Господин председатель, господа судьи!

Я перехожу к изложению фактов чудовищного расхищения и разграбления, которым подверглась со стороны гитлеровских захватчиков частная, общественная и государственная собственность на временно оккупированных территориях Советского Союза. Неоспоримыми и подлинными документами, которые я буду иметь честь представить на Ваше рассмотрение, господа, будет доказано, что фашистские заговорщики еще задолго до нападения на СССР преступно замыслили и подготовили план ограбления и расхищения его богатств, его народного достояния.

Как и все военные преступления, совершенные гитлеровцами на оккупированных ими территориях, так и расхищение и разграбление этих территорий были заранее намечены и организованы главными военными преступниками, которых воля и доблесть Объединенных Наций посадили на эту скамью подсудимых.

То, что было непосредственно совершено многочисленными исполнителями преступных планов заговорщиков на обширных территориях советской земли, в плодородных степях Украины, на полях и в лесах Белоруссии, на пышных нивах Кубани и Дона, в цветущих садах Крыма, на подступах к Ленинграду и в Советской Прибалтике — все эти чудовищные злодеяния,

повальный грабеж, массовое и огульное расхищение священной собственности, созданной мирным и благородным трудом советских народов: русского, украинского, белорусского и других — все эти преступления были непосредственно намечены и обдуманы, подготовлены и организованы преступным гитлеровским правительством и верховным командованием германской армии — главными военными преступниками, сидящими на скамье подсудимых.

Я начну с доказательств преднамеренности этих преступлений, осуществленных на территории СССР. Я докажу, что массовое и огульное расхищение и ограбление частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистскими захватчиками носило не случайный характер, что оно не было локальным явлением или результатом разложения и мародерства отдельных воинских соединений и групп, а, напротив, являлось существенной и неразрывной частью общего плана нападения на СССР и, более того, основным мотивом, центральной движущей силой этого преступного плана, этой преступной агрессии.

Я прошу извинить меня, господин председатель, за то, что при изложении фактов, относящихся к подготовке этой категории преступлений, буду вынужден в 2—3 случаях очень кратко сослаться и на документы, которые уже были предъявлены Трибуналу моими американскими коллегами. Я постараюсь, однако, избегать повторений и буду оглашать лишь те выдержки из этих документов, которые ранее не оглашались.

Одновременно с разработкой «плана Барбаросса», предусматривавшего всю сумму стратегических мер, связанных с нападением на СССР, были разработаны, как известно, и чисто экономические проблемы, вытекающие из этого плана.

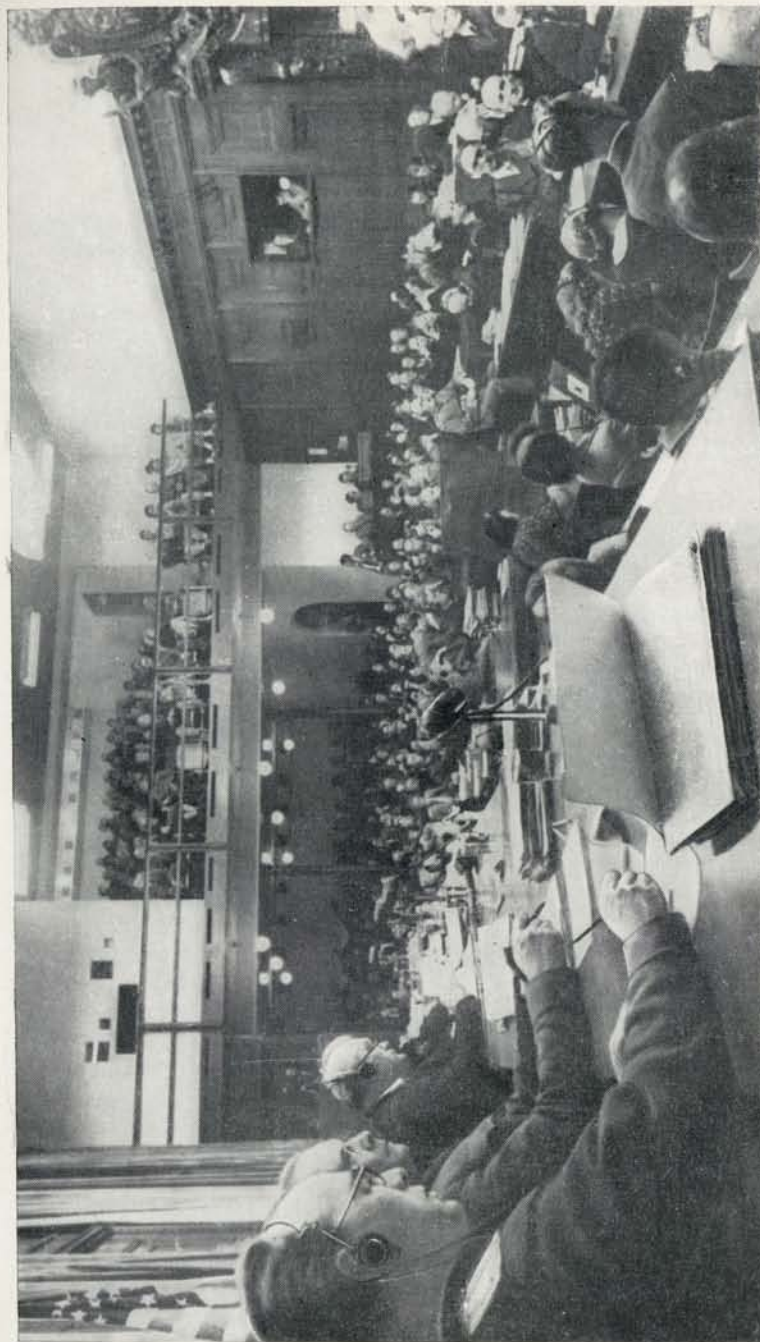
В документе, известном под названием «Совещание с отделами вооруженных сил от 29 апреля 1941 г.», предъявленном Трибуналу американским обвинением 10 декабря за № США-141, значится:

«Цель совещания: Обсуждение организационной структуры хозяйственного сектора мероприятия Барбаросса-Ольденбург».

Далее в этом документе указано, что «фюрер, в отмену прежней тактики подготовки данного мероприятия, распорядился о единой разработке всех экономических дел» и что таким центром должен явиться «экономический штаб особого назначения «Ольденбург» во главе с генерал-лейтенантом Шобертом» и что штаб этот будет подчиняться рейхсмаршалу, то есть Герингу.

Таким образом, подсудимый Геринг уже в апреле 1941 года возглавил всю деятельность по подготовке ограбления СССР.

Чтобы закончить с этим документом, я хочу только напомнить, что в нем предусматривалась организация специальных хозяйственных инспекций и команд в Ленинграде, Мурманске,

Зал Суда

Риге, Минске, Москве, Туле, Горьком, Киеве, Баку, Ярославле и многих других советских промышленных городах. В задачи этих инспекций и команд, как указано в документе, входило «экономическое использование данной территории», то есть, как расшифровано ниже, «все вопросы продовольственного снабжения и сельского хозяйства, промышленная экономика, включая сырье и продовольственное снабжение, а также вопросы лесного хозяйства, финансовые и банковские, трофейные, торговли, товарооборота и рабочей силы».

Как видите, господа судьи, задачи весьма обширные и чрезвычайно конкретные.

«План Барбаросса-Ольденбург» получил свое дальнейшее развитие в так называемых «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»), которые также были разработаны и секретно изданы перед нападением на СССР. Но прежде, чем перейти к «Зеленой папке», я хочу сослаться и частично огласить другой документ, а именно так называемую «Папку окружного сельскохозяйственного фюрера», представленную Трибуналу моим коллегой полковником Смирновым за № СССР-89.

Эта также заблаговременно разработанная и изданная, очень подробная инструкция для будущих «окружных сельскохозяйственных фюреров» носила такое же наименование и датирована 1 июня 1941 г. Разумеется, и эта папка имеет гриф «совершенно секретно — секретное дело командования».

Инструкция начинается с «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». Мой коллега полковник Смирнов огласил одну лишь из этих заповедей, вследствие чего я, с разрешения Трибунала, буду вынужден огласить остальные.

Первая «заповедь» гласит (господа судьи найдут это место на странице 69 тома документов):

«Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы».

О какой именно «работе» идет речь, дают ясное представление последующие «заповеди». Цитирую выдержки из них:

«Чем упорнее вы будете, тем изобретательнее могут быть ваши методы достижения этой цели. Выбор методов представляется на усмотрение каждого из вас...» (пятая заповедь).

«Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет занимать ответственных постов и в пределах самой империи» (шестая заповедь).

Таким образом, будущие «сельскохозяйственные фюреры» не только инструктировались о необходимости быть жестокими и беспощадными в предстоящей им грабительской деятельности, но и прямо предупреждались о последствиях, которые они понесут, если окажутся недостаточно жестокими или обнаружат «отсутствие характера».

Эту же мысль развивают и дальнейшие «заповеди». Читаю:

«...Не спрашивайте: какую пользу извлечет из этого крестьянство, а спрашивайте только: насколько полезно это для Германии» (седьмая заповедь).

«Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик...»

«...Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля может быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне» (восьмая заповедь).

«...Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует...»

Разбор ходатайств отнимет у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача» (девятая заповедь).

«...Его (русского) желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему...» (одиннадцатая заповедь).

Таковы те заповеди для «сельскохозяйственных фюреров», которые точнее следовало бы назвать «заповедями для людоедов». Этими «заповедями» открывается «папка», после чего следует уже совершенно конкретная, детально разработанная программа ограбления сельского хозяйства СССР.

В начале этой программы мы читаем:

«Основные хозяйственно-политические директивы для организации хозяйства Востока (группа сельского хозяйства).

Продовольственно-политической целью этого похода является:

1. Обеспечение продовольствием на многие годы вперед немецких вооруженных сил и немецкого гражданского населения».

Как видите, господа судьи, дана совершенно ясная и откровенная формулировка целей нападения на СССР. Разумеется, она далеко не исчерпывает этих целей. Не в одном лишь грабеже продовольствия заключалась эта цель и далеко не одним продовольствием ограничивался этот грабеж. Но ведь это выдержка из «папки сельскохозяйственных фюреров», а грабительские задания получали и выполняли не только они одни.

В целом «папка» содержит следующие разделы тщательно продуманной и весьма конкретной программы ограбления сельского хозяйства Советского Союза. Читаю оглавление. Господа судьи найдут этот документ на странице 67 тома документов.

- «1. 12 заповедей.
2. Основные сельскохозяйственные директивы.
3. Схема организации.
4. Инструкция для окружных сельскохозяйственных фюреров.
5. Инструкция по обеспечению кадрами.
6. Совхоз: директивы о приемке совхозов и ведении хозяйства в них.
7. Колхоз: директивы о приемке колхозов и ведении хозяйства в них.
8. МТС (машинно-тракторные станции): директивы о приеме и ведении хозяйства.
9. Директивы об учете.
10. Продовольственное снабжение города.
11. Сроки сельскохозяйственных работ.
12. Таблица цен».

Я не стану, господа судьи, отнимать у вас время оглашением всего этого документа, занимающего 98 страниц машинописного текста. Я представляю его полностью Трибуналу для приобщения к материалам процесса.

Из документа, уже представленного Трибуналу моими американскими коллегами 10 декабря 1945 г. под № США-147, я оглашу только несколько строк. Этот документ представляет собой запись выступления Розенберга на закрытом совещании 20 июня 1941 г., посвященном «вопросам Востока». Розенберг тогда, в частности, заявил:

«...Немецкое народное питание в эти годы стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке, и в этом отношении южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы...»

Так руководители гитлеровской Германии формулировали задачи, которые они ставили перед собой, готовя нападение на Советский Союз.

Уже позднее, в августе 1942 года, а именно 26—28 августа, на совещании в Ровно выступил только что прибывший из ставки Гитлера гаулейтер Кох. В архиве Розенберга обнаружена запись этого совещания. Этот документ был передан нам американским обвинением, по регистрации которого он проходит под № ПС-264,

но Суду представлен не был. Оглашаю выдержку из этой записи. Господа судьи могут ее найти на странице 74 тома документов. Читаю:

«Он (Кох) следующим образом изложил политическую точку зрения и свои задачи как рейхскомиссара: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери... Фюрер потребовал с Украины три миллиона тонн зерна для Германии, и они должны быть поставлены...»

Позже я докажу, насколько эта первоначально намеченная цифра — три миллиона тонн зерна — была перевыполнена гитлеровскими грабителями, алчные аппетиты которых возрастали из месяца в месяц.

Все эти грабительские установки были заранее запланированы и продуманы преступным гитлеровским правительством, причем была разработана организационная схема специального аппарата для проведения организованного грабежа и намечены конкретные методы ограбления оккупированных территорий.

Сейчас я, с разрешения Суда, оглашу выдержки из секретного документа рейхсмаршала Геринга. Документ этот был захвачен частями Красной Армии и носит наименование: «Директивы по руководству экономикой» («Зеленая папка») и частично уже упоминался здесь. Советским обвинением этот документ представлен Трибуналу под № СССР-10.

На титульном листе этого документа значится (господа судьи найдут этот документ на странице 76 тома документов):

«Восточный штаб экономического руководства. Секретный документ командования. Примечание: Настоящие директивы до икс-дня следует рассматривать как секретный документ командования (документы государственной важности), а после икс-дня — как несекретный, предназначенный только для служебного пользования.

Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях («Зеленая папка»).

Часть 1. Задачи и организация экономики. Берлин, июнь 1941 г. Напечатано верховным командованием вооруженными силами».

Как явствует из текста документа, эти «директивы» изданы непосредственно перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз и предназначены «...для ориентации военного командования и военно-хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих оккупации восточных областях».

Излагаю «Главные экономические задачи» директивы:

«1. Согласно приказам фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены.

2. Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях».

Я опускаю дальнейшую часть этой выдержки и перехожу, в целях сокращения времени, к оглашению следующей выдержки, которую господа судьи найдут в том же документе на стр. 78. Читаю:

«Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти».

Этот выработанный заранее план организованного ограбления Советского Союза далее подробно предусматривает вывоз в Германию из СССР всего сырья, всех обнаруженных товарных фондов и запасов, а также поголовное ограбление гражданского населения. В доказательство я цитирую выдержки из этого документа, чтобы не оглашать его целиком. Читаю:

«Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, реквизиций и конфискаций...

Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука...

Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов...»

В разделе «директив» под наименованием «Организация экономики» приведена схема специально создаваемого и широко разветвленного аппарата, который должен был осуществлять это запланированное и организованное ограбление Советского Союза.

Оглашаю ряд выдержек из этого раздела, которые господа судьи найдут на странице 79 тома документов. Читаю:

«Общие вопросы. Для обеспечения единого руководства экономикой на театре военных действий, а также в административных областях, которые были созданы, рейхсмаршал организовал «Восточный штаб экономического руководства», подчиненный непосредственно ему и возглавляемый представителем рейхсмаршала статс-секретарем Кернером...

...Указания рейхсмаршала распространяются на все области экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство».

Обращая Ваше внимание, господа судьи, на эти выдержки, я считаю установленным, что подсудимый Геринг не только лично возглавил подготовку ограбления частной, общественной и государственной собственности, но и в дальнейшем непосредственно руководил огромным, специальным для этих преступных целей созданным аппаратом.

О схеме построения этого аппарата Вы можете судить хотя бы по следующей выдержке из «Зеленой папки». Читаю:

«Организация экономики на театре военных действий.

1. Военно-хозяйственные учреждения восточного экономического штаба, поскольку их деятельность протекает на театре военных действий, входят в состав армейских штабов...

а) В тылу армейской группы:

По одной хозяйственной инспекции при командующих тылом армейской группы.

По одной или нескольким хозяйственным командам при охранных дивизиях.

По одной хозяйственной группе при полевых комендатурах.

б) В армейском тылу:

По одному хозяйственному отделу (или офицеру связи от управления военного хозяйства и вооружения) при главном командовании армией.

По одной хозяйственной группе при находящейся в районе армии полевой комендатуре, которая подчиняется командованию армией; кроме того, по мере надобности в район армии посылаются хозяйственные команды, подчиненные в военном отношении главному командованию армией».

Далее, в параграфе четыре этого же раздела под названием «Структура отдельных хозяйственных учреждений» приведена вся схема построения восточного экономического штаба. Я изложу ее своими словами в целях сокращения времени. Господа судьи найдут документ, на который я ссылаюсь, на обороте страницы 79 тома документов.

Начальник экономического штаба с группой по руководству; группа «Ла», ведающая продовольственным снабжением и сельским хозяйством, распоряжающаяся «всею сельскохозяйственной продукцией, а также заготовками припасов для войск»;

группа «В», ведающая промышленностью, сырьем, лесным, финансовым и банковским хозяйством, имуществом и торговлей; группа «М», ведающая экономикой промышленности вооружений и транспортным хозяйством;

хозяйственные инспекции при армейских группах, руководящие «экономической эксплуатацией тылового района»;

хозяйственные команды, организуемые в районе расположения каждой охранной дивизии, состоящие из специальных офицеров и нескольких специалистов по отдельным отраслям работы, а также имеющие особые подразделения «по сохранению орудий производства» и «по сохранению сырья»;

хозяйственные группы при полевых комендатурах, в обязанности которых входит (цитирую): «удовлетворение текущих потребностей войск, расположенных в районе деятельности полевой комендатуры, а также подготовка экономической эксплуатации страны для нужд военного хозяйства». Этим хозяйственным группам придаются специалисты по использованию рабочей силы, продовольственному снабжению и сельскому хозяйству, промышленной экономике и общим экономическим вопросам;

хозяйственные отделы при главном командовании армией со специальными техническими батальонами, взводами, а также с особыми «разведывательными подразделениями по промышленной экономике» (в особенности по сырью и нефти) и «подразделениями для выявления и охраны сельскохозяйственных продуктов и машин, включая и тракторы».

Эта же схема и структура предусматривает специальные технические подразделения по нефти (батальоны или роты), а также так называемые роты по горному делу и т. п.

Таким образом, под непосредственным руководством подсудимого Геринга была заранее предусмотрена, подготовлена, обучена и вымуштрована целая армия грабителей всех рангов и специальностей для организованного расхищения и разграбления народного достояния СССР.

Чтобы не отнимать у вас время, господа судьи, на оглашение всего текста «Зеленой папки», я ограничусь лишь перечислением ее остальных разделов, носящих следующие наименования:

«Проведение в жизнь отдельных экономических задач».

«Хозяйственные перевозки».

«Задачи военной охраны хозяйства».

«Снабжение войск из ресурсов страны».

«Использование рабочей силы, привлечение местного населения».

«Военные трофеи, платные услуги, военная добыча, призовые суды».

«Экономические задачи в области военной промышленности».

«Сырье и использование товарных ресурсов».

«Финансы и кредитное хозяйство».

«Внешняя торговля и взаимные платежи».

«Регулирование цен».

Таким образом, было предусмотрено ограбление решительно всех областей народного хозяйства СССР.

В заключение я оглашаю приказ Кейтеля, датированный 16 июня 1941 г., в котором он за шесть дней до нападения на СССР предписывал всем войсковым частям германской армии принять к исполнению все директивы «Зеленой папки». В Вашем томе документов, господа судьи, он находится на обороте страницы 89. Цитирую:

«По поручению фюрера рейхсмаршал издал «Директивы по руководству экономикой» в подлежащих оккупации областях.

Эти директивы предназначены для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Они содержат указания о снабжении войск из ресурсов страны и дают указания войсковым частям об оказании помощи хозяйственным органам. Эти указания и распоряжения должны выполняться войсковыми частями.

Немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, имеет исключительное значение для дальнейшего ведения войны».

Я опускаю вторую часть этого приказа, в котором конкретно излагается, как должны выполняться директивы «Зеленой папки», и зачитываю последний абзац приказа Кейтеля.

«При помощи полевых и местных комендатур, организованных в наиболее важных сельскохозяйственных и нефтяных районах, эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах. Кейтель».

Заключительная фраза этого документа о том, что «эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах», была принята к исполнению частями германской армии, и оккупированные области Советского Союза с первых же дней войны подверглись самому беспощадному ограблению.

В подтверждение этого я позже представлю Суду ряд подлинных немецких документов: приказов, инструкций, распоряжений и т. п., исходящих от различных немецких военных инстанций.

А пока, чтобы закончить с «Зеленой папкой», я могу в заключение констатировать, что этот разительный документ — убедительное свидетельство недюжинной грабительской квалификации и огромного разбойничьего опыта гитлеровских заговорщиков.

Широко задуманная и детально разработанная заговорщиками программа ограбления оккупированных территорий Совет-

ского Союза начала осуществляться гитлеровскими захватчиками буквально с первых же дней нападения на СССР.

Помимо организованного грабежа, осуществляемого специально для этой цели созданным огромным аппаратом всевозможных «сельскохозяйственных фюреров», «инспекторов», «специалистов» по экономике, «технических» и «разведывательных» батальонов и рот, хозяйственных групп и отрядов, «военных агрономов» и т. п., широко поощрялась гитлеровским правительством и верховным командованием германской армии так называемая «материальная заинтересованность» немецких солдат и офицеров, получивших неограниченные возможности грабить советское гражданское население и отправлять свою «добычу» в Германию.

Всеобщее и поголовное ограбление городского и сельского населения оккупированных территорий и массовый вывоз в Германию личного имущества советских граждан, а также колхозного, кооперативного и государственного имущества проводились повсеместно, где только появлялись немецко-фашистские захватчики, по заранее обдуманному плану, заранее подготовленными методами.

Я перехожу, господа судьи, к оглашению отдельных документов Советского правительства по этому вопросу.

Уже через несколько месяцев после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Советское правительство получило ряд бесспорных данных о военных преступлениях, чинимых гитлеровскими войсками на захваченных ими советских территориях. Трибуналу уже представлена моими коллегами под № СССР-51 нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. Чтобы избежать повторения, а также в целях сокращения времени я оглашу лишь некоторые выдержки из этой ноты, непосредственно относящиеся к теме моего выступления. Вы найдете цитируемые мною места на обороте страницы 99 тома документов.

«Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной советской территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, карело-финской территории, русских районов и областей несет разрушение и уничтожение бесчисленных материальных и культурных ценностей».

Последний абзац этой цитаты:

«В занимаемых германскими властями деревнях мирное крестьянское население подвергается безудержному грабежу и разбою. Крестьяне лишаются своего имущества, нажитого упорным трудом целых десятилетий, лишаются избы, скота, хлеба, одежды — всего, вплоть до последней детской рубашонки, до последней горсти зерна. Во многих случаях сельское население, включая стариков, женщин и детей, сразу же после занятия села

изгоняется немецкими оккупантами из своих жилищ и вынуждено ютиться в землянках, в земляных щелях, в лесу или просто под открытым небом. Оккупанты среди белого дня на дорогах раздают и разувает первых встречных, в том числе и детей, жестоко расправляясь со всеми, кто пытается протестовать или оказывать грабежу какое-либо сопротивление.

В освобожденных Красной Армией селах Ростовской области и Ворошиловградской области, на Украине, крестьяне подвергались со стороны оккупантов неоднократному ограблению, когда через данную местность проходили разные немецкие воинские части и каждая из них возобновляла обыски, разбои, поджоги, расстрелы за несдачу продовольствия. То же самое имело место в Московской, Калининской, Тульской, Орловской, Ленинградской и других областях, откуда сейчас войсками Красной Армии изгоняются остатки войск немецких захватчиков».

В целях экономии времени я не буду оглашать дальнейшие абзацы этой ноты и лишь своими словами доложу Суду, что в них приводится целый ряд совершенно конкретных фактов ограбления мирного населения различных районов, деревень и областей Советского Союза с упоминанием фамилий ограбленных и тех вещей и имущества, которое у этих мирных жителей было разграблено.

Далее в ноте указывается:

«Грабительская оргия германских офицеров и солдат распространилась по всем захваченным ими советским районам. Германские власти узаконили мародерство в своей армии и поощряют эти грабежи и насилия. Германское правительство видит в этом осуществление провозглашенного им бандитского «принципа», согласно которому у каждого германского вояки должна быть «личная материальная заинтересованность в войне». Так, еще в секретной инструкции от 17 июля 1941 г., обращенной ко всем командирам рот пропаганды германской армии и обнаруженной частями Красной Армии при разгроме 68-й пехотной германской дивизии, прямо указывается на необходимость «воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне...» Такого же рода приказы, толкающие армию на массовые грабежи и убийства в отношении мирного населения, издаются и в других армиях, воюющих в союзе с Германией...

...На германо-советском фронте, и в частности на подступах к Москве, все больше встречается офицеров и солдат, одетых в награбленную одежду, с ворованными вещами в карманах, везущих в танках содранную со своих жертв женскую и детскую одежду, обувь и белье. Германская армия все больше превращается в армию хищных грабителей и мародеров, которые разоряют и грабят цветущие города и села Советского Союза, расхи-

щают и уничтожают имущество и всякое добро, нажитое трудовым населением наших сел и городов. Факты свидетельствуют о крайней моральной деградации и разложении гитлеровской армии, заслужившей за свои грабежи, воровство и мародерство гневное проклятие и презрение всего советского народа».

Через несколько месяцев, 27 апреля 1942 г., в связи с продолжающимися поступать данными о преступлениях, чинимых немецко-фашистскими войсками, Народный комиссар иностранных дел СССР вторично опубликовал ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

И эта вторая нота представлена Трибуналу...

Председатель: Что Вы имеете в виду, когда говорите «опубликовал»?

Шейнин: Это значит, что эта нота была, во-первых, послана всем правительствам, с которыми СССР находился в дипломатических отношениях, и, кроме того, текст этой ноты был напечатан в советской официальной прессе.

Суду этот документ уже представлен советским обвинением под № СССР-51. Я также в сокращенном виде зачитаю несколько выдержек, относящихся к теме моего выступления.

Я оглашаю выдержки из ноты Народного комиссара иностранных дел от 27 апреля 1942 г., причем в целях сокращения я, с разрешения господина председателя, постараюсь огласить лишь наиболее существенные и очень короткие извлечения из этой ноты. В этой ноте обращалось внимание на то, что новые данные, поступившие в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел, и документы, попавшие в руки советских властей, свидетельствуют о преднамеренном характере грабежей, учиненных гитлеровцами. Цитирую: «В приложении к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба германской армии за № 43761/41 указывается:

«Необходимо путем принудительного обложения населения занятых областей любыми способами добывать одежду. Прежде всего необходимо забирать шерстяные и кожаные перчатки, пальто, жилеты и шарфы, ватные жилеты и брюки, кожаные и валяные сапоги, портянки».

...В ряде освобожденных пунктов Курской и Орловской областей обнаружен приказ, которым предписывается:

«Имущество, как-то: весы, мешки, зерно, соль, керосин, бензин, лампы, кастрюли, клеенки, шторы, занавески, ковры, патефоны с пластинками — должно быть доставлено в комендатуру. Виновные в нарушении данного приказа будут расстреливаться».

...В городе Истре Московской области оккупанты «конфисковали» детские елочные украшения и игрушки. На станции Шахов-

ская они организовали «сдачу» жителями детского белья, стальных часов, самоваров. В районах, еще находящихся во власти оккупантов, продолжаются обыски и ограбление населения, уже доведенного до нищеты разбоем, который не прекращается с первого же часа появления германских войск.

Я опускаю несколько абзацев и заканчиваю последним извлечением из этой ноты.

«Повсеместный характер запланированного гитлеровским правительством разбоя, на котором германское командование стремится построить снабжение своей армии и тыла, характеризуется следующими фактами. Только по 25 районам Тульской области оккупанты отобрали у советских граждан 14 048 коров, 11 860 свиней, 28 459 овец, 213 678 кур, гусей и уток и уничтожили 25 465 пчело-семей».

Я опускаю дальнейшее перечисление имущества, скота и птицы, отображенных оккупантами в 25 районах Тульской области.

Господа судьи! В оглашенных мною нотах изложены лишь немногие факты бесчисленных злодеяний и грабежа, совершенных гитлеровцами на советской земле. С разрешения Суда я представлю теперь несколько немецких документов, из которых Вы увидите, как характеризовали поведение своих солдат сами немецкие командиры и чиновники.

Я оглашу позже откровенные высказывания немецко-фашистских главарей о том, что не следует мешать немецким солдатам и офицерам в их мародерской деятельности. Естественно, что при этих условиях моральное разложение немецко-фашистских войск достигло своего апогея. Дело доходило до того, что гитлеровцы стали уже грабить друг друга по известной русской поговорке «вор у вора дубинку украл».

Позвольте мне сейчас огласить несколько выдержек из документа, который я представляю Трибуналу под № СССР-285.

Вот выдержка из донесения немецкого областного комиссара города Житомира генеральному комиссару Житомира от 30 ноября 1943 г. Вы найдете этот документ, на который я ссылаюсь, на странице 93 тома документов. Читаю:

«...Еще до того, как германская администрация оставила Житомир, можно было наблюдать, как расквартированные здесь части взламывали квартиры имперских немцев и присваивали себе все сколько-нибудь ценное. При этом похищались даже личный багаж тех немцев, которые еще работали в своих учреждениях. Когда город был снова захвачен, было установлено, что квартиры немцев почти не подвергались ограблению со стороны местного населения, но что войска, только что начавшие вступать в город, уже приступили к расхищению квартир и заводов...»

Оглашаю вторую выдержку из этого же документа:

«Солдаты не довольствуются тем, что забирают себе все годное оборудование, но частично разрушают тот инвентарь, который остается, жгут ценную мебель несмотря на то, что имеется достаточно дров...»

Теперь я оглашу выдержку из донесения немецкого областного комиссара города Коростышева генеральному комиссару Житомира. Эту выдержку господ судьи найдут на странице 94 тома документов. Читаю:

«...Поведение немецких солдат, к сожалению, было плохим. В отличие от русских они взламывали склады еще тогда, когда фронт был далеко. Зерно, в том числе семенной фонд, расхищалось в огромном количестве. Это еще можно допустить в отношении сражающихся частей... После возвращения наших войск в Попельню склады были немедленно взломаны. Гебитс и крейсландвирт затем снова забили двери, которые, однако, снова были взломаны солдатами...»

Оглашаю другие выдержки из этого документа:

«...Крейсландвирт доложил мне, что молочная ферма разграблена отступающими частями: масло, сыр и т. д. солдаты унесли с собой...»

На глазах украинцев был разграблен кооператив, и солдаты прихватили с собой еще, между прочим, и кассу магазина...

...У кооператива 9-го и 10-го числа был выставлен пост полевой жандармерии. Пост не смог устоять против натиска солдат...»

Последняя выдержка.

«...Свиньи и птица самым безответственным образом закалывались и забирались солдатами... Войсковые части представляли собой катастрофическую картину».

Так, господа судьи, характеризует поведение немецких солдат немецкий же комиссар в своем официальном донесении.

В объективности этой характеристики можно не сомневаться, тем более, что она весьма красочно дополняется официальным донесением немецкого «Общества по хозяйственному освоению Украины», адресованным генеральному комиссару Житомира; вот как описывается в этом письме «результат» налета немецких солдат на служебное помещение общества. Читаю:

«...Учреждение находилось в опустошенном и невообразимом состоянии...»

...Жилой дом по Хауптштрассе № 57 (20 комнат) имел устрашающий вид. Не хватало ковров, половиков, отсутствовали все мягкие кресла и кушетки, кровати с пружинными матрацами, стулья и деревянные кресла... Состояние, в котором находились эти жилые помещения, трудно описать».

Таков, господа судьи, этот «крик души» немецких грабителей из «Общества по хозяйственному освоению Украины», жалующихся на грабителей из германской армии.

Чтобы показать, что такие факты имели место не только в городах Житомире и Коростышеве, я приведу Вам еще одно донесение, на этот раз комиссара Казантиской области, в котором написано буквально следующее. Читайте:

«...Немецкие солдаты воровали продукты, скот, повозки».

После этого лаконичного, но выразительного вступления следуют не менее выразительные подробности. Читайте:

«Старший ефрейтор потребовал от комиссара области, угрожая пистолетом, отдать ключи от амбара... В ответ на мое заявление, что ключ в моем кармане, он заревел: «Отдай ключ!», — вытащил пистолет, приставил к моей груди и закричал: «Я пристрелю вас, вы — саботажник», — и при этом употребил еще другие ругательства. Он насильно залез ко мне в карман и выхватил ключ со словами: «Лишь я один могу распоряжаться. Вы — зондерфюрер, или как вас там... Можете только яйца и вещи отсылать на родину». Это произошло в присутствии большого числа немцев и украинцев».

Об этом же факте сообщается и в отчете доктора Мойзиха от 4 декабря 1943 г.

Все эти документы представляются Трибуналу.

Сейчас, господа судьи, я перехожу к оглашению выдержек из Актов и Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Я прошу Суд разрешить мне, в целях экономии времени, оглашать лишь незначительные выдержки из этих актов, передавая остальное в свободном изложении.

Трибуналу уже представлено под № СССР-45 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях, учиненных гитлеровцами в городе Ровно и Ровенской области. В соответствующем разделе этого документа указывается:

«В течение всего периода своего пребывания в Ровно и Ровенской области гитлеровские офицеры, солдаты и чиновники безудержно грабили мирных советских граждан и растаскивали имущество культурно-просветительных учреждений...»

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, уже представленном Трибуналу под № СССР-9, указывается, что гитлеровцы в Киеве грабили мирное население. Цитирую краткую выдержку из этого Сообщения:

«Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий».

Следуя указаниям преступного германского правительства и верховного командования германской армии, сателлиты гитлеровской Германии также принимали участие в грабеже и других злодеяниях.

Румынские войска, временно оккупировавшие Одессу, в соответствии с установками своих немецких хозяев и совместно с немецкими военными подвергли ограблению этот цветущий город. В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в Одессе, наряду с прочим, указывается:

«За время своего хозяйничанья румыны причинили народному хозяйству Одессы большой ущерб...»

Немецко-румынские захватчики отобрали у колхозов и колхозников и вывезли в Румынию 1 042 013 центнеров зерна, 45 227 лошадей, 87 646 голов крупного рогатого скота, 31 821 свиноматку и т. д.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области», уже представленном Трибуналу под № СССР-2, также приведены многочисленные факты разграбления и вывоза в Германию различного заводского оборудования этого крупнейшего промышленного района.

Я привел всего несколько Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии по некоторым областям Украины. Эта цветущая советская республика была подвергнута гитлеровцами самому безудержному разграблению. Гитлеровские заговорщики рассматривали Украину как один из самых лакомых кусков и обирали ее богатства с исключительной алчностью.

Я хочу огласить несколько немецких документов в подтверждение вышесказанного.

В письме Розенберга на имя рейхслейтера Бормана от 17 октября 1944 г. (этот документ, господа судьи, 17 декабря представлен американским обвинением за № США-338) сообщается, что «Восточное центральное торговое общество сельскохозяйственного спроса и предложения» лишь за период с 1943 по 31 марта 1944 г. направило в Германию (читаю):

«Злаковые	9 200 000 тонн
мясо и мясопродукты	622 000 »
масличные культуры	950 000 »
масло	208 000 »
сахар	400 000 »
объемный фураж	2 500 000 »
картофель	3 200 000 »
семена	141 000 »
прочие сельскохозяйственные продукты	1 200 000 »
яйца	1 075 миллионов штук».

Так рапортовал подсудимый Розенберг ближайшему помощнику Гитлера о своих «хозяйственных достижениях».

Следует заметить, что еще на первом году войны аппетиты гитлеровцев в части ограбления Украины были настолько велики, что вызывали сомнение даже в их собственной среде.

Я оглашу отрывок из письма инспектора по вооружению на Украине, адресованного начальнику отдела вооружения ОКВ генералу Томасу. Письмо датировано 2 декабря 1941 г. Этот документ представлен моими американскими коллегами 14 декабря за № США-290. Цитирую:

«Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения рейха поэтому мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами: 1) уничтожением лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия); 2) путем предельного сокращения продовольственной нормы украинцев — жителей других городов; 3) уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения».

Изложив эту программу, автор далее впадает в размышления и пишет:

«Если украинец обязан работать, то мы должны обеспечить его физическое существование отнюдь не из сентиментальных чувств, а из трезвого хозяйственного расчета».

Имперский комиссар Украины Кох неуклонно проводил политику беспощадного разграбления Украины. Позже я приведу Вам ряд новых документов, также подлинных, в подтверждение вышесказанного. Политика Коха была полностью одобрена гитлеровским правительством.

Следует отметить, что в начале войны организация ограбления оккупированных территорий СССР проводилась в соответствии с указаниями, которые содержались в уже упомянутой «Зеленой папке».

Я предъявляю Трибуналу за № СССР-13 письмо Геринга от 6 сентября 1941 г. по вопросу «Инспекция по охвату и использованию сырья». В этом письме Геринг, между прочим, писал. Читайте:

«Военное положение требует, чтобы найденные во вновь занятых восточных областях запасы сырья были переданы чрезвычайно срочно для использования немецкой военной промышленности. Определяющим для этого служит «руководство для ведения хозяйства в оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»).

Однако в дальнейшем, когда в ряде оккупированных областей, и в частности на Украине, гитлеровцы создали свою, так называемую гражданскую администрацию и организовали ряд

специальных хозяйственных обществ, началась грызня между многочисленными немецкими военными и гражданскими органами и учреждениями, каждое из которых занималось ограблением оккупированных областей.

Розенберг, как рейхсминистр оккупированных восточных областей, стал добиваться, чтобы на Украине были ликвидированы военно-хозяйственные организации с передачей их функций немецкой гражданской администрации.

Я предъявляю Суду под № СССР-180 конспект доклада для статс-секретаря Кернера по этому вопросу, датированный 3 декабря 1943 г. Читайте:

«С о д е р ж а н и е: 1) Хозяйственная администрация в оккупированных восточных областях.

2) Общий хозяйственный штаб по делам оккупированных областей.

1. Министр Розенберг в письме от 20 ноября 1943 г., направленном рейхсмаршалу и доставленном в копии начальнику штаба ОКВ и начальнику партийной канцелярии, поставил следующие требования:

1) Для Украины

а) Ликвидация еще существующих военно-хозяйственных организаций.

б) Отмена института начальников хозяйственных управлений армейских групп, военные задачи которых должен снова принять на себя в дальнейшем оберквартирмейстер.

с) На случай оставления начальников хозяйственного управления армейских групп: упразднить работу по совместительству экспертов при рейхскомиссаре и одновременно при начальнике управления хозяйством армейской группы».

Я опускаю дальнейшие выдержки из конспекта доклада для Кернера. Далее в этом же конспекте приведены подробные возражения генерала Штапфа, представленные им Кейтелю, в которых Штапф критикует предложения Розенберга и высказывается за сохранение хозяйственного штаба «Ост».

Теперь, с разрешения Суда, я предъявляю под № СССР-174 другой подлинный документ, представляющий собою сопроводительное письмо «Постоянного представителя имперского министра оккупированных восточных областей» в адрес статс-секретаря Кернера по тому же вопросу. К этому письму приобщены письменные предложения Розенберга, в которых он снова настаивает, чтобы вся хозяйственная деятельность была передана его министерству. Поскольку это довольно большой документ, и я его представил в подлиннике, прошу разрешения Суда его не зачитывать, ибо существо его состоит именно в том, о чем я уже доложил Суду, а именно в предложении Розенберга.

По-видимому, на предложения Розенберга желаемого ответа не было, и поэтому 24 января 1944 г. он вновь обратился к Герингу с письмом по этому же вопросу. Это письмо я представляю Трибуналу за № СССР-179. В этом письме Розенберг предлагает (оглашаю короткую цитату, она находится на странице 151 тома документов) «...в целях проведения бесперебойной работы с меньшим количеством штатов упразднить экономический штаб «Ост» со всеми подчиненными ему учреждениями, а также передать подведомственной мне администрации хозяйственное управление оккупированными восточными областями».

Геринг ответил на это письмом от 14 февраля, которое я представляю Трибуналу под тем же № СССР-179. Читаю:

«Дорогой товарищ по партии Розенберг. Мною на днях получено Ваше письмо от 24 января 1944 г., касающееся хозяйственной администрации в оккупированных восточных областях. Ввиду того, что за это время рейхскомиссариат Украины почти полностью стал районом боевых действий, считаю целесообразным перенести совещание о проектируемой форме хозяйственного управления до окончательного выяснения оперативного положения».

Таким образом, господа судьи, притязания Розенберга встречали сопротивление других германских инстанций, упорно не желавших выпускать из своих рук столь лакомую «хозяйственную деятельность». Но, в свою очередь, и Розенберг не сдавался и продолжал упорно настаивать на своем. Я предъявляю в подтверждение этого документ за № СССР-173, представляющий собой письмо Розенберга Герингу от 6 марта 1944 г. В этом письме Розенберг, ссылаясь на опыт Белоруссии, лишний раз настаивает на своих предложениях. Я не стану оглашать длинного текста этого письма, поскольку оно целиком представляется Трибуналу. Но Геринг продолжал сомневаться и так и не решил вопрос в пользу Розенберга. Тогда последний ровно через месяц после отправки только что упомянутого письма, уже 6 апреля 1944 г., снова обратился к Герингу с очередным посланием. Этот документ я предъявляю Трибуналу под № СССР-176. Позвольте его также не оглашать, ибо содержание его сводится только к этому, но там дана довольно пространная мотивировка, которая нас в данном случае вряд ли интересует.

Таким образом, господа судьи, когда Красная Армия начала уже наносить последние сокрушительные удары по немецко-фашистским полчищам, гитлеровцы в азарте дележа продолжали еще этот затянувшийся спор.

Я полагаю, мне нет нужды доказывать, что пока шел этот торг, оккупированные области лихорадочно разграблялись как военными, так и гражданскими немецкими органами.

Теперь, господа судьи, я вкратце приведу выдержки из Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской, Латвийской и Эстонской советских республиках, также подвергшихся беспощадному ограблению со стороны немецко-фашистских захватчиков. Все эти Сообщения уже представлены Трибуналу советским обвинением.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литовской ССР, наряду с прочим, указывается (цитирую):

«В результате хозяйничания гитлеровских захватчиков по неполным данным лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье скота и птицы по сравнению с 1940—1941 гг. сократилось: по лошадям на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995 голов, по свиньям — на 463 340 голов...»

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях, совершенных немецкими захватчиками в Латвийской ССР, наряду с прочим, указывается:

«Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4057 плугов, 2815 культиваторов, 3532 бороны...»

Вторая цитата:

«В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127 300 лошадей, на 443 700 голов крупного рогатого скота, на 318 200 свиней, на 593 800 овец.»

Далее я зачитаю краткие выдержки из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Эстонской ССР. Читаю:

«Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.»

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны...

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лошадей 107 тысяч голов, коров — 31 тысячу голов, свиней — 214 тысяч голов, домашней птицы — 790 тысяч голов. Они разграбили около 50 тысяч пчелосемей...

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомотивов, 350 тракторов и 24 781 других сельскохозяйственных машин».

Господа судьи, такую же политику разграбления частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистские захватчики проводили и в оккупированных областях Белоруссии, Молдавской и Карело-Финской союзных республик и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Различные воинские соединения и организации в разных районах Советского Союза и в разные периоды войны действовали, однако, одними и теми же грабительскими методами, по одному и тому же преступному плану, в одних и тех же преступных целях. Этот план разработали, эти цели определили, эти преступления организовали главные военные преступники, сидящие на скамье подсудимых.

В распоряжении советского обвинения имеются десятки тысяч документов по этому поводу. Предъявление всей этой огромной документации Трибуналу потребовало бы столь большого количества времени, таких сроков, что крайне осложнило бы данный процесс. Поэтому с разрешения Трибунала, я не буду дальше оглашать отдельных Актов и Сообщений Чрезвычайной Комиссии по отдельным республикам и областям, а перейду к оглашению итогового сводного Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР».

Этот документ я представляю Трибуналу под № СССР-35.

Я оглашу лишь те разделы этого Сообщения, которые непосредственно относятся к теме моего выступления. В них говорится:

«Немецко-фашистские захватчики ...разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций; зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы».

Чрезвычайная Государственная Комиссия определила ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям, в сумме 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года, из них:

Государственным предприятиям и учреждениям	287 миллиардов рублей	
Колхозам	181 миллиард	»
Сельским и городским жителям	192 миллиарда	»

и, наконец,

Кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям	19 миллиардов	»
---	---------------	---

Я опускаю последующие разделы этого Сообщения. В них говорится о том, как этот ущерб распределяется по отдельным союзным республикам. Перехожу к параграфу, в котором говорится о разрушениях колхозов, совхозов и машинно-тракторных

станций. Для сокращения я приведу из этого раздела лишь отдельные выдержки:

«Сжигая села и деревни, немецкие фашисты производили всеобщее ограбление граждан этих деревень. Крестьян, сопротивлявшихся ограблению, они зверски убивали».

Дальше приводятся конкретные данные об ограблениях населения в Каменец-Подольской области, в Курской области, в колхозе «За мир и труд» Краснодарского края, в колхозе «За темпы» Сталинской области, а также в Могилевской, Житомирской и других областях.

Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб совхозам СССР. Они вывезли из них запасы сельскохозяйственной продукции, разрушали хозяйственные и другие совхозные постройки.

Другая выдержка:

«Конный завод № 62 Полтавской области в результате немецкой оккупации лишился племенного маточного поголовья русско-американских рысаков. До войны в этом конном заводе было 670 племенных лошадей. Так немцы поступили и с другими племенными совхозами».

Я опускаю остальные выдержки из этого раздела и перехожу к параграфу Сообщения, который посвящен массовому ограблению немцами советских граждан. Читаю:

«Во всех республиках, краях и областях Советского Союза, подвергавшихся оккупации, немецко-фашистские захватчики грабили сельское и городское население, отбирали имущество, ценные вещи, одежду, предметы домашнего обихода, облагали мирных жителей штрафами, налогами, контрибуциями».

Далее в этом разделе приводится целый ряд конкретных фактов ограбления советских граждан в Смоленской, Орловской и Ленинградской областях, в Днепропетровской области, в Сумской области и т. д.

С разрешения Трибунала, я опускаю две страницы цитируемого текста и читаю последний абзац:

«Ограбление советского населения немецкие захватчики производили на всей территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации».

Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учет ущерба, причиненного оккупационными властями советским гражданам, и установила, что немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили около 4 миллионов жилых домов, составивших личную собственность колхозников, рабочих и служащих, конфисковали у них 1,5 миллиона лошадей, 9 миллионов голов крупного рогатого скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец и коз, а также отобрали громадное количество всякого домашнего имущества».

В приведенных нотах, а также в Сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии дана картина преступлений, совершенных гитлеровцами в оккупированных ими областях. Эти преступления были организованы подсудимыми.

То обстоятельство, что Геринг как рейхсмаршал и уполномоченный гитлеровского правительства по четырехлетнему плану непосредственно возглавлял всю деятельность немецких военных и гражданских оккупационных властей по подготовке и осуществлению ограбления оккупированных территорий, явствует из уже представленных мною документов.

Тем не менее я прошу мне разрешить огласить еще один последний документ по этому вопросу, а именно указ Гитлера от 29 июня 1941 г. Ранее он не представлялся, и поэтому я представляю его Трибуналу под № СССР-287. В этом указе значится дословно следующее:

«1. Во вновь оккупированных восточных областях рейхсмаршал Герман Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану распоряжается в рамках присущих ему в качестве такого полномочий любыми мерами, необходимыми для максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей и для развития хозяйственных сил на пользу германской военной экономики.

2. Для этого он также может отдавать непосредственно распоряжения органам вооруженных сил во вновь оккупированных восточных областях».

И, наконец, третий параграф о том, что «указ вступает в силу с сегодняшнего дня. Он должен быть опубликован по особому распоряжению».

Однако, господа судьи, исключительные полномочия, которые были предоставлены Герингу, отнюдь не означают, что другие подсудимые пассивно участвовали в организации грабежа оккупированных территорий. Все они вместе и каждый из них в отдельности развивали лихорадочную деятельность в этом направлении. Франк обирал польский народ, Розенберг орудовал на Украине и в других оккупированных районах СССР, Заукель и Зейсс-Инкварт — и тут и там, Шпеер и Функ продумывали и проводили грабительские мероприятия по линии министерств хозяйства и вооружения и т. д. Кейтель действовал по линии вооруженных сил.

В связи с этим я хочу предъявить еще два документа, относящиеся к «хозяйственной деятельности» Кейтеля, которые представляю под № СССР-175.

29 августа 1942 г. Кейтель как начальник штаба верховного командования вооруженных сил издал следующий секретный приказ за № 002865/42 «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием». Я оглашаю лишь две короткие выдержки из

этого приказа. Господа судьи найдут этот документ на странице 181 тома документов. Читаю:

«...Продовольственное положение германского народа требует, чтобы вооруженные силы, насколько это только возможно, делали все для облегчения его. Предпосылки для этого имеются также теперь в полном объеме в операционных и оккупированных областях Востока и Запада.

Прежде всего в оккупированных восточных областях должно обеспечиваться в будущем гораздо большее количество продовольствия и фуража, чем до сих пор...»

Читаю вторую выдержку:

«Достижение во что бы то ни стало этой цели, чтобы и в этой области вооруженными силами были созданы решающие предпосылки для завоевания победы, должно быть гордостью и почетной обязанностью всех ведомств».

В справке референтов Кларе и доктора Бергмана, датированной 19 ноября 1942 г., с заголовком «Совершенно секретно. Содержание: Снабжение вооруженных сил продовольствием» (эту справку в подлиннике я представляю Трибуналу под тем же № СССР-175), мы находим следующую оценку результата, который дал упомянутый выше приказ Кейтеля. Оглашу только первый абзац этой справки:

«По распоряжению фюрера начальник главного штаба вооруженных сил разъяснил в прилагаемом приказе от 29 августа 1942 г., что вооруженные силы должны, насколько это возможно, внести вклад для обеспечения продовольственного положения германского народа, и поэтому также со своей стороны должны заботиться в оккупированных областях, чтобы не только обеспечивать войска продовольствием из этих областей, но также и заготовить массу его для империи. Согласно этому приказу, взаимодействие между армейскими и хозяйственными организациями, к счастью, стало теснее...»

Теперь, с Вашего разрешения, я позволю себе огласить еще один документ, а именно — телеграмму Кейтеля от 8 сентября 1944 г. Этот документ я представляю Трибуналу под № СССР-286. Читаю:

«...1) Генштабу армии (генерал-квартирмейстеру) Бюро шефа.

2) Генштабу армии (генерал-квартирмейстеру) Адм. отдел.

3) Главнокомандующему Северным фронтом.

4) Главнокомандующему Центральным фронтом.

5) Экономическому штабу «Ост».

6) 1-му военному округу...

1. Фюрер уполномочил гаулейтера Коха заняться использованием местных ресурсов в занятых войсками Центрального фронта частях имперского комиссариата Остланд. Фюрер далее

дал указание, чтобы все германские и местные административные власти подчинялись распоряжениям гаулейтера Коха. При конфискации экономических ценностей гаулейтер Кох должен поддерживать контакт с соответствующими высшими имперскими органами.

2. Все органы вооруженных сил должны самым широким образом поддерживать гаулейтера Коха в выполнении этого задания».

Таким образом, господа судьи, даже в конце 1944 года, когда под ударами Красной Армии и ее союзников гитлеровская Германия стремительно катилась к своему окончательному поражению и оставалось всего несколько месяцев до ее полного военного и политического краха, Гитлер, Кейтель, Кох и многие другие все еще тянулись уже костенеющими пальцами к чужой собственности, к чужому добру...

Таковы данные о грабеже и мародерстве, которые совершали гитлеровские полчища на оккупированных территориях Советского Союза.

Но они грабили не только живых, они грабили и мертвецов. Мой коллега полковник Смирнов уже привел исчерпывающие данные по этому вопросу. Я не стану их повторять и напомню об этом только с целью показать, насколько замкнут и всеобъемлющ был круг этих преступлений.

По свидетельству Раушнинга, приведенному в его книге, которая уже представлена советским обвинением Трибуналу, Гитлер как-то сказал:

«Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо ужокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности, — плевать мне на это».

И Гитлер нашел таких людей в лице подсудимых и их многочисленных сообщников.

Из них, как это установлено предъявленными мною документами, подсудимый Геринг в силу положения, которое он как рейхсмаршал и уполномоченный по четырехлетнему плану занимал в гитлеровском правительстве, являлся лицом, возглавлявшим всю систему преступлений, направленных на ограбление оккупированных территорий.

Вот почему представляет особый интерес стенограмма секретного совещания рейхскомиссаров оккупированных стран и областей. Это совещание было проведено 6 августа 1942 г. под председательством Геринга.

Этот документ, как и другие подлинные документы, которые я имел сегодня честь предъявить Трибуналу, были обнаружены советскими военными властями в сентябре 1945 года в Тюрингии, в городе Йене, запрятанными в одном из городских зданий.

Содержание этого разительного документа — подробное выступление Геринга и реплики гитлеровских властей оккупированных стран (в этом совещании, господа судьи, принимали участие многие из лиц, сидящих на скамье подсудимых) — таково, что мне нет нужды снабжать его какими бы то ни было комментариями. Позвольте поэтому приступить к оглашению ряда выдержек из этой стенограммы. Читаю:

«Совещание состоялось в четверг, 6 августа 1942 г., в 4 часа дня в зале Германа Геринга в министерстве авиации.

Рейхсмаршал Геринг: Вчера здесь выступали гаулейтеры. Если даже их тон и манеры были различны, то все же из выступлений всех гаулейтеров ясно следовало, что немецкому народу не хватает еды.

Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане...»

Вторая выдержка:

«...В настоящий момент Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа самыми плодородными землями, какие только вообще имелись в Европе; страна за страной, одна богаче и плодородней другой, завоеваны нашими войсками. Если при этом имеются отдельные страны, которые не могут быть рассматриваемы в качестве житниц, то я вспоминаю только непревзойденную плодородность Нидерландов и Франции; Бельгия является также чрезвычайно плодородной; плодородна также Познаньская провинция, потом основной житницей Европы является генерал-губернаторство, к которому принадлежат такие неслыханно плодородные области, как Лемберг и Галиция, урожай в которых достигает неслыханных размеров. Потом идет Россия, чернозем Украины по ту и по эту стороны Днепра, излучина Дона с ее неслыханно плодородными и лишь незначительно разрушенными областями. Теперь наши войска уже оккупировали частично или полностью все плодородные области между Доном и Кавказом...»

Перечислив это, Геринг, обращаясь к участникам совещания, воскликнул (читаю):

«Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное с тем, чтобы мог жить немецкий народ. Этого я ожидаю от вас. Должна, наконец, прекратиться эта вечная забота об иностранцах.

Я должен здесь иметь отчеты о том, что вы предполагаете поставить. Передо мной ваши отчеты о намеченных вами поставках. Когда я рассматриваю ваши страны, то мне эти цифры представляются совершенно недостаточными. При этом совер-

шенно безразлично, скажете ли вы или нет, что ваши люди умирают с голода...»

Следующая цитата:

«...Я сделаю одно: я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, и если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет».

Следующая цитата:

«...У ворот Рурской области лежит богатая Голландия. Она могла бы послать в этот момент значительно больше овощей в эту измученную область, чем это делалось раньше. Что об этом думают господа голландцы, мне совершенно безразлично... Вообще же в оккупированных областях меня интересуют только те люди, которые работают на вооружение и на обеспечение продовольствием. Они должны получать столько, чтобы они только смогли выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы германцами или нет, мне это полностью безразлично; если они ими являются, то тем они большие глупцы, а как следует поступать с глупыми германцами, уже показали в прошлом великие личности. Если во всех странах будет слышаться ругань, то все же вы действовали правильно, так как дело идет единственно о Германии».

Следующая выдержка:

«Я остановлюсь на западных областях. Бельгия чрезвычайно позаботилась о себе. Это было очень благоразумно со стороны Бельгии. Но также и здесь, господа, я мог бы разгневаться. Если в Бельгии вокруг каждого дома растут овощи, то для этого они должны были иметь семена овощей. Германия, когда мы в прошлом году хотели провести крупное мероприятие по обработке земли, не имела и приблизительно того количества овощных семян, в котором нуждалась. Они не были поставлены ни Голландией, ни Бельгией, ни Францией, хотя я сам только на одной улице Парижа смог насчитать более чем 170 мешков с овощными семенами. Очень хорошо, что французы возделывают овощи для себя. Это для них привычно. Но, господа, эти народы являются враждебными нам, и вы своими гуманными мероприятиями друзей среди них не завоюете. Люди очень милы в отношении нас, потому что они должны быть милыми, но стоит там только появиться англичанам, и вы увидите настоящее лицо французов. Тот самый француз, с которым вы попеременно друг у друга бываете в гостях, быстро втолкует вам, что француз ненавидит немцев. Такого положения повсеместно.

Мне также безразлично, сколько блюд подается на королевский бельгийский стол. Король является военнопленным, и если с ним не обращаются как с военнопленным, то об этом я поза-

бочусь. Он будет переведен в такое место, где ему это будет понятно. Мое терпение лопается...

Я забыл одну страну, потому что оттуда ничего не возьмешь, кроме рыбы. Это — Норвегия. Что касается Франции, то я утверждаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совсем иначе, если крестьяне там будут несколько иначе принуждаться к работе. Во-вторых, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам...

Кроме того, господа, если перед французским ресторанчиком в Париже стоит немецкая телега, она записывается. Но если там стоит целая очередь французских автокаров, то это никому не мешает...

Я ничего не скажу, напротив, я обиделся бы на Вас, если бы мы не имели в Париже чудесного ресторанчика, где мы могли как следует поесть. Но мне не доставляет удовольствия, чтобы французы шлялись туда. Для нас «Максим» должен иметь лучшую кухню...»

(К микрофону подходит защитник Розенберга адвокат Тома).

Тома: Я хотел бы только задать небольшой вопрос. Обвинитель не сообщил, где можно найти этот документ, в какой книге документов и какой номер этот документ имеет. Он только сказал, на какой странице Суд может найти этот документ.

Шейнин: Этот документ представлен Трибуналу под № СССР-170. Защите переданы фотостаты этого документа. Позвольте продолжать, господин председатель?

Председатель: Да, продолжайте. Этот документ был в личном архиве подсудимого Геринга? Вы так сказали?

Шейнин: Да.

(Продолжает.)

«Для немецких офицеров и немцев, а отнюдь не для французов должны иметься три, четыре первоклассных ресторана. Французам такой еды не нужно...»

Я часто говорил, что рассматриваю Францию.., как завоеванную область. Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле — отнимать то, что завоевывали. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и именно эффективно».

Далее: «Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ. Это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда. Когда я отдавал распоряжение, я не раз говорил: солдаты могут закупать, сколько они хотят, что они хотят и что они смогут утащить».

Следующая цитата:

«Теперь вы скажете мне: внешняя политика Лавалья. Господин Лаваль успокаивает господина Абеца, и господин Лаваль, уходя от меня, может пойти в закрытый ресторан «Максим». Но французы это очень скоро поймут. Как они наглы, об этом вы не имеете понятия. Когда эти друзья слышат, что дело касается немца, они начинают лихоимствовать, они взвинчивают цены втрое, а если хочет что-либо купить рейхсмаршал, то и в пять раз. Я хотел купить гобелен; за него было запрошено два миллиона франков. Женщине сказали, что покупатель хочет видеть гобелен. Она ответила, что не может доверить его другому лицу. Тогда она должна была поехать сама. Ей объяснили, что она поедет к рейхсмаршалу. Когда она приехала, гобелен стоил уже три миллиона франков... Я обратился во французский суд, и тот втолковал донне, что такое лихоимство в отношении меня неуместно...

...Меня особенно интересует, что можно выжать из находящегося в настоящее время в наших руках земель при крайнем прилежании и с использованием всех сил и что из этого может быть отправлено в Германию. На прежнюю статистику ввоза и вывоза мне наплевать.

Теперь о поставках в Германию. За последний год Франция поставила 550 тысяч тонн хлеба, а теперь я требую 1,5 миллиона. В 14 дней представить предложение, как это будет производиться. Никаких дискуссий! Что произойдет с французами, — безразлично: 1,5 миллиона тонн хлеба должно быть поставлено.

Фураж — в прошлом году 550 тысяч тонн, теперь — 1 миллион тонн; мясо — в прошлом году 135 тысяч, теперь — 350 тысяч; жиры — в прошлом году 23 тысячи, теперь 60 тысяч.

Следующая выдержка из этого выступления касается разверстки поставок продовольствия по Нидерландам, Бельгии, Норвегии и генерал-губернаторству. Причем присутствовавшие на совещании в соответствии с вопросами Геринга и его установками называли определенные цифры. Я пропускаю одну страницу и читаю дальше:

«*Рейхсмаршал Геринг*: Это все, что касалось Запада. В результате работы скупщиков, которые скупают одежду, обувь и вообще все, что имеется, создастся особый фонд. Теперь идет Восток. Тут у нас с армией полная договоренность. Армия отказывается от претензий, которые она предъявляла к родине. Как было в отношении сена?

Бакке: 1,5 миллиона тонн, соломы свыше 1 миллиона, овса 1,5 миллиона тонн...»

Геринг, продолжая, говорит: «Итак, господа, к этому обеспечению армии нечего добавить, разве только одно: в дальнейшем я ничего не хочу слышать от вас, никаких претензий. Итак, эта

страна со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас. Излучина Дона сделает остальное...»

Следующая цитата: «*Бергер*: Армия во Франции, само собой понятно, будет снабжаться продовольствием Франции. Это само собой разумеется, и об этом я совсем не распространялся. Но теперь о России. В плодородности не возникает никаких сомнений. Как там хорошо, действительно трудно представить».

Геринг, продолжая выступление, говорит:

«С радостью я услышал, что у рейхскомиссара в Прибалтике также хорошо и богато и что люди от полноты страдают легкой одышкой, когда выполняют свою работу. Во всяком случае, при всем моем заботливом обращении, известные группы должны узнать об этом, я все же позабочусь, чтобы из бесконечного плодородия этой области кое-что могло быть отдано».

После этого слово взял Лозе, который являлся рейхскомиссаром Белоруссии. Читаю:

«*Лозе*: Могу я коротко высказать свое мнение? Я хочу вам дать больше, но для этого должны быть созданы предпосылки. Действительно, урожай у меня хорош. С другой стороны, на большей части территории Белоруссии, где хорошо проведены посевные работы, вряд ли может быть убран урожай, если теперь, наконец, не будет покончено с бандитскими и партизанскими бесчинствами. Я четыре месяца кричу о помощи».

Дальше Лозе говорит о действиях советских партизан, в связи с чем его перебивает Геринг и говорит ему следующее: «Дорогой Лозе, мы знакомы уже давно, вы являетесь большим сочинителем».

Лозе отвечает: «Я отказываюсь от этого эпитета, я никогда не сочинял».

В заключение я оглашу последние три цитаты из выступления Геринга. Он говорит:

«...Мы должны на Украине и кое-где в других областях иметь скупщиков из министерства хозяйства Функа. Мы их должны послать в Венецию с тем, чтобы они закупили безделушки, гнусные вещи из алебаstra, низкопробные украшения и т. д. Я думаю, едва ли где в другом месте, кроме Италии, можно получить так много дряни...»

Теперь посмотрим, что может поставить Россия. Я думаю, Рикке, что со всей русской территории можно взять два миллиона тонн хлеба и фуражного зерна.

Рикке: Они будут получены.

Геринг: Тогда мы должны получить три миллиона, кроме армии.

Рикке: Нет, что находится в прифронтовой полосе, то идет только армии.

Геринг: Тогда доставьте два миллиона.

Рикке: Нет.

Геринг: Тогда полтора миллиона.

Рикке: Хорошо».

В том же духе идет обсуждение этого вопроса и дальше на этом совещании.

Свое выступление Геринг закончил следующей фразой:

«Господа, я должен заявить следующее: я имею чрезвычайно много работы и несу большую ответственность. Я не имею времени читать письма и записки, в которых вы мне сообщаете, что вы не можете выполнить то, что я потребовал. У меня только есть время, чтобы при помощи краткого отчета Бакке устанавливать время от времени, выполняются ли требования. Если нет, тогда мы будем вынуждены встретиться с вами в другом месте».

Как Вы слышали, господа судьи, на этом совещании, кроме Геринга, присутствовали подсудимые Розенберг, Заукель, Зейсс-Инкварт, Франк, Функ и другие...

Таким образом, совокупностью всех приведенных доказательств устанавливается, что:

1. Преступное гитлеровское правительство и верховное командование германской армии, наряду с заблаговременной подготовкой военной агрессии против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР, также заблаговременно разработали план массового расхищения и разграбления частной, общественной и государственной собственности на территориях этих государств.

2. Разработав этот преступный план, заговорщики заранее провели все подготовительные мероприятия для его осуществления, а именно, подготовили специальные кадры офицеров и чиновников для ограбления намеченных к захвату территорий, разработали и издали специальные инструкции, справочники и указания, а также создали особый широко разветвленный аппарат в виде всевозможных «хозяйственных инспекций, отрядов, групп, акционерных обществ, уполномоченных» и т. д. с привлечением огромного количества всякого рода «специалистов», «военных агрономов», «сельскохозяйственных фюреров», «экономических разведчиков» и т. п.

3. В соответствии с этим заранее разработанным планом они в дальнейшем осуществили чудовищное расхищение и разграбление частной, общественной и государственной собственности на оккупированных территориях и поголовное ограбление мирного населения этих территорий, применяя при этом исключительные зверства, насилия и произвол.

4. В целях так называемой «материальной заинтересованности» солдат и офицеров германской армии в войне заговорщики не только оставляли безнаказанными факты мародерства

и грабежей со стороны немецких солдат и офицеров, но, напротив, широко поощряли эти преступления и подстрекали к их массовому совершению.

5. Совокупностью этих преступлений заговорщики причинили огромный материальный ущерб народам оккупированных территорий, обрекая на голод и страдания эти народы и используя результат своей преступной деятельности для личной наживы и обогащения как себя, так и своих приверженцев.

6. Таким образом, планируя, подготавливая и развязывая агрессивные войны против миролюбивых народов, заговорщики преследовали цели разбойничьего ограбления этих народов и в дальнейшем осуществляли эти преступные цели столь же преступными и разбойничьими методами.

В силу этого подсудимые преднамеренно и сознательно нарушали статью 50 Гаагских Правил 1907 года, законы и обычаи войны, общие принципы уголовного права, принятые уголовными законами всех цивилизованных наций, а также национальное право тех стран, в которых эти преступления были совершены.

Эти преступные деяния, господа судьи, каждое в отдельности и все в совокупности своей предусмотрены статьей 6 «в» Устава Международного Военного Трибунала, в чем все подсудимые должны быть признаны виновными и за что все без исключения должны индивидуально и как участники заговора понести ответственность.

Господа судьи!

Документы, предъявленные мною Трибуналу и оглашенные на суде, — это «немые свидетели» преступлений, организованных и совершенных подсудимыми.

Но совесть судей услышит этих «немых свидетелей», правдиво повествующих о произволе и злодеяниях гитлеровских грабителей и о безмерных страданиях их бесчисленных жертв.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ГАРРИСОМ О ПЛАНАХ ГИТЛЕРОВЦЕВ ПО РАЗГРАБЛЕНИЮ И ОНЕМЕЧИВАНИЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 17 декабря 1945 г.]

Вторжение в Советский Союз было кульминационным пунктом заранее намеченного гитлеровцами плана.

Мы хотим теперь представить документы, раскрывающие план заговорщиков по эксплуатации и онемечиванию Советского Союза после предполагаемой победы. Выполнение этого плана принесло человеческие страдания и мучения.

1. Заговорщики планировали вывезти в Германию с юга и юго-востока Советского Союза все продукты питания и сырьевые материалы, которые они считали «излишними». Для местного населения, производившего продукты и сырье, оставалось меньше того минимума, который требовался для существования этого населения. Эти районы ранее снабжали северные области Советского Союза, включавшие ряд промышленных районов, в том числе Москву и Ленинград, и заговорщиками именовались «Зоной лесов».

2. Нацисты намеренно и систематически планировали голодную смерть для миллионов русских. Это умерщвление должно было проводиться следующим образом:

а) Как уже показано в пункте 1, продукты с юга и юго-востока Советского Союза, которые, обычно, посылались в промышленные районы севера, должны были отправляться в Германию. Более того, весь скот, который имелся в промышленных районах, должен был передаваться в пользование вермахта и гражданского населения Германии. В результате этого населения северных районов обрекалось на голодную смерть.

б) Нацисты установили следующую очередность в распределении продуктов питания, произведенных русскими: 1) для дей-

¹ Печатается по сокращенной стенограмме. — Составители.

ствующей армии, 2) для остальных войск на вражеской территории, 3) для войск, находящихся в Германии, 4) для немецкого гражданского населения и в последнюю очередь для населения оккупированных стран.

Таким образом, даже те русские, которые жили в богатейших районах Украины, не могли удовлетворять своих потребностей в сельскохозяйственных продуктах и также были обречены на голодную смерть.

3. Заговорщики планировали непрерывное уничтожение промышленности в северных районах Советского Союза для того, чтобы остатки русского населения полностью зависели от Германии в области потребления.

4. Они планировали включить часть Галиции и все прибалтийские страны в состав Германии; превратить Крым и области, расположенные севернее Крыма, Поволжье, а также районы вокруг Баку в германские колонии.

Документ ЕС-472 (США-315) показывает задачи и функции группы «Ла» экономического штаба на Востоке. Это директива, изданная подсудимым Герингом для «управления экономикой на только что оккупированных восточных территориях». Это второе издание директивы датировано июлем 1941 года, Берлин. Первое издание было выпущено ранее июля 1941 года. Документ был обнаружен среди бумаг захваченного архива верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

Согласно этой директиве подсудимый Геринг образовал экономический исполнительный штаб Востока, непосредственно подчинявшийся ему; в него входил «Экономический штаб Востока». А «Экономический штаб Востока», в свою очередь, подразделялся на четыре группы: группа начальника Экономического штаба, группа «Ла», группа «В» и группа «М». Группа «Ла» занималась вопросами, связанными с сельскохозяйственными продуктами, снабжением армии продовольствием в сотрудничестве с соответствующими армейскими группами.

Документ ЕС-126 (США-316), датированный 23 мая 1941 г. (то есть изданный до вторжения в Советский Союз), был обнаружен среди захваченных архивов верховного командования. Он назван «Директивы по экономической политике для организации экономики на Востоке» и подготовлен экономическим штабом Востока «Ла», то есть сельскохозяйственной группой, являвшейся очень важной частью организации, которую подсудимый Геринг создал для того, чтобы сформулировать все планы для управления экономикой СССР.

Документ начинается приведением данных о производстве сельскохозяйственных продуктов в Советском Союзе. Далее он устанавливает, что излишки зерна в СССР определяются уровнем внутреннего потребления и этот факт является базой на

которой должны строиться планы проведения экономической политики.

«Территории, дающие излишки, расположены в черноземных районах, то есть на юге, юго-востоке и на Кавказе. Недостаточно плодородные районы расположены главным образом в лесистой зоне Севера. Поэтому изолированные черноземные районы при всех условиях должны предоставить более или менее значительное количество зерна в наше распоряжение... Но в результате этого может наступить полное прекращение снабжения всей Северной зоны, включая такие важные промышленные центры, как Москва и Санкт-Петербург... Прекращение снабжения означает, что:

1. Вся промышленность в недостаточно плодородных районах и особенно обрабатывающая промышленность районов Москвы и Петербурга, а также промышленных районов Урала должна быть оставлена. Следует иметь в виду, что эти районы ежегодно потребляют в настоящее время примерно 5—10 миллионов тонн продуктов из районов, производящих продукты питания.

2. Закавказский нефтяной район должен быть исключен отсюда, хотя он и является неплодородным, ибо это источник хлопка, нефти, марганца, меди, шелка, чая и т. д. Поэтому его при всех обстоятельствах нужно полностью снабжать продуктами питания, исходя из очень важных политических и экономических причин.

3. Не нужно делать никаких других исключений с целью сохранения того или иного промышленного района или промышленного предприятия.

4. Промышленность может быть сохранена только в той степени и постольку, поскольку она расположена в плодородных районах. Снабжаться продуктами питания должны не только вышеупомянутые нефтеносные районы на Кавказе, но и районы тяжелой промышленности в Донецком бассейне (Украина). Только будущее покажет, в какой степени будет возможно сохранить эту промышленность, и в особенности украинскую обрабатывающую промышленность, после того, как в Германию будут вывезены все излишки продуктов питания.

Вытекающие отсюда последствия получили одобрение высшего руководства, поскольку они находятся в соответствии с политической тенденцией (сохранение Малороссии, Кавказа, Балтийских провинций, Белоруссии и принесение ущерба великороссам).

Зона лесов

а) В лесных районах, которые обычно являются неплодородными, промышленность должна быть «натурализована», учитывая коммунистические тенденции войны. В результате приоста-

новится производство товаров, предназначенных для рынка, в особенности льна и конопли, и все запаханые районы будут использоваться с целью производства продуктов для производителя. Более того, прекращение поставок фуража приведет к распаду молочного хозяйства и свиноводства на данных территориях.

б) Германия не заинтересована в поддержании производительных сил на этих территориях и снабжает продуктами питания только расположенные там войска. Таким образом, население, как и в прежнее время, вынуждено будет использовать пахотные земли для своего пропитания; конечно, при таком хозяйстве нечего ожидать излишка зерна или других продуктов питания. И только через несколько лет эти районы смогут быть интенсифицированы в такой степени, что будут действительно производить излишки. Население в этих районах, и в особенности городское население, обречено на серьезные страдания от голода. Необходимо будет вывозить население в Сибирь. А поскольку о железнодорожном транспорте не может быть и речи, то это также представляет собой труднейшую проблему.

с) При данном положении Германия может добиться значительного преимущества только путем незамедлительных и неограниченных захватов. С этой целью непосредственную необходимость представляет использование всего урожая льна для обеспечения нужд Германии, применяя как волокнистые, так и масленичные семена.

Домашний скот, который не имеет своего корма, также необходимо использовать для Германии, то есть надо немедленно захватить весь скот и передать его армии не только для того, чтобы она могла питаться сейчас, но чтобы она имела возможность питаться им в течение долгого времени, а также вывозить его в Германию. Поскольку все запасы кормов будут отрезаны, то рогатый скот и свиньи в этих районах совершенно выведутся в ближайшем будущем, и если немцы не захватят корм для себя в самое ближайшее время, то население использует его и Германия не получит для себя никакой пользы.

Фюрер потребовал, чтобы к осени снижение норм на мясо прекратилось. А это возможно осуществить только путем самого быстрого и решительного захвата скота в России, главным образом в районах, удобных для транспортировки скота в Германию...

В будущем Южная Россия должна повернуться лицом к Европе.

Все излишки, которые Россия будет поставлять, будут оплачены лишь в том случае, если необходимые промышленные изделия будут покупаться Россией у Германии или в Европе.

Конкуренция в этом смысле с лесной зоной России должна быть уничтожена.

...Из сказанного выше следует, что немецкие власти на этих территориях должны попытаться смягчить последствия голода, которые, без сомнения, скоро наступят, и ускорить возвращение к примитивному сельскому хозяйству. Эти попытки улучшить сельское хозяйство могут быть сделаны путем интенсификации разведения культур в этих районах при увеличении картофельных участков и участков под другими культурами и повышения урожайности. Однако эти меры не смогут предотвратить голода... Многие десятки миллионов людей в этом районе окажутся лишними и вынуждены будут или умереть или выехать в Сибирь. Всякие попытки спасти население от голодной смерти путем импорта излишних продуктов из черноземных районов происходили бы за счет вывоза продуктов питания в Европу. Такой вывоз продуктов снизил бы военную мощь Германии и подорвал бы в Европе и Германии силу сопротивления блокаде. Это должно быть ясно и четко понято...

Снабжение армии

Положение Германии в области продуктов питания на третьем году войны требует, чтобы вооруженные силы снабжались всевозможными продуктами не с Германской территории, с территории дружественных народов или с территорий, воссоединенных с Германией и импортирующих в Германию свои продукты, а продуктами с оккупированных территорий. Минимальная цель, заключающаяся в том, что снабжение вооруженных сил должно производиться на третьем году войны, а если необходимо, и в последующие годы с оккупированных территорий, должна быть достигнута любой ценой.

Это означает, что одна треть вооруженных сил должна полностью снабжаться от французских поставок для оккупационной армии, а остальные две трети (а может быть, и немного больше, имея в виду сегодняшнюю численность вооруженных сил) должны без исключения получать продукты питания из восточных районов.

...Таким образом, при любых обстоятельствах, сохранение того, что существовало, не имеет значения. Наша задача заключается в преднамеренном повороте от существующего положения и включения русских пищевых ресурсов в европейский план потребления. Это вызовет, конечно, уничтожение промышленности, а также большого количества населения в тех районах, которые до этого считались неплодородными.

Невозможно высказать эту альтернативу достаточно убедительными и сильными словами.

...Наша задача состоит не в том, чтобы обеспечить интенсивное снабжение продуктами питания в Европе путем включения новых пространств на Востоке, а в том, чтобы заменить импорт из заморских стран импортом с Востока. Эта задача преследует две цели:

Во-первых, мы должны употребить восточные пространства, чтобы предупредить недостаток продуктов питания и во время и после войны. Это значит, что мы не должны бояться сейчас вывезти самое главное и необходимое с Востока. Такое вмешательство на Востоке гораздо более допустимо с европейской точки зрения, чем вывоз основных продуктов сельского хозяйства Европы.

...Для будущего нового порядка плодородные районы на Востоке должны быть превращены в постоянный и существенный источник снабжения Европы дополнительными продуктами питания путем интенсификации сельского хозяйства и получения в результате этого высоких урожаев.

Первая задача должна быть выполнена любыми средствами, даже путем самого безжалостного снижения внутреннего потребления России...»

На страницах этого документа раскрывается заранее разработанный план убийства миллионов невинных советских граждан путем голодной смерти.

В документе ясно указано, что убийство миллионов невинных граждан путем голодной смерти было преднамеренным. Документ показывает, что этот план убийства должен был проводиться в таком огромном масштабе, что превосходил все границы человеческого представления.

Документ Л-221 (США-317). Это — совершенно секретный меморандум, датированный 16 июля 1941 г. Он дает резюме совещания в штаб-квартире фюрера по вопросу о войне на Востоке. Он, вероятно, был подготовлен подсудимым Борманом, потому что в начале первой страницы стоят его инициалы.

Текст этого меморандума показывает, что на этом совещании присутствовали: Гитлер, Ламмерс и подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

Этот документ знакомит нас с планами заговорщиков об онемечивании захваченных районов Советского Союза.

«А. Теперь очень важно не распространяться о целях перед всем миром. В этом нет никакой необходимости. Самое главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае мы не должны делать свою задачу более трудной из-за излишних заявлений. Такие декларации тем более не нужны, что мы все равно сделаем все, что в наших силах, а то, что не в наших силах, мы все равно сделать не можем.

Поэтому все, что мы говорим миру о своих мотивировках мероприятий, должно быть обусловлено тактическими причинами. Нам следовало бы здесь действовать таким же образом, как действовали в случаях с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. В этих случаях мы не оповещали о своих целях, и поэтому нам представляется целесообразным продолжать действовать таким же образом.

Мы снова подчеркиваем, что мы вынуждены были оккупировать некоторые районы и установить там свою администрацию. В интересах самих жителей было, чтобы мы установили порядок, снабжали их продовольствием, предоставляли транспорт и т. д. Этим и обуславливаются наши мероприятия. Все это не должно мешать нам принимать необходимые меры, а именно — расстрелы, переселение и т. д.; мы и будем принимать эти меры.

...Мы не хотим заранее наживать себе врагов среди населения без всякой необходимости. Поэтому мы будем делать таким образом, как будто мы хотим только получить мандат. В то же время мы сами должны совершенно ясно отдавать себе отчет, что мы никогда не уйдем из этих стран. Поэтому наше поведение должно быть следующим:

1. Мы не должны ничего делать, что может помешать достижению окончательных целей, но готовиться к установлению нового порядка секретно.

2. Кроме того, мы должны подчеркивать, что мы освободители.

В частности:

все иностранцы должны быть эвакуированы из Крыма, который будет предоставлен только немцам.

Подобным образом бывшая австрийская часть Галиции должна стать имперской территорией. В настоящее время наши отношения с Румынией являются достаточно хорошими, но мы не знаем, что будет в будущем. Мы должны иметь это в виду и соответствующим образом провести наши границы. Не следует считаться с волей другого народа. И мы должны планировать наши отношения с Румынией в соответствии с этим принципом.

Принципиально мы должны теперь поставить перед собой задачу поделить этот большой пирог в соответствии с нашими потребностями, для того, чтобы:

во-первых, господствовать там,

во-вторых, управлять там,

в-третьих, использовать эти территории.

Русские приказали теперь вести в наших тылах партизанскую борьбу. Эта партизанская борьба дает нам некоторые преимущества — она дает нам возможность уничтожать всех тех, кто настроен против нас.

Принципы:

Никогда никакой военной силы не должно быть создано к западу от Урала, если даже нам придется вести войну еще 100 лет с этой целью. Всякий преемник фюрера должен знать, что безопасность рейха существует в том случае, если к западу от Урала не будет никаких иностранных армий. Германия сама будет защищать эти районы от всех могущих представиться опасностей. Наш железный принцип сводится и будет сводиться к следующим целям: мы не должны никому разрешать, кроме немцев, носить оружие.

...Фюрер подчеркивает, что все прибалтийские страны должны быть включены в состав германской империи...

В то же самое время Крым, включая значительные районы близ него (расположенные к северу от него), должен стать имперской территорией. Эта прилегающая к Крыму территория должна быть возможно более обширной.

...Фюрер далее подчеркнул, что имперской территорией должна стать как волжская колония, так и район вокруг Баку. Последний должен стать немецкой концессией (военной колонией)».

Документ ПС-1029 (США-145):

«Целью имперского комиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии (*последние два слова добавлены карандашом*) должно являться создание германского протектората с тем, чтобы превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов. Балтийское море должно стать внутренним германским морем под охраной великой Германии».

Документ ЕС-3 (США-318) — совершенно секретный меморандум, датированный 16 сентября 1941 г., — касается совещания германских военных чиновников под председательством обвиняемого Геринга.

Этот меморандум был подписан генералом Нагелем — связным офицером между управлением четырехлетнего плана, возглавлявшимся подсудимым Герингом, и верховным командованием.

На этой конференции, которая касалась вопросов усиления эксплуатации оккупированных территорий для германской пищевой промышленности, рейхсмаршал Геринг привлек внимание к следующим фактам:

«...Совершенно ясно, что необходимо составить схему распределения продуктов питания.

В первую очередь должна соответственно снабжаться действующая армия, затем армия, находящаяся на вражеской территории, затем армия, находящаяся на родине. Нормы питания

устанавливаются соответственно. После этого снабжается гражданское население в Германии и в последнюю очередь — население оккупированных территорий».

Другая часть этого документа это — меморандум, датированный 25 ноября 1941 г., относительно общих принципов экономической политики только что оккупированных восточных районов, составленный согласно указаниям и решениям, принятым на совещании в Берлине 8 ноября 1941 г. Этот меморандум тоже подписан генералом Нагелем на бланке штаба связи главнокомандования и управления по снабжению вооружением рейхсмаршала Геринга.

Речь Розенберга, произнесенная 20 июня 1941 г., содержится в документе ПС-1058 (США-147). Розенберг сказал следующее:

«Задача обеспечения продовольствием германского народа стоит в этом году, вне всякого сомнения, на первом месте в списке притязаний Германии на Востоке. Южные территории и Северный Кавказ должны будут создать запасы продовольствия для германского народа. Мы не видим абсолютно никакой причины для каких-либо обязательств с нашей стороны снабжать также и русский народ продовольственными продуктами с этой добавочной территории. Мы знаем, конечно, что это жестокая необходимость, но о чувствах здесь не может быть и речи».

Документ ЕС-347 (США-320) содержит целую серию директив, изданных подсудимым Розенбергом в должности имперского министра по делам оккупированных восточных территорий.

В этих директивах подсудимый Розенберг устанавливает, что «...основной задачей гражданской администрации на оккупированных восточных территориях является представление интересов рейха. Эта основная задача должна всегда стоять на первом месте при принятии любых мер и при любых соображениях. Поэтому оккупированные территории в будущем могут получить, до некоторой степени, самостоятельное существование, формы которого, однако, до сих пор еще не определены; при этом они остаются частями жизненного пространства великой Германии и находятся под управлением, согласно этому ведущему принципу.

...Принцип Гагской Конвенции, вытекающий из законов сухопутной войны, который касается управления страны, оккупированной иностранными войсками, не применим, поскольку СССР должен рассматриваться как несуществующая страна, и поэтому империя должна взять на себя все правительственные и прочие государственные функции в интересах граждан этой страны. Поэтому допускаются все мероприятия, которые германская администрация считает необходимыми и подходящими для выполнения этой большой задачи».

В заявлении подсудимого Розенберга о том, что Гагская Конвенция не применима к Советскому Союзу, выражено признание того, что действия гитлеровцев в Советском Союзе фактически нарушали Гагскую Конвенцию.

Документ ПС-294 (США-185) — совершенно секретный меморандум, датированный 25 октября 1942 г., — был обнаружен в архивах подсудимого Розенберга. Он написан господином Бройтигамом, который был высокопоставленным чиновником в министерстве подсудимого Розенберга по делам оккупированных восточных территорий.

«На Востоке Германия ведет войну за осуществление трех целей: войну за уничтожение большевизма, войну за уничтожение великорусской империи и, наконец, войну за приобретение колониальных территорий для целей колонизации и экономической эксплуатации...»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
 ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ФОРОМ
 ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
 «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗГРАБЛЕНИЕ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
 от 17 и 18 января 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Я намереваюсь изложить Трибуналу общее вступление как к первой, так и ко второй части обвинения, представляемого Францией. В первой части речь идет о принудительном труде; вторая часть относится к экономическому разграблению. Оба эти комплекса вопросов дополняют друг друга и тесно связаны между собой. Человеческий труд, с одной стороны, и имущественные ценности — с другой, образуют две составные части государственных богатств и условий существования этого государства. Меры, принимаемые в отношении одного из этих факторов, окажут неизбежное влияние на другой из них. Понятно поэтому, что в оккупированных странах немецкая политика в отношении рабочей силы и немецкая политика в отношении экономических богатств с самого начала обуславливалась общими руководящими принципами.

По этой причине французское обвинение считает, что будет логичным последовательно представить Трибуналу материал, относящийся к параграфам «Е» и «Н» третьего раздела Обвинительного заключения. Моей задачей в настоящее время является определить, каковы были эти первоначальные руководящие немецкие директивы в отношении использования людских и материальных ресурсов оккупированных территорий.

Оккупировав территории Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга и частично континентальной Франции, немцы фактически получили возможность осуществлять принуждение в отношении жителей и распоряжаться богатствами этих стран. Они получили возможность использовать оба эти потенциала для своих военных целей.

С другой стороны, в правовой области они столкнулись с точными нормами международного права, относящимися к оккупа-

ции территорий вооруженными силами воюющего государства. Эти правила строго ограничивают права оккупанта, который может реквизировать имущество и требовать предоставления рабочей силы лишь в пределах, необходимых для удовлетворения нужд оккупационных армий. Я ссылаюсь здесь на правила, приложенные к соглашению о законах и обычаях ведения войны, подписанному в Гааге 18 октября 1907 г., раздел третий и, в частности, на статьи 46, 47, 49, 52 и 53. С разрешения Трибунала, я процитирую только один абзац статьи 52, который совершенно точно устанавливает законные условия конфискации имущества или мобилизации рабочей силы:

«Реквизиция натурой и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанностей принимать участие в военных действиях против своего отечества».

Эти различные статьи всегда должны рассматриваться в свете основного принципа, изложенного во введении к Конвенции, последний абзац которого я позволю себе огласить Трибуналу:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Поэтому совершенно очевидно, что полное использование всех ресурсов оккупированных стран в интересах военной экономики противника абсолютно противоречит международному праву и требованиям общественного сознания.

Германия подписала Гаагскую Конвенцию, и нужно заметить, что она сделала в то время оговорку только относительно статьи 44, которая касается представления сведений воюющим сторонам. Она не сделала никакой оговорки относительно статей, которые я сейчас процитировал, а также относительно вводной части. Эти статьи, как и введение, воспроизводят соответствующие тексты предыдущей Гаагской Конвенции от 29 июля 1899 г. Германия официально ратифицировала эти Конвенции соответственно 4 сентября 1900 г. и 27 ноября 1909 г. Я напоминаю эти известные факты для того, чтобы подчеркнуть, что немцы не могли не знать этих основных принципов международного права, к которым они дважды присоединялись задолго до их поражения в 1918 году, следовательно, вне зависимости от оказывавшегося на них якобы давления при подписании Версальского договора.

В связи с этим теоретическим правовым вопросом следует еще упомянуть, что в соглашении, подписанном в Версале 28 июня 1919 г. и касающемся военной оккупации Прирейнских территорий, в статье 6 делается ссылка на Гаагскую Конвенцию в следующих выражениях:

«Право реквизиции в натуре или набора рабочей силы в том виде, как это установлено Гаагской Конвенцией 1907 года, будет соблюдаться союзными армиями и союзниками по оккупации».

Таким образом, регламентация права оккупанта производить реквизиции была подтверждена третьим международным актом, подписанным Германией, которая была сторонницей этого ограничения, когда речь шла о ее собственной территории.

Какова же была позиция немцев при наличии этих ограничивающих правовых норм, когда они получили возможность и соблазн применять силу?

Трибунал уже знает из материалов, ранее представленных обвинением, что немцы всегда использовали благоприятную для них обстановку и игнорировали право.

Немцы систематически нарушали нормы международного права в той степени, в какой это нас интересует, путем применения принудительного труда и разграбления материальных ценностей. Эти действия немцев, совершавшиеся ими в западных странах, будут детально освещены в последующих выступлениях.

Я, со своей стороны, хочу только остановиться на самой концепции, проводившейся немцами с самого начала. В связи с этим я выдвигаю перед Трибуналом три дополнительных положения.

Первое положение

Немцы с самого начала оккупации решили захватить для достижения своих военных целей все ресурсы оккупированных стран — материальные ценности и людские резервы. Их план заключался в том, чтобы не считаться с ограничениями, установленными правом. Они совершали незаконные действия не случайно или под давлением необходимости, а систематически и преднамеренно.

Второе положение

Немцы, однако, тщательно скрывали свои действительные намерения. Они не объявляли о том, что собираются отбросить международные юридические нормы. Наоборот, они заверяли, что будут их соблюдать.

Причины такого обмана легко понять: немцы вначале дорожили общественным мнением в оккупированных странах. Открытое насилие, применяемое с самого начала, вызвало бы немедленное сопротивление, что помешало бы им в проведении их деятельности. Они также хотели обмануть мировое общественное мнение, и в особенности общественное мнение Америки, потому, что Соединенные Штаты в это время еще не вступили в войну.

Третье положение

Третье положение, которое я выдвигаю перед Трибуналом, вытекает из двух предыдущих. Ввиду того, что немцы хотели достигнуть своей цели, одновременно скрывая свои намерения, они не преминули создать систему окольных средств, сохранявших внешне законную форму. Сложность и техническая разрабатанность примененных средств позволили без труда скрывать действительность от людей, не искушенных или недостаточно информированных. Эта маскировка давала также ее действительные и, возможно, даже лучшие результаты, чем неприкрытый захват. Прежде всего это позволило осуществить насильственный захват в тот день, когда немцы решили, что это будет для них впрямь более выгодным.

Нам кажется, что этот анализ намерений немцев должен быть интересным для Трибунала потому, что он вскрывает преднамеренность этих незаконных действий, а также показывает, что лица, совершавшие их, сознавали их незаконность. В то же время этот анализ позволит лучше понять размах и глубину этих действий, несмотря на все меры предосторожности, принятые для их сокрытия.

Обвинение представит Трибуналу документальные доказательства, относящиеся к трем положениям, которые сформулированы мной. Доказательства относятся главным образом ко второму и третьему положениям, так как первое положение, то есть преступный умысел и преднамеренность совершаемых незаконных действий, подтверждается несоответствием между их сущностью и внешней формой.

В первую очередь я должен сказать, что немцы в момент оккупации делали вид, что соблюдают нормы международного права. Вот, например, обращение к населению Франции, подписанное главнокомандующим немецкой армией. Это официальный документ, опубликованный в № 1 «Журналь офисиель», где печатались распоряжения военного губернатора французской оккупированной территории.

Я представляю этот документ под порядковым номером 1 и читаю из него только одну следующую фразу:

«Войска получили приказ обращаться с населением с уважением и не затрагивать частной собственности, пока население не оказывает им сопротивления».

Немцы действовали таким же образом во всех оккупированных странах. Я представляю Трибуналу текст аналогичного обращения, датированного 10 мая 1940 г., которое было опубликовано в «Журналь офисиель» главного военного командования в Бельгии и в Северной Франции, № 1 страница 1, под заголовком: «Обращение к Бельгии». Немецкий текст, как и текст фламанд-

ский, содержит более подробный заголовок: «Воззвание к населению Голландии и Бельгии».

Учитывая идентичность текстов, этот экземпляр представляется под № 1-бис французской документации.

Сейчас я представляю другое обращение, озаглавленное «К жителям оккупированных стран», датированное 20 июня 1940 г. и подписанное военным губернатором Франции, которое также опубликовано в «Журналь офисиель», содержащем распоряжения германских властей. Это документ № 2 французской документации. Я процитирую два первых параграфа:

«Главнокомандующий немецкой армией уполномочил меня сообщить следующее:

1. Немецкая армия гарантирует жителям полную личную неприкосновенность и сохранность их имущества. Тем, которые будут вести себя спокойно и не окажут сопротивления, не угрожает никакая опасность».

Я цитирую отрывки из § 5, 6 и 7:

«5. Государственный аппарат, власти общин, полиция и школы должны продолжать свою деятельность. Они, таким образом, остаются на службе у своего населения.

6. Все предприятия, коммерческие фирмы, банки будут продолжать свою работу в интересах населения.

7. Фабрики предметов первой необходимости, так же как и торговля, должны продолжать свою деятельность и предоставлять свои товары в распоряжение населения».

Хотя выражения, которые я только что процитировал, не буквально воспроизводят международные правила, но они отражают их существо. Повторение выражений: «на службе у населения», «в интересах населения», «в распоряжение населения» должно быть истолковано как совершенно определенное заверение в том, что все богатства и рабочая сила страны будут сохранены для этой страны, а не обращены на удовлетворение военных нужд Германии.

Я сейчас представляю за № 2-бис текст того же воззвания, подписанного главнокомандующим армией в Бельгии и опубликованного в «Журналь офисиель».

Наконец, 22 июня 1940 г. условия перемирия были подписаны представителями германского правительства и представителями действующих властей, осуществлявших в то время функции правительства Франции. Эти условия перемирия также являются общеизвестным актом, документ будет представлен Трибуналу позднее. Я сейчас намереваюсь процитировать лишь первую фразу из третьего параграфа, которая гласит:

«В оккупированных районах Франции немецкая империя осуществляет все права оккупационной державы».

Таким образом, снова делается очевидной ссылка на международное право. Кроме того, немецкие полномочные представи-

тели власти неоднократно давали дополнительные устные подтверждения по этому вопросу. В связи с этим я представляю Трибуналу французский документ за № 3, который является выдержкой из свидетельского показания посла Леона Ноэля, данного им на процессе в Верховном суде Франции. Это выдержка из труда, озаглавленного «Подробный отчет о процессе маршала Петэна», отпечатанного в Париже в 1945 году в типографии официальных изданий «Журналь офисиель». Согласно статье 21 Устава Трибунала, этот документ может быть представлен без доказательств.

Вот объяснения господина Леона Ноэля, которые я хотел бы процитировать Трибуналу.

Господин Леон Ноэль являлся членом делегации по заключению перемирия.

«Я получил некоторое количество ответов, которые, я думаю, можно будет впоследствии использовать. Они были даны немецкими генералами: генералом Иодлем, который подписал в Реймсе в мае текущего года безоговорочную капитуляцию Германии, и генералом, впоследствии фельдмаршалом Кейтелем, который несколько недель спустя подтвердил в Берлине эту капитуляцию. Они заявляли в свое время в самой категорической форме, что ни в коем случае не будут вмешиваться в дела администрации, что права, которые предоставляются им на основании соглашения о перемирии, являются теми правами, которые, в соответствии с международным правом и обычаями, признаются за оккупационными армиями, то есть правами, необходимыми для обеспечения безопасности, транспортировки и снабжения этих армий».

Таким образом, Германия дала совершенно официальное обещание и обязательство, но с самого начала они не были искренними.

Немцы не только вскоре их нарушили, но уже с самого начала они организовали такой порядок, который позволял совершать эти нарушения самым действенным и одновременно замаскированным способом.

Этот немецкий порядок в области экономики и труда основан на очень простом принципе. Он состоит в том, чтобы контролировать производство в начальной и в конечной его стадии.

Немцы приступили немедленно к проведению общей реквизиции всех видов сырья и всех товаров в оккупированных странах.

Отныне от них будет зависеть предоставление или непредоставление этого сырья национальной промышленности. Они смогут, таким образом, развивать отдельные отрасли производства за счет других, поощрять определенные предприятия и выжидать другие предприятия закрываться. В зависимости от событий и различных условий они видоизменяли формы присвоения сырья

главным образом для того, чтобы облегчить его распределение, но принцип оставался всегда один и тот же. Этим путем они получили возможность контролировать первоначальную стадию производства.

Одновременно они установили контроль над готовой продукцией при помощи финансирования. Обеспечив себе платежные средства в валюте оккупированной страны, немцы получили возможность покупать продукты и присваивать результаты хозяйственной деятельности страны, сохраняя видимость законности. Они с самого начала захватили такие значительные финансовые средства, что потом без труда смогли закупать почти всю продукцию производства этих стран.

На вчерашнем заседании я изложил Трибуналу принцип распоряжений, принятых немцами для того, чтобы обеспечить себе контроль над сырьем и над финансированием в оккупированных странах.

Наличие распоряжений будет доказано многочисленными документами, которые будут представлены Трибуналу во время выступлений на тему о принудительном труде и об ограблении экономики. Я не буду сейчас представлять эти документы потому, что, как я уже вчера говорил, мое выступление ограничится освещением первоначальных концепций немцев по этому вопросу. Я только процитирую один документ, который показывает настоящие намерения немцев в самый первый период. Я представляю его Трибуналу.

Он касается Норвегии и является заверенной фотокопией протокола совещания, состоявшегося в Осло 21 ноября 1940 г. под председательством имперского комиссара. Мы представляем этот документ, имеющий особое значение, так как именно Норвегия является страной, которая была оккупирована немцами очень рано. Число 21 ноября 1940 г., которое Вы видите в этом документе, относится к самым первым дням немецкой оккупации, и, кстати, в тексте записи совещания имеется ссылка на положение за семь последних месяцев.

Таким образом, в нем точно раскрывается психология оккупантов за период от апреля 1940 года по ноябрь 1940 года, то есть в то самое время, или даже до того, как немцы, вторгшись в другие страны, делали заверения, которые я вчера зачитал Трибуналу.

На совещании присутствовали 40 человек; на нем был также статс-секретарь доктор Ландфрид, который представлял министерство экономики рейха. Вот что сказал рейхскомиссар:

«Сегодняшнее совещание является продолжением совещания, которое состоялось в Берлине. По этому случаю я хотел бы прежде всего отметить, что сотрудничество между армией и

рейхскомиссаром является образцовым. Я должен протестовать против того представления, согласно которому армия осуществляла здесь свои финансовые задачи беспорядочным и безответственным образом. Надо также принять во внимание особые условия, которые существовали в Норвегии и которые еще частично существуют там до сих пор. Некоторые задачи были указаны фюрером; их нужно было выполнить в определенный срок. На берлинском совещании были намечены следующие положения, которые мы можем принять за основу для сегодняшнего совещания. Нет сомнения в том, что для выполнения задач вооруженных сил Норвегия была использована за последние семь месяцев в такой степени, что новое изъятие товаров без некоторой компенсации больше невозможно, если имеется намерение выполнить задачи вооруженных сил.

Я с самого начала считал, что моя главная задача в качестве рейхскомиссара состоит в следующем: мобилизовать все экономические и материальные силы страны в интересах армии и не пользоваться ресурсами рейха, если я смогу организовать это за счет ресурсов данной страны».

На этом я заканчиваю цитату из выступления рейхскомиссара. Я цитирую сейчас ответ доктора Ландфрида, ответ находится несколько ниже в документе.

«Я очень благодарен, что могу констатировать, чего мы смогли добиться здесь, в Норвегии, мобилизовав экономические силы Норвегии для германских нужд в такой степени, в какой это невозможно было достигнуть во всех оккупированных странах. Я должен вас особенно благодарить от имени министерства экономики. Вам удалось заставить норвежцев выполнить все, что можно».

Я полагаю, что Трибунал отметил ряд характерных выражений, которые используются в этом документе. Рейхскомиссар сказал: с самого начала моя задача состояла в мобилизации всех экономических и материальных сил страны в интересах вооруженных сил. А доктор Ландфрид сказал: нам удалось мобилизовать экономические силы в такой степени, в какой этого нельзя было достигнуть во всех оккупированных странах.

Таким образом, мы видим, что доктор Ландфрид не говорит, что в Норвегии у немцев было особое понятие об оккупации и что в других странах они действовали по-другому. Он сказал, что в других странах было невозможно действовать так же хорошо. Единственное ограничение, которое он признает, это ограничение материальных возможностей, но не ограничение в правах. Мысль об ограничении в правах ему даже не приходит в голову, так же как она не приходит в голову сорока присутствующим на этом совещании.

Здесь речь идет не о мнении или инициативе какой-либо районной администрации, а об официальной доктрине имперского кабинета и верховного командования, так как на совещании присутствуют сорок чиновников и представитель министра экономики.

Я хочу теперь подчеркнуть, что эта немецкая доктрина и эти германские способы распространялись на мобилизацию материальных ресурсов оккупированных стран и рабочей силы местных жителей.

Я говорил вчера, что немцы овладели с самого начала двумя ключевыми позициями производства: капиталом и рабочей силой. Действительно, в зависимости от их решения рабочая сила имела работу или не имела ее, существовала безработица или не существовала. Этим объясняется то, что немцы лишь через некоторое время приняли особо жестокие меры по угону и мобилизации рабочих.

В первое время, то есть пока в оккупированных странах имелись запасы и сырье, немцам было выгоднее использовать рабочую силу на месте. Эта рабочая сила позволяла производить в их интересах, используя богатства страны, изделия, которые они присваивали. Таким образом, кроме морального преимущества сохранения видимости, они избегали переброски сырья с места добычи. Трудности с транспортом всегда играли большую роль в военной экономике немцев.

Но когда после довольно длительного периода в оккупированных странах почти не осталось сырья и оккупированные страны были фактически разорены, немцам стало невыгодно оставлять рабочую силу работать на месте. Им пришлось бы самим доставлять сырье и таким образом производить двойные перевозки: перевозку сырья в одном направлении и перевозку фабрикатов в другом направлении. Таким образом, стало выгоднее вывозить рабочих. Это соображение, кстати, совпало с нуждами, вытекающими из экономического положения Германии того времени, и с политическими соображениями.

В связи с вопросом об использовании рабочей силы я читаю Трибуналу несколько фраз из одного документа, который я представляю под № 4 и который находится в книге документов сразу после зачитанного мною документа. Этот документ воспроизводит фразы из статьи, опубликованной в газете «Паризер цейтунг» от 17 июля 1942 г.

Я одновременно представляю Трибуналу заверенную фотокопию газеты, которая находится в сборнике Национальной библиотеки. Эта статья подписана доктором Мишелем, бывшим начальником Экономического управления во Франции. Она называется «Два года подконтрольной экономики во Франции». Эта статья написана в духе германской пропаганды, поскольку она

была опубликована в Париже в немецкой газете, одна страница которой печаталась на французском языке. Я, конечно, предупреждаю Трибунал, что мы вовсе не представляем все высказываемое в настоящей статье в целом, а хотели бы включить в протокол несколько фраз доктора Мишеля, из которых становится очевидным способ, о котором я говорил выше и к которому прибегали немцы для того, чтобы использовать рабочую силу сначала на месте, пока имелось сырье, а затем путем вывоза ее на работу в Германию.

«Третья фаза характеризуется передачей заказов из Германии во Францию...

Для того чтобы использовать производительные силы французской промышленности, немцы начали с передачи во Францию своих заказов на промышленные военные изделия. Для того, чтобы отдать себе отчет в успехе заказов, переданных немцами, достаточно назвать одну цифру: сумму сделок, которые были заключены в то время; эта сумма превысила сотни миллионов франков.

Новая кровь циркулирует в венах французской экономики, которая работает до предела своих возможностей».

Несколько фраз, которые находятся в оригинале, здесь пропущены, так как они не представляют интереса. Я читаю следующую фразу:

«По мере того, как запасы сырья уменьшались из-за затяжной войны, начали вывозить освобождающуюся французскую рабочую силу».

Доктор Мишель красивыми фразами старается скрыть истину, которая заключается в том, что переброска рабочих началась в тот момент, когда запасы сырья, которые немцы присвоили с самого начала, стали истощаться.

Заключение, которым я хочу закончить свое выступление, сводится к тому, что немцы всегда рассматривали рабочую силу и человеческий труд, как находящиеся у них в услужении. Этот взгляд уже существовал до официального введения трудовой повинности, о которой я буду говорить позже.

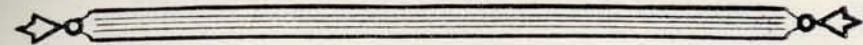
С точки зрения немцев, использование рабочей силы всегда должно было непременно служить их интересам. Подобное положение должно было остаться и после войны.

Это последний пункт, который я хотел бы подчеркнуть, так как он указывает на большие масштабы и серьезность германской концепции и планов немцев. В этой связи я процитирую документ, находящийся под № 5 в нашей книге документов. Я представляю Трибуналу брошюру, которая вышла на французском языке в Берлине в 1943 году. Ее автором является доктор Фридрих; она озаглавлена: «Работать на Европу». Вышла эта брошюра в центральном издательстве национал-социалист-

ской партии. Она начинается с предисловия подсудимого Заукеля, подпись которого была воспроизведена в печати.

Я процитирую Трибуналу один абзац из этого произведения: «Большой процент иностранных рабочих останется даже после победы на нашей территории. После обучения строительному делу они должны будут закончить то, что помешала закончить война, а также осуществить то, что оставалось до сих пор в состоянии проектов».

В этом пропагандистском издании, которое поэтому написано с очень большой осмотрительностью и с намерением привлечь симпатии, немцы все же признаются в том, что они рассчитывали сохранить рабочую силу других стран даже после войны для того, чтобы обеспечить в дальнейшем величие Германии, не ограничивая пребывание этой рабочей силы в Германии ни определенными задачами, ни временем. Речь идет, таким образом, об их политике безграничной эксплуатации.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЖЕРТОФФЕРОМ О РАЗГРАБЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ ДАНИИ, ГОЛЛАНДИИ И НОРВЕГИИ¹

*[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 19 января 1946 г.]*

Господин председатель, господа судьи!

Французскому обвинению поручено представление доказательств вины подсудимых в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «b» статьи 6 Устава Трибунала, включающей нарушения законов и обычаев войны, в том числе разграбление общественной и частной собственности в странах Западной Европы.

Материалы о жестоком обращении с военнопленными и гражданскими лицами, о пытках, убийствах, угоне в рабство, а также разрушениях, не оправдываемых военной необходимостью, Вам были или будут еще представлены моими коллегами. Я имею честь представить Вам доказательства о расхищении общественной и частной собственности. Трибуналу предстоит ознакомиться с самой сухой частью материалов обвинения. Мы постараемся представить ее в наиболее кратком виде, сократить чтение многочисленных документов, представляемых Трибуналу, и по возможности избежать второстепенных вопросов, чтобы отметить только главные факты.

Однако иногда мы будем знакомить Трибунал с некоторыми подробностями для того, чтобы он мог отдать себе ясный отчет в некоторых характерных фактах, вменяемых в вину подсудимым, по разграблению экономики.

В своих речах и в своих произведениях Гитлер никогда не скрывал экономических целей агрессии, которую намеревалась предпринять Германия.

¹ Публикуется по сокращенной стенограмме. — Составители.

Расовая теория и теория жизненного пространства усилили захватнические устремления нацистов и одновременно стимулировали их военные инстинкты.

Захватив без боя Австрию и Чехословакию, они напали на Польшу и подготовились к нападению на страны Западной Европы, в которых они рассчитывали найти то, чего им не хватало, чтобы обеспечить себе господство. Этот факт, в частности, явствует из документа ЕС-461, который я представляю за № РФ-92. В этом документе приводится отчет о заседании, состоявшемся 30 января 1940 г. у подсудимого Геринга в присутствии подполковника Конрада и директора Ланге из группы машиностроения.

Вот главная часть этого отчета:

«Фельдмаршал Геринг начал со слов, что он должен ознакомить меня с целями фюрера в отношении необходимых экономических мер.

Вот что он сказал:

«Фюрер убежден, что решительных результатов в войне можно достигнуть только благодаря энергичному наступлению в 1940 году. Он рассчитывает, что Бельгия, Голландия и Северная Франция будут завоеваны нами и что он, фюрер, основывается на том расчете, что промышленные районы городов Дуэ, Ланса, Люксембурга, Лонгви и Брюэ могли бы заменить поставки сырья из Швеции. Ввиду этого, фюрер решил, не считаясь с будущим, использовать полностью наши резервы сырья, даже если это отразится на последующих послевоенных годах. Правильность этого решения подкреплялась мыслью, что самыми лучшими запасами были не запасы сырья, а готовой военной техники. Надо предвидеть также, что если начнется воздушная война, то наши собственные сборочные заводы могут быть разрушены. Фюрер считает также, что главные усилия должны быть предприняты в 1940 году для того, чтобы добиться максимальных результатов, и, таким образом, надо составить какую бы то ни было долгосрочную программу производства продукции в интересах той программы, которая должна закончиться в 1940 году».

В момент гитлеровского вторжения страны Западной Европы изобиловали всякого рода продуктами и изделиями. Однако после четырехлетнего систематического разграбления и порабощения эти страны были разорены, и в результате введения строгих ограничений их население было физически ослаблено.

Чтобы добиться таких результатов, немцы использовали все средства, в особенности насилие, хитрость и шантаж.

Темой настоящего выступления явится уточнение главных видов расхищения, произведенного по приказу руководителей нацистской Германии в странах Западной Европы, а также представление доказательств того, что вышеупомянутые расхи-

щения являются военными преступлениями этих руководителей, подсудными Международному Военному Трибуналу.

Невозможно подвести точный итог германским грабегам и выгоде, которую они извлекли в результате захвата производства в оккупированных странах. С одной стороны, для этого недостаточно времени, с другой стороны, это невозможно, так как существовали некоторые тайные операции; к тому же архивы были истреблены как в результате войны, так и умышленно в период разгрома немцев.

Однако документы, которыми мы располагаем в настоящее время, и собранные сведения позволяют установить минимальные размеры расхищений.

Здесь я попрошу разрешения Трибунала сделать три предварительных замечания.

Во-первых, многочисленные акты индивидуального расхищения, совершенные немцами, в этом выступлении приводиться не будут, так как они входят в компетенцию другой юрисдикции.

Во-вторых, здесь мы только напомним о неисчислимых материальных последствиях преступлений гитлеровцев, например, о материальном ущербе, нанесенном семье, глава которой убит, или об ущербе, причиненном некоторым жертвам плохого обращения, в результате чего они стали полными или частичными, временными или пожизненными инвалидами, а также об ущербе, нанесенном разрушением населенных пунктов либо домов с целью мести или устрашения.

Наконец, господа судьи, мы не будем упоминать об ущербе, нанесенном непосредственно военными действиями, так как он не является материальным следствием военных преступлений.

С разрешения Трибунала, я начну сейчас с общих замечаний об экономическом грабеже Западной Европы.

Под словами «экономический грабег» следует подразумевать изъятие богатств всякого рода, а также захват производства различных оккупированных стран.

Чтобы достигнуть такого результата в странах очень высокого промышленного развития, где имелись многочисленные запасы фабрикатов и большие резервы сельскохозяйственных продуктов, немцы использовали все средства.

Несмотря на то, что немцы использовали реквизиции максимальным образом, этого способа им оказалось недостаточно. Они должны были найти способ обнаружения и изъятия самых различных предметов, иногда скрывааемых жителями; с другой стороны, они должны были поддерживать на каком-то уровне экономическую деятельность этих стран для своей же собственной пользы.

Простейшим способом захвата и сосредоточения в своих руках производства и распределения изделий и продукции явился

захват почти всех платежных средств, а затем распределение их в принудительном порядке, иногда с применением силы.

Для того, чтобы не умереть с голоду, население должно было, естественно, работать непосредственно или косвенно в интересах Германии.

I. Захват немцами платежных средств

Для того, чтобы получить в свое распоряжение платежные средства, немцы действовали в различных оккупированных странах почти одинаковыми способами, но сначала они провели два основных мероприятия: во-первых, выпустили бумажные деньги согласно приказу от 9 мая 1940 г., который я представляю Трибуналу под № РФ-93. Этот приказ относится к Дании и Норвегии; на оккупированных территориях Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции он вступил в силу 19 мая 1940 г. Немцы начали выпускать бумажные деньги, которые имели хождение только в одной из оккупированных стран. Затем ими была принята другая мера: блокирование существующих платежных средств внутри оккупированных стран согласно приказу от 10 мая 1940 г., который я представляю под № РФ-94.

В Голландии это было проведено приказами от 24 июня, 7 августа, 16 августа и 17 сентября 1940 г., которые я представляю под № РФ-95, 96, 97 и 98.

В Бельгии — приказами от 17 июня и 2 июля 1940 г., которые представляются Трибуналу под № РФ-99 и 100.

Эта мера, а именно произвольный выпуск немцами бумажных денег без всякого контроля со стороны финансовых органов оккупированных стран, должна была явиться, как мы это увидим вскоре, мощным средством давления для того, чтобы добиться взносов громадной контрибуции под предлогом содержания оккупационных войск и для того, чтобы навязать так называемые «соглашения» об оплате по системе клиринга, действовавшей исключительно в интересах оккупантов.

Оккупанты мошеннически добились таким образом платежных средств, использованных ими для того, чтобы осуществить операции на очень большие суммы исключительно в своих интересах.

Германия умышленно создавала видимость регулярного расчета за все сельскохозяйственные продукты, промышленные изделия, сырье, предметы всякого рода и за труд с помощью бумажных денег рейхскредиткассы и так называемого «соглашения» о клиринге или же посредством военной контрибуции, называвшейся возмещением за содержание оккупационных войск.

Таким образом, можно утверждать, что все эти расчеты были фиктивными; они явились наиболее широко распространенными

способами мошенничества, к которым нацисты прибегали для осуществления экономического ограбления оккупированных стран Западной Европы.

II. Захват производства оккупированных стран

После вторжения немцев в страны Западной Европы в последний начался большой беспорядок, явившийся последствием этого вторжения. Население эвакуировалось. Промышленность остановилась. Германские войска охраняли заводы и не позволяли никому туда проникать. Невозможно перечислить предприятия, которые находились в таком положении, потому что эта судьба постигла большинство из них.

В качестве примера мы представляем Трибуналу оригинал одной из многочисленных афиш, наклеенных на воротах промышленных предприятий Франции. Я представляю эту афишу под № РФ-102. Она датирована: Париж, 28 июня 1940 г. Цитирую:

«По приказу генерал-фельдмаршала Геринга от 28 июня 1940 г., генеральлюфтцейгмейстер занял этот переданный в его ведение завод. Вход разрешается только тем, кто обладает специальным разрешением, выданным генеральлюфтцейгмейстером в Париже».

Как только заводы и фабрики были заняты, германские техники, прибывшие вскоре после войск, стали заниматься методическим изъятием лучших машин этих предприятий. В частности, из датированного декабром 1940 года секретного отчета полковника экономического отдела ОКВ Эльдера явствует, что изъятие лучших машин в оккупированных странах должно было быть организовано вопреки статье 53 Гаагской Конвенции 1907 года. Этот документ представляется под № РФ-103.

С другой стороны, тотчас же после вторжения рабочие, не имея других средств существования, являлись к заводам в надежде найти какой-то заработок.

Во всех оккупированных странах вставали одни и те же проблемы: остановить производившийся в угрожающем темпе вывоз машин и предоставить рабочим работу или продолжать вывоз.

Со своей стороны, немцы требовали возобновления работы некоторых промышленных предприятий под предлогом гарантирования снабжения населения. Приказ об этом от 20 мая 1940 г. мы представляем под № РФ-104. Он касается Голландии, Бельгии, Люксембурга и Франции. В нем предписывается возобновить работу на всех ремесленных предприятиях пищевой промышленности и сельского хозяйства. Тот же приказ предусматривал назначение временных администраторов на эти предприятия, когда руководители их по какой-либо причине отсутствовали.

...В общем, чтобы избежать безработицы и сохранить средства производства, промышленники мало-помалу возобновили работу, стараясь специализироваться на производстве для нужд гражданского населения. Однако, используя различные средства давления, немцы добились производства военной продукции, в частности изготовления вооружения. Они реквизировали некоторые предприятия, закрыли те из них, которые они не считали необходимыми, сами распределяли сырье и назначали своих представителей на заводы.

Захват немцами предприятий распространялся все шире и шире в согласии с секретными директивами, которые издавались подсудимым Герингом, начиная со 2 августа 1940 г. Это явствует из документа, который имеет № ЕС-137. Я представляю его под № РФ-105. Вот наиболее значительная страница этого документа:

«Расширение немецкого влияния на иностранные предприятия является целью немецкой политики. Сейчас еще нельзя определить, будет ли мирный договор предусматривать передачу долей участия в деловых операциях и в каких размерах, но уже сейчас необходимо использовать всякую возможность, чтобы позволить немецкой экономике уже в военное время утвердиться на наиболее важных экономических объектах оккупированных стран и чтобы помешать маневрам, которые могли бы воспрепятствовать достижению вышеуказанной цели...»

После того, как Вы ознакомились с таким документом, не может остаться никаких сомнений относительно намерений немецких руководителей. Доказательства проведения в жизнь этого плана содержатся в документе, который будет оглашен, когда будет рассматриваться вопрос о Франции. Трибунал ознакомится с обзором некоего Михеля, начальника штаба по экономическим вопросам и помощника немецкого военного коменданта во Франции. Этот обзор дает представление о широких масштабах диктатуры Германии над экономикой оккупированных стран.

Контроль над предприятиями оккупированных стран обеспечивался гражданскими или военными чиновниками, которые назначались на месте, а позднее также и однородными германскими предприятиями, ставшими «основными предприятиями» («Патен-фирмы»).

Для того, чтобы дать вам пример этого экономического господства, я сошлюсь на приказ, полученный одной значительной французской фирмой. Речь идет о фирме «Томсон-Устон». Я представляю Трибуналу под № РФ-106 письмо, адресованное этой фирме. Оно написано в Париже 8 октября 1943 г.:

«Фирма Томсон-Устон, Париж, 8-й округ, бульвар Османи, 173. Как перед заказчиком, так и перед моим управлением, ведающим в целом всеми заказами, размещенными во Франции,

вы несете полную ответственность за своевременное, тщательное и рациональное выполнение германских заказов, которые были вам переданы.

Для того, чтобы облегчить вам исполнение ваших обязанностей, я возлагаю на фирму «Альгеймеине Электротитетсгезельшафт» (Берлин, Н. В., Фридрих-Карл-Уфер, 2—4) руководство вашей фирмой. Я придаю очень большое значение тому, чтобы по техническим вопросам вы работали в тесном сотрудничестве с вышеуказанной фирмой.

На «Патен-фирму» возлагается следующее:

1) участвовать в составлении вашего производственного плана для того, чтобы использовать ваши производственные возможности;

2) находиться в вашем распоряжении для того, чтобы давать вам любые технические советы, какие вам могут понадобиться, и взаимно обмениваться опытом;

3) в необходимых случаях служить посредником при переговорах с немецкими учреждениями;

4) держать меня в курсе всего, что может случиться и что могло бы помешать вам в выполнении ваших обязательств.

Для того, чтобы обеспечить выполнение этих задач, «Патен-фирма» имеет право направить в вашу фирму уполномоченного и, в случае надобности, инженеров по производству из тех немецких фирм, которые дали вам значительные заказы.

Для того, чтобы дать «Патен-фирме» возможность выполнять свои задачи, следует представлять ей непосредственно или ее уполномоченному сведения, касающиеся немецких заказов и их выполнения, например:

1) вы должны держать ее в курсе вашей корреспонденции с поставщиками и заказчиками;

2) сообщать ей, каким именно образом используются производственные мощности ваших заводов, и представлять возможность ознакомления с производством;

3) привлекать представителя этой фирмы к участию в ваших заседаниях и заранее знакомить его с вашей корреспонденцией с немецкими учреждениями.

Вы должны немедленно сообщать «Патен-фирме» или ее уполномоченным о всех получаемых вами заказах.

Почти все крупные фирмы в оккупированных странах были поставлены, таким образом, под контроль немецких фирм с двойной целью: во-первых, для того, чтобы содействовать военным усилиям Германии, и, во-вторых, чтобы добиться, путем постепенного захвата, экономического господства в Европе.

В области сельского хозяйства немцы использовали аналогичные методы давления. Они осуществляли массовые рекви-

зиции продуктов и оставляли населению продукты в количестве, явно недостаточном для существования.

Теперь я перехожу к третьему разделу, посвященному вопросам индивидуальных закупок немецких военных и гражданских лиц в оккупированных странах.

Если в настоящем моем выступлении я не могу говорить об индивидуальных актах ограбления или многочисленных кражах, совершавшихся в оккупированных странах, то все же необходимо сказать об индивидуальных закупках, которые в интересах немцев методически организовывали немецкие власти.

В начале оккупации солдаты и гражданские лица производили закупки по выдававшимся им начальством ордерам, законность которых является спорной. Но вскоре немцы получили в свое распоряжение достаточное количество денег, которое позволило им покупать без карточек или по специальным ордерам большое количество сельскохозяйственных продуктов или всевозможных предметов, к которым, в частности, относятся текстиль, обувь, меха, изделия из кожи и т. д.

Таким образом, многие обувные фирмы вынуждены были каждую неделю отпускать по специальным немецким ордерам 300 пар городской обуви — мужской, дамской или детской.

Индивидуальные покупки, являвшиеся одним из видов экономического грабежа, не только поощрялись, но и организовывались немецкими властями.

Немцы возвращались к себе на родину, обремененные многочисленным багажом. Была создана специальная служба по отправке посылок немцев из оккупированных стран. Отсылаемые предметы упаковывались в особую бумагу и снабжались печатями, благодаря которым посылки освобождались от таможенных пошлин.

Чтобы представить себе, каковы были масштабы этих индивидуальных закупок, следует обратиться к показанию некоего Мюрделя, бывшего директора имперской кредитной кассы, в настоящее время арестованного в Париже и допрошенного судебным следователем департамента Сены. Вот что Мюрдель показал по поводу индивидуальных закупок.

Следователь задал ему следующий вопрос:

«Каковы были нужды оккупационной армии? Какие закупки вы должны были оплачивать за армию?»

Мюрдель ответил:

«Я не могу ответить на первую часть вопроса. Во время оккупации я старался уяснить себе этот вопрос, но мне возражали, заявляя, что это военная тайна, которую я не должен знать. Все, что я могу вам сказать, это то, что мы выплачивали жалованье войскам и что простой солдат получал от 50 до 60 марок, унтер-офицер на 50 процентов больше, а офицер, разумеется,

значительно больше. Я не знаю, каков был численный состав оккупационной армии, так как количество войск часто изменялось».

Я пропускаю несколько строчек. Дальше Мюрдель добавляет: «Кроме того, каждый отпускник, возвращающийся из Германии, имел право привезти с собой известное количество марок (50). Это же относилось ко всем немецким солдатам, впервые назначенным во Францию. Мы обменивали эти марки на французские франки. Я определяю, что примерно 5 миллиардов франков мы каждый месяц выплачивали по этой статье».

Таким образом, сумма всех индивидуальных расходов немцев во Франции за время оккупации составляет примерно 250 миллиардов франков, из которых большая часть была израсходована на покупку продуктов и разных предметов, отсылавшихся в Германию в ущерб французскому населению.

Для того, чтобы представить себе значение этих расходов, я скажу, что 5 миллиардов франков в месяц, или 60 миллиардов в год, составляют сумму, превышающую доходную часть годового бюджета Французского государства за 1938 год, которая равнялась 54 миллиардам франков.

После того, как мы рассмотрели вопрос об индивидуальных покупках, я перехожу к четвертому разделу, посвященному организации немцами «черного рынка» в оккупированных странах. Потребление населением оккупированных стран продуктов и товаров было подвергнуто строгому нормированию. Населению оставлялись продукты в количестве, явно недостаточном для удовлетворения жизненных потребностей.

Такой порядок вызвал резкое сокращение предложения товаров и продуктов и сокрытие их от немцев. Это, в свою очередь, породило в оккупированных странах то, что называется «черным рынком», то есть торговлю из-под полы, происходившую в нарушение правил, регулировавших нормированное снабжение.

Немцы не замедлили воспользоваться этим и начали производить закупки на «черном рынке» во все возрастающих размерах, большей частью при посредстве агентов и третьих лиц, вербовавшихся из самых сомнительных элементов населения, которые были уполномочены «отыскивать» продукты.

Эти агенты, скомпрометированные перед законом за нарушение правил, нормирующих снабжение, пользовались полной безнаказанностью, но зато находились все время под угрозой доноса и выдачи их немецкими нанимателями в том случае, если они замедлят или прекратят свою деятельность. Часто эти агенты одновременно выполняли поручения гестапо, а вознаграждением за это являлась прибыль от их операций на «черном рынке».

Различные немецкие учреждения в оккупированных странах усвоили себе привычку производить на «черном рынке» все более

значительные закупки. Дело дошло до того, что они начали рвать товары друг у друга, что привело к большому повышению цен и могло вызвать инфляцию. Продолжая совершать тайные закупки, немцы одновременно стремились к тому, чтобы деньги, которыми они расплачивались, сохраняли наивысшую стоимость.

Для того, чтобы предотвратить ажиотаж на «черном рынке», руководители Германии в июне 1941 года решили производить покупки на «черном рынке» организованно.

С этой целью подсудимый Геринг, уполномоченный по четырехлетнему плану, поручил 13 июня 1942 г. полковнику Вельтжену централизовать структуру «черного рынка» в оккупированных странах. Это явствует из документа, который я представляю Трибуналу под № РФ-109. Под этим номером представляется 3 документа, в том числе и документ о назначении полковника Вельтжена, подписанный самим Герингом. Читаю:

«Закупки товаров, осуществляемые одновременно различными соединениями вооруженных сил и другими организациями, создали в некоторых оккупированных странах на так называемом «черном рынке» такое положение, которое мешает планомерному использованию этих стран для нужд военной экономики Германии и подрывает престиж, необходимый для всякой военной или гражданской администрации.

Такое плачевное положение вещей не может быть далее терпимо. Поэтому я уполномочиваю вас урегулировать эти коммерческие операции по согласованию с соответствующими учреждениями и, в особенности, с начальниками администрации оккупированных территорий. В принципе коммерческие операции на оккупированных территориях, выходящие за рамки нормального снабжения или нарушающие установленные цены, должны ограничиваться особыми случаями, и притом лишь с вашего предварительного на то согласия. Я согласен с вашим предложением о том, чтобы использовать для изъятия товаров специальные организации, находящиеся под контролем империи.

Я прошу вас представить мне как можно скорее план вашей работы в Голландии, Бельгии, Франции и Сербии. В Сербии это должно быть поручено генеральному консулу Нейхаузену. Этот план должен, кроме того, включать захват оборудования портовых сооружений и тех предприятий на оккупированных территориях, которые в дальнейшем могут быть закрыты. Отчет о результатах вашей деятельности прошу представлять мне ежемесячно через моего представителя. Первый из этих отчетов должен быть представлен 1 июля 1942 г.

В случае необходимости центральное управление по четырехлетнему плану примет решение относительно распределения закупленных товаров».

Подписано «Геринг».

Впоследствии, 4 сентября 1942 г., подсудимый Геринг распорядился о том, чтобы все виды полезных товаров были закуплены, даже если это вызовет признаки инфляции в оккупированных странах. Это явствует из отчета, подписанного Вилем и касающегося использования фондов, создаваемых за счет расходов по оккупации. Я представляю этот отчет Трибуналу под № РФ-110.

Немного позднее, 4 октября 1942 г., подсудимый Геринг произнес речь по случаю «Праздника жатвы», опубликованную в «Дас архив» за октябрь 1942 года. В этой речи подсудимый Геринг в завуалированной форме дает понять, что он желает, чтобы закупки на «черном рынке» в оккупированных странах продолжались в интересах немецкого населения. Я представляю экземпляр газеты с этой речью под № РФ-111 и оглашаю следующую выдержку:

«Я исследовал с исключительной тщательностью положение дел в оккупированных странах. Я узнал, как живут люди в Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии, Польше и повсюду, где мы уже расположились. Я заметил, что хотя их пропаганда очень часто официально говорит о трудностях их продовольственного положения, в действительности дело обстоит далеко не так. Несомненно, повсюду, даже во Франции, была введена система продуктовых карточек. Но то, что можно получить по карточкам, — это только добавочное снабжение, а люди живут нормально за счет нелегальной торговли.

Такое положение вещей привело меня к твердому решению, от которого я не отклонюсь ни в коем случае. Первая задача, которую надо осуществить прежде всего, — это обеспечить немецкому народу первое место в борьбе с голодом и в разрешении проблемы снабжения. Вот почему я решил, что на территориях, которые нами завоеваны и находятся под нашим контролем, население не должно голодать, но если враг будет мешать проведению нашей политики снабжения, надо, чтобы все знали, что если голод наступит, то это, во всяком случае, будет не в Германии»...

У нас имеется секретный доклад, составленный 15 января 1943 г. полковником Вельтженом, в котором он отчитывается перед подсудимым Герингом в своей деятельности за шесть месяцев. Это документ за № ПС-1765, который я представляю сейчас Трибуналу под № РФ-112.

В первой части этого доклада полковник Вельтжен таким образом объясняет причины возникновения «черного рынка»:

- а) уменьшение количества товаров, вызванное нормированием и распределением;
- б) невозможность остановить рост цен;
- с) невозможность осуществлять контроль за ценами по немецкому образцу из-за отсутствия персонала у контрольных органов;

- d) небрежность, проявляемая местными властями при проведении контрмер, в особенности во Франции;
- e) неудовлетворительная работа местных уголовных судов;
- f) отсутствие дисциплины у гражданского населения».

Дальше в этом же параграфе «f» Вельтжен говорит:

«Деятельность немецких организаций на «черном рынке» постепенно приняла такие размеры, что положение становилось невозможным. Стало обычным, что продавцы на «черном рынке» одновременно предлагали свои товары нескольким учреждениям, и товар получало то из них, которое предлагало наиболее высокую цену. Таким образом, различные немецкие учреждения не только выхватывали друг у друга товары, но и способствовали росту цен».

Далее в своем докладе Вельтжен указывает, что он возглавил управление, созданное уполномоченным по четырехлетнему плану.

«Наконец, в июне 1942 года по согласованию со всеми центральными учреждениями специально уполномоченному было поручено взять в свои руки управление «черным рынком». Таким образом, впервые стало возможным выполнить первое условие, необходимое для успешного разрешения проблемы «черного рынка».

Во второй части своего доклада Вельтжен указывает на преимущества организации, во главе которой он был поставлен. Он пишет, в частности:

«Утверждали, что закупки на «черном рынке» в их нынешних размерах и по существующим ценам станут, в конце концов, слишком обременительными для бюджета империи. На это можно ответить, что большая часть осуществленных закупок была сделана во Франции и была профинансирована за счет расходов по оккупации. Таким образом, из общей суммы закупок в 1 107 792 818 марок 929 100 000 марок были отнесены за счет расходов по оккупации и никоим образом не явились бременем для бюджета империи».

Указав на различные неудобства «черного рынка», Вельтжен заключает: «...надо признать, что положение со снабжением империи не позволит больше отказываться от закупок на «черном рынке» даже после того, как будет выкачано самое лучшее с этого рынка, до тех пор, пока будут существовать тайные склады товаров, полезных для ведения войны. Перед этим высшим соображением все другие соображения должны отпасть».

В третьей части этого же доклада Вельтжен говорит о технической организации своей службы.

Вот несколько интересных страниц:

«Главное управление по контролю, специально созданное для этой цели, а именно:

a) служба наблюдения во Франции с центром, находящимся в Париже;

b) служба наблюдения в Бельгии и Северной Франции — центр в Брюсселе;

c) служба наблюдения в Бельгии и Северной Франции, дополнительная служба в Лилле — центр в Лилле;

d) служба наблюдения в Голландии — центр в Гааге;

e) служба наблюдения в Сербии — центр в Белграде».

Далее Вельтжен указывает, что сами закупки осуществлялись ограниченным количеством уполномоченных на это организаций покупателей: во Франции в количестве—11, в Бельгии—6, в Голландии — 6, в Сербии — 3.

«Таким образом, — пишет Вельтжен, — все закупки в целом находятся под контролем уполномоченного по специальным заданиям».

Затем Вельтжен добавляет:

«Финансирование закупок и перевозка этих товаров осуществляются имперской организацией. Она же распределяет товары внутри империи в соответствии с инструкциями, получаемыми от центрального управления по проведению плана или от различных ведомств, указанных этим центральным управлением, всегда с учетом важности требований, подлежащих удовлетворению».

В четвертой части своего доклада Вельтжен дает отчет о размерах операций, проведенных до 30 ноября 1942 г., то есть менее чем за 5 месяцев, поскольку его организация начала свою деятельность только с 1 июля 1942 г. Вот цифры, приводимые Вельтженом:

«Объем произведенных закупок.

После начала закупок, осуществляющихся военными комендантами или имперским уполномоченным, было закуплено товаров подконтрольного распределения в империи на общую сумму 1 107 792 818 марок, из них:

во Франции — на 929 100 тысяч марок

в Бельгии — на 103 880 929 марок

в Голландии — на 73 685 162 марки

в Сербии — на 1 126 727 марок».

Вельтжен добавляет:

«Во Франции оплата этих закупок была осуществлена за счет расходов по оккупации, а в других странах путем клиринга».

Далее Вельтжен приводит таблицу товаров, закупленных в течение пяти месяцев. Я ограничусь тем, что суммирую это Трибуналу:

1. Металлы — 66 202 тонны на сумму в 273 078 287 марок.

2. Текстиль — на общую сумму в 439 040 тысяч марок.
3. Кожа, выделанная и невыделанная, и меха — на общую сумму в 120 754 тысячи марок.

Вельтжен прибавляет: «В числе прочих товаров были закуплены смазочные и питательные масла, шерсть, различные хозяйственные предметы, продукты для буфета, вина, спиртные напитки, саперные инструменты, разные санитарные предметы, сумки и т. д. ...»

В этом докладе Вельтжен приводит статистику роста цен за пять месяцев и выдвигает принцип использования «черного рынка» исключительно для Германии, со строгим преследованием всякого использования его населением оккупированных стран. По этому поводу он пишет буквально следующее:

«1. Расширять контроль за ценами. Учитывая, что увеличить немецкий персонал службы наблюдения либо невозможно, либо возможно только в ограниченной мере, надо добиться от местных органов власти, чтобы они действовали в этом направлении более энергично.

2. Подвергать суровому наказанию согласно немецким методам всех нарушающих установленный порядок. Это фактически единственное средство для борьбы с недисциплинированностью населения, недисциплинированностью, происходящей от индивидуалистических и либеральных нравов населения. Необходимо контролировать приговоры, которые будут выноситься местными судами.

3. Обещать вознаграждение за доносы на лиц, нарушающих правила. Размеры этого вознаграждения должны быть достаточно высоки, соразмерны ценности тех предметов, которые будут изъяты благодаря этим доносам.

4. Наем доносчиков и провокаторов.

5. Остановка всех предприятий, не работающих на войну.

6. Остановка или слияние с другими тех предприятий, производственная мощность которых используется неудовлетворительно.

7. Усиление контроля над продукцией предприятий.

8. Тщательное исследование вопроса о количестве сырья, выдаваемого предприятиям при передаче им заказов.

9. Политика цен, которая обеспечит предприятиям достаточную прибыль и позволит поддерживать необходимый уровень цен».

Рассматривая жалобы руководителей оккупированных стран на немецкие закупки на «черном рынке», Вельтжен пишет:

«Между прочим, за последнее время руководящие хозяйственные круги Франции и Бельгии и глава французского правительства жалуются на систематические покупки, которые производятся немцами. В ответ на подобные заявления надо указать, не говоря уже о других доводах, что с немецкой стороны также

имеется большая заинтересованность в том, чтобы «черный рынок» исчез, но что главная ответственность за его существование падает на правительственные органы, потому что тем самым они доказывают свою неспособность осуществлять контроль за ценами и свою слабость в судебном преследовании виновных, что, в свою очередь, поощряет недисциплинированность со стороны населения».

С разрешения Трибунала, я подчеркну мимоходом, чего стоит аргументация Вельтжена, напомнив Трибуналу, что основными покупателями на «черном рынке» были немцы и что их агенты пользовались полной безнаказанностью.

Наконец, по вопросу о заводском оборудовании Вельтжен пишет в своем докладе:

«Специальные уполномоченные, в числе других функций, должны изымать машины с заводов, которые не работают.

Количество машин (а также станков), которые не используются и в которых Германия остро нуждается для своей военной промышленности, очень велико. По договоренности между специальными уполномоченными, военными комендантами и уполномоченными по машиностроению во Франции при инспекции по вооружению была создана специальная служба по распределению машин. Создание аналогичной службы по распределению машин предусмотрено также для Бельгии и Нидерландов. Нужно быть готовыми к тому, что в этой области будет оказано серьезное сопротивление как со стороны собственников заводов, так и со стороны местных правительственных властей.

Оккупационные власти должны будут пустить в ход все средства, чтобы сломить это сопротивление»...

...Размеры немецких операций на «черном рынке» установлены немецкими документами, которые противная сторона не может оспаривать. Я позволю себе напомнить Вам, что эти документы устанавливают, что за пять месяцев в трех странах эти операции составили сумму в 1 107 792 818 марок...

С юридической точки зрения, является бесспорным тот факт, что систематическое ограбление захваченных Германией стран противоречило Гагской Конвенции, подписанной Германией и умышленно нарушенной ею, хотя ее руководители пользовались каждым случаем, чтобы, сославшись на эту Конвенцию, добиться получения выгод, опираясь на содержащиеся в ней положения.

Третий раздел Гагской Конвенции озаглавлен: «Военные власти на территории неприятельского государства»; он определяет урегулирование экономических вопросов. Эти положения достаточно ясны и не дают повода для различных толкований.

Трибунал разрешит мне напомнить ему эти положения.

«Статья 42: Территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие

распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность.

Статья 43: С фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок...»

Немцы не имели права захватывать в оккупированных странах ничего, кроме того, что требуется для содержания необходимого для оккупированной территории количества войск. Все изъятия, имевшие место вне этих пределов, являлись нарушениями известных Вам положений, а следовательно, были захватническими действиями...

...Действия, связанные с ограблением экономики, полностью противоречат принципам международного права; эти действия официально предусмотрены пунктом «b» статьи 6 Устава Международного Военного Трибунала...

На этом заканчивается общая часть моего изложения по вопросу об ограблении экономики. Если Трибунал мне разрешит, мы можем перейти к рассмотрению тех особенностей в ограблении экономики, которые имели место в Дании.

После того, как немцы, в нарушение всех положений международного права и в нарушение взятых ими обязательств, захватили Данию, они еще не были уверены в том, что смогут быстро обеспечить господство в Западной Европе.

С самого начала они избрали линию поведения, в соответствии с которой они решили, что не будут ничего вывозить из этой страны, но после успехов в мае 1940 года изменили по отношению к Дании свою позицию...

...Для обеспечения своего господства в экономической сфере они стремились получить в свое распоряжение большую часть датских платежных средств...

...По полученным от Датского правительства сведениям, немцы после своего вступления заявили, что они не потребуют от страны никаких поставок и что германская армия будет снабжаться привозимым из империи.

Тем не менее вместо приобретения датских крон для того, чтобы позволить германским войскам производить расходы в Дании, немцы, начиная с 9 мая 1940 г., заставили пустить в обращение бумажные денежные знаки имперской кредитной кассы. Это подтверждается представленным уже мною документом РФ-93.

Поскольку Датский национальный банк в связи с выпуском в обращение иностранных бумажных денежных знаков заявил протест, немцы изъяли их из обращения, но потребовали у национального банка открытия счета, обязавшись не изымать сумм,

которые превосходили бы расходы на содержание в Дании германской армии.

Но немцы не замедлили нарушить взятое обязательство и, несмотря на протесты Дании, изымали суммы, значительно превосходившие расходы, необходимые на содержание оккупационной армии.

По сведениям, полученным от Датского правительства, немцы в среднем изымали ежемесячно:

в 1940 году	43 млн. крон
» 1941 »	37 » »
» 1942 »	39 » »
» 1943 »	83 » »
» 1944 »	157 » »
» 1945 »	187 » »

Общие размеры изъятых сумм, по подсчетам Датского правительства, достигают 4830 миллионов крон.

В связи с рассматриваемым вопросом я предъявляю под № РФ-115 доклад Датского правительства по финансовым вопросам. Я обращусь к этому отчету и в дальнейшем, в ходе предъявления доказательств.

Сведения, сообщенные Датским правительством, подтверждаются лишний раз германским документом ЕС-96, который я предъявляю Трибуналу под № РФ-116. Это секретный отчет от 10 октября 1944 г., составленный управлением по вопросам труда за границей; в нем говорится об изъятии денежных средств на оккупированных территориях.

На странице 11 этого отчета сказано буквально следующее:

«Дания не рассматривается как оккупированная территория и поэтому не оплачивает расходов на оккупацию. Необходимые для германских войск платежные средства были переданы Центральным банком Дании в распоряжение главного управления имперской кредитной кассы в форме обычных кредитов. В любом случае все денежные средства будут обеспечиваться Данией».

Далее составитель этого отчета указывает, каковы были изъятия (в миллионах крон) к 31 марта 1944 г. на расходы по оккупации:

1940—1941 гг.	531 млн. крон
1941—1942 гг.	437 » »
1942—1943 гг.	612 » »
1943—1944 гг.	1391 » »,

что составляет за период, заканчивающийся 31 марта 1944 г., сумму изъятия, достигающую 2971 миллиона крон; это соответствует сумме, указанной Датским правительством за такой же приблизительно период времени (2627 миллионов крон).

Из того же германского отчета явствует, что курс марки в соотношении с курсом кроны был установлен оккупационными властями первоначально в 47,7, а позднее в 53,1 марки за 100 крон.

Хотя немцы вопреки всему и считали Данию якобы неоккупированной страной, они изъяли оттуда 4830 миллионов крон, что является колоссальной суммой, если учесть число жителей в стране и ее благосостояние. В действительности в данном случае имела место военная дань, которая была наложена Германией под предлогом платежей на содержание германской армии, расквартированной в Дании.

Содержание армии, необходимой для оккупации Дании, не требовало столь значительных расходов. И поэтому совершенно очевидно, что, как и в других странах, немцы использовали подавляющую часть изъятых в Дании таким путем денежных фондов на финансирование своих военных усилий...

Расчеты по клирингу

Под давлением оккупантов Дания не могла препятствовать тому, чтобы ее кредитный счет по клирингу непрерывно возрастал в связи с германскими закупками, производившимися без предоставления соответствующей компенсации.

По сведениям Датского правительства, выплаты в кредит возрастали в следующей последовательности:

к 31 декабря 1940 г. . .	388	млн. крон
к 31 декабря 1941 г. . .	784	»
к 31 декабря 1942 г. . .	1062,2	»
к 31 декабря 1943 г. . .	1915,8	»
к 31 декабря 1944 г. . .	2694	»
к 30 апреля 1945 г. . .	2900	»

Эти данные подтверждаются ранее упомянутым германским отчетом, который я только что предъявил под № РФ-116. В соответствии с ним платежные средства, которые немцы получили с помощью клиринга, достигли к 31 марта 1944 г. общей суммы в 2243 миллиона крон.

До настоящего времени еще отсутствует возможность установить, на какой предмет немцы израсходовали 7730 миллионов крон, полученных ими обманым путем в ущерб Дании с помощью клиринга и в форме возмещения расходов по оккупации...

Кроме того, гитлеровцы присвоили имущество датской армии и флота: грузовики, лошадей, транспортные средства, движимое имущество, обмундирование на сумму, которая не может до на-

стоящего времени быть точно определена, но, видимо, достигает 850 миллионов крон.

Были произведены многочисленные реквизиции, тайные и открытые закупки, стоимость которых также еще не может быть точно определена.

В том же докладе Датского правительства ущерб, причиненный Дании в результате германского грабежа, определен весьма приблизительно и неокончательно цифрой в 11 600 миллионов крон.

ОГРАБЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ НОРВЕГИИ

Как только германские войска заняли Норвегию, Гитлер заявил, что с 18 апреля 1940 г. он приступит к использованию экономических возможностей этой страны, которая в связи с этим должна рассматриваться как «вражеское государство».

Сведения, собранные по вопросу об ограблении экономики Норвегии, носят довольно общий характер, но тем не менее они дают возможность судить о германских действиях в этой стране за все время оккупации.

Норвегия была подвергнута режиму строжайшего нормирования. Сразу же после своего вступления в эту страну немцы в нарушение элементарных принципов международного права стремились максимально использовать ее ресурсы. В одном из документов, который обозначен ЕС-34 и предъявляется теперь Трибуналу под № РФ-118, содержатся выдержки из директив об осуществлении административных функций в области экономики на оккупированных территориях. Выдержки из этого документа оглашаю:

«Директивы, касающиеся военной промышленности.

Норвежская промышленность, которая к тому же не служит для непосредственного удовлетворения потребностей населения, имеет в ряде своих основных отраслей исключительно важное значение для германской военной промышленности. Поэтому производимая ею продукция должна быть как можно скорее передана в распоряжение германской военной промышленности в том случае, если это еще не осуществлено до настоящего времени. К этой продукции относятся как полуфабрикаты, требующие дальнейшей обработки для превращения их в законченную продукцию, которая может быть использована, так и сырье, которое может быть использовано лишь после того, как будут пущены строящиеся сейчас наши заводы.

В связи с настоящим указанием следует иметь в виду следующие промышленные отрасли:

Предприятия добывающей промышленности: по добыче медной руды, цинка, никеля, железной руды, содержащей титан, вольфрама, молибдена, серебра, пирита.

Металлургические заводы, производящие алюминий, алюмин, медь, цинк, никель.

Предприятия химической промышленности по производству взрывчатых веществ, синтетического азота, кальция, суперфосфатов, карбида кальция, веществ, получаемых с применением соды.

Военные предприятия: судостроительные заводы.

Энергетические предприятия, производящие электроэнергию, которая используется всеми предприятиями перечисленных отраслей.

Производительность предприятий указанных отраслей должна оставаться в течение всего периода оккупации на максимально высоком уровне. В случае необходимости империей может быть оказана некоторая помощь для преодоления трудностей, которые будут возникать перед указанными предприятиями в связи с прекращением английских или заморских поставок.

Исключительно важно оказать помощь предприятиям, вырабатывающим сырье, так как их производственные возможности в значительной мере зависят от заграничных поставок. Вопрос об импорте германских бокситов, которые могут быть использованы металлургическими предприятиями по производству алюминия и алюминия, в настоящее время может не подвергаться рассмотрению».

Сразу же после захвата Норвегии своими войсками Германия пустила в обращение бумажные деньги имперской кредитной кассы, которые ранее там не имели хождения, как не имели они хождения и в Германии. Это мероприятие явилось, как и в других оккупированных странах, средством, используемым для получения финансовых выгод, которые были достигнуты якобы на основе добровольного соглашения со странами, подвергавшимися жесточайшему порабощению.

Немцы путем различных ухищрений стали хозяевами норвежских платежных средств и норвежского кредита: они использовали как предлог расходы на содержание оккупационных войск и ввели в действие систему клиринга, функционировавшую в германских интересах.

В начале оккупации немцы, производя закупки, использовали бумажные деньги имперской кредитной кассы. Норвежцы, держатели этих бумажных денег, пытались обменять их в Норвежском банке, но это финансовое учреждение не могло, в свою очередь, получить взамен этих денег соответствующую реальную компенсацию у имперской кассы.

В июле 1940 года Норвежский банк должен был принять 135 миллионов рейхсмарок в банкнотах имперской кредитной кассы.

Для того чтобы сохранить за собой контроль в сфере денежного обращения, Норвежский банк вынужден был предоставить

в распоряжение немцев норвежские денежные знаки. Немцы предъявили имперской кредитной кассе чеки, которые должен был оплатить Норвежский банк.

Суммы, заключавшиеся в расходных счетах Норвежского банка, возрастали в результате изъятий, произведенных немцами, следующим образом:

к концу 1940 года	1 450 млн. крон
к концу 1941 года	3 000 » »
к концу 1942 года	6 300 » »
к концу 1943 года	8 700 » »
к моменту освобождения страны . .	11 676 » »

Все протесты со стороны Норвегии оставались тщетными. Постоянная угроза нового выпуска в обращение в качестве платежного средства банкнот имперской кредитной кассы, наряду с норвежскими деньгами, вынудила местные норвежские финансовые учреждения принять систему, в соответствии с которой денежные суммы изымались на основе безналичного расчета, без предоставления соответствующей реальной компенсации. Эта система представляла меньшую угрозу, чем пуск в обращение бумажных денег, поскольку норвежская администрация не могла контролировать их циркуляцию.

Это вытекает, в частности, из секретного письма, адресованного 17 июня 1941 г. главнокомандующим вооруженными силами в Норвегии генералом фон Фалькенхорстом имперскому уполномоченному рейхслейтеру Тербовену. Копия этого письма была недавно обнаружена в Норвегии, и я ее предъявляю под № РФ-119.

После указания о том, что не следует уменьшать расходы, производимые германскими вооруженными силами в Норвегии, фон Фалькенхорст пишет буквально следующее. Я цитирую первую страницу документа:

«Тем не менее, я придерживаюсь мнения, что эта проблема ни в коем случае не может быть решена подобным образом. Единственное средство заключается в полном отказе от настоящей денежной системы, то есть необходимо ввести имперские деньги. Но это не относится к моей компетенции. Я сожалею также, что не могу предложить вам каких-либо иных средств, хотя полностью сознаю всю серьезность положения, в котором вы находитесь».

К суммам, которые брались якобы на содержание оккупационной армии, следует прибавить 360 миллионов крон, выплаченных из норвежских денежных фондов на оплату расходов по расквартированию германских войск. Эти данные приводятся в докладе Норвежского правительства, который я предъявляю под № РФ-120.

Из суммы около 120 миллионов крон, изъятой под видом расходов на содержание оккупационных войск, большая часть была использована в других целях. В частности, на полицию и на субсидирование пропаганды оккупантами было израсходовано 90 миллионов крон. Это явствует из второго доклада Норвежского правительства, который я представляю под № РФ-121.

Расчеты по клирингу

Клиринговое соглашение от 1937 года по обмену товарами между Норвегией и Германией в принципе оставалось в силе и в период оккупации, но теперь Норвежский банк сам должен был давать необходимые авансы при норвежском экспорте.

Помимо этого Германия заключила клиринговые соглашения от имени Норвегии с другими оккупированными странами, нейтральными государствами и Италией.

К моменту освобождения кредитовое сальдо Норвегии по клирингу достигло 90 миллионов крон. Но эта сумма еще не дает представления о действительном положении вещей. В действительности:

1. Импорт, предназначенный для удовлетворения германских военных нужд в Норвегии, был противозаконно включен в клиринговую систему.

2. Некоторые товары, например кожа, меха, рыба, экспортировались в рейх по приказу немцев. Затем эти товары перепродавались в другие страны; рыбу, например, перепродавали в Италию.

3. Немцы являлись хозяевами в области установления цен и систематически повышали цены на все предметы, ввозимые в Норвегию; в то же время они систематически снижали цены на предметы, вывозимые из Норвегии.

Несмотря на усилия и жертвы, норвежские власти не смогли воспрепятствовать принимавшей угрожающие размеры инфляции, возникшей в результате мошеннических операций оккупационных властей.

Из доклада Норвежского правительства, который я только что представил, явствует, что в апреле 1940 года в обращении находилось 712 миллионов крон в банкнотах, а к 7 мая 1945 г. их было на 3039 миллионов крон. Такая инфляция, возникшая в результате действий оккупационных властей, позволяет судить о степени обнищания страны.

В том же отчете указывается, что оккупационные власти не успели захватить золотой запас Норвежского банка, вовремя скрытый последним в надежном месте.

Господа судьи, обратимся теперь к изъятиям, которые производились натурой.

В Норвегии немцы прибегали к многочисленным реквизициям, производившимся на фиктивно законных основаниях либо без всяких оснований. Оглашаемый перечень реквизированных товаров составлен по докладу, представленному Норвежским правительством:

Мяса и мясопродуктов — 30 тысяч тонн, молочных продуктов и яиц — 61 тысяча тонн, рыбы — 26 тысяч тонн, фруктов и овощей — 68 тысяч тонн, картофеля — 500 тысяч тонн, спиртных напитков и уксусу — 112 тысяч тонн, жиров — 10 тысяч тонн, зерна, муки и т. п. — 3 тысячи тонн, прочих продуктов — 5 тысяч тонн, соломы и сена — 300 тысяч тонн, другого фуража — 13 тысяч тонн, мыла и прочего — 8 тысяч тонн.

...Большая часть норвежского торгового флота была захвачена немцами. Тем не менее они продолжали реквизировать суда, которые находились в сфере их досягаемости. Так, например, ими была реквизирована большая часть рыболовных судов.

Если оккупанты и не смогли овладеть материальной частью железных дорог, то они вывезли в Германию трамвайные вагоны и около 30 тысяч легковых автомобилей.

Если мы обратимся к отчету германского экономического управления от 2 октября 1944 г., который я имел честь только что представить под № РФ-116, то из него явствует, что даже сам составитель отчета считал, что требуемые от Норвегии усилия превосходили возможности этой страны. Он пишет:

«Норвежская экономика сильно поколеблена в результате требований, предъявленных оккупационными властями...»

После того как суммы, изъятые в форме расходов на оккупацию, достигли к январю 1943 года 7535 миллионов (что подтверждается данными Норвежского правительства), этот немецкий составитель отчета пишет:

«Эта сумма в более чем 5 миллиардов рейхсмарок исключительно велика для Норвегии. Страны с гораздо более развитой экономикой, например Бельгия, платили не намного больше, а Дания даже менее половины этой суммы. Эти колоссальные поставки оказались возможными лишь благодаря решительным шагам, предпринятым Германией...»

...Как и на других занятых территориях, немцы захватывали частное имущество под всякими предлогами: либо как принадлежавшее евреям и масонам или скаутским обществам.

Немцы налагали большие штрафы на норвежские общины под самыми различными предлогами (бомбардировка союзников или акты диверсии).

В докладе Норвежского правительства приводятся примеры такого коллективного штрафа.

4 марта 1941 г. после налета на Лофотен население маленькой общины д'Оставауга должно было заплатить 100 тысяч крон.

Эти общины должны были также содержать семьи немцев и «квислингов».

25 сентября 1942 г. после налета англичан на Осло 100 граждан должны были заплатить три с половиной миллиона крон. В январе 1941 года после налета на Трондхейм, Ставангер и Вест-Оплану — должны были заплатить соответственно 60, 50 и 100 тысяч крон.

В сентябре 1941 года городское управление Ставангера должно было уплатить два миллиона крон за акты диверсии на телеграфных линиях. В августе 1941 года Рогаланд должен был уплатить 500 тысяч крон, Алезунд — 100 тысяч крон.

Норвегия оценивает причиненный ей ущерб в 21 миллиард крон, что составляет 4 700 миллионов долларов.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ НИДЕРЛАНДОВ

Захватив Голландию, немцы обосновались в стране, обладавшей самыми разнообразными богатствами. Золотое наличие Голландии превышало сумму банкнот, которые были в обращении. Четыре года спустя, когда союзные войска освободили эту страну, они нашли изнуренное голодом население и, помимо разрушений, являвшихся следствием военных операций, они нашли страну почти совершенно разоренной и разграбленной оккупантами.

Намерения Германии явствуют из секретного доклада Зейсс-Инкварт об его управлении за время с 29 мая по 19 июня 1940 г. Этот документ под № ПС-997 я представляю Трибуналу за № РФ-122. Вот главные выдержки из него:

«При оккупации Нидерландов необходимо было провести большое количество экономических и даже полицейских мероприятий, из которых первые имели целью уменьшить потребление населения, чтобы предоставлять продовольственные продукты в распоряжение рейха, с другой стороны, — чтобы обеспечить правильное распределение остатков. В задачу входило следить за тем, чтобы все мероприятия были подписаны нидерландцами. Именно поэтому статс-секретарям дана была возможность с согласия уполномоченного рейха проводить все необходимые меры.

И действительно, до этого дня все инструкции, относящиеся к захвату и распределению продуктов для населения, все распоряжения по ограничениям были опубликованы и осуществлены с согласия статс-секретарей Нидерландов или начальников, ведающих экономикой, для того, чтобы все эти меры выглядели добровольными действиями. По этому поводу следует указать, что во время первой встречи внимание статс-секретарей было обращено на то, что от них ожидали лояльного

сотрудничества, но что они сохраняли право уйти в отставку в случае, если они не сочтут возможным взять на себя ответственность за какое-нибудь дело. До сих пор ни один статс-секретарь не воспользовался этим правом, и можно спокойно сделать вывод, что они добровольно удовлетворяли требования в областях, им подведомственных.

Планы поступления и распределения всех продовольственных продуктов и текстильных изделий были осуществлены почти полностью. Как бы там ни было, все инструкции по этому поводу были опубликованы и выполнялись. Ряд инструкций, относящихся к новому направлению сельского хозяйства, был опубликован и также находится в процессе выполнения. Дело касается главным образом использования имеющегося в распоряжении фуража, чтобы возможно большее количество скота (приблизительно 80 процентов) могло быть сохранено до следующей кампании.

Нормирование и сокращение были введены и в области транспорта в том смысле, что были применены основные принципы управления экономики и топлива рейха.

Ограничения в отношении права увольнения рабочей силы, а также ограничения в отношении местожительства были отменены с целью обуздать нидерландских предпринимателей, а также во избежание волнений.

В этом же духе был издан закон о пролонгации сроков уплаты долгов в определенных случаях.

Приказы, относящиеся к объявлениям и к контролю над имуществом и к конфискации имущества лиц, враждебных рейху и Германии, были опубликованы за подписью рейхскомиссара. На основании этих приказов был назначен управляющий королевским имуществом.

Запасы сырья были изъяты и распределены с санкции генерал-фельдмаршала, по плану которого голландцам оставялось сырье на шесть месяцев только для того, чтобы они могли поддержать свое хозяйство. Стало быть, они получили такое же количество, как и Германия. Такой же прием был применен в отношении снабжения продовольствием.

Значительные запасы сырья могли быть предоставлены рейху: так, например, 70 тысяч тонн технических масел, что составляло приблизительно половину недостающего рейху количества. Система распределения продовольствия была установлена в соответствии с действующей в рейхе. Наконец, от Нидерландов потребовали предоставления таких средств рейху или германской администрации в Голландии, в которых последние могли бы нуждаться с тем, чтобы расходы на это ни в коем случае не стесняли бюджет рейха. Суммы в флоринах были заблокированы на 36 миллионов с тем, чтобы изъять из обращения

банкноты рейхскредиткассы. Кроме того, 100 миллионов были использованы для нужд оккупационной армии и главным образом для увеличения площади аэродромов. Помимо того, 50 миллионов были использованы для покупки сырья, для перевозки в рейх, поскольку это не носило характера всенной добычи. Кроме того, был обеспечен свободный перевод сбережений, которые голландские рабочие, работающие в рейхе, посылали своим семьям.

Наконец, курс банкнот рейхскредиткассы, который был установлен главным командованием сухопутными силами из расчета один флорин за полторы марки, был доведен до нормального состояния, то есть 1 флорин за 1,33 марки.

Но особенно важной оказалась возможность заставить председателя Голландского банка Трипа принять мероприятия, предложенные с согласия генерального уполномоченного Фишболе. Речь шла о взаимном обязательном принятии к платежу всех ценностей, германских и голландских, а именно: Голландский банк обязан был принимать в марках все суммы, передаваемые ему рейхсбанком, давая взамен этого флорины по курсу 1,33.

В этом отношении только рейхсбанк имел право контроля, но не банк Голландии, который лишь ставился в известность о некоторых определенных операциях.

Эти мероприятия превосходили все те, которые были осуществлены до сих пор в отношении соседних стран, даже в отношении протектората, и представляют собой шаг к финансовому союзу. Принимая во внимание значение этого соглашения, затрагивающего независимость Нидерландов, этот восхитительный результат был достигнут тем, что председатель банка Трип, очень известный в финансовом и банковском мире Востока, добровольно подписал это соглашение».

Как Вы увидите, господа судьи, из моего последующего выступления, в Голландии основным являлось то, что немцы ухитрились завладеть платежными средствами...

Захват немцами платежных средств

Я изложил уже, в каких условиях и пределах, в силу Гаагской Конвенции, оккупационные власти могли взимать денежную контрибуцию для содержания своей оккупационной армии.

Я ограничусь напоминанием Трибуналу, что эти издержки, наложенные на оккупированные страны, могут включать только издержки постоя, питания и, возможно, жалования войскам в сроки, необходимые для оккупации территории. Немцы заведомо не признавали этого положения и навязывали Голландии расходы на содержание оккупационных войск, не находившиеся ни в каком соответствии по сравнению с нуждами этих войск.

По сведениям, полученным от Нидерландского правительства и имеющимся в трех докладах Трипа, Гиршенфельда и министра финансов, которые я представляю под № РФ-123, эти суммы требовались под предлогом оплаты содержания оккупационных войск.

Суммы эти таковы:

1940 г. (7 месяцев)	477 млн. флоринов
1941 г.	1 124 » »
1942 г.	1 181 » »
1943 г.	1 328 » »
1944 г.	1 757 » »
1945 г. (всего лишь 4 месяца)	489 » »

Итого . . 6 356 млн. флоринов

Такая значительная сумма составляет настоящую военную контрибуцию, изъятую под предлогом содержания оккупационной армии.

Таким образом, мошеннически извращая положения Гаагской Конвенции, Германия смогла завладеть такой значительной суммой средств платежа.

Расчеты по клирингу

...Перед войной в Голландии существовал излишек импорта из Германии. Но с первых месяцев оккупации вывоз в Германию значительно увеличился, в то время как поступления из этой страны значительно уменьшились.

С июня 1940 года немцы потребовали от голландцев предъявления иностранной валюты, золота, драгоценных металлов, ценных бумаг и иностранных кредитов. Это видно из распоряжения от 24 июня 1940 г., уже представленного под № РФ-95.

Кроме того, голландцы должны были по тому же распоряжению продать свои ценности Нидерландскому банку.

Германский уполномоченный рейха Зейсс-Инкварт предложил, чтобы Нидерландский банк внес аванс в флоринах для обеспечения равновесия клиринга, поскольку Германия не могла предоставить никакой компенсации в виде товаров. С другой стороны, было решено, что клиринг будет использован как для поставок, так и для погашения различных долгов.

...Голландское правительство вынуждено было оплатить большие счета немцев. Из доклада, представленного за № РФ-123, в частности, явствует следующее:

1. Немцы требовали, чтобы сумма в 300 миллионов флоринов, которая была записана на кредит Нидерландского банка, была использована на нужды оккупационной армии за пределами Голландии и чтобы сумма в 76 800 тысяч флоринов была

внесена золотом для той же цели. В целом Голландия должна была внести под этим предлогом для содержания оккупационной армии в других странах 576 800 тысяч флоринов.

2. Начиная с июня 1941 года, Голландия вынуждена была уплатить долю участия в издержках на ведение войны против России в сумме 37 500 тысяч флоринов, часть которых должна была быть внесена золотом; в общем по этой статье доходов Германия получила 1696 миллионов флоринов.

3. Нидерландский банк вынужден был взять на себя обязательство оплатить банкноты рейхскредиткассы на сумму 133 600 тысяч флоринов.

4. Издержки гражданского управления Голландии были отнесены также за счет Голландии, и они достигают 173 800 тысяч флоринов.

5. Нидерландская казна, кроме этого, была вынуждена уплатить 414 500 миллионов флоринов расхода рейха, включая различные расходы, такие например, как оплата жалования нидерландским рабочим, высланным в Германию, издержки по эвакуации различных районов, издержки по разрушению укреплений и мнимые издержки на охрану железных дорог; фонд, предоставленный в распоряжение уполномоченного рейха и для различных отраслей промышленности, использованных немцами.

6. Немцы в июле 1940 года завладели 816 слитками золота, принадлежавшего Нидерландскому банку и находившегося на пароходе, потерпевшем аварию в Роттердаме. Это вместе с издержками, связанными с извлечением слитков из воды, составило значительную сумму.

7. Нидерландское государство должно было оплачивать годовые расходы в 1 713 миллионов флоринов, чтобы обеспечить финансирование новых административных служб, навязанных Голландии оккупантами. Из-за этого Голландия потеряла 8 565 миллионов флоринов. Сумма фактических выплат, произведенных для Германии, включая золото парохода, потерпевшего аварию, достигает 11 380 800 тысяч флоринов. Если прибавить эти издержки к издержкам по оккупации и по клирингу, сумма денежных поборов, навязанных Голландии за время оккупации, составит 22 224 800 тысяч флоринов.

Эти операции имели серьезные последствия для нидерландской экономики. Золотое наличие, которое равнялось 1 апреля 1940 г. 1 236 миллионам флоринов, к 1 апреля 1945 г. упало до 232 миллионов флоринов. Сумма бумажных денег в обращении, наоборот, на 1 апреля 1940 г. достигла 1 127 миллионов флоринов, а на 1 апреля 1945 г. составила 5 468 миллионов флоринов.

Немцы не только завладели золотом Голландского банка, но и заставили население вносить имевшееся у него золото в нидерландский банк. Затем они реквизировали это золото на

сумму приблизительно в 71 300 миллионов флоринов и передали его в рейхсбанк.

...Немцы создали во всех оккупированных странах известное количество организаций, которым было специально поручено расхищение машин. Они назвали их «Бюро по компенсации за машины». Эти организации, находившиеся в ведении инспекции по вооружению, получали от германской промышленности запросы на средства производства и должны были их удовлетворять путем изъятия этих средств в оккупированных странах.

Бригадам техников было поручено обнаруживать, разбирать и перевозить машины в Германию. Факт организации этих официальных бригад грабителей явствует из немецких документов, с которыми Вас ознакомят при представлении документов по вопросу о расхищениях в Бельгии.

Прежде чем уйти из Голландии, немцы произвели крупные разрушения, что, как они уверяли, было сделано в стратегических целях. Но сделали они это из желания нанести ущерб. Когда они разрушали заводы, то прежде всего увозили в Германию машины, которые они могли разобрать, и сырье. Именно так, в частности, они действовали на заводах «Филиппс» в Эйндховене, Хильверсуне и Боссуме, на складах нефти в Амстердаме и Порнесе, на военных заводах Бреда в Тильбурге и др.

Отчет уполномоченного по экономическим вопросам при военном коменданте в Голландии от 9 октября 1944 г., представляемый мной в качестве доказательства под № РФ-132, свидетельствует об этих фактах.

Этот же отчет дает нам некоторые сведения об организации германских грабителей, специализировавшихся на вывозе машин. Вот несколько выдержек из этого отчета:

«Завод «Филиппс» в Эйндховене явился первым и важнейшим военным объектом, на который было обращено внимание».

Далее в отчете сказано:

«Еще до прихода врага... надо разрушить этот завод, один из самых крупных на континенте по производству радиоприемников, труб, электрических лампочек и телеграфного оборудования. Это разрушение было осуществлено после того, как члены седьмой бригады ФВИ вывезли самые драгоценные металлы и специальные машины».

Далее отчет гласит:

«Начиная с 7 сентября бригада вывозила в империю грузовиками цветные металлы (вольфрам, марганец, медь) и очень ценную аппаратуру, которая находилась на заводах «Филиппс». Кроме того, седьмая бригада ФВИ участвовала в вывозе с заводов «Филиппс» фабрикатов и полуфабрикатов, а также машин. В результате оккупации Эйндховена врагом вывоз был прерван. Тогда была произведена эвакуация филиалов заводов «Филиппс»

из Хильверсуна и из Боссума. С этих заводов оказалось возможным вывезти полностью все резервы цветных металлов, фабрикатов и полуфабрикатов, машин и отдельных деталей.

Одновременно были организованы бригады по перевозке, находившиеся в ведении каждого начальника вспомогательных отделов при генеральном уполномоченном имперского министра по вооружению и по военной промышленности в Голландии.

Эти бригады произвели перевозку сырья и изделий, имеющих очень большое значение, а также машин, согласуя свои действия с вышеупомянутыми отделами и соответствующими гражданскими управлениями. Благодаря полной мобилизации офицеров, чиновников, зондерфюреров и бригад оказалось возможным перевезти в империю очень большое количество цветных металлов, ценного сырья и фабрикатов...»

Сельское хозяйство

Немцы провели массовые реквизиции и закупки сельскохозяйственных продуктов и скота. Эти изъятия составляют сумму минимум в 300 миллионов флоринов. Окончательной оценки не было еще возможности произвести.

Укажем, что в конце 1943 года немцы захватили 600 тысяч свиней, 275 тысяч коров, 300 тысяч тонн консервированного мяса.

Это явствует из сообщения представителя Голландского правительства, которое я представляю в качестве доказательства под № РФ-133.

Транспорт и коммуникации

Немцы произвели изъятие очень большого количества материалов транспорта и коммуникаций. Еще невозможно составить точную опись изъятых материалов. Однако сведения, представленные Голландским правительством, позволяют представить себе масштабы этого расхищения.

Я представляю в качестве доказательства под № РФ-134 сведения по вопросам транспорта и коммуникаций, переданные нам представителем Голландского правительства. Вот они.

По железным дорогам были изъяты:

490 паровозов	из общего количества	890
28 950 вагонов	из общего количества	30 000
1 466 пассажирских вагонов	из общего количества	1 750
215 электрических поездов	из общего количества	300
36 электрических поездов с дизель-мото- рами	из общего количества	37

Немногочисленное, в общем, железнодорожное имущество, оставленное немцами, находилось в сильно поврежденном состоянии в результате износа, случайностей войны или диверсий.

Кроме подвижного состава, немцы отправили в Германию большое количество рельсов, сигналов, лебедок, установок для поворотных кругов, вагонов-мастерских и т. д.

Трамвайные транспортные средства городов Гааги и Роттердама были изъяты и перевезены в немецкие города. Так, около 50 моторных вагонов и 42 прицепных вагонов были посланы в Бремен и Гамбург.

Большое количество рельсов, проводов и других материалов также было изъято и послано в Германию.

Автомшины трамвайных компаний тоже были увезены оккупантами.

Немцы захватили большую часть автомобилей, мотоциклов и приблизительно один миллион велосипедов. Они оставили населению только машины, которые не могли быть использованы для езды.

Немцы захватили очень большое количество барж, речных пароходов, а также значительную часть торгового флота водоземещением приблизительно в полтора миллиона тонн.

В королевских дворцах немцами были расхищены мебель, частные архивы, конюшни, автомобили, вина из погребов королевских дворцов. Так, в частности, дворец в Нордайнде был полностью разграблен, похищены мебель, белье, серебро, картины, ковры, произведения искусства и предметы домашнего обихода.

Архивы королевского дома были также похищены. Это явствует из сообщения представителя Голландского правительства, которое я представляю в качестве доказательства под № РФ-136.

Разграбление города Арнхема

Наряду с многочисленными случаями индивидуальных расхищений, о которых не говорится в настоящем изложении, были случаи систематически организованных расхищений целых городов. Например, город Арnhem подвергся разграблению в октябре и в ноябре 1944 года.

Немцы привезли шахтеров из Эссена, которые под руководством военных, разбившись на специализированные бригады, изымали всю мебель, которую только можно было перевезти, а также самые различные предметы. Все это они отправляли в Германию. Эти факты явствуют из сообщения представителя Голландского правительства, которое я представляю в качестве доказательства под № РФ-137.

Последствия экономического ограбления Голландии огромны. Напомним, что огромное уменьшение национального капитала вызовет такое уменьшение производства, что оно не сможет обеспечить удовлетворение нужд страны в течение еще многих лет. Но самые серьезные последствия те, которые затрагивают здравоохранение, так как они непоправимы.

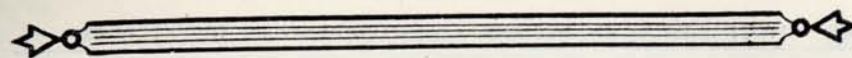
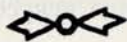
Чрезмерное нормирование продуктов питания, одежды и горючего, проводившееся в продолжение многих лет по приказу оккупантов, увеличивавших тем самым размеры своих расхищений, повлекло за собой ослабление здоровья населения...

Начиная с лета 1944 года положение с питанием становилось все более и более серьезным. Рейхскомиссар Зейсс-Инкварт запретил перевозку продуктов из северо-восточных в западные районы страны и наоборот.

Эта мера, которая не оправдывалась никакими военными операциями, была, по-видимому, продиктована не только ненавистью к населению, но и тем, чтобы лишить его продуктов, утратить, ослабить и терроризировать.

Смертность в Амстердаме, Роттердаме, Гааге, Лейдене и других городах увеличилась от 198 до 260 процентов. Заболевания, которые почти исчезли в этих районах, снова появились.

Такое положение будет иметь непоправимые последствия для населения в будущем.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДЕЛЬПЕШЕМ О РАЗГРАБЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГА¹

*[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 21 января 1946 г.]*

Господин председатель, господа судьи! Я буду иметь честь представлять Трибуналу материалы о разграблении экономики Бельгии и Люксембурга.

В начале 1940 года нацистские руководители решили вторгнуться в Бельгию, Голландию и Северную Францию в расчете на то, что они найдут в этих странах сырье, оборудование и предприятия, которые позволят им усилить свою потенциальную мощь.

Как только Бельгия была оккупирована, германская военная администрация постаралась извлечь из оккупации максимальную выгоду. С этой целью германские руководители приняли ряд мероприятий, чтобы блокировать в этой стране все существующие богатства и захватить платежные средства.

Созданные в предшествующие годы запасы материальных ценностей подверглись разграблению. Машины и оборудование многочисленных предприятий были изъяты и отправлены в Германию. Прибегнув к самым различным угрозам, оккупационные власти наложили тяжелую контрибуцию на бельгийскую промышленность.

Сельское хозяйство также не избежало этой участи.

Чтобы поработить страну в экономическом отношении, использовано было самое простое средство — захват большей части платежных средств и запрещение вывоза денег и всяких других ценностей. Это сделано было указом от 17 июня 1940 г., который был опубликован в «Ферорднунгсблатт» специально для Бельгии, Северной Франции и Люксембурга. Тогда же было опубликовано уведомление от 9 мая 1940 г. о выпуске

¹ Публикуется по сокращенной стенограмме. — Составители.

бумажных денег рейхскредиткассы для снабжения оккупационных войск платежными средствами.

Таким образом, немцы имели возможность покупать в стране, изобиловавшей всякого рода продуктами и изделиями, без компенсации все, что они хотели, а жители не имели возможности уберечь свою собственность от оккупантов.

Как только немцы заняли Бельгию, они создали контору по контролю и наблюдению за банками, в том числе и Бельгийским национальным банком.

Указом от 27 июня 1940 г. был создан новый эмиссионный банк, обладавший капиталом в 150 миллионов бельгийских франков, из которых 20 процентов составляли наличные деньги. Этот банк получил монополию на выпуск бумажных денег в бельгийских франках. Таким образом, фактически у Бельгийского национального банка было отнято право на выпуск бумажных денег.

Эмиссионный банк тотчас же выпустил бумажные деньги на крупную сумму. Это подтверждается тем, что на 8 мая 1941 г. сумма бумажных денег в обращении составляла 29 800 миллионов в то время, как 29 декабря 1943 г. она составила 83 200 миллионов, а 31 августа 1944 г. — 100 200 миллионов бельгийских франков, то есть увеличилась на 263 процента.

Несмотря на создание эмиссионного банка бумажные деньги рейхскредиткассы продолжали находиться в обращении в Бельгии до августа 1942 года, и именно Бельгийский национальный банк был вынужден принять эти бумажные деньги в сентябре 1944 г. В результате этого бельгийской экономике был нанесен ущерб на сумму в 3567 миллионов бельгийских франков.

Кроме того, согласно сведениям, представленным Бельгийским правительством, эмиссионный банк ко времени освобождения территории обладал бумажными деньгами рейхскредиткассы и рейхсмарками на сумму в 656 миллионов бельгийских франков.

Перейдем к издержкам по оккупации. Согласно статье 49 Гаагской Конвенции оккупанты могли взимать денежные сборы только для нужд оккупационной армии или на содержание администрации занятой территории. Но численность этой армии не может превышать строго необходимых для этой цели контингентов. С другой стороны, под «нуждами оккупационной армии» надо понимать не издержки по вооружению и экипировке, а только издержки по постое, питанию, выплате нормального жалования.

Кроме того, статья 52 разрешает оккупирующей державе проводить для нужд своей армии реквизиции в натуре и привлекать жителей к повинностям при условии, однако, что рекви-

зиции будут соответствовать ресурсам страны, а повинности будут такого рода, что они не повлекут за собой понуждение населения участвовать в военных действиях против своей родины.

Между тем немцы сначала потребовали по август 1941 года ежемесячного возмещения расходов по оккупации в 1 миллиард, а затем эта сумма достигла 1,5 миллиарда франков в месяц. На 20 августа 1944 г. произведенные согласно этому расчету взносы достигли всего 67 миллиардов бельгийских франков.

Указанная сумма была непропорциональна нуждам оккупационной армии. Это явствует из отчета Веттера, представленного Трибуналу под № РФ-148. На странице 245 этого отчета упоминается, что 17 января 1941 г. главнокомандующий войсками в Бельгии запросил у верховного главного командования армии, должно ли покрывать возмещение только издержки по собственно оккупации. Эта точка зрения была отклонена верховным командованием, которое 21 октября 1941 г. указало, что возмещение расходов по оккупации должно быть использовано не только для нужд оккупационной, но и действующей армии. Кроме того, на странице 11 оригинала немецкого текста этого же отчета указано следующее:

«Так как увеличивающиеся расходы армии позволяют предположить, что ограничиться этими суммами будет невозможно, то военная администрация потребовала пересмотра счета издержек по оккупации в целях изъятия из этого счета всех издержек, не относящихся к собственно оккупации».

Речь шла о крупных затратах, которые военные управления предназначали в Бельгии для всякого рода закупок, например, лошадей, автомобилей, экипировки и других предметов, предназначенных для других территорий и зачисленных на счет оккупационных издержек.

В результате этого страна должна была оплатить издержки в сумме 5 миллиардов 900 миллионов бельгийских франков под видом оплаты якобы за постой германских войск, издержек по оборудованию помещений и мебелировке их.

Мы перейдем сейчас к вопросу о третьем виде германского захвата — о клиринге.

Выпуска бумажных денег рейхскредиткассой и военной контрибуции, называемой «возмещением за оккупацию», было недостаточно Германии. Ее руководители установили систему клиринга, которая позволила им незаконно приобрести платежные средства на сумму 62 миллиарда 200 миллионов бельгийских франков. А всего нацисты различными путями захватили в Бельгии 133 888 миллионов бельгийских франков, использовав их для разграбления экономики страны.

Как только немцы вступили в Бельгию, приказами от 10 июля, 7 августа и 7 декабря 1940 г., которые находятся в книге документов под № 151, 152 и 153, они навязали:

1. Производство всех платежей дебиторов, проживающих в Бельгии, кредиторам, проживающим в Германии, за счет «Дейчеферрехнунгkasse» в Берлине. Этот счет был открыт в Бельгийском национальном банке в Брюсселе, несмотря на запрещение девизов от 17 июля 1940 г., о котором было упомянуто в связи с блокированием платежных средств в стране.

Решением от 4 августа 1940 г., кроме того, было предписано выполнение и ведение счета клиринга на будущее не Бельгийским национальным банком, а эмиссионным банком в Брюсселе, который, как я уже имел честь указать, был только что основан оккупантами и действовал под их полным контролем.

2. Производство платежей дебиторами, проживающими в Германии, своим бельгийским кредиторам по счету, открытому эмиссионным банком в Брюсселе по постоянному курсу: 100 бельгийских франков равнялись 40 маркам, то есть 1 марка равнялась 2,5 бельгийским франкам.

Это решение, кстати, было распространено на другие страны, оккупированные Германией, и все это для того, чтобы способствовать ее операциям в этих странах. Оно было распространено также на некоторые нейтральные государства...

...Задача эмиссионного банка в Брюсселе состояла, таким образом, с одной стороны, в приеме платежей от всех лиц или организаций, находящихся в Бельгии, у которых были обязательства по отношению к другим странам. С другой стороны, его задача заключалась в уплате сумм лицам или организациям, находящимся в Бельгии, в отношении которых у иностранных подданных имелись обязательства.

Другими словами, каждый раз, когда экспортер предоставлял товары импортеру, гражданину страны, являющейся членом системы клиринга, эмиссионный банк оплачивал счета и в виде компенсации предоставлял соответствующий кредит на «Дейчеферрехнунгkasse» в Берлине, то есть германскую расчетную кассу в Берлине. В случае импорта производилась обратная операция.

Фактически под германским руководством эта система действовала в ущерб бельгийскому обществу, которое в момент освобождения являлось кредитором, согласно клиринговой системе, на сумму в 62 665 миллионов бельгийских франков.

...До того, как закончить главу о захвате немцами платежных средств, следует указать Трибуналу, что согласно указу от 22 июня 1940 г. немцы установили курс бельгийского франка в 8 пфеннигов, то есть в 12,5 франка за марку. В упомянутом выше отчете, на страницах 37 и 38, Веттер пишет по этому во-

просу следующее (я прошу Трибунал разрешить мне зачитать выдержку, находящуюся в книге документов под № 158):

«Фактическое сохранение довоенного паритета имело также важное политическое значение, так как иначе у большей части населения создалось бы впечатление, что крупная девальвация и новые изменения паритета представляют собой приемы грабежа...

...У широких кругов населения создалось бы впечатление, что сильная девальвация или новое изменение паритета являются приемами расхищения».

Касаясь этого понятия, нужно заметить, что для экономического расхищения оккупанты в Бельгии не нуждались в уменьшении стоимости бельгийского франка. Дело в том, что когда они вошли в Бельгию, то, в отличие от происшедшего во Франции, они выпустили новые знаки и осуществили контроль за их обращением.

Наконец, напомним, что Германия потребовала от правительства Виши 221 730 килограммов золота на сумму 9 500 тысяч франков из расчета цен 1939 года. Но так как Франция возместила это золото Бельгийскому банку, то об этом будет сказано, когда речь пойдет об экономическом разграблении Франции.

Для того, чтобы обобщить вопрос о платежных средствах, захваченных оккупационной армией, я укажу несколько цифр: бумажных денег рейхскредиткассы — 3 167 миллионов; различных бумажных денег и счетов в рейхскредиткассе — 656 миллионов;

военной контрибуции под предлогом возмещения за оккупацию — 67 миллионов;

к этому надо прибавить кредитовое сальдо клиринга — 67 665 миллионов;

то есть всего 138 488 миллионов бельгийских франков.

Немцы захватили таким образом больше чем 130 миллиардов бельгийских франков, которые они использовали для закупок внешне законных, а также незаконных закупок на «черном рынке» и для расчетов по реквизиции.

В Бельгии, как и в других оккупированных странах, немцы с октября 1941 года организовали «черный рынок».

...Возвращаясь в общей части изложения по вопросу об ограблении экономики к германским действиям в Норвегии, Дании и Голландии, я хотел показать, что повсюду нацисты стремились установить свое господство в экономической сфере. Методы, которые они всюду или, по крайней мере, в основных местах использовали, были в общих чертах сходными. Вот почему, а также для того, чтобы удовлетворить пожелание, высказанное вчера Трибуналом, я ограничусь в общих чертах

показом той эволюции, которую претерпели германские действия. В отношении же подробностей, касающихся захвата немцами бельгийской продукции, я позволю себе предложить Трибуналу обратиться к тексту, предъявленному Трибуналу, и к многочисленным документам, приведенным в нашей книге документов.

...Проводя в жизнь свою программу установления господства в оккупированных странах Западной Европы в той форме, в какой оно имело место начиная с 1939 года, гитлеровцы с момента своего вступления в Бельгию в мае 1940 года приняли все меры к тому, чтобы полностью подчинить себе бельгийское народное хозяйство. Германское военное командование в Бельгии прежде всего обратилось к бельгийской промышленности. Оно создало целую программу, цель которой заключалась в получении почти всей бельгийской продукции для военных нужд рейха.

Уже 13 сентября 1940 г. оно смогло довести до сведения высших властей ряд планов, разработанных по вопросам получения железа, угля, текстиля и меди. Я предъявляю под № РФ-162 документ, который подтверждает достоверность этого утверждения.

Помимо того, в отчете подполковника Хельдера, озаглавленном «Изменения ориентации в области экономики», содержится уточнение, согласно которому с 14 сентября 1940 г. управление по вооружению армии отправляло в подчиненные ему организации инструкции, которые находятся в книге документов под № РФ-163. Я оглашу последний абзац:

«Я придаю наибольшее значение тому, чтобы заводы на оккупированных территориях Голландии, Бельгии и Франции широко использовались для облегчения производства германского вооружения и для увеличения военного потенциала. Предприятия Дании также должны быть отнесены сюда и, подобно вышеперечисленным, должны увеличивать свою производительность.

Кроме того, немедленно следует начать осуществление директив, прилагаемых к приказу рейхсмаршала, а также к приказу относительно сырья».

Совокупность этих положений позволила немцам в минимальные сроки установить контроль над всем производством и руководить им, а также осуществлять в Бельгии контроль над распределением, что способствовало военным усилиям Германии.

В отчете военной администрации в Бельгии, который был представлен под № РФ-169, начальник штаба Редер сообщает, что только за период с января по март 1943 года из 2 тысяч металлургических предприятий 400 было закрыто, а оборудование их вывезено в Германию.

При этом Редер так обосновывает ограбление предприятий:

«Юридической основой реквизиции машин является Гагская Конвенция от 1907 года, а именно статьи 52 и 53. На основании Гагской Конвенции реквизиции должны были производиться лишь в интересах и для удовлетворения потребностей оккупирующей страны, что соответствовало обстановке 1907 года, то есть тому времени, когда военные действия носили ограниченный характер и фактически происходили только на фронте. Ввиду ограниченности сферы военных действий вполне нормальным является тот факт, что Гагская Конвенция предусматривала реквизицию исключительно для удовлетворения потребностей оккупирующей армии, что в прошлом вполне удовлетворяло нужды, связанные с ведением военных операций.

Но современная война требует, чтобы выполнение Гагской Конвенции согласовывалось с новыми принципами войны при учете того, что новая война, превращаясь в войну тотальную, перестает носить ограниченный характер и, кроме того, она стала войной экономической в такой же мере, как и войной народов».

Я пропускаю несколько строк и оглашаю заключительную часть цитаты:

«В связи с тем, что реквизиции были произведены в масштабах, предусмотренных приказом военного командования от 6 августа 1942 г., можно считать, что это делалось для того, чтобы дать возможность бельгийскому населению ознакомиться с рациональным толкованием Гагской Конвенции».

Я не буду останавливаться на подробностях... и перейду к странице 58 доклада: в ранее цитировавшемся отчете германской военной администрации дается обобщенная цифра произведенной продукции. Общая продукция шерстяной промышленности превысила в период с мая 1940 года и до конца июня 1944 года 72 тысячи тонн и оценивалась в 397 миллионов рейхсмарок. Распределение поставок между германским и бельгийским рынками было следующим: на германском рынке — 64 766 тонн на сумму в 314 миллионов рейхсмарок; на бельгийском рынке — 7 700 тонн на сумму в 83 миллиона рейхсмарок. По этим цифрам видны масштабы ограбления текстильной промышленности...

...На этом я закончу рассмотрение вопроса о текстильной промышленности и перейду к вопросу о цветной металлургии.

В 1939 году Бельгия занимала первое место в Европе по производству цветных металлов: меди, свинца, цинка и олова. В отчете военного командования, фигурирующем как документ РФ-173, имеются статистические данные, являющиеся для Трибунала доказательством.

18 февраля 1941 г. имперское металлургическое управление и верховное командование армии, совместно с управлением по четырехлетнему плану, разработали план, которым намечалось:

изъятие необходимых для Бельгии металлов;
конфискация, проводимая германскими командами;
вывоз металлов в империю.

Эти различные мероприятия не удовлетворяли оккупантов, и они провели ряд так называемых «специальных» кампаний («зондеракцион») в соответствии с методами, применявшимися ими во всех странах Западной Европы: кампания по изъятию колоколов, кампания по сбору свинца для типографий, кампания по сбору меди.

...Помимо этого, экономическое ограбление текстильной, а также и других отраслей промышленности, и в частности металлообрабатывающей, определялось не только величиной обязательных поставок; оно находилось также в непосредственной связи с общей политикой, проводившейся оккупационными властями. Такие отрасли бельгийской промышленности, как угольная и особенно черная металлургия, понесли весьма значительный ущерб в результате осуществления директив, предусматривавших максимальное финансирование военных нужд.

...По сведениям Бельгийского правительства, немцы полностью захватили и вывезли в Германию ценнейшее промышленное оборудование. Стоимость изъятых определена Бельгийским правительством суммой в 2 миллиарда бельгийских франков (по курсу 1940 года).

Эти изъятия лишили бельгийскую промышленность, в подлинном смысле слов, возможности существования.

...Организация этого изъятия была детально разработана еще до вступления германских войск на территорию государств Западной Европы. Изъятие проводилось специальными военными частями, созданными по указаниям экономического управления при генеральном штабе армии, исходившим от подсудимого Кейтеля как начальника ОКВ.

Существование военных соединений, которые, по существу говоря, были подлинными грабительскими шайками, подтверждается различными германскими документами. Фигурируя под названием: «части, действующие в экономической сфере», или «специальные команды», эти грабительские шайки осуществляли свою незаконную и губительную деятельность во всех странах Западной Европы.

Секретные инструкции для «частей, действовавших в экономической сфере», находившихся в Анвере, представлены в книге документов под № РФ-183. Эти инструкции являются документом исключительной важности и бесспорным свидетельством грабительских стремлений немцев, а также служат новым доказательством того, что нацистские руководители пренебрегали положениями международного права.

Я позволю себе огласить несколько выдержек из них:

«Части, действующие в экономической сфере, организованы управлением по вопросам экономики и вооружения при верховном командовании германских вооруженных сил. Эти части передаются в распоряжение армии для того, чтобы действовать в оккупированных странах».

Я перехожу к концу первой страницы германского документа:

«Их задача заключается в быстром получении в сфере их деятельности всех наиболее необходимых для военных нужд предметов, которые у нас отсутствуют или имеются в ограниченном количестве: сырья, полуфабрикатов, минеральных масел, а также предметов, наиболее необходимых для военного производства, служащего удовлетворению различных нужд национальной обороны. Их задача заключается также в том, чтобы принять на учет все имеющиеся запасы указанных предметов. Реквизиция машин сможет быть успешно проведена в том случае, если произведут их инвентаризацию. Получение другого рода имущества может быть обеспечено путем его инвентаризации и установлением сторожевой охраны.

Задачи частей, действующих в экономической сфере, заключаются также в подготовке и проведении, согласно приказам командования армейских групп, вывоза имеющихся у нас в ограниченном количестве или отсутствующих предметов, как-то: минеральных масел и наиболее ценных машин. Выполнение этой задачи полностью ложится на части, действующие в экономической сфере.

Части, занимающиеся экономическими вопросами, должны начать действовать в оккупированных странах, как только это позволит военная обстановка».

После учета имеющихся в наличии машин и сырья специально созданные органы отправляли их в Германию.

Такие действия, нарушающие принципы международного права и положения уголовного права цивилизованных наций, признаются статьей 6 Устава Международного Военного Трибунала преступлением.

Несколько очень кратких замечаний об экономическом разграблении Люксембурга.

Правительство Великого Герцогства Люксембургского вручило краткое изложение своих обвинений, которые были представлены Трибуналу под общим № УК-77. Выдержки, в которых говорится о преступлениях против собственности (в экономической части), фигурируют в книге документов под № 1.

Вскоре после прихода в Великое Герцогство Люксембургское немцы провели фактическое присоединение его. Такая тактика, похожая на ту, которую они приняли по отношению

к жителям департаментов Мозеля, Нижнего и Верхнего Рейна, вызывает несколько замечаний.

Как обычно, одной из первых мер, которые были приняты, явилось изменение курса люксембургских денег, установленного в 10 люксембургских франков за 1 марку. Эта мера была принята в соответствии с приказом от 26 августа 1940 года, фигурирующем в книге документов под № 195. Этот паритет не соответствовал покупательным возможностям обоих видов валют. Он позволил немцам присвоить большую часть имущества населения и в особенности обеспечивал немцам полный контроль над денежными знаками. Таким образом, они получили возможность захватить большое количество запасов сырья и фабрикатов страны.

Эти приобретения были оплачены обесцененными марками на основании заблокированных цен, навязанных немцами.

Наконец, указом от 29 января 1941 г. рейхсмарки были введены в качестве единственных законных денег (документ 196). Люксембургские франки и денежные знаки рейхскредиткассы были изъяты из обращения так же, как и бельгийские франки, которые до сих пор рассматривались как денежная единица франко-люксембургского денежного союза. С 5 февраля 1941 г. эти деньги стали рассматриваться как иностранная валюта.

Следует обратить внимание Трибунала на тот факт, что из всех стран, оккупированных Германией, Люксембург, так же как Эльзас и Лотарингия, являлся единственной страной, полностью лишенной национальных денег.

Кроме того, чтобы предоставить рейху финансовую поддержку, необходимую для ведения войны, приказом от 27 августа 1940 г. (документ 197) была предписана принудительная сдача золота и иностранной валюты. Им же предписывалась, кроме того, принудительная продажа иностранных акций и облигаций рейхсбанку по курсу и на условиях, установленных оккупантами.

Как уже было сказано, немцы захватили промышленные запасы. По этому поводу отчет от 21 мая 1940 г. об экономическом положении в Голландии, Бельгии и Люксембурге дает сведения о запасах, найденных в стране: 1600 тысяч тонн железной руды, 125 тысяч тонн марганцевой руды, 10 тысяч тонн необработанного железа, 10 тысяч тонн железного марганца, 36 тысяч тонн проката и фабрикатов.

Я мог бы назвать еще некоторые данные.

Немцы распространили свою власть на промышленность. Согласно меморандуму, представленному Люксембургским правительством в комиссию по репарациям (документ 198), сумма ущерба составляет 5800 миллионов люксембургских франков (в ценах 1938 года)...

Нацисты ввели в Люксембурге свою расовую политику и конфисковали всю собственность, принадлежавшую евреям...

Управление конфискованной собственностью было поручено одному германскому обществу, находящемуся при бюро по германизации и колонизации. Фактически же это общество производило ликвидацию этой собственности. Таким образом было конфисковано и переведено в Германию большое количество ценностей.

Как было указано, тирольским немцам были переданы промышленные, торговые и ремесленные предприятия, принадлежавшие высланным. Это доказывает, что Великое Герцогство явилось жертвой организованного, систематического экономического ограбления, которое не уступает ограблению Бельгии.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХОВНОГО
КОМАНДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ОТ 16 ИЮНЯ 1941 г.
О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ ДИРЕКТИВ
«ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА»

Оперативный отдел штаба. 119/41. Берлин, 16 июня 1941 г.

Начальник штаба верховного командования вооруженными силами.

Штаб оперативного руководства и управления хозяйства и вооружений.

Только для служебного пользования.

Касается: «Директив по руководству экономикой» («план Барбаросса»).

По поручению фюрера рейхсмаршал издал «Директивы по руководству экономикой» в подлежащих оккупации областях.

Эти директивы («Зеленая папка») предназначены для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Они содержат указания о снабжении войск из ресурсов страны и дают указания войсковым частям об оказании помощи хозяйственным органам. Эти указания и распоряжения должны выполняться войсковыми частями.

Немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, имеет исключительное значение для дальнейшего ведения войны.

Для этого требуется:

1. Чтобы обнаруженные запасы продовольствия, сырья и горючего использовались войсками только в том случае, если этого требуют военное положение и выполнение боевой задачи; чтобы не увозились тягачи с тракторных станций и не расходовались обнаруженные там запасы горючего.

2. Чтобы запасы, поскольку они не используются войсками, охранялись от хищений и бессмысленного разбазаривания до момента их вывоза.

3. Чтобы хозяйственные органы, созданные управлением хозяйства и вооружения в районе военных действий, получали от всех воинских частей и всех военных учреждений должную действительную поддержку.

По мере возможности, если это допускается военным положением, выполнять требования хозяйственных органов в отношении:

а) предоставления охраны для больших складов и промыслов (нефти и других);

б) предоставления рабочей силы, упряжек и грузовых машин, а если нужно, то и горючего для вывоза урожая на большие склады-элеваторы;

с) предоставления имеющегося в распоряжении транспорта для вывоза в Германию недостающих там товаров.

Всем войсковым частям следует настойчиво указывать на огромное значение разумной эксплуатации восточных областей для дальнейшего ведения войны.

При помощи полевых и местных комендатур, организованных в наиболее важных сельскохозяйственных и нефтяных районах, эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах...

Кейтель

УКАЗ ГИТЛЕРА ОТ 29 ИЮНЯ 1941 г.
ОБ ЭКОНОМИКЕ ВНОВЬ ОККУПИРОВАННЫХ
ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

1. Во вновь оккупированных восточных областях рейхсмаршал Герман Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану распоряжается в рамках присущих ему в качестве такового полномочий любыми мерами, необходимыми для максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей и для развития хозяйственных сил на пользу германской военной экономики.

2. Для этого он также может отдавать непосредственно распоряжения органам вооруженных сил во вновь оккупированных восточных областях.

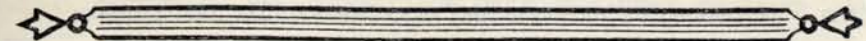
3. Настоящий указ вступает в силу с сегодняшнего дня. Он должен быть опубликован по особому распоряжению.

Ставка фюрера, 29 июня 1941 г.

Фюрер Адольф Гитлер

Начальник верховного командования вооруженных сил
Кейтель

Имперский министр и начальник имперской канцелярии
д-р Ламмерс

РЕЙХСМАРШАЛ ГЕРМАНИИ, УПОЛНО-
МОЧЕННЫЙ ПО ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМУ
ПЛАНУ.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Берлин, 8 августа 1942 г.

Ф. П. 13891/3 сов. секр.

Приложением посылаю заметки об итогах совещания с руководителями немецких управлений в оккупированных странах и областях, состоявшегося 6 августа 1942 г.

Подписал: *Кернер*

Заверил: делопроизводитель *Шютце*

Господину рейхсминистру и шефу имперской канцелярии
Господину начальнику партийной канцелярии
Господину рейхсминистру по снабжению продовольствием и сельскому хозяйству
Господину рейхсминистру по хозяйству
Главному штабу вооруженных сил — управление по снабжению
Главному штабу вооруженных сил — хозяйственное управление
Главному командованию сухопутных сил — генерал-квартирмейстеру
Главному командованию сухопутных сил — управление общих дел сухопутных сил
Господину рейхсминистру иностранных дел
Господину рейхсминистру транспорта
Господину рейхсминистру финансов
Господину рейхсминистру труда
Господину рейхсминистру внутренних дел
Господину рейхсминистру вооружения и снабжения
Господину рейхсминистру оккупированных восточных областей
Экономическому штабу Ост
Господину рейхскомиссару по контролю за ценами
Полковнику Вельтжену
Главному командованию сухопутных сил — административно-хозяйственное управление — Остеркампу

Верно: (подпись).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАСЕДАНИЯ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ
 НЕМЕЦКИХ УПРАВЛЕНИЙ В ОККУПИРОВАННЫХ
 СТРАНАХ И ОБЛАСТЯХ, СОСТОЯВШЕГОСЯ
 6 АВГУСТА 1942 г. В 16 ЧАСОВ
 ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ
 РЕЙХСМАРШАЛА

На основе докладов гаулейтеров рейхсмаршал констатировал непреложную необходимость улучшения снабжения продовольствием германского народа, чему должны способствовать в еще большей степени, чем до сих пор, оккупированные страны и области, особенно те, в которых были проявлены нездоровые настроения.

А. В области продовольственного снабжения рейхсмаршал требует в будущем году следующих поставок:

- I. Поставки для Германии (включая вооруженные силы)
1. Франция — 1 200 000 тонн продовольственного зерна
 - 1 000 000 тонн фуражного зерна
 - 350 000 тонн мяса
 - 60 000 тонн жиров
 - 300 000 тонн картофеля
 - 25 000 тонн сыра
 - 150 000 тонн овощей
 - 300 000 тонн фруктов
 - 6 000 000 гектолитров вина
 2. Бельгия — 50 000 тонн фуражного зерна
 - 20 000 тонн сахара
 - 50 000 тонн картофеля
 - 15 000 тонн фруктов

Какие только возможно поставки семенных овощей. По хлебу, мясу и жирам Бельгия должна обеспечить себя сама.

3. Нидерланды — 40 000 тонн продовольственного зерна
 - 45 000 тонн фуражного зерна
 - 35 000 тонн мяса
 - 20 000 тонн жиров
 - 85 000 тонн картофеля

- 45 000 тонн бобовых
- 30 000 тонн сахара
- 16 000 тонн сыра
- 10 000 тонн семенных овощей
- По возможности 1 000 000 тонн овощей

II. Поставки в Германию (наряду со снабжением находящихся там армий)

1. Норвегия — 500 000 тонн рыбы,
 - Кроме договорных поставок рыбной муки
2. Протекторат — 250 000 тонн продовольственного зерна
 - 30 000 тонн фуражного зерна
 - 155 000 тонн сахара

Исполняющий обязанности рейхспротектора обещает поставку этих количеств. Имевший место до сего времени ввоз скота и мяса в будущем отпадет.

3. Генерал-губернаторство — 500 000 тонн продовольственного зерна.

- 100 000 тонн фуражного зерна
- 30 000 тонн мяса
- 280 000 тонн картофеля
- 5 000 тонн сахара

4. Банат и Старая Сербия (к поставкам странам оси)
 - 200—300 000 тонн зерна
 - 15 000 тонн жиров
 - 40 000 тонн масличных культур

Генеральный консул Нейхаузен подтверждает возможность поставок.

5. Россия — 3 000 000 тонн зерна
 - 120 000 тонн растительного масла в форме масличных культур
 - Мясо, жиры, картофель, сахар, спирт и пр. — в зависимости от сбора

Начальник военного управления Рике считает, что названные количества могут быть поставлены.

По отдельным вопросам рейхсмаршал занимает следующую позицию:

1. Снабжение вооруженных сил

Поставки для армии сена и соломы из Германии следует прекратить; следует в этом отношении использовать оккупированные территории. Также следует до минимума ограничить поставки овса. Хлебом, мясом и жирами армия должна снабжать себя за счет оккупированных территорий. Из Германии следует поставлять, в основном, только особые дополнительные продукты (кофе, шоколад и т. д.) и только в минимальных количествах внутригерманскую продукцию.

2. Сбор металлов

Результаты сбора металлов во Франции, Бельгии и Голландии по сравнению с результатами сбора металлов в Германии являются неудовлетворительными.

Теперь же всеми мерами должно быть достигнуто улучшение результатов, имевшихся до сего времени.

Рейхскомиссар Зейсс-Инкварт заявил, что в Голландии в настоящее время нарастает новая акция.

3. Закупка предметов первой необходимости в оккупированных западных областях

Для того чтобы немецкое население смогло иметь в большом количестве предметы первой необходимости, в особенности в новогодние праздники, необходимо сейчас уже со всей энергией проводить подготовительные широкие мероприятия по закупке предметов первой необходимости. Наряду с этим следует содействовать отдельным военнослужащим в оккупированных областях вывозить из оккупированных областей в Германию такое количество продовольствия и предметов первой необходимости, какое каждый в отдельности может оплатить и взять с собой. При этом не следует обращать внимания на инфляцию, могущую возникнуть вследствие этого в оккупированных областях.

4.

Следует устранить все еще имеющие место и мешающие вывозу таможенные ограничения на пограничных переходах между оккупированными областями и Германией. Министр финансов должен представить предложения по этому вопросу.

5. Поддержка сельского хозяйства в оккупированных восточных областях

Значительное облегчение европейского продовольственного положения может идти только за счет оккупированных восточных областей. Работы, проведенные там до сего времени по обработке земли и по изъятию, заслуживают признания. Но теперь требуется использовать относительно хорошие результаты посевных работ путем оказания всевозможной помощи при уборке урожая и позаботиться об обширной обработке земли осенью. Для этого все заинтересованные учреждения в Германии и в оккупированных областях должны в еще большей степени, чем до сего времени, поддержать работу сельского хозяйства. Сюда относится также обеспечение примитивными товарами для обмена из третьих государств (Италия).

6. Борьба с партизанами

Обергруппенфюрер СС Далюге констатировал, что для Белоруссии находятся в пути 6 полицейских и 12 охранных батальонов. Полицейские соединения, использующиеся на фронте, не могут быть освобождены в настоящее время для борьбы с партизанами. Поэтому следует попытаться мобилизовать против партизан местное население, особенно бургомистров, и использовать для борьбы против партизан скомплектованные в других оккупированных областях (Голландия и т. д.) полицейские формирования. Требующиеся для этого фюреры и унтер-фюреры имеются.

7. Использование рабочей силы

Обусловленное военным временем положение с рабочей силой создало в Германии необходимость максимально использовать человеческие резервы оккупированных областей, особенно восточных.

Мероприятие, проведенное генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с помощью местных управлений, привело, прежде всего на Востоке, к результатам, достойным внимания. Однако потребность в рабочей силе в Германии вынуждает продолжить мероприятие. Но это не должно привести к приостановлению важных военных работ в оккупированных областях или к переводу в Германию производств, обеспечивающих срочную потребность армии, и к дополнительной нагрузке транспорта.

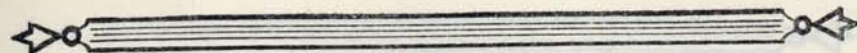
Рейхсмаршал особо подчеркнул, что он ни в коем случае не ожидает записок и прочего, а желает по возможности быстрее

иметь предложения о проведении предписанных сегодня мероприятий, поскольку возникает необходимость в административных мерах.

Статс-секретарь Бакке в кратких сводках должен информировать о выполнении поставок продовольствия. Через три месяца рейхсмаршал будет докладывать фюреру результат мероприятий.

Подписал *д-р Клэрэ.*

Верно: подпись.

Документ ПС-743, СССР-286

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА
ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1944 г.

- 1) Генштабу армии (генерал-квартирмейстеру). Бюро шефа
- 2) Генштабу армии (генерал-квартирмейстеру). Адм. отдел
- 3) Главнокомандующему Северным фронтом
- 4) Главнокомандующему Центральным фронтом
- 5) Экономическому штабу «Ост»
- 6) 1-му военному округу

Содержание: Использование местных ресурсов в районе имперского комиссариата Остланд.

1. Фюрер уполномочил гаулейтера Коха заняться использованием местных ресурсов в занятых войсками центрального фронта частях имперского комиссариата Остланд. Фюрер дал указание, чтобы все германские и местные административные власти подчинялись распоряжениям гаулейтера Коха. При конфискации экономических ценностей гаулейтер Кох должен поддерживать контакт с соответствующими высшими имперскими органами.

2. Все органы вооруженных сил должны самым широким образом поддерживать гаулейтера Коха в выполнении этого задания...

Кейтель

ОКВ (Оперативное управление вооруженных сил)
Квартирмейстер 2/ Ост № 06891/144 — секретно.

Документ ПС-327, США-338

ПИСЬМО РОЗЕНБЕРГА БОРМАНУ

Берлин, 17 октября 1944 г.

НАЧАЛЬНИКУ ПАРТИЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ РЕЙХСЛЕЙТЕРУ
МАТИНУ БОРМАНУ

Берлин, Запад-8
Вильгельмштрассе, 63/64

С о д е р ж а н и е: МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО ТЫЛА

Ваш циркуляр № 309/44 от 9 октября 1944 г.

Дорогой товарищ по партии Борман!

Чтобы предотвратить безусловно нежелательные также и для вас помехи и медлительность в развертывании деятельности контролируемых мною обществ, я, ввиду, особой неотложности дела, направил сегодня гаулейтерам следующую телефонограмму:

«Чтобы не затягивалось развертывание деятельности контролируемых мною обществ, я указываю на то, что здесь речь идет не о частных фирмах, а о торговых организациях империи; таким образом, мероприятиями и этих организаций так же, как и служебных органов, ведают высшие имперские учреждения. Мною будут контролироваться следующие общества:

- a) центральное торговое общество Востока по сбыту и потреблению товаров сельского хозяйства (ЦО);
- b) общество ведения сельского хозяйства Остланда и Украины;
- c) заготовительное общество Востока;
- d) фермы Востока.

Следующие контролируемые мною банки также не являются частными фирмами:

- e) центральный эмиссионный банк Украины;
- f) эмиссионный банк Остланда;
- g) центральный экономический банк Украины;
- h) союз экономических банков на Украине;
- i) общественный банк Остланда и Белоруссии.

Развертывание деятельности этих банков и обществ обусловлено с имперским уполномоченным по тотальной мобилизации военных ресурсов и будет закончено самое позднее в конце этого года. Вопрос вывоза материальных благ обществ уже разрешен в пользу вооруженных сил и военной экономики. Любое посягательство на товарные ресурсы и личное состояние не только мешает крайне необходимому развертыванию деятельности, но и затягивает или тормозит доставку товаров вооруженным силам и военной экономике. Я прошу также и по этой причине воздерживаться от вмешательства.

Начальник партийной канцелярии имеет копию».

При этом направляю вам копию моего сегодняшнего письма имперскому уполномоченному по тотальной мобилизации военных ресурсов, из которого явствует, что развертывание деятельности находящихся под моим контролем обществ согласовано с имперским уполномоченным и ввиду крайней необходимости проведения в интересах упорядочения военного хозяйства обширных работ будет закончено в сравнительно короткое время. В отношении возвращенных и еще не переданных материальных благ уже принято решение в пользу вооруженных сил и военной экономики, так что любое затягивание начала деятельности или даже самостоятельная конфискация товаров гаулейтерами нанесут вред или нарушат установленный порядок, чего в интересах военной экономики без всяких на то причин делать нельзя. Чтобы дать вам обзор прежних и теперешних задач этих обществ, я прилагаю при сем соответствующее обозрение.

Прошу утвердить мою телефонограмму гаулейтерам.

Наконец, я хотел бы указать еще на то, что, на мой взгляд, неправильно под лозунгом «мероприятия против гражданского тыла» просто поручать гаулейтерам давить на служебные органы и заведения, вывезенные из оккупированных областей, в отношении ускорения развертывания их деятельности. Несомненно, имели место случаи, когда такое давление было необходимо. Однако, с другой стороны, установлено, что, например, из восточных областей вывезены тысячи порядочных мужчин и женщин, а также фирм, выполнявших там свой долг в тяжелейших условиях, которые сразу же поняли требования времени, но просто не в состоянии выполнить их за один день работы по развертыванию деятельности. Что касается восточных областей, то это относится к большинству использующихся на работах. Я буду сожалеть, если и они вами будут поставлены в зависимость от в высшей степени дурного понятия тыла.

Хайль Гитлер!

Ваш А. Розенберг

Приложение к письму

I. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТОРГОВОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОКА ПО СБЫТУ И ПОТРЕБЛЕНИЮ ТОВАРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (ЦО)

Центральная организация (ЦО) как монопольное общество Востока осуществляла в восточных областях следующие задачи:

а) учет всех сельскохозяйственных продуктов, торговые операции и транспортные перевозки (поставки вооруженным силам империи);

б) управление предприятиями пищевой промышленности при помощи доверенных лиц;

в) снабжение предприятий пищевой промышленности специальным сырьем сельского хозяйства — средствами производства и сельского населения — предметами потребления (товарами).

В настоящее время центральная организация (ЦО) выполняет следующие задачи:

аа) выполнение операций в торговом и финансовом отношении, в частности использование вывезенных из восточных областей захваченных товаров и товаров, не введенных там больше в дело;

бб) учет товаров сельского хозяйства и пищевой промышленности, вывезенных из других оккупированных областей (генерал-губернаторства, Запада);

с) в качестве еще действующих функций:

а) выполнение первоначальных задач в остальной части Остланда,

б) межобластное перераспределение машин сельского хозяйства, а также молочного и жирового хозяйства и межобластное уравнивание посевных площадей согласно указаниям уполномоченного по четырехлетнему плану (продовольственная группа).

Фактическое значение центральной организации и объем ее работы видны из следующего:

1. При каждом главном коммерческом отделе Остланда, центральной области и Украины существовало 30 коммерческих отделов с 200 отделениями.

2. На Украине было создано 11 параллельных обществ с 130 филиалами.

3. В центральной организации, включая параллельные общества, в период наибольшего наплыва работы — лето 1943 года — было занято 7 тысяч имперских военных служащих, и, кроме того, в дело были включены 250 имперских немецких фирм.

4. Общий оборот центральной организации со дня ее основания до 31 марта 1944 г. составлял 5—6 миллиардов имперских марок.

5. За это время центральная организация вместе с ее подразделениями учла:

злаковые	9 200 000 тонн
мясо и мясопродукты	622 000 »
масличные культуры	950 000 »
масло	208 000 »
сахар	400 000 »
фураж	2 500 000 »
картофель	3 200 000 »
семена	141 000 »
прочие сельскохозяйственные продукты	1 200 000 »
яйца	1 075 миллионов штук

Для транспортировки понадобилось 1418 тысяч железнодорожных вагонов, и 472 тысячи тонн перевезено водным путем.

6. Из захваченных товаров центральная организация отправила в общей сложности 32 900 вагонов, в том числе:

зерно, масличные культуры, прочие семена	22 400
сельскохозяйственные машины, прочие машины	9000
товары снабжения и предметы первой необходимости	1500

В то время как вывезенные сельскохозяйственные продукты, несмотря на все трудности, были большей частью использованы путем передачи имперским органам, реализация остальных захваченных товаров (машины, предметы оборудования, товары снабжения и т. д.), которая проводится при участии уполномоченного имперского министерства хозяйства и имперского министра вооружения и военной продукции по вопросам использования д-ра Кемпа, не могла быть осуществлена в то же самое время и так же гладко, тем более, что эти товары, представляющие собой тысячи различных видов, частично должны быть сперва переоборудованы и отремонтированы.

Личный состав центральной организации и ее параллельных обществ уже уменьшен с 7 тысяч до 681 человека, не считая 50 работников, еще занятых в Остланде.

Документ СССР-295

ПОКАЗАНИЯ

ГЕОРГИЯ АЛЕКСИАНУ — БЫВШЕГО ГУБЕРНАТОРА
ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ТРАНСНИСТРИИ»

от 10 января 1946 г.

19 августа 1941 г. после того как Румыния совместно с Германией совершила нападение на Советский Союз и оккупировала советскую территорию, лежащую между реками Буг и Днестр, маршал Антонеску вызвал меня в свою ставку, находившуюся тогда в городе Бендеры, и назначил меня губернатором этих оккупированных областей Советского Союза, которые были названы «Транснистрией».

При назначении меня на этот пост маршал Антонеску в беседе со мной сообщил, что германская армия при помощи румынских войск успешно продвигается в глубь советской территории, оккупируя с каждым днем все новые и новые советские районы. Немецкие войска, говорил он, уже заняли город Николаев и сейчас ведут бои далеко за Полтавой.

Таким образом, заключил Антонеску, Советский Союз лишился ряда промышленных и сельскохозяйственных районов, которые теперь мы должны использовать в интересах Румынии и Германии.

Далее Антонеску сказал, что румынские войска тоже показали себя достойными своего великого союзника. Они оккупировали всю советскую территорию, лежащую между Днестром и Бугом, вышли к городу Одессе и окружили его.

Это обстоятельство, говорил Антонеску, дает румынам полную возможность в самое ближайшее время оккупировать Одессу и, таким образом, оправдать оказанное нам немцами доверие.

В дальнейшей беседе Антонеску рассказал, что в связи с успешным продвижением германских войск Гитлер обратился к нему с личным письмом, в котором предложил присоединить к Румынии занятые немцами советские территории, простирающиеся от Днестра до Днепра, и создать там свои оккупационные власти. Не имея возможности обеспечить управление всей этой территории войсками и аппаратом чиновников, маршал

Антонеску, по договоренности с Гитлером, присоединил к Румынии советскую Бессарабию и Буковину, а также территорию СССР, лежащую между реками Буг и Днестр, назвав ее «Транснистрией».

Исходя из этого, объявил мне Антонеску, он принял решение назначить меня губернатором «Транснистрии» и поручил мне осуществление всех мероприятий по освоению и использованию этой советской территории.

Антонеску также указал мне, что до оккупации Одессы я должен буду организовать свою резиденцию в городе Тирасполе и по прибытии на место в первую очередь приняться за создание органов гражданской администрации, используя для этого румынских чиновников, выделенных мне из каждого министерства Румынии.

Прибыв в город Тирасполь, я сразу же приступил к выполнению полученных мною указаний маршала Антонеску.

Летом 1942 года я был приглашен на заседание совета министров Румынии, на котором присутствовали маршал Антонеску, вице-премьер-министр Михай Антонеску, заместитель военного министра корпусной генерал Пантази, министр национальной экономики Маринеску, министр вооружения генерал Добре, губернатор Бессарабии генерал Вайкулеску, губернатор Буковины генерал Калатеску и другие.

Маршал Антонеску, рассказывая об успехах германских и румынских войск на Восточном фронте, заявил: «Теперь всем видно, как разумно я поступил, когда еще в ноябре 1940 года договорился с Гитлером о совместном нападении на Советский Союз».

В сентябре 1942 года, когда германские и румынские войска захватили город Севастополь и воевали на подступах к Сталинграду, маршал Антонеску в частной беседе сообщил мне, что он еще при первой встрече с Гитлером, в ноябре 1940 года, договорился с ним относительно территориальных приобретений, и поэтому, как заявил Антонеску, он начал вести войну с СССР.

Касаясь вопроса о том, как Румынское правительство управляло оккупированной территорией Советского Союза, могу рассказать следующее:

В конце августа 1941 года по приезде в Тирасполь я вместе с группой находившихся со мной чиновников сразу же разделил всю территорию «Транснистрии» на уезды и районы, назначил туда ответственных чиновников для создания уездной и районной администрации и приступил к проведению учета всех сельскохозяйственных машин, скота, сельскохозяйственных продуктов, а также промышленных предприятий и их оборудования.

Необходимо указать, что в октябре 1942 года, еще не успев полностью провести этот учет, я получил письменное распоряжение от вице-премьер-министра Румынии Михая Антонеску о немедленной отправке в Румынию 1500 тракторов со всеми необходимыми к ним принадлежностями и прицепами машинами. Выполняя это распоряжение, я отправил в Румынию 500 тракторов.

Позже мною было вывезено в Румынию и другое советское имущество, причем следует заявить, что вывозом оборудования советских предприятий, культурных и исторических ценностей, помимо меня, занимались также генерал Мосиу, генерал Василиу и генерал Потопяну, приезжавшие в «Транснистрию» в качестве специальных уполномоченных Румынского правительства.

За период моего пребывания в должности губернатора «Транснистрии», то есть с августа 1941 года по февраль 1944 года, мною было реэквизировано у местного населения и отправлено в Румынию свыше 75 тысяч голов крупного рогатого скота, 12 тысяч лошадей, 100 тысяч овец, 25—30 тысяч свиней, свыше 300 тысяч штук домашней птицы, из которых около 150 тысяч я направил в Германию.

Наряду с этим с санкции маршала Антонеску мною было вывезено в Румынию 19 машинно-тракторных станций со всем оборудованием, 4 машинно-тракторные мастерские, 26 мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин и весь сельскохозяйственный инвентарь колхозов.

В ноябре 1941 года решением совета министров Румынии все оборудование советских фабрик и заводов, культурные и исторические ценности, а также оборудование учебных заведений были причислены к военным трофеям.

На основании этого решения мною было вывезено в Румынию оборудование Одесской фабрики по изготовлению запасных частей для сельскохозяйственных машин, фабрика по производству киноаппаратуры, судоремонтный завод, оборудование ЭПРОНа, джутового завода, трех мебельных фабрик, десяти типографий, завода по изготовлению медицинских приборов и инструментов, а также оборудование и ценности других предприятий.

Не ограничиваясь этим, Румынское правительство все время требовало увеличения вывоза советского имущества, и так как я со своим аппаратом уже не справлялся с поставленной задачей, то маршал Антонеску в 1942 году прислал в Одессу генерала Потопяну, который, возглавив одну из так называемых «трофейных комиссий», руководил вывозом советского имущества в Румынию.

В 1943 году маршал Антонеску прислал ко мне в качестве уполномоченного по вывозу советского имущества и ценностей

генерала Мосиу, а также создал еще одну «трофейную комиссию», возглавлявшуюся тогда генералом Василиу, бывшим начальником инженерного управления военного министерства Румынии.

Мосиу и Василиу при помощи находившихся с ними чиновников не только занимались отправкой в Румынию оборудования фабрик и заводов, но и вывозили также исторические и культурные ценности и оборудование учебных и детских учреждений. Какое количество советского имущества было вывезено ими, я сказать затрудняюсь, но могу заявить, что после января 1944 года, когда Красная Армия начала наступление, генералом Потопяну из Одессы было отправлено в Румынию все, что представляло какую-либо ценность.

В 1941 году, после того как румынские войска оккупировали советскую территорию между Бугом и Днестром, маршал Антонеску отдал приказ о создании на этой территории системы концентрационных лагерей.

На основании этого распоряжения такие лагеря были созданы в населенных пунктах Березовка, Вапнярка, Грослово, Слободка близ Одессы и других местах.

В эти лагеря на протяжении всего периода оккупации румынские карательные органы заключали советских граждан, недоброжелательно относившихся к румынским оккупационным властям, а также подозревавшихся в нелегальной антирумынской деятельности.

Должен признать, что румынские карательные органы заключали в лагеря всех тех, кто по каким-либо причинам был неугоден румынским оккупационным властям.

Режим, созданный в этих лагерях, был очень тяжелым. По данным, которые имелись у меня, в концентрационных лагерях на территории «Транснистрии» содержались около 1600 тысяч мирных советских граждан.

Среди заключенных из-за недостатка пищи и эпидемических заболеваний была большая смертность.

В конце октября 1941 года в помещении штаба румынской военной комендатуры в Одессе по неизвестным причинам произошел взрыв, в результате которого погибли несколько военнослужащих румынской армии.

Командир 10-й румынской дивизии генерал Трестиоряну по указанию маршала Антонеску для устрашения местного населения расстрелял свыше 20 тысяч советских граждан.

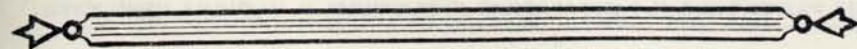
Показания написаны мною собственноручно.

Алексиану

РАЗРУШЕНИЕ
И РАЗГРАБЛЕНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ,
КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ,
МОНАСТЫРЕЙ, ЦЕРКВЕЙ
И ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СССР М. Ю. РАГИНСКИМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «РАЗРУШЕНИЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ,
КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
МОНАСТЫРЕЙ, ЦЕРКВЕЙ И ДРУГИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 21 февраля 1946 г.]

Господа судьи!

Среди многочисленных и тяжчайших военных преступлений, совершенных гитлеровскими заговорщиками, преступлений, подробно перечисленных в третьем разделе Обвинительного акта, особое место занимают преступления против культуры. В этих преступлениях сказались вся мерзость и вандализм германского фашизма.

Имея в виду единственную свою цель — подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, гитлеровские заговорщики и науку приспособили к своим преступным целям.

Культуру разума и человечности гитлеровские заговорщики рассматривали как препятствие к выполнению своих чудовищных замыслов против человечества. И они устраняли это препятствие со свойственной им жестокостью.

Разрабатывая свои безумные планы мирового господства, гитлеровские заговорщики наряду с развязыванием и осуществлением грабительских войн готовили поход против мировой культуры. Они мечтали вернуть Европу ко временам господства гуннов и тевтонов. Они пытались повернуть человечество вспять.

Нет надобности приводить многочисленные по этому поводу высказывания фашистских главарей. Я позволю себе лишь сослаться на одно высказывание Гитлера, приведенное на

странице 80 книги Раушнинга, которую советское обвинение уже представило Трибуналу.

«Мы, — говорил Гитлер, — варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание».

От имени советского обвинения я представляю Суду доказательства того, как подсудимые претворяли в жизнь эти указания Гитлера, конкретно выразившиеся в разгроме культурных учреждений, разграблении и уничтожении культурных ценностей, удушении национальной культурной жизни народов оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территорий СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Я представляю Суду доказательства, как гитлеровцами заранее подготавливалось и планировалось разграбление культурных ценностей, как задолго до вероломного нападения на СССР готовился к грабежу так называемый «Эйнзатцштаб Розенберга», как грабительская деятельность подсудимого Розенберга координировалась с Герингом, Гейдрихом и верховным военным командованием и как маскировался этот грабеж.

Теперь уже стало общеизвестным, к какой чудовищной лжи и провокации прибегали гитлеровцы, чтобы замаскировать свои преступления.

Уничтожая миллионы людей в созданных ими лагерях истребления, они в своих приказах говорили о «фильтрации» и «чистке».

Уничтожая и расхищая культурные ценности, фашистские вандалы прикрывались «сбором материалов» и «изучением проблем», бесстыдно называли себя «носителями культуры».

Гитлеровские заговорщики пытались превратить в бесправных рабов народы захваченных ими территорий и с этой целью уничтожали национальную культуру этих народов.

Уничтожение национальных культур славянских народов, в особенности русской, украинской и белорусской, уничтожение национальных памятников, школ, литературы и принудительное онемечивание населения повсеместно следовали за немецкой оккупацией с той же преступной закономерностью, как и грабежи, насилия, поджоги и массовые убийства.

Господа судьи! Прежде чем перейти к изложению доказательств, я позволю себе дать краткую характеристику документов, которые мы предъявляем по настоящему разделу. Они состоят в основном из четырех групп:

а) Сообщения и Акты Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которая была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.

Указ представлен Суду под № СССР-34.

В дальнейшем изложении названная выше Комиссия будет сокращенно именоваться «Чрезвычайная Государственная Комиссия».

б) Опубликованные ноты Народного комиссара иностранных дел СССР.

в) Официальные доклады и сообщения правительств Польши, Чехословакии и Югославии.

г) Небольшое количество немецких документов (приказы, инструкции, распоряжения, служебная переписка), обнаруженных частями Красной Армии и армиями наших союзников при освобождении оккупированных территорий.

Документы, перечисленные в пп. «а», «б», «в», полностью отвечают требованиям статьи 21 Устава Международного Военного Трибунала и поэтому должны быть приняты без доказательств. Документы эти будут мною цитироваться не полностью, а только в соответствующих частях.

Что касается последней группы документов, то некоторые из них уже представлены суду моими американскими коллегами, но я должен просить Трибунал разрешить мне по мере необходимости приводить отдельные небольшие выдержки из этих документов. Само собой разумеется, что я буду прибегать к этому в исключительных случаях.

Как мною уже указывалось, уничтожение национальной культуры народов оккупированных территорий являлось органической частью общего плана гитлеровских заговорщиков по установлению мирового господства.

Трудно определить, что превалировало в этих планах — разрушение или разграбление. Но бесспорным является тот факт, что и разграбление и разрушение преследовали одну цель — *уничтожение*, и это уничтожение проводилось повсеместно на всех оккупированных немцами территориях и в огромных масштабах.

Статья 56 Гагской Конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны установила:

«Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспеваются и должны подлежать преследованию».

Гитлеровцы систематически и сознательно глумились над принципами и требованиями, изложенными в статье 56.

В этом повинны все заговорщики и, в первую очередь, подсудимый Розенберг.

Розенберг имел широко разветвленный аппарат по разграблению культурных ценностей, многочисленные штабы и уполномоченных.

«Эйнзатцштаб Розенберга» и начальник штаба Розенберга Утикаль были центром, куда стекались все нити, центром, который координировал преступную деятельность многих грабительских организаций, вдохновляемых и направляемых гитлеровским правительством и германским верховным военным командованием.

Формально Розенберг был назначен главным руководителем по разграблению культурных ценностей на оккупированных территориях указом Гитлера от 1 марта 1942 г.

Я имею в виду документ ПС-149, представленный Суду 18 декабря 1945 г. американской делегацией и принятый за № США-369. С Вашего разрешения, господин председатель, я приведу из этого документа лишь два абзаца. Цитирую:

«Его¹ эйнзатцштаб по оккупированным областям имеет право проверять библиотеки, архивы и иные культурные организации всех видов и конфисковать их для выполнения заданий национал-социалистической партии...

... Положение о проведении совместной работы с вооруженными силами издает начальник верховного командования вооруженными силами по договоренности с рейхслейтером Розенбергом. Необходимые меры в пределах восточных областей, управляемых Германией, принимает рейхслейтер Розенберг в качестве рейхсминистра по оккупированным восточным областям».

Этот указ Гитлера, как явствует из приведенного документа, был разослан всем учреждениям вооруженных сил, партии и государства.

Однако не 1 марта 1942 г. следует считать началом грабительской деятельности Розенберга.

В подтверждение этого я приведу несколько выдержек из письма Розенберга на имя рейхслейтера Бормана от 23 апреля 1941 г. за № 4609(Р)ма. Это письмо было представлено 18 декабря 1945 г. американской делегацией и принято Судом за № США-371. Этот документ интересен и тем, что грабеж, именуемый в письме «конфискацией», проводился подсудимым Розенбергом в тесном сотрудничестве и контакте с СД на основе письменного соглашения ведомства Розенберга с ведомством Гимmlера.

Цитирую выдержки из страницы 1 русского перевода этого письма:

¹ То есть Розенберга. — Составители.

«Я, — писал Розенберг, — передал вам фотокопию моего соглашения с СД, которое было заключено с согласия группенфюрера Гейдриха».

И далее: «...Речь о произведениях искусства шла во вторую очередь. В первую же очередь речь шла о распоряжении фюрера, о дважды издававшемся начальником верховного командования вооруженными силами приказе для оккупированных областей запада, чтобы все научное и архивное имущество идеологических противников предоставлялось в мое распоряжение. Это также проводилось в широком объеме и в тесной совместной работе с СД и военными начальниками».

О том значении, которое гитлеровские заговорщики придавали грабительским штабам Розенберга, свидетельствует специальный циркуляр Геринга от 1 мая 1941 г. всем партийным, государственным и военным учреждениям, которым предписывалось оказывать содействие эйнзатцштабам Розенберга.

Этот документ, имеющий № ПС-144, представлен обвинением 18 декабря прошлого года и принят Судом под № США-384.

Масштабы грабежа уже в этот период были громадны. Как указывает в своем письме от 23 апреля 1941 г. Розенберг (документ США-371), к тому времени, то есть к апрелю 1941 года, в Германию уже было послано 7 тысяч ящиков с награбленными произведениями искусства.

Чтобы закончить с этим документом, я, с Вашего разрешения, оглашу еще один абзац. Это место Вы найдете на странице 6 тома документов:

«Итак, — писал Розенберг, — дела разрешались практически сами собой, и работа пошла своим чередом. О чем я просил бы: чтобы было подтверждение, что эти уже принятые для Запада решения при данных обстоятельствах имеют значение также и для других оккупированных областей».

Этот документ, в котором грабеж называется «работой», бесспорно устанавливает, что преступная деятельность Розенберга проводилась в тесном контакте с СД и верховным командованием вооруженными силами, наконец, что уже в апреле 1941 года разрабатывались планы разграбления вновь оккупируемых областей.

После выступления Главного обвинителя от СССР генерала Руденко, после выступления представителя обвинения от Соединенных Штатов Америки господина Олдермана известно, о каких «вновь оккупируемых областях» шла речь в тот период в письме Розенберга. Это был период практической реализации злодейских замыслов гитлеровцев, запланированных в так называемом «варианте Барбаросса», это был период переброски

немецко-фашистских орд к границам Советского Союза, это был период нападения на СССР.

Необходимо, наконец, отметить, что в апреле 1941 года подсудимый Розенберг поставил Утикаля во главе всех оперативных штабов, «создание которых может стать необходимым в ходе этой войны». При этом Розенберг сослался на «успешную работу» своего оперативного штаба в оккупированных западных областях и Нидерландах и на «накопленный там опыт».

Это обстоятельство подтверждается удостоверением от 1 апреля 1941 г. на имя Утикаля, подписанным Розенбергом.

Подлинность этого документа, имеющего № ПС-143, подтверждена Розенбергом при допросе его на следствии 26 сентября 1945 г. Я представляю этот документ Трибуналу под № СССР-371.

Касаясь организации разграбления и уничтожения культурных ценностей, необходимо остановиться еще на одном ведомстве, которое совмещало дипломатию с грабежом.

Я имею в виду германское министерство иностранных дел.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в своей вступительной речи указал, что повсеместными грабежами в оккупированных районах СССР, производившимися по прямому приказу германского правительства, руководили не только подсудимые Геринг, Розенберг и бывшие в их подчинении различные «штабы» и «команды». Этим же занималось и министерство иностранных дел, возглавлявшееся подсудимым Риббентропом, через «специальное формирование».

О создании такого формирования, так называемого «батальона Риббентропа», и его практической деятельности по разграблению культурных ценностей на территории СССР свидетельствует в своем письменном заявлении от 10 ноября 1942 г. оберштурмфюрер СС доктор Фэрстер, взятый в плен частями Красной Армии в районе Моздока.

В этом заявлении Фэрстер указывает также и на задачи штаба Розенберга по разграблению или, как он выразился, по изъятию музейных и антикварных ценностей.

Заверенный фотостат этого заявления я представляю Трибуналу как документ СССР-157.

В заявлении Фэрстера указано. Читайте:

«...В августе 1941 года, будучи в Берлине, я с помощью моего старого знакомого по Берлинскому университету доктора Фокке, работавшего в отделе печати министерства иностранных дел, был откомандирован из 87-го противотанкового дивизиона в батальон особого назначения при министерстве иностранных дел. Этот батальон был создан по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и действовал под его руководством».

Командиром батальона является майор эсэсовских войск фон Кюнсберг. Задача батальона особого назначения состоит в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять все это в Германию.

Батальон особого назначения состоит из четырех рот: 1-я рота придана германскому экспедиционному корпусу в Африке, 2-я — северной армейской группе, 3-я — центральной армейской группе и 4-я — южной армейской группе. Первая рота находится в настоящее время в Италии, в Неаполе, где она ожидает возможности переброски в Африку.

Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, дом 6. Конфискованный материал помещается в залах магазина фирмы Адлер на Гарденбергштрассе.

Перед отъездом в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа — основательно «прочесывать» все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы и накладывать свою руку на все, что имеет определенную ценность.

Из рассказов моих товарищей мне известно, что вторая рота нашего батальона изъяла ценности из дворцов в пригородах Ленинграда. Я лично не присутствовал при этом. В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра вывезена старинная мебель и богатая библиотека в 6—7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке.

...Четвертая рота, в которой я находился, захватила в Киеве лабораторию медицинского научно-исследовательского института. Все оборудование, а также научные материалы, документация и книги вывезены в Германию.

Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской Академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским перепечатником Иваном Федоровым, и редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко.

Из киевских музеев украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, центрального музея Шевченко отправлены в Берлин многие оставшиеся там экспонаты. Среди них были картины, этюды и портреты, написанные Репиным, полотна Верещагина, Федотова, Ге, скульптора

Антокольского и другие произведения русских и украинских художников и скульпторов.

В Харькове, в библиотеке имени Короленко, отобрано и отправлено в Берлин несколько тысяч ценных книг в роскошных изданиях. Остальные книги уничтожены. Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского, произведения Репина, многие работы Поленова, Шишкина и других. Вывезены также все скульптуры и весь научный архив музея. Вышивками, коврами, гобеленами и другими экспонатами воспользовались немецкие солдаты.

Мне также известно, что при штабе Альфреда Розенберга существуют специальные команды по изъятию музейных и антикварных ценностей в оккупированных странах Европы и восточных областях. Во главе этих команд стоят штатские компетентные лица.

Как только войска занимают какой-нибудь крупный город, немедленно туда приезжают начальники этих команд со специалистами разного рода. Они осматривают музеи, картинные галереи, выставки, культурные и художественные учреждения, устанавливают, в каком они находятся состоянии, и конфискуют все, что представляет ценность».

Я опускаю последний абзац этого заявления.

С Вашего разрешения, господа судьи, я оглашу еще две выдержки из письма «имперского министра по делам оккупированных областей» от 7 апреля 1942 г., подписанного по поручению министра Лейбрантом, ближайшим помощником подсудимого Розенберга.

Это письмо находится в томе документов № 6 на страницах 12—13.

Документ этот очень показателен с точки зрения масштаба запланированного грабежа и с точки зрения маскировки этого грабежа, который в документе бесстыдно именуется «сохранением предметов культуры, исследовательских материалов и научных учреждений в оккупированных восточных областях».

Этот документ характерен и тем, что Розенберг, боясь упустить добычу, устанавливает свое монопольное право на грабеж и делает уступки только генерал-квартирмейстеру армии, с которым, как указано в письме, оперативный штаб Розенберга совместно проводит «работу».

Я оглашаю первую выдержку этого письма. Цитирую:

«...Учет и детальную обработку культурных ценностей, исследовательских материалов и научных произведений из библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев и т. д., найденных в общественных, церковных или частных помещениях, я поручил оперативному штабу... Оперативный штаб, как вновь указывается в указе фюрера от 1 марта 1942 г., начинает свою

работу совместно с господином генерал-квартирмейстером армии непосредственно после занятия области действующими войсками и проводит ее после организации гражданского управления совместно с соответствующим рейхскомиссаром до ее окончания. Все инстанции моего ведомства прошу широко поддерживать уполномоченных оперативного штаба при проведении всех мероприятий и представить им все необходимые сведения, в частности, о том, в какой степени учтены предметы из оккупированных областей, увезены ли они с места их нахождения и где они находятся в данное время».

Как видите, господа судьи, планировалось разграбление библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев, как частных, так и общественных, и даже церковных ценностей.

О том, что речь идет не о «сохранении культурных ценностей», а о разграблении, видно из следующей выдержки из указанного письма. Эта выдержка имеется на странице 12 Вашего тома документов.

«...Если в нарушение этого постановления уже произведена конфискация и увоз, то об этом следует немедленно сообщить в оперативный штаб рейхслейтера Розенберга, Берлин, Шарлоттенбург, 2, ул. Бисмарка, 1...»

Я не буду утруждать Ваше внимание перечислением многочисленных адресатов, которым это письмо было разослано. Назову лишь некоторых из них: ОКХ, министр хозяйства, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхскомиссары Прибалтики и Украины.

Таким образом, этот документ еще раз подтверждает, что в грабеже принимали деятельное участие также и Геринг, и Функ, и представители верховного военного командования.

Награбленные в оккупированных странах ценнейшие произведения искусства свозились в Германию, превращенную гитлеровцами в разбойничий притон.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в январе 1943 года командующий 1-й танковой армией генерал от кавалерии Макензен в присутствии начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера взял из Ростовского музея изобразительных искусств, эвакуированного в город Пятигорск и находившегося в помещении Лермонтовского музея, наиболее ценные полотна: Рибейра, Рубенса, Мурильо, Иорданса, Верещагина, Коровина, Крамского, Поленова, Репина, Лагорио, Айвазовского, Шишкина; скульптуры Донателло и другие экспонаты.

Эти материалы, господа судьи, уже представлены Трибуналу как доказательство за № СССР-37. Я с Вашего разрешения хочу зачитать только один абзац на странице 5. Цитируемое место находится на странице 18 тома документов. Цитирую:

«Ростовский музей изобразительных искусств ограблен и вывезен в Германию командующим 1-й танковой армией генералом от кавалерии Макензенем и начальником отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллером».

Из удостоверения уполномоченного Польского правительства господина Стефана Куровского устанавливается, что подсудимый Франк, расхищая культурные ценности Польского государства, преследовал также и цели личной наживы.

Картины, фарфор и другие произведения искусства из разграбленных музеев Варшавы и Кракова, в частности из Вавельского замка, были привезены в имение подсудимого Франка.

Удостоверение, которое я упомянул, является приложением к докладу Польского правительства и представляется Трибуналу как доказательство СССР-302 (оно имеется в томе документов № 6, страницы 19—20).

В документе ПС-055, представляющем письмо «начальника 4-й политической руководящей группы имперского министерства по восточным оккупированным областям» от 14 сентября 1944 г., имеются указания, куда увозились и где размещались награбленные ценности.

Это письмо, адресованное «господину имперскому министру, в копии начальнику штаба политического руководства», озаглавлено: «О вывезенных с Украины произведениях искусства» (оно имеется в томе документов № 6, страница 21).

Я представляю это письмо как документальное доказательство СССР-372 и оглашаю текст:

«...Рейхскомиссар Украины поместил вывезенные из Киева и Харькова картины и произведения искусства в Восточной Пруссии, в следующих хранилищах:

- 1) в родовом имении Рихау около Белау,
- 2) в усадьбе Вильденгоф (владелец граф Шверин).

Речь идет о 65 ящиках, точная опись содержимого которых прилагается. Что касается следующих 20 ящиков, 57 папок и одного ролика гравюр, то инвентаризация их до сих пор еще не произведена. Среди картин имеется большое количество старинных икон, произведений знаменитых мастеров немецкой, голландской и итальянской школ XVI, XVII и XVIII веков и работы лучших русских художников XVIII и XIX веков. В общем, все это имущество состоит из ценнейших произведений искусства, вывезенных из общественных украинских хранилищ, которые даже при поверхностной оценке составляют ценность в несколько миллионов. Кроме того, это является единственной коллекцией такого рода международного значения на немецкой территории...»

Я опускаю последний абзац этого письма, как не имеющий существенного значения, и дальше по этому вопросу привожу уже выдержку со страницы 2 письма Розенберга на имя Бор-

мана. Это место, господа судьи, Вы найдете на странице 5 тома документов.

Розенберг писал:

«В процессе этих конфискаций мы, конечно, также нашли другие произведения искусств. Среди них есть ценные произведения, и чтобы их не разбить, начальник верховного командования вооруженными силами по моей просьбе и согласно приказу фюрера распорядился, чтобы на эти произведения искусства был мною составлен каталог и чтобы они были сохранены для фюрера».

Вы слышали, господа судьи, об отношении к чужой собственности, к произведениям искусства захваченных немцами стран со стороны Гитлера. Этот эпизод имеется в докладе Чехословацкого правительства, представленном Трибуналу под № СССР-60, и выдержка из этого доклада вчера оглашалась. Поэтому полагаю, что нет надобности еще раз оглашать этот документ.

Необходимо отметить, что не только Гитлер, но и Геринг был ярым сторонником таких «приобретений».

Вы слышали вчера, господа судьи, как Геринг приобретал ценные гобелены во Франции, но Геринг «приобретал» не только гобелены. Как он описал в одном из своих писем Розенбергу, — я имею в виду документ ПС-1985, который представляю Трибуналу под № СССР-373 (этот документ имеется в Вашем томе документов на страницах 156—158), — он, Геринг, владеет «в результате покупки, подарков, завещаний и обмена крупнейшей коллекцией если не в Европе, то, по крайней мере, в Германии».

Документ ПС-1985 является копией письма, напечатанного на машинке, и имеет ряд поправок и пометок, сделанных чернилами, очевидно, рукой Геринга. Эта копия, в числе другой переписки Геринга, была захвачена частями американской армии, о чем в свое время американское обвинение представило Трибуналу соответствующее подтверждение.

Этот документ, господа судьи, в значительной мере раскрывает природу «приобретений», произведенных Герингом, а также подтверждает причастность Риббентропа к «сохранению» культурных ценностей в оккупированных областях.

Поэтому с Вашего разрешения я оглашу несколько выдержек из этого документа. Читаю:

«...После долгих поисков, — писал Геринг Розенбергу, — я особенно приветствовал, когда, наконец, было избрано место для коллекции, хотя я должен указать, что также и другие инстанции ссылаются на полномочия фюрера. Так, в первую очередь, это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев тому назад циркуляр во

все инстанции, в котором он, между прочим, говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях».

И далее:

«...Для того чтобы не создавалось ложное представление о вещах, на которые я хотел претендовать и которые я частично купил, а частично желал бы приобрести, я хочу сообщить следующее:

1. Я владею уже теперь в результате покупки, подарков, завещаний и обмена крупнейшей коллекцией если не в Европе, то, по крайней мере, в Германии...»

Я опускаю один абзац и цитирую пункты 2 и 3 письма. В пункте 2 перечисляется то, что Геринг желал бы приобрести. Речь идет об «обширной и ценной коллекции голландцев XVII столетия» и о «сравнительно небольшой, но очень хорошей коллекции французов XVIII столетия и, наконец, о коллекции итальянских мастеров».

Вы слышали, господа судьи, в чем практически выражалась «личная материальная заинтересованность солдат в войне». Все это с непреложностью устанавливает, что гитлеровцы занимались грабежом и разбоем, грабили все, начиная от рядового солдата и кончая преступными руководителями гитлеровской Германии.

То же самое нужно сказать и в отношении разрушения культурных ценностей.

Указания и директивы о разрушении культурных ценностей исходили от руководителей гитлеровской Германии, от высших чинов военного командования.

Я сошлюсь в доказательство на одобренный Гитлером приказ командующего 6-й германской армией за подписью генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, озаглавленный «О поведении войск на Востоке».

Этот приказ представлен Трибуналу как доказательство СССР-12. Он содержит прямые и ничем не замаскированные, как это обычно принято у гитлеровцев, указания об истреблении и уничтожении культуры на оккупированных территориях.

С Вашего разрешения я процитирую всего лишь один абзац этого приказа. Это место имеется на странице 161 тома документов. Цитирую:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Гор. Петродворец. Вид дворца со стороны моря до разрушения и после разрушения

Гор. Петродворец. Тронный зал во дворце до разрушения и после разрушения

Приведу еще один документ, с бесспорностью устанавливающий, что разрушения и разграбления культурных ценностей повсеместно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных ими территориях, вдохновлялись и руководились гитлеровским правительством.

Я имею в виду свидетельство подсудимого Франка, изложенное в его дневниках, выдержки из которых уже представлены Трибуналу под № СССР-223.

В томе I дневника Франка на странице 38 (это соответствует странице 169 тома документов № 6) имеется запись, датированная 4 октября 1939 г., следующего содержания:

«Берлин. Сопровождение с фюрером. Фюрер обсуждал с господином генерал-губернатором общее положение, одобрил деятельность генерал-губернатора в Польше, особенно разрушение дворца в Варшаве и... вывоз художественных ценностей».

Я считаю, что документы, которые сейчас были представлены и оглашены, вполне достаточны для того, чтобы сделать следующие выводы:

а) разграбление и разрушение культурных ценностей народов оккупированных немцами территорий производилось по заранее разработанному, тщательно подготовленному плану;

б) разграблением и разрушением культурных ценностей руководили фашистское правительство и германское верховное командование;

в) наиболее активную роль в организации ограбления и разрушения культурных ценностей играли участники заговора, подсудимые Розенберг, Риббентроп, Франк и Геринг.

Я доложил Трибуналу об общих планах гитлеровских заговорщиков по удушению национальной культурной жизни оккупированных ими стран.

Однородность преступлений, единство способов и методов их совершения еще и еще раз свидетельствуют о том, что эти преступления направлялись и совершались по указаниям одного центра. И этим центром было преступное гитлеровское правительство, представители которого занимают скамью подсудимых.

Сейчас я перехожу к изложению конкретного осуществления гитлеровскими заговорщиками своих преступных планов в Чехословакии, Польше и Югославии.

Я буду оперировать только бесспорными доказательствами, состоящими из официальных докладов правительств Чехословакии, Польши и Югославии, уже представленных Трибуналу советским обвинением.

Мною будут оглашаться некоторые части соответствующих разделов этих докладов, которые непосредственно относятся к излагаемой мною теме и которые не цитировались моими коллегами.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Приступаю к оглашению выдержек из доклада Чехословацкого правительства. Эти выдержки, господа судьи, находятся на страницах 81—88 тома документов. Цитирую:

*«Разрушение чешской культурной жизни.
Искоренение чешской интеллигенции»*

Карл Герман Франк, назначенный Гитлером статс-секретарем при рейхспротекторе Нейрате в марте 1939 года и ставший в августе 1943 года государственным министром и главой немецкой исполнительной власти в протекторате, сказал: «Чехи способны только на то, чтобы быть использованными как рабочие или земледельцы».

Тот же Франк ответил чешской делегации, которая просила в 1942 году восстановить чешские университеты и другие высшие учебные заведения, следующее: «Если Англия выиграет войну, вы снова откроете ваши школы, если выиграет Германия, с вас будет достаточно элементарных школ с пятью классами».

Немцы захватили все институты и общежития. Во многих институтах они немедленно забрали всю ценную аппаратуру, инструменты и научное оборудование. Научные библиотеки портились систематически и методически. Научные книги и фильмы были разобраны и увезены, архивы академического сената (высшего университетского органа) были изорваны или сожжены, картотеки уничтожены и выброшены.

К. Г. Франк в ноябре 1939 года лично распорядился о закрытии всех чешских высших учебных заведений.

Тем студентам, которые были еще на свободе, было запрещено заниматься интеллектуальным трудом. Им было предложено найти себе заработок физическим трудом в течение 48 часов. В том случае, если бы они этого не сделали, они должны были быть посланы в рабочие лагеря в Германию.

Закрытие университетов дополнялось еще тем, что были закрыты большие научные библиотеки и все институты, которые давали материал для работ студентам, выгнанным из университетов. Университетская библиотека в Праге стала доступной только для немцев.

Закрытие чешских университетов и институтов было только первым шагом на пути к полному уничтожению всей чешской научной жизни.

Здания научных институтов были переданы либо немецким университетам и институтам, либо немецким военным и гражданским органам. Немцы увезли всю научную аппаратуру,

книги и даже целые лаборатории в Германию, ссылаясь на то, что чехи в них более не нуждаются. Целый ряд произведений искусства, картин, статуй и редких рукописей был украден из Пражской университетской библиотеки и из частных собраний. Количество их невозможно учесть, так же как невозможно определить их стоимость. Научные коллекции, поскольку они не были раскраданы поодиночке, были отданы немецким школам.

Сотни чешских начальных и средних школ были закрыты в 1939 году, и систематическое закрытие школ в течение первого года войны было столь стремительно, что к концу 1940 года 6 тысяч из 20 тысяч чешских учителей оказались без работы.

К сентябрю 1942 года около 60 процентов чешских начальных школ было закрыто немцами.

Все чешские книги, изданные во время республиканского режима, были конфискованы, и прославление Германии и фюрера сделалось основой всего обучения в чешских начальных школах.

В 1939 году число учеников, которым было позволено вступить в чешские средние школы, уменьшилось на 50 процентов по сравнению с 1936 годом. Около 70 процентов чешских средних школ было закрыто к концу 1942 года. Девочкам было запрещено ходить в средние школы.

Детские сады для детей от 3 до 6 лет были полностью германизированы, и в них работали только немецкие педагоги.

Во многих городах «дома имени Массарика», которые в большинстве случаев имели библиотеки, залы для демонстрации общеобразовательных фильмов, для театральных представлений и концертов, были конфискованы и превращены в баракы или канцелярии гестапо. Статуи, находящиеся в них, в некоторых случаях имеющие большую художественную ценность, были попорчены и разбиты. Целый ряд памятников в Праге, среди них также «Моисей» — скульптура Билека и «Памятник лавшим легионерам» — скульптура Маржатка, были расплавлены.

Осенью 1942 года было отдано распоряжение о том, чтобы все университетские библиотеки передали немцам старинные чешские издания. Собрания Национального музея были разграблены. Галерея современного искусства, хранящая единственную в своем роде коллекцию чешского искусства XIX и XX столетий, вместе с ценными произведениями иностранного, преимущественно французского искусства, была закрыта.

Коронационные драгоценности древних чешских королей должны были быть переданы Гейдриху.

Переводы английских, французских и русских авторов, классических и современных, были изъяты из употребления. Произ-

ведения современных чешских авторов подверглись самой строгой цензуре. Немцы ликвидировали многие передовые издательства.

Вся политическая литература свободной республики, так же как и труды деятелей чешского возрождения XVIII и XIX столетий, были изъяты. Книги авторов еврейского происхождения и писателей, политически «неблагонадежных», были запрещены. Немцы изъяли произведения чешских классиков, труды Яна Гуса — реформатора XV столетия, Алоиса Ирасека — автора исторических романов, поэта Виктора Дика и других.

Так гитлеровцы разрушали национальную культуру народов Чехословакии, грабили и расхищали произведения искусства, литературы и науки.

ПОЛЬША

В Польше, как в Чехословакии и Югославии, немецко-фашистские захватчики проводили ликвидацию национальной культуры в широких масштабах и с исключительной жестокостью. Гитлеровские заговорщики уничтожали польскую интеллигенцию, закрывали учебные заведения, запрещали издание польских книг, расхищали произведения искусства, взрывали и сжигали национальные памятники.

Я оглашаю соответствующие выдержки из доклада Польского правительства, который был представлен Трибуналу под № СССР-93. Эти выдержки господя судьи найдут в своем томе документов на страницах 197—200. Цитирую:

«Уничтожение польской интеллигенции»

...В присоединенных областях у них были отняты все средства к жизни. Многие из них: профессора, учителя, адвокаты и судьи были заключены в концентрационные лагеря или убиты.

В генерал-губернаторстве около 80 процентов интеллигенции лишились всех средств к существованию. Журналисты и писатели не могли заработать на жизнь вследствие ликвидации прессы. Было запрещено издавать новые книги.

Четыре университета и 12 школ университетского типа прекратили существование. Их средняя посещаемость до сентября 1939 года достигала 45 тысяч слушателей.

На занятой немцами территории было около 550 средних учебных заведений. Было приказано закрыть их. На присоединенных территориях они были закрыты совершенно. В генерал-губернаторстве им было разрешено продолжать деятельность, но в ноябре 1939 года был издан приказ прекратить обучение. Единственными школами, которым было разрешено продолжать работу, были коммерческие и ремесленные училища. Обра-

зованные поляки не были нужны. Поляки должны были стать ремесленниками и рабочими — вот какова была официальная линия германской политики.

На присоединенных территориях польские школы были совершенно упразднены. Они были заменены немецкими школами. Польские дети воспитывались на немецком языке и в немецком духе.

Накануне возникновения войны в Польше было около 2 тысяч периодических изданий, в том числе 170 журналов. По немецкому приказу печать была совершенно уничтожена.

Издание, печатание и распространение польских книг было запрещено уже с октября 1939 года.

5 ноября 1940 г. немецкий «Ферорднунгсблатт» опубликовал следующий декрет:

«Запрещена, впредь до отмены, публикация всех без исключения книг, брошюр, периодических изданий, журналов, календарей и нот, за исключением тех, которые издаются властями генерал-губернаторства».

Основная линия немецкой политики в Польше была изложена в циркуляре особой секции народного воспитания и пропаганды в генерал-губернаторстве. В нем говорится:

«Само собой разумеется, что ни один немецкий чиновник не будет содействовать развитию польской культурной жизни каким бы то ни было образом.

Единственная цель, к которой следовало стремиться, — это удовлетворить примитивную потребность развлечения и увеселения, тем более, что это было вопросом отвлечения внимания интеллектуальных кругов по возможности дальше от политических дискуссий, которые способствовали развитию антинемецких чувств».

Я пропускаю последний абзац и перехожу к следующей странице доклада.

«Расхищение и уничтожение произведений искусства, библиотек и коллекций»

13 декабря 1939 г. гаулейтер Вартоланд издал приказ о регистрации всех публичных и частных библиотек и коллекций на присоединенных территориях. Когда регистрация была закончена, библиотеки и коллекции книг были конфискованы и перевезены в «Бухзаммельштелле». Там особые «эксперты» производили отбор. Конечным предназначением был либо Берлин, либо вновь основанная «Штаатсбиблиотек» в Познани. Книги, признанные неподходящими, продавались, уничтожались или выбрасывались в качестве макулатуры.

В генерал-губернаторстве лучшие и крупнейшие библиотеки страны стали жертвой организованного расхищения. В их числе были университетские библиотеки в Кракове и в Варшаве. Одной из лучших, хотя и не из крупнейших, была библиотека польского парламента. Она состояла из 38 тысяч томов и 3500 периодических изданий. 15 и 16 ноября 1939 г. главная часть этой библиотеки была вывезена в Берлин и Бреславль. Захвачены были также старинные документы, как, например, собрание пергаментов, принадлежавших центральному архивам.

Диоцезиальный архив в Пельплине с документами XII столетия был сожжен в печах сахарного завода.

Первым сокровищем искусства, которое было вывезено из Польши, был известный алтарь Вита Ствоша из Краковского собора. Он был увезен в Германию.

16 декабря 1939 г. обвиняемый Франк издал декрет о конфискации произведений искусства.

Три ценные картины были взяты из галереи Чарторыйских в Сеняве. Франк захватил их и продержал до 17 января 1945 г., а затем перевез их в Силезию, откуда, уже как личную собственность, — в Баварию.

В процессе уничтожения всего, что связано с польской историей и культурой, многие памятники, произведения искусства были разрушены и уничтожены: памятник почитаемому польскому королю Болеславу Храброму в Гнезно (сначала он был обмотан канатами и цепями с целью сбросить его с пьедестала. После безуспешной попытки был применен ацетилен: голова была отрезана, а пьедестал разбит на куски), монумент Священного Сердца в городе Познани, памятники Шопену, поэту Словацкому, композитору Монюшко, польскому национальному герою Костюшко, президенту Вильсону, величайшему польскому поэту Мицкевичу и другие».

К докладу Польского правительства приложены списки библиотек, музеев, книжных и иных коллекций, которые стали жертвой расхищения и разграбления.

Эти списки Вы, господа судьи, найдете в томе документов на страницах 254—255.

В первом списке поименованы 30 библиотек, а во втором — 21 музей и коллекции произведений искусств, которые были разграблены и уничтожены.

Я не буду оглашать полностью эти списки, а лишь назову некоторые музеи и коллекции, составлявшие национальную гордость и богатство Польского государства.

Жертвами фашистских вандалов стали: сокровищница Вавельского собора в Кракове, коллекции Потоцких в Яблонне, музей Чарторыйских в Кракове, Национальный музей в Кракове, музей церковного искусства в Варшаве, коллекции Замои-

ского в Варшаве, государственные нумизматические коллекции в Варшаве, дворец короля Станислава Августа в Лазенковском парке, дворец короля Яна Собеского в Вилянуде, коллекции графа Тарновского в Сухой, религиозный музей в Познани и другие.

Гитлеровские захватчики грабили также монастыри, костелы, соборы.

На странице 43 доклада Польского правительства (русский перевод соответствует странице 223 Вашего тома документов) приводятся заключительные примечания польского примаса кардинала Глонда.

Речь идет о письменном сообщении кардинала Глонда папе Пию XII. Я оглашу только два абзаца этих заключительных примечаний:

«Монастыри методически закрываются, точно так же как и цветущие учреждения в области воспитания, печати, социальной опеки, благотворительности и ухода за больными. Их дома и учреждения захвачены армией гитлеровской партии.

Захватчики затем конфисковали или секвестровали имущество костела, признавая себя самих его владельцами. Соборы, дворцы епископов, семинарии, резиденции каноников, доходы и достояние епископов и капитул, фонды семинариев...— все было ограблено захватчиками».

ЮГОСЛАВИЯ

Уничтожение национальной культуры народов Югославии проводилось гитлеровцами различными способами и методами.

Я не буду, господа судьи, подробно их приводить и перечислять. Эти методы и способы известны.

В Югославии происходило то, что происходило в Польше и Чехословакии. Необходимо подчеркнуть, что в уничтожении культуры народов Югославии немецко-фашистские оккупанты проявляли большую изобретательность и использовали свой богатый опыт, приобретенный в других оккупированных ими странах.

Система уничтожения национальной культуры народов Югославии начинается с нападения и грабежей, а кончается массовыми убийствами, лагерями и печами крематориев.

В докладе Югославского правительства, представленном Трибуналу под № СССР-36, приводится большое количество фактов и документов, с бесспорностью устанавливающих преступные деяния подсудимых.

Но и эти многочисленные факты, приводимые в докладе, далеко не исчерпывают, конечно, всех преступлений,

совершенных гитлеровцами. В докладе Югославского правительства приводятся лишь типичные случаи в качестве примера.

Я приведу несколько выдержек из доклада Югославского правительства, эти выдержки Вы найдете, господа судьи, на странице 303 тома документов. Цитирую:

«Немедленно по вступлении в Югославию германских войск немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного плана германизации «аннексированных» районов Словении».

И далее (страница 52 доклада — страница 307 тома документов):

«...Оккупанты закрыли все словенские школы, изгнали всех словенских учителей, уничтожили все словенские библиотеки и книги и запретили употребление словенского языка, которое рассматривалось как саботаж».

Немецкие варвары уничтожали и грабили не только библиотеки.

Они уничтожали университеты и радиостанции, дома культуры и санатории.

На странице 23 доклада (страница 278 тома документов) приводятся в качестве примера такие факты по Белграду.

Я цитирую:

«...Без всякой надобности для военных целей немцы преднамеренно разрушили и сожгли множество общественных зданий и культурных учреждений, например: новый университет, народный университет «Колорац», первую мужскую гимназию, вторую женскую гимназию, общественную биржу труда, студенческую столовую, старинный королевский дворец, здание министерства строительства, радиостанцию, русский дом культуры, санаторий доктора Живковича и т. д. В здании университета погибли ценнейшие и важнейшие коллекции научных трудов и материалов».

Как устанавливается из сообщения Югославской государственной комиссии, — этот документ я представляю под № СССР-364 (он имеется в Вашем томе документов на странице 313а), — гитлеровцы до основания разрушили народную библиотеку в Белграде, сожгли сотни тысяч книг и рукописей — основной фонд сербской культуры; полностью уничтожили 71 и частично уничтожили 41 научный институт и лаборатории Белградского университета; до основания уничтожили Государственную академию художеств, сожгли и разграбили тысячи школ.

Гитлеровские разбойники грабили и церкви. В качестве примера приведу факт, описанный на странице 48 доклада (страница 303 тома документов).

«Немцы не щадили даже церкви. Так, германское соединение «Конрад-Айнхейт», оперировавшее в районе Шебеник, разграбило церковь святого Иоганна в Заблаце».

За четыре года хозяйничания гитлеровцев много страданий и горя испытали народы Югославии. Гитлеровцы экономически разграбили эту страну, причинив большой материальный ущерб.

Но ущерб, который они своими злодеяниями причинили культуре народов Югославии, еще значительнее.

Заканчивая этот раздел своего выступления, считаю необходимым, господа судьи, привести еще одну выдержку из дневника подсудимого Франка. Я имею в виду том дневника в коленкоровом переплете, под названием «Заседания руководителей отделов 1939/40 г.», в котором имеется запись о заседании руководителей отделов от 19 января 1940 г. в Кракове.

Эту выдержку Вы найдете на обороте страницы 169 тома документов. Цитирую:

«15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область, как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры...»

К этому выступлению Франка следует только добавить: подсудимый Франк со всем рвением выполнил это задание по Польше, а другие рейхс, гау и прочие лейтеры действовали аналогично на оккупированных территориях СССР, Чехословакии и Югославии.

Я приступаю, господа судьи, к представлению доказательств совершенных подсудимыми преступлений против культуры народов Советского Союза.

Мы слышали здесь, на Суде, с каким ожесточением и в каких масштабах производилось гитлеровцами разрушение и разграбление культурных ценностей народов Чехословакии, Польши и Югославии.

Злодеяния, которые гитлеровскими заговорщиками совершались на оккупированных территориях СССР, еще более значительны.

Преступное сообщество, именуемое гитлеровским правительством, стремилось не только ограбить народы Советского Союза, разрушить созданные ими города и села и искоренить культуру народов СССР, но и поработить советские народы, превратить нашу Родину в порабощенную фашистами колонию.

А. Разрушение памятников национальной культуры народов СССР

Мною уже приводились доказательства, как организовывалось и планировалось разрушение культурных ценностей народов СССР.

В опубликованной ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Трибуналу под № СССР-51/3, приводятся документы и факты, с бесспорностью устанавливающие, что осквернение и уничтожение исторических и культурных памятников, гнусное издевательство над национальными чувствами, верованиями и убеждениями являлось частью задуманного и проводившегося гитлеровским правительством чудовищного плана, имеющего целью ликвидацию национальной культуры народов СССР.

Впоследствии я еще вернусь к этому документу. Сейчас, с Вашего разрешения, оглашу следующую выдержку. Она имеется на странице 321 тома документов.

Я опускаю первый абзац и начинаю со второго. Цитирую:

«Осквернение и уничтожение исторических и культурных памятников на захваченных советских территориях, а также разрушение созданных Советской властью многочисленных культурных учреждений является частью чудовищно-нелепого плана, задуманного и проводимого гитлеровским правительством и имеющего целью ликвидацию русской национальной культуры и национальных культур народов Советского Союза, насильственное онемечение русских, украинцев, белорусов, литовцев, латвийцев, эстонцев и других народов СССР. Только фашистские выродки могли задаться нелепой целью искоренения великой русской культуры и культуры других советских народов, ставших при Советской власти на путь невиданного национального подъема и расцвета. И тем не менее, многочисленные приказы и распоряжения германского командования и оккупационных властей свидетельствуют о том, что гитлеровцы в своей слепой ненависти к народам Советского Союза не останавливались ни перед чем, чтобы унижить национальное достоинство советских народов и обнажить перед всем миром омерзительную человеконенавистническую сущность германского фашизма.

...В приказе за № 0973/41 командующий германской 17-й армией генерал Хот требует от своих подчиненных полного усвоения типичной для тупоголовых фашистов человеконенавистнической идеи о том, что «здоровое чувство мести и отвращения ко всему русскому должно не подавляться у солдат, а, напротив, всячески поощряться».

...Верные своему обычаю уничтожения общепризнанных ценностей культуры, гитлеровцы на оккупированной ими советской территории повсеместно разгромили и в значительной части сожгли книгохранилища, от небольших клубных и школьных библиотек до ценнейших собраний рукописей книг, содержащих уникальные библиографические ценности... Гитлеровцы разграбили, а потом сожгли знаменитый музей Бородино, исторические реликвии которого, относящиеся к борьбе с наполеоновской армией в 1812 году, особенно дороги русскому народу. Оккупанты разграбили и сожгли дом-музей А. С. Пушкина в поселке Полотняный Завод. В Калуге гитлеровцы старательно уничтожили экспонаты дома-музея, в котором жил и творил знаменитый русский ученый К. Э. Циолковский, чьи заслуги в области аэронавтики пользуются всемирной известностью. По портретам Циолковского фашистские вандалы стреляли из револьверов. Ценнейшие модели дирижаблей, чертежи, приборы были растоптаны. В одной из комнат музея был устроен курятник, мебель сожжена. Одно из старейших сельскохозяйственных учреждений СССР — Шатиловская селекционная станция в Орловской области — уничтожено оккупантами, взорвавшими и предавшими огню 55 зданий этой станции, включая агрохимическую и другие лаборатории, музей, библиотеку в 40 тысяч томов, школу и другие здания.

На Украине и в Белоруссии гитлеровцы с еще бóльшим остервенением громили культурные учреждения и исторические памятники... Нет предела издевательствам гитлеровских вандалов над памятниками и очагами украинской истории, культуры и искусства. Достаточно упомянуть как пример постоянных попыток унижить национальное достоинство украинского народа, что оккупанты, разгромив библиотеку имени Короленко в Харькове, замостили грязную улицу книгами из этой библиотеки для удобства проезда немецких автомобилей».

С особой ненавистью немецкие вандалы отнеслись к наиболее дорогим советскому народу памятникам культуры.

Приведу несколько фактов.

Гитлеровцы разгромили Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших писателей — Лев Толстой.

Они разгромили и разграбили дом, в котором жил и творил великий русский композитор Чайковский. В этом доме Чайковский создал всемирно известные оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама».

В городе Таганроге они уничтожили дом, где жил гениальный русский писатель Чехов, в городе Тихвине — дом, где жил прославленный русский композитор Римский-Корсаков.

В качестве доказательства, господа судьи, я оглашаю выдержку из ноты Народного комиссара иностранных дел

СССР от 6 января 1942 г., представленную Трибуналу под № СССР-51/2 (эта выдержка имеется на странице 317 тома документов):

«В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших гениев человечества — Лев Толстой. Этот прославленный памятник русской культуры... нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли. Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины — были либо разворованы немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены. Германский офицер Шварц в ответ на просьбу сотрудника музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого».

При освобождении советскими войсками 15 декабря города Клина было установлено, что дом, в котором жил и творил великий русский композитор П. И. Чайковский, превращенный Советским государством в музей, был разгромлен и разграблен нацистскими офицерами и солдатами. В самом здании дома-музея оголтелые оккупанты устроили гараж для мотоциклов и отапливали этот гараж рукописями, книгами, мебелью и другими музейными экспонатами, часть которых была на всякий случай уворована германскими пришельцами. При этом нацистские офицеры знали, что они глумятся над замечательнейшими памятниками русской культуры.

Во время оккупации города Истры немецкие войска устроили склад боеприпасов в знаменитом старинном русском монастыре, известном под именем Нового Иерусалима, основанном еще в 1654 году... Ново-Иерусалимский монастырь является выдающимся историческим и религиозным памятником русского народа и известен как одно из крупнейших и красивейших сооружений. Это не помешало тому, что при отступлении от Истры немецко-фашистские погромщики взорвали свой склад боеприпасов в Новом Иерусалиме и превратили неповторимый памятник русской церковной истории в груды развалин».

По указанию германского военного командования гитлеровцы разрушили и уничтожили культурно-исторические памятники русского народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

В сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии от 29 августа 1944 г. «О разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими варварами в Пушкинском Заповеднике Ака-

демии Наук СССР», которое я представляю как доказательство под № СССР-40, указывается:

«В целях сохранения культурно-исторических памятников русского народа, связанных с жизнью и творчеством гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, Советское правительство 17 марта 1922 г. объявило усадьбу поэта в Михайловском, его могилу в Святогорском монастыре и близлежащие места — Тригорское, Городище и деревню Воронич Государственным Заповедником.

Пушкинский Заповедник и особенно усадьба поэта в Михайловском драгоценны для русского народа; здесь Пушкин закончил третью и создал четвертую, пятую и шестую главы «Евгения Онегина», закончил поэму «Цыганы», написал трагедию «Борис Годунов», большое число поэм и лирических стихотворений.

В июле 1941 года в Пушкинский Заповедник ворвались гитлеровцы. Три года они хозяйничали здесь, разрушая и уничтожая Пушкинские памятники.

...Расхищение музейных ценностей началось еще в августе 1941 года...

Осенью 1943 года комендант пушкинской военной комендатуры Трайбхольц предложил К. В. Афанасьеву¹ подготовить к эвакуации все ценности музея. При этом Трайбхольц заявил, что речь идет о мерах по охране этих ценностей ввиду приближения фронта. Все ценности музея были упакованы, немецкие власти погрузили их на машины и вывезли в Германию.

...В конце февраля 1944 года Михайловское было превращено немцами в военный объект и один из опорных пунктов немецкой обороны. Территория парка была изрыта траншеями, ходами сообщения, земляными убежищами. «Домик няни» был немцами разобран, а рядом с ним и даже частично на его месте построен большой пятикатный блиндаж. Другой такой же блиндаж был построен немцами около бывшего здания музея.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин. Мраморная плита для памятника Пушкину разбита и брошена возле пепелища. Из двух других домов Пушкинского Заповедника у въезда в Михайловскую усадьбу один сожжен немцами, а другой сильно разрушен. Немецкие вандалы прострелили в трех местах большой портрет Пушкина, который висел на арке у входа в Михайловский парк; самая арка уничтожена.

¹ К. В. Афанасьев, лесовод по профессии, был поставлен гитлеровцами в качестве заведующего музеем. — Составители.

После ухода из Михайловского гитлеровцы обстреляли его минометами и артиллерийским огнем. Лестничные спуски к реке Сороть разрушены немецкими минами; старые липы на круговой аллее, которая вела к дому, поломаны; центральный вяз перед домом поврежден снарядами и осколками...

...С Тригорским—усадьбой друзей Пушкина Осиповых-Вульф, связано много лет жизни и творчества поэта.

Немецко-фашистские захватчики опустошили и загадили парк в Тригорском...

...Прилегающее селение Воронич, связанное с написанием «Бориса Годунова», в значительной части разрушено. Сожжены «Дом туриста» и ряд других зданий; разрушена школа. Сожжена деревянная церковь, сохранившаяся со времени Пушкина, в которой он отслужил 7 апреля 1825 г. панихиду по великом английском поэте Байроне. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина В. П. Ганнибал и близкий знакомый поэта, священник И. Е. Раевский, заминировано, изрыто траншеями и разорено.

...Исторический облик Заповедника, в котором русский народ видел пушкинские образы, немцами искажен до неузнаваемости.

...Кошунственное отношение немцев к национальным святыням русского народа ярче всего обнаруживается в надругательстве и осквернении могилы Пушкина. Стремясь охранить Пушкинский Заповедник от опасности разрушения, части Красной Армии оставили этот район без боев и отошли к Новоржеву. Несмотря на это, 2 июля 1941 г. немцы подвергли бомбардировке Святогорский монастырь, у стен которого находится могила Пушкина.

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению... Святогорского монастыря.

...Могила поэта была найдена сильно захлавленной. Обе лестницы, ведущие к могиле, разрушены; площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа... Мраморная балюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями.

Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10—12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами...

...Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили ее в западню для патриотов. На территории монастыря и в близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими саперами... до трех тысяч мин».

К числу тяжчайших преступлений гитлеровцев против культуры относится разрушение памятников искусства и архитектуры в городах Павловск, Царское Село и Петергоф.

Величественные памятники искусства и архитектуры этих городов, превращенных в города-музеи, известны всему цивилизованному миру.

В течение двух столетий создавались эти художественные архитектурные памятники, связанные с целым рядом крупнейших событий в истории России.

Знаменитые русские и иностранные зодчие, художники и скульпторы создавали свои гениальные произведения, которые в этих городах-музеях находились.

И все это, вместе с бесценными сокровищами русского и мирового искусства, уничтожено и разграблено, сожжено и взорвано фашистскими громилами, действовавшими по прямым указаниям преступных гитлеровского правительства и верховного командования.

Я оглашаю и представляю в качестве доказательства под № СССР-49 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии от 3 сентября 1944 г. Выдержки из этого Сообщения Вы найдете, господа судьи, на страницах 330—332 тома документов. Цитирую:

«...К моменту вторжения немецких захватчиков в Петродворце (в Петергофе) после эвакуации оставалось еще 34 214 различных музейных экспонатов (картин, художественных изделий, скульптуры) и 11 700 ценнейших книг дворцовых библиотек. В нижних помещениях Екатерининского и Александровского дворцов города Пушкина (Царское Село) были сосредоточены гарнитуры мебели русской и французской работы середины XVIII века, 600 предметов художественного фарфора конца XIX и начала XX веков, большое количество мраморных бюстов, мелкой скульптуры, до 35 тысяч томов книг дворцовых библиотек.

На основании документальных материалов, заявлений и свидетельских показаний очевидцев, показаний немецких военнопленных и тщательного расследования... установлено:

Ворвавшись в Петродворец 23 сентября 1941 г., немецкие захватчики сразу же приступили к грабежу ценностей дворцов-музеев и вывозили имущество дворцов в течение нескольких месяцев.

Из дворцов — Большого, Марли, Монплеизир и Коттеджа — они разграбили и вывезли в Германию около 34 тысяч предметов музейных экспонатов и среди них 4950 предметов уникальной мебели — английской, итальянской, французской и русской работы Екатерининского, Александровского и Николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков. Немецкие варвары содрали шелк, гобелены и

другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал.

В ноябре 1941 года немцы сняли бронзовую скульптуру Самсона работы скульптора Козловского и увезли ее...

Разграбив музейные ценности, немецкие бандиты подожгли Большой дворец — гениальное творение зодчего Варфоломея Растрелли...

При своем отступлении из Петродворца немцы с помощью мин замедленного действия разрушили дворец Марли. Дворец имел тончайшую лепную отделку и резьбу.

Немцы разрушили Петровский Монплеизир. Они уничтожили все деревянные части павильонов и галерей, внутреннюю отделку кабинета, спальни и китайских комнат; во время оккупации среднюю, наиболее ценную в историко-художественном отношении, часть дворца превратили в дот, в западном павильоне дворца устроили конюшню и уборную. В помещениях Ассамблейного корпуса немцы разобрали полы, выпилили балки, уничтожили двери и оконные рамы, ободрали обшивку потолка...

В северной части парка, так называемой Александрии, они взорвали дачу Николая II, полностью уничтожили деревянный офицерский домик, Александрийские ворота, павильоны фонтана Адама, пилон главных ворот Верхнего парка и розовый павильон.

...Немцы разрушили знаменитую фонтанную систему петродворцовых парков. Они подорвали питающую фонтаны линию на всем протяжении от плотины у «Розового павильона» до Верхнего парка.

...После занятия Нового Петродворца части 291-й немецкой пехотной дивизии огнем тяжелых орудий полностью уничтожили знаменитый Английский дворец в Старом Петродворце, построенный по указу Екатерины II архитектором Кваренги. Немцы выпустили по дворцу 9 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Вместе с дворцом уничтожен живописный Английский парк и все парковые павильоны».

Председатель: Трибунал принимает во внимание успешные усилия, которые советское обвинение сделало для того, чтобы сократить представление доказательств. Мы бы очень хотели, чтобы Вы, по мере возможности, суммировали данные о разрушениях памятников культуры и искусства.

(Объявляется перерыв до 14 часов.)

Рагинский (продолжает оглашение документа): «Разграбление и разрушение исторических и художественных дворцов города Пушкин (Царское Село) производилось преднамеренно, по указаниям высших германских властей.

...Значительную часть Екатерининского дворца немцы сожгли. В огне погибла знаменитая Растреллиевская трехсотметровая анфилада парадных зал...

Страшную картину разрушения представляет собой Большой зал — гениальное творение Растрелли. Уничтожены уникальные плафоны работы Торелли, Джордано, Брюллова и других крупнейших итальянских и русских мастеров...»

Я опускаю абзац и продолжу цитату.

«Разгромлена и разграблена изумительная по своей внутренней отделке дворцовая церковь — одно из лучших произведений Растрелли...»

Опускаю еще один абзац.

«При отступлении в январе 1944 года немецкие захватчики подготовили полное уничтожение того, что еще оставалось от Екатерининского дворца и примыкающих к нему зданий. С этой целью в нижнем этаже сохранившейся части дворца, а также под Камероновой галереей было заложено 11 больших авиабомб замедленного действия весом от одной до трех тонн.

Гитлеровцы разгромили в Пушкине Александровский дворец, построенный в конце XVIII века знаменитым зодчим Джакомо Кваренги.

«...Вся музейная мебель, сосредоточенная в подвалах Екатерининского и Александровского дворцов, предметы художественного фарфора, книги из дворцовых библиотек вывезены в Германию.

Знаменитый плафон «Пир богов на Олимпе» в Главном зале павильона Эрмитаж снят и увезен в Германию...

Большие разрушения произвели гитлеровцы в великолепных Пушкинских парках, тысячи вековых деревьев вырублены.

Разрушение Павловского дворца в городе Павловске

Батальоном особого назначения Риббентропа и командами штаба Розенберга из Павловского дворца вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная по эскизам Воронихина и крупнейших мастеров XVIII века. Во дворце снят паркет из дорогого дерева художественной ценности. Со стен сорваны багетные рельефы, гобелены, стенные и потолочные плафоны. Сняты даже все ручки и дверные украшения из бронзы и дерева. Варварски изуродованы фрески Гонзаго, представляющие громадную художественную ценность, скульптуры Прокофьева, мраморные вазы Жилле.

...Отступая, фашистские захватчики подожгли Павловский дворец. Большая часть здания дворца совершенно выгорела...»

Опускаю последующие два абзаца и цитирую заключительный абзац этого документа.

«Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушение памятников искусства в Петродворце, Пушкине и

Павловске произведено по прямому указанию германского правительства и верховного командования офицерами и солдатами немецкой армии...»

Б. Разрушение исторических памятников древних русских городов

Много крупных городов разрушили немецко-фашистские оккупанты на занятых ими территориях СССР. Но с особым ожесточением они разрушали древние русские города, сохранившие памятники древнерусского искусства.

В качестве примера я приведу разрушение городов Новгорода, Пскова и Смоленска.

Новгород и Псков — одни из тех исторических центров, в которых русский народ создавал свою государственность. В течение столетий здесь процветала высокая и своеобразная культура. Она оставила богатое наследие, которое представляет собою драгоценное достояние нашего народа. Благодаря многочисленным сохранившимся памятникам древнего церковного и гражданского зодчества, стенным росписям, произведениям живописи, скульптуры и прикладного искусства, Новгород и Псков справедливо назывались кафедрами русской истории...

Гитлеровские варвары разрушили в Новгороде много ценнейших памятников русского и мирового искусства XI—XII веков...

Они разрушили не только памятники, но и весь город превратили в груды развалин.

В качестве доказательства я оглашу некоторые выдержки из документа, представленного Трибуналу под № СССР-50. Эти выдержки господ судьи найдут на страницах 333—334 тома документов. Цитирую:

«Древний русский город Новгород немецко-фашистские захватчики превратили в груды развалин. Они разрушили исторические памятники, а часть из них разобрали на постройку оборонительных сооружений...»

...Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря, построенном в начале XII века, фашисты разрушили своды и стены башни собора с фресками XII века.

Софийский собор, построенный в XI веке, являлся одним из древнейших памятников русского зодчества, выдающимся памятником мирового искусства. Благодаря фрескам XII века, иконам XII—XVII веков, древним иконостасам и другому внутреннему убранству собор представлял собой сокровищницу древнерусского искусства. Здание собора немцы разрушили... Гитлеровцы пол-

ностью разграбили внутреннее убранство собора, увезли все иконы с иконостасов, древние паникадила, в том числе паникадило, принадлежавшее Борису Годунову...

Церковь Благовещения на Аркаже XII века с фресками, выполненными в том же веке, была обращена фашистами в дот и казарменное помещение...

Церковь Успения на Волотовом поле, памятник новгородской архитектуры XIV—XV веков, немцами превращена в груды камней и кирпича...

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице — один из лучших образцов новгородской архитектуры XIV века, особенно известная своей росписью, выполненной в это же время великим византийским мастером Феофаном Греком. В барабане главы церкви и в верхней части восточной стены оккупанты пробили широкие амбразуры, западную часть здания разрушили, уничтожили средний западный свод, пробили верхние угловые своды...

Фашисты варварски разрушили знаменитый памятник древнерусского и мирового искусства XII века — церковь Спаса-Нередицы, расписанную внутри всемирно известными фресками. Церковь представляла собой уникальный памятник византийской и русской живописи XII века. Здание церкви немцами превращено в развалины. Гибель памятника является огромной утратой для русской и мировой культуры.

Более чем двухгодичное хозяйничание гитлеровцев в Новгороде привело к разрушению целого ряда и других замечательных памятников древнерусского зодчества...

По приказу командующего 18-й германской армии генерал-полковника Линдемана немецкие варвары разобрали и подготовили для отправки в Германию памятник 1000-летия России. Этот памятник был воздвигнут на Кремлевской площади в 1862 году по проекту известного русского скульптора академика Микешина и запечатлевал в художественных образах основные этапы развития нашей Родины до 60-х годов XIX столетия... Гитлеровские варвары разобрали памятник на части, разбили скульптурные изображения. Но отправить памятник как металлический лом на сплав фашистам не удалось. Советские воины выбили их из Новгорода...»

О варварском разрушении немцами памятников древнерусского искусства в Новгороде и Пскове весьма обстоятельно говорит в своих показаниях гражданин Дмитриев Юрий Николаевич.

Дмитриев с 1937 года является заведующим отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея в городе Ленинграде.

Изучением исторических памятников Новгорода и Пскова он занимается с 1926 года. Как крупный специалист в этой отрасли

искусства, он по полномочию Чрезвычайной Государственной Комиссии принимал участие в расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Подлинный протокол показаний гражданина Дмитриева, надлежаще оформленный в соответствии с процессуальным законодательством СССР, представляю Суду как доказательство СССР-312.

При цитировании его показаний я опущу описание тех фактов, которые уже известны из оглашенного на Суде Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Гражданин Дмитриев показал (читаю выдержку со страницы 2 протокола):

«Новгород в большей своей части сравнен с землей, только немногие кварталы оставлены немцами в виде руин. В руины немцы обратили также и Псков, здания и памятники которого они взрывали при отступлении. Из 88 историко-художественных сооружений Новгорода остались без значительных повреждений только два... Только единичные памятники Пскова остались неповрежденными.

Историко-художественные памятники Новгорода и Пскова преднамеренно уничтожались немцами». И далее (страница 5 протокола):

«Наряду с разрушением и порчей историко-художественных памятников, немецкие войска занимались хищением, грабежом художественных и материальных ценностей, находившихся в этих памятниках или составляющих часть их.

Немецкие войска при этом произвели надругательства и осквернение ряда историко-художественных церковных памятников в Новгороде и Пскове».

Изо дня в день на протяжении 26 месяцев разрушали гитлеровцы древнейший русский город Смоленск.

Советским обвинением представлен Трибуналу документ под № СССР-56, содержащий Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. Я не буду цитировать этот документ, только сошлюсь на него и постараюсь изложить своими словами основные моменты.

В Смоленске немецко-фашистские захватчики уничтожили и разграбили ценнейшие коллекции музеев, осквернили и сожгли памятники старины, уничтожили школы и институты, библиотеки и учреждения здравоохранения. Учебники и литературу, наглядные пособия и приборы, экспонаты и музейные коллекции, представлявшие огромную ценность, фашисты вывезли в Германию.

В апреле 1943 года гитлеровцам понадобился щебень для мощения дорог. Они взорвали для этой цели среднюю школу № 23.

Захватчики сожгли все библиотеки города, 22 школы. В сожженных библиотеках погибло 646 тысяч книг.

Древний город Смоленск сохранил ценнейшие памятники истории и культурного прошлого. В нем имелись храмы начального периода каменного строительства XII века.

В Смоленске до немецкой оккупации было 4 музея, располагавших ценнейшими коллекциями.

Художественный музей имел богатейшие собрания преимущественно русских историко-художественных, историко-бытовых, этнографических и других ценностей: картин, икон, бронзы, фарфора, литья, тканей. Эти собрания представляли мировую ценность — экспонировались на выставке во Франции. Оккупанты разрушили музеи, ценнейшие экспонаты вывезли в Германию.

Немецкие захватчики полностью сожгли церкви: Спасскую — постройки XVIII века, Духовскую — XVIII века, Покровскую — XIX века. Взорвали Верхне-Никольскую церковь и Введенскую церковь Авраамиева монастыря; увезли в Германию бронзовый памятник Кутузову и пушки с памятника 1812 года.

Главный штаб Розенберга по изъятию и вывозу ценностей из оккупированных районов Востока имел в Смоленске специальное отделение, возглавляемое доктором Нерлинггом, организатором разграбления музеев и исторических памятников...

Таковы некоторые из многочисленных фактов злодеяний фашистских варваров, которые наглядно показывают реализацию злодейских замыслов гитлеровских заговорщиков.

В. Разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей и культурно-просветительных учреждений на Украине

Известно, с какой беспощадностью немецко-фашистские захватчики совершали экономическое ограбление украинского народа. Не меньшее место в планах гитлеровских заговорщиков занимало и с немальной жестокостью ими проводилось разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей украинского народа.

Преступно замыслив поработить свободолюбивый украинский народ, гитлеровские заговорщики стремились уничтожить его культуру.

Осуществляя свои злодейские замыслы, гитлеровцы с первых же дней вторжения на Украину приступили к планомерному уничтожению школ, высших учебных заведений, научных учреждений, музеев, библиотек, клубов, театров.

Разрушению и разграблению подверглись исторические и культурные ценности городов Киева, Харькова, Одессы, Сталинской и Ровенской областей и многих других больших и малых городов.

Из представленного советским обвинением документа под № СССР-32, содержащего приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта от 15—18 декабря 1943 г., видно, что немецко-фашистские войска в городе Харькове и Харьковской области по прямому указанию гитлеровского правительства грабили, сжигали и разрушали материальные и культурные ценности советского народа. Эту выдержку Вы найдете, господа судьи, на странице 359 тома документов.

Сейчас я перехожу к оглашению доказательств о гитлеровских злодеяниях в столице Украинской республики — Киеве.

Я процитирую один абзац из документа, представленного советским обвинением под № СССР-248. Он имеется на странице 363 тома документов и представляет собой выписку из материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушении и ограблении фашистскими захватчиками Киевской психиатрической больницы».

В числе других разрушений захватчики — цитирую — «...сожгли ценнейший в научном отношении архив больницы, уничтожили прекрасную больничную библиотеку в 20 тысяч томов, ограбили культурный заповедник, ценнейший памятник XI столетия знаменитый Кирилловский собор, расположенный на территории больницы».

Приступаю к оглашению выдержек из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве». Это Сообщение представлено Трибуналу под № СССР-9, а цитируемые выдержки соответствуют страницам 365—366 тома документов.

«В Киеве, до вторжения немцев, было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ использовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ».

Опускаю следующий абзац и продолжаю цитату:

«Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырех миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей».

Я прошу, господа судьи, обратить внимание, что о разграблении библиотеки Академии наук УССР свидетельствует в оглашенном уже мною заявлении от 10 ноября 1942 г. доктор Фэр-

стер — оберштурмфюрер СС, служивший в батальоне особого назначения, созданном по инициативе подсудимого Риббентропа и действовавшем под его руководством.

Таким образом, факты, указанные в заявлении Фэрстера, подтверждаются другими доказательствами, в том числе и таким бесспорным доказательством, как Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Я продолжаю оглашение выдержек из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии:

«5 сентября 1943 г. немцы сожгли и взорвали один из старейших центров украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, основанный в 1834 году... В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представлявших исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше 1300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев...»

...Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева..., сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений...

Фашистские варвары сожгли в Киеве здание драматического театра Красной Армии..., театральный институт, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и все оборудование; взорвали здание цирка на 2500 мест; сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя имени М. Горького; уничтожили Еврейский театр...

...В музее западноевропейского и восточного искусств осталось лишь несколько больших полотен, которые грабители не успели снять с высоких стен лестничной клетки. Из музея русского искусства гитлеровцы вместе со всеми экспонатами вывезли ценнейшую коллекцию русских икон. Они разграбили музей украинского искусства: из 41 тысячи экспонатов отдела народного искусства этого музея осталось только 1900...

...Гитлеровцы разграбили музей имени Т. Г. Шевченко и исторический музей. Они разграбили величайший памятник славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века..., драгоценную утварь и предметы культа.

По приказу немецкого командования воинские части ограбили, взорвали и разрушили древнейший памятник культуры — Киево-Печерскую лавру...

Успенский собор, построенный в 1075—1089 годах великим князем Святославом и расписанный внутри в 1897 году известным художником В. В. Верещагиным, 3 ноября 1941 г. взорван немцами...»

Я опускаю дальнейшее изложение и перехожу к заключительной части документа.

«Нельзя без скорби смотреть, — сообщает член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий, — на груды развалин Успенского собора, созданного в XI веке гением бессмертных строителей. От взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории, и, глядя на них, кажется, что даже земля содрогнулась при виде злодеяний тех, кто не имеет права на человеческое имя. Точно страшный ураган пронесся по лавре, все опрокинул вверх дном, рассыпал и разбросал могучие лаврские здания. Два с лишним года Киев был закован в немецкие кандалы. Гитлеровские палачи принесли с собою в Киев смерть, руины, голод и казнь. Все это со временем отойдет от близкого прошлого в отдаленное, но никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народы, но и все честное человечество во всем мире».

Господа судьи! Вряд ли есть необходимость в предъявлении других доказательств разграбления гитлеровцами культурных ценностей Киева и Харькова. Тем не менее, позвольте мне остановиться еще на двух документах. Это немецкие документы, и они являются ценным признанием самих гитлеровцев.

Первый документ, имеющий № ПС-035, датирован 26 октября 1943 г. и озаглавлен: «Краткий доклад о мерах безопасности главной рабочей группы Украины при отступлении вооруженных сил». Характерная особенность этого документа: документ неприкрыто свидетельствует о грабеже. Всем ясно, что речь идет о разбойничьей группе, но гитлеровцы все продолжают именовать грабеж работой; ценнейшие экспонаты Украинского музея они отправляют в Германию как «текстиль всех сортов».

Доклад начинается описанием создания безопасного уголка для учреждений эйнзатцштаба, для чего были выброшены из своих квартир жители целого района, а затем идет перечень отправленной добычи из разграбленных музеев Харькова, Киева, архивов и даже домашних библиотек.

Я оглашу только краткую выдержку из этого документа, относящуюся к материалам Украинского и доисторического музеев в Киеве. Эта выдержка имеется на странице 368 тома документов. Цитирую:

«1 октября 1943 г. Материалы украинского музея в Киеве.

На основании общего приказа городского комиссара по эвакуации нами было найдено и погружено для отправки в Краков: текстиль всех сортов, набор ценных образцов шитья, коллекция парчи, многочисленные предметы обихода из дерева и т. д. Кроме того, была отправлена большая часть доисторического музея».

Второй документ — ПС-1109 от 17 июня 1944 г. озаглавлен: «Заметки для руководящей группы П-4» и адресован фон Мильде-Шредену.

Этот документ находится в Вашем томе документов на странице 369 и представляет краткое извлечение, поэтому я позволю себе процитировать его полностью:

«2. Вывоз культурных ценностей.

Осенью 1943 года из Киева организованным путем вывезено очень много материалов как из музеев, так и из архивов, институтов и других культурных учреждений.

Эти мероприятия по сохранению проводились как штабом внедрения РР (я должен, господа судьи, сказать, что эйнзатцштаб Розенберга в некоторых документах именуется «штабом внедрения», а инициалы «РР» означают «рейхслейтер Розенберг»), так и отдельными руководителями институтов по распоряжению рейхскомиссара.

Сначала много изъятого имущества было доставлено лишь в тыловые области, затем это переправили в рейх. Когда нижеподписавший получил в конце сентября от отдела культуры рейхскомиссара задание вывезти из Киева остатки культурных ценностей, наиболее ценные в культурном отношении материалы были уже отправлены. В течение октября было отправлено в рейх еще около сорока вагонов с культурными ценностями.

Здесь речь идет главным образом о ценностях, которые принадлежали научно-исследовательским институтам центральных органов по изучению Украины. Эти институты продолжают и в настоящее время свою работу в рейхе и ведут ее так, что в нужное время смогут быть возвращены на Украину. Те из культурных ценностей, которые подобным образом не могли быть обеспечены, были разграблены. Но здесь речь идет лишь о менее значительных материалах, так как основная масса ценностей была вывезена организованно.

Городская комендатура вывезла из Киева в октябре 1943 года оборудование фабрик, заводов и так далее, но куда — мне неизвестно».

Документ содержит заключительную фразу следующего содержания:

«При вступлении советов в городе уже не было ничего ценного в этом отношении».

Господа судьи! Из представленных советским обвинением документов Вам известно о злодейском сговоре между Гитлером и Антонеску. В награду за поставленные Германии пушечное мясо, нефть, хлеб, скот и т. п. гитлеровское правительство разрешило преступной клике Антонеску грабить население между Бугом и Днестром.

Немецкие и румынские захватчики разграбили и разрушили культурные ценности, курорты и учреждения здравоохранения Одессы. Гитлеровцы грабили совместно с кликой Антонеску, грабили и отдельно от них.

В качестве доказательства оглашаю соответствующие выдержки из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии, представленного Трибуналу под № СССР-47. Эти выдержки содержатся на странице 372 тома документов. Цитирую:

«Германское военное командование ограбило одесские музеи, вывезя из музеев сотни уникальных предметов...

По заранее составленному плану немецко-фашистские захватчики разрушили значительную часть городского хозяйства Одессы. Они взорвали и сожгли 2290 наиболее крупных, представляющих архитектурно-художественную и историческую ценность зданий, в том числе: Дом Красной Армии, здания Одесского почтамта, Коммунального банка, домик А. С. Пушкина, Главный пассажирский вокзал, здание городской больницы, Сабанские казармы, построенные в 1827 году, и другие, представляющие собой ценные памятники материальной культуры начала XIX столетия.

...Немецко-румынские захватчики разрушили в Одессе: первую инфекционную, вторую окружную, соматическую, психиатрическую и 2 детские больницы, детскую поликлинику, 7 детских консультаций, 55 детских яслей, 2 родильных дома, диспансер, люпазорий, 6 поликлиник и научно-исследовательские институты: Туберкулезный, Институт курортологии и другие. Они разрушили 29 санаториев, расположенных вблизи Одессы».

Исключительные по своим масштабам злодеяния были учинены в Сталинской области, являющейся важнейшим угольно-металлургическим центром СССР.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области», представленном советским обвинением под № СССР-2, приводится огромное количество фактов. Я не буду приводить их все, господа судьи, а ограничусь лишь отдельными выдержками из указанного документа, которые не оглашались моими коллегами.

Цитирую:

«При отступлении из Сталино гитлеровцы полностью разрушили... 113 школ, 62 детских сада, 390 магазинов, зимний и летний театры на 1100 мест, Дворец пионеров, Радиотеатр, Музей Революции, Картинную галерею, клуб имени Дзержинского...

Специальные отряды саперов объезжали школы, обливали их горючей жидкостью и поджигали. Советских людей, пытавшихся тушить пожары, фашистские мерзавцы расстреливали на месте. ...Исключительно большой ущерб причинили оккупанты медицинским учреждениям города.

Они сожгли и полностью разрушили детскую больницу на 2 тысячи коек, Клиническую больницу имени Ворошилова на тысячу коек, 12 лечебных учреждений на 2 тысячи коек и 5 поликлиник. Ценную аппаратуру, оборудование и инвентарь больниц немецкие оккупанты разграбили. Разрушение больниц совершено по указанию и при участии главного врача военного лазарета Троммера и заместителя коменданта города военного советника Нарушата. По приказу оберфельдмаршала Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа был разгромлен Медицинский институт, представлявший собой образцовое научное учреждение, в котором обучалось 2 тысячи студентов.

...Из 600 тысяч томов книжного фонда научной и художественной литературы гитлеровцы сожгли 530 тысяч томов книг...

...Немецко-фашистские захватчики... в городе Макеевке взорвали и сожгли ...городской театр на тысячу мест, цирк на 1500 мест, 49 школ, 20 детских яслей, 44 детских сада. По распоряжению коменданта города Фоглера были сожжены на костре 35 тысяч книг центральной библиотеки имени Горького».

Я не буду приводить факты по другим городам Сталинской области. Они содержатся в документе, который в силу статьи 21 Устава является бесспорным доказательством, и, в соответствии с решением Трибунала, этот документ может и не оглашаться полностью. Я только должен отметить, что во всех промышленных городах Сталинской области гитлеровцы жгли школы и театры, детские ясли и больницы; даже церкви ими уничтожались. Так, в городе Горловке они уничтожили 32 школы, в которых обучалось 21 649 детей, сожгли городскую больницу, пять поликлиник, церковь и Дворец культуры.

В городе Константиновке оккупанты взорвали и сожгли все 25 городских школ, два кинотеатра, центральную городскую библиотеку с 35 тысячами томов книг, пионерский клуб, детскую техническую станцию, городскую больницу, детские ясли.

Перед отступлением из Мариуполя немецкие оккупационные власти сожгли все 68 школ, 17 детских садов, Дворец пионеров.

Я перехожу к оглашению некоторых выдержек из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии от 7 мая 1944 г. «О разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Ровно и Ровенской области».

Этот документ представлен Трибуналу под № СССР-45, а выдержки из Сообщения имеются в томе документов на странице 378.

Город Ровно имел особое значение. Это была резиденция рейхскомиссара Эриха Коха, ближайшего соучастника подсудимого Розенберга; в этом городе гитлеровские главари проводили совещания, на которых детализировались планы порабощения украинского народа.

Из цитируемого Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии устанавливается следующее:

Гитлеровцы «...стремились создать на захваченной ими территории Украины рабско-крепостнический режим и искоренить украинскую государственность и культуру.

...Имеющиеся в распоряжении Чрезвычайной Комиссии многочисленные материалы, основанные на документах, показаниях свидетелей и личном осмотре членами Комиссии и ознакомлении их с состоянием различных культурно-просветительных учреждений на территории Украины, освобожденной Красной Армией, не оставляют никакого сомнения в том, что немецко-фашистские варвары имели своей задачей уничтожить украинскую культуру, истребить лучших представителей украинского искусства и науки, попавших в их руки. Школы, высшие учебные заведения, клубы, библиотеки, музеи, театры, созданные украинским народом на протяжении почти четверти века Советской власти, гитлеровцы безжалостно уничтожали... Немецко-фашистские захватчики закрыли в Ровно почти все культурно-просветительные учреждения. 30 ноября 1941 г. в газете «Вольнь» было официально объявлено о закрытии школ в генерал-комиссариате Вольни и Подолии...»

Я опускаю окончание страницы 70 и цитирую последний абзац документа:

«То обстоятельство, что все эти преступления совершались в резиденции бывшего рейхскомиссара Украины Эриха Коха, служит еще одним доказательством того, что все преступления гитлеровских бандитов совершались в осуществление плана истребления советских людей и опустошения временно занятой гитлеровцами советской территории, задуманного и проводившегося в жизнь гитлеровским правительством».

Г. Разрушение и разграбление культурных ценностей столицы Белорусской республики — города Минска

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в разделе 5 своей вступительной речи привел выдержку из письма генерального комиссара Белоруссии Кубе на имя подсудимого Розенберга.

Этот документ, имеющий № ПС-1099, я представляю Трибуналу под № СССР-374 в доказательство того, что разрушение и разграбление исторических ценностей, повсеместно проводившееся гитлеровцами, приняло огромные размеры.

Представленный документ является письмом, напечатанным на машинке и подписанным «Кубе», имеет штамп министерского бюро от 3 октября 1941 г., на нем сделаны различные пометки карандашом, очевидно, рукой Розенберга.

Я позволяю себе, с Вашего разрешения, процитировать дополнительно и некоторые другие места этого документа, которые также свидетельствуют о том, что награбленные ценности вывозились не только в Германию, но и расхищались отдельными генералами гитлеровской армии.

Письмо Кубе свидетельствует еще и о наличии заранее разработанного плана разграбления культурных ценностей Ленинграда, Москвы и культурных центров Украины.

Вандализм гитлеровцев принял такие размеры, что даже палач белорусского народа Кубе испугался. Он боялся упустить выгоду и договаривался с Розенбергом о компенсации.

Я цитирую второй абзац начала письма:

«В Минске находилась большая, частично очень ценная, коллекция художественных изделий и полотен, которая сейчас почти без остатка вывезена из города: по приказу имперского руководителя СС рейхсминистра Генриха Гиммлера большинство картин частично еще в то время, когда я возглавлял ведомство, было упаковано людьми СС и отослано в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых из генерального округа Белоруссии. Картины должны быть посланы в Линц и Кенигсберг в Восточной Пруссии. Я прошу эти ценные коллекции, поскольку в них не окажется нужды в Германии, снова предоставить в распоряжение генерального округа Белоруссии или, во всяком случае, оставить материальную стоимость этих коллекций за министерством по оккупированным восточным областям».

Кубе, как и подсудимый Розенберг, тоже считал за собой монопольное право на награбленные ценности и сетовал на то, что (цитирую вторую часть второго абзаца) «...генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не сообщили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства».

Ограбив вместе с другими фашистскими главарами народ Белоруссии, приняв непосредственное участие в массовом истреблении и уничтожении советских людей, Кубе лицемерно заявлял (цитирую последний абзац письма):

«И без того уже бедная Белоруссия потерпела от этого тяжелый убыток».

И Кубе рекомендовал Розенбергу (цитирую):

«Возможно, в Ленинград и в Москву, а также в старинные культурные города Украины заранее будут назначены эксперты для руководства такими мероприятиями».

Вот куда были направлены их помыслы! Сейчас уже всем известно, что означают «мероприятия» гитлеровцев на оккупированных территориях. Это режим кровавого террора и насилия, безудержного грабежа и произвола.

Ворвавшись в Минск, столицу Белорусской Республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белорусов в послушных немецких рабов.

Как установлено специально произведенным расследованием, гитлеровские военные власти, по прямым директивам германского правительства, беспощадно уничтожали научно-исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли.

Я оглашаю выдержку из документа, представленного советским обвинением под № СССР-38 (эта выдержка имеется на странице 384 тома документов):

«В течение трех лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии наук, театры и клубы.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В. И. Ленина. В 1932 году было закончено постройкой специальное здание с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кенигсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии...

Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения... вывезли в Германию библиотеки Академии наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, Политехнического института, научную медицинскую библиотеку, Государственную публичную библиотеку имени А. С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию наук с 9 институтами...; уничтожили Минский политехнический институт, в котором обучалось до 9 тысяч студентов; разрушили Государственные филармонию и консерваторию.

Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских мастеров... вывезли в Германию; разграбили Государственный белорусский

театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов...

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, Дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детские больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских яслей, 4 детские консультации, превратили в руины Институт охраны материнства и младенчества».

В распоряжении обвинения имеется документ ПС-076, являющийся докладом немецкого ефрейтора Абея «О библиотеках в Минске» (доклад находится в томе документов на страницах 385—388).

Этот ефрейтор обследовал все библиотеки города Минска и отмечает в докладе, что почти все они уничтожены.

Я представляю этот доклад в качестве доказательства под № СССР-375.

Мне представляется, что вполне достаточно зачитать отдельные выдержки из доклада.

Так, на странице 1 доклада сказано:

«...Ленинская библиотека является центральной библиотекой Белоруссии. Трудно подсчитать число томов, но количество книг составляет приблизительно 1,5 миллиона... Книгохранилища представляют безотрадную картину...»

На странице 2:

«Горьковская библиотека... Здесь было собрано самое ценное из всех сфер науки.

После того как библиотеку уже сильно расхитили еще до моего приезда, над входной дверью была прибита дощечка, извещавшая: «Реквизирована в пользу вооруженных сил...»

На странице 3:

«Библиотеку Политехнического института в подвальном этаже левого флигеля точно так же сильно разгромили и привели в беспорядок, как и большое число лабораторий».

Доклад заканчивается следующей фразой:

«Цель этого доклада будет достигнута лишь в том случае, если он будет предложен на рассмотрение высшему начальству и когда оно издаст необходимые приказы, которые недвусмысленно запретят немецкому солдату вести себя подобно варвару».

Но такой приказ не последовал и не мог последовать, ибо варварство и фашизм неразлучны, фашизм и есть варварство.

Председатель: Генерал Рагинский, какие доказательства Вы собираетесь представить после перерыва?

Рагинский: После перерыва, господин председатель, я представлю несколько письменных документов, относящихся к разрушению культурных ценностей Литовской, Эстонской и Латвийской Республик, а затем, с разрешения Трибунала, я хотел бы

предъявить документальный фильм с тем, чтобы к концу заседания закончить представление документальных доказательств.

Председатель: Сколько времени займет демонстрация фильма?

Рагинский: Демонстрация фильма займет 30—35 минут.

Председатель: Не думаете ли Вы, что после обширного и детального материала о разрушениях и грабежах, на который Вы обратили наше внимание, достаточно было бы суммировать материал и назвать нам страны, в которых производилось аналогичное разграбление?

Рагинский: Я имею в виду, господин председатель, представить Трибуналу документ, в котором будут указаны общие итоги и цифры.

Председатель: Тогда мы сейчас сделаем перерыв на десять минут.

Рагинский (после перерыва): Я прошу несколько минут внимания Трибунала для того, чтобы я, до представления итогового документа, мог огласить один немецкий документ, относящийся к разделу обвинения, по которому я представляю доказательства.

Оккупировав Литовскую, Эстонскую и Латвийскую Советские Республики, немецко-фашистские захватчики пытались превратить Советскую Прибалтику в германскую колонию и поработить народы этих республик. Эта преступная цель гитлеровского правительства нашла свое полное выражение в повсеместном грабеже, всеобщем разорении, насилиях и издевательствах, в массовых убийствах стариков, женщин и детей.

Чтобы онемечить народы Литовской, Эстонской и Латвийской Советских Социалистических Республик, гитлеровцы всячески уничтожали культуру этих республик. Они разрушали и грабили школы и университеты, библиотеки и музеи, театры и исторические памятники.

Столицу Советской Латвии — Ригу они объявили главным городом «Остланда» («Восточная территория») и резиденцией штаба Розенберга.

В документах, представленных Трибуналу советским обвинением под № СССР-7, СССР-39, СССР-41, приводится множество фактов, которые далеко не исчерпывают и не могут исчерпать всех преступлений немецко-фашистских захватчиков против культуры народов Советской Прибалтики.

В этих чудовищных преступлениях против народов Советской Прибалтики «выдающуюся» роль играл подсудимый Розенберг, бывший рейхсминистр.

Даже тогда, когда уже стал очевиден неотвратимо надвигающийся крах фашистской Германии, когда уже был близок час

Разрушения в Государственном Эрмитаже в г. Ленинграде

Разрушенное здание Суворовского музея в г. Ленинграде

Разрушенный Дворец пионеров в г. Харькове

справедливого и грозного суда над гитлеровскими преступниками, подсудимый Розенберг продолжал грабежи.

Еще в конце августа 1944 года Розенберг организовал и проводил ограбление культурных богатств Риги, а также Ревеля, Дерпта и ряда других городов Эстонской Республики.

Я прошу Трибунал обратить внимание на документ ПС-161 от 23 августа 1944 г., озаглавленный «Поручение» и подписанный начальником штаба Розенберга — Утикалем.

Этот документ представляется нами Трибуналу под № СССР-376, в Вашем томе документов, господ судьи, он имеется на странице 400. Я цитирую этот документ.

«21 августа 1944 г. рейхслейтер Альфред Розенберг вызвал из штаба главного начальника Фридриха Шиллера для доклада об имеющихся в настоящее время возможностях эвакуации культурных ценностей из восточных областей. На основании этого доклада рейхслейтер решил, что наиболее ценные культурные богатства Остланда могут быть еще отосланы его штабом, поскольку это возможно без ущерба для нужд действующих частей.

Особенно ценными рейхслейтер считает следующие:

Из Риги: городской архив, государственный архив (главная часть в Эдвалене).

Из Ревеля: городской архив, Эстонское литературное общество, мелкие предметы из дома Черноголовых, ратуши, евангелическо-лютеранской консистории и Николаевской церкви.

Из Дерпта: университетскую библиотеку.

Из эстонских имений — предметы, находящиеся в Ерлепе, Водья, Вейсенштейне, Лахмесе.

Проведение вывоза поручается главному начальнику по мобилизации Шиллеру, как будущему начальнику главной рабочей группы «Ост» штаба Розенберга.

Ему рекомендуется поддерживать особую связь с группой «Норд», чтобы согласовать проведение поручения рейхслейтера с потребностями действующих частей в области транспорта.

Еще на одну особенность, господ судьи, необходимо обратить Ваше внимание.

И в данном случае разграбление проводилось Розенбергом совместно с военным командованием. И даже осенью 1944 года подбирались «будущие начальники» штаба Розенберга.

Анализ всех этих обстоятельств позволяет еще раз со всей категоричностью утверждать, что уничтожение и разграбление культурных ценностей вдохновлялось, руководилось и осуществлялось единым центром и этим центром являлись преступные гитлеровское правительство и верховное командование, представители которых в лице всех подсудимых по настоящему процессу и должны понести наказание в соответствии со статьёй 6 Устава Международного Военного Трибунала.

Господа судьи! Когда речь идет о системе всеобъемлющего разрушения и разграбления, невозможно, да и вряд ли это нужно, перечислить все факты, даже если эти факты сами по себе и очень важны.

На оккупированных территориях Советского Союза гитлеровцами проводилась именно такая, всеобъемлющая по своему размаху и разносторонняя по своим методам, система разрушения и разграбления культурных ценностей народов СССР.

Сейчас еще невозможно представить исчерпывающий итог злодеяний подсудимых.

Но я, с Вашего разрешения, приведу документ, который содержит, хотя и предварительные, но совершенно точные данные, свидетельствующие о том огромном ущербе, который был причинен гитлеровцами.

Я имею в виду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, представленное Трибуналу под № СССР-35. Это сообщение имеется в том же документе на страницах 404—405.

Из этого документа я приведу только отдельные выдержки, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу, которые ранее не оглашались. Цитирую:

«I. Разрушение культурно-бытовых учреждений общественных организаций и кооперации»

В потребительской и промысловой кооперации, в профессиональных союзах и в других общественных организациях немецкие захватчики разрушали на территории СССР, подвергавшейся оккупации, предприятия..., клубы, стадионы, дома отдыха, санатории.

У кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций они уничтожили свыше 87 тысяч зданий хозяйственного назначения..., 10 тысяч жилых зданий и 1839 культурно-бытовых учреждений. Они ...утащили в Германию ...около 8 миллионов томов книг... Из владений профессиональных союзов немецкие захватчики полностью уничтожили 120 санаториев и 150 домов отдыха, которыми ежегодно обслуживалось более 3 миллионов рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Из этого общего числа в Крыму они разрушили 59 санаториев и домов отдыха..., на Кавказских Минеральных Водах — 32 санатория и дома отдыха..., в Ленинградской области — 33 санатория и дома отдыха..., на Украине — 88 санаториев и домов отдыха...

Немецко-фашистские захватчики разрушили здания 46 пионерских лагерей и детских оздоровительных учреждений, принадлежащих профсоюзам.

Они уничтожили 189 клубов и дворцов культуры...

...На территории Советского Союза, подвергавшейся немецкой оккупации, к началу 1941 года было 82 тысячи начальных и средних школ с 15 миллионами учащихся. Все средние школы имели библиотеки, насчитывавшие от 2 до 25 тысяч томов каждая, те или другие оборудованные физические, химические, биологические и другие кабинеты...

Немецко-фашистские захватчики сожгли, разрушили и разграбили эти школы со всем имуществом и оборудованием...

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 334 высших учебных заведения, в которых обучалось 233 тысячи студентов, а оборудование лабораторий и кабинетов, уникальные экспонаты университетских и институтских коллекций и библиотеки вывезли в Германию...

Большой ущерб причинен медицинским высшим учебным заведениям...

Окупанты разрушили и ограбили 137 педагогических и учительских институтов...

Они вывезли из специальных библиотек историко-архивные материалы и старинные рукописи; расхитили и уничтожили в массовых библиотеках свыше 100 миллионов томов книг.

Немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушали учреждения науки... Всего ими было уничтожено 605 научно-исследовательских институтов...

...Огромный ущерб немцы причинили лечебным учреждениям СССР. Они разрушили и разграбили 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев, 656 домов отдыха...»

Я опускаю следующие 3 абзаца и оглашаю данные, относящиеся к разрушению музеев и исторических памятников.

«Немецко-фашистские захватчики разрушили на оккупированной территории 427 музеев из общего числа 992 музеев, имевшихся в Советском Союзе...

...Немецко-фашистские захватчики разрушили 44 тысячи зданий театров, клубов, красных уголков».

Сейчас, с разрешения Трибунала, я хотел бы представить документальный фильм и документы, удостоверяющие документальность этого фильма. Фильм называется «Разрушения произведений искусства и памятников национальной культуры, произведенные гитлеровцами на территории СССР». Фильм и документы я представляю под № СССР-98.

Из этого фильма Вы, в частности, увидите, какой была «Ясная Поляна» до нашествия гитлеровцев и во что окупанты превратили эту реликвию советского народа.

Могу ли я, господин председатель, приступить к демонстрации фильма?

Председатель: Да, конечно.

(Демонстрируется фильм.)

Рагинский: Я должен, господа судьи, остановиться еще на одной категории преступлений, совершенных гитлеровцами,— ограблении и разрушении церквей, монастырей и других учреждений религиозных культов.

Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики садистски глумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры устраивали в храмах кровавые оргии, держали в церквях лошадей и собак, надевали на себя церковное облачение, из икон устраивали нары.

Я не буду занимать время предъявлением многочисленных документов, имеющих в распоряжении советского обвинения. Ограничусь только некоторыми из них, в частности, документальными фотоснимками, альбом которых я представляю Трибуналу под № СССР-99.

С Вашего разрешения, я хочу привести еще несколько письменных документов, в частности небольшую выдержку из документа, представленного уже Трибуналу. Эта выдержка имеется в томе документов на обороте страницы 321. Цитирую:

«Гитлеровские оккупанты не щадят и религиозных чувств верующей части советского населения. Они сожгли, разграбили, взорвали и осквернили на советской территории сотни церквей, в том числе некоторые неповторимые памятники старинной церковной архитектуры...

Священник Амвросий Иванов пишет из села Иклинского Московской области:

«До прихода немцев церковь была в полном порядке. Немецкий офицер велел мне все убрать из церкви... Ночью приехали войска, заняли церковь, завели туда лошадей... В церкви стали все бить и ломать, делать нары. Выбросили все: престол, царские врата, хоругви, плащаницу. Одним словом, из храма сделали вертеп разбойников».

...В селе Гостешево немцы разграбили церковь, хоругви поломали, книги разбросали, священника Михаила Страхова ограбили и увезли с собой в другой район. В селе Холм, близ Можайска, немцы ограбили и избили местного восьмидесятидвухлетнего священника; отступая из Можайска, немцы взорвали церкви Вознесения, Троицы и собор Николая Чудотворца. Как правило, именно в церковные здания немцы загоняют перед своим уходом часть населения сожженных деревень, предавая огню церкви и запертых в них людей».

Оглашаю также краткую выдержку из страницы 12 протокола допроса Ю. Н. Дмитриева (протокол представлен Трибуналу под № СССР-312).

«...В Знаменском соборе (в Новгороде) в алтаре северного придела немцами была устроена уборная для солдат, которые жили в подцерковье собора.

В церкви Ильи-пророка на Славне была устроена конюшня. В Пскове конюшни были устроены в церквях: Богоявление на Запсковье, Косьмы и Дамиана на Гремячей горе, Константина и Елены и в церкви Иоанна Богослова».

В документе, представленном Трибуналу под № СССР-279, приводятся факты кощунственного надругательства, имевшего место в городе Гжатске, где церкви были превращены немцами в конюшни и склады. В Благовещенской церкви немцы устроили бойню для рогатого скота.

В документе Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушении зданий религиозных культов», который я представляю под № СССР-246, приводятся и общие данные. В этом документе указано:

«Немецко-фашистские захватчики разрушили полностью и частично повредили 1670 церквей, 69 часовен, 237 римско-католических костелов, 4 мечети, 532 синагоги и 254 других зданий религиозных культов».

Эти общие данные, господа судьи, Вы найдете также и в документе, представленном Трибуналу под № СССР-35. Я не буду занимать Вашего внимания оглашением всего документа, но хотел бы огласить из него некоторые очень краткие выдержки. Цитирую:

«Материальная ответственность немцев не возместит полностью тех разрушений, которые коснулись зданий религиозных культов, древнейших исторических памятников, так как большинство из них уже не могут быть восстановлены...

...В окрестностях Новгорода от прицельного артиллерийского огня совершенно погибли такие древности, как собор Кириллова монастыря XII века, церковь Николая «на Липке» XIII века, церковь Благовещения «на Городище» XIII века.

Огромные разрушения причинили немцы пяти церквям, входящим в комплекс Псково-Печерского монастыря, являющимся одним из наиболее ценных памятников древнерусских монастырей, отражавших в себе эпоху развития Псковского крепостного зодчества XVI века.

Много церквей — памятников старины уничтожили немецкие захватчики в Белоруссии. Так, в городе Витебске разрушена Рождественская церковь, интересный памятник белорусской архитектуры XVII века. Полностью разрушены деревянные церкви XVIII столетия — Богословская и Никольская.

Трудно восстановимые разрушения причинены Воскресенско-Заручьевской церкви, постройки XVIII столетия, которая по своей архитектуре являлась интересным сооружением белорусского

классицизма. Там же, в городе Витебске, немцы разрушили костел, строительство которого относится к XVIII столетию.

В городе Дисне Полоцкой области немцы сожгли римско-католический костел, основанный в XVII веке, а имущество его разграбили.

В городе Рожнятове Станиславской области немецкий военный комендант Тимошель Рудольф использовал три синагоги под казармы, а после, разграбив все имущество синагог, разрушил их здания...

Разрушая здания религиозных культов, немцы грабили и уничтожали все их оборудование. Множество икон и утвари было отправлено из зданий религиозных культов в Германию.

Ограблен Иосифо-Волоколамский монастырь, из которого исчезли древние монастырские плащаницы и личные вещи основателя монастыря — Иосифа Полоцкого.

Со всех икон, находящихся в Тихвинском монастыре, немцы содрали позолоту, сняли серебро, бархатные обложки и басму, похитили лучшие ризы. Из Успенской церкви того же монастыря украли шесть овальных икон и две серебряные позолоченные иконы с иконостаса.

В 1941 году из Старицкой церкви немецкие солдаты и офицеры украли все сосуды, запрестольные кресты, венцы, митры, дарохранильницы.

В городе Докшицах Полоцкой области немцы разграбили и увезли все имущество местной мечети. Такую же участь разделили почти все храмы, оказавшиеся в зоне немецкой оккупации.

Ограбление церквей, костелов, синагог, мечетей и других зданий религиозных культов производилось немцами повсеместно».

Гитлеровские заговорщики не только физически грабили, истязали, убивали, но они стремились и морально унижить, духовно ограбить верующих.

* * *

Таковы, господа судьи, письменные доказательства преступлений против культуры, совершенных Розенбергом, Франком, Герингом, Риббентропом, Кейтелем и другими участниками заговора.

Преступления подсудимых против культуры действительно ужасающе по своим последствиям.

Хотя и с огромными усилиями, но можно отстроить новые города и села, разрушенные гитлеровцами.

Можно восстановить фабрики и заводы, взорванные и сожженные ими. Но навсегда потеряны для человечества неповторимые произведения искусства, которые гитлеровцы варварски уничто-

жили, как и невозвратимы миллионы человеческих жизней, погубленных ими в Освенциме и Трешлинке, в Бабьем Яру и Керчи.

Заимствовав из тьмы веков свои человеконенавистнические теории, современные гунны превзошли самые мрачные страницы истории своей жестокостью и вандализмом.

Дерзновенно посягая на будущее человечества, они топтали лучшее наследие его прошлого.

Не имея ни идеалов, ни веры, они кощунственно разрушали храмы и реликвии.

В невиданном единоборстве культуры и мракобесия, цивилизации и варварства победителями вышли культура и цивилизация.

Гитлеровские заговорщики, мечтавшие о мировом господстве, об уничтожении культуры славянских и других народов, посажены на скамью подсудимых.

Пусть же им воздастся должное!

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
 ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЖЕРТОФФЕРОМ
 ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
 «РАЗГРАБЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
 от 6 февраля 1946 г.]

Экономическая секция французской делегации подготовила материалы по разграблению гитлеровцами произведений искусства в оккупированных странах Западной Европы. В целях экономии времени мы сочли возможным в судебном заседании 22 января отказаться от представления этих материалов Трибуналу. Однако после этого нам стало известно, что подсудимый Розенберг намеревается поддерживать версию о том, что произведения искусства собирались им якобы с целью «охраны» их. Мы считаем, и это явствует из представляемых Трибуналу документов, что не может быть и речи об охране. Это настоящее разграбление.

Господин председатель, господа судьи, разграбление произведений искусства, с точки зрения причинения ущерба культуре народа, представляет такую проблему, которой я не буду сейчас касаться, так как это было темой выступления полковника Стори 18 декабря 1945 г. Я буду говорить только об экономической стороне вопроса, чтобы завершить представление материалов по ограблению стран Западной Европы.

Как сможет убедиться Трибунал, руководители империи систематически захватывали произведения искусства, принадлежавшие главным образом частным лицам, и прежде всего евреям. Таким образом, эти руководители империи становились собственниками крупных ценностей. В Бельгии, Голландии, Люксембурге, Франции были расхищены картинные галереи, общественные и частные коллекции, старинная мебель, фарфор, фаянс и драгоценности.

Здесь идет речь не об отдельных кражах, которые совершаются солдатами, как это всегда было и до сих пор бывает на войне. Эта кампания грабежа проводилась систематически

и по определенному плану. При этом применялись различные методы. Акты произвола со стороны отдельных лиц могли осуществляться только в той степени, в какой они содействовали выполнению планов, разработанных нацистскими руководителями еще до июня 1940 года.

Официальным органом, который ведал этим грабежом, был, в основном, специальный штаб министра Розенберга по оккупированным территориям Западной Европы и Нидерландов. Если этот орган не был единственным, то он был наиболее важным из всех.

Стремление присвоить произведения искусства, так же как и материальные богатства, являлось одной из основ национал-социалистской захватнической политики. Деятельность подсудимого Франка в Польше служит веским доказательством этого.

С начала вторжения в Западную Европу появляется идея обеспечить за собой эту ценную добычу. Стремясь захватить как можно больше, различные организации, осуществляющие эту конфискацию, действуют параллельно.

Прежде всего — это военные власти...

Затем эта задача возлагается на гражданские организации, как, например, немецкое посольство в Париже или управление по вопросам вражеского имущества, которое находилось в Голландии в ведении имперского комиссара.

Такое совпадение функций продолжало оставаться и после создания штаба Розенберга. Такова была первая фаза разграбления предметов искусства. Из официальной корреспонденции, так же как из заявлений Отто Абеца, видно, что инициатива, бесспорно, принадлежала министру иностранных дел подсудимому Риббентропу. Эта первая фаза продолжалась с момента вторжения немцев в страны Западной Европы и до октября 1940 года.

Вторая фаза начинается с появлением специального штаба Розенберга. Он появляется на сцену под покровительством подсудимого Геринга, и за грабеж, происходивший в тот период, основную ответственность наряду с Розенбергом несет Геринг.

В июле 1942 года начинается третья фаза в истории существования этого специального штаба. Основным ответственным лицом снова становится подсудимый Альфред Розенберг.

Деятельность специального штаба прекратилась в Западной Европе только с ее освобождением.

Одна часть архива штаба Розенберга попала в руки французской армии; другая — была захвачена американской армией, завладевшей также и личным архивом подсудимого Розенберга. Таково происхождение документов с индексом ПС, которые представляются Трибуналу.

Захват произведений искусства начался с момента вторжения немецких войск в Голландию, Бельгию и Францию. В Париже, начиная с июня, специализированная служба при посольстве, руководимая фон Кюнсбергом и доктором Дирксеном, одновременно со специальной службой военной администрации под руководством графа Вольфа Меттерниха осуществляли эти действия.

В нарушение Гагской Конвенции был издан приказ о захвате как общественной, так и частной собственности. Подсудимый Кейтель 30 июня 1940 г. направил следующий приказ генералу фон Боккельбергу, военному губернатору Парижа. Копию этого приказа я представляю под № РФ-1301:

«Фюрер, после получения доклада министра иностранных дел, издал приказ о конфискации помимо предметов, имеющих историческую ценность, находящихся во владении Французского государства, также исторических ценностей, которые принадлежат частным лицам, и в особенности евреям. Это не является экспроприацией, но передачей их под нашу охрану в качестве гарантии во время мирных переговоров».

Аналогичные меры не замедлили последовать в Голландии и в Бельгии, а также в Люксембурге.

Документ РФ-1302 захвачен американской армией и имеет № ПС-137; я представляю копию с него. Он подписан подсудимым Кейтелем 5 июля 1940 г.:

«Рейхслейтер Розенберг предложил фюреру следующее:

Во-первых, государственные библиотеки и архивы должны быть подвергнуты тщательному осмотру для изъятия документов, представляющих ценность для Германии.

Во-вторых, различные канцелярии и церковные учреждения, а также ложи должны быть подвергнуты обыску с целью обнаружения доказательств их политических маневров, направленных против нас, и соответствующие материалы должны быть изъяты.

Фюрер приказал, чтобы это предложение было выполнено и чтобы гестапо, заручившись помощью работников архивов рейхслейтера Розенберга, было уполномочено производить эти розыски. Начальник полиции безопасности группенфюрер СС Гейдрих информирован об этом и свяжется с соответствующим военным командованием для выполнения этого приказа.

...Эти мероприятия будут проводиться во всех районах Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и оккупированной нами зоны Франции.

Требуется, чтобы подчиненные службы были об этом информированы.

Начальник верховного командования вооруженных сил
Кейтель».

Я представляю теперь за № РФ-1303 копию документа ПС-139, который примерно в таких же выражениях был издан для Голландии, а под № РФ-1304 — копию аналогичного документа ПС-140, касающегося Бельгии.

В то же время распоряжением от 15 июля 1940 г. во исполнение приказов Кейтеля была издана инструкция об охране предметов искусства на оккупированных территориях.

Эта инструкция появилась в официальном немецком бюллетене. Я представляю ее под № РФ-1305 и прошу Трибунал разрешить мне процитировать следующие два абзаца.

Первый параграф. Абзац 1:

«Движимые предметы искусства не должны изыматься из тех мест, где они сейчас находятся, и видоизменяться каким-либо образом без письменной санкции начальника военной администрации».

Абзац 3:

«О движимых предметах искусства, стоимость которых превышает 100 тысяч франков, их собственники или владельцы должны сообщить письменно до 15 августа 1940 г. в соответствующую полевую комендатуру или другим органам власти, которые будут указаны этой комендатурой».

Если Трибунал помнит объяснения, которые я имел честь представить здесь 15 дней тому назад, то можно отметить, что относительно бумажной валюты и других видов ценностей немцы издали аналогичные распоряжения.

В этой инструкции, которую необходимо было довести до сведения населения оккупированных территорий, не говорилось еще о конфискации, а только об имобилизации и подаче соответствующих заявлений собственниками таких произведений, что должно было послужить подготовкой к будущему разграблению предметов искусства. С этого времени начался захват наиболее известных коллекций, принадлежавших французским евреям. Это происходило в таких условиях, что вызывало многочисленные протесты, адресованные в комиссию по перемирию в Висбадене.

Я представляю под № РФ-1306 письмо французского государственного министра финансов от 18 декабря 1941 г., содержащее такой протест.

Я не буду цитировать этого письма, а ограничусь только его представлением.

Не было проведено разграничения функций и полномочий между гражданскими и военными немецкими учреждениями. Поэтому между ними происходили соперничество и конфликты. Но уже начиная с марта 1941 года первое место в этой деятельности занял специальный штаб Розенберга, и можно утверждать, что с 1940 года по 1944 год этот штаб пользовался настоящей монополией во всем, что касается конфискации предметов

искусства как в Люксембурге, так и в Бельгии, Голландии и во Франции.

Специальный штаб Розенберга был создан внешнеполитическим отделом нацистской партии, и его главной функцией являлось собирание политических материалов, которые могли быть использованы «высшей школой» для борьбы с евреями и франкмасонами. Цели этой «высшей школы» Гитлер определил в своем приказе от 29 января 1940 г., который фигурирует в американской документации под № ПС-136. Я представляю его под № РФ-1308.

«Высшая школа» («Хохшуде») должна стать в будущем истинным центром по разработке национал-социалистской доктрины и центром национал-социалистского воспитания. Она будет создана после войны. Для того, чтобы ускорить начатую работу по подготовке создания этой школы, я приказываю, чтобы рейхслейтер А. Розенберг продолжал руководить этими подготовительными работами, в первую очередь, в области исследовательской работы и создания библиотеки.

Партийные и государственные организации обязаны оказывать ему помощь в осуществлении этой его задачи.

Берлин, 29 января 1940 г.

Гитлер».

Будучи уполномоченным по отысканию и захвату еврейских коллекций, оставшихся в оккупированных странах «без хозяина», специальный штаб Розенберга не удовлетворялся тем, что грабил частные жилища, но занимался также изъятием ценностей, которые были сданы на хранение в банки.

Это видно из документа, который я представил под № РФ-1307 и который Трибунал, возможно, позволит мне частично огласить:

«26 февраля 1941 г. господин Браумюлер, действуя по полномочию господина Розенберга, изъясил два ящика, наполненных произведениями искусства, находившихся на хранении в агентстве «Сосьете Женераль» в Аркашоэе и записанных на имя господина Филиппа Ротшильда...»

Однако поле деятельности штаба Розенберга не ограничивалось разграблением имущества, принадлежавшего евреям или масонам. Очень скоро он начал захватывать все произведения искусства в оккупированных странах, действуя всегда незаконными средствами и не проводя никакого различия между собственностью частной и государственной.

Эта деятельность специального штаба Розенберга проводилась на основании приказов самого Геринга. Я представляю под № РФ-1309 документ, найденный американской армией и носящий № ПС-141, который является приказом подсудимого Геринга от 5 ноября 1940 г., изданным в Париже и расширяющим сферу деятельности специального штаба Розенберга. Вот этот приказ:

«Для того, чтобы обеспечить сохранность произведений искусств, принадлежавших раньше евреям, произведения искусства, сданные в Лувр, должны подразделяться следующим образом:

1. Предметы искусства, в отношении которых фюрер оставил за собой право указать их дальнейшее назначение.

2. Предметы искусства, которые могут служить для пополнения коллекции рейхсмаршала.

3. Произведения искусства или коллекции, которые по-видимому, можно будет использовать для университетов, согласно общему плану рейхслейтера Розенберга».

...Я перехожу к приказу Кейтеля от 17 сентября 1940 г., копию которого за № ПС-138 представляю под № РФ-1310. Я оглашу отсюда только основной абзац:

«В дополнение к приказу фюрера, переданному рейхслейтеру Розенбергу, о производстве обысков в масонских ложах, библиотеках и архивах оккупированных стран для изъятия ценных предметов, которые могут быть использованы в Германии и для сохранения этих ценностей при помощи гестапо, фюрер указал, что рейхслейтер Розенберг и его представитель рейхсгаупштеленлейтер Эберт получили от него лично точные инструкции, касающиеся права проводить конфискацию. Они уполномочены перевозить в Германию те произведения искусства, которые, по их мнению, имеют ценность, и следить, чтобы они находились в безопасности.

Просим сообщить об этом всем соответствующим отделам».

Деятельность специального штаба Розенберга была многогранной. Так, например, 18 декабря 1941 г. Розенберг предложил Гитлеру изъять движимое имущество евреев в оккупированных западных странах и использовать его в помещениях партийных учреждений в восточных областях.

Вот копия документа ПС-001, захваченного американскими войсками; я представляю ее в книге документов под № РФ-1311:

«Повсюду на Востоке администрация застала ужасные условия жизни, возможности снабжения так ограничены, что фактически больше нельзя ничего купить. Поэтому я запросил разрешение фюрера на изъятие всей движимости, принадлежащей евреям, которые бежали, или тем, которые приготовились бежать из Парижа, как и на всех оккупированных западных территориях для того, чтобы, по возможности, обеспечить администрацию восточных областей движимым имуществом».

Немцы скрывали свои истинные намерения, что видно из письма от 28 февраля 1942 г., адресованного в немецкую комиссию по перемирию немецким военным командующим во Франции. Фотокопию письма я представляю под № РФ-1312. Вот выдержки из него:

«Учитывая характер задач, порученных специальному штабу Розенберга, состоящих в изъятии художественных ценностей, принадлежащих евреям, французское правительство неоднократно заявляло протесты против деятельности специального штаба верховному командованию сухопутных сил; в ответ Французское правительство получило лишь неопределенное сообщение о том, что запрос направлен в соответствующее учреждение в Берлине для того, чтобы там было принято окончательное решение».

Дальше в том же письме мы читаем:

«Задачи специального штаба Розенберга должны сохраняться втайне от французских учреждений».

Письмо, адресованное начальнику отдела военной администрации в Париже от 7 апреля 1942 г., которое я представляю под № РФ-1313, указывает на те же самые директивы. Привожу выдержку из этого письма:

«Движимость, принадлежащая евреям, подданным Англии и Америки, в настоящий момент не должна реквизироваться, а реквизироваться должна только собственность евреев, состоящих в немецком подданстве, а также тех, кто состоит в подданстве стран, оккупированных частично или полностью, или тех, кто не имеет гражданства. Реквизированные предметы становятся собственностью империи. Не должно выдаваться никаких расписок в получении. Права третьих лиц, в особенности съемщиков или владельцев мебельных складов, считаются погашенными».

Далее излагаются те же инструкции...

«б) Проведение этих мероприятий должно осуществляться втайне. На запросы французских органов и местных властей, касающиеся этих действий, надо отвечать устно, что речь идет о карательной мере, осуществляемой на основании приказов свыше. Всякие дополнительные объяснения излишни.

...Какие-либо объяснения, помещаемые в печати относительно использования пустующих еврейских помещений, сейчас несвоевременны».

Привожу далее короткий абзац из письма, датированного 18 июня 1942 г., подписанного Розенбергом и адресованного Герингу. Я представляю копию этого письма под № РФ-1314. Вот абзац, который я хотел бы огласить перед Трибуналом:

«Несколько времени тому назад я подтвердил инструкции, данные начальником моего оперативного штаба штабсфюрером Утикалем доктору Лозе из управления по вопросам живописи, о том, чтобы этот последний находился в вашем распоряжении для выполнения ваших личных желаний».

Господа судьи, я сейчас перехожу к некоторым объяснениям, касающимся проведения этого захвата.

Первые конфискации были произведены военными властями и немецким посольством. Специальный штаб появился на сцену только в тот момент, когда основные массовые конфискации были уже закончены. Главная часть коллекций Ротшильда, Канна, Вейль-Пикара, Вильденштейна была уже конфискована.

Относительно методов, применявшихся при захвате произведений искусства, я представляю Трибуналу документ за № РФ-1315, который является письмом от 25 октября 1941 г. из секретариата в министерство финансов Франции. В целях экономии времени я не буду его оглашать.

...Я хочу сослаться на доклад доктора Шольца о деятельности специального штаба Розенберга. В этом докладе приводятся подробности о количестве произведений искусства, которые были изъяты.

После мероприятий по захвату произведений искусства немцы перешли к инвентаризации, составлению каталогов, размещению этих награбленных произведений в определенные места для сохранения. «Это была очень большая работа, которая — (я читаю страницу 24 текста) — заняла очень много времени, оказавшись очень сложной ввиду отсутствия порядка и методичности.

Произведения искусства свозились в музей Же-де-Пом и Лувр, большей частью в одной общей партии, хотя предметы поступали из разных источников, поэтому оказывалось невозможным их инвентаризировать. Очень большое количество произведений искусства было классифицировано как «неизвестного происхождения». В то же самое время в отчете специального штаба Розенберга от 15 апреля 1943 г., найденном американской армией (это документ ПС-172), копию которого я представляю под № РФ-1316, говорится следующее:

«Благодаря тщательному изучению полученных ценностей можно составить точный отчет о финансовой стороне проведенных мероприятий. Подготовительные работы были проведены таким образом, что составленный общий отчет можно рассматривать как безукоризненный документ, относящийся к операциям по учету и захвату произведений искусства, единственным в своем роде операциям в истории...»

Некоторые произведения искусства рассматривались немцами как произведения вырождающегося искусства, и допуск их на национал-социалистскую почву был запрещен. В принципе они были обречены на уничтожение, но в рамках тотальной военной экономики эти произведения, хотя и обреченные, тем не менее представляли реальную и притом значительную ценность.

Поэтому ценные полотна тщательно выискивались как в общественных коллекциях, так и у частных лиц, затем отбирались и, как это было предусмотрено параграфом 5 приказа от

5 ноября 1940 г., передавались для продажи французским и немецким фирмам.

Кроме этих «забракованных» произведений искусства, некоторые другие также не включались в официальные коллекции, как представляющие меньшую ценность. Они становились объектом многочисленных злоупотреблений. Таким образом, мы переходим к вопросу о торговле произведениями искусства. Причем здесь речь идет не о мошеннических и тайных комбинациях, производившихся отдельными членами штаба Розенберга, а об официальных мероприятиях.

Специальный штаб проводил обычно два вида операций, а именно: обмен и продажу.

По вопросу об обмене мы располагаем документом № 1317, это — показания Густава Рошлица, данные им 6 января 1946 г. в Париже следователю господину Фрапие. Из этого документа я прошу позволить мне огласить один абзац:

«В продолжение 1941 и 1942 гг. я произвел обмен ряда старинных картин на 30 современных картин, переданных мне Лозе, который мне всегда говорил, что этот обмен происходил по приказу Геринга и что полученные путем этого обмена картины предназначались для Геринга. После этого я узнал, что все картины, полученные путем обмена, находятся в коллекции Геринга. Я отдал взамен примерно 35 картин, а может быть, и больше».

Эти факты подтверждены самим подсудимым Розенбергом в последних строках его доклада от 15 апреля 1943 г., который представлен как документ ПС-172 и уже оглашался. Я представляю копию за № РФ-1316. Вот интересная выдержка из этого доклада:

«По приказу рейхсмаршала некоторое количество произведений современного французского вырождающегося искусства при помощи одной парижской фирмы было обменено на картины, которые имеют общепризнанную художественную ценность. Таким образом, при очень интересных обстоятельствах было получено 87 произведений старых итальянских, фламандских и немецких художников, которые имеют общепризнанную высокую художественную ценность».

Многочисленные предметы искусства, книги и в особенности картины были распроданы представителями специального штаба; некоторые — во Франции, другие — в Германии или в Швейцарии. Расчет становится вполне ясным, если учесть, что картины, захваченные под мнимым предлогом их охраны, в действительности распродавались в нейтральных странах и оплачивались валютой.

Мне кажется, что теперь надо вкратце остановиться на тех объяснениях, которые немцы представляли в оправдание своих

захватнических действий. Эти оправдания являются не чем иным, как словесными уловками в отношении самого характера принятых мер: мероприятия, носящие временный характер, с целью «охраны».

Граф Меттерних, бывший начальником службы по охране произведений искусства во Франции с июля 1940 года по 1942 год, ясно говорит об этом в своем отчете, копия которого была найдена во Франции и представляется мною за № РФ-1318. Вот краткие выдержки из этого отчета:

«С момента моего прибытия во Францию я понял, что различные учреждения, не принадлежащие к военной администрации, проявляли особый интерес к тем предметам искусства, которые могут быть перемещены».

Немного дальше, в этом же параграфе:

«В данном случае не предусматривалась их экспроприация, но эти предметы рассматривались как залог для будущего мирного договора. Не было опубликовано более подробных инструкций относительно выполнения этого приказа, и выражение «под охраной» не было истолковано».

Туманное выражение «под охраной» позволяло всякое истолкование. По мнению некоторых, этот захват был только временной мерой, однако вопрос об окончательной судьбе этих предметов оставался открытым. Что касается подсудимого Розенберга, то его решение было несложным: он высказал его в приводившемся здесь письме от 18 июня 1942 г., адресованном Герингу, которое я представил под № РФ-1314.

Вот один интересный отрывок из этого письма.

«Я думаю, вы будете со мной согласны в том, что художественные ценности, изъятые у евреев, должны рассматриваться как принадлежащие национал-социалистской партии. Что касается различных документов, то фюрер уже решил, чтобы эти материалы, добытые специальным штабом, были переданы высшей школе. В дальнейшем следовало бы передать изъятые произведения искусства в распоряжение партии. Разумеется, окончательное решение должно быть предоставлено фюреру, но такое мероприятие кажется разумным, принимая во внимание тот факт, что партия расплачивается за борьбу с евреями на протяжении более 20 лет».

...В отчетном докладе, затребованном командующим армией и составленном по приказу Розенберга начальником специального штаба Утикалем в ноябре 1941 года, этот последний доходит до следующего утверждения (я представляю копию этого отчета под № РФ-1319, РФ-1320, РФ-1321 и оглашаю выдержку из приложения РФ-1321, страница 31):

«Репрессивные меры, которые немцы предпринимают против евреев, основаны на международном праве. Имеется известный

правовой принцип, согласно которому на войне допустимо применение тех мер и репрессий, которые противник применил первый...»

Итак, господа судьи, конфискацию, осуществлявшуюся специальным штабом, пытались оправдать этим странным толкованием права, неразумность которого доказывать Трибуналу я считаю излишним. Бельгийские, голландские и французские власти неоднократно протестовали, ссылаясь на элементарные установления международного права, но они всегда получали отказ.

Следовало бы уточнить общую стоимость захваченных ценностей, но это трудно сделать, хотя сам Розенберг неоднократно возвращался к оценке своей добычи. Так, например, в письме к казначею партии Шварцу от 14 ноября 1940 г. — документ № ПС-1736, который я представлял под № РФ-1322, — он считает, что стоимость добычи, захваченной к этому времени, доходит до 1/2 миллиарда марок.

Документы специального штаба достаточно многочисленны и ясны, они позволяют сделать некоторые подсчеты.

Основным документом является доклад доктора Шольца от 14 июля 1944 г., на который я уже ссылался. Этот документ за № ПС-1015 частично оглашал полковник Стори. Я представляю копию его под № РФ-1323. Из этого доклада я оглашу очень короткую выдержку, касающуюся количества изъятых произведений искусства. Согласно этому докладу из 203 частных коллекций, в частности из коллекций Ротшильда, Альфреда Канна, Давида Вейльда, Леви де Бенциона и братьев Зелигман, было изъято 21 903 произведения искусства.

В том же докладе указывается, что всего было отправлено «29 больших партий, 137 вагонов и 4174 ящика».

...Специальный штаб Розенберга интересовался не только картинами и произведениями искусства, но также и книгами. Таким образом, из документа ПС-171, копию которого мы передаем под № РФ-1324, явствует, что 550 тысяч томов были вывезены из Франции.

Голландии также пришлось уплатить очень большую дань книгами. Были расхищены богатые библиотеки первопечатных экземпляров и рукописей. Из документа ПС-167, копию которого я передаю за № РФ-1325, явствует, что стоимость книг составила приблизительно сумму от 30 до 40 тысяч рейхсмарок.

Надо также отметить, что согласно документам за № ПС-178 и ПС-171, которые я передаю за № РФ-1326, в феврале 1941 года были изъяты архивы банка Ротшильда.

Штаб Розенберга занимался также расхищением мебели. Из письма от 3 октября 1942 г., посланного подсудимым Розенбергом Гитлеру и представленного за № РФ-1327, явствует следующее (я оглашаю выдержку из этого письма):

«Для проведения мероприятий «М» в Париже было создано управление, имеющее свои отделы в Бельгии, Голландии и во Франции. Это управление до настоящего времени вывезло до 40 тысяч тонн мебели, используя все средства транспорта: пароходы, железнодорожный транспорт... Министерство империи предоставило очень большую часть этой мебели — более чем 19 500 тонн — в распоряжение лишившихся крова».

В отчете Розенберга от 4 ноября 1943 г. — документ ПС-1737, копию которого я передаю за № РФ-1328, — указано:

«В пользу лишившихся крова в результате бомбежки городов Германии было захвачено и опечатано 52 828 квартир евреев. В помощь особо пострадавшим городам было послано 47 569 комплектов полной обстановки квартир».

Документ Л-188 представляет собой отчет, исходящий из управления подсудимого Розенберга. Этот документ, копию которого я передаю за № РФ-1329, указывает, что более чем 69 619 квартир евреев были разграблены, что меблировка этих квартир занимала 1 079 373 кубических метра и что для того, чтобы перевезти всю эту мебель, были использованы 26 984 вагона, то есть 674 поезда.

В той же папке находится документ, который я передаю под № РФ-1330 и в котором указывается, что только в Париже было разграблено 38 тысяч квартир евреев.

...Документ ПС-1772 был уже представлен за № РФ-1325. В нем указывается, что в Голландии с марта 1942 года по июль 1943 года были разграблены 22 623 квартиры и что понадобилось 586 барж и 178 вагонов, чтобы вывезти мебель из этих квартир.

Этих нескольких цифр достаточно, чтобы поддержать от имени стран Западной Европы обвинение против штаба Розенберга в расхищении ценностей... Хищения, которые производились на протяжении веков теми или иными завоевателями, ни в какое сравнение не идут с разграблением, которое осуществляли подсудимые...

Каковы бы ни были предлоги, выдвигаемые нацистскими руководителями для оправдания своих посягательств на художественные ценности Западной Европы путем ли краж, или пресловутых арестов на имущество с целью обеспечения «сохранности» его, или путем покупок у владельцев или у коммерсантов, — преступный характер этих операций налицо...

...Защита, возможно, будет утверждать, что обмен или покупка произведений искусства на свободном рынке не могут быть вменены в вину подсудимым ввиду того, что они велись на договорных началах, на основах добровольности и с соответствующей компенсацией. Но факты, представленные Трибуналу, позволяют утверждать, что эти операции лишь внешне носили законный характер. При рассмотрении же условий заключения

договоров, на которые пытаются сослаться, выясняется, что они заключались под угрозой или по принуждению; в отношении прав на компенсацию надо отметить, что компенсация при обмене производилась за счет украденных произведений искусства. Компенсация при покупках производилась за счет национальной валюты, добытой в качестве контрибуции или по клирингу.

Большинство этих покупок, с точки зрения общих принципов уголовного права, недействительны, так как за приобретаемые произведения искусства уплачивались суммы, добытые путем хищения у продавцов, а в другом случае при «покупке» применялись принуждение, мошенничество и обман. Это явствует из протокола допроса некоего Густава Рошлица от 6 января 1946 г., который я уже оглашал. Я сейчас прочту еще несколько выдержек из этого протокола допроса.

«Рошлиц, торговец картинами в Париже, показал:

Лозе приехал ко мне в феврале 1941 года. Он сказал мне, что ищет картины для некоторых лиц, главным образом для Геринга. Я показал ему картину Веевика, которая мне принадлежала, и картину «Портрет неизвестного» работы Тициана, которая принадлежала на $\frac{2}{3}$ Виршеницкому, а на $\frac{1}{3}$ — мне...

...Лозе купил их. Затем, восемь-десять дней спустя, он предложил мне вместо денег картины в обмен. Он, кстати, считал, что я слишком много запросил за эти картины. Цена приблизительно составляла 2 миллиона. Он добавил, что Геринг видел эти картины, но не стал платить условленную цену и приказал обменять их на современные картины из Германии.

Он показал мне несколько картин и предложил 11 картин в обмен на упомянутые две картины, но помешал мне посмотреть, что было написано на обратной стороне картин».

Дальше этот же свидетель говорит: «Я думал в то время, что картины происходили из Германии. Затем вскоре я узнал, что показанные мне картины и те, которые были в дальнейшем переданы мне Лозе путем обмена, были конфискованы у евреев. Когда я узнал, что эти картины были конфискованы, я стал протестовать. Тогда Лозе мне ответил: «Я действую по приказу Геринга, не бойтесь ничего. Эти конфискации предусмотрены в соглашении о перемирии, и обмены совершенно законны». Так как я стал протестовать, он назвал меня врагом народа...»

Никогда история еще не знала примера такого организованного расхищения, как то, которое проводилось подсудимыми.

Расхищение произведений искусства было организовано самими крупными руководителями империи. Мой коллега по обвинению, которому поручено представление доказательств индивидуальной ответственности, еще коснется этого вопроса. Я ограничусь тем, что представлю еще несколько документов и оглашу несколько выдержек.

Альфред Розенберг был ответственным начальником специального штаба. Приказы исходили от него. Во время следствия он был допрошен полковником Хинскемом, и я передаю копию этого допроса от 28 сентября 1945 г. под № РФ-1332.

Подсудимый Геринг явился официальным создателем специального штаба Розенберга. Он даже написал Розенбергу 21 января 1941 г. письмо, копию которого я передаю под № РФ-1335. В нем указывалось:

«Делайте все возможное для того, чтобы оказать энергичную поддержку работе вашего штаба и предоставить в его распоряжение то, чего он не может добиться другими способами, а именно: средства транспорта и личную охрану. Воздушные силы получили приказ оказать вам всяческую поддержку».

...Во Франции был обнаружен листок из блокнота с золотым обрезом. На этом листке были записаны инструкции, данные Герингом в Париже. Неизвестным почерком написана дата 11 февраля 1941 г. Оригинал документа передаю Трибуналу.

Вот перевод этих инструкций (документ РФ-1333):

«Все картины, отмеченные буквой «Г», предназначены для фюрера...»

В скобках написано: «Один ящик, который отмечен буквами «АН», предназначен для меня...»

...Я хотел бы указать Трибуналу, что во всех оккупированных странах подсудимый Геринг использовал целый ряд скупщиков, из которых самыми известными были доктор Лозе, входивший в состав специального штаба, и некий Хофер.

...Хофер и Лозе действовали в интересах подсудимого чаще всего от своего собственного имени. Личная коллекция подсудимого Геринга очень увеличилась в результате этих закупок. Среди главных руководителей империи, которые имели отношение к специальному штабу Розенберга, основным начальником, следующим по иерархии, был подсудимый Риббентроп — министр иностранных дел. Риббентропом был инспирирован приказ фюрера от 30 июня 1940 г., который я передал Трибуналу как документ РФ-1301 и огласил его.

...Документ РФ-1336, состоящий из ряда приказов, рапортов по армии и по специальному штабу Розенберга, был представлен американским обвинением под № ПС-1015 (США-385). В одном из них говорилось:

«...Распоряжения по осуществлению сотрудничества с армией будут даваться начальником верховного командования армии после согласования с рейхслейтером Розенбергом...»

Я не буду останавливаться на ответственности подсудимого Кейтеля. Мой коллега, который представит доказательства индивидуальной ответственности подсудимых, особо осветит этот вопрос. В целях экономии времени я лишь скажу следующее:

подсудимый Зейсс-Инкварт несет очень большую ответственность за расхищение произведений искусства и книг в Голландии.

Таким образом, я подхожу к концу своего изложения. Каковы бы ни были рынки, каковы бы ни были покупатели при торговле произведениями искусства, используемые мотивы и методы «покупки» оставались одними и теми же.

Трудно допустить, чтобы все эти факты расхищения, совершенные одновременно во всех оккупированных странах Западной Европы, не являлись результатом единой воли.

Это была безжалостная воля к господству во всех областях; она выразилась в стремлении придать внешне законную форму самым незаконным приобретениям. Доказательством этому служат многочисленные заявления подсудимых, которые были представлены Трибуналу.

Воля к разграблению оккупированных стран проявлялась до самых последних часов оккупации.

Наконец я зачитаю Трибуналу последнюю выдержку; это документ РФ-1346:

«14 августа 1944 г. Задание В. Начальникам отделов доктору Лозе и доктору Борхерсу из моего специального штаба по оккупированным территориям поручено перевезти всякими еще имеющимися средствами из музея Же-де-Пом и Луврского музея произведения искусства, сданные на хранение во исполнение приказа фюрера. Они еще находятся в Париже.

Господин рейхсмаршал великой империи на днях предоставил в распоряжение специального штаба для выполнения этого задания двух вышеупомянутых лиц, направив им личное уведомление от 13 августа 1944 г. Я прошу вас оказать обоим начальникам отделов всякую необходимую поддержку».

Захват этого имущества нельзя рассматривать как меру по сохранению его, вызванную сложившимися обстоятельствами.

Что касается участи, которую национал-социалистские руководители готовили захваченным предметам, то из представленных документов их намерения и планы совершенно ясны.

Защита, возможно, сошлется на то, что значительная часть национальных культурных ценностей оккупированных стран не была вывезена в Германию.

Если бы мне представили такой аргумент, я бы ответил следующее:

1. По различным причинам оккупанты не имели возможности вывезти в Германию эти произведения, так как у них едва хватило времени, чтобы собрать все произведения в одно место, инвентаризировать их и вывезти многочисленные предметы, изъятые в других оккупированных странах.

2. Оккупанты, очевидно, занялись главным образом произведениями искусства, принадлежавшими частным лицам, которые,

в общем, можно легко перепродать даже в нейтральные страны, в то время как произведения искусства, принадлежавшие нации, трудно сбыть в других странах.

Может быть, скажут, что большая часть произведений искусства была обнаружена, ввиду чего нельзя обвинять в захвате их.

Однако, господа судьи, Вы, конечно, понимаете, что даже если многочисленные произведения искусства и были обнаружены союзными армиями, то большей частью они были обнаружены скрытыми.

Обнаружены они были вопреки воле подсудимых и благодаря победе союзных войск. Таким образом, к моменту обнаружения этих произведений искусства преступление было полностью совершено...

Это расхищение часто сопровождалось отягчающими обстоятельствами, среди которых постоянные угрозы насилия в отношении оккупированных стран играли немаловажную роль. Расхищение произведений искусства, таким образом, является формой экономического разграбления, и подсудимые должны отвечать за это перед Вашим Высоким Судом.

Документ ПС-1099

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР
БЕЛОРУССИИ

Минск, 29 сентября 1941 г.

Г-НУ ИМПЕРСКОМУ МИНИСТРУ ПО ОККУПИРОВАННЫМ
ВОСТОЧНЫМ ОБЛАСТЯМ РЕЙХСЛЕЙТЕРУ
АЛЬФРЕДУ РОЗЕНБЕРГУБерлин, 35
Раухштрассе 17/18

Многоуважаемый товарищ по партии рейхслейтер Розенберг!
Сегодня, я, наконец, могу установить и сдать под охрану остатки художественных ценностей в Минске.

В Минске находилась большая, частично очень ценная, коллекция художественных изделий и полотен, которая сейчас почти без остатка вывезена из города: по приказу имперского руководителя СС рейхсминистра Генриха Гиммлера большинство картин частично еще в то время, когда я возглавлял ведомство, было упаковано людьми СС и отослано в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых в генеральном округе Белоруссии. Картины должны быть посланы в Линц и Кенигсберг в Восточной Пруссии. Я прошу эти ценные коллекции, поскольку в них не окажется нужды в Германии, снова предоставить в распоряжение генерального округа Белоруссии, или во всяком случае оставить материальную стоимость этих коллекций за министерством по оккупированным восточным областям.

По свидетельству одного майора 707-й дивизии, который передал мне сегодня оставшиеся ценности, СС предоставили остальные картины и предметы искусства — ценнейшие картины и мебель XVIII и XIX веков, вазы, изделия из мрамора, часы и т. д. — на дальнейшее расхищение германской армии. Генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не сообщили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства. Я прикажу установить номера их частей, чтобы наложить взыскание на виновных в грабеже.

Из здешних остатков военные учреждения и учреждения СС без моего согласия взяли еще целый ряд предметов и картин; эти предметы еще могут быть найдены в Минске.

Прошу прислать сюда национал-социалиста художника Вилли Шпрингера, Берлин, СВ 29, Газенхейде, 94, для реставрации картин, частично бессмысленно поврежденных ножевыми уда-

рами, чтобы под его руководством спасти то, что еще можно спасти. К сожалению, также сильно повреждены или уничтожены драгоценные вазы, фарфор, шкафы и стильная мебель XVIII века. В общей сложности речь идет о незаменимых ценностях на миллионы марок.

Я прошу, чтобы министерство по оккупированным восточным областям предприняло меры перед ответственными военными учреждениями, чтобы в будущем были прекращены дальнейшие разрушения, а виновные подвергались бы серьезным взысканиям.

Исторический музей также совершенно опустошен. Из геологического отделения выкрадены драгоценные и полудрагоценные камни.

В университете бессмысленно уничтожены и разграблены приборы стоимостью в миллионы марок. Возможно вам, глубокоуважаемый г-н рейхслейтер, следует довести это до сведения фюрера. И без того уже бедная Белоруссия потерпела от этого тяжелый убыток. Возможно, в Ленинград и в Москву, а также в старинные культурные города Украины заранее будут назначены эксперты для руководства такими мероприятиями, иначе гражданское управление повсюду встретит подобные же опустошения.

Хайль Гитлер!

Ваш покорный слуга *Вильгельм Кубе*,
генеральный комиссар Белоруссии.

О ЗАКРЫТИИ ЧЕШСКИХ ВЫСШИХ ШКОЛ И РАССТРЕЛЕ ДЕВЯТИ СТУДЕНТОВ

СООБЩЕНИЕ

Несмотря на неоднократные серьезные предупреждения, с некоторых пор группа чешской интеллигенции в сотрудничестве с эмигрантскими кругами за границей делает попытки путем небольших и более крупных актов сопротивления нарушить покой и порядок в протекторате Богемия и Моравия.

При этом удалось установить, что зачинщики этих актов сопротивления находятся, в частности, в чешских высших школах.

Ввиду того, что 28 октября и 15 ноября эти элементы позволили увлечь себя на активную борьбу против отдельных немцев, были

НА ТРИ ГОДА ЗАКРЫТЫ
ЧЕШСКИЕ ВЫСШИЕ ШКОЛЫ,
РАССТРЕЛЯНО ДЕВЯТЬ ВИНОВНИКОВ И
АРЕСТОВАНО БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ

Прага, 17 ноября 1939 г.

Имперский протектор Богемии и Моравии барон фон *Нейрат*.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ И. А. ОРБЕЛИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 22 февраля 1946 г.]

Рагинский: Господин председатель! Чтобы исчерпать представление доказательств по моему разделу, прошу Вашего разрешения допросить свидетеля Орбели, который уже находится в здании Трибунала. Орбели будет свидетельствовать о разрушении памятников культуры и искусства в Ленинграде.

(*К микрофону подходит адвокат Серватиус¹.*)

Председатель: У вас есть какие-нибудь возражения?

Серватиус: Я прошу Суд не заслушивать свидетеля, потому что Ленинград никогда не был оккупирован немецкими войсками, и поэтому нельзя установить, что покажет этот свидетель.

Председатель: Трибунал считает, что возражение адвоката не является существенным, и свидетель будет заслушан.

(*В зал вводят свидетеля Орбели.*)

Председатель: Как Ваше имя?

Свидетель: Орбели Иосиф.

Председатель: Повторите за мной слова присяги:

Я — Орбели Иосиф, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Суда обещаю и клянусь говорить Суду только правду обо всем, что мне известно по настоящему делу.

(*Свидетель повторяет слова присяги.*)

Рагинский: Скажите, пожалуйста, свидетель, какую должность Вы занимаете?

Орбели: Директор Государственного Эрмитажа.

Рагинский: Ваше ученое звание?

Орбели: Действительный член Академии наук Советского Союза, действительный член Академии архитектуры Союза ССР, действительный член и президент Армянской Академии наук,

¹ Адвокат Серватиус защищал подсудимого Заукеля. — Составители.

почетный член Иранской Академии наук, член Общества антикваров в Лондоне, член-консультант Американского института археологии и искусств.

Рагинский: Находились ли Вы в Ленинграде в период немецкой блокады?

Орбели: Находился.

Рагинский: Известно ли Вам о разрушениях памятников культуры и искусства в Ленинграде?

Орбели: Известно.

Рагинский: Не можете ли Вы изложить Суду известные Вам факты?

Орбели: Помимо общих наблюдений, которые я мог сделать после прекращения военных действий вокруг Ленинграда, я ближайшим образом наблюдал меры, предпринимаемые врагом по отношению к музею Эрмитаж, к зданиям Эрмитажа и Зимнего дворца, в залах которого расположены выставки Эрмитажа.

На протяжении долгих месяцев шла систематическая их бомбежка и артиллерийский обстрел. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа.

Наблюдая разрушения Эрмитажа, я в то же время видел перед собой здания Академии наук, расположенные на другом берегу реки, а именно: Музей антропологии и этнографии, Зоологический музей и расположенный рядом с Зоологическим музеем Морской музей в здании бывшей фондовой биржи. Все эти здания подвергались усиленному обстрелу зажигательными снарядами, последствия этих попаданий я видел из окон Зимнего дворца.

В самом Эрмитаже артиллерийскими снарядами причинен был ряд повреждений, из которых я сейчас назову наиболее существенные. Одним из снарядов был разбит портик основного здания Эрмитажа, выходящего на Миллионную улицу, и повреждена скульптура «Атланты».

Другой снаряд пробил потолок одного из самых парадных залов Зимнего дворца и причинил в этом зале большие повреждения. Два снаряда попали в бывший гараж Зимнего дворца, где расположены придворные парадные кареты XVII и XVIII веков, причем одним из этих снарядов были разбиты в щепки четыре кареты XVIII века художественной работы и одна парадная золоченая карета XIX века. Еще одним из снарядов был пробит потолок нумизматического зала, колонного зала основного здания Эрмитажа и разрушен балкон этого зала.

В то же время в филиал Государственного Эрмитажа на Соляном переулке, бывший музей Штиглица, попала авиабомба, кото-

рая причинила очень большие разрушения зданию, приведя его в полную негодность. При этом пострадала и значительная часть экспонатов, имевшихся в этом помещении.

Рагинский: Скажите, пожалуйста, свидетель, правильно ли я Вас понял. Вы упомянули о разрушении Эрмитажа и говорили о Зимнем дворце. Одно ли это здание и где находился Эрмитаж, упоминаемый в Ваших показаниях?

Орбели: До Октябрьской революции Эрмитаж занимал специальное здание, выходящее на Миллионную улицу и другим фасадом — на Дворцовую набережную Невы. После революции к Эрмитажу присоединены Малый Эрмитаж и здание Эрмитажного театра — здание, отделяющее Эрмитаж от Зимнего дворца, а затем и весь Зимний дворец.

Таким образом, в настоящее время комплекс зданий, составляющих Эрмитаж, образуют: Зимний дворец, Малый Эрмитаж, Большой Эрмитаж, в котором музей находился до революции, и здание Эрмитажного театра. Вот как раз во двор здания Эрмитажного театра, построенного при Екатерине II архитектором Кваренги, и попала фугасная бомба, о которой я упоминал.

Рагинский: Кроме разрушений Зимнего дворца, Эрмитажа, известны ли Вам факты разрушения других памятников культуры?

Орбели: Я наблюдал ряд памятников Ленинграда, которые пострадали от артиллерийского обстрела и от авиабомб, в том числе повреждения, причиненные Казанскому собору, построенному в 1814 году Воронихиным, Исаакиевскому собору, где колонны и до сих пор носят следы от повреждений — выбоины в граните.

Затем, в пределах города, значительные повреждения причинены Растреллиевскому флигелю близ Смольнинского собора, построенного Растрелли, где вырвана средняя часть. Артиллерией, кроме того, значительные повреждения причинены поверхности стен Петропавловской крепости, в настоящее время не являющейся военным объектом.

Рагинский: А помимо Ленинграда, известны ли Вам факты разрушений в пригородах Ленинграда?

Орбели: Я ознакомился подробно с состоянием памятников Петергофа, Царского Села и Павловска, причем во всех этих трех городах я видел следы чудовищного покушения на целостность этих памятников. При этом повреждения, которые я видел и перечислить которые очень трудно, потому что их очень много, — все эти повреждения носят следы предумышленности.

Относительно предумышленности обстрела здания Зимнего дворца я мог бы упомянуть о том, что 30 снарядов, о которых я говорил, попали в Эрмитаж не в один зал, а в течение

длительного периода времени, не более одного снаряда в каждый обстрел.

В Петергофе, помимо тех разрушений, которые причинены в Большом дворце пожаром, уничтожившим совершенно этот памятник, я видел содранные с крыши петергофского дворца золоченые листы и от купола Петергофского собора и от здания на противоположном конце этого громадного дворца, причем слететь эти листы от огня и пожара не могли, они были содраны умышленно. В Монплеzure, в старинном здании Петергофа, построенном Петром, все повреждения носили характер производившихся длительно и постепенно, не в результате какой-нибудь катастрофы. Покрытые ценной резьбой под дуб стены были ободраны. Старинные, времени Петра, голландские кафельные печи бесследно исчезли, и вместо них были поставлены временные, грубой кладки печи. В Царском Селе, в Большом дворце, построенном Растрелли, повреждения носили, несомненно, умышленный характер, потому что в ряде зал паркет был выломан и вывезен, в то время как здание погибло от пожара. В Екатерининском дворце была устроена вспомогательная оружейная мастерская, и при этом горн был помещен в резном, ценном камине XVIII века, приведенном в полную негодность.

В Павловском дворце, который был уничтожен пожаром, целый ряд признаков свидетельствует о том, что ценное имущество, находившееся в этих залах, было вынесено до поджога.

Рагинский: Скажите, пожалуйста, Вы заявили, что Зимний дворец, как и другие памятники культуры, перечисленные Вами, также преднамеренно разрушался. На основании каких данных Вы это заявляете?

Орбели: Преднамеренность обстрела и повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами Эрмитажу во время блокады, для меня, так же как и для всех моих сотрудников, была ясна потому, что повреждения эти были причинены не случайно артиллерийским налетом в 1—2 приема, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые мы наблюдали на протяжении месяца. Причем первые попадания были направлены не в Эрмитаж, не в Зимний дворец, снаряды ложились мимо, производилась пристрелка, а после этого — в одном и том же направлении, с ничтожным отклонением по прямой линии, снаряды ложились не более одного, самое большее двух, в каждый данный обстрел, и это не могло носить случайный характер.

Рагинский: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Председатель: Желает ли кто-либо из обвинителей или из защитников допросить свидетеля?

(К микрофону подходит Латернзер¹.)

¹ Адвокат Латернзер защищал генштаб и ОКВ. — Составители.

Латернзер: Господин свидетель, Вы только что заявили, что артиллерийским обстрелом, а также налетами авиации Эрмитаж и Зимний дворец были разрушены. Меня очень интересовало бы узнать, где эти здания находятся, в частности, если смотреть со стороны Ленинграда?

Орбели: Зимний дворец и Эрмитаж, стоящий рядом с ним, находятся в центре Ленинграда, на берегу Невы, на Дворцовой набережной, недалеко от Дворцового моста, в который за время обстрела попал только один снаряд. С другой стороны, против Невы, рядом с Зимним дворцом и Эрмитажем, находится Дворцовая площадь и улица Халтурина. Ответил я на Ваш вопрос?

Латернзер: Я немного по-другому ставлю вопрос. В какой части Ленинграда находятся эти здания: на юге, на юго-востоке, на востоке города? Вы можете ответить на этот вопрос?

Орбели: Зимний дворец и Эрмитаж, как я уже сказал, находятся в самом центре Ленинграда, на берегу Невы.

Латернзер: А где расположен Петергоф?

Орбели: На берегу Финского залива, к юго-западу от Эрмитажа, если считать Эрмитаж отправным пунктом.

Латернзер: Могли бы Вы сказать, находятся ли поблизости от Эрмитажа и Зимнего дворца военные предприятия?

Орбели: Насколько мне известно, в районе Эрмитажа военных предприятий не было...

Латернзер: Может быть, вблизи этих зданий стояли артиллерийские батареи?

Орбели: На всей площади около Эрмитажа и Зимнего дворца не было ни одной артиллерийской батареи, потому что с самого начала были приняты меры к тому, чтобы не было излишнего сотрясения вблизи от зданий, где находятся музейные ценности.

Латернзер: Те фабрики (заводы), которые находились в Ленинграде, продолжали ли работать для военной промышленности или прекратили свою работу?

Орбели: На территории Эрмитажа, Зимнего дворца и в ближайшем окружении не работало никакое военное предприятие, потому что там их не было, и во время блокады они там не были построены. Но я знаю, что в Ленинграде военное снаряжение производилось и с успехом применялось.

Латернзер: У меня нет больше вопросов.

(К микрофону подходит Серватиус.)

Серватиус: Господин свидетель, как далеко расположен ближайший мост на Неве от Зимнего дворца?

Орбели: Ближайший мост — Дворцовый — расположен в полсотне метров, но, как я уже сказал, за время обстрела в Дворцовый мост попал только один снаряд. Именно это убеж-

дает меня и создает уверенность в том, что Зимний дворец обстреливался умышленно. Я не могу допустить, чтобы при обстреле моста в него попал только один снаряд, а 30 — в рядом стоящее здание...

Серватиус: Имеете ли Вы какие-нибудь артиллерийские познания, дающие возможность сделать вывод, что целью был дворец, а не мост?

Орбели: Я никогда не был артиллеристом, но я считаю, что если немецкая артиллерия обстреливает мост, она не может всадить в мост один снаряд, а в дворец, находящийся в стороне, 30 снарядов. В этих пределах — я артиллерист.

(В зале оживление.)

Серватиус: У вас неартиллерийское мнение. У меня другой вопрос: Нева была использована флотом? Как далеко были расположены суда военно-морского флота от Зимнего дворца?

Орбели: В этой части Невы боевых судов, которые бы вели огонь или выполняли такого рода службу, не было. Суда на Неве стояли в другой части реки, далеко от Зимнего.

Серватиус: Вы все время осады Ленинграда находились там?

Орбели: Я находился в Ленинграде с первого дня войны до 31 марта 1942 г. Затем я вернулся в Ленинград, когда уже немецкие войска из окрестностей Ленинграда были изгнаны, и тогда именно я осмотрел Петергоф, Царское Село и Павловск.

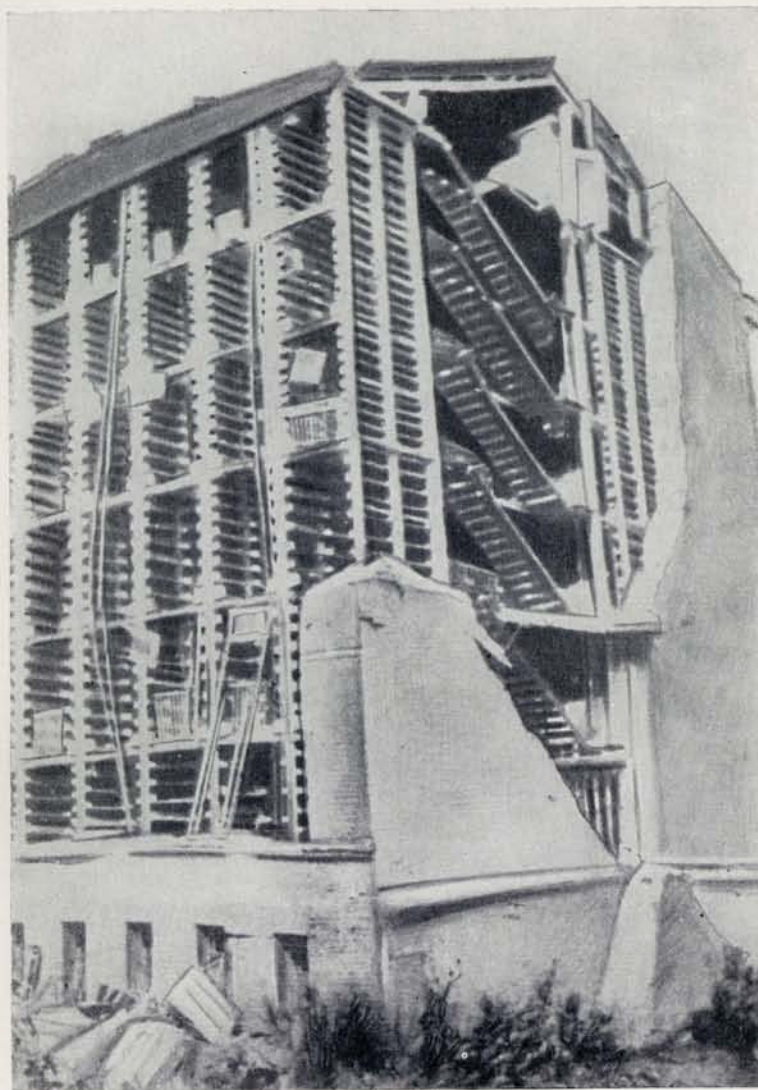
Серватиус: Спасибо большое, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Генерал Рагинский, хотите ли Вы задать свидетелю какие-нибудь дополнительные вопросы?

Рагинский: Господин председатель, у нас к свидетелю нет больше вопросов.

Председатель: Тогда свидетель может быть свободным.

(Свидетель уходит.)

Разрушенное здание библиотеки имени Короленко в г. Харькове

Киево-Печерская лавра. Успенский собор (XI в.), разрушенный гитлеровцами

Киево-Печерская лавра. Успенский собор (XI в.), разрушенный гитлеровцами

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПРОТОИЕРЕЯ
Н. И. ЛОМАКИНА БЛАГОЧИННОГО ЦЕРКВЕИ
ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА

[Стенограмма заседания международного военного Трибунала
от 27 февраля 1946 г.]

Смирнов: Скажите, свидетель, Вы являетесь благочинным церковью города Ленинграда, это значит, что Вам подчинены все храмы, находящиеся в этом городе?

Ломакин: Да, все храмы находятся в моем непосредственном ведении. Я обязан периодически их посещать, о состоянии храмов и о состоянии приходской жизни я обязан докладывать владыке митрополиту.

Смирнов: Храмы Ленинградской области также находились в Вашем подчинении?

Ломакин: Сейчас они не находятся в моем подчинении, но в блокаду Ленинграда и оккупацию Ленинградской области они были в моем ведении.

Смирнов: После освобождения Ленинградской области от оккупации немцев Вам приходилось по поручению патриарха Алексия выезжать на территорию области и осматривать храмы?

Ломакин: Не по поручению патриарха Алексия, тогда был патриархом Сергей, а по поручению управляющего епархией митрополита Алексия, ныне патриарха Московского и всея Руси.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, где Вы были период блокады Ленинграда?

Ломакин: Безвыездно в Ленинграде.

Смирнов: Если не ошибаюсь, Вы награждены медалью «За оборону Ленинграда»?

Ломакин: Да, за участие в героической обороне Ленинграда как раз в день моего рождения я удостоен этой высокой правительственной награды.

Смирнов: Скажите, свидетель, в начале блокады Ленинграда в каком храме Вы служили?

Ломакин: В начале блокады я был настоятелем Георгиевского кладбища, настоятелем Никольской церкви этого кладбища.

Смирнов: Следовательно, это была кладбищенская церковь?

Ломакин: Да.

Смирнов: Может быть, Вы расскажете Трибуналу о своих наблюдениях, сделанных в период службы в этой церкви?

Ломакин: Пожалуйста.

Смирнов: Прошу Вас сделать это.

Ломакин: В 1941 году и в начале 1942 года я был настоятелем кладбищенской церкви. Здесь я наблюдал следующие трагические картины, о которых хотел бы сейчас подробно рассказать Трибуналу.

Спустя несколько дней после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я был свидетелем огромного увеличения числа отпеваний умерших. Это были дети, женщины и престарелые люди, погибшие в результате вероломных налетов немецкой авиации на город, — мирные жители нашего города.

Если до войны количество умерших колебалось от 30 до 50 человек в день, то во время войны цифра эта быстро увеличилась до нескольких сот в день. Не было физической возможности внести умерших в храм. Вокруг храма образовалась громадная очередь ящиков и гробов, наполненных кусками человеческого мяса, изуродованными трупами мирных жителей — граждан города Ленинграда, погибших в результате варварских налетов немецкой авиации.

Наряду с отпеваниями принесенных к храму покойников необычайно возросла практика так называемых заочных отпеваний. Верующие люди не могли доставить в храм своих умерших родственников и знакомых. Их родственники и знакомые погребены были под обломками, под развалинами уничтоженных немцами жилых домов. Вокруг храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник.

Вы меня простите, мне трудно рассказывать, потому что, как уже известно Трибуналу, я пережил всю блокаду города, сам умирал с голоду и сам пережил все ужасы непрерывных налетов немецкой авиации. Несколько раз я был контужен.

В зиму 1941—1942 годов положение Ленинграда в блокаде было особенно тяжелым. Непрекращающиеся налеты немецкой авиации, артиллерийский обстрел города, отсутствие света, воды, транспорта, канализации в городе и, наконец, ужасающий голод — вследствие всего этого мирные жители города испытывали неслыханные в истории человечества страдания. Это были воистину герои, страдавшие за Родину, неповинные мирные жители.

Наряду с тем, что я сейчас Вам сказал, мне приходилось видеть и другие ужасные картины, когда я служил настоятелем этой кладбищенской церкви. Кладбище многократно подвергалось жесточайшим налетам немецкой авиации. И вот представьте себе картину, когда люди, нашедшие вечный покой, — гробы, их тела, кости, черепа — все это выброшено на землю, в беспорядке разбросаны памятники, кресты, и люди, только что пережившие потерю близких, должны снова страдать, видя громадные воронки, где, может быть, только что похоронили они своих близких, родных и знакомых, снова страдать, что им нет покоя.

Смирнов: В период голода в какой степени увеличилось количество отпеваний в этой кладбищенской церкви?

Ломакин: Как я уже сказал, вследствие невероятных условий блокады, вследствие непрерывных налетов немецкой авиации на город, вследствие артиллерийских обстрелов города количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры — до нескольких тысяч в день. Мне особенно сейчас хочется рассказать Трибуналу о том, что я наблюдал 7 февраля 1942 г. За месяц до этого случая, истощенный голодом и необходимостью проходить ежедневно большие расстояния от дома до храма и обратно, я заболел. За меня исполняли обязанности священника мои два помощника. 7 февраля, в день родительской субботы, перед началом великого поста, я впервые после болезни пришел в храм, и открываясь моим глазам картина ошеломила меня — храм был окружен горами тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа в храм, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами обессиленные падали у праха почивших и тут же умирали. Эти картины мне приходилось наблюдать очень часто.

Смирнов: Я прошу Вас ответить на вопрос — какие разрушения были причинены храмам города Ленинграда?

Ломакин: Как мною уже доложено Вам, господа судьи, по должности благочинного я должен был периодически наблюдать за состоянием храмов города и докладывать моему владыке митрополиту подробно в данной связи. И вот тут мои впечатления и личные наблюдения таковы: церковь Воскресенья на канале Грибоедова — этот замечательный высокохудожественный храм — от артиллерийских обстрелов врага-немца получила очень серьезные повреждения: пробиты купола, изуродована снарядами крыша, в разных местах по стенам мозаичные священные изображения также приведены частично в негодность или вообще уничтожены. Измайльская крепость, Троицкий собор, памятник борьбы, украшенный замечательными фризами, художественно отображающими эпопею взятия Измайльской

крепости — ему причинены огромные разрушения систематическими обстрелами и артиллерийскими снарядами. Была совершенно разбита в разных местах крыша. Художественная лепка вся отбита. Остались лишь маленькие кусочки ее.

Смирнов: Скольким храмам в Ленинграде причинены сильные повреждения и сколько храмов разрушено?

Ломакин: Артиллерийскими обстрелами сильно повреждена, почти даже совсем разрушена, церковь на Серафимовском кладбище, артиллерийские снаряды попадали в церковь кладбища, кроме того, ей были причинены большие повреждения воздушными налетами.

Немецкая авиация причинила очень много повреждений храмам. Я должен прежде всего сказать о двух храмах, наиболее пострадавших от блокады Ленинграда, это прежде всего храм Князь-Владимирского собора, в котором, кстати сказать, я имею честь сейчас быть священником. В 1942 году в феврале и по 1 июля я был настоятелем этого храма, и вот, должен Вас познакомиться, господа судьи, со следующим, чрезвычайно интересным и потрясающим случаем, который имел место накануне Святой Пасхи в 1942 году.

Великая суббота. В 5 часов вечера по московскому времени на город немецкая авиация начала массированный налет. В 5.30 вечера в юго-западную часть Князь-Владимирского собора упали две авиабомбы. Люди в это время подходили к святой плащанице. Была громаднейшая очередь верующих, желающих исполнить свой христианский долг. Я видел, как человек около 30 лежало на паперти ранеными. Эти раненые были в разных местах близ храма. Некоторое время они были беспомощны, пока им не была оказана медицинская помощь.

Произошла страшная картина смятения. Люди, не успевшие войти в храм, поспешно стали убегать в близ расположенные траншеи, а другая часть, вошедшая в храм, разместились по стенам храма, в ужасе ожидая своей смерти, потому что сотрясение храма было настолько сильно, что непрерывно, в течение некоторого количества времени, падали стекла, куски штукатурки, и вот, спустившись из комнаты второго этажа, я был потрясен открывшимся передо мной зрелищем.

Люди бросились ко мне: «Батюшка, вы живы?» «Батюшка, как же теперь понять, как поверить в то, что говорили о немцах, что они — верующие люди, что немцы любят Христа, что они не трогают людей, которые верят в бога, где же эта вера, когда в пасхальный вечер так обстреливают?..» Я должен заметить, что налет немецких самолетов продолжался вплоть до самого утра, всю пасхальную ночь, — ночь любви, ночь христианской радости, ночь воскресенья была превращена немцами в ночь крови, в ночь разрушения и страданий ни в чем не повинных людей.

Смирнов: У меня последний вопрос к Вам, свидетель. Скажите, пожалуйста, выезжая для проверки церквей в область, не были ли Вы очевидцем глумления над религией и над церквями?

Может быть, Вы будете добры рассказать об этом Суду?

Ломакин: В июле 1943 года, по распоряжению митрополита Алексия, я выезжал в район Старого Петергофа и Ораниенбаума. Из личных наблюдений и из моих бесед с верующими я установил следующее и для себя считаю это очевидным, а позже все это подтвердилось, когда Новый Петергоф был освобожден от немецкой оккупации, и то, о чем я сейчас расскажу, может быть проверено воочию.

В Старом Петергофе, вскоре после того, как немцы заняли Новый Петергоф, ровно в 10 дней были уничтожены артиллерией врага и немецкими самолетами абсолютно все храмы. При этом немецкая авиация и артиллерия обставили дело так, что вместе с храмами погибли и молившиеся в них или искавшие в них убежища от боев и артиллерийской стрельбы мирные жители города.

Все храмы Старого Петергофа, а именно: Знаменская церковь, Святотроицкая кладбищенская церковь и приписанная к ней маленькая Лазаревская церковь, церковь-музей при даче императрицы Марии Федоровны, церковь Серафимовская и церковь на военном кладбище — все эти храмы немцами уничтожены. Можно с уверенностью сказать, что под Святотроицкой кладбищенской церковью и Лазаревской — ее подвале, а также в склепах кладбищ, главным образом под сводами Знаменской церкви, погибло до 5 тысяч человек. Немцы не позволяли выходить спасающимся людям на воздух. Легко себе представить санитарное состояние и вообще состояние людей, находившихся в церковных подвалах. Одурающий воздух от дыхания, испражнений несчастных, на смерть перепуганных людей, вызывали обмороки, головокружения, а малейшая попытка выйти из храма на свежий воздух каралась бесчеловечными фашистами расстрелом мирных жителей.

Сейчас уже много времени утекло с тех пор, а мне особенно запомнился один случай. Мне рассказывала его близкая родственница тех людей, о которых я сейчас скажу. Маленькая девочка из подземелья Троицкой церкви вышла на воздух и моментально была убита немецким снайпером. Мать, желая внести ребенка, тоже вышла, но, обливаясь кровью, упала на этого ребенка. Гражданка Ромашова и до сих пор жива, и мне не раз с ней приходилось встречаться, и она с ужасом вспоминает этот факт. А таких фактов и подобных этому было много.

Смирнов: В других районах Ленинградской области не были ли Вы очевидцем осквернения святынь?

Ломакин: Был. Например, в Пскове. В Пскове там очень страшная, я бы сказал, ужасная картина разрушения вообще города. В частности, по данному вопросу я считаю долгом сказать Вам, господа судьи, следующее. Псков — город-музей, православный заповедник, украшенный большим числом храмов, расположенных по берегу реки Великой и ее притоков. В нем, в этом городе, до 60 храмов разных размеров и разных наименований, из коих до 39 представляют собой не только высокохудожественные памятники церковного зодчества, иконографии, стенописи (фрески), но и замечательные исторические памятники, отображающие в себе все величие, всю многообразную и многовековую историю русского народа.

Троицкий собор в Кремле с его замечательным иконостасом. Весь этот храм немецкие войска разграбили, вывезли из него все имущество, и не только из него, но и из всех храмов города. Вы не найдете ни одной иконочки уцелевшей и не найдете ни одного церковного облачения, сосуда — все вывезено немцами. Троицкий собор — я снова к нему возвращаюсь. Буквально за полчаса до моего появления в храме взорвалась мина у самых царских врат. Царские врата уничтожены, престол забрызган кровью. Перед своими глазами у царских врат я увидел трех наших воинов, погибших здесь под миной, заложеной, как я уже сказал, у самых царских врат. Мины были задожены и в других местах. Я здесь приведу интересную справку. Ведь Псков освобожден в августе 1944 года, а вот в праздник Крещения в этом году, в 1946 году, там произошел в этом храме новый взрыв и две жертвы полатились жизнью. Подобным же образом, как и Троицкий собор, был заминирован храм Святого Василия на Горке. Там была заложена мина у входа в самый храм. Во всех храмах вас поражает изобилие всякой грязи, отбросов, бутылок, жестянок из-под консервов и всякой нечисти.

В соборе Иоанновского монастыря была устроена немцами конюшня. В другом храме — Богоявления — был устроен склад вина. В третьем храме я видел склад горючего, торфа, угля и проч. Да что говорить об отдельных храмах. Куда ни придешь, сердце обливается кровью от несчастья, от грабежа людей, на всю Европу кричавших о своей культуре, презиравших человечество и говоривших, что они веруют в бога. Где же тут вера?

Смирнов: У меня нет больше вопросов, господин председатель.

Ломакин: Я хотел бы просить господина обвинителя разрешить мне сказать несколько слов о том, что у нас делалось в Ленинграде...

Никола-Богоявленский собор — кафедральный храм Ленинграда. Здесь же во время блокады жил нынешний патриарх Алексий. Я был свидетелем, прослужив здесь до конца войны

с июля 1942 года, неоднократных артиллерийских обстрелов этого храма.

Просто удивляться приходилось: какой же военный объект искали горе-войска в нашем святом храме. Как только великий праздник или просто воскресенье — сейчас же артиллерийский обстрел. Да и какой обстрел. В великий пост, на первой неделе, в 1943 году с самого раннего утра и до поздней ночи ни причт (то есть духовенство), ни молящиеся не имели физической возможности выйти из храма. Кругом снаружи царил смерть и разрушения. Я сам лично видел человек 50, точно я затрудняюсь сейчас сказать цифру, моих духовных детей, погибших около храма. Они поспешили выйти, не дождавшись отбоя тревоги артиллерийского налета, и нашли гибель около храма. В этом святом храме мне пришлось похоронить тысячи людей, изорванных в клочья, погибших в результате разбойничьих налетов немецкой авиации и обстрелов немецкой артиллерией мирных жителей города.

Много слез пролито здесь за так называемыми заочными отпеваниями.

Во время одного из обстрелов едва не погиб наш владыка митрополит Алексий. Несколькими осколками была разбита его келья.

Должен сказать еще, не утруждая продолжительными показаниями присутствующих, что самые интенсивные обстрелы Ленинграда были именно в праздники. Обстреливались храмы божьи, обстреливались трамвайные остановки, обстреливались госпитали, разрушались всякими способами — и артиллерией и немецкой авиацией. Бомбились дома мирных жителей.

Мне бы очень долго пришлось утруждать вас, господа судьи, если бы я стал Вам перечислять эти страшные дни крови, страданий ленинградцев за период войны. Но могу сказать одно в заключение: русские люди, ленинградцы до конца исполнили свой долг перед Родиной. Несмотря на жесточайшие обстрелы и налеты немецкой авиации, в городе царил исключительный порядок и организованность, а православная церковь разделила чашу этих страданий. Она молитвой и проповедью слова божьего вносила бодрость и утешение в сердца верующих и принесла на алтарь отечества щедрую жертву.

Председатель: Кто-нибудь еще из Главных обвинителей хочет задать вопросы свидетелю? Кто-либо из защитников хочет задать вопросы свидетелю? Свидетель, может идти.

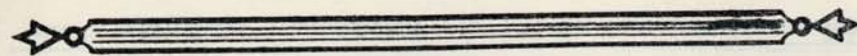

Ленинград. В мае 1941 года в Ленинграде состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором было принято решение о эвакуации населения из Ленинграда. В соответствии с этим решением в мае 1941 года началось массовое перемещение населения из Ленинграда в другие районы страны. В результате этой операции в Ленинграде остались только те, кто был необходим для работы на оборонных предприятиях и в учреждениях. В августе 1941 года в Ленинграде начался голод, который привел к гибели сотен тысяч людей. В декабре 1941 года Ленинград был окружен немецкими войсками. Несмотря на все трудности, Ленинград выстоял и был освобожден в январе 1942 года. В мае 1942 года в Ленинграде было объявлено о начале эвакуации населения в другие районы страны. В результате этой операции в Ленинграде остались только те, кто был необходим для работы на оборонных предприятиях и в учреждениях. В августе 1942 года в Ленинграде начался голод, который привел к гибели сотен тысяч людей. В декабре 1942 года Ленинград был окружен немецкими войсками. Несмотря на все трудности, Ленинград выстоял и был освобожден в январе 1943 года. В мае 1943 года в Ленинграде было объявлено о начале эвакуации населения в другие районы страны. В результате этой операции в Ленинграде остались только те, кто был необходим для работы на оборонных предприятиях и в учреждениях. В августе 1943 года в Ленинграде начался голод, который привел к гибели сотен тысяч людей. В декабре 1943 года Ленинград был окружен немецкими войсками. Несмотря на все трудности, Ленинград выстоял и был освобожден в январе 1944 года. В мае 1944 года в Ленинграде было объявлено о начале эвакуации населения в другие районы страны. В результате этой операции в Ленинграде остались только те, кто был необходим для работы на оборонных предприятиях и в учреждениях. В августе 1944 года в Ленинграде начался голод, который привел к гибели сотен тысяч людей. В декабре 1944 года Ленинград был окружен немецкими войсками. Несмотря на все трудности, Ленинград выстоял и был освобожден в январе 1945 года. В мае 1945 года в Ленинграде было объявлено о начале эвакуации населения в другие районы страны. В результате этой операции в Ленинграде остались только те, кто был необходим для работы на оборонных предприятиях и в учреждениях. В августе 1945 года в Ленинграде начался голод, который привел к гибели сотен тысяч людей. В декабре 1945 года Ленинград был окружен немецкими войсками. Несмотря на все трудности, Ленинград выстоял и был освобожден в январе 1946 года.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ И СЕЛ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА И СВЯЗИ

(Степанович, 1946)

Государству
Я приступаю к представлению деятельности комиссии по
судам и разрушению городов и сел, в отношении других ре-
рушений. Это обвинение предусматривает пункт «б» параграфа III
Общественного акта.
Мы представили доказательства того, что разрушение городов
и сел производилось не в силу военной необходимости, а
для военной преступности.
Мы представили доказательства того, что разрушение городов
и сел производилось в соответствии с приказами и распоря-
жениями высшего немецкого командования и в частности
германского генерала-полковника, что разрушение сел и горо-
дов, промышленности и транспорта являлось составной частью
общего заговора, направленного на поражение народа
Германии в других странах, на установление мирового господства
гитлеровской Германии.
Ввиду того, что обвинение является фактически доказанным, мы
просим суда и разрушения. В этих случаях судом должно
быть признано виновным немецкое командование, фабриканты
и жители сел, занятые работой и орудиями массового
гибеля и сел, особенно старая, женщина и дети,
оставшиеся без крова, лишённые средств к существованию.
С особым ожесточением гитлеровцы разрушали и разрушали
города и сел на временно оккупированной или территориях
Советского Союза, где они на протяжении германского
вероломного командования, создавали язву преступности.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СССР М. Ю. РАГИНСКИМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ
И СЕЛ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА
И СВЯЗИ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 22 февраля 1946 г.]

Господа судьи!

Я приступаю к представлению доказательств виновности подсудимых в разрушении городов и сел, в совершении других разрушений. Это обвинение предусмотрено пунктом «G» раздела III Обвинительного акта.

Мы представим доказательства того, что разрушение городов и сел производилось не в силу тех или иных случайностей войны или военной необходимости.

Мы представим доказательства того, что преднамеренные разрушения проводились в соответствии с тщательно разработанными планами гитлеровского правительства и приказами германского военного командования; что разрушение сел и городов, промышленности и транспорта являлось составной частью общего заговора, направленного на порабощение народов Европы и других стран, на установление мирового господства гитлеровской Германии.

Всюду, где побывали немецко-фашистские захватчики, они несли смерть и разрушения. В огне пожаров гибли ценнейшие машины, созданные человеческим гением, взрывались фабричные и жилые здания, дававшие работу и приют миллионам людей.

Гибли и сами люди, особенно старики, женщины и дети, оставшиеся без крова, лишенные средств к существованию.

С особым ожесточением гитлеровцы разоряли и разрушали города и села на временно оккупированной ими территории Советского Союза, где они, по прямым указаниям германского верховного командования, создавали «зону пустыни».

В доказательство я оглашу выдержку из представленного Трибуналу документа за № СССР-51/2. Эту выдержку господя судьи найдут на странице 3 тома документов. Цитирую:

«...В захваченном недавно недалеко от города Верховья Орловской области приказе по 512 немецкому пехотному полку, подписанном полковником Шитниг, с беспредельной наглостью говорится: «Зона, подлежащая, смотря по обстоятельствам, эвакуации, должна представлять собою после отхода войск пустыню... В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой дома, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы. Мероприятие по созданию опустошенной зоны должно быть подготовлено и проведено беспощадно и полностью».

Разоряя наши города и села, немецкое командование требует от своих войск создавать «зону пустыни» во всех советских местностях, откуда с успехом изгоняют захватчиков войска Красной Армии».

Этот приказ по 512-му немецкому пехотному полку, который только что упоминался в цитированном мною документе, я представляю как доказательство СССР-168.

Председатель: Генерал Рагинский, Вы знаете дату этого приказа?

Рагинский: Этот приказ датирован 10 декабря 1941 г.

Из этого документа видно, что германское военное командование предписывало беспощадное и полное разрушение населенных пунктов и что это разрушение заранее планировалось и подготавливалось.

В распоряжении советского обвинения имеется большое количество документов и фактов по этому вопросу. Ограничусь лишь оглашением выдержки из приговора военного трибунала округа по делу немецких военных преступников генерал-лейтенанта Бернгарда и генерал-майора Гаманна. Этот приговор я представляю Трибуналу как доказательство СССР-90.

Военный трибунал установил, что генералы Бернгард и Гаманн действовали по общим планам и указаниям верховного командования германской армии и что ими (цитирую) «производилось планомерное разрушение городов и населенных пунктов, причем заранее предусматривалось, помимо уничтожения промышленных зданий, уничтожение больниц, санаториев, учебных заведений, музеев и других культурно-просветительных учреждений, а также жилых домов. Последние взрывались без предупреждения проживающих в них советских граждан, в результате чего под развалинами зданий погибали и люди».

Так же как и разрушение населенных пунктов, преднамеренно

и обдуманно разрушались заводы и фабрики, электростанции и шахты.

В подтверждение я сошлюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, представленное Трибуналу под № СССР-2. Этот документ имеется на странице 28 тома документов.

В этом сообщении приводится секретная инструкция хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 г. № 1/313/43 г., которая предписывала армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, причем особо подчеркивалось, что «...разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно».

О приказах германского верховного командования и о том, как были реализованы эти приказы, указывается в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Суду как доказательство СССР-51/3.

Я приведу несколько выдержек из раздела II указанной ноты. Раздел озаглавлен «Разрушение городов и деревень». Эти выдержки ранее не оглашались. Читаю:

«По прямому приказу своего верховного командования германско-фашистская армия подвергает неслыханному разрушению советские города и села при их захвате и во время пребывания в них».

Я опускаю окончание страницы 4 и начало страницы 5 своего доклада.

Председатель: Я думаю, что Вам все-таки следует огласить первые четыре строки на странице 5.

Рагинский: Я опустил это, поскольку вчера этот документ мною цитировался, но, если Трибунал желает, я охотно это сделаю.

Это выдержка из приказа по 6-й германской армии от 10 декабря 1941 г. за подписью Рейхенау. Документ представлен Трибуналу под № СССР-112. Цитирую:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянки войсковых частей, все остальное..., в том числе и здания, должно быть уничтожено».

Я продолжаю цитировать ноту Народного комиссара иностранных дел СССР:

«В конце 1941 года и в начале 1942 года германское командование издало ряд приказов, предлагающих, чтобы части германской армии, при своем отступлении под натиском Красной Армии, уничтожали все, что еще уцелело во время оккупации. Тысячи деревень и сел, целые кварталы многих городов и даже

целые города сжигаются, взрываются, сравниваются с землей отступающей немецко-фашистской армией. Организованное уничтожение советских городов и деревень превратилось в особую отрасль преступной деятельности немецких захватчиков на советской территории; методам разрушения советских населенных пунктов посвящены специальные инструкции и подробные приказы германского командования; для данной цели выделяются отдельные отряды, обученные этому преступному ремеслу.

Вот некоторые факты из числа многих, имеющих в распоряжении Советского правительства».

Я снова обращаюсь к приказу по 512-ому пехотному полку 293-й германской дивизии от 10 декабря 1941 г., который только что был представлен Трибуналу под № СССР-168. В этом приказе излагается на семи листах точнейший план последовательного уничтожения одной деревни за другой в районе расположения данного полка за время с 10 по 14 декабря включительно. В этом приказе, составленном по образцу, применяемому во всей германской армии, говорится:

«Подготовка разрушения населенных пунктов должна производиться так, чтобы: а) до объявления об этом у гражданского населения не возникало никаких подозрений; б) разрушение могло начаться сразу, одним ударом, в назначенное время.., в соответствующий день в населенных пунктах нужно особо строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого пункта, в особенности с момента объявления о разрушении...»

В приказе командира 98-й германской пехотной дивизии от 24 декабря 1941 г. после перечисления 16 назначенных к сожжению советских деревень говорится:

«Имеющиеся запасы сена, соломы, продуктов и т. д. сжечь. Все печи в жилых домах вывести из строя закладыванием ручных гранат и сделать, таким образом, невозможным их дальнейшее употребление. Этот приказ ни в коем случае не должен попасть в руки противника».

...Таков же и приказ Гитлера от 3 января 1942 г. В приказе указывается:

«...Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты; вот чего требует текущий момент. Каждый занимаемый нами пункт должен быть превращен в опорный пункт, сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником. Если все же, по приказу вышестоящего начальства, данный пункт должен быть нами оставлен, необходимо все сжигать дотла, печи взрывать...»

Адольф Гитлер».

Гитлер не постеснялся и публично признать, что разрушение советских городов и деревень является делом рук его армии.

В своей речи 30 января 1942 г. он заявил: «Там, где русским удалось прорваться и где они думали, что вновь заняли населенные пункты, этих населенных пунктов уже нет: там одни развалины».

Отступая под ударами Красной Армии с Кубани, германское верховное командование разработало подробный план операции, носящий название «Движение Кримгильды», и в этом плане большое место, целый раздел, занимает план разрушений. План предусматривает превращение Кубани в «совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин».

Этот план изложен в переданном по телеграфу секретном документе на двух страницах «для начальников высших штабов», подписан Гитлером и имеет на первой странице надпись:

«Секретно (А)2371. 17 экземпляров, № 2686, 43. Получение: 6/9—43. Только офицерам»¹.

Документ, который мы представляем Трибуналу под № СССР-115, является 17-м экземпляром этого приказа.

На странице 2, под подписью Гитлера, указан № 430586/43 и дата — 4.9.1943 г., на странице 3 имеется перечень адресатов и приписка: «Условное название операции по отступлению с Кубани «Движение Кримгильды».

Я оглашу пункт 2 этого документа:

«2. Разрушения при отступлении.

а) Все полезные противнику сооружения, места расквартирования, дороги, искусственные сооружения, плотины и т. д. должны непременно разрушаться.

б) Все железные и полевые дороги должны быть сняты или полностью разрушены.

в) Все возведенные бревенчатые гати должны приводиться в негодность и уничтожаться.

д) Находящиеся на Кубанском предместном укреплении сооружения для добычи нефти должны быть полностью уничтожены.

е) Новороссийский порт должен быть так разрушен и загрязнен, чтобы он долгое время не мог быть использован русским флотом.

ф) К разрушению относится также минирование местности.

г) Противник должен получить совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будет происходить взрывы мин».

Указания об аналогичных приказах мы имеем в ряде других документов, но я позволю просить внимания Трибунала лишь к двум: я имею в виду специально к этому вопросу относящуюся

¹ Фотокопия документа (вторая страница) помещена на стр. 628 — Составители.

запись в дневнике подсудимого Франка и инструкцию командира 118-й истребительной дивизии, действовавшей в Югославии.

В представленном Трибуналу дневнике Франка, в папке, начатой 1 марта 1944 г. и доведенной до 31 мая того же года, под названием «Рабочее совещание в Кракове 17 апреля 1944 г.» имеется запись от 17 апреля следующего содержания:

«...Важным является то, что войскам был дан приказ оставлять русским лишь сожженную землю... Если уж приходится оставлять территорию, тогда не следует делать различия между генерал-губернаторством и другими областями».

Я напоминаю Трибуналу, что в представленной под № СССР-132 секретной инструкции по 118-й истребительной дивизии за подписью генерал-майора германской армии Кюблера, захваченной в июне 1944 года частями Югославской народно-освободительной армии, предписывалось войскам обращаться с населением «беспощадно с жестокой твердостью» и разрушать покинутые населенные пункты.

Господа судьи! Заканчивая эту часть моего выступления, считаю необходимым обратить Ваше внимание еще на одно обстоятельство.

Разрушение мирных городов и сел не только планировалось, не только совершалось преднамеренно и с исключительной беспощадностью, но производилось специальными отрядами, для этой цели созданными германским командованием.

В доказательство я приведу несколько ранее не оглашенных выдержек из официальных правительственных советских документов.

В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Суду под № СССР-51/3, указывалось (цитирую выдержку, имеющуюся на странице 9 Вашего тома документов):

«Специальные отряды, созданные германским командованием для сожжения советских населенных пунктов и массового истребления гражданского населения, в обстановке отступления гитлеровской армии, творят свои кровавые дела с хладнокровием профессиональных преступников. Так, например, перед своим отступлением из деревни Большекрепинской Ростовской области немцами были пущены по улицам деревни специальные огнеметные машины, которые один за другим сожгли 1167 домов, превратив цветущую большую деревню в пылающий костер, в котором погибли жилые дома, больница, школа, разные общественные здания. При этом автоматчики без предупреждения расстреливали жителей, приближавшихся к своим горевшим домам, а некоторых жителей связывали, обливали бензином и бросали в горевшие дома».

В ноте от 6 января 1942 г., представленной Трибуналу под № СССР-51/2, приводятся такие факты:

«...Уходя из сел Красная Поляна, Мышецкое, Ожерелье, Высоково — Московской области, немцы выделяли автоматчиков, которые бутылками с горючей жидкостью обливали дома и зажигали их. При попытках жителей тушить пожары, немцы открывали огонь из автоматов. Из 80 дворов в селе Мышецкое осталось 5 домов, из 200 дворов в Ожерелье осталось 8 домов. В деревне Высоково из 76 домов уцелело 3 дома. А за слова семидесятилетнего крестьянина Григорьева Ф. К. «не жгите мою избу» — старик был расстрелян».

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области», представленном под № СССР-46, говорится:

«В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сел и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали все на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, села и деревни».

В Вязьме и Гжатске командиры 35-й пехотной дивизии генерал-майор Меркер, 252-й пехотной дивизии генерал-майор Шефер, 7-й пехотной дивизии генерал-майор Ропперт выделили специальные отряды факельщиков и минеров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библиотеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В документе, представленном Трибуналу под № СССР-2, имеется несколько показаний военнопленных немцев. Я приведу одно из этих показаний:

«Ефрейтор 597-го пехотного полка 306-й дивизии германской армии Фергольц Герман показал: «В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на 1 линии, главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем поджигал и таким путем взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено».

Можно было, господа судьи, продолжить перечень подобных фактов. Их имеется очень много в показаниях и документах, представленных Трибуналу. Но я полагаю, что в этом нет необходимости. То, что уже оглашено, позволяет сделать вывод, что

эти разрушения, преднамеренно и умышленно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных территориях, являлись системной, а не отдельными фактами и что эти разрушения не были делом рук только рядовых солдат и офицеров германской армии, а проводились по приказам высшего командования гитлеровской армии.

Господа судьи!

В злодейских замыслах фашистских заговорщиков особое место занимало разрушение столиц Советского Союза, Югославии и Польши. И в этих планах разрушений особое место занимало разрушение Москвы и Ленинграда.

Опьяненные первыми военными успехами, гитлеровцы разрабатывали безумные планы уничтожения дорогих советским людям крупнейших культурных и промышленных центров; они уже готовили для этой цели специальные зондеркоманды. Они даже поспешили объявить о своем «решении» отклонить никогда в природе не имевшую места капитуляцию этих городов!

Необходимо отметить, что такие выражения, как «сравнить с землей» или «снести с лица земли», довольно часто употреблялись гитлеровскими заговорщиками, и это были не только угрозы, но и преступные дела. Как мы увидим из дальнейшего изложения, кое-где им удалось сравнить с землей цветущие города и села. И только воля и доблесть советского народа и армий наших союзников прекратили преступную деятельность заговорщиков, намеревавшихся сравнить с землей целые районы и даже области.

Я представляю Суду и оглашу два документа, разоблачающие намерения гитлеровских заговорщиков.

Первый документ является секретной директивой военно-морского штаба за № 1а 1601/41 от 22 сентября 1941 г., озаглавленной «О будущем города Петербурга». Этот документ уже представлен Трибуналу нашими американскими коллегами. Поэтому, хотя в нашем распоряжении имеется подлинник этого документа, который был размножен в нескольких экземплярах, полагаю, что его можно не оглашать. С Вашего разрешения, господин председатель, я лишь напомним содержание этой директивы. В директиве указывается, что «фюрер решил стереть город Петербург с лица земли», что предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнить его с землей. В директиве также указывается, что, если будут заявлены просьбы о сдаче города, эти просьбы будут отвергнуты немцами. Наконец, в этой директиве говорится, что это есть директива не только военно-морского штаба, но и ОКВ.

Второй документ, имеющий № С-123 и представленный нами под № СССР-114, является также секретной директивой верхов-

ного командования вооруженных сил от 7 октября 1941 г. за № 44 1675/41 и подписан подсудимым Иодлем.

На первой странице, помимо текста, имеются надписи:

<p>С л е в а:</p> <p>«Верховное главнокомандование вооруженными силами № 44 1675/41 Весьма секретно секр. канц. начальника штаба отд. Л. (1 опер) С. О. доступ только через офицера Относится к Верхов. главноком. армии (опер. отдел) № 41 244/41 секр. канц. от 18.9.41»</p>	<p>С п р а в а:</p> <p>Гл. квартира фюрера 7.10.41 изготовлено 14 копий 2 копия ОПС 1690/41 Получено: 7.10 Приложения:</p>
--	--

На странице 2 после подписи Иодля имеется запись: «проверил и нашел правильным. Фальк, капитан генерального штаба».

Оглашаю выдержки из этого документа:

«Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже — Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником.

...Ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем».

До того, как города будут взяты, «они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население должно быть обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины.

...Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Свои преступные замыслы по разрушению Ленинграда гитлеровские заговорщики начали осуществлять с беспрецедентной жестокостью.

В докладе Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов подробно описаны чудовищные преступления гитлеровцев.

Этот документ уже представлен Трибуналу в качестве доказательства СССР-85. Я оглашу лишь общие данные, приводимые на странице 1 доклада, что соответствует странице 71 тома документов.

«В результате варварских действий немецко-фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах полностью разрушено

8961 здание хозяйственного назначения и надворных построек общим объемом 5 192 427 кубических метров и частично разрушено 5869 зданий общим объемом 14 308 288 кубических метров. Полностью уничтожено 20 627 жилых зданий общим объемом 25 429 780 кубических метров и частично разрушено 8788 зданий с кубатурой 10 081 035 кубических метров. Полностью уничтожено 295 зданий культурно-бытового назначения общим объемом 844 162 кубических метра и частично разрушено 1629 зданий общим объемом 4 798 644 кубических метра. Полностью уничтожено 6 и частично разрушено 66 зданий религиозных культов. Гитлеровцами уничтожено, разрушено и повреждено разного рода сооружений более чем на 718 миллионов рублей и более чем на 1043 миллиона рублей промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин и орудий».

Из этого документа также устанавливается, что гитлеровцы планомерно и методически, днем и ночью бомбардировали с воздуха и обстреливали артиллерийскими снарядами улицы, жилые дома, театры, музеи, больницы, детские сады, госпитали, школы, институты, трамваи, разрушали ценнейшие памятники культуры и искусства. Много тысяч бомб и снарядов брошены в исторические здания Ленинграда, на его набережные, сады и парки.

Пострадали Зимний дворец, грандиозное здание Адмиралтейства, являющееся характерным памятником Ленинграда и одной из прекраснейших построек в Европе эпохи классицизма, Инженерный замок, сооруженный в 1797—1801 гг., историческое здание Таврического дворца, воздвигнутое в 1788 году, ансамбль Петропавловской крепости, здание бывшего Государственного банка, Главный почтамт, Елагинский дворец, Гостиный двор, построенный в 1758—1785 гг., Строгановский дворец, здание бывшего Пажеского корпуса, Исаакиевский собор, Государственный Эрмитаж, Публичная библиотека, здание театра оперы и балета имени Кирова, Академия художеств, старинное здание Государственного университета, Политехнический институт, научные учреждения Академии наук и многие другие неповторимые исторические, художественные и научные ценности Ленинграда.

В заключение позволю себе процитировать одно из многих показаний немцев, приводимых в документе, а именно абзац 4 страницы 14. Цитируемое показание Вы найдете, господа судьи, на странице 84 тома документов. Цитирую:

«Фриц Кепке, фельдфебель, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка заявил:

«Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпущенных сверх лимита в неограниченном количестве... Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились

к сводкам немецкого верховного командования, в которых говорилось об обстрелах «военных объектов» Ленинграда».

...Гитлеровские заговорщики намечали полное уничтожение столицы Югославии — Белграда.

Я напомним о документе ПС-1746, представленном Трибуналу 7 декабря 1945 г. под № ВВ-120, являющемся приказом Гитлера от 27 марта 1941 г. о нападении на Югославию. Как известно, в этом приказе, носящем название «Директива № 25», подробно изложен военно-стратегический план нападения и наряду с этим указывается, что все югославские наземные сооружения и Белград должны быть уничтожены непрерывными дневными и ночными налетами авиации.

Я сошлюсь также на доклад Югославского правительства, представленный Суду 11 февраля под № СССР-36, в котором на страницах 7 и 8 (русский перевод, что соответствует страницам 96—97 Вашего тома документов) приводятся показания немецкого генерала Лера, непосредственно руководившего разрушением Белграда с воздуха на основе личного приказа подсудимого Геринга.

Затем я оглашу несколько выдержек из страниц 22—23 доклада (это соответствует страницам 111—112 тома документов), которые свидетельствуют о разрушениях Белграда, совершенных гитлеровцами в октябре 1944 года, уже в момент отступления немецких войск. Читаю:

«Планомерность и систематичность таких преступлений на основании приказов имперского правительства и ОКВ подтверждается еще и тем, что разрушение населенных пунктов и уничтожение населения не прекращалось даже в момент отступления германских войск из Югославии.

Типичным среди тысячи подобных случаев является разрушение Белграда и уничтожение его жителей в октябре 1944 года...

...Бои за освобождение Белграда длились с 15 по 20 октября 1944 г. Еще до начала боев немцы составили план систематического разрушения города. Они послали в город большое число специально обученных частей, в обязанности которых входило минирование зданий и уничтожение населения. Хотя благодаря быстрому продвижению Красной Армии и Югославской национально-освободительной армии они не могли полностью выполнить свою задачу, порученную им германскими командующими, им все-таки удалось разрушить большое число зданий в южной части города и уничтожить значительное количество жителей.

Еще в больших размерах это произошло в северной части города, на Дунае и на Саве. Немцы ходили из дома в дом, выгоняли жителей на улицы без одежды и обуви, вносили легко воспламеняющиеся химические взрыватели в каждую квартиру и

поджигали все здание. Если здание было из совсем твердого материала, его минировали. Жителей обстреливали, убивали беззащитных людей, в нескольких больших домах жители были заперты и уничтожены пламенем и взрывами мин.

Общий ущерб, понесенный, таким образом, Белградом, исчисляется в 1 127 129 069 динаров довоенной стоимости».

Таким образом, разрушение Белграда предписывалось приказом Гитлера от 27 марта 1941 г., производилось по прямым указаниям подсудимого Геринга, а в октябре 1944 года осуществлялось теми же методами, которые гитлеровцы применяли на оккупированной территории СССР.

Перехожу к представлению доказательств преднамеренного и беспримерного разрушения гитлеровцами столицы Польского государства — Варшавы.

Я приведу три документа, которые вскрывают преступные намерения фашистских заговорщиков, «сравнить с землей» этот город.

Первым документом под № СССР-128 я представляю Трибуналу телеграмму на имя подсудимого Франка за № 13256, подписанную губернатором района Варшавы доктором Фишером (телеграмма имеется в томе документов на странице 148).

Оглашаю текст этой телеграммы:

«Генерал-губернатору, имперскому министру доктору Франку. Краков. Варшава № 13256, 11, 10, 94, 10, 40 НС.

Тема: Новая политика по отношению к Польше.

В результате заявления, сделанного группенфюрером СС фон дем Бахом рейхсфюреру СС, я сообщаю вам следующее:

Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новый приказ утихомирить Варшаву, то есть еще во время войны сравнить ее с землей, если на это не будет возражения с военной точки зрения (использование города в качестве крепости). Перед уничтожением необходимо вывезти все сырьевые материалы, текстильные изделия и мебель. Главную роль в выполнении этой задачи должна играть гражданская администрация. Я сообщаю вам эти факты потому, что этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет колоссальное значение для выяснения политики по отношению к Польше в будущем.

Губернатор района Варшавы, временно находящийся в Сохачеве, доктор *Фишер*¹.

Упомянутый в оглашенной телеграмме фон дем Бах-Зелевский известен Вам, господа судьи, он давал показания на вечернем заседании Трибунала 7 января.

¹ Людвиг Фишер 3 марта 1947 г. приговорен к смертной казни Верховным Национальным Трибуналом Польской Республики. — Составители.

О том, как обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский выполнил приказ Гитлера о разрушении Варшавы, видно из письменных показаний, данных им под присягой 28 января 1946 г. при допросе его прокурором Польской Республики господином Савицким.

Подлинный протокол допроса на немецком языке, подписанный Бах-Зелевским, представляю Суду под № СССР-313. Я оглашу две выдержки из этого протокола:

«Когда я разговаривал с Рейнефартом и сказал, что подобные поступки наносят удар морали и разуму, Рейнефарт сослался на приказ Гитлера и Гиммлера. Этот приказ...»

(К микрофону подходит защитник подсудимого Франка адвокат *Зейдль*.)

Зейдль: Я протестую против оглашения протокола показания фон дем Бах-Зелевского. Свидетель уже был заслушан в Суде, и тогда была возможность выслушать на Суде этого свидетеля о содержании протокола. Если представители советского обвинения не хотят отказаться от оглашения этого протокола, то я ходатайствую о том, чтобы свидетель Бах-Зелевский, который находится еще в настоящий момент в Нюрнберге, был вызван еще раз в Суд, чтобы защитники имели возможность подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.

Председатель: Генерал, хотите ли Вы что-нибудь сказать?

Рагинский: Господин председатель, протокол допроса Бах-Зелевского был представлен советской делегацией представителем Польского правительства уже после допроса свидетеля в судебном заседании. Показания даны под присягой, и протокол допроса оформлен в соответствии с процессуальным законом. Поэтому мы считали возможным представить протокол Трибуналу, не вызывая вторично Бах-Зелевского для допроса на Суде. Если Трибунал придет к выводу, что без вызова Бах-Зелевского в Суд не могут оглашаться его показания, то в интересах ускорения процесса, чтобы не затягивать представление наших доказательств, мы согласны на то, чтобы не оглашать эти показания. Тем более, что содержащиеся в показаниях факты установлены и другими документами, которые я буду докладывать Суду.

Председатель: Генерал Рагинский, Трибунал понял Вас так, что Вы готовы не предъявлять этого доказательства?

Рагинский: Совершенно правильно, господин председатель.

Председатель: И Трибунал считает, что такое решение было бы правильным. Таким образом, этот документ не будет представлен в качестве доказательства.

Я думаю, что следует сделать перерыв.

(Объявляется перерыв.)

Рагинский: Я оглашаю выдержку из дневника подсудимого Франка, представленного Трибуналу под № СССР-223. Эта выдержка имеется на странице 45 тома документов. Я имею в виду папку, начатую 1 августа 1944 г. и доведенную до 14 декабря 1944 г., озаглавленную «Дневник», в которой имеется запись о содержании телеграммы, посланной Франком на имя имперского министра Ламмерса. Цитирую:

«5 августа 1944 г. ...генерал-губернатор направляет следующую телеграмму имперскому министру доктору Ламмерсу: «Город Варшава в большей части объят пламенем. Сожжение домов является самым верным средством, чтобы отнять у повстанцев убежища... После этого восстания и его подавления Варшава будет с правом предана заслуженной судьбе своего полного уничтожения...»

Приведенные документы, таким образом, устанавливают, что фашистские заговорщики задались целью стереть с лица земли столицу Польского государства — Варшаву, что уничтожением Варшавы руководили гитлеровское правительство и германское верховное командование и что активную роль в этом злодеянии играл подсудимый Франк.

На всех оккупированных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Греции и Чехословакии немецко-фашистские захватчики систематически и планомерно уничтожали населенные пункты под видом борьбы с партизанами.

Специально выделенные германским военным командованием карательные экспедиции, отряды и команды сжигали и взрывали десятки тысяч сел, деревень и других населенных пунктов.

Из многочисленных документов, имеющих в распоряжении советского обвинения, приведу для примера несколько, которые являются типичными и характеризуют в целом систему, проводившуюся гитлеровцами.

Донесение командира роты капитана Каспера от 27 сентября 1942 г., озаглавленное «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 по 27 сентября 1942 г.», так и начинается:

«Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка».

Этот документ уже представлен Трибуналу под № СССР-119.

В январе 1942 года в Резекненском (Режицком) уезде Латвийской Советской Социалистической Республики немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено извещение командира германской полиции безопасности оберштурмбанфюрера СС Штрауха на немецком, латышском и русском языках.

Заверенную фотокопию извещения представляю Трибуналу под № СССР-262. Оглашаю выдержку из этого документа:

«Командир германской полиции безопасности сим извещает о следующем:

...2. Жители деревни Аудрины Режицкого уезда более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности.

Как наказание я назначил следующее:

а) Смести с лица земли деревню Аудрины».

Широко практиковали гитлеровцы карательные экспедиции в оккупированных районах Ленинградской области.

Как видно из приговора военного трибунала Ленинградского военного округа, представляемого советским обвинением как доказательство СССР-91, гитлеровцы сожгли в феврале 1944 года 10 населенных пунктов в Дедовичском, Пожеревицком и Островском районах.

Гитлеровские карательные экспедиции также сожгли деревни Страшево и Заполье Плюсского района, деревни Большие Ляды, Лудони и другие.

Многочисленные карательные отряды, действовавшие по указанию германского верховного командования, сожгли многие сотни населенных пунктов на территории Югославии.

В качестве доказательства я сошлюсь на раздел III Сообщения Югославской государственной комиссии по установлению преступлений немецких захватчиков, представленного Трибуналу под № СССР-36, и на специальное Сообщение Югославской государственной комиссии за № 2697/45, подписанное профессором Недельковичем, которое представляю под № СССР-309.

В этих документах приводится большое количество фактов сожжения и уничтожения гитлеровцами сел и деревень специальными карательными экспедициями.

В качестве примера можно назвать населенные пункты Загнезье, Удора, Мечковац, Марсич, Грашница, Рудника, Крупня, Растовач, Орах, Грабовица, Драчич, Лозинда и ряд других.

Целые области Югославии оказались совершенно опустошенными после пребывания там немцев.

Я также представляю фотокопию объявления «Главнокомандующего в Сербии», которое прошу принять в качестве доказательства под № СССР-200. Это объявление было обнаружено частями Югославской народно-освободительной армии в Сербии, о чем имеется надлежащее удостоверение Югославской государственной комиссии.

Я оглашу только один абзац из этого документа. Цитирую:

«Главнокомандующий в Сербии сообщает:

...Деревня Скела сожжена и сравнена с землей».

Гитлеровскими карательными отрядами уничтожались населенные пункты и в Польше.

В качестве доказательства представляю под № СССР-368 удостоверение уполномоченного Польского правительства господина Стефана Куровского.

Это удостоверение является приложением к докладу Польского правительства и находится в Вашем томе документов, страница 169.

Из приведенного документа устанавливается, что весной 1943 года на территории Замойского, Билгорайского, Хрубешовского и Красницкого уездов под руководством офицера СС Глобочника фашистские оккупанты сожгли ряд населенных пунктов, а в феврале 1944 года в Красницком уезде были уничтожены при помощи авиации 5 деревень.

Значительное количество населенных пунктов было сожжено и стерто с лица земли гитлеровцами в Греции.

В качестве примера можно назвать поселки Амелофито, Клистон, Кизония, Ано-Керцелион, Като-Керцелион — в районе Салоник, поселки Мезовунос и Селли — в районе Корзани и другие.

Я представляю под № СССР-103 заверенные фотостаты трех телеграфных донесений 164-й германской пехотной дивизии на имя начальника штаба 12-й армии. Эти донесения, господа судьи, имеются в томе документов на странице 170.

Каждое из донесений состоит из 9—10 строк, они однотипны и стандартны, но эти краткие официальные документы, по существу раскрывают чудовищную систему, повсеместно проводившуюся гитлеровцами на захваченных ими территориях.

Оглашу только одно из этих донесений:

«18. X. 41 Начальнику штаба армии 12, Афины.

Рапорт за день. 1. Поселки Ано-Керцелион и Като-Керцелион (в 75 км на восток от Салоник, при устье реки Струмы), о которых у нас были доказательства, что они оказывали поддержку большой банде франтиреров в этой области, были стерты с лица земли войсками дивизии 17 октября. Мужчины в возрасте 16—60 лет (всего 207 человек) были расстреляны, а женщины и дети перевезены в другое место.

2. Никаких дальнейших важных событий.

164-я пехотная дивизия».

Вряд ли нужны комментарии к этому документу.

Я сошлюсь также на официальный доклад Греческого правительства, представленный Трибуналу под № СССР-358. На страницах 39—40 доклада (русский перевод соответствует странице 207 тома документов) приводятся многочисленные факты сожжения и уничтожения деревень на острове Крит. Так, деревни Скики, Прасси и Канадос были сожжены дотла в каче-

стве возмездия за убийство нескольких немецких парашютистов во время нападения гитлеровцев на остров Крит.

Некоторые деревни разрушались по той лишь причине, что они находились в районе действий партизан.

В докладе указывается, что из 6500 деревень были полностью или частично разрушены 1600 деревень.

Следует еще отметить, что гитлеровцы умышленно бомбардировали незащищенные города и причинили тяжелый ущерб 23 городам Греции, в числе которых города Янина, Арта, Превеза, Туккала, Ларисса и Канеа были почти полностью разрушены. Об этом говорится на странице 21 доклада Греческого правительства. Вы найдете это место на странице 190 Вашего тома документов.

Господа судьи! О злодеяниях гитлеровцев в Лидице знает весь мир.

10 июня 1942 г. был последним днем Лидице и ее обитателей.

Фашистские варвары оставили неопровержимую улику своего чудовищного преступления. Они запечатлели на пленку уничтожение Лидице, и мы имеем возможность представить это доказательство Трибуналу.

По распоряжению Чехословацкого правительства было произведено специальное расследование, которое установило, что фотографирование трагедии Лидице было поручено так называемым протектором консультанту по кино НСДАП Францу Тремлу и производилось последним совместно с Мирославом Вагнером.

Среди документов, которые представляются Трибуналу, имеются фотографии гитлеровских операторов, которые снимали момент разрушения Лидице.

Я представляю эти материалы и фильм в качестве доказательства под № СССР-370.

Должен отметить, господа судьи, что этот немецкий документальный фильм был заснят несколько лет тому назад, техническое состояние его не совсем удовлетворительное, и поэтому при демонстрации могут быть некоторые неполадки. Я заранее приношу свои извинения Трибуналу. Прошу, господин председатель, разрешения приступить к демонстрации фильма.

(Демонстрируется фильм.)

То, что гитлеровцы совершили в Лидице, они через некоторое время повторили в другом населенном пункте Чехословакии — поселке Лезаки.

В доказательство я сошлюсь на доклад Чехословацкого правительства (страницы 126—127). Этот доклад был представлен под № СССР-60.

В докладе указывается:

«Лезаки, как и Лидице, были совершенно разрушены, а земля, на которой они стояли, покрыта грязью».

Господа судьи! Выше я приводил общие директивы преступных гитлеровского правительства и германского верховного командования по разрушению населенных пунктов, промышленности и транспорта Советского Союза.

Сейчас я перехожу к представлению доказательств тех разрушений, которые во исполнение этих директив были произведены гитлеровцами повсеместно на временно оккупированной территории СССР.

Еще 6 января 1942 г. в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР указывалось:

«Всюду, где только на советскую территорию вступали германские захватчики, они несли с собой разрушение и разорение наших городов, сел и деревень. Десятки городов, тысячи сел и деревень во временно оккупированных районах СССР ими разрушены, а то и сожжены дотла. Зарегистрированы многочисленные факты разбойничьего разрушения и уничтожения германскими войсками городских зданий, предприятий, сооружений, целых кварталов, как это имело место в Минске, Киеве, Новгороде, Харькове, Ростове, Калинин и других городах. Такие города, как Истра, Клин, Рогачево — Московской области, Епифань — Тульской области, Ельня — Смоленской области и ряд других, превращены в развалины. Немецкими захватчиками сметены с лица земли сотни сел и деревень на Украине и в Белоруссии, в Московской, Ленинградской, Тульской и других областях нашей страны».

В соответствии с пожеланием, высказанным Вами, господин председатель, я опускаю доказательства о разрушении отдельных городов Советского Союза, а приведу лишь общие данные.

В распоряжении советского обвинения имеется большое количество документов, изобличающих гитлеровских преступников в преднамеренном и систематическом, расчетливом и жестоком уничтожении и разрушении городов и сел, заводов и фабрик, железных дорог и средств связи.

Предъявление всей этой документации крайне затянуло бы данный процесс. Поэтому считаю возможным вместо представления отдельных документов перейти к оглашению некоторых итоговых данных, установленных Чрезвычайной Государственной Комиссией.

Из представленного Трибуналу документа — СССР-35 я оглашу лишь те разделы и цифры, которые ранее не оглашались, и только те, которые непосредственно относятся к пункту «G» раздела III Обвинительного акта.

Эти выдержки Вы, господа судьи, найдете на страницах 223—224 Вашего тома документов. Цитирую:

«Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орел, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих...

...От такой преступной деятельности немецко-фашистских орд наибольшие потери понесли следующие отрасли советской промышленности:

Угольная промышленность. В Донецком и Подмосковном угольных бассейнах немецко-фашистские захватчики разрушили 1135 шахт, на которых было занято 337 тысяч рабочих и добывалось свыше 100 миллионов тонн угля в год...

Нефтяная промышленность. ...На нефтяных промыслах Грозного и в Краснодарском крае немецко-фашистские захватчики с помощью воздушных бомбардировок и иными способами разрушили и уничтожили свыше 3 тысяч нефтяных скважин с добычей до 5 миллионов тонн нефти в год.

Они взорвали в Грозном атмосферно-вакуумную установку с годовой производительностью 660 тысяч тонн нефтепродуктов и крекинг-установку с годовой переработкой 227 тысяч тонн нефти, а также Одесский и Харьковский крекинговые заводы; разрушили Краснодарский нефтеперерабатывающий завод; вывели из строя керосинопровод «Грозный-Трудовая» и уничтожили металлические резервуары емкостью свыше 2 миллионов кубометров на 720 нефтяных базах.

Электростанции. За время оккупации, и особенно при своем отступлении, немцы разрушили мощные энергосистемы Днепра, Донбасса, Ленинграда, Харькова, Краснодарского края, Киева, Воронежа, Крыма, Белорусской ССР и Кольского полуострова, а наиболее ценное оборудование электрических станций вывезли в Германию.

Они взорвали, сожгли и частично разрушили 61 крупнейшую и большое количество мелких электрических станций, с общей мощностью около 5 миллионов киловатт, вывели из строя около 10 тысяч километров магистральных высоковольтных линий электропередач, уничтожили более 12 тысяч зданий электростанций и подстанций и вывезли в Германию 14 тысяч паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 электрогенераторов.

Черная и цветная металлургия. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 37 заводов

черной металлургии, на которых работало 168 тысяч человек. На этих заводах ежегодно производилось 11 миллионов тонн чугуна, 10 миллионов тонн стали, 8 миллионов тонн проката. Немцы уничтожили и частично разрушили 62 домны, 213 мартевских печей, 248 прокатных станков, 4740 коксовых печей с годовой производительностью в 19 миллионов тонн кокса. Они уничтожили 29 заводов огнеупорных изделий и 18 рудных предприятий с годовой добычей свыше 20 миллионов тонн железной руды...

Немецко-фашистские захватчики разрушили и вывели из строя 12 крупнейших предприятий цветной металлургии, в том числе: Днепровские — алюминиевый, магниевый и электродный заводы, Тихвинские — глиноземный завод и бокситовые рудники...

Машиностроение. Огромный ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли машиностроительной промышленности.

Они разрушили 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, на которых было занято 919 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих...

Большой ущерб гитлеровцы причинили предприятиям, производящим тракторы, автомобили, железнодорожные вагоны, мотоциклы, велосипеды. Они полностью уничтожили 21 и частично разрушили 27 таких заводов...

Немецко-фашистские захватчики разрушили 64 станкостроительных и абразивных заводов...

Они полностью уничтожили 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения...

Заводам электротехнической промышленности, выпускавшим электрогенераторы, электромоторы, трансформаторы, электровозы и другое оборудование, немцы причинили большой ущерб. Они разрушили 41 завод...

Лесная и бумажная промышленность. Немецко-фашистские захватчики разрушили большое число лесозаготовительных предприятий с годовой производительностью в 64 миллиона кубических метров древесины, 260 лесопильных и деревообрабатывающих предприятий производительностью в 12 миллионов кубических метров пиломатериалов в год, 28 фанерных заводов с выпуском 380 тысяч кубических метров фанеры в год.

Они уничтожили также 14 спичечных фабрик с годовым выпуском около 4 миллионов ящиков спичек и 77 бумажно-целлюлозных предприятий с годовой производительностью в 300 тысяч тонн бумаги.

Текстильная и легкая промышленности оккупанты разрушили

120 фабрик хлопчатобумажных тканей, 75 трикотажно-текстильных, 69 льняных, 125 пенькоджутовых, 36 фабрик шерсти, 12 меховых, 8 искусственного волокна, 160 предприятий кожевенно-обувной промышленности, свыше 100 стекольных заводов.

В результате разрушений текстильная промышленность лишилась 3 миллионов прядильных веретен и свыше 45 тысяч ткацких станков.

Пищевая и мясо-молочная промышленность. В пищевой и мясо-молочной промышленности немецко-фашистские захватчики полностью уничтожили и разрушили 204 сахарных, 649 спирто-водочных заводов, 47 консервных, 29 масложировых заводов, 43 табачные фабрики и ферментационных заводов, 157 хлебопекарен, 4490 мясо-колбасных, сыро-молочных и маслодельных предприятий.

Промышленность строительных материалов. В промышленности строительных материалов немецко-фашистские захватчики разрушили 409 предприятий. В том числе полностью уничтожены крупнейшие цементные заводы...

Гитлеровцы разрушили 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

В период оккупации части территории Советского Союза и в особенности при своем отступлении немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб железным дорогам, водному и речному транспорту. Продолжаю цитату:

«Специальными путеразрушительными машинами они вывели из строя 26 и частично повредили 8 магистральных железных дорог, разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 500 тысяч километров автоблокировки и линий железнодорожной связи. Они взорвали 13 тысяч железнодорожных мостов..., 4100 станций, 1200 насосных станций, 1600 водонапорных башен, 3200 гидрокколонок. Они уничтожили 317 паровозных депо и 129 паровозоремонтных и вагоноремонтных заводов, а также заводов железнодорожного машиностроения.

Они разрушили, повредили и увезли 15 800 паровозов и моторов и 428 тысяч вагонов.

Враги причинили большой ущерб сооружениям, предприятиям, учреждениям и судам морского транспорта Северного Ледовитого океана, Белого, Балтийского, Черного и Каспийского морей. Они потопили и частично повредили свыше 1400 пассажирских, грузовых и специальных судов.

Сильно пострадали оснащенные передовой техникой морские порты — Севастопольский, Мариупольский, Керченский, Новороссийский, Одесский, Николаевский, Ленинградский, Мурманский, Лепая, Таллинский и другие.

Оккупанты потопили и захватили 4 280 пассажирских, грузовых и буксирных пароходов речного транспорта и техни-

ческого служебно-вспомогательного флота, 4 029 несамоходных судов; разрушили 479 портово-пристанских хозяйств, в том числе Ленинградский, Сталинградский, Киевский порты; сооружения Беломорско-Балтийского канала и канала Москва — Волга; 89 судостроительных верфей, механических заводов и предприятий.

Отступая под натиском Красной Армии, немецкие войска подорвали и разрушили 91 тысячу километров шоссе и 90 тысяч дорожных мостов общей протяженностью 930 километров».

На этом я заканчиваю, господа судьи.

Представленные Трибуналу и оглашенные документы наглядно показывают, как гитлеровские заговорщики преступно попирали на всех захваченных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Чехословакии и Греции законы и обычаи войны, основные принципы уголовного права и прямые указания статей 46 и 50 Гаагской Конвенции 1907 года.

Представленные документы также показывают, что в планах немецких захватчиков предусматривалось полное разрушение городов и деревень, из которых гитлеровцы вынуждены были отступить под ударами вооруженных сил Советского Союза.

Представленные документы, наконец, показывают, с какой звериной жестокостью и беспощадностью гитлеровцы осуществляли свои преступные планы, превращая в прах и пепел крупнейшие культурные и промышленные центры.

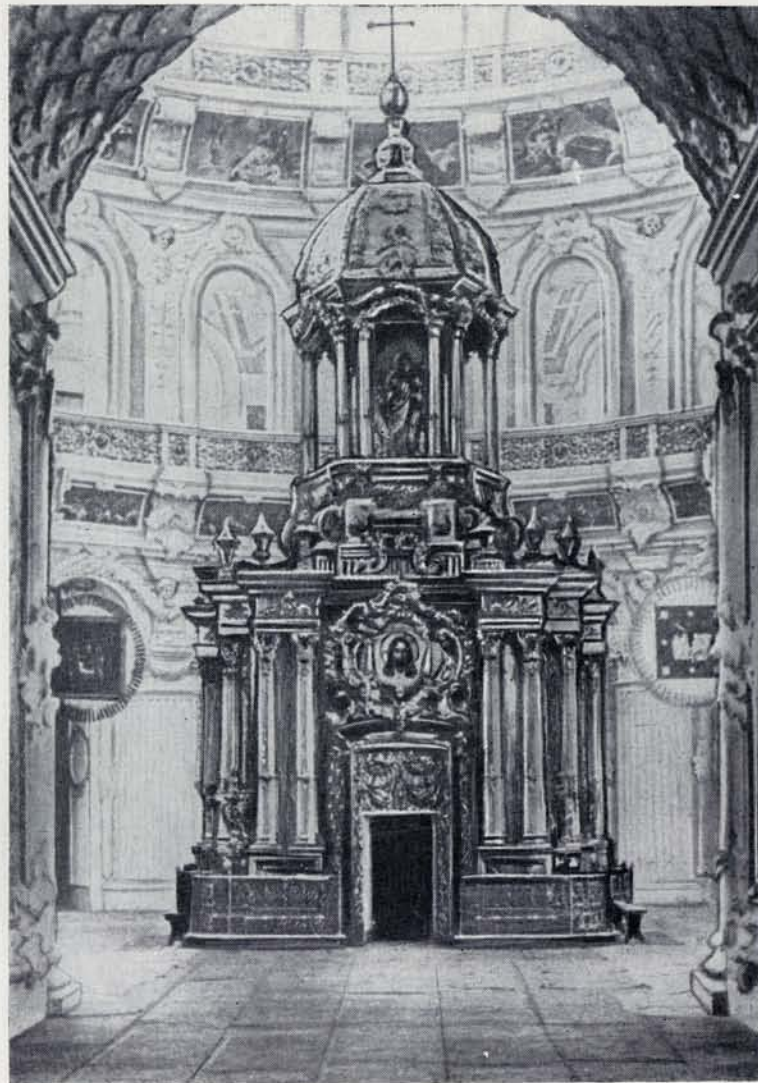
На обширном пространстве от Белого до Черного и Эгейского морей, на территориях, временно захваченных германскими войсками, гитлеровцами намеренно и планомерно превращены в руины многолюдные и цветущие русские, белорусские, украинские, польские, югославские, греческие и чехословацкие города, села и деревни.

И все это — результат преступной деятельности гитлеровского правительства и германского верховного командования, представители которых посажены на скамью подсудимых.

В заключение, господин председатель, я бы хотел представить в качестве доказательства под № СССР-401 документальный фильм о разрушениях, произведенных гитлеровцами на территории Советского Союза. Материалы, устанавливающие документальность этого фильма, я представляю Трибуналу.

(Демонстрируется фильм.)

Председатель (после окончания демонстрации фильма): Сейчас мы объявим перерыв.

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь.
Внутренний вид храма до разрушения

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь.
Взорванный гитлеровцами шатер главного храма

ИЗ СЕКРЕТНОЙ ДИРЕКТИВЫ ВЕРХОВНОГО
КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
ОТ 7 ОКТЯБРЯ 1941 г. ЗА № 44 1675/41

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ.
№ 44 1675/41
секр. канц. начальника штаба/отд. Л
(1 опер.)

Гл. квартира фюрера 7.10.41.
Дело начальника штаба.
Только через офицера.
Изготовлено в 14 экз.
Экз. № 2.

Относится к Верх. главноком. армии (опер. отд.).
№ 41 244/41 секр. канц. от 18.IX. 41.

Верховному главнокомандующему армией (операт. отдел).
Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже —
Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она
была бы предложена противником.

...Следует ожидать больших опасностей от эпидемий. По-
этому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти го-
рода. Кто покинет город против наших линий, должен быть ото-
гнан назад огнем.

Небольшие, неохраняемые проходы, делающие возможным
выход населения для эвакуации во внутренние районы России,
следует поэтому только приветствовать. И для всех других горо-
дов должно действовать правило, что перед их занятием они
должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем
и воздушными налетами, а население должно быть обращено в
бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спа-
сения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить
их население за счет германской родины.

Хаос в России станет тем больше, а наше управление и ис-
пользование оккупированных восточных областей тем легче, чем
больше население городов Советской России будет бежать во
внутренние области России.

Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех
командиров.

По поручению начальника верховного
командования вооруженными силами *Иодль*

Gehelme Kommandoabsch. 31

Oberkommando der Wehrmacht F.H.Qu., den 7.10.41
 Nr. 44 1675/41 G.K.Chef. WFSt/Abb. I (I Op.)

Stoffache!
 Nur durch Offizier!

14 Ausfertigungen
 2 Ausfertigung

Beauf. Off. (Op.Abt.) Nr. 41 244/41 G.K.
 Vom 13.9.41

Ob. d. 211.
 op 16.9.41
 Eng 7.10
 Hefen

An: Ob. d. R. (Op.Abt.)

I. K.

Der Führer hat erneut entschieden, dass eine Kapitulation von Leningrad oder später von Moskau nicht anzunehmen ist, auch wenn sie von der Gegenseite angeboten würde.

Die moralische Berechtigung zu dieser Maßnahme liegt vor aller Welt klar. Ebenso wie in Kiew durch Sprengungen mit Zeitzündern die schwerste Gefahr für die Truppen entstanden sind, muß damit in Moskau und Leningrad in noch stärkerem Maße gerechnet werden. Dass Leningrad unterminiert sei und bis zum letzten Mann verteidigt würde, hat der sowjetrussische Rundfunk selbst bekannt gegeben.

Schwere Seuchengefahren sind zu erwarten.

Kein deutscher Soldat hat daher diese Städte zu betreten. Wer die Stadt gegen unsere Linien verlassen will, ist durch Feuer zurückzuweisen. Kleinere, nicht gesperrte Löcher, die einherausströmen der Bevölkerung nach Innerrussland ermöglichen, sind daher nur zu begrüßen. Auch für alle übrigen Städte gilt, dass sie vor der Einnahme durch Artilleriefeuer und Luftangriffe zu ermürben sind und ihre Bevölkerung zur Flucht zu veranlassen ist.

Das Leben deutscher Soldaten für die Erkennung russischer Städte vor einer Feuergefahr einzusetzen oder deren Bevölkerung auf Kosten der deutschen Heimat zu opfern, ist nicht zu verantworten.

- 2 -

Секретная директива верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии от 7 октября 1941 г. о разрушении Москвы и Ленинграда
 (первая страница)

Das Chaos in Rußland wird unter großer Verwüstung und Zerstörung der benetzten Ostküste unser letzter Versuch, je mehr die Bevölkerung der sowjetrussischen Städte nach den Innern Rußlands flüchtet.

Dieser Wille des Führers muß sämtlichen Kommandeuren zur Kenntnis gebracht werden.

Der Chef des Oberkommandos der Wehrmacht

F. H.
 gen. F. v. d. I.

F. d. R.

T. A. U.

Hauptmann S. O.

11.10.41

3

Секретная директива верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии от 7 октября 1941 г. о разрушении Москвы и Ленинграда
 (вторая страница)

- 2 -

- 4
- c) Sämtliche gebauten Knüppeldämme sind unbrauchbar zu machen und zu beseitigen.
 - d) Die im Kuban-Brückenkopf befindlichen Anlagen für Ölgewinnung müssen vollständig vernichtet werden.
 - e) Der Hafen von Noworossiysk ist so zu zerstören und zu versetzen, daß seine Benutzbarkeit durch die russische Flotte auf lange Zeit unmöglich gemacht wird.
 - f) Zur Zerstörung gehört auch weitgehendste Verseuchung mit Minen, Giftminen usw.
 - g) Der Gegner muß ein auf lange Zeit voll unbrauchbares, unbewohnbares, wüstes Land, wo noch mittelstang Minensprängungen vorkommen, übernehmen.
- h.) Krimverteidigung:
- a) Alle freiliegenden Baukräfte und alles Material sind schwerpunktmäßig für den Ausbau der Krimverteidigung zu verwenden. Der Ausbau ist schwerpunktmäßig so zu steuern, daß die besonders gefährdeten Abschnitte (Halbinsel Kertsch, Feodosija, Sfidak usw.) bevorzugt ausgebaut werden. Auf größte Beschleunigung kommt es an.
 - b) Der zunächst feldmäßige Ausbau der Krimverteidigung ist baldmöglichst durch festungsmäßigen Ausbau zu ersetzen.
 - c) Die rücklichtsichte - ohne jede falsche Weichheit durchgeführte - Erfassung der Zivilbevölkerung für diese Aufgabe, ihre beschleunigter Einsatz und ihre Zusammenfassung in Bau-Btl. (auch Frauen-Bau-Btl.) ist sicherzustellen.
 - d) Im Rahmen der Krimverteidigung muß mit allen Mitteln erreicht werden, daß eine Durchfahrt russischer Schiffseinheiten durch die Enge von Kertsch in das Asowsche Meer unter allen Umständen verhindert wird. Die notwendige Sperrung und Verseuchung dieser Enge sowie ihre Beherrschung durch ausreichende Artillerie ist daher frühzeitig zu veranlassen.

H.Gr.1 meldet zum 10.9. Ihre Absichten mit Zeitplan für Räumung und Räumungserstörung und für die Krimverteidigung unter der Voraussetzung, daß 3 - 4 deutsche Div. abzugeben sind.

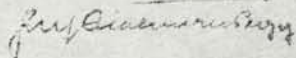
Gen. Adolf Hitler
OKK/Gen St d M/Op Abt. (room. 15/A)
Nr: 430 586/43 g. Hd-s. Chefache

4. 9. 1943

Abgegangen Uhr.

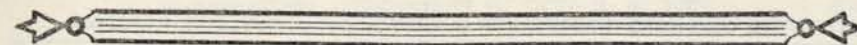
Nach Abgang:
Umseitig.

Für die Richtigkeit:

УГОН МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО И ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Секретная директива Гитлера от 4 сентября 1943 г. о разрушениях при отступлении с Кубани («Движение Кримгильды») (вторая страница)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СССР Н. Д. ЗОРЯ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«УГОН МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО
И ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 22 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Я хочу приступить к представлению документальных доказательств советского обвинения, подтверждающих применение гитлеровскими заговорщиками в огромных масштабах системы рабского принудительного труда.

Фашизм, с его планами завоевания мирового господства, с его отрицанием права, морали, жалости и человечности, предусматривал порабощение мирного населения временно захваченных территорий, угон миллионов людей в фашистскую Германию и использование в принудительном порядке их рабочей силы.

Фашизм и рабство — понятия, неотделимые друг от друга. Я начну, господа судьи, представление документов по этому разделу с доклада правительства Югославской Республики, который уже представлен Трибуналу под № СССР-36. Я прошу обратиться к странице 40 доклада, расположенной на странице 41 тома документов. Я оглашаю соответствующее место доклада, которое озаглавлено «Принудительный труд гражданского населения». Цитирую:

«Фашистская политика всесторонней эксплуатации оккупированных областей проводилась в полном объеме и в Югославии.

Имперское правительство и ОКВ тотчас же после оккупации Югославии ввели принудительную трудовую повинность для населения оккупированных областей. Использование рабочей силы в Югославии осуществлялось в рамках общего германского плана. Подсудимый Геринг как руководитель германского

четырёхлетнего плана давал своим подчиненным органам инструкции относительно систематического использования рабочей силы оккупированных областей.

В своем отчете один из руководящих чиновников хозяйственного отдела германской комендатуры в Белграде — Ран пишет, что, согласно указанию Геринга, мероприятия в области экономики и хозяйства в оккупированных странах не должны служить интересам местного населения, а использование рабочей силы оккупированных областей должно идти на пользу германского военного хозяйства.

Тотчас же по оккупации Югославии немцы основали там свои «вербовочные пункты» для вербовки рабочих на «добровольную» работу в Германию. Они также пользовались существовавшими в Югославии организациями, занимавшимися посредничеством по присканию работы, а также проводили в жизнь свои планы через эти организации.

Так, например, в Сербии они использовали центральное ведомство по присканию работы, а также биржу труда. Через посредничество этих организаций они к концу февраля 1943 года уже вывезли в Германию из одной только Сербии 47 500 рабочих. Позднее это число увеличилось, но точные данные еще не установлены. Все эти рабочие были использованы в сельском хозяйстве и промышленности Германии, главным образом, на самых тяжелых работах».

В докладе указывается, что гестапо и специальная комиссия применили давление и силу. Это зашло так далеко, что «добровольцев» ловили прямо на улицах, собирали партиями и угоняли в Германию.

Продолжаю цитировать:

«Помимо этих, так называемых «добровольных» рабочих немцы угоняли в Германию на принудительную работу заключенных из лагерей и «политически неблагонадежных». Последние находили применение, естественно, на самых тяжелых работах и попадали в отвратительные условия труда и быта. Таким путем с 1942 года в Германию было привезено большое количество невинных жертв лагеря Баньница, Саймиште и других.

Первый эшелон был отправлен 24 апреля 1942 г. Вслед за ним непрерывно уходили эшелоны вплоть до 26 сентября 1944 г.

Отправляли молодых и старых, мужчин и женщин, крестьян, рабочих и интеллигенцию, притом не только в Германию, но и в другие страны, оккупированные рейхом.

Согласно данным регистрационных журналов лагеря Баньница, которые дают далеко неполное представление о действительных фактах, из этого лагеря было вывезено за границу на принудительные работы 10 тысяч заключенных.

Германские власти в Сербии приняли ряд мер, которые способствовали наиболее полной мобилизации рабочей силы. Первым мероприятием в этой области было два закона: закон о всеобщей трудовой повинности и ограничении свободы труда от 14 декабря 1941 г. и закон о введении национальной трудовой повинности для восстановления Сербии от 5 ноября 1941 г.

Согласно первому закону все лица от 17 до 45 лет могли быть призваны на работу на определенных предприятиях и в определенных отраслях хозяйства.

Согласно второму закону эти лица могли быть использованы в гражданской службе на пользу «национального восстановления», что в действительности означало работу по усилению германского экономического и военного потенциала.

Люди, подпадавшие под действие этих законов о трудовой повинности, хотя и оставались в стране, однако работали на благо и в целях германской экономической эксплуатации. В первую очередь они использовались на рудниках (Бор, Костолац и другие), на строительстве шоссейных и железных дорог, на водном транспорте и т. д.

26 марта 1943 г. германский главнокомандующий в Сербии чрезвычайным указом ввел на оккупированной части Сербии все так называемые военно-хозяйственные мероприятия, которые осуществлялись в самой Германии. Так, Сербии была навязана всеобщая мобилизация рабочей силы.

Этим указом все население оккупированной Сербии было мобилизовано для германского военного хозяйства. И в действительности немцы в самом широком масштабе использовали сербскую рабочую силу. Так же обстояло дело в остальных оккупированных районах Югославии. Мы не хотим здесь останавливаться на многочисленных подробностях этой планомерной эксплуатации и приведем только один пример из оккупированной Словении:

Согласно официальному сообщению «Краевой крестьянской управы Каринтии» от 10 августа 1944 г. в Человече о каждом случае беременности не немецкой женщины должно было сообщаться в местное управление трудовой повинности. В таких случаях женщины были обязаны лишиться своего ребенка, — цитирую дословно, — «путем оперативного вмешательства в госпитале». В этом сообщении говорится, что роды женщины не немецкой национальности доставляют «не только трудности по использованию рабочей силы», но, сверх того, представляют «опасность народно-политического характера». Далее говорится, что управления трудовой повинности должны стремиться склонять беременных женщин не немецкой национальности к абортам.

В качестве еще одного доказательства эксплуатации рабочей силы следует привести инструкцию ландрата района

Марбург (Марибор) от 12 августа 1944 г. Она посвящена вопросу охвата всех лиц, подпадающих под закон о трудовой повинности, для службы в германской армии и для принудительных работ. Этот закон должен был распространяться на все категории населения Нижней Штирии и притом не только на местное население, но и на голландцев, датчан, шведов, люксембуржцев, норвежцев и бельгийцев, находящихся в этой области».

Я перехожу сейчас к докладу правительства Польской Республики, который представлен Трибуналу советским обвинением под № СССР-93.

Предварительно следует отметить особую роль подсудимого Франка в организации угона польского населения на принудительный труд в Германию.

Я позволю себе огласить несколько выдержек из документа, известного под названием дневника Франка, имеющегося в распоряжении Трибунала под № СССР-223.

На заседании руководителей отделов 12 апреля 1940 г. в Кракове Франк так формулировал свое отношение к полякам. (То место, которое я буду сейчас цитировать, находится на странице 62 тома документов, точнее — на обороте этой страницы.) Цитирую:

«Под нажимом империи отныне сделано распоряжение о том, что так как на работу в Германскую империю добровольно поступает недостаточное количество рабочей силы, то должны быть приняты меры принуждения.

Это принуждение означает возможность ареста поляков, как мужчин, так и женщин. К тому же возникли определенные волнения, которые, как явствует из отдельных отчетов, очень сильно распространяются и могут привести к трудностям во всех областях.

Господин фельдмаршал Геринг в свое время указал на необходимость послать миллион рабочих в империю. До сих пор доставлено только 160 тысяч.

Арест молодых поляков при выходе из церкви, кино или театра может привести ко все возрастающей нервозности среди поляков».

Далее указывается, что — цитирую дословно: «Франк сам по себе ничего не имеет против того, чтобы забирать с улиц работоспособный, «шатающийся» элемент, но лучшим путем была бы организация облав. Вполне законно задержать поляка на улице и спросить его, что он делает, где он работает и т. д.».

В беседе с подсудимым Заукелем 18 августа 1942 г. подсудимый Франк говорил (я цитирую место, находящееся на странице 67 тома документов):

«Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день мы отправили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно вы ходатайствовали о посылке 140 тысяч рабочих. Счастлив официально сообщить вам, что в соответствии с нашим вчерашним соглашением 60 процентов этих новых поляков мы дадим до конца октября, а остальные 40 процентов — до конца года».

Франк выполнил это обязательство, данное им подсудимому Заукелю.

14 декабря 1942 г. на совещании польских руководителей «трудового фронта» генерал-губернаторства Франк в своем выступлении говорил:

«Вы знаете, что мы отправили в Германию свыше 940 тысяч польских рабочих. В этом отношении генерал-губернаторство абсолютно и относительно стоит впереди всех европейских стран. Это исключительное усилие, и гаулейтер Заукель признает это. Кроме этих 940 тысяч, вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию».

После этого разрешите мне процитировать раздел доклада правительства Польской Республики, озаглавленный «Угон населения на принудительные работы». Этот документ находится на страницах 72 и 73 тома документов. Я цитирую:

«...Уже 2 октября 1939 г. был издан Франком декрет относительно введения принудительных работ для польского населения в «генерал-губернаторстве». На основании упомянутого декрета польское население было обязано работать в земледельческих предприятиях, при охране общественных зданий, постройке дорог, регулировании рек, шоссе и железнодорожных линий».

...Следующий декрет от 12 декабря 1939 г. расширил круг обязанных к работе, включая в него детей от 14 лет, а декрет от 13 мая 1942 г. разрешил лагерям применять принудительную работу и за границами генерал-губернаторства.

На основании этих декретов возникла практика, состоявшая в массовом увозе населения из Польши в Германию. Во всем генерал-губернаторстве, в городах и деревнях плакаты постоянно приглашали поляков отправляться «добровольно» работать в Германию. Однако в то же время каждому городу и деревне объявлялось, сколько рабочих следует доставить.

Результаты «добровольного» призыва приносили обыкновенно весьма сильное разочарование. В результате этого германские власти призывали людей лично или устраивали облавы на улицах, в ресторанах и в других местах и выслали схваченных таким образом людей прямо в Германию.

Устраивались особые облавы на молодых рабочих обоюбого пола. В течение целых месяцев семьи не получали никаких известий от вывезенных таким образом, и лишь по истечении известного

времени приходили открытые письма, описывающие скудные условия, в которых они были принуждены жить. Часто после многих месяцев рабочие возвращались домой в состоянии полной духовной депрессии и физического истощения.

Имеются конкретные доказательства, что во время этих принудительных работ тысячи мужчин были стерилизованы, а молодые девушки отправлялись в публичные дома...

Рабочих отправляли к немецким крестьянам обрабатывать их земли, на заводы или специальные принудительные работы в лагерях. Условия в этих лагерях были ужасны.

...По оценкам, которые до сих пор удалось сделать, в одном только 1940 году 100 тысяч женщин и мужчин было отправлено в Германию в качестве рабочих.

...К этой огромной армии рабочих рабов следует причислить также тысячи поляков, увезенных из присоединенных территорий, а также 200 тысяч польских военнопленных, которые, согласно декрету Гитлера от августа 1940 года, были «освобождены» из лагерей только для того, чтобы затем отправить их на принудительные работы в разные части Германии.

...Эти депортации продолжались в течение всех лет войны. Общее число таких рабочих дошло в одно время до 2 миллионов.

Точные цифры, очевидно, недоступны. Но, если принять во внимание, что, несмотря на весьма высокую смертность среди этих людей, ныне около 835 тысяч поляков зарегистрировано в Западной Германии, — оценка покажется правильной.

Вся глава, касающаяся депортации на принудительные работы, представлена здесь в крайне сжатой форме. Эти несколько строк скрывают историю сотен тысяч разрушенных польских семейств, трагедию, смерть и скорбь. История каждого из этих рабочих была непрерывной трагедией. Отцы, оставляющие свои семьи без средств, мужья — своих жен без возможности содержать себя и с небольшой надеждой на их возвращение. Число 2 миллиона скрывает море разбитых жизней, по крайней мере, 10 процентов всего населения Польши.

Это было огромное преступление. Депортация и принудительные работы были явным нарушением законов ведения войны.

Доклад Греческого правительства о зверствах немцев, представленный Трибуналу под № СССР-369, констатирует (я прошу обратиться к странице 74 тома документов):

«Как и на других оккупированных территориях, немцы в своей оккупационной политике в Греции руководствовались двумя определяющими факторами: максимальная эксплуатация ресурсов страны в интересах немецкой военной экономики и порабощение населения посредством методического террора и всеобщего угнетения. Немцы следовали своей двусторонней политике грабежа и мщения, тем самым нарушая всеми признанные законы».

В разделе доклада Греческого правительства, носящем название «Набор рабочей силы», имеются два абзаца, которые я собираюсь огласить:

«Одной из проблем, с которой столкнулась немецкая администрация, явилась проблема набора рабочей силы. Все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет подлежало трудовой мобилизации. Забастовки были объявлены вне закона и карались суровым наказанием. Лица, которые организовывали забастовки и руководили ими, подлежали смертной казни. Забастовщиков судили военным судом.

Вначале немцы пытались нанять греков для работ в Германии с помощью пропаганды и различных форм косвенного принуждения. Они обещали им высокую заработную плату и лучшие условия жизни. Когда такой «добровольный» набор рабочей силы не дал желаемых результатов, они отказались от него и поставили рабочих перед дилеммой — ехать в Германию работать или быть взятыми в качестве заложников».

Совершенно аналогичные меры принудительного угона рабочей силы в Германию применялись фашистами и в Чехословакии.

Но особенно большой размах угон фашистскими преступниками в рабство мирного населения получил на временно оккупированных ими территориях Советского Союза.

Я хотел бы сейчас кратко остановиться на подготовке гитлеровскими преступниками применения принудительного труда на временно оккупированных советских территориях.

Еще до начала военного нападения на Союз Советских Социалистических Республик в документе, известном Трибуналу под названием «Зеленая папка» подсудимого Геринга (документ советского обвинения № СССР-10), этой организации принудительного труда на советских территориях, которые собирались оккупировать военные преступники, была отведена целая глава, так и называвшаяся «Использование рабочей силы, привлечение местного населения».

В этой главе (это страницы 17—18 русского текста «Зеленой папки», которая имеется на странице 83 тома документов) декларируется принудительный характер труда для мирного советского населения.

В параграфах 1 и 2 пункта «а» раздела 2 главы под заголовком «Привлечение местного населения» указывается, что:

«Рабочие коммунальных предприятий, нефтедобывающих, перерабатывающих установок, хранилищ и т. д. принуждаются к продолжению их работы в нужных случаях под угрозой наказания».

Несколькими строками ниже говорится:

«В случае необходимости рабочие сводятся в рабочие колонны».

Уже в этой так называемой «Зеленой папке» было предусмотрено фактическое отсутствие оплаты принудительного труда советских граждан. Заранее предполагалось, что вопрос оплаты будет сведен к вопросу питания. Для фашистских рабовладельцев было важно, чтобы человек мог бы только работать, в остальном же они не были заинтересованы. На странице 18 русского текста «Зеленой папки», это страница 3 тома документов...

Председатель: Этот документ уже оглашался.

Зоря: По моим данным, эта часть документа не оглашалась. Это документ советского обвинения, который в целом был впервые оглашен в 1942 году в мае, в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР.

Председатель: Если Вы говорите, что он не оглашался, тогда, пожалуйста, продолжайте.

Зоря: На странице 18 русского текста «Зеленой папки» ссылку на то, что оплатой труда должно быть только питание, можно найти, по крайней мере, три раза.

Я не стану задерживать внимание Трибунала на этом документе и перейду к дальнейшему изложению.

Подсудимый Геринг, давший свое имя этой инструкции по ограблению Советского Союза, ибо иначе трудно назвать только что упоминавшийся мною документ, в дальнейшем также продолжал заниматься организацией принудительного труда на временно оккупированных территориях СССР.

Я представляю в качестве доказательства под № СССР-386 документ, освещающий эту сторону деятельности подсудимого Геринга. Этот документ, вернее два документа, представляют собой запись совещания «Об использовании русской рабочей силы», состоявшегося с участием подсудимого Геринга 7 ноября 1941 г., и сопроводительное письмо к этой записи.

Первоначально этот документ был изготовлен в 100 экземплярах и разослан в 14 адресов, перечень которых, Вы, господа судьи, сможете найти на странице 5 русского текста документа в конце препроводительного письма.

Препроводительное письмо к этой записи подписал доктор Рахнер — начальник военного управления хозяйственного штаба «Ост». Запись совещания, о котором идет речь, составлена фон Норманом, который являлся, по-видимому, сотрудником этого аппарата.

Я считаю полезным для рассматриваемого нами вопроса огласить некоторые места этой записи. Цитирую страницу 6 русского текста документа, что соответствует странице 95—96 тома документов.

«Совещание от 7 ноября 1941 г. «Об использовании русской рабочей силы».

Рейхсмаршал дал следующее указание относительно использования русской рабочей силы:

1. Наличие крупных резервов рабочей силы на родине имеет решающее значение для исхода войны. Русские рабочие показали свою трудоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому эта трудоспособность должна быть теперь использована на благо империи.

В связи с наличием этого приказа фюрера все возражения отходят на задний план.

Отрицательные стороны, которые может иметь использование этой рабочей силы, должны быть сведены к минимуму. Это является, в первую очередь, задачей разведывательных органов и полиции безопасности.

2. Русские в зоне боевых действий. Русских надо использовать преимущественно на строительстве шоссейных и железных дорог, для работы по расчистке, для разминирования и для строительства аэродромов. Значительная часть немецких строительных батальонов должна быть расформирована (пример авиации), квалифицированных немецких рабочих надо направить в военную промышленность; копать землю и дробить камни — это работа не для них, для этого есть русские.

3. Русские в областях, находящихся в ведении имперских комиссаров и в генерал-губернаторстве. Должны соблюдаться правила, приведенные в пункте 2. Кроме того, следует больше использовать русских в сельском хозяйстве. Если нет машин, надо с помощью человеческих рук выполнять те требования, которые империя предъявляет сельскому хозяйству в восточном пространстве. Далее нужно предоставить достаточное количество местной рабочей силы для максимальной эксплуатации русских угольных месторождений.

4. Русские на территории империи, включая протекторат. Количество используемой рабочей силы зависит от потребности. При учете потребности следует исходить из того, что рабочие других стран, которые мало производят и много едят, должны быть выселены из империи, а также из того, что в будущем немецкая женщина не должна так сильно использоваться в трудовом процессе. Наряду с русскими военнопленными, надо использовать также свободную рабочую силу...»

Я пропускаю одну страницу этого документа и остановлюсь на его седьмой странице. В середине текста этой страницы начинается раздел «b», озаглавленный «Свободные русские рабочие».

Мой коллега полковник Покровский уже упоминал о том, что гитлеровцы занесли в разряд военнопленных мирное население. Это, с одной стороны, давало им возможность в своих сообщениях о ходе военных действий искусственно увеличивать в пропагандистских целях количество солдат Красной Армии,

будто бы взятых в плен, а с другой стороны, служило неисчерпаемым источником рабочей силы.

Раздел, о котором я только что упоминал, так и начинается:

«Использование рабочих и обращение с ними должно быть на практике такими же, как и по отношению к русским военнопленным».

Следует тут же отметить, что запись этого совещания оканчивается следующей установкой Геринга (это место находится на странице 98 тома документов):

«Мобилизация рабочих и использование военнопленных представляют собой единое мероприятие, и они должны организационно сочетаться друг с другом».

Возвращаясь к странице 7 той же записи, я должен сказать, что там содержится следующее красноречивое высказывание Геринга по вопросу об условиях труда русских рабочих и, в частности, об их зарплате...

Председатель: Генерал Зоря, не можете ли Вы сообщить Трибуналу, сумеете ли Вы окончить представление материалов сегодня вечером?

Зоря: Мое намерение заключается в том, чтобы закончить сегодня.

Председатель: Очень хорошо.

Зоря: Я хотел бы огласить сейчас высказывания Геринга в только что представленном мною документе по вопросу об условиях труда русских рабочих и, в частности, об их зарплате. Цитирую:

«В отношении условий труда свободных русских рабочих следует иметь в виду следующее:

1. Рабочий может получать немного карманных денег.

... 3. Поскольку его рабочая сила обходится предпринимателю дешево, следует обратить внимание на соответствующее финансовое обложение работодателя».

И дальше подсудимый Геринг дает следующее указание. Цитирую страницу 8 русского текста документа, раздел «b», пункт 6:

«...6. Использование русских ни в коем случае не должно вести к нарушению принципа зарплаты в восточном пространстве. Все финансовые мероприятия в этой области должны исходить из того положения, что минимальная зарплата на Востоке, согласно категорическому указанию фюрера, является предпосылкой для покрытия военных расходов и военных долгов империи после окончания войны. Нарушения этого положения должны наказываться строжайшим образом».

Затем следуют две строки, которые представляют интерес не только с точки зрения обвинения подсудимого Геринга в применении системы принудительного труда.

Высказавшись столь категорично против «нарушений принципа зарплаты на восточном пространстве», Геринг заявил на этом же совещании:

«То же самое относится, естественно, ко всякому поощрению «социальных устремлений» на русской колониальной территории».

Сопроводительное письмо к записи этого совещания состоит из комментариев к ней, которые не вносят ничего принципиально нового к тому, что уже было доложено Трибуналу. Поэтому я не стану цитировать это письмо.

Следующим документом, который я считаю необходимым представить Трибуналу и просить принять его в качестве доказательства под № СССР-379, является приказ Геринга от 10 января 1942 г. Я процитирую только 18 первых строчек этого приказа Геринга, которые находятся на странице 100 тома документов:

«В течение ближайших месяцев использование рабочей силы приобретает еще большее значение. С одной стороны, военная обстановка обуславливает необходимость передачи армии всех мужчин молодых возрастов для выполнения стоящих перед ней задач. С другой стороны, в военную промышленность и в другие отрасли военного хозяйства, а также в сельское хозяйство должна быть направлена рабочая сила, в которой они испытывают острую необходимость. В решении этой проблемы играет большую роль использование военнопленных, в особенности из Советской России.

Мероприятия, которые будут предприняты в этой области, только при наличии единого руководства смогут увенчаться успехом, для достижения которого я использую все средства.

В связи с этим я предоставил моей группе по использованию рабочей силы, которая еще раньше ведала вопросами использования рабочей силы в рамках четырехлетнего плана, неограниченные права в области руководства всеми мероприятиями по использованию рабочей силы...»

В дальнейшем, господа судьи, преступная деятельность фашистских заговорщиков в области организации и распространения системы принудительного труда приняла столь огромные размеры, что указом Гитлера от 21 марта 1942 г. было создано специальное ведомство подсудимого Заукеля, который развернул эту деятельность весьма широко.

Но на этих справках исторического характера, о которых уже говорили наши американские, английские и французские коллеги, я дальше останавливаться не буду.

Органическая связь фашизма с системой рабского принудительного труда особенно видна в той роли, которую играли в этой области не только аппарат фашистского государства, но и сама фашистская партия.

Я хотел бы сейчас передать в распоряжение Трибунала несколько документов, которые дают представление об этом.

Я представляю Трибуналу под № СССР-365 печатное издание, носящее название: «Ведомости по четырехлетнему плану. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы». Этот документ находится на странице 101 тома документов.

На переданном мною экземпляре ведомости стоит порядковый номер 1 и указана дата — 1 мая 1942 г.

На первой странице ведомостей опубликован указ Гитлера от 21 марта 1942 г. о назначении Заукеля на должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. На второй странице напечатан приказ подсудимого Геринга от 27 марта того же года, определяющий место генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в общей системе аппарата четырехлетнего плана. И на третьей странице этих ведомостей содержится программный документ Заукеля, составленный им ко «дню рождения фюрера» в 1942 году.

Господа судьи! Перечисленные документы уже были представлены американским обвинением. Но я прошу Вас обратить внимание на страницу 17 русского перевода, там находится документ, являющийся приказом подсудимого Заукеля от 6 апреля 1942 г. за № 1. Этот приказ представляется впервые. Он озаглавлен: «О назначении гаулейтеров уполномоченными по использованию рабочей силы в областях». Начинается этот приказ следующим образом. Цитирую:

«Настоящим приказом я назначаю гаулейтеров НСДАП моими уполномоченными по использованию рабочей силы в подведомственных им областях.

В их задачи входит:

1. Обеспечение бесперебойного взаимодействия всех государственных, партийных, военных и хозяйственных инстанций для достижения максимального эффекта в области использования рабочей силы. *(Я пропускаю несколько пунктов.)*

...4. Проверка результатов использования всех иностранных рабочих и работниц.

На этот счет будут даны специальные указания.

5. Проверка исполнения распоряжений о питании и размещении всех иностранных рабочих и используемых на работе военнопленных, а также об обращении с ними...»

В своей же программе по использованию рабочей силы, представленной, как я уже указал, ко дню рождения Гитлера в 1942 году, подсудимый Заукель писал (документ ПС-016):

«...4. В связи с этим генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет располагать минимальным кругом личных сотрудников, опираясь исключительно на поддержку со-

ответствующих партийных, государственных и хозяйственных организаций...

5. С согласия фюрера и господина рейхсмаршала Германской империи, а также руководителя партийной канцелярии генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы назначил всех гаулейтеров Германской империи своими уполномоченными...

6. Уполномоченные по использованию рабочей силы используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения.

Руководители всех высших областных государственных и хозяйственных учреждений информируют и консультируют гаулейтеров по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы.

Наиболее важным является участие:

Президента провинциального трудового управления,

Уполномоченного по труду провинциального крестьянского руководителя,

Областного хозяйственного советника,

Областного руководителя немецкого «трудового фронта»,

Областной женской руководительницы,

Областного руководителя «гитлеровской молодежи»,

Руководителя внутреннего и общего управления.

7. Первейшей и важнейшей задачей гаулейтеров... как уполномоченных по использованию рабочей силы в своих областях является, таким образом, обеспечение наилучшего взаимодействия всех учреждений своей области, принимающих участие в мерах по использованию рабочей силы».

В этом же документе Заукель неоднократно обращается к гаулейтерам с просьбой об оказании ему всемерной и всесторонней помощи. Я остановлю Ваше внимание, господа судьи, только на одном из высказываний Заукеля в этом документе. Он сообщает о решении Гитлера отправить «в империю для помощи немецкой крестьянке из восточных областей около 400—500 тысяч отборных здоровых и сильных девушек», чтобы отказаться от трудовой повинности для немецких женщин и девушек.

Видимо, для того, чтобы придать больший вес аргументации этого мероприятия, Заукель писал:

«Я прошу вас верить мне, как старому фанатическому национал-социалистскому гаулейтеру, что другого решения, в конечном счете, быть не могло».

Насколько велика была роль фашистской партии в организации рабского принудительного труда и как далеко в этом направлении проникла эта партия, показывает следующий документ, который я представляю Трибуналу в качестве доказательства под № СССР-383.

Этот документ является письмом подсудимого Заукеля от 8 сентября 1942 г. и называется: «Специальные мероприятия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы по

отправке восточных работниц для оказания помощи многодетным домашним хозяйствам в городах и сельских местностях».

Я впоследствии позволю себе еще раз обратиться к этому документу. Пока же я хочу обратить внимание на то его место, которое имеет прямое отношение к роли фашистской партии в этом мероприятии. На странице 3 русского текста представленного мною документа есть раздел, озаглавленный: «Организация выбора домашних хозяйств»...

Председатель: Разве имеет значение то обстоятельство, что женщины были направлены в дома, куда их не должны были направлять, а также важно ли нам знать, имела ли право та или иная немецкая женщина на получение работницы или нет? Мне кажется, что основное — это то обстоятельство, что их насильно угоняли.

Зоря: Я как раз имел в виду сократить до минимума то место, о котором Вы только что сказали. Но я сейчас говорю о другом. Я хочу показать, какую роль фашистская партия играла в деле организации рабства внутри самой Германии и, в частности, в распределении тех женщин из Советского Союза, которые были доставлены с этой целью в Германию. Здесь содержатся два небольших документа, которые я считаю необходимым доложить Трибуналу. Обо всем же остальном, касающемся режима, о котором здесь достаточно было сказано и американским и английским обвинителями, я говорить не собирался.

Я хочу остановиться на том месте этого документа, которое говорит о том, что заявки на предоставление восточной работницы для работы в домашнем хозяйстве проверяются трудовым управлением в отношении степени нуждаемости домашнего хозяйства в домашней работнице, а затем направляются на утверждение соответствующего руководителя НСДАП (окружного руководителя).

В случае, если окружной руководитель возражает против предоставления домашнему хозяйству работницы, трудовое управление отказывает просителю в направлении ему восточной работницы или, соответственно, — в разрешении на использование таковой. Мотивировка при этом не приводится, решение является окончательным.

Дальше идет форма заявки. Это Вы найдете в приложении к документу СССР-383. В этой заявке приводятся краткие анкетные данные о семье того, кто собирается использовать в своем хозяйстве домашнюю работницу. В этой же самой заявке дается форма ответа соответствующей организации фашистской партии о том, можно или нельзя использовать восточную рабыню в этом хозяйстве.

Я прошу также Трибунал обратить внимание на другое приложение к документу СССР-383. Это приложение озаглавлено

как памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских хозяйствах. Об этой памятке упоминал уже господин Додд. Я не собираюсь о ней подробно говорить и прошу только обратить внимание на подзаголовок этой памятки рабовладельца, имеющейся на странице 130. В скобках в этом подзаголовке сообщается, что памятка издана генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы по согласованию с начальником партийной канцелярии и другими соответствующими инстанциями. Точнее сказать трудно. В Германии томились миллионы иностранных рабов. Рабовладельцем немец мог стать с разрешения и под присмотром фашистской партии. По-видимому, это тоже был один из элементов «нового порядка» в Европе.

Я считаю необходимым также сослаться на приказ подсудимого Геринга от 27 марта 1942 г. Я не представляю этого документа (СССР-365), поскольку он уже имеется в распоряжении Трибунала.

В этом приказе говорится:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы пользуется для решения своих задач предоставленным фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям, подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ним организациям...»

Этот приказ подсудимого Геринга не только устанавливает особую роль фашистской партии в проведении принудительной системы труда, но и подчеркивает также чрезвычайные полномочия подсудимого Заукеля в этой области.

Документы, на которые я ссылаюсь до сих пор, дают основания советскому обвинению утверждать, что фашистская партия в общей системе фашистского государства стояла в центре всех мероприятий по организации рабского, принудительного труда.

Я хотел бы сейчас остановиться на роли главного немецкого военного командования в организации принудительного труда и угона в рабство советских людей. В этой связи я представляю Трибуналу под № СССР-367 документ ОКХ относительно (я прибегаю к терминологии самого документа) «мобилизации русской рабочей силы для империи». Прошу обратиться к странице 138 тома документов, на которой находится этот документ.

Прежде всего я попрошу взглянуть на адрес, из которого исходит документ. В верхнем левом углу первого листа обозначено: «Главное командование сухопутных сил, главный штаб сухопутных сил, генерал-квартирмейстер, отдел военного управления, № 113210/42», гриф — «секретно». В правом верхнем углу помечено: «Ставка главного командования сухопутных сил, 10 мая 1942 г.» и снова гриф — «секретно». После заголовка документа указано:

«Основания: приказ главного командования сухопутных сил № 2877/42, секретно, от 25.IV 1942 г.; приказ главного командования сухопутных сил 3158, 1942 г., секретно, 6 мая 1942 г.».

Таким образом, документ, который я собираюсь здесь процитировать, исходит из ОКХ и базируется на ранее изданных приказах ОКХ.

В конце этого документа имеется перечень адресов, в которые он был разослан. Я не буду подробно цитировать этот перечень, так как он не оставляет сомнений в исполнителях указаний, содержащихся в представленном документе. Этими исполнителями являлись военные инстанции.

Теперь следует перейти к содержанию представленного документа. Прежде всего, что заставило ОКХ издавать подобного рода документы? Ответ на этот вопрос содержится в первом абзаце документа, который я сейчас оглашу. Читаю:

«Назначенный фюрером генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель... в связи с возросшей потребностью империи в военной технике и вооружении для удовлетворения нужд немецкой военной промышленности и всего военного хозяйства распорядился об ускорении темпов мобилизации русской рабочей силы и ее отправки в империю и о значительном увеличении количества мобилизуемых рабочих...»

Для выполнения этой задачи необходима поддержка военных и местных гражданских организаций (полевых комендатур, местных комендатур, сельскохозяйственных управлений хозяйственного штаба «Восток», районных управлений, бургомистров и т. д.).

Речь идет о мероприятии, имеющем решающее значение для исхода войны. Положение с рабочей силой в империи настоятельно требует, чтобы указанные мероприятия были осуществлены немедленно и в широком масштабе. Это должно стать важнейшей обязанностью всех организаций».

Следующие два абзаца документа объединены в один раздел под названием «Первоочередность удовлетворения потребности в рабочей силе армии и хозяйства на Востоке». Он содержит в себе следующие указания:

«Непосредственные потребности армии в рабочей силе должны удовлетворяться в первую очередь по сравнению с мобилизацией для империи в тех случаях, когда речь идет о действительно неотложных и постоянных потребностях.»

Размер потребностей войск определяют штабы армий, командующие фронтовыми районами и войсковые командиры.

При этом следует, однако, учитывая острую нехватку рабочей силы в империи, строжайшим образом проверять установленные размеры собственной потребности войсковых частей в рабочей силе».

Председатель: Не будет ли достаточным сказать, что этот документ предусматривает ускорение мобилизации рабочей силы и рабский труд для военных потребностей империи? Разве в нем говорится что-нибудь еще?

Зоря: Совершенно правильно, господин председатель. Это будет достаточно, если прибавить, что этот документ содержит не только требование об ускорении мобилизации рабочей силы, но и требование непосредственного участия в этой мобилизации военных инстанций, которые должны были выделить соответствующий аппарат.

Я перехожу к следующему документу, который я имею в виду представить Трибуналу.

Было бы неправильно думать, что ОКХ отдавало только подобного рода указания общего характера. В июле 1941 года подсудимый Кейтель узнал, что подразделения организаций Тодта в районе Львова выплачивают рабочим из местного населения зарплату по 25 рублей. Это обстоятельство возмутило Кейтеля. Немедленно Тодту было сделано соответствующее внушение. И вот появился документ, который я представляю Трибуналу под № СССР-366. В этом документе имперский министр ссылается на то, что генерал-фельдмаршал Кейтель выразил свое недовольство тем, что подразделения организаций Тодта, находящиеся в окрестностях Львова, выплачивают местным рабочим зарплату в размере 25 рублей и что эти подразделения используют фабрики.

Тодт указывает, что во время своей последней поездки он разъяснил всем сотрудникам, что на русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Он категорически запрещает выплачивать какие бы то ни было суммы. Заканчивается этот документ следующими словами:

«Платежи, которые не соответствуют этим принципам, возмещаться не будут». Подписано: «Доктор *Тодт*».

Германское правительство и военное командование давало указания о привлечении для производства опасных для жизни работ мирных советских граждан. Об этом говорил Геринг на совещании 7 ноября 1941 г. Теперь я представляю документ под № СССР-106. Это перевод директивы Гитлера, подписанной им 8 сентября 1942 г. Директива касается применения труда для строительства оборонительных сооружений на Восточном фронте. Документ этот изъят из германских архивов, захваченных союзными армиями на западе. В препроводительной к этому документу указывается, что он «является особо секретным документом, копии которого будут разосланы по штабам и дивизиям, и их, по рассмотрении, надлежит вернуть в штаб армии и уничтожить».

На второй странице документа приводится директива Гитлера. Оглашаю ее:

«Штаб, 8 сентября 1942 г. Тяжелые оборонительные сражения в районе Центральной группировки армии и на севере принуждают меня к опубликованию моих взглядов на некоторые основные существенные черты обороны».

Затем следуют параграфы 1 и 2 на страницах 1—7, которые касаются общих принципов обороны, они нас сегодня не интересуют. На странице 178 тома документов имеется следующее место, которое я оглашаю.

«Враг прибегает к сооружению позиций в гораздо большей степени, чем наши собственные войска. Я знаю, что на это скажут, что враг располагает гораздо большим количеством труда для сооружения таких позиций, чем мы. Поэтому является абсолютно необходимым, чтобы мы применяли со всей возможной энергией всех военнопленных и весь наличный местный труд для этих работ. Таким путем можно уберечь немецкого солдата от всего труда по сооружению защитных укреплений за фронтом для того, чтобы освободить его для его собственных задач и сохранить его для них со свежими силами. Часто в этом направлении не применяется достаточной беспощадности и применяемая беспощадность не того характера, которого требует борьба за существование в настоящий момент...»

И далее:

«Во всех отношениях гораздо гуманнее заставить русское население работать, применяя все средства, чем жертвовать нашим наиболее ценным сокровищем — нашей собственной кровью».

Подписана эта директива Гитлером.

Частями Красной Армии был также захвачен приказ немецких оккупационных властей, ссылающийся на указания военного командования об использовании принудительного труда в прифронтовой полосе. Я представляю этот документ под № СССР-407. Я считаю возможным огласить из него только несколько фраз. Цитирую:

«П р и к а з

На основании указаний шефа верховного военного командования о трудовой повинности и посылке на работу в прифронтовой полосе вновь занятой территории Востока от 6 ноября 1943 г. все население женского пола рождения 1924 и 1925 гг. подлежит отправке на работу в Германию».

Пункт 5 этого приказа предусматривает, что не выполнившие распоряжения о явке в установленные сроки будут привлечены к ответственности как саботажники по законам военного времени.

Я суммирую этот раздел.

Верховное командование германскими вооруженными силами и подсудимый Кейтель принимали непосредственное участие

в осуществлении системы рабского принудительного труда и для достижения этой преступной цели самым широким образом использовали весь аппарат военного управления снизу доверху.

Я прошу Вас, господа судьи, обратиться к следующему документу, который я представляю под № СССР-381.

Этот документ называется «инструкцией рабочего отдела по использованию рабочей силы на Востоке».

Я прошу Вас, господа судьи, обратить внимание на дату этой инструкции — 26 января 1942 г. В этой инструкции указывается, что «...надежды, которые рейхсмаршал возлагает на управление по использованию рабочей силы, должны во что бы то ни стало оправдаться».

Задачей хозяйственных организаций и управлений по использованию рабочей силы на Востоке является заполнение в ближайшие месяцы бреши в хозяйстве, возникшей благодаря уходу в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы.

Это является решающим для войны и поэтому должно быть достигнуто. Если число добровольцев не оправдывает ожиданий, то, согласно приказанию, во время вербовки следует применять самые строгие меры».

Американским обвинителем был представлен документ советского обвинения под № СССР-151, носящий название «Указание по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящегося в империи». Я не собираюсь вновь цитировать этот документ и считаю необходимым только указать...

(К микрофону подходит адвокат Нельте.)

Нельте: Документ СССР-407 был представлен как доказательство против Кейтеля. Я только сейчас нашел его. Если речь идет о том же документе, который помечен у меня СССР-407, то этот документ подписан местным командованием и начальником трудового управления. Скажите, пожалуйста, это тот документ, который был представлен под № СССР-407?

Председатель: Я уже сказал, — не правда ли, — что этот приказ Кейтелем не подписан. Я уже сказал это.

Нельте: Но господин обвинитель на это повторно указал, что документ 407 представляет собой приказ Кейтеля. Поэтому я и хотел сейчас выяснить этот вопрос.

Зоря: Может быть, Трибунал разрешит мне внести некоторую ясность. По-видимому, недоразумение возникло в силу затруднения с переводом. Я говорил о том, что частями Красной Армии был захвачен немецкий приказ, и добавил: приказ немецких оккупационных властей, — это можно сверить по стенограмме, — который ссылался на приказ Кейтеля об использовании принудительного труда в прифронтовой полосе. Приказ этот

начинается следующими словами: «На основании указаний шефа верховного военного командования о трудовой повинности и посылке на работу в прифронтовой полосе вновь занятой территории Востока от 6 ноября 1943 г. ...» и т. д. Я не буду цитировать дальше. Если я попрошу Трибунал вернуться к документу, который я предъявил ранее как документ главного командования сухопутных сил за № 113210 от 1942 года, то я должен сказать, что там ссылка была на соответствующие приказы верховного командования вооруженными силами о мобилизации рабочей силы на Востоке. Приказ оккупационных властей, который я представил под № СССР-407, ссылается на один из таких приказов. Тут совершенно ясно сказано, что «на основании указаний шефа верховного военного командования». В качестве такого я и представил этот приказ.

...*Председатель*: Я думаю, что не следует больше занимать время рассмотрением этого вопроса.

Зоря: Я возвращаюсь к тому документу, на котором я остановился. Это документ, который носит название «Указание по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящегося в империи». Я не буду цитировать этот документ, а укажу только, что он устанавливает для восточных рабочих специальный режим в закрытых лагерях под охраной часовых и начальника лагеря. Он запрещал восточным рабочим нормальный режим жизни вплоть до того, что им запрещалось посещение церкви, общественных мест и они обязаны были носить специальный знак — прямоугольник с бледно-голубой окантовкой, где было написано на синем фоне белым слово «Ост».

В «Памятке» домашним хозяйкам об использовании восточных рабочих в городских и сельских домашних хозяйствах было указано: «Всякий иностранец по личному поведению и политическим взглядам каждого немца судит об убеждениях нашего народа. Иностранцы должны видеть в домашней хозяйке и в членах ее семьи достойных представителей немецкого народа».

Далее указывается, что «если в исключительных случаях в одном и том же домашнем хозяйстве используются одновременно немецкие домашние работницы и восточные работницы, то немецкой домашней работнице следует поручить преимущественно обслуживание семьи, а также надзор за восточной работницей».

Немецкие работницы должны быть во всех отношениях в привилегированном положении».

На восточных рабочих не распространялись общие условия труда. Точнее, их труд ничем не регламентировался, кроме усмотрения рабовладельца. Это нашло свое выражение в § 4 того же раздела «Памятки». Цитирую:

«Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях. Не-

мецкие положения, касающиеся условий труда и правил охраны труда, относятся к ним лишь постольку, поскольку на этот счет будут даны специальные указания».

Характер этих специальных указаний может быть усмотрен в § 9 раздела «В» «Памятки», где прямо указывалось, что «права на свободное время восточные работницы не имеют. Восточные работницы не имеют права находиться за пределами домашнего хозяйства без каких-либо обязанностей, связанных с потребностью этого домашнего хозяйства. Посещение ресторанов, кино, театров и других заведений запрещается».

В § 10 этой «Памятки» указывалось:

«...Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Параграф 12 «Памятки» устанавливает, что «немец не должен жить в одной комнате с восточной работницей», а в § 14 указывалось, «что одежда, как правило, восточной работнице не предоставляется».

Эти два документа, только что упоминавшиеся мною, — инструкция об обращении с иностранными рабочими и «Памятка» об использовании восточных работниц — отражают нечеловеческие условия труда насильственно мобилизованных советских людей.

Советское обвинение располагает многочисленными документами, а также показаниями людей, испытавших на себе ужас фашистского рабства. Простой перечень этих материалов занял бы очень много времени.

Советское правительство уже в начальный период войны против фашистской Германии имело в своем распоряжении многие доказательства преступлений фашистских заговорщиков такого рода. Первым документом, который исходил от Советского правительства, являлась нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., которая была представлена Трибуналу советским обвинением под № СССР-51/2. В этой ноте отмечалось, что:

«Мирных жителей, насильно отправленных на принудительные работы, германские власти объявляют «военнопленными» и приравнивают по режиму содержания к таковым. Установлено, что в донесениях штабов германской армии попавшие в руки немцев крестьяне и другие мирные жители, угоняемые на принудительные работы, автоматически зачисляются в категорию «взятых военнопленных», чем искусственно и незаконно увеличивают число «военнопленных»...

Близ города Плавска Тульской области был организован лагерь, где совместно содержались военнопленные и гражданское население из окрестных деревень. Там советские мирные жители подвергались нечеловеческим истязаниям и мукам. Среди

заключенных имелись и подростки, и старики, и женщины. Питание составляли две картофелины в сутки. Смертность в лагере достигала 25—30 человек в сутки.

В этой же ноте указывалось, что после занятия Киева немцы сгоняли на работу все гражданское население от 11 до 60 лет, без различия профессий, пола, состояния здоровья. Больных, которые были не в состоянии держаться на ногах, за пропущенные дни работы немцы штрафовали.

В Харькове немецкие оккупанты решили поиздеваться над местной украинской интеллигенцией. 5 ноября 1941 г. было дано распоряжение всем актерам явиться для регистрации в здание театра имени Шевченко. Когда артисты собрались, они были окружены немецкими солдатами, которые запрягли их в повозку и погнали по самым людным улицам к реке за водой.

Вторым документом Советского правительства является нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Эта нота представлена Трибуналу под № СССР-51. Раздел III этой ноты озаглавлен «Установление рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и увод гражданского населения в «плен».

В этой ноте указывалось, что на Украине и в Белоруссии немцы ввели 14- и 16-часовой рабочий день, «в большинстве случаев без всякой оплаты, а в некоторых случаях с издевательски низкой оплатой...

...В секретной инструкции «Об актуальных задачах в восточных областях», захваченной частями Красной Армии в начале марта 1942 года, начальник «военно-экономической инспекции центрального фронта» генерал-лейтенант Вейганг признает, что «оказалось невозможным поддерживать промышленное производство работой полуголодных и полураздетых людей», что «обесценивание денег и товарный кризис совпадают с опасным недостатком доверия к германской власти со стороны местного населения» и что это «чревато совершенно недопустимыми в тылу сражающихся войск опасностями для спокойствия оккупированных областей», которые германский генерал в этом же документе осмеливается назвать «нашими новыми восточно-колониальными владениями».

Признавая, что полный развал промышленного производства в оккупированных областях привел к массовой безработице, германский генерал Вейганг дает следующее указание об ускорении насильственной отправки в Германию русских, украинских, белорусских и других местных рабочих:

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить неотложную проблему вырав-

нивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии».

В захваченном частями Красной Армии приказе предписывалось привлекать к различным тяжелым работам все гражданское население оккупированных областей, причем устанавливалось, что этот принудительный труд не должен оплачиваться, и нагло заявлялось о том, что бесплатной работой население искупит «свою вину за уже совершенные акты саботажа, а также за акты саботажа, которые могут быть совершены в будущем».

В Калуге 20 ноября 1941 г. за подписью германского коменданта майора Портациуса было расклеено «Объявление», которое гласило:

«1. Граждане, которые будут работать лениво или не работают назначенное количество часов, будут приговариваться к денежному штрафу. В случае неуплаты, виновные будут подвергнуты телесным наказаниям.

2. Граждане, которые были назначены на работу и не явились на нее, будут подвергнуты телесному наказанию и не получат продовольственной помощи от города.

3. Граждане, которые вообще уклоняются от работы, будут, кроме того, высылаться из Калуги. Боящиеся работы граждане будут соединены в рабочие отряды и колонны и будут помещены в казармы; им придется работать на тяжелых работах».

...Я перехожу к следующей ноте Народного комиссара иностранных дел СССР, которая была опубликована спустя год после ноты от 27 апреля 1942 г.

11 мая 1943 г. Народный комиссар иностранных дел СССР направил всем послам и посланникам всех стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения, ноту «О массовом насильственном увode в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии». Эта нота представлена Трибуналу в качестве доказательства под № СССР-51/4.

Я считаю необходимым огласить отдельные цитаты из этой ноты. На странице 165 тома документов имеется ссылка на уже цитировавшееся мною выступление Геринга на совещании 7 ноября 1941 г. Я не буду вновь повторять всего того, что говорил Геринг на этом совещании. Я сошлюсь на то, что Геринг издал кровавый приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться самым жестоким образом, под любым предлогом. Этот приказ содержится в упомянутой ноте. Он гласит следующее:

«При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных

ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военного суда».

31 марта 1942 г. Заукель протелеграфировал следующий приказ:

«Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда».

В распоряжении Советского правительства имеется полный текст доклада начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 г.».

«Вербовка рабочей силы, — говорится в этом документе, — доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки... О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

Господа судьи, я должен отметить, что подсудимый Заукель в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы активно проводил преступную деятельность, как об этом и указывается в только что представленной мною ноте Народного комиссара иностранных дел.

31 марта 1942 г. Заукель разослал по своим подчиненным институтам телеграфные указания об использовании русских и работе вербовочных комиссий. Я представляю эту телеграмму Заукеля Трибуналу в качестве доказательства под № СССР-382.

В этой телеграмме Заукель пишет:

«Ход мобилизации должен быть немедленно и при всех условиях усилен, чтобы в кратчайший срок, то есть уже в апреле, могло быть обеспечено увеличение количества отправляемой рабочей силы в три раза».

Усердие Заукеля было оценено подсудимым Герингом в то время, когда он был уполномоченным по четырехлетнему плану. Я ссылаюсь теперь на совещание, которое проводил Геринг 6 августа 1942 г. Этот документ под № СССР-170 уже был представлен советским обвинением Трибуналу. Я прошу обратиться к страницам 12—13 этого документа, странице 184 тома документов.

Геринг выступил со следующими словами:

«К этому я должен сказать. Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля, в этом он не нуждается...»

Председатель: Все это оглашалось вчера, именно эти слова приводились вчера.

Зоря: Господин председатель, мой коллега, огласивший в основном этот документ, именно это место не оглашал.

Председатель: Но я все-таки думаю, что он оглашал этот отрывок, который имеется в Вашем документе: «Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля, в этом он не нуждается...» Он, несомненно, ссылался на отрывок, который Вы сейчас пересказали нам суммарно — о Лозе.

Зоря: Я не смею спорить, но у меня были сведения, что этот отрывок не оглашался. Я могу не оглашать этот отрывок.

Председатель: Да, Вы, может быть, правы. Я не уверен.

Зоря: Тогда я оглашу его:

«Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля, в этом он не нуждается. Но то, что он сделал в короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем господам, что если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас. Это мое искреннее убеждение, а отнюдь не красивые слова».

Я возвращаюсь к ноте Народного комиссара иностранных дел Советского Союза от 11 мая 1943 г.

В этой ноте приводятся данные о количестве советских людей, угнанных в Германию. В этой ноте указано, что угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними работоторговцев. Перечисляется, что в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, в Полтаве повесили 65 железнодорожников. То же самое и в других городах — казни, расстрелы и повешения применялись в таких же размерах.

Председатель: Как я понял Вас, в начале Вашей речи Вы заявили, что намереваетесь сегодня закончить свое выступление. Однако сейчас уже пять минут шестого, есть какие-нибудь шансы на то, что Вы сегодня закончите?

Зоря: Если бы меня не прерывала защита в течение десяти минут в связи с дискуссией по поводу приказа немецких оккупационных властей, то этого времени было бы мне достаточно, чтобы закончить выступление.

Председатель: Сколько, Вы думаете, Вам еще понадобится времени?

Зоря: Максимум десять минут.

Председатель: Хорошо.

Зоря: В этой ноте указывалось, что советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывали рабовладельцам и их агентам сопротивление. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство признавался

в ряде секретных донесений германского военного командования.

В ноте приведен целый ряд показаний советских людей, вырвавшихся из немецкой неволи. Я приведу лишь одно из таких показаний — показания колхозницы Варвары Бахтиной из села Николаевка Курской области, которая рассказала:

«В Курске нас впахнули в телятник по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпуская нам подзатыльники. В Льгове нас высадили, здесь мы прошли осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3 тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Далее, в третьем разделе этой ноты, описывался режим, в котором содержались советские граждане в немецкой неволе.

В этом же разделе ноты приводятся высказывания Геринга о русских рабочих. В упоминавшихся выше указаниях Геринг говорил:

«Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

Наконец, в ноте приводились многочисленные письма самих немцев, адресованные солдатам на Восточном фронте, в которых описывались издевательства, творимые над советскими рабочими. Я приведу выдержку из одного такого письма.

У убитого немецкого солдата 221-й немецкой пехотной дивизии Вильгельма Бока найдено письмо от его матери из Хемница. В этом письме говорится:

«Много русских женщин и девушек работает на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что они буквально валяются с ног. Им часто попадает от охраны плетью. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

В письмах сообщают о массовых случаях самоубийств русских женщин и мужчин.

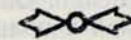
Заканчивается нота заявлением Советского правительства о том, что оно возлагает ответственность за эти зверства прежде всего на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии. Цитирую:

«Советское правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, увесом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию... Советское правительство считает, что столь же суровую ответственность... должны понести такие уже избитые преступники, как... Фриц Заукель..., а также... Альфред Розенберг...»

И, наконец, в ноте указывалось, что «Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство».

Этим кончается нота.

Разрешите и мне на этом закончить свое выступление.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОДДОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «УГОН В РАБСТВО И ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 11, 12 и 13 декабря 1945 г.]

Господа судьи! Мы думаем представить Вам документальные доказательства, свидетельствующие о деятельности заговорщиков по угону и порабощению иностранных рабочих, незаконному обращению с военнопленными, о позорных концентрационных лагерях, а также о безжалостном преследовании евреев.

Мы представим Вам документальные доказательства, дающие общее представление о программе заговорщиков... Своим орудием политической власти нацисты сделали насилие, жестокость и террор, применяемые ими ежедневно. Они в своих расовых и политических мифах, своих законах и политике базировались на концентрационных лагерях и огромном аппарате насилия. Каждый гитлеровский министр или высший чиновник знал, что с законами и декретами империи не был согласен народ и его представители. Так осуществлялся террор концентрационных лагерей и полицейского государства. Немецкие заговорщики утверждали, что война — благородное занятие и что насилие является тем средством, при помощи которого следует разрешать международные разногласия, а затем, мобилизовав всю германскую жизнь, все стороны германской экономики для войны, они втянули Германию и мир в войну. Мы говорим — это система ненависти, жестокости и отрицания прав индивидуума, которую нацисты превратили в философию правительства Германии, превратили в то, что мы называем нацистской конституцией с ее нацистскими армиями, прошедшими по всей Европе. Евреи оккупированных стран разделили судьбу евреев Германии. Иностранные рабочие стали рабами расы господ. Их депортировали и порабощали миллионами. Многие из них присоединились к жертвам концентрационных лагерей, где они, буквально говоря, непосильной работой были замучены насмерть. Все это проводилось соответственно

нацистской программе истребления путем использования на непосильной работе. Вся эта нацистская комбинация камер пыток, мучений, террора предельно чужда человеческому уму XX века. Ясно, что программа концентрационных лагерей, антиеврейская программа, программа рабского труда — все это представляет собой части одного общего плана. Это станет еще яснее, когда мы будем представлять доказательства, касающиеся этих программ, и проверять их законность путем применения соответствующих принципов международного права. Сейчас я останусь на программе рабского труда. Эти доказательства, касающиеся нацистской программы рабского труда, сосредоточены в книге документов «Р». Имеется также приложение к этой книге документов, состоящее из определенных фотографий, собранных в небольшой брошюрке. Мы систематизировали некоторые книги документов, нанеся на них соответствующие указатели, что, в свою очередь, облегчит ознакомление Трибунала с ними. К сожалению, у нас нет достаточного числа таких указателей, и поэтому мы не смогли закончить эту работу полностью. Возможно, в дальнейшем будут более детально освещены некоторые разделы из этих документальных доказательств, которые мы предьявим позднее, а сейчас я в общих чертах опишу различные элементы нацистской политики рабского труда.

Это была политика массовой депортации и массового порабощения, как я уже говорил об этом. Она проводилась путем применения насилия, путем использования террора, обмана, поджога и другими различными методами, которые запрещены правилами ведения войны, правилами человечности или же правилами милосердия. Это была политика, при которой иностранные рабочие умирали от голода и непосильного труда. Это была политика, которая подвергала их всевозможному унижению, жестокости и бесчеловечности. Это была политика, которая заставляла иностранных рабочих и военнопленных производить оружие, а также работать на другие нужды войны, направленной против их собственных стран. Это была, говоря коротко, политика, которая, как мы установим, представляла собою непрерывную цепь нарушений правил ведения войны и правил человечности.

Далее мы покажем, что подсудимый Заукель и Шпеер были, главным образом, ответственные за проведение политики рабского труда, а также что подсудимый Заукель, главный уполномоченный нацистов по вербовке рабочей силы, организовывал вербовку, перевозку, а также распределение иностранной рабочей силы. Он давал санкции, а также использовал насилие как орудие вербовки. Кроме того, на нем лежала вся ответственность за обращение с этими миллионами порабощенных.

Подсудимый Шпеер как бывший имперский министр вооружения и боеприпасов, который в то же время был директором

организации Тодта и членом центрального комитета по планированию, несет ответственность за истребление бесчисленного количества иностранных рабочих, которые были необходимы для германской военной машины. Он ответствен за решение вербовать их силой, а также за использование в бесчеловечно жестоких и невыносимых условиях иностранных рабочих — гражданских лиц и военнопленных на предприятиях вооружения и боеприпасов, на строительстве укреплений, а также для участия в военных операциях.

Мы также покажем, что подсудимый Геринг в качестве главного уполномоченного четырехлетнего плана несет ответственность за все эти преступления, которые входили в нацистскую программу организации рабского труда.

Мы также докажем, что подсудимый Розенберг в качестве имперского министра оккупированных территорий на Востоке, подсудимый Франк — генерал-губернатор Польши, подсудимый Зейсс-Инкварт — рейхсминистр оккупированных Нидерландов и подсудимый Кейтель — как начальник штаба верховного командования — также несут ответственность за насильственную вербовку, за депортацию в Германию иностранного населения, которое было захвачено или порабощено вооруженными силами Германии. Использование иностранных рабочих было запланировано Германией еще до вступления в войну и являлось составной частью заговора о ведении агрессивной войны.

23 мая 1939 г. в кабинете Гитлера в имперской канцелярии состоялось совещание. На нем присутствовали подсудимые Геринг, Редер и Кейтель (документ Л-79, США-27).

«Если судьба вовлечет нас в вооруженный конфликт с Западом, то обладание обширными территориями на Востоке будет представлять для нас преимущество, тем более, что мы можем рассчитывать на богатые урожаи во время войны значительно меньше, чем в мирное время. Население негерманских территорий не будет выполнять никакой воинской повинности, но будет использоваться в качестве источника труда».

В своей программе рабского труда нацистские заговорщики преследовали две цели, причем обе являются преступными. Первая состояла в том, чтобы удовлетворить потребности в рабочей силе нацистской машины, насильственно заставив миллионы иностранных рабочих в действительности вести войну против своих собственных стран и их союзников. Второй целью было уничтожить и ослабить народы, которые для нацистских ученых, занимавшихся вопросами расовых теорий, казались низшими расами, противодействующими и враждебными нацистской политике в ее стремлении добиться мирового господства.

Эти обе цели публично высказывались нацистскими заговорщиками (документ ПС-016, США-168).

Этот документ был направлен подсудимым Заукелем подсудимому Розенбергу 20 апреля 1942 г., и он излагает программу использования рабочей силы, составленную Заукелем.

«Целью этой новой гигантской рабочей мобилизации является использование всех богатств и неограниченных источников, захваченных для нас нашими вооруженными силами под руководством Адольфа Гитлера для укрепления нашей армии, а также для нужд нашей страны. Все сырьевые материалы, плодородные оккупированных территорий, а также их рабочая сила должны быть полностью использованы в интересах Германии и ее союзников».

Теория расы господ лежала в основе политики заговорщиков на Востоке.

Документ ПС-1130 (США-169). Этот документ представляет собой заявление, которое было сделано Эрихом Кохом, рейхс-комиссаром Украины, 5 марта 1943 г. на совещании национал-социалистской партии в Киеве:

«...Мы являемся расой господ, и мы должны управлять жестоко, но справедливо. Я извлеку все возможное из этой страны. Я не пришел сюда, чтобы заниматься болтовней. Я пришел сюда, чтобы помочь фюреру, и население должно работать, работать и еще раз работать. Так как некоторые люди обеспокоены тем, что население может не иметь достаточного количества продовольствия, то знайте, что население нас не должно интересовать... Мы пришли сюда не для того, чтобы оказывать помощь. Мы пришли сюда, чтобы создать основу для победы. Мы раса господ и должны помнить, что даже самый плохой германский рабочий в биологическом отношении и с расовой точки зрения в тысячу раз лучше, чем данное местное население...»

Документ ПС-1919 (США-170). Речь Гимmlера, рейхсфюрера СС, с которой он обратился к группе генералов СС 4 декабря 1943 г. в Познани:

«Что сейчас происходит с русскими, чехами — меня совершенно не интересует. Мы возьмем то, что нам могут предложить нации, которые принадлежат к нациям хорошего типа и обладают хорошей кровью. Мы будем, если это необходимо, даже красть их детей и воспитывать их так, как мы хотим сами. Вопрос о том, живут ли нации в довольстве или живут в голоде, интересует нас постольку, поскольку нам необходим рабский труд для нашей культуры, в ином отношении он не представлял бы для меня никакого интереса. Умрут ли десять тысяч русских баб от изнурения во время рытья противотанковых рвов, меня не интересует. Для меня важно только одно — когда этот ров будет закончен для Германии».

Документ ПС-031 (США-171). Этот документ представляет собой совершенно секретный меморандум, подготовленный для

министерства оккупированных восточных территорий 12 июня 1944 г. и одобренный подсудимым Розенбергом:

«...Армейская группа «Центр» хотела захватить 40—50 тысяч юношей в возрасте от 10 до 14 лет, которые находятся на захваченной территории, и привезти их в империю...

Имеются намерения использовать этих юношей в первую очередь на германских ремесленных работах в качестве учеников, которые после двух лет обучения будут превращены в квалифицированных рабочих. Это должно быть организовано через посредство как технических, так и других учреждений, а именно организацию Тодта. Это мероприятие приветствуется германскими ремесленниками, так как оно представляет собой решающее мероприятие, которое урегулировало бы вопрос недостатка рабочей силы...

Это мероприятие ставит своей целью не только предотвратить усиление вражеской военной мощи, но и сократить его биологические потенциалы с точки зрения перспектив на будущее; за эти идеи высказались не только имперский руководитель СС, но также и сам фюрер. Соответствующие приказы давались в период отступления в прошлом году в южном секторе...»

На странице 3 этого документа имеется пометка, содержащая одобрение подсудимого Розенберга. В оригинале эта пометка сделана чернилами:

«В отношении вышеизложенного, обергруппенфюрер Бергер получил меморандум 14 июня и соответственно имперский министр одобрил это мероприятие».

Цели программы использования рабского труда, о которых я только что говорил, а именно — усиление фашистской военной машины, уничтожение и ослабление народов, которых нацистские заговорщики считают низшими, были достигнуты путем насилия и угона миллионов лиц в Германию для принудительного труда. Это повлекло отделение мужей от жен, детей от родителей и создало невыносимые условия для существования, что привело к колоссальной смертности. Польша явилась первой жертвой. Так, подсудимый Франк, бывший в то время руководителем генерал-губернаторства Польши, заявил тогда, что миллионы польских рабочих должны быть посланы в Германию, причем он рекомендовал окружать польские деревни и насильственно угонять население.

Я представляю в виде доказательства документ ПС-1375 под № США-172. Этот документ представляет собой письмо подсудимого Франка подсудимому Герингу от 25 января 1940 г.

Я сейчас хотел бы зачитать выдержки, начиная с третьего абзаца:

«Имея в виду нынешние запросы империи в области военной промышленности, совершенно невозможно проводить экономиче-

скую политику в генерал-губернаторстве, рассчитанную на длительное время. Необходимо проводить экономическую политику в генерал-губернаторстве таким образом, чтобы она в течение кратчайшего времени принесла результаты, которые дали бы максимум того, что может быть извлечено из экономических ресурсов генерал-губернаторства для немедленного усиления нашей собственной обороноспособности. В частности, следующие изменения ожидаются во всей экономике генерал-губернаторства».

Я сейчас перехожу к параграфу «d»; это будет страница 3:

«Обеспечение и перевозка по меньшей мере миллиона мужчин и женщин в качестве сельскохозяйственных и промышленных рабочих в империю (при этом из 750 тысяч сельскохозяйственных рабочих приблизительно 50 процентов должно быть женщин) для того, чтобы обеспечить сельское хозяйство рабочей силой, а также заменить промышленных рабочих, которых недостает в империи».

Методы, при помощи которых эти рабочие должны были доставляться, также предусматривались подсудимым Франком. Об этом говорится в другом документе, который представляется в качестве доказательства. Это выписка из дневника подсудимого Франка под № ПС-2233, которая идет под № США-173. Я сейчас зачитаю запись, относящуюся к периоду 10 мая 1940 г. Эта запись находится на странице 3 в середине. Здесь говорится:

«...Затем генерал-губернатор коснулся проблемы обязательной трудовой повинности для поляков. На основании требований, которые поступают из империи, сейчас принято решение и оформлено декретом, что принуждение может применяться ввиду того факта, что необходимое количество рабочей силы, набранное добровольно, не является достаточным для Германской империи. Это принуждение означает возможность арестов как мужчин, так и женщин польской национальности. Ввиду этих мероприятий было вызвано определенное беспокойство, которое, согласно отдельным отчетам, распространялось очень широко и которое могло создать трудности...»

Генерал-фельдмаршал Геринг за некоторое время до этого в своей пространной речи указал на необходимость доставки около одного миллиона рабочих в империю. До настоящего времени доставлено 160 тысяч человек. Однако нужно преодолеть большие трудности. Есть основание провести совещание между руководителями городов и районов для осуществления данной задачи с целью определить успех задуманного мероприятия. Аресты юных поляков, когда они ходят в церковь или кино, вызывают возрастающую нервозность последних. Вообще говоря, он не имел никаких возражений против того, чтобы все те, кто способен работать, захватывались и арестовывались на улице. Лучшим методом для этого будет организация рейдов для того, чтобы

задерживать поляков на улице и спрашивать каждого, что он делает, где работает, где собирается работать и т. д.»

Я сейчас хотел бы обратить внимание Трибунала на другую запись в дневнике подсудимого Франка от 16 марта 1940 г. Это находится в книге документов ПС-2233 (США-174).

«...Генерал-губернатор указывает, что он имел продолжительную беседу в Берлине с представителем имперского министерства финансов, а также имперского министерства продовольствия. Одно лицо настоятельно требовало отправки в империю большого количества польских рабочих. Он сделал заявление в Берлине о том, что если от него потребуют, то он, естественно, может прибегнуть к силе с тем, чтобы окружить при помощи полиции деревню, забрать всех мужчин и женщин силой, а затем послать их в Германию. Однако можно проводить такую работу иным путем, путем использования для этого безработных».

Использование насилия и террора, которые применялись для того, чтобы проводить в жизнь эту программу, проникло во многие области жизни в Польше. Германские власти, которые занимались вопросом поставки рабочей силы, совершали рейды в церкви и театры, они захватывали многих присутствовавших и увозили затем в Германию. Упоминание об этом имеется в меморандуме, адресованном Гиммлеру. Это документ ПС-2222, который мною представлен под № США-175. Этот меморандум датирован 17 апреля 1943 г. Он был написан доктором Ламмерсом, начальником имперской канцелярии, и в нем характеризуется ситуация, существовавшая в генерал-губернаторстве Польши. Я хочу обратить особое внимание на последние два абзаца этого параграфа. В немецком подлиннике это параграф 1, страница 10. Я цитирую:

«Создалось такое положение вещей, когда надо было применить те или иные насильственные методы для использования рабочей силы. Применялись, например, такие методы, когда специальные группы, назначенные учреждением по использованию рабочей силы, схватывали тех лиц, которые шли в кино или церковь, а затем отправляли их в империю. Такие методы не только уменьшали желание народа работать и не только уменьшали доверие народа, но это стало принимать такой характер, что нельзя было проводить эти мероприятия даже путем террора. Это усиливало, несомненно, политическое движение Сопrotивления».

Известно, что польские фермы были конфискованы при помощи СС. Они были распределены между немцами или находились в ведении германских общин, а владельцы этих ферм использовались в качестве батраков или насильно отправлялись в Германию. Я представляю в виде доказательства документ ПС-1352 под № США-176. Документ является докладом СС, оза-

главленным: «Проведение мероприятий по конфискации польских сельскохозяйственных предприятий с целью перевести поляков в старую империю и использовать их там на сельскохозяйственных работах».

Я сейчас цитирую английский текст документа, начиная с параграфа 5, страница 1. В немецком тексте он находится на странице 9, параграф 1. Здесь говорится: «Возможно без всяких трудностей провести в жизнь конфискацию небольших сельскохозяйственных предприятий в деревнях, в которых более крупные предприятия уже были конфискованы и находятся под контролем восточногерманской корпорации сельскохозяйственного развития». Затем пропускаю три предложения и снова цитирую: «Прежние собственники польских ферм вместе с их семьями будут отправлены в империю специальными агентами для использования их в качестве сельскохозяйственных рабочих. Этим путем сотни польских сельскохозяйственных рабочих могут быть перемещены самым простым образом для использования их в интересах сельского хозяйства в империи. Таким образом, серьезный недостаток рабочей силы, который испытывается в империи, может быть устранен».

Согласно указаниям, полученным от подсудимого Заукеля, его агентство и СС перевозили поляков в Германию без семей. Таким образом, выполнялась основная цель перевозки рабочей силы для германской военной машины и ослабления потенциала польского народа.

Теперь я представляю в виде доказательства документ Л-61 под № США-177. Этот документ представляет собой письмо подсудимого Заукеля, адресованное председателю местного управления по набору рабочей силы. Письмо датировано 26 ноября 1942 г. Я читаю первый абзац:

«По согласованию с начальником государственной тайной полиции и СД, евреи, которые еще используются на работе, начиная с настоящего времени, должны вывозиться с территории Германии. Их следует заменить поляками, которые депортируются из генерал-губернаторства Польши».

Я перехожу к третьему абзацу этого письма:

«Поляки, которые должны быть эвакуированы в результате этого мероприятия, будут помещаться в концентрационные лагеря в качестве преступников и социально неблагонадежных элементов. Остальные поляки, которые могут быть использованы в качестве рабочей силы, будут транспортироваться без их семей в империю, в особенности в Берлин. Затем они будут переданы в распоряжение различных учреждений, которые занимаются распределением рабочей силы, для использования их в военной промышленности вместо евреев, которые должны быть заменены».

Документ ПС-1526 под № США-178. Это письмо, написанное председателем главного украинского комитета в Кракове в феврале 1943 года. Я хочу прочитать выдержку с третьей страницы английского текста, начиная со второго абзаца. В немецком тексте это — вторая страница, пятый абзац. Я цитирую:

«Общая нервность еще более усиливается неправильными методами изыскания рабочей силы, которые применялись и все чаще применяются в течение последних месяцев. Жестокая и безжалостная охота за людьми, которая ведется везде: в селах, в городах, на улицах, площадях, железнодорожных станциях и даже в церквях, по ночам в жилых домах — очень сильно поколебала чувство безопасности у населения. Всякий подвергается опасности быть схваченным в любом месте и в любое время полицейскими внезапно и неожиданно и быть привезенным на сборный пункт.

Никто из его родных не знает, что с ним случилось, и только через много месяцев тот или иной из схваченных имеет возможность сообщить о себе почтовой открыткой».

Я обращаюсь к тому же документу — к приложению № 5 на странице 8. Цитирую, начиная со слов: «в ноябре прошлого года».

«В ноябре прошлого года в районе Залешоцики был произведен осмотр всех мужчин в возрасте с 1910 до 1920 года рождения. После того, как человек являлся для осмотра, все те, которые признавались годными, немедленно арестовывались, погружались в поезда и отправлялись в империю.

Такой метод набора рабочей силы для империи имел место также и в других районах этой области. После известного вмешательства это было приостановлено».

Спротивление польского народа проведению этой программы порабощения и необходимость в увеличении количества рабочей силы были описаны заместителем подсудимого Заукеля — неким Тимом на заседании центрального комитета по планированию. Это была одна из гитлеровских организаций, созданных во время войны для планирования. Комитет состоял из подсудимого Шпеера, фельдмаршала Мильха и статс-секретаря Кернера. Центральный комитет по планированию был самой ответственной планово-экономической организацией, которая осуществляла контроль над продукцией, над изысканием сырьевых материалов и над изысканием рабочей силы для руководителей предприятий.

Я сейчас представлю в качестве доказательства документ Р-124 под № США-179. Этот документ содержит выдержки из протоколов совещания этого центрального комитета по планированию, а также из протоколов совещаний между подсудимым Шпеером и Гитлером. Только те выдержки, которые мы считаем совершенно достоверными, представляются в качестве доказательств. Однако подробные протоколы этого совещания, если

Трибунал пожелает, могут быть полностью представлены и переданы в распоряжение Трибунала.

Заместитель Заукеля — Тим сделал заявление на 36-м совещании этого комитета:

«Положение, в особенности в Польше, в данный момент необыкновенно серьезно. Хорошо известно, что все время происходят жестокие стычки, вызванные этими действиями. Спротивление против установленной нами (германскими властями) администрации очень сильно. Большое количество наших людей все время подвергается все увеличивающимся опасностям, и как раз за последние 2—3 недели некоторые из них были убиты выстрелами и, в частности, глава варшавского отделения трудового управления...

Глава трудового управления в Варшаве был убит в своей канцелярии, а вчера был убит еще один человек. Такого положения вещей. И сама вербовка рабочей силы остается, если она даже проводится очень добросовестно, весьма трудным делом, если только не имеется под рукой полицейских отрядов».

Вывоз и порабощение гражданского населения достигли небывалого уровня на так называемых оккупированных восточных территориях. Такой массовый угон рабочих явился прямым результатом требований подсудимого Заукеля к подсудимому Розенбергу, бывшему тогда министром по делам оккупированных восточных территорий, и к его подчиненным, а также результатом требований к армии, которые предъявил ей подсудимый Заукель.

5 октября 1942 г., например, подсудимый Заукель написал подсудимому Розенбергу и указал, что ему необходимы еще два миллиона иностранных рабочих и что большинство из них должно быть вывезено с недавно оккупированной восточной территории, в первую очередь с Украины.

Я хочу теперь сослаться на документ ПС-017, который представляю под № США-180. Это письмо подсудимого Заукеля подсудимому Розенбергу. Я хочу процитировать его полностью. Оно начинается с сообщения о том, что фюрер разработал новый и весьма срочный план вооружения, который требует быстрой мобилизации еще двух миллионов иностранных рабочих.

«Фюрер поэтому предоставил мне для проведения своего декрета от 21 марта 1942 г. новые полномочия для выполнения моих новых обязанностей. Он также специально уполномочил меня принимать любые меры, которые я найду необходимыми, в империи, в протекторате и генерал-губернаторстве, а также принять меры для того, чтобы любой ценой обеспечить плановую мобилизацию рабочей силы для германской военной промышленности. Добавочные рабочие должны быть выбраны, главным образом, на только что оккупированной восточной

территории, в особенности в рейхскомиссариате Украины. Поэтому рейхскомиссариат Украины должен предоставить нам 225 тысяч рабочих рук к 31 марта 1942 г. И еще 225 тысяч рабочих рук к 1 мая 1942 г. Прошу вас информировать рейхскомиссара гаулейтера Коха относительно новой ситуации и новых требований и в особенности обратите внимание на то, чтобы он лично поддержал всеми возможными способами удовлетворение этих новых требований. Я собираюсь посетить Коха в самое ближайшее время, и я был бы вам очень благодарен, если бы вы сумели информировать меня относительно того, где и когда я могу встретиться его для личных переговоров. Теперь, однако, я прошу, чтобы меры были приняты немедленно при содействии всех инстанций, в том числе трудового управления, и чтобы было сделано все необходимое для проведения любыми средствами этого мероприятия. Все директивы, которые преждевременно ограничивали вербовку восточных рабочих, теперь аннулируются. Прежде всего сейчас надо обеспечить империю, а потом уже все другие потребности. Я имею в виду трудности, которые встретятся в связи с этими новыми требованиями, но я убежден — безжалостное проведение этого в жизнь и полное сотрудничество со всеми заинтересованными организациями приведут к тому, что выполнение новых требований сможет быть закончено к назначенному сроку. Я уже сообщил новые требования рейхскомиссару Украины по почте. Согласно сегодняшнему телефонному разговору, я пошлю вам декрет фюрера в начале следующей недели».

Я хочу напомнить Трибуналу, что мы уже упоминали на вечернем заседании имя этого рейхскомиссара — нацистского гаулейтера Коха. Мы здесь цитировали его высказывания: «Немцы — раса господ. Мы должны быть тверды» и т. д.

17 марта 1943 г. подсудимый Заукель снова написал Розенбергу. На этот раз он требовал вывоза еще одного миллиона мужчин и женщин с восточных территорий в последующие четыре месяца. Я хочу обратить Ваше внимание на документ ПС-019 (США-181). Я цитирую это письмо полностью:

«После продолжительной болезни мой заместитель по снабжению рабочей силой на оккупированных восточных территориях государственный советник Пекерт будет теперь заниматься урегулированием вопросов снабжения рабочей силой как для самой Германии, так и для этих территорий. Поэтому я прошу вас, дорогой товарищ по партии Розенберг, оказать ему максимальную поддержку, поскольку его миссия имеет чрезвычайно важное значение. Я хочу уже теперь поблагодарить вас за оказанный ему прием. Он получил от меня абсолютные и неограниченные полномочия в отношении сотрудничества со всеми организациями на восточных территориях. Германское сельское хозяйство, а также выполнение важнейшей программы вооружения, по при-

казу фюрера, требуют срочного вывоза рабочей силы. Нам нужен примерно миллион рабочих — мужчин и женщин, и они нужны нам в ближайшие четыре месяца. Начиная с 15 марта каждый день надо вывозить 5 тысяч мужчин и женщин; начиная с апреля это число должно быть увеличено до 10 тысяч. Это самое срочное программное требование. Весенняя вспашка и другие работы не должны терпеть ущерба из-за недостатка продуктов питания и необходимости выполнения программы вооружения. Я предусмотрел контрольные цифры для отдельных территорий, и в соответствии с тем, что сообщили эксперты, эти цифры таковы: начиная с 15 марта 1943 г. из генерального комиссариата Белоруссии — 500 рабочих, из центральной экономической инспекции — 500 рабочих, из рейхскомиссариата Украины — 3 тысячи, из южной экономической инспекции — тысяча, всего 5 тысяч. Начиная с 1 апреля 1943 г. ежедневные контрольные цифры должны быть удвоены. Я надеюсь лично посетить восточные территории в этом месяце и снова просить вас лично о вашем любезном сотрудничестве».

Подсудимый Заукель, действительно, поехал на Восток. Он посетил Каунас в Литве для того, чтобы сообщить там о своих требованиях. Теперь я представляю документ ПС-204 под № США-182. Этот документ представляет собой резюме ответа германского комиссара в Каунасе и протокола заседания, на котором присутствовал Заукель. Я цитирую:

«В лекции, прочитанной уполномоченным по вопросам рабочей силы гаулейтером Заукелем 18 июля 1943 г. в Каунасе, и на официальном совещании, которое затем последовало между Заукелем и генеральным комиссаром, был выдвинут вопрос о необходимости срочного вывоза рабочей силы в империю. Заукель снова потребовал, чтобы литовская рабочая сила была предоставлена в большем количестве для нужд рейха».

Председатель: Кто был этот генеральный комиссар? Розенберг?

Додд: Его имя неизвестно. Это, очевидно, местный партийный чиновник. Во всяком случае, это не Розенберг.

Подсудимый Заукель посетил также Ригу для того, чтобы проследить за выполнением своих требований. Цель этого визита описана в документе ПС-2280 под № США-183. Это письмо рейхскомиссара по делам восточных территорий генеральному комиссару в Риге; оно датировано 3 мая 1943 г. Я прочитаю первую страницу английского текста, начиная с первого абзаца:

«Имея в виду основные требования главного уполномоченного по вопросам рабочей силы гаулейтера Заукеля, выдвинутое им при посещении Риги 21 апреля 1943 г., было решено, в связи с критическим положением, отвергнуть все прочие соображения и немедленно отправить 183 тысячи рабочих с восточных

территорий для нужд империи. Эта задача должна быть выполнена в течение ближайших четырех месяцев — до конца августа...»

Теперь я обращаюсь к документу ПС-3010 под № США-184. Это совершенно секретный приказ по южно-армейской группе, датированный 17 августа 1943 г. Я читаю первую страницу английского текста, первые два абзаца которой гласят: «Генеральный уполномоченный по вопросам рабочей силы распоряжением Аз. VI А 578 028 (приложение 4-е) приказал произвести набор всех лиц двух обозначенных возрастов на вновь оккупированной восточной территории. Копия этого распоряжения прилагается. Рейхсминистр по делам вооружения одобрил этот приказ. Согласно этому приказу главного уполномоченного по набору рабочей силы, мы обязаны набрать и перевезти в Германию немедленно всех рабочих, имеющих на вашей территории, рождения 1926—1927 гг.

Приказ и последующие инструкции от 6 февраля 1943 г. о трудовой повинности и найме рабочей силы на театре военных действий и на только что оккупированных восточных территориях являются основанием для проведения этой меры. Срок выполнения — не позже 30 сентября 1943 г.»

Совершенно ясно, что требования подсудимого Заукеля вызвали вывоз гражданского населения с оккупированных территорий. Подсудимый Шпеер протоколировал совещания с Гитлером 10, 11 и 12 августа 1942 г. Эти протоколы содержатся в документе Р-124, уже представлявшемся Суду под № США-179.

Я хочу теперь процитировать страницу 34 этого документа: «Гаулейтер Заукель обещал предоставить русскую рабочую силу для выполнения программы добычи железа и угля. Он сообщил, что, если потребуется, он может предоставить еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до октября 1942 года. Он уже предоставил около миллиона рабочих для промышленности и 700 тысяч для сельского хозяйства. В связи с этим фюрер заявил, что проблема рабочей силы должна быть разрешена во всех случаях и любыми методами. Он поручил гаулейтеру Заукелю принять все необходимые меры для набора рабочей силы. Он согласен на любые меры принуждения на Востоке так же, как и на Западе, если этот вопрос не может быть разрешен на принципах добровольности».

Для того, чтобы выполнить эти требования о вывозе 1700 тысяч рабочих в одном месте и 100 тысяч — в другом, нацистские заговорщики сделали террор, насилие и поджоги, как мы говорили вчера, главными инструментами своей политики порабощения.

Через 20 дней после того, как Заукель выдвинул свои требования от 5 октября 1942 г., высокопоставленный чиновник ми-

нистерства Розенберга описал все необходимые меры, которые вызвало проведение в жизнь этих требований.

Я теперь привожу документ ПС-294, который представляется под № США-185. Этот документ — совершенно секретный меморандум, датированный 25 октября 1942 г. и подписанный неким Бройтигамом:

«При условии, что военнопленные умирали от голода, как мухи, мы встретились с невероятно сложной задачей — набрать миллион рабочих с оккупированных восточных территорий для того, чтобы заполнить пробелы в рабочей силе, образовавшиеся в Германии...»

Фактически была санкционирована охота за людьми. Безгранично издеваясь над славянством, нацисты применяли методы «набора» рабочей силы, которые берут свое начало в самых черных периодах работорговли. Людей отправляли в Германию, независимо от состояния здоровья и возраста. Более чем 100 тысяч из них должны были быть, как вскоре выяснилось, сейчас же отправлены обратно вследствие серьезных заболеваний и физической невозможности работать.

Подсудимый Розенберг сам писал об этих жестокостях человеку, который подстрекал его к ним, — подсудимому Заукелю. Перехожу к документу ПС-018, США-186.

Председатель: Скажите, пожалуйста, откуда этот секретный документ, который Вы цитировали раньше?

Додд: Из архива подсудимого Розенберга. Следующий документ (ПС-018) — письмо подсудимого Розенберга подсудимому Заукелю от 21 декабря 1942 г. с приложением. Я хочу процитировать первую страницу английского текста, начиная с середины второго абзаца:

«Отчет, который я только что получил, показывает, что рост партизанской деятельности в оккупированных восточных районах объясняется, главным образом, тем фактом, что методы, которые применяются для добывания рабочей силы в этих районах, являются насильственными методами массового угона. Люди, таким образом, могут избежать своей судьбы только тем, что уходят в леса и вступают в партизанские отряды».

Цитирую страницу 4 того же английского текста:

«У нас — новости. Людей уводят в Германию. Так, например, 5 сентября несколько человек из Ковкутского района должны были ехать по плану в Германию, но они не хотели ехать, поэтому деревню подожгли. Они угрожали сделать то же самое в Боровичах, так как не все, кто был намечен, соглашались ехать. Тогда немцы нагрузили три полных грузовика людьми и подожгли дома этих людей. Во Врасничах подожжено 12 домов, в Боровичах также подожгли 3 дома. 1 октября была проведена новая вербовка рабочей силы. Я опишу тебе только важнейшие

события. Ты не можешь себе представить эту жестокость. Ты, может быть, помнишь, что нам говорили...

Тогда мы этому не верили, таким же невероятным это кажется теперь. Был дан приказ представить 25 рабочих, но никто из них не явился. Все убежали. Тогда явилась немецкая полиция и начали поджигать дома тех, кто убежал. Огонь сильно распространялся, так как два месяца не было дождя. Кроме того, недалеко находились склады зерна, которые также загорелись. Ты можешь себе представить, что там было. Люди, которые прибежали, чтобы тушить огонь, разогнались и арестовывались. 7 домов сгорели дотла. В то же время полицейские продолжали поджоги. Люди падали на колени и целовали полицейским руки, но полицейские били их дубинками и угрожали сжечь всю деревню. Я не знаю, чем бы это кончилось, если бы Сапуркани не вмешался. Он обещал, что к утру будут рабочие. В течение пожара полиция ходила по соседним деревням, хватала рабочих и арестовывала их. Там, где они не находили самих мобилизованных, они задерживали их родителей до тех пор, пока не являлись дети. Это они проделали ночью в Белозерке. Те, которые не появлялись вовремя, должны были быть расстреляны. Все школы были закрыты и все женатые учителя были отправлены на работу здесь же, а неженатые — в Германию. Они охотятся за людьми, как за собаками, уже в течение недели, и им этого недостаточно. Заключенные рабочие запираются в школьное здание, и они даже не могут отправлять своих естественных потребностей и должны это делать, как свиньи, в той же комнате. Люди многих деревень отправились сейчас в монастырь в деревню Потшаев, но их всех арестовали, заперли и их пошлют на работу. Среди них были хромые, слепые и старики».

Несмотря на тот факт, что подсудимый Розенберг написал это письмо, все же очевидно, что он санкционировал невероятно жестокие методы изыскания рабской рабочей силы и признал, что он ответствен за те «необычные» и жестокие меры, которые применялись...

В письме, датированном 21 декабря 1942 г. (документ ПС-018, США-186)... Это, между прочим, письмо подсудимого Розенберга подсудимому Заукелю; я хочу процитировать первую страницу:

«Если я далее не буду закрывать глаза на то, что число людей, необходимых министерству вооружения и боеприпасов, а также сельскохозяйственным организациям, требует необыкновенных и суровых мер, я должен буду потребовать в связи с ответственностью за оккупированные восточные территории, которая лежит на мне, чтобы было исключено использование таких

мер, применение которых может быть когда-нибудь использовано против меня и моих сотрудников.

На Украине в качестве террористической меры были использованы поджоги, и таким образом проводился набор рабочей силы».

Я теперь ссылаюсь на документ ПС-254, США-188. Этот документ изъят из официальных папок министерства Розенберга и был найден там в его архивах. Он датирован 29 июня 1944 г. В нем же находится копия письма некоего Пауля Рааба, районного комиссара. Это письмо адресовано подсудимому Розенбергу. Я хочу процитировать из письма Рааба первый абзац:

«Что касается обвинения верховного командования в том, что я сжег несколько домов на территории деревни Васильково, принадлежавших непокорным жителям, которые были обязаны явиться на трудовую повинность, сообщаю, что это обвинение правильно».

Я теперь цитирую третий абзац:

«В течение 1942 года вербовка рабочих проводилась путем пропаганды. Очень редко встречалась необходимость прибегать к силе. Только в августе 1942 года нужно было предпринять меры против двух семей в деревне Главенко и деревне Солёный хутор, каждая из которых должна была представить одного работника. Впервые это было предложено в июне, но они не хотели явиться. Их пришлось привести силой, но они дважды убежали с пункта или во время транспортировки. Перед вторым арестом отцы обеих семей были взяты под стражу и находились там в качестве заложников и должны были быть освобождены только в том случае, если их сыновья явятся. После того, как сыновья вторично убежали, был дан приказ об их аресте и аресте их отцов, но полиция контролировала их дома и обнаружила, что там никого нет».

Теперь я перехожу к четвертому абзацу. Он гласит: «На этот раз я решил принять меры...»

Председатель: Простите, нет ли необходимости прочесть начало второй страницы? Вы прочли: «Я приказал сжечь дома беглецов». Я думаю, Вам надо продолжать чтение этого отрывка.

Додд: «В результате, в будущем люди подчинялись гораздо более охотно...»

Председатель: Мой коллега сомневается, прочли ли Вы абзац в конце первой страницы, начиная со слов: «С этого времени пришлось принять меры». По-моему, Вы прочли его. Продолжайте.

Додд: Четвертый абзац:

«Я решил принять меры для того, чтобы показать всем более мятежным молодым украинцам, что мои приказы должны выполняться. Я приказал сжечь дома беглецов».

Председатель: Я думаю, что Вам надо прочесть еще несколько строчек.

Додд: «В результате люди охотно подчинялись в будущем. Все приказы относительно вербовки рабочей силы выполнялись. Этот метод был впервые придуман не мною. О нем говорится в секретном письме комиссара по найму рабочей силы, где он рекомендуется в качестве форс-мажора, когда все другие меры не имеют успеха. Эти меры были приняты жителями с удовлетворением...

Эта жестокая мера наказания была принята населением с удовлетворением. Мы прибегли к этой мере потому, что две семьи вывели из равновесия все другие, которые отчасти добровольно посылали своих детей на трудовую повинность...

После первоначальных успехов среди населения началось пассивное сопротивление, которое, в конце концов, вынудило меня снова начать аресты, конфискации и вывоз в трудовые лагеря. Через некоторое время рабочие из транспорта, следовавшего через станцию Васильково, разогнали полицейских и убежали. Передо мной снова встала необходимость проводить в жизнь суровые меры. Некоторые зачинщики, которые убежали до этого, были найдены в Призекое и в Митнице. После неоднократных попыток захватить их пришлось сжечь их дома...

Мои действия против беглецов, которые должны были работать, всегда сообщались районному комиссару Дореру, который находился в Василькове, и генеральному комиссару в Киеве. Оба они были знакомы с положением вещей и согласны с моими мерами, потому что они имели успех».

Этим генеральным комиссаром в Киеве был Кох. Мы цитировали его высказывание по поводу «расы господ».

Другой документ подтверждает, что акты поджогов входили в систему насильственного проведения программы вербовки рабочей силы в деревне Белозерка на Украине в случае сопротивления против насильственного угона на работу. Материалы о зверствах в этой местности имеются в документе ПС-018, который уже был представлен под № США-186. В дополнение к этому есть еще другой документ ПС-290 (США-189). Этот документ представляет собой переписку, начатую министерством Розенберга, то есть главным штабом подсудимого Розенберга. Он датирован 12 ноября 1943 г. Я собираюсь процитировать первую страницу английского текста:

«Но если даже Мюллер и присутствовал при сжигании домов в связи с вербовкой в Белозерке, это совсем не значит, что его нужно снять с работы. В директиве генерального комиссара Луцка 21 сентября 1942 г. специально упоминается, что можно применять экстренные меры при проведении вербовки. Имущество тех, кто отказывается работать, должно сжигаться. Род-

ственники их должны арестовываться в качестве заложников и направляться в трудовые лагеря».

Войскам СС было приказано участвовать в вербовке рабочей силы, в налетах на деревни и в сжигании этих деревень, а также загонять все население на рабский труд в Германию.

Я представляю документ ПС-3012 под № США-190. Это секретный приказ по войскам СС, датированный 19 марта 1943 г. Он гласит:

«Деятельности комиссий по набору рабочей силы должна быть оказана всякая возможная поддержка. Не всегда будет возможно удерживаться от применения силы. На совещании с начальником управления по набору рабочей силы было достигнуто соглашение о том, что там, где могут быть использованы заключенные, их нужно представить в распоряжение управления по набору рабочей силы. При обыске деревень, если есть необходимость, следует сжигать дома, все население должно быть предоставлено в распоряжение начальника по набору рабочей силы».

Председатель: Не думаете ли Вы прочитать четвертый абзац?

Додд: Читаю четвертый абзац: «Как правило, детей не надо больше расстреливать...»

В сообщении генерального комиссара из Житомира, откуда подсудимый Заукель потребовал новых рабочих для империи, говорится о жестокости, с которой заговорщики проводили свою программу. Он описал ее как программу порабощения. Я ссылаюсь на документ ПС-265, США-191 — секретный отчет о совещании между генеральным комиссаром Житомира и подсудимым Розенбергом в Виннице 17 апреля 1943 г. Самый отчет датирован 30 июня 1943 г. и подписан Лайзером. Я собираюсь процитировать третий абзац:

«Явления, которые были вызваны набором рабочей силы, несомненно, хорошо были известны имперскому министру по сообщениям и его собственным наблюдениям. Поэтому я не буду останавливаться на них. Очевидно, набор рабочей силы по существу не может быть назван набором. Это попросту — насильственный увоз рабочей силы...»

Поскольку главный уполномоченный по мобилизации рабочей силы объяснил нам серьезность положения, у нас не было другой возможности. Я, в соответствии с этим, разрешил уполномоченному применять самые жестокие меры для того, чтобы достигнуть необходимого результата и получить контрольную цифру. Отрицательное моральное воздействие этих мер не требует специального доказательства, однако надо выиграть войну и на этом фронте. Проблема мобилизации рабочей силы не может быть разрешена в «белых перчатках». Были случаи, когда

области оставались без всякого населения в результате этих мер порабощения рабочей силы».

Я обращаюсь теперь к документу ПС-3000, США-192. Этот документ представляет собой частичный перевод отчета начальника главного управления № 3 военного командования в Минске. Он датирован 28 июня 1943 г. и адресован министериаль-директору Рикке, который занимал высокий пост в министерстве Розенберга. Я собираюсь процитировать первую страницу английского текста:

«Набор рабочей силы для империи, несмотря на то, что был необходим, имел ужасающие последствия. Меры, которые применялись в последнее время, были невероятно жестокими. Это была, по существу, охота за людьми. Она имела непоправимые политико-экономические последствия. Из Белоруссии была до сегодняшнего дня вывезена, примерно, 501 тысяча человек. Нужно вывезти еще, примерно, 130 тысяч.

Имея в виду численность населения в 2,4 миллиона, такая контрольная цифра просто немыслима. В результате чистки под метелку, проведенной СС и полицией в 1942 году, примерно 115 тысяч гектаров ее пахотной земли не используется, поскольку население было целиком вывезено из деревень».

Мы уже говорили о целях заговорщиков, имевших в виду постоянно ослаблять врага путем порабощения его рабочей силы и разрушения семьи. Мы обращаем внимание Трибунала на документ ПС-031, США-171. Мы хотим подчеркнуть, что политика, которая применялась на оккупированной восточной территории с одобрения подсудимого Розенберга, включала планы вывоза от 40 тысяч до 50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет. Цель этого вывоза заключалась в том, чтобы не давать возможности врагу усилить военную мощь, а также снизить биологические возможности врага. Мы уже цитировали документ, которым было доказано, что подсудимый Розенберг одобрил этот план — так называемый «План большого действия».

Дальнейшие доказательства, касающиеся планов нацистских заговорщиков ослабить своих врагов вопреки всем международным законам, содержатся в документе ПС-1702, который я представляю под № США-193. Этот документ — секретный приказ тылового управления военного коменданта районному комиссару в Казатине, датированный 25 декабря 1943 г. Цитирую первый абзац:

«1. Все трудоспособное мужское население в возрасте от 15 до 65 лет и скот должны быть вывезены из района, расположенного к востоку от линии Белиловка — Бердичев — Житомир (за исключением городов)».

Эта программа, которую мы здесь описывали, и методы, жесточайшие по своему характеру, о которых мы здесь говорили,

не были ограничены Польшей и восточной территорией. Они проводились также и в Западной Европе. Французы, голландцы, бельгийцы, итальянцы — все надели рабское ярмо с помощью и под нажимом нацистских рабовладельцев. Во Франции эти рабовладельцы усилили свою деятельность в начале 1943 года согласно инструкции подсудимого Шпеера, которую сообщили по телефону подсудимому Заукелю в 8 часов вечера 4 января 1943 г. из штаб-квартиры Гитлера.

Я обращаюсь теперь к документу ПС-556 (США-194). Этот документ представляет собой заметку в личном деле, подписанную Заукелем и датированную 5 января 1943 г. Я хочу процитировать только первый абзац:

«1. 4 января 1943 г. в 8 часов вечера министр Шпеер позвонил по телефону из штаб-квартиры фюрера и сообщил, что на основании решения фюрера нет больше необходимости особо относиться к французам при дальнейшем наборе специалистов и подсобных рабочих во Франции. Теперь набор рабочей силы можно проводить с помощью крайних мер».

Для того чтобы преодолеть сопротивление своей программе, подсудимый Заукель придумал новые меры, которые применялись и во Франции и в Италии его собственными представителями, и меры, которые он сам определил как «гротескные», ужасные.

Я цитирую документ P-124 (США-179) — заявление, сделанное Заукелем 1 марта 1944 г. на совещании центрального комитета по планированию:

«Самым неприятным заявлением из всех, сделанных моими противниками, является то, что в целях набора рабочей силы среди французов, бельгийцев и итальянцев и направления их на работу в этих районах не было создано никаких исполнительных органов. Поэтому я нанял и начал тренировать целую кучу французов: мужчин и женщин, которые за хорошую плату, как это делалось в свое время в Шанхае, охотились за людьми, спаивали их алкогольными напитками и одурманивали сладкими речами для того, чтобы вывезти их в Германию. Более того, я нанял некоторых умелых людей для того, чтобы найти специальную рабочую силу, и они это делали, вовлекая с помощью верховного руководства СС и полиции в свою работу целые группы местного населения. Однако все же я должен просить вооружить этих людей, потому что в течение года несколько десятков сотрудников по набору рабочей силы были убиты. Эти меры должны были применяться, как бы это гротескно ни звучало, для того, чтобы отвергнуть обвинение в том, что у нас не было людей, которые добывали бы рабочую силу для Германии из этих стран».

Набор рабочей силы путем террора и насилия проводился в Голландии так же, как и во Франции. Ссылаюсь на документ ПС-1726 (США-195). Этот документ называется: «Заявление правительства Нидерландов в связи с обвинением главных немецких военных преступников». Я собираюсь цитировать приложение «Н», озаглавленное «Центральное бюро статистики. Вывоз нидерландских рабочих в Германию»:

«Многие большие фирмы и концерны, особенно в металлургической промышленности, посещались германскими представителями для набора рабочих и вывоза их в Германию. На каждом таком предприятии проводились так называемые «акции Заукеля», которые так назывались потому, что Заукело был поручен набор иностранных рабочих для Германии. Наниматель должен был временно расторгнуть свой контракт с рабочими, собранными для отправки, и эти последние должны были регистрироваться в рабочем управлении, которое затем заботилось о том, чтобы перевезти их в Германию под наблюдением немецкого надсмотрщика. Рабочие, которые сопротивлялись, а их было сравнительно мало, преследовались СД. Если их захватывали, они немедленно, в качестве заключенных, помещались на некоторое время в пресловутые тюремные лагеря в Нидерландах, а потом их отправляли в Германию. В этих преследованиях СД поддерживалась полицией, связанной с трудовым управлением и состоящей из членов НСДАП и вспомогательных организаций.

В конце апреля 1942 года вывоз рабочей силы начал проводиться в очень широком масштабе. Вследствие этого в мае — июне большое количество этих перемещенных лиц уже равнялось примерно 22 тысячам, 2400 из которых были рабочими металлургической промышленности. После этого набор ослаб. Но в октябре 1942 года снова была достигнута цифра 2600. После того как были осмотрены все большие концерны, наступила очередь меньших предприятий, которые должны были тоже уступить Германии свой штат рабочих. Положение изменилось в ноябре 1944 года. Немцы тогда начали жестокую кампанию погони за рабочей силой. Без всякого предупреждения они очищали целые кварталы, города, хватали людей на улицах и в домах и увозили в Роттердам и Шидам, где 10 и 11 ноября тоже были проведены налеты. Количество людей, вывезенных таким образом, составляло соответственно 50 тысяч и 5 тысяч человек. В других городах, где налеты проводились несколько позже, эти цифры были значительно ниже, потому что люди уже были предупреждены прошедшими событиями. Точные цифры неизвестны, они никогда не опубликовывались оккупантами. Люди, схваченные таким образом, использовались на работе в самой Голландии и отправлялись в Германию».

Я ссылаюсь теперь на документ ПС-3003, представляемый под № США-196, найденный в делах ОКВ.

Этот документ представляет собой частичный перевод текста лекции, прочитанной неким Гауптом из германских вооруженных сил, по поводу положения военной экономики в Нидерландах. Я процитирую, начиная с первого абзаца:

«Были некоторые трудности в наборе рабочей силы, так как процесс ловли людей стал очень заметным потому, что методы не были заранее организованы и подготовлены. Людей арестовывали на улицах и выволакивали из домов. Невозможно было заранее объявлять о проведении этой процедуры из соображений безопасности, поэтому о времени проведения акции не объявлялось. Всякие ордера на освобождение чиновниками, проводившими эти действия, не учитывались. Не только рабочие, которые освободились в результате прекращения работы промышленности, но даже и те, кто работал на наших собственных предприятиях, производя предметы необходимости для нас самих, не имели права выходить на улицу. Во всяком случае, это представляло большие трудности для нас».

Огромное количество перемещенных в Германию лиц показывает ту степень, в которой нацистские заговорщики преуспели в выполнении своей программы трудовой мобилизации. Самая достоверная документация, имеющаяся в руках союзников, показывает, что к январю 1945 года примерно 4795 тысяч гражданских иностранных рабочих были помещены на работу на военные заводы Германии. Среди них были иностранные рабы четырнадцати различных национальностей.

Я представляю теперь документ ПС-2520 под № США-197. Это письменное показание, данное под присягой Эдвардом Дуэссом, экономистом. Тут есть цифры, показывающие, сколько было военнопленных и так называемых политических заключенных и какой именно национальности. Согласно заявлению Дуэсса, специалиста в этой области, там было 4795 тысяч рабочих. Во втором абзаце его показания говорится следующее, — и я хочу огласить это для протоколирования:

«Я, Эдвард Дуэсс, в течение трех лет работал в военной организации в качестве экономиста-аналитика в Лондоне, Париже и Германии. Я специализировался в вопросах труда и населения Германии во время войны и настоящим удостоверяю, что цифры, отражающие количество иностранной рабочей силы в Германии, собраны на основании материалов из наиболее достоверных германских и союзных источников. Эти цифры получены из официальных германских источников относительно количества иностранных рабочих в Германии в январе 1945 года, а также из источников, которые я получил из американских, английских и французских документов о количестве иностранных

рабочих, фактически обнаруженных в Германии с 10 мая 1945 г. Только очень небольшое количество этих вывезенных рабочих прибыло в Германию добровольно».

1 марта 1944 г. на заседании того же центрального комитета по планированию, о котором мы говорили, подсудимый Заукель ясно сказал, насколько велик масштаб и сколь широко применялось насилие при увозе рабочей силы. Я цитирую документ Р-124, уже представлявшийся под № США-179. Заукель говорит:

«Из шести миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не прибыли добровольно».

Нацистские заговорщики не удовольствовались тем, что оторвали 6 миллионов людей от их детей, их домов и вывезли из родной страны. Более того, подсудимые, которые сейчас находятся здесь, настаивали на том, чтобы эти большие группы несчастных людей, которые находились в так называемой старой империи, как рабы, избивались, подвергались зверскому обращению, получали меньше пищи, чем это необходимо для существования, медленно умирали от голода, умирали целиком из-за недостатка пищи, самой минимальной одежды, сносного жилья иногда только потому, что они производили недостаточно.

Условия вывоза и угона ярко описаны в документе ПС-054. Это отчет подсудимому Розенбергу относительно обращения с украинскими рабочими.

Я хочу сослаться на документ ПС-054 под № США-198. Прежде чем я процитирую этот документ, я хочу сказать, что согласно отчету положение этих несчастных людей, захваченных на Украине, было особенно тяжелым, поскольку им не давали возможности взять с собой одежду. Женщины и мужчины забирались прямо с постели и помещались в подвал. Некоторые были в ночных рубашках. Стража их била. Захваченные были заперты на долгое время в вагоны, которые не отапливались, и были лишены какой-либо возможности получить хотя бы воду, пищу и одежду или пользоваться уборной. Там не было воды и отопления. Женщины подвергались всевозможным физическим и моральным издевательствам в процессе так называемых медицинских осмотров.

Документ ПС-054. Это препроводительное письмо Розенбергу. Оно подписано неким Торером, лейтенантом вермахта. К нему приложена копия отчета коменданта сборного пункта для мобилизованных украинских специалистов в Харькове. Тут есть еще письмо некоего Григория, специалиста, который был завербован и увезен в Германию.

Цитирую четвертый абзац:

«Старосты часто поддаются коррупции. Они продолжают захватывать квалифицированных рабочих, стаскивают их с постелей по ночам, держат в подвалах до тех пор, пока не увезут

в Германию. Поскольку они часто не дают возможности захваченным мужчинам и женщинам брать с собой багаж, многие из квалифицированных рабочих прибывают на сборный пункт, надо прямо сказать, недостаточно экипированными (без обуви, иногда только с двумя платьями, без ложек, посуды и домашней утвари, без одеял и т. д.). В некоторых случаях положение таково, что их приходится посылать обратно, чтобы взять все необходимое. Если люди не возвращаются немедленно, полиция очень часто избивает и запугивает этих квалифицированных рабочих. Это случается ежедневно. В некоторых случаях женщины избивали так, что они не могли больше идти.

Я сообщил, в частности, об одном ужасном случае полковнику Замеку, шефу гражданской полиции, для принятия суровых мер (местечко Сорокино, район Дергачи). Насилия старост и полиции носят особенно суровый характер потому, что они часто оправдываются тем, что делают это от имени германских вооруженных сил. Фактически же надо сказать, что в последнее время эти вооруженные силы вели себя гораздо более терпимо по отношению к квалифицированным рабочим и украинскому населению, чего отнюдь нельзя сказать об административных учреждениях. Для иллюстрации можно указать на такой случай: однажды женщина явилась одетой только в рубашку...»

Цитирую второй абзац:

«На основании того, что я вам сообщаю, следует привлечь внимание к тому факту, что невозможно держать рабочих запертыми в вагонах в течение многих часов, они даже не имеют возможности отправлять свои естественные потребности. Совершенно очевидно, что нужно дать людям возможность получить питьевую воду, помыться и сделать, что нужно. Мне показывали вагоны, в которых люди проделывали дырки для того, чтобы отправлять свои естественные потребности. На больших станциях надо дать людям возможность для этого выйти из вагонов...»

Первый абзац:

«Мне сообщили о следующих злоупотреблениях в душевых и пунктах санобработки для женщин и девушек. Эти душевые обслуживали мужчины. Наоборот, в мужских душевых были женщины. Мужчины фотографировали женщин во время душа. В последние месяцы главным образом вывозились украинские крестьянки. Женщины эти были высокой морали и целомудрия и поэтому рассматривали такое обращение как унижение их национального достоинства.

Я получил отчеты о фотографировании в душевых из Халле. О других оскорблениях мне сообщили из Киеверсе. Эти инциденты, которые только подрывают авторитет и честь великой германской империи, могут вновь иметь место. С большими и слабыми обращались так же, как с другими, не делая различия.

Те, которым удалось выжить во время этого путешествия в Германию, но которые оказались негодными для работы, будучи совсем больными, отправлялись обратно, как скот. Обратный путь проходил в тех же ужасных условиях, как и первоначальное путешествие. Больные не получали никакой медицинской помощи. Многие умирали, их трупы без всяких церемоний выбрасывались из вагонов без погребения...»

Цитирую третью страницу:

«Очень плохо влияли на моральное состояние квалифицированных рабочих и населения обратные поезда, когда провозили рабочих, которых немцы сделали нетрудоспособными или которые не годились для работы с самого начала. Много раз эти транспорты квалифицированных рабочих по пути в Германию встречались с обратными транспортами инвалидов и останавливались на путях друг против друга, простаивали так в течение долгого времени. Эти обратные транспорты недостаточно обслуживаются, несмотря на то, что там находятся слабые, раненые люди по 50—60 человек в вагоне; весь поезд обычно сопровождают всего три-четыре человека. Нет достаточного ухода и пищи. Надо сказать, что возвращающиеся часто делают неблагоприятные, но, конечно, преувеличенные заявления и выводы о своем положении в пути и о том, как с ними обращаются в Германии. В результате всего этого и того, что люди видят собственными глазами, панический страх охватывает специалистов, то есть всех рабочих, отправляющихся в Германию. Некоторые начальники эшелонов, особенно 62-го и 63-го, подробно докладывали о подобных случаях. В одном случае начальник транспорта квалифицированных рабочих видел собственными глазами, как человек умер от голода и как его затем выбросили с обратного транспорта в придорожную канаву. Это был старший лейтенант Гофман, начальник 63-го транспорта. В другой раз сообщили, что трое мертвых должны были быть оставлены в стороне от поезда и что они никем не были похоронены. К сожалению, эти инвалиды прибывали сюда без всяких документов. В соответствии с отчетами транспортных начальников создается впечатление, что людей, которые не могут работать, собирают, запикивают в вагоны и отправляют обратно в сопровождении всего лишь нескольких охранников. Они не получают никакого ухода, никто не заботится об их питании. Управление труда на месте прибытия, так же как и транспортное руководство, подтверждают это впечатление.»

Как это ни кажется невероятным, роженцы находятся в тех же вагонах, где и больные туберкулезом и венерическими заболеваниями. Новорожденных выбрасывали через окна, а умирающие лежали в тех же товарных вагонах на голом полу, им не подстилали даже соломы.

Документ ПС-084 (США-199) — это междуведомственный отчет, подготовленный доктором Кельхом из министерства Розенберга. Он датирован 30 сентября 1942 г. Я хочу процитировать абзац первый:

«Насколько необходимо было это вмешательство, видно из того, что этот поезд с возвращающимися рабочими остановился на том же месте, где стоял поезд с вновь набранными рабочими, которые направлялись в Германию с Востока. Из-за наличия трупов в обратном эшелоне могла произойти серьезная неприятность, если бы не вмешалась госпожа Миллер. В этом поезде несколько женщин родили, и немцы выбрасывали новорожденных из окон во время хода поезда. Больные венерическими болезнями и туберкулезом лежали рядом со здоровыми. Умирающие лежали в тех же вагонах на голом полу даже без соломы. Один из мертвых был выброшен в канаву. То же самое происходило в других обратных эшелонах.»

Некоторое представление об этих немецких транспортах было дано подсудимым Заукелем в его декрете от 20 июля 1942 г. Я представляю в этой связи документ ПС-2241 под № США-200. Это декрет, который помещен был в разделе Б-1а в книге «Использование иностранной рабочей силы в Германии»:

«Согласно отчетам начальников по эвакуации, которые были представлены мне, специальные поезда, предоставленные немецкими властями, часто находились в неудовлетворительном состоянии, не хватало многих окон. Эксплуатируются вагоны без уборных, поэтому рабочим приходится использовать пустые купе в качестве уборных. В других случаях вагоны не топят зимой, и поэтому рабочие не могут пользоваться уборными, потому что они становятся негодными из-за порчи водопроводной системы, они замерзают, и водопроводный аппарат не действует...»

Заговорщики знали о существовании таких условий и все же продолжали проводить в жизнь программу порабощения громадного количества гражданского населения оккупированных районов. Попав в Германию, эти порабощенные рабочие подвергались невероятно жестокому обращению и терпели унижение человеческого достоинства. Документ ПС-016, который мы представляем под № США-168, подтверждает это:

«Всех этих людей надо кормить, расселять и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их в самой высокой степени и при этом при самых минимальных расходах.»

Сила и жестокость, как орудие для повышения производительности, нашли ярого апологета в лице подсудимого Шпеера, который сказал в присутствии подсудимого Заукеля на совещании центрального комитета по планированию... Я цитирую документ под № Р-124, который мы представили под № США-179. Шпеер, выступая на этом совещании, сказал:

«Мы также должны поговорить о прогульщиках. Лей уведо- мил меня, что количество больных сократилось до $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ на тех фабриках, где есть штатные врачи и где больные подвергаются медосмотру. Полицию и СС нельзя ни в чем упрекнуть. Они делают все возможное, применяют сильнодействующие средства и помещают этих прогульщиков в концентрационные лагеря. У нас нет выхода. Если это случится еще несколько раз, то новость облетит всю Германию».

И на более позднем совещании центрального комитета по планированию фельдмаршал Мильх согласился с тем, что, поскольку речь идет о рабочих... Я снова ссылаюсь на документ P-124, первый абзац...

Фельдмаршал Мильх сказал на заседании центрального комитета по планированию, где председателем был Шпеер: «Список прогульщиков должен быть передан в верные и надежные руки Гиммлера».

Мильх далее добавил: «Невозможно эксплуатировать полностью иностранных рабочих, если мы не принудим их к сдельной работе или не будем иметь возможности принять другие меры против иностранцев, которые не выполняют норму».

Фактическое осуществление этой политики было еще более ужасным, чем намечавшиеся заговорщиками планы. Этих рабочих нагружали непосильной работой, селили в лагерях в страшной тесноте, держали, как арестантов. Они голодали и были лишены элементарных удобств: необходимого жилья, недостаточного количества одежды, минимального медицинского обслуживания, и в результате страдали от различных болезней. Их заставляли работать до полного изнеможения. Они, кроме того, избивались и подвергались нечеловеческим унижениям. Примером такого бесчеловечного отношения является положение рабочих на заводах Круппа. Рабочие иностранного происхождения на заводах Круппа не получали достаточного количества пищи и не могли поэтому выполнять работу, которая на них возлагалась.

Я представляю документ D-316 под № США-201. Этот документ был найден в архиве Круппа. Это меморандум, составленный для господина Хупе, директора паровозного завода Круппа в Эссене. Он датирован 14 марта 1942 г. Я хочу процитировать, начиная с первого абзаца:

«В течение последних нескольких дней мы установили, что количество пищи, которое получают русские, столь незначительно, что люди с каждым днем все более слабеют. Все исследования показали, что некоторые русские даже не могут взять в руки кусок металла для того, чтобы положить его на станок, из-за недостатка физических сил. Такие же условия существуют во всех других местах, где работают русские рабочие».

Условия существования иностранных рабочих в лагерях Круппа описаны детально в письменном заявлении, сделанном в Эссене (Германия) 15 октября 1945 г. доктором Вильгельмом Егером, который был главным врачом в лагере:

«Я, доктор Вильгельм Егер, практикующий в Эссене и окрестностях его, родившийся в Германии 2 декабря 1888 г. и проживающий теперь в Кетвиче, Засгенхольц, 6, Германия, заявляю следующее добровольно и без всякого принуждения; меня ничем не запугивали и не обещали никакого вознаграждения:

1 октября 1942 г. я стал старшим лагерным врачом в рабочих лагерях для иностранцев у Круппа и ведал санитарным надзором за всеми рабочими заводах Круппа в Эссене. Одной из моих задач было докладывать о санитарных условиях и о состоянии здоровья рабочих своему начальнику на заводах Круппа. Частью моей задачи было также посещать каждый лагерь Круппа, в котором был хотя бы один иностранный гражданский рабочий. И поэтому мое заявление делается на основании моих собственных умозаключений и наблюдений. Как главный врач лагерей я проводил инспекции различных лагерей. В это время, в октябре 1942 года, я нашел следующие условия.

Восточные рабочие и поляки, которые работали на заводах Круппа в Эссене, содержались в лагерях на Зойманнштрассе, Шпенглерштрассе, Гриперштрассе, Германияштрассе, Капитан-Леманштрассе, Лехеншуде и Кремерплатц.

Все эти лагеря были окружены колючей проволокой и тщательно охранялись. Условия во всех этих лагерях были ужасны. Эти лагеря были переполнены. В некоторых лагерях было в два раза больше людей, чем допускали жилищные условия. На Кремерплатц люди спали на трехэтажных нарах. В других лагерях они спали на нарах в два этажа. Несмотря на то, что существовал минимум расстояния между кроватями в 50 см, он совершенно не соблюдался, и кровати стояли на расстоянии 20—30 см друг от друга. Рацион для восточных рабочих был совершенно недостаточным. Они получали на тысячу калорий меньше, чем составлял минимум для каждого немца. Там, где немецкие рабочие, занятые на тяжелой работе, получали 5 тысяч калорий в день, восточные рабочие получали только 2 тысячи калорий. Они получали пищу только дважды в день. Один раз давался водянистый суп. Я не уверен, что рабочие с Востока получали даже тот минимум, который был установлен для них. Когда в 1943 году я проверял питание в нескольких лагерях, я обнаружил много случаев, когда рабочим просто не давали еды. Они должны были получать небольшое количество мяса в неделю. Для этой цели предписывалось употреблять только мясо низших сортов, забракованное ветеринарами, как, например, конину или мясо, пораженное туберкулезом. Это мясо обычно отваривалось

в супе... Процент больных среди восточных рабочих был вдвое больше, чем среди немецких рабочих.

Особенно широко среди них был распространен туберкулез. Количество больных туберкулезом было в 4 раза больше, чем это бывает обычно. В Лехеншуле около 2,5 процента страдали от открытого туберкулеза, то есть активной формы туберкулеза. Больше всего страдали татары и киргизы. Они умирали, как мухи: из-за плохих жилищных условий, из-за плохого и малого количества пищи, из-за переутомления, из-за того, что они не могли достаточно отдыхать. У этих рабочих очень часто встречалось заболевание сыпным тифом. Вши — распространители тифа, клопы и другие насекомые терзали обитателей лагерей. В результате этих антисанитарных условий почти все рабочие страдали кожными заболеваниями.

Недостаток пищи также во многих случаях вызывал всевозможные болезни, в том числе авитаминоз, нефрит и т. д. Было установлено, что рабочие должны были выходить на работу во всех случаях, если только доктор не заявлял, что они не подходят для работы. На других улицах — Зойманнштрассе, Гриперштрассе, Германиштрассе, Капитан-Леманштрассе и Лехеншуле доктора не появлялись вообще в течение 2—3 дней, там не было ежедневного осмотра. В результате рабочие вынуждены были ходить на работу, независимо от того, больны они или здоровы. Я пробовал, поскольку было возможно, улучшить состояние рабочих. Я настаивал на том, чтобы были построены новые бараки для того, чтобы разгрузить скученность лагерей. Но даже после того, как это было сделано, лагеря все равно были перегружены, но не так, как прежде. Я пытался улучшить санитарные условия в Кремерплатце и Лехеншуле, заставляя строить уборные, но число их было недостаточно, и положение мало изменилось. С того времени, как начались воздушные налеты, в марте 1943 года положение в лагерях еще более ухудшилось. Жилищные условия, недостаток питания и санитарные условия стали еще хуже. Рабочие жили в развалившихся бараках. Все медикаменты были израсходованы, а снабжение медикаментами было трудно наладить. Нужно сказать, что снабжение водой полностью прекращалось на периоды от 8 до 14 дней. В течение последующего периода вслед за налетами в марте 1943 года некоторым рабочим разрешалось спать на заводах Круппа в тех же помещениях, где они работали. Те рабочие, которые работали днем, спали ночью, а те, кто работал ночью, спали днем, несмотря на постоянный шум.

Я думаю, что такое положение продолжалось до вступления американских войск в Эссен. После того, как увеличилось количество налетов, условия стали еще хуже. В июле 1944 года, 28-го числа, я сообщил своему начальнику: барак для больных

в лагере Рабенхорст находится в таком ужасном состоянии, что его вообще нельзя назвать бараком для больных, дождь проникает сквозь крышу во всех углах. Поэтому больные здесь вообще не могут находиться. Невозможно проводить работу положенным порядком, потому что те, которые больны, видимо, никогда не поправятся. В конце 1943 года и в начале 1944 года (я не совсем уверен в точности этой даты) я получил разрешение в первый раз посетить лагерь для военнопленных. Я узнал в результате то, что условия в этих лагерях еще хуже, чем условия в лагерях для восточных рабочих. Фактически медицинского обслуживания в этих лагерях не существовало. Стараясь исправить это невыносимое положение, я обратился к командованию вооруженных сил, которое обязано было наблюдать за медицинским обслуживанием этих лагерей. Мои усилия не привели ни к чему. В течение двух недель я оказывал довольно сильный нажим, и в результате им дали 100 аспириновых таблеток для 3 тысяч военнопленных. Лагерь для французских военнопленных на Ногераштрассе был разрушен во время воздушного налета, и его жители около полугода содержались в выгребных ямах, собачьих конурах и в старых пекарнях. Собачьи конуры были 3 фута в высоту, 9 футов в длину и 6 футов в ширину. 5 человек спали в каждой из них. Заключение должны были вползать туда на четвереньках. В лагере не было ни столов, ни стульев, ни шкафов. Количество одеял было недостаточно. В лагере не было воды. О многих из этих условий мне сообщалось доктором Стиннесбеком в его отчете от 12 июня 1944 г. В этом отчете говорилось: 315 рабочих все еще находятся в лагере, 170 из них живут уже не в бараках, а в тоннеле под железной дорогой Эссен-Мюльгейм. Тоннель очень сырой и, конечно, не годится в качестве постоянного человеческого жилья. Остальные заключенные живут на 10 различных заводах Круппа. Первая медицинская помощь оказывается французским военным врачом, который очень старается помочь своим соотечественникам.

Больные с заводов Круппа должны привозиться в амбулаторию, которая находится в уборной сожженного кабака за пределами лагеря. Четыре французских санитаров спят в бывших мужских уборных. Для больных сделаны двухэтажные деревянные нары, нет ни воды, ни стульев, ни столов. Лечат на открытом воздухе. В дождливую погоду лечат в упомянутой маленькой комнате. Эти условия недопустимы. Историю болезни вести невозможно. Очень мало бинтов и медикаментов. Те, которые сильно ранены или пострадали вследствие какой-нибудь травмы на заводе, не могут получить достаточной медицинской помощи, хотя их сюда для этого и привозят, чтобы перебинтовать доправки в госпиталь.

Есть много справедливых жалоб на пищу, которые стража считает справедливыми.

Нужно иметь в виду, что эти условия определяют состояние нашей рабочей силы и могут вызвать ее потерю...

В своем отчете моему начальнику от 2 сентября 1944 г. я сообщил, что лагерь «Гумбольдштрассе» населен итальянскими военнопленными. После того, как он был уничтожен в результате воздушного налета, итальянцев вывезли, а 600 еврейских женщин из Бухенвальдского лагеря были привезены на их место для работы на заводах Круппа. После того, как их привезли, я посетил этот лагерь. Я был первым врачом, которого они увидели в течение двух недель, хотя все женщины страдали от острейших заболеваний, и у многих были даже открытые раны. В лагере не было постоянного врача, не было бинтов. Они ходили босиком. Не было никаких медикаментов. Вся их одежда состояла из мешка с дырами, соответственно для рук и ног. Волосы их свалились. Лагерь был окружен колючей проволокой и охранялся отрядами СС. Пищи было в лагере очень мало, и она была очень плохого качества. Люди жили фактически не в домах, а в развалинах бывших бараков, которые не представляли никакого убежища от дождя и ветра. Я сообщил своему начальнику, что стража спит вне бараков, так как войти в них невозможно без того, чтобы не быть атакованным 10—20—50 блохами. Один из нанятых мною врачей отказался снова поехать в лагерь после того, как он был жестоко искусан.

Я посетил этот лагерь вместе с господином Гроне два раза. Оба раза мы были сильно искусаны, и нам было очень трудно избавиться от блох и других насекомых, которые буквально на нас напали. В результате этого нападения я оказался весь в больших волдырях и укусах. Я попросил своего начальника на заводах Круппа предпринять необходимые меры для того, чтобы во всяком случае провести санобработку в лагере, потому что там были ужасные антисанитарные условия, которые могли вызвать эпидемию. Однако мне не удалось добиться никакого улучшения, и, когда я посетил лагерь второй раз через две недели, я не нашел в нем никаких изменений.

В результате, когда люди стали инвалидами или слишком больными для того, чтобы работать, их вернули на биржу в Эссен и оттуда послали в лагерь «Фридрихсфельд». Среди тех, которые вернулись обратно на биржу, были такие, которые серьезно болели туберкулезом, малярией и раком в такой стадии, когда нельзя уже было оперировать. Кроме того, все страдали от дистрофии и общей слабости.

Я не буду писать об условиях в лагере «Фридрихсфельд» потому, что я его никогда не посещал. Я только знаю, что это был лагерь, куда ссылались рабочие, которые больше не годились

для Круппа. Мои коллеги и я сообщали обо всем этом господину Инну — директору предприятия Фридрих Крупп, доктору Виэлсу, личному врачу Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, главному начальнику лагерей Кубке и всякий раз в министерство здравоохранения. Более того, я знаю, что эти господа лично посещали лагерь».

Подписано: «Доктор Вильгельм Егер».

Мы закончили сейчас чтение свидетельского показания доктора Вильгельма Егера. Условия, которые были описаны Егером, не ограничивались только промышленными предприятиями Круппа, но существовали по всей Германии.

Сейчас мы переходим к отчету Польского главного комитета, адресованному администрации генерал-губернаторства Польши 17 мая 1944 г. (документ Р-103). Я прошу присвоить этому документу № США-204. В этом меморандуме описывается положение польских рабочих в Германии. Я хотел бы зачитать выдержки со страницы 2 английского перевода, начиная со второго абзаца:

«Загрязнение многих помещений в переполненных лагерях противоречит самым элементарным требованиям. Часто нет никакой возможности достать теплой воды для умывания, поэтому родители не в состоянии выполнять даже самые элементарные требования гигиены в отношении своих детей, и часто они не в состоянии выстирать даже свою единственную смену белья. В результате распространяются кожные заболевания, против которых нельзя бороться...

Мы получаем письма из лагерей для восточных рабочих и их многодетных семей, в которых они умоляют оказать им помощь продовольствием. Количество и качество норм продовольствия, о которых говорится в этих письмах (так называемая четвертая норма), абсолютно недостаточны для того, чтобы восполнить энергию, затрачиваемую при тяжелой работе. Три с половиной килограмма хлеба в неделю, водянистый суп из брюквы или других овощей без мяса и без жира, а иногда немного картофеля — вот все, что составляет голодную норму для рабочих, занятых на тяжелых работах.

Иногда применяется в виде наказания лишение пищи. Оно применяется, например, за отказ носить значок «Восток». В результате такого наказания рабочий теряет сознание во время работы. Так было, например, в лагере «Клостертейх», в Саксонии. Следствием этого является полное истощение, плохое состояние здоровья и туберкулез.

Распространение туберкулеза среди польских промышленных рабочих вызвано недостаточностью продовольственных норм, которые выдаются в массовых лагерях, так как энергия,

затрачиваемая на тяжелой работе, не может быть восполнена этими продовольственными нормами.

Просьбы о помощи, которые присылаются нам, свидетельствуют о голоде, о случаях голодной смерти, об острых желудочных заболеваниях, в особенности у детей, что происходит из-за неудовлетворительного питания, не отвечающего потребностям детей.

Необходимая медицинская помощь и забота в отношении больных в массовых лагерях недоступны...

В дополнение к этим невыносимым условиям отсутствуют также систематическая забота и наблюдение за многочисленными детьми, что влияет на жизнь многодетных семей, заключенных в лагерях. Дети предоставлены самим себе, они не получают школьного обучения или религиозного воспитания, растут без присмотра и без образования. Дурное окружение может привести и приводит к нежелательным результатам у этих детей. К чему могут привести такие ужасные условия, видно из такого факта, что в лагерях для восточных рабочих (лагерь «Вальдлюст», почтовое отделение Лауф, Пегниц) имеются случаи, когда восьмилетних хилых и слабых от плохого питания детей принуждают к работе и дети от такой работы умирают.

Доказательством губительного действия этих плохих условий на состояние здоровья и жизнеспособность рабочих служат многочисленные случаи заболевания туберкулезом, которым подвержены юноши и девушки, возвращающиеся из империи в генерал-губернаторство как непригодные более для работы. Их состояние здоровья, как правило, таково, что выздоровление невозможно. Объясняется это тем, что полное истощение, вызванное непосильным трудом и голодным пайком, не принимается во внимание до тех пор, пока заболевание не проявляется в виде горячки и обмороков.

Хотя организовано несколько приютов для непригодных к работе рабочих в виде предохранительной меры, но туда можно попасть лишь тогда, когда выздоровление уже невозможно (Неймарк в Баварии). Даже там безнадежные больные медленно угасают, и ничего не делается для того, чтобы облегчить их состояние здоровья путем соответствующего питания и медицинской помощи.

Есть дети, заболевшие туберкулезом, которых можно было бы вылечить, и есть взрослые мужчины, которые, если направить их обратно в их семьи, в сельские местности, могли бы выздороветь. Многие страдают из-за того, что разбиваются семьи, когда жен и матерей, имеющих малолетних детей, разлучают с их семьями, посылают в империю для принудительного труда...

Если при таких условиях нет никакой моральной поддержки, то есть такой поддержки, которая обычно вытекает из семейной

жизни в нормальных условиях, то во всяком случае надо поддерживать и усиливать религиозные чувства польского населения. Отмена церковной службы и отправления религиозных обрядов для польских рабочих, запрещение посещения церкви в то время, когда там происходит служба для других, а также иные меры свидетельствуют о неуважении к роли религии...»

Особенно зверскому и бесчеловечному обращению подвергались рабочие, которые вывозились с захваченных восточных территорий. Как я уже указывал, они жили на положении рабов, их подвергали почти всем видам унижения, их помещали в сараях вместе со скотом. Они были лишены права посещать церкви, и им запрещались обычные развлечения, существующие в человеческом обществе. Данные о таком обращении содержатся в документе ЕС-68, который я представляю под № США-205. Этот документ озаглавлен «Директивы об обращении с иностранными сельскохозяйственными рабочими польской национальности». Документ этот был издан министром финансов и экономики 6 марта 1941 г. в Бадене, Германия. Мы не знаем имени этого министра и не смогли его установить.

«Агентство имперской администрации по вопросам продовольствия, а также государственная ассоциация крестьян Бадена с чувством глубокого удовлетворения узнали о результатах переговоров с начальником СД и полиции безопасности в Штутгарте 14 февраля 1941. Соответствующее сообщение уже разослано областным отделением ассоциации крестьян.

Ниже излагаются индивидуальные инструкции в том виде, в каком они были выработаны на совещании, и соответствующий порядок их выполнения:

1. Основным положением является то, что сельскохозяйственные рабочие польской национальности больше не имеют права на то, чтобы жаловаться, поэтому никакие жалобы не будут больше приниматься официальными агентствами.

2. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности не могут покидать места своей работы. Им запрещено хождение с 20.00 до 6.00, начиная с 1 октября, по 31 марта; и с 21.00 до 5.00, начиная с 1 апреля, по 30 сентября.

3. Строжайшим образом запрещено использовать велосипеды. В виде исключения разрешаются поездки на полевые работы, но лишь в присутствии родственника хозяина или самого хозяина.

4. Строго запрещается посещение церквей, независимо от вероисповедания, даже когда нет церковной службы. Разрешается индивидуальное общение со священнослужителями вне церкви.

5. Строго запрещается для сельскохозяйственных рабочих польской национальности посещение театров, кино и других увеселительных учреждений.

6. Строго запрещается посещение ресторанов сельскохозяйственными рабочими польской национальности. Исключение составляет только один ресторан в деревне, который должен быть выделен ландратсамтом, и его посещение разрешается только один день в неделю. День посещения этого ресторана будет также установлен ландратсамтом. Это правило не изменяет правил относительно запрещения хождений, установленных в § 2.

7. Половые сношения с женщинами и девушками не допускаются. О каждом отдельном случае, когда это обнаруживается, надлежит сообщать.

8. Запрещаются собрания сельскохозяйственных рабочих польской национальности после работы, независимо от того, происходит ли это на других фермах, в сараях или в местах, где живут поляки.

9. Запрещается сельскохозяйственным рабочим польской национальности пользование железнодорожным транспортом, автобусами и другими видами общественного транспорта.

10. Им разрешено покидать деревню только в исключительных случаях и лишь по разрешению местной полиции. Однако такое разрешение не должно даваться, если поляк хочет посетить агентство, которое им ведает, то есть отдел труда областного отделения крестьянской ассоциации, или если он хочет переменить место работы.

11. Строго запрещается произвольное изменение условий найма. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны работать ежедневно в течение такого времени, какое требуется в интересах предприятия, а также по усмотрению предпринимателя. Рабочий день не ограничен.

12. Каждый предприниматель имеет право применять телесные наказания по отношению к сельскохозяйственным рабочим польской национальности, если не действуют его указания и его выговоры. В таких случаях предприниматель несет ответственность перед официальным агентством.

13. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны, если это возможно, размещаться не в жилых помещениях, а в сараях и т. д. Никакие соображения морального порядка не должны мешать выполнению этого условия.

14. Обязательно следует докладывать властям о случаях, когда сельскохозяйственные рабочие польской национальности совершают какие-нибудь преступления с целью саботажа на предприятии или замедления работы: о нежелании, например, работать, о вызывающем поведении, а также о других менее серьезных проступках. Если предприниматель теряет польского

рабочего, который должен отбыть длительное тюремное заключение вследствие такого доклада, то он получит взамен другого польского рабочего от учреждения, ведающего распределением рабочей силы, по его требованию и в льготном порядке.

15. Во всех других случаях правомочна только государственная полиция. Поскольку это касается предпринимателя, то он будет подвергнут строжайшему наказанию, если будет установлено, что имела место недопустимая близость между предпринимателем и польскими рабочими. Это относится также и к женщинам и девушкам.

Строго запрещено всякое дополнительное питание. Несоблюдение норм зарплаты, установленных государством для сельскохозяйственных рабочих польской национальности, будет наказываться соответствующими властями тем, что у предпринимателя отберут рабочего».

Женщин оккупированных территорий использовали против их воли в качестве домашних прислуг. Подсудимый Заукель изложил эту программу в документе ПС-016, который уже был представлен под № США-168:

«С целью принести значительное облегчение германской домашней хозяйке, особенно многодетной матери, весьма перегруженной работой женам фермеров, а также с целью избежать в дальнейшем какой-либо угрозы их здоровью, фюрер также поручил мне обеспечить доставку в Германию 400—500 тысяч отборных, здоровых и сильных девушек с территорий, расположенных на Востоке».

Захваченные и принужденные работать в Германии, эти восточные женщины по приказу главного рабовладельца — подсудимого Заукеля были переданы в домашние хозяйства немногих семей. Им разрешали самое большее три свободных часа в неделю, и их лишали всякого права на возвращение домой.

Документ ПС-3044/В/ (США-206) представляет собой декрет, изданный подсудимым Заукелем, который содержит инструкции для домашних хозяек в отношении восточных домашних работниц. Декрет гласит:

«Не может быть и речи о требовании свободного времени. Женская домашняя прислуга, вывезенная с Востока, может в принципе уходить из дома лишь для выполнения домашних поручений.

В качестве награды за хорошую работу, однако, им можно предоставлять возможность оставаться вне дома без работы в течение трех часов один раз в неделю. Этот отпуск должен кончаться с наступлением темноты, самое позднее в 8 часов вечера. Запрещается посещать рестораны, кинотеатры и театры, а также другие подобные учреждения, предназначенные для немецких или иностранных рабочих.

Запрещается посещать церковь. В особых случаях для восточной домашней прислуги могут организовываться вечера в городах «германским трудовым фронтом», а в сельской местности — имперской администрацией по продовольственным вопросам совместно с лигой германских женщин. Вне дома домашние работницы должны носить с собой свою рабочую карточку в виде личного пропуска.

Вопрос об отпуске или возвращении домой. Отпуска пока не разрешены. Восточные домашние работницы завербованы на неопределенное время».

Всегда над этими угнанными в рабство рабочими нависала угроза ужасов концентрационных лагерей и гестапо.

Как и при осуществлении нацистскими заговорщиками всяких других мероприятий, чернорубашечная охрана СС и методы обращения Гимmlера являлись средствами для принуждения. По поводу использования угнанных в рабство рабочих был издан секретный приказ от 20 февраля 1942 г. рейхсфюрером СС Гимmlером, адресованный офицерам СД и полиции безопасности, который свидетельствует о насилии, применяемом по отношению к восточным рабочим. Я представляю этот документ под № ПС-3040 (США-207):

«III. Борьба против нарушений дисциплины:

(1) В соответствии с тем, что рабочие, вывезенные с собственно советско-русских территорий, находятся на том же положении, что и военнопленные, должна поддерживаться строжайшая дисциплина как на местах жительства, так и на месте работы. Борьба против нарушений дисциплины, включая отказ от работы и бездельничание, будет вестись исключительно тайной государственной полицией. При менее значительных случаях нарушений меры должны применяться начальником охраны, согласно инструкциям административных управлений государственной полиции, по которым разрешается применять меры, перечисленные в приложении. С целью сломить активное сопротивление, охране будет разрешено использовать также физическую силу против рабочих. Но к этому можно прибегать только в случаях, не вызывающих сомнения. Рабочие всегда должны быть предупреждены о том, что с ними будут хорошо обращаться, если они будут соблюдать дисциплину и добросовестно работать. В случаях серьезных нарушений, то есть тогда, когда средства, которыми располагает начальник охраны, недостаточны, должна вмешиваться государственная полиция, используя те средства, которые имеются в ее распоряжении. В таких случаях, как правило, будут применяться только строжайшие меры, как-то: перевод в концлагерь или особая мера. Перевод в концлагерь должен производиться обычным путем. В самых серьезных случаях нарушений следует обращаться

в главное имперское управление безопасности с тем, чтобы применить особую меру. При этом следует указать данные о нарушителе и точное изложение проступка. Особая мера заключается в повешении. Это не следует производить в непосредственной близости от лагеря.

Определенное число рабочих из областей Советской России должно присутствовать при приведении в исполнение особой меры. При этом их следует предупредить относительно действий, которые влекут за собой особую меру.

В случае, если в интересах лагерной дисциплины требуется привести в исполнение особую меру в самом лагере, то на это также надо испрашивать соответствующее разрешение...

Рабочим, вывезенным с собственно русской территории, половые сношения запрещены. Они не имеют для этого никакой возможности уже в силу изолированности их жилых помещений.

В каждом случае установления половых сношений с немецкими крестьянами или крестьянками следует делать запрос о применении особой меры для рабочих из областей Советской России и о переводе в концентрационный лагерь для работниц...

Розыск скрывшихся рабочих из областей собственно Советской России должен производиться главным образом путем объявления в германской книге розысков.

Затем мероприятия по розыску проводятся местными властями.

При поимке бежавшего к нему надо применить особую меру».

Как я уже неоднократно указывал, первостепенной задачей всей программы рабского труда было заставить население оккупированных стран работать в интересах германской военной экономики.

Декрет, которым Заукель был назначен главным уполномоченным по вопросам рабочей силы, устанавливает, что целью назначения было облегчать захват рабочей силы, требовавшейся для германской военной промышленности, и в частности для промышленности вооружения, тем, что вся ответственность за вербовку и распределение иностранных рабочих и военнопленных между этими отраслями промышленности была возложена на Заукеля.

Документ ПС-1666 представляет собой декрет, подписанный Гитлером, Ламмерсом и подсудимым Кейтелем 21 марта 1942 г. Этим декретом подсудимый Заукель был назначен главным уполномоченным по использованию рабочей силы. Я прошу Суд принять этот документ без доказательств:

«В целях обеспечения рабочей силой, необходимой для военного производства в целом и для производства вооружения в особенности, надо, чтобы использование всех могущих быть

использованными рабочими, включая иностранных рабочих и военнопленных, было подчинено единому контролю, который должен проводиться в соответствии с потребностями военной промышленности. В дальнейшем надо мобилизовать всю еще не полностью использованную рабочую силу на территории великой германской империи, включая протекторат, а также в генерал-губернаторстве и на оккупированных территориях. Рейхсштаатгальтер и гаулейтер Фриц Заукель должен выполнять эту задачу по использованию рабочей силы в рамках четырехлетнего плана. В этой своей должности он будет непосредственно подчинен уполномоченному по выполнению четырехлетнего плана...

Имперское министерство труда совместно с подведомственными ему властями будет подчинено генеральному уполномоченному для выполнения порученной им задачи.

О том, насколько успешной была деятельность Заукеля, можно судить по письму, которое он сам направил Гитлеру 15 апреля 1943 г. В этом письме содержался отчет о его деятельности в течение одного года (документ ПС-407, США-209):

«После годичной работы в качестве уполномоченного по вопросам рабочей силы я могу доложить, что германской военной экономике было передано 3 638 056 новых иностранных рабочих, начиная с 1 апреля прошлого года до 31 марта этого года. Эти 3 638 056 человек распределены между следующими отраслями германской военной промышленности: промышленность по производству вооружения — 1 568 801 человек...»

Дополнительные доказательства относительно неуклонного использования порабощенных иностранных рабочих можно найти также в отчете центрального комитета по планированию, на который мы неоднократно ссылались вчера и сегодня утром. Одно из совещаний этого комитета состоялось 16 февраля 1944 г. Я ссылаюсь на документ Р-124 (США-179). В протоколе совещания записано:

«В промышленности по производству вооружения широко используются иностранные рабочие. Согласно последним данным, — 40 процентов».

Согласно данным министерства Шпеера на 31 декабря 1943 г., примерно 2 миллиона иностранных рабочих использовались непосредственно в производстве вооружения и боеприпасов.

То, что подавляющее большинство этих рабочих угонялось в Германию против их воли, явствует из заявления Заукеля (третий абзац документа Р-124). Там говорится, что из 5 миллионов иностранных рабочих менее 200 тысяч прибыли добровольно.

...Подсудимые Заукель, Шпеер и Кейтель также преуспевали в принуждении иностранных рабочих к участию в строительстве военных сооружений.

Таким образом, граждан Франции, Голландии и Бельгии принуждали против их воли участвовать в строительстве «Атлантического вала».

Документ ПС-556-2 (США-194) представляет собой приказ Гитлера от 8 сентября 1942 г., и на нем имеются инициалы подсудимого Кейтеля.

Я зачитаю весь приказ:

«Обширное строительство укреплений на побережье, которые я приказал возвести в районе армейской группы на Западе, вызывает необходимость мобилизации всех пригодных рабочих на оккупированных территориях для того, чтобы максимально использовать всю их производительную способность. Предварительная мобилизация внутренних ресурсов рабочей силы оказалась недостаточной. С целью обеспечить большее количество рабочей силы я приказал ввести обязательную трудовую повинность, а также запретил менять место работы без разрешения властей, находящихся на оккупированной территории.

Получение карточек на продовольствие и одежду лицами, подлежащими рабочей мобилизации, должно в дальнейшем зависеть от наличия удостоверения о работе. Отказ от работы там, где это назначено, и самовольное оставление работы без разрешения соответствующих властей повлекут за собой лишение продовольственных карточек и карточек на одежду.

Заместитель генерального уполномоченного по вопросам использования рабочей силы, по согласованию с военным командованием, а также имперский уполномоченный издадут соответствующие декреты для проведения в жизнь вышеизложенного».

Подсудимый Заукель хвастался перед Гитлером относительно программы рабского труда при строительстве «Атлантического вала», которое производилось организацией Тодта, возглавляемой подсудимым Шпеером. Я ссылаюсь на документ ПС-407, представленный под № США-185. Это письмо подсудимого Заукеля Гитлеру, датированное 17 мая 1943 г., я зачитаю второй и последний абзацы:

«В дополнение к рабочей силе, которая была передана всей германской экономике управлением по вопросам рабочей силы, после того как я принял на себя руководство, свежая рабочая сила постоянно поступала и в организацию Тодта. Таким образом, управление по использованию рабочей силы сделало все для того, чтобы сделать возможным завершение «Атлантического вала»...»

Аналогичным образом русских гражданских лиц принуждали вступать в батальоны и заставляли строить укрепления, которые должны были быть использованы против их собственных соотечественников.

В документе ПС-031, представленном под № США-171 и являющемся меморандумом Розенберга, говорится:

«Мужчины и женщины в районах театров военных действий мобилизовывались и будут мобилизовываться в рабочие батальоны, которые должны быть использованы на строительстве укреплений».

В дополнение нацистские заговорщики принуждали военнопленных участвовать в военных операциях против их собственной страны и ее союзников. На совещании центрального комитета по планированию 19 февраля 1943 г., на котором присутствовали подсудимый Шпеер, подсудимый Заукель и фельдмаршал Мильх, имела место следующая беседа, запись о чем имеется в документе P-124:

Заукель: Если там берут пленных, то в них будет нужда.

Мильх: Мы запросили приказ о том, чтобы определенный процент лиц, занятых в зенитной артиллерии, состоял из русских. Всего будет использовано 50 тысяч человек. 30 тысяч человек уже используются в качестве орудийной прислуги. Завабно, что русские должны обслуживать орудия».

Я представляю документ ПС-3027 под № США-211 и документ ПС-3028 под № США-212. Это — официальные фотографии фотографов германской армии. Подписи гласят, что русские военнопленные используются в качестве подносчиков боеприпасов во время атаки против Чудова. Все это является вопиющим нарушением норм международного права, особенно статьи 6 правил, приложенных к четвертой Гаагской Конвенции 1907 года, которые гласят, что работа, поручаемая военнопленным, не должна иметь никакого отношения к военным действиям.

Использование военнопленных в военной промышленности Германии было столь же распространенным и обширным, как использование принудительного труда иностранных гражданских лиц.

Я представляю документ ПС-3005 под № США-213. Этот документ представляет собой секретное письмо имперского министра труда, адресованное председателям местных учреждений по распределению рабочей силы, в котором имеется ссылка на приказ подсудимого Геринга. Я оглашу первый абзац этого документа:

«По личному приказу рейхсмаршала 100 тысяч человек должны быть взяты из числа французских военнопленных, еще не используемых в промышленности по производству вооружения, и переданы в распоряжение промышленности по производству вооружения (строительство самолетов). Недостаток рабочей силы, который возникнет в результате этого, должен быть возмещен за счет советских военнопленных. Перевод вышеупомяну-

тых французских военнопленных должен быть закончен к 1 октября».

Аналогичная попытка проводилась в отношении русских военнопленных. Подсудимый Кейтель возглавил проведение в жизнь приказа Гитлера об использовании военнопленных в германской военной промышленности. Я ссылаюсь на документ ЕС-194, представленный под № США-214. Это секретный меморандум, составленный, согласно имеющейся на нем надписи, в ставке Гитлера 31 октября 1941 г. Я оглашаю абзацы 1 и 2:

«Недостаток рабочей силы становится все возрастающим опасным препятствием для будущего германской военной промышленности по производству вооружения. Облегчение, которое ожидается в результате демобилизации из армии, неопределенно как в отношении размеров, так и в отношении даты. Однако возможные результаты демобилизации никоим образом не смогут удовлетворить всех наших ожиданий и требований ввиду больших запросов. Фюрер приказал, чтобы в качестве рабочей силы широко использовались русские военнопленные путем применения их в широких масштабах в военной промышленности. Необходимым условием для производства является достаточное питание.

Следует предусматривать низкую зарплату и более чем скромное снабжение.

Допускаются награды в виде небольшого количества предметов ширпотреба за хорошую работу».

Я процитирую параграфы 2 и 3:

«2. Строительство и производство вооружения:

а) Рабочие команды для строительства сооружений всякого рода, в особенности для возведения укреплений на побережье. Бетонщики, которые позволяют освободить команды для важных военных заводов.

б) Подходящие заводы по производству вооружения, которые должны быть подобраны таким образом, чтобы их рабочие состояли в большинстве из военнопленных, находящихся под контролем и наблюдением, после того как будут отозваны оттуда и использованы на другой работе германские рабочие.

3. Другие отрасли военной промышленности:

- а) Шахты, как указано в 2 (b);
- б) строительство железных дорог;
- в) сельское и лесное хозяйства.

Использование русских военнопленных должно регулироваться на основании вышеуказанных примеров следующими организациями: в отношении параграфа 1 — вооруженными силами, в отношении параграфа 2 — имперским министром по производству вооружений и боеприпасов и генеральным инспектором германских железных дорог по согласованию с имперским

министром труда и верховным командованием германских вооруженных сил. Представители имперского министра вооружения и боеприпасов должны допускаться в лагеря для военнопленных для того, чтобы содействовать отбору квалифицированной рабочей силы».

Подсудимый Геринг на совещании в министерстве авиации 7 ноября 1941 г. также обсуждал вопрос об использовании военнопленных в промышленности по производству вооружения.

Я ссылаюсь на документ ПС-1206 (США-215). Этот документ представляет собой совершенно секретные замечания по поводу инструкции Геринга в отношении использования военнопленных и обращения с ними во многих отраслях германской военной промышленности.

«Точка зрения фюрера по вопросу использования военнопленных в военной промышленности изменилась коренным образом. До настоящего момента из общего количества в 5 миллионов военнопленных используются 2 миллиона».

В Германии и протекторате будет идеальным условием, если целые фабрики будут укомплектованы русскими военнопленными, за исключением служащих, необходимых для руководства. В первую очередь внутри Германии и в протекторате снабжению рабочей силой подлежат:

а) Угледобывающая промышленность. По приказу фюрера надо произвести осмотр всех шахт для установления возможности обслуживания их русскими.

Затем надо будет целиком укомплектовать такие предприятия русскими рабочими.

б) Транспорт (строительство локомотивов, вагонов и ремонтные мастерские).

Надо выявлять из числа военнопленных рабочих железнодорожных ремонтных мастерских и промышленных рабочих. Железнодорожный транспорт является наиболее важным видом транспорта на Востоке.

в) Производство вооружения. Предпочтительны предприятия по производству танков и пушек. Можно также использовать при изготовлении частей для самолетных моторов. Надо укомплектовать подходящие цеха на заводах исключительно русскими. В отношении остальных видов производства, указанных в таблице, — использование на предприятиях по производству тракторов, генераторов и т. д., а также инструментального машиностроения. В случае крайней необходимости следует строить бараки для временных рабочих, которые используются при разгрузке деталей и т. д. (Имперский министр внутренних дел через местные власти).

Верховное командование вооруженных сил ответственно за перевозку русских военнопленных, используемых в военной про-

мышленности, и действует через плановое управление по использованию всех военнопленных. В случае необходимости надо прибегать к помощи управлений имперских уполномоченных.

...Ни в коем случае нельзя использовать этих людей, если существует опасность для людей или для их снабжения, а именно: на фабриках, где имеют дело с взрывчатыми веществами, или использовать их на энергетических установках, водопроводных сооружениях и т. д. Нельзя допускать никакого контакта с германским населением, особенно никакой «солидарности». Германский рабочий, как правило, является старшим над русскими.

Вопросами продовольствия должно заниматься управление четырехлетнего плана. Снабжение производить из их собственных ресурсов (рогатый скот, лошади и т. д.). Одежда, жилищные условия и питание должны быть несколько лучшими, нежели дома, где часть населения живет в землянках.

Русских, как правило, следует снабжать деревянной обувью. Если необходимо, организовывать русские мастерские по ремонту обуви.

Медицинский осмотр для того, чтобы воспрепятствовать распространению заболеваний.

Восстановление шахт должно, как правило, производиться русскими; если возможно, отбирать для этой цели русских саперов».

Однако не только один подсудимый Геринг из числа этих подсудимых руководил и проводил в жизнь политику использования военнопленных в промышленности по производству вооружения. Подсудимый Шпеер также руководил использованием военнопленных в промышленности по производству вооружения. Я сейчас ссылаюсь на документ ПС-1435 (США-216). Этот документ представляет собой речь, произнесенную подсудимым Шпеером перед нацистскими гаулейтерами 24 февраля 1942 г.:

«...Поэтому я предложил фюреру, чтобы к концу декабря вся моя рабочая сила, включая специалистов, была бы освобождена ввиду массовой вербовки на Востоке. Соответственно оставшиеся военнопленные, примерно 10 тысяч человек, мною предоставлены в распоряжение промышленности по производству вооружения».

Он говорил также на 36-м совещании центрального комитета по планированию 22 апреля 1943 г. о том, что только 30 процентов русских военнопленных были заняты в промышленности по производству вооружения. Подсудимый Шпеер нашел, что этого недостаточно. Я сейчас зачитаю выдержку из документа Р-124— протокола этого совещания. Подсудимый Шпеер заявил тогда следующее:

«Имеются особые данные, показывающие, в каких отраслях используются русские военнопленные. Эти данные представляют

большой интерес. Они показывают, что промышленность по производству вооружения получила только 30 процентов. Я всегда выражал недовольство этим...

90 тысяч русских военнопленных, которые используются во всей промышленности по производству вооружения, состоят в большинстве из квалифицированных рабочих».

Подсудимый Заукель ясно заявил, что военнопленных принуждали работать в германской военной промышленности. Его программа мобилизации рабочей силы изложена в документе ПС-016, представленном под № США-168:

«Все военнопленные как с территорий на Западе, так и с территорий на Востоке, находящиеся сейчас в Германии, должны полностью использоваться в германской промышленности по производству вооружения и в производстве продуктов питания. Их производительность должна достигнуть максимально возможного уровня».

Сейчас я хотел бы перейти от использования иностранной рабочей силы в целом к особой нацистской программе, которая сочетает в себе бесчеловечность и цели, изложенные в программе рабского труда, с целями, которые преследовались путем применения концентрационных лагерей. Нацисты помещали всех граждан союзных наций в концентрационные лагеря и заставляли их вместе с другими заключенными концентрационных лагерей работать при таких условиях, которые должны были привести к их гибели. Это было то, что мы называем нацистской программой истребления посредством непосильного труда.

Весной 1942 года нацистские заговорщики обратились к концентрационным лагерям как дополнительному источнику рабочей силы для промышленности по производству вооружения. Я представляю в виде доказательства документ Р-129 (США-217). Это письмо, адресованное Гиммлеру, рейхсфюреру СС, от 30 апреля 1942 г. одним из его подчиненных по фамилии Поль, который был обергруппенфюрером СС и генералом войск СС.

«Сегодня я докладываю относительно нынешнего положения с концентрационными лагерями и относительно мероприятий, которые я провел в соответствии с вашим приказом от 3 марта 1942 г.

... 1. Война вызвала заметную перемену в структуре концлагерей, а также изменила их назначение в отношении использования заключенных. Лишение свободы в интересах обеспечения безопасности ради воспитательных или предохранительных целей более не является основным положением. На первое место все более выдвигается цель мобилизации всех заключенных, которые пригодны для работы сейчас в интересах войны, а затем в интересах предстоящего мирного строительства.

2. Для этого необходимы определенные мероприятия, имеющие целью превратить концентрационные лагеря в организации, которые будут более пригодны для использования их в интересах экономических, в то время как ранее они использовались только в чисто политических целях.

3. С этой целью я созвал всех руководителей бывшего управления концентрационных лагерей, всех комендантов лагерей, а также всех руководителей и надзирателей за рабочими 23 и 24 апреля 1942 г. Я лично объяснил им это новое положение вещей. Я обобщил в своем приказе, который прилагается при сем, основные цели, которые надо проводить в жизнь в самом срочном порядке, чтобы не задерживать производство вооружения».

Приложение к письму представляет собой часть документа Р-129:

«... 4. Комендант лагеря несет всю ответственность за использование лиц, пригодных для работы. Это использование должно быть в полном смысле этого слова выматывающим с целью добиться наибольшей производительности труда. Задания устанавливаются только главой департамента «Д» в централизованном порядке. Комендантам лагерей запрещается соглашаться на выполнение по их собственной инициативе работы, предложенной третьими лицами, или вести переговоры об этом.

5. Рабочий день не ограничен. Продолжительность рабочего дня определяется видом предприятия и характером работы. Продолжительность рабочего дня устанавливается только комендантами лагерей.

6. Любые условия, которые могут привести к сокращению рабочего дня (как-то: еда, поверки и т. д.), должны быть сокращены до минимума. Запрещено совершать длительные переходы к месту работы, а также запрещено делать вечерние перемены для принятия пищи».

Документ ПС-654 (США-218) представляет собой соглашение рейхсфюрера СС Гиммлера и министра юстиции Тирака от 18 сентября 1942 г.

«... 2. Передача антиобщественных элементов для отбытия наказания рейхсфюреру СС с тем, чтобы они выматывались работой до смерти. Согласно решению имперского министра юстиции, ему передаются находящиеся в превентивном заключении лица, а также евреи, цыгане, русские, украинцы, поляки, приговоренные более чем к 3 годам заключения; чехи и немцы, приговоренные более чем к 8 годам, и в первую очередь — самые закоренелые антиобщественные элементы из указанных выше. Я сообщу об этом фюреру через рейхслейтера Бормана...»

...14. Решено, что в будущем, учитывая цели правительства в отношении решения восточных проблем, евреи, поляки, цыгане, русские и украинцы более не должны предаваться обычным

судам, поскольку это касается подлежащих наказанию преступлений, а будут передаваться рейхсфюреру СС. Это не касается гражданских процессов и поляков, фамилии которых объявлены или занесены в германские расовые списки».

Запись совещания Шпеера с Гитлером 20, 21 и 22 сентября 1942 г. содержится в документе Р-124, который представляется под № США-179:

«Я указал фюреру, что, помимо той незначительной работы, которая выполняется, организовать производство вооружения в концентрационных лагерях нет возможности, потому что:

1) не имеется необходимых станков и 2) нет подходящих помещений.

Оба эти условия будут иметься в промышленности вооружения при использовании двух смен. Фюрер согласился с моим предложением о том, чтобы многочисленные предприятия, построенные вне пределов городов в целях ПВО, отпустили своих рабочих на работу во вторую смену на городских предприятиях, а вместо этого получили рабочую силу из концентрационных лагерей также в две смены.

Я указал фюреру на трудности, которые следует ожидать, если рейхсфюрер СС Гиммлер будет, как он просит, иметь решающее влияние на эти предприятия. Фюрер также считает, что в этом влиянии нет необходимости.

Фюрер, однако, согласен с тем, что рейхсфюрер СС Гиммлер должен получить преимущества от такого использования его заключенных — он должен получить снаряжение для своей дивизии.

Я предложил компенсировать натурой (военным снаряжением) в соответствии с количеством рабочих часов, отработанных его заключенными. Обсуждалась доля в 3—5 процентов, причём снаряжение также должно распределяться в соответствии с количеством рабочих часов.

Фюрер согласился с таким решением. Фюрер готов приказать дополнительно передать снаряжение и оружие СС в соответствии с представленными ему списками».

После того как было удовлетворено требование о рабочей силе из концентрационных лагерей и после того как подсудимый Шпеер установил механизм для использования этой силы в промышленности вооружения, были приняты меры к увеличению количества жертв, подлежащих уничтожению путем непосильного труда. Постоянное снабжение заключенными было обеспечено вышеупомянутым соглашением между Гиммлером и министром юстиции, которое проводилось в жизнь при помощи различных планов, как, например, следующего. Я цитирую § 3 письма подсудимого Заукеля от 26 ноября 1942 г. Это — документ Л-61 (США-177). Как Трибунал помнит, это письмо было

направлено областным начальникам бюро по использованию рабочей силы. Цитирую:

«Поляки, которые подлежат эвакуации, в результате этого мероприятия будут направлены в концлагеря и использованы на работе, как преступные или антиобщественные элементы».

Помимо этих общих мер, были проведены специальные кампании против лиц, которые иначе не были бы посланы в концентрационные лагеря.

Документ РС-1063-Д (США-219) представляет собой приказ начальника гестапо Мюллера от 17 декабря 1942 г. В нем говорится:

«...В силу военной необходимости, не подлежащей здесь разъяснению, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции приказал 14 декабря 1942 г., чтобы до конца января 1943 года не менее 35 тысяч заключенных, способных к работе, были посланы в концентрационные лагеря.

Для того чтобы обеспечить это количество, требуются следующие меры:

1. С настоящего момента и впредь до 1 февраля 1943 г. все восточные рабочие или такие иностранные рабочие, которые сбежали или которые порвали контракты и которые не принадлежат к союзным, дружественным или нейтральным государствам, должны скорейшим способом быть переведены в ближайшие концентрационные лагеря.

2. Коменданты и командиры полиции безопасности и службы безопасности и начальники государственной полиции немедленно должны тщательно и строго проверить: а) тюрьмы, б) трудовые исправительные лагеря.

Все трудоспособные заключенные, если для этого имеются какие-либо возможности, будут немедленно переведены в ближайшие концентрационные лагеря в соответствии со следующей инструкцией, а также в тех случаях, когда в скором времени должно начаться судебное преследование их. В тюрьмах можно оставлять только таких заключенных, которые в интересах следствия должны оставаться в строгом одиночном заключении. Нам нужен каждый рабочий...»

Были также приняты меры для обеспечения того, чтобы истребление посредством непосильного труда производилось с максимальной эффективностью. Вблизи от важных военных предприятий были созданы вспомогательные концентрационные лагеря. Подсудимый Шпеер признал, что он лично обездрил Верхнюю Австрию и выбрал места для концентрационных лагерей близ различных предприятий вооружения в этом районе.

Оглашаю выдержки из протокола допроса подсудимого Шпеера (документ США-220):

«...Хорошо известно, что мы хотели использовать рабочих из концентрационных лагерей на предприятиях и создать небольшие концлагеря близ предприятий для того, чтобы использовать рабочую силу, которая там имелаась. Но это связано не только с этим путешествием» (то есть путешествием подсудимого Шпеера в Австрию).

Подсудимый Геринг одобрил использование рабочей силы из концлагерей и потребовал, чтобы оно было увеличено. Это видно из телеграммы Геринга Гиммлеру от 14 февраля 1944 г. (документ ПС-1584, США-221). Цитирую, начиная со второй фразы:

«В то же время я прошу вас предоставить в мое распоряжение для использования в авиационной промышленности максимальное количество заключенных концентрационных лагерей, так как опыт показал, что эта рабочая сила оказалась очень полезной. Условия воздушной войны делают необходимым перевод промышленности под землю. При такой работе заключенные концентрационных лагерей могут быть особенно сконцентрированы как на работе, так и в лагерях».

Впоследствии подсудимый Шпеер взял на себя ответственность за выполнение этой программы; Гитлер обещал Шпееру, что если нельзя будет получить необходимую рабочую силу для выполнения плана, то части СС привезут 100 тысяч евреев из Венгрии. Подсудимый Шпеер записал свои беседы с Гитлером 6 и 7 апреля 1944 г. (документ Р-124, США-179):

«...Предложил фюреру, чтобы ввиду недостатка строителей и оборудования следующее большое строительство было осуществлено не на немецкой территории, а вблизи границ, на подходящей почве: на французской, бельгийской или голландской территории. Фюрер согласился с этими предложениями при условии, что строительство будет произведено за укреплениями».

Французская территория особо приемлема, так как там легче будет найти рабочих. Однако фюрер предлагает попытаться соорудить второй завод в более безопасном районе, а именно — в протекторате. Если и там окажется невозможным получить необходимых рабочих, то фюрер сам свяжется с рейхсфюрером СС и даст приказ привезти евреев из Венгрии, чтобы обеспечить доставку 100 тысяч рабочих. Подчеркивая, что организация по строительству провалилась, фюрер требует, чтобы эти заводы были построены исключительно организацией Тодта и чтобы рабочие были предоставлены рейхсфюрером СС. Он намеревается вскоре провести совещание для того, чтобы обсудить детали со всеми заинтересованными лицами».

Безгранично зверское, бесчеловечное и издевательское обращение с гражданами союзных стран и другими жертвами концентрационных лагерей, которых заставляли работать, пока они от этого не умирали. Документ Л-159 (США-222) — это офи-

циальный отчет комитета американского конгресса, который осматривал освобожденные лагеря по просьбе генерала Эйзенхауэра.

Я хотел бы процитировать последний абзац на странице 14 и первые два абзаца на странице 15:

«Обращение с этими заключенными в концентрационных лагерях обычно заключалось в следующем: они содержались в деревянных бараках, которые в нормальных условиях должны были бы вмещать в 10 раз меньше людей. Они были вынуждены спать на деревянных нарах в 3 или 4 этажа иногда без всякого прикрытия, иногда прикрываясь лишь грязным тряпьем».

Их пища обычно состояла из полфунта черного хлеба в день и водянистого супа в полдень и вечером, а иногда они и этого не получали. Ввиду скученности и недостатка питания увеличивались вшивость и грязь, распространялись болезни; те из заключенных, которые быстро не умирали от истязаний и болезней, мучительно и медленно умирали от голода».

Несмотря на преднамеренную программу умерщвления заключенных голодом, мы не нашли никаких признаков того, что германский народ в целом страдал от недостатка пищи или одежды. Этот контраст был столь разительным, что мы могли прийти только к одному выводу — лишение пищи было преднамеренным».

При заключении в эти лагеря вновь прибывшие были вынуждены работать на близлежащем военном предприятии или бригадами выполнять другие работы поблизости, причем каждую ночь они возвращались в бараки. Обычно один из немецких преступников получал контроль над каждым из корпусов или барачков, где спали заключенные. Он время от времени набирал самых юных или сообразительных из заключенных или тех, которые проявляли способность вести за собой других. Эти заключенные должны были отправляться в караульное помещение и пропадали без вести. Заключенные предполагают, что эти люди расстреливались или отравлялись газом, а их тела затем сжигались. Отказ от работы или нарушение правил обычно приводили к избиванию или другим пыткам, как, например, вырыванию ногтей, и это всегда оканчивалось смертью жертвы после тяжелых страданий».

Описанная политика является преднамеренной программой пыток и истребления со стороны тех, кто входил в германское правительство».

Теперь перехожу к описанию лагеря Дора в Нордгаузене. «В общем и целом мы нашли, что этот лагерь управлялся приблизительно так же, как и Бухенвальд. Когда производительность труда рабочих уменьшалась в результате их бытовых условий, их рацион в качестве наказания также понижался. Это был

заколдованный круг: тот, кто был слаб, становился еще слабее и в конце концов погибал».

Таков был круговорот труда, пыток, голода и смерти для рабочих концентрационных лагерей, рабочих, которых подсудимый Геринг назвал очень полезными, требуя, чтобы большее количество их было предоставлено в его распоряжение, рабочих, которых подсудимый Шпеер «очень хотел» использовать на предприятиях, находящихся под его контролем. О политике, методах ее проведения и ответственности за нее заговорщиков уже много говорилось. В данный момент мы хотим указать на особую ответственность подсудимого Заукеля...

Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы он был назначен декретом от 21 марта 1942 г., который был подписан Гитлером, Ламмерсом и подсудимым Кейтелем. Согласно этому декрету, Заукель был подчинен только Гитлеру и Герингу, который руководил четырехлетним планом, по всем вопросам, касающимся набора, распределения и использования внутренней и иностранной рабочей силы.

Подсудимый Геринг, которому Заукель был непосредственно подчинен, упразднил управления четырехлетнего плана по набору и распределению рабочей силы, передав эти вопросы в ведение подсудимого Заукеля, и дал ему большие полномочия как заместителю по проведению четырехлетнего плана.

«Согласно декрету фюрера от 21 марта 1942 г. я приказываю следующее:

1. Все мои отделы по использованию рабочей силы настоящих упраздняются (циркуляр от 22 октября 1936 г.). Их функции (набор и распределение рабочей силы, регулирование условий труда) передаются генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы, который подчинен непосредственно мне.

2. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет нести ответственность за установление условий труда (уровень зарплаты) рабочих, занятых на территории Германии, с учетом необходимости использования рабочей силы.

3. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет работать в рамках четырехлетнего плана. В случае, если понадобится введение новых законов или изменение существующих, он будет представлять мне соответствующие предложения.

4. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы может для выполнения своих задач пользоваться правом, данным мне фюрером, давать указания высшим имперским органам власти, их отделам, партийным и другим организациям, а также протектору Чехии и Моравии, генерал-губернатору

Польши, главнокомандующему и главам гражданских органов администрации. О декретах и сугубо важных инструкциях мне должно докладываться заблаговременно».

Документ ПС-1903 — это декрет Гитлера от 30 сентября 1942 г., дающий подсудимому Заукелю чрезвычайную власть над гражданскими и военными властями на оккупированных Германией территориях:

«Настоящим уполномочиваю генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, рейхсштаатгальтера и гаулейтера Заукеля принимать все необходимые меры по его усмотрению для проведения в жизнь моего декрета от 21 марта 1942 г. относительно генерального уполномоченного по использованию рабочей силы (напечатанного в «Рейхсгезетцблатт» № 1, стр. 179) на территории германской империи, протектората и генерал-губернаторства, а также на оккупированных территориях, — меры, которые при всех обстоятельствах обеспечат правильное распределение рабочей силы для германской военной экономики. С этой целью он может назначать уполномоченных в военные и гражданские органы администрации. Они подчиняются непосредственно генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы. Для выполнения своих задач они имеют право издавать директивы компетентным военным и гражданским властям, занимающимся распределением рабочей силы и установлением зарплаты. Более подробные директивы будут изданы генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

Ставка фюрера, 30 сентября 1942 г., *Адольф Гитлер*».

Через месяц после своего назначения подсудимый Заукель направил подсудимому Розенбергу свою «Программу мобилизации рабочей силы» (документ ПС-016, США-168). Она предусматривает принудительный набор и максимальное использование всех ресурсов рабочей силы в захваченных районах и военнопленных в интересах нацистской военной машины с минимальными затратами со стороны германского государства. Подсудимый Заукель заявил в этом документе:

«Однако следует подчеркнуть, что для Германии дополнительно должно быть найдено огромное количество иностранных рабочих. Лучший источник — оккупированные территории Востока. Поэтому непосредственной необходимостью является исчерпывающее использование человеческих ресурсов на захваченных советских территориях. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, то мы должны немедленно ввести мобилизацию или принудительный труд.

Помимо военнопленных, все еще находящихся на оккупированных территориях, мы должны мобилизовать на советской

территории квалифицированный и неквалифицированный мужской и женский труд с пятнадцатилетнего возраста...

Полное использование всех военнопленных, а также использование огромного количества новых иностранных гражданских рабочих — мужчин и женщин — стали настоятельной необходимостью для решения программы мобилизации рабочей силы в этой войне».

Подсудимый Заукель начал проводить этот план путем некоторых основных директив. Он предусмотрел, что если добровольный набор иностранных рабочих будет безуспешным, то надо будет установить трудовую повинность.

Документ ПС-3044 — это указание Заукеля № 4 от 7 мая 1942 г.:

«Набор иностранных рабочих будет проведен на основе добровольности. Однако когда на оккупированных территориях приток добровольцев будет недостаточным, то при всех обстоятельствах следует применять трудовую повинность и мобилизацию. Этого требует наше положение».

Заукель также предусмотрел распределение иностранной рабочей силы в порядке значимости для нацистской военной машины. Документ ПС-3044а — это указание Заукеля № 10, которое гласит (третий абзац):

«Источники рабочей силы, которые имеются на оккупированных территориях, должны быть использованы главным образом для удовлетворения требований, имеющих значение внутри Германии для ведения войны.

При распределении этой рабочей силы на оккупированных территориях следует соблюдать следующий порядок:

- а) рабочая сила, требуемая для войск, для оккупационных и для гражданских властей;
- б) рабочая сила, требуемая для германской промышленности вооружения;
- с) рабочая сила, требуемая для продовольствия и сельского хозяйства;
- д) рабочая сила, требуемая для промышленности, помимо промышленности вооружения;
- е) рабочая сила, требуемая для производства в интересах соответствующей территории».

Заукель и подчиненные ему учреждения располагали всей полнотой власти в отношении набора рабочих со всех районов Европы, оккупированных и контролируемых Германией или находящихся в дружественных с ней отношениях. Цитирую документ ПС-3044 (США-206):

«Набор иностранной рабочей силы в районах, оккупированных Германией, в союзных, дружественных или нейтральных государствах будет проводиться исключительно моими уполномоченными

или компетентными германскими военными или гражданскими властями по мобилизации рабочей силы...

Мои уполномоченные несут полную ответственность за набор в союзных, дружественных или нейтральных иностранных государствах».

Помимо этого следующие подсудимые, которым Заукель сообщил о требуемом им количестве иностранных рабочих, сотрудничали с Заукелем и его агентами при проведении набора. Подсудимый Кейтель, руководитель верховного командования, сотрудничал с Заукелем.

Документ ПС-3012-1 (США-190) — это запись беседы по телефону начальника восточного экономического штаба германской армии от 11 марта 1943 г.:

«Учитывая огромные потери рабочих, которые понесла германская военная промышленность в силу событий последних месяцев, необходимо, чтобы набор рабочих повсюду проводился с максимальной энергией. При нынешнем положении дел совершенно нетерпима тенденция, которая имеется на этой территории, — ограничить или полностью прекратить набор рабочей силы для Германии.

Гаулейтер Заукель, которому было известно об этом, немедленно обратился к фельдмаршалу Кейтелю 10 марта 1943 г. и в телеграмме подчеркнул, что на всех оккупированных территориях, когда другие методы оказываются безуспешными, следует, согласно приказу фюрера, применять некоторый нажим».

Я ссылаюсь на допрос подсудимого Заукеля от 5 октября 1945 г. (документ США-226):

В о п р о с: Для того чтобы осуществить программу, было ли необходимо установить связь с верховным командованием?

О т в е т: Я помню, что фюрер дал указание фельдмаршалу Кейтелю о том, что моя задача была чрезвычайно важной, и я сам часто беседовал с Кейтелем после этой встречи с фюрером, когда я просил его поддержки.

В о п р о с: Его задачей было наблюдать за тем, чтобы военные командиры в оккупированных странах правильно выполняли свои задачи?

О т в е т: Да, фюрер сказал мне, что он сообщит руководителю верховного командования и начальнику имперской канцелярии об этих заданиях. То же самое относится и к министру иностранных дел».

Подсудимый Альфред Розенберг, имперский министр по оккупированным восточным территориям, также сотрудничал с Заукелем. Я ссылаюсь на протокол допроса под присягой подсудимого Розенберга после полудня 6 октября 1945 г. (документ США-187):

«Вопрос: Правда ли, что Заукель установил количество рабочих, которое должны были поставить различные районы, находящиеся в вашей компетенции?»

Ответ: Да.

Вопрос: А после этого ваши уполномоченные добывали эту рабочую силу для того, чтобы выполнить эти нормы?»

Ответ: Обычно Заукель имел очень далеко идущие желания, которые нельзя было выполнить без тщательного изучения вопроса.

Вопрос: Неважно, были ли желания Заукеля далеко идущими или нет. Это никакого отношения к делу не имеет. Вам сообщали нормы по районам, находящимся в вашей компетенции, и вы должны были выполнить эти нормы?»

Ответ: Да, административные чиновники получали эти установленные нормы и распределяли их по районам в соответствии с количеством и возрастом для того, чтобы разумным образом выполнить их.

Вопрос: Эти административные чиновники работали в вашей организации?»

Ответ: Они были чиновниками имперского комиссара по делам Украины, но их назначало министерство по восточным оккупированным территориям.

Вопрос: Вы понимали, что нормы, установленные Заукелем, не могли быть выполнены на добровольных началах, и вы не были против принудительного набора?»

Ответ: Я сожалел, что требования Заукеля были столь неотложны, что они не могли быть удовлетворены на добровольных началах. Поэтому я подчинился необходимости принудительного набора.

Вопрос: Письма Заукеля и ваши, которые мы уже видели, не указывают на какое-либо несогласие с вашей стороны с принципом принудительного набора рабочей силы. Насколько я помню, вы возражали против обращения, которому затем подвергались эти рабочие, а не против их принудительного набора — не так ли?»

Председатель: По-моему, нужно для справедливости зачитать также следующие два ответа подсудимого Розенберга после того, как он сказал, что подчинился необходимости принудительного набора.

Додд: Хорошо, я зачитаю.

«Вопрос: Вы когда-нибудь предлагали Заукелю отказаться от принудительного набора рабочей силы, когда набор на добровольных началах не давал должных результатов?»

Ответ: Я не мог этого сделать, потому что нормы, которые были установлены самим фюрером, были совершенно обязательны, и я не мог ничего сделать».

Обращаюсь снова к вопросу, который я уже зачитал. Ответ следующий: «Это правильно. В этих письмах я главным образом искал возможности установления наиболее мягкого обращения, но никогда я не противился самим приказам, которые он выполнял для фюрера».

Известно также, что подсудимый Заукель также получал помощь от подсудимого Зейсс-Инкварта, который был в то время рейхскомиссаром оккупированных Нидерландов.

Я вновь ссылаюсь на стенограмму допроса подсудимого Заукеля:

«Вопрос: Я хочу обратить теперь ваше внимание на Голландию. Насколько я понимаю, количество рабочих, которое должно быть вывезено из Голландии, согласовывалось, а затем эти нормы сообщались Зейсс-Инкварту для выполнения. Это правильно?»

Ответ: Да, это правильно.

Вопрос: После сообщения Зейсс-Инкварту норм он должен был выполнять их с помощью ваших представителей, не правда ли?»

Ответ: Да. Это — единственно, что я мог сделать».

То же самое относится и к другим странам.

Подсудимый Ганс Франк, который был генерал-губернатором Польши, также участвовал в выполнении заданий подсудимого Заукеля по набору рабочей силы.

«Вопрос: Применялся ли такой же порядок при распределении норм в Польском генерал-губернаторстве?»

Ответ: Да. Я снова должен заявить, что единственная возможность выполнения этих заданий для меня была в том, чтобы связаться с высшими германскими военными властями в соответствующих странах, передать им эти распоряжения фюрера и просить, как я всегда это делал, их выполнить.

Вопрос: В Польше такие переговоры, конечно, велись с генерал-губернатором Франком?»

Ответ: Я два или три раза провел утро и вечер в Кракове и лично разговаривал с генерал-губернатором Франком. Здесь же, естественно, присутствовал секретарь доктор Геббель. СС также оказывала свою помощь, как и во всех вопросах, связанных с применением насилия».

Документ ПС-1292, представляемый под № США-225, является отчетом министра Ламмерса о совещании у Гитлера, на котором, среди других, присутствовали подсудимые Заукель, Шпеер и рейхсфюрер СС Гиммлер.

«Уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель заявил, что он попытается с фанатичной решимостью получить этих рабочих. В прошлом он всегда выполнял свои обещания относительно количества рабочих, которые должны быть представлены».

Однако он не может дать определенного обещания в отношении 1944 года. Он будет делать все, что может, чтобы предоставить требуемое количество рабочей силы в 1944 году. Удастся это или нет, зависит от того, что сумеют сделать немецкие агенты по набору. Его планы не могут быть выполнены при помощи местных агентов по набору рабочей силы...

Сегодня у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель, министр вооружения и военного производства Шпеер, руководитель вооруженных сил генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-фельдмаршал Мильх, исполняющий обязанности министра продовольствия и сельского хозяйства Бакке, министр внутренних дел рейхсфюрер СС Гиммлер и я».

Затем в скобках сказано:

«Министр иностранных дел и министр экономики неоднократно просили, чтобы их допустили на совещание, но фюрер не хотел, чтобы они присутствовали».

Продолжаю цитату:

«Фюрер заявил во вступительном слове:

Я хочу иметь ясную картину: 1) сколько рабочих необходимо для поддержания германской военной экономики: а) для поддержания существующего уровня производства, б) для увеличения производительности труда; 2) сколько рабочих можно получить из оккупированных стран и сколько еще может быть получено из Германии путем применения надлежащих мер. Это — вопрос компенсации потерь рабочей силы, вызванных смертью, болезнями и постоянными колебаниями и т. д., а также вопрос о предоставлении дополнительного количества рабочих...»

Уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель заявил, что для того чтобы сохранить нынешнее количество рабочих, необходимо будет набрать, по крайней мере, 2,5, а возможно, и 3 миллиона новых рабочих в 1944 году. Иначе производство снизится. Министр Шпеер заявил, что ему требуется дополнительно 1300 тысяч рабочих. Однако это будет зависеть от того, возможно ли будет увеличить производство железной руды. Если это окажется невозможным, то ему не нужно будет дополнительных рабочих. Предоставление дополнительных рабочих за счет оккупированных территорий будет, однако, ограничено и должно быть подчинено тому условию, чтобы этих рабочих не брали с предприятий военной промышленности, имеющих в оккупированных странах, потому что это приведет к снижению производства, а с этим он не может согласиться. Те, например, рабочие, которые работают на производстве во Франции, не должны посылаться на работу в Германию.

Фюрер согласился с мнением министра Шпеера и подчеркнул, что меры, предпринятые уполномоченным по использованию ра-

бочей силы, не должны ни при каких обстоятельствах привести к уменьшению количества рабочих в промышленности вооружения и в подсобных отраслях промышленности на оккупированных территориях, потому что такая перемена рабочих лишь приведет к беспорядкам на предприятиях в оккупированных странах.

Фюрер, кроме того, указал, что не менее 250 тысяч рабочих будет требоваться для гражданской ПВО. Только для одной Вены немедленно необходимо от 2 до 2,5 тысяч человек. Уполномоченный по использованию рабочей силы должен добавить, по крайней мере, 4 миллиона новых рабочих, учитывая, что требуется 2,5 миллиона для поддержания нынешнего уровня производства, что министр Шпеер нуждается в 1300 тысячах дополнительных рабочих и, кроме того, нужно 250 тысяч для противовоздушной обороны...»

Из документа ПС-3012 (США-190) видно, что, когда Заукель просил помощи у армии в наборе миллиона человек мужчин и женщин за счет оккупированных восточных территорий, он сообщил подсудимому Кейтелю о необходимости принять быстрые меры, а также необходимости, как и во всех других оккупированных странах, применять силу, если другие меры не приведут к успеху.

В самом деле, когда германские командиры на восточном фронте пытались сопротивляться или ограничить требования подсудимого Заукеля, потому что этот насильственный набор увеличивал количество партизан и усложнял задачи армии, Заукель послал телеграмму Гитлеру, в которой он просил его вмешаться. Ссылаюсь на документ ПС-407-II (США-226). Это — телеграмма, как я уже сказал, Заукеля Гитлеру от 10 марта 1943 г. Это довольно пространный документ:

«Поэтому, мой фюрер, прошу вас отменить все приказы, которые мешают использованию иностранных рабочих, и сообщить мне, правильно ли я понимаю изложенные здесь задачи...»

Если трудовую повинность и принудительную мобилизацию рабочих на Востоке более не будет возможности проводить, тогда германская военная промышленность и сельское хозяйство не смогут полностью выполнить свои задачи...

Сам я считаю, что наши руководители армии не должны ни при каких обстоятельствах верить проводимой партизанами пропагандистской кампании о зверствах. Сами генералы заинтересованы в том, чтобы армии была оказана своевременная поддержка. Я хочу указать, что сотни тысяч рабочих, которые сейчас идут в армию, никак не могут быть заменены немецкими женщинами, которые не привыкли к работе, даже если они делают все, что могут. Поэтому я должен использовать людей, вывезенных с восточных территорий...

Я докладываю вам, что с рабочими из всех иностранных государств обращаются гуманно и правильно, что им предоставляется хорошее питание, помещение и даже одежда. На основании своего личного опыта я могу даже заявить, что никогда ранее в истории иностранные рабочие не встречали такого хорошего обращения, как сейчас в Германии, во время этой самой трудной из всех войн».

Мы уже говорили о варварских условиях, при которых эти люди вывозились в Германию, и мы довольно распространено говорили о жестоких, унижительных условиях, в которых эти рабочие работали и жили в Германии, о чем Заукель знал.

В ряде рапортов Гитлеру Заукель описывает, какого успеха он добился в выполнении этой программы. В одном месте он указывает, что в течение одного года в германской экономике было использовано 1 622 829 военнопленных. Это подтверждается письмом подсудимого Заукеля Гитлеру от 14 апреля 1943 г. (документ ПС-407-V, США-228):

«Мой фюрер, после года работы в качестве уполномоченного по использованию рабочей силы, имею честь доложить вам, что 3 638 056 новых иностранных рабочих включены в германскую военную экономику в период с 1 апреля прошлого года по 31 марта настоящего года...»

И далее, где говорится о военнопленных: «Помимо иностранных гражданских рабочих, дополнительно — 1 622 829 военнопленных используются в германской экономике».

В более позднем отчете указывается, что, помимо этого, 846 511 иностранных рабочих и военнопленных были включены в германскую военную промышленность. Имеется еще одно письмо подсудимого Заукеля Гитлеру (документ ПС-407-IX, США-229). Цитирую:

«Мой фюрер, прошу разрешения доложить вам о положении по использованию рабочей силы в течение первых пяти месяцев 1943 года. Впервые следующее количество новых иностранных рабочих и военнопленных было использовано в германской военной промышленности: 846 511».

Это использование военнопленных в производстве вооружения, проводившееся подсудимым Заукелем, подтверждается подсудимым Шпеером, который заявил, что 40 процентов всех военнопленных было использовано в производстве вооружения и боеприпасов и во вспомогательных отраслях промышленности.

Я хочу коротко коснуться текста протокола допроса подсудимого Шпеера от 18 октября 1945 г. (США-220).

Вопрос: Когда вы хотели использовать труд военнопленных, вы вербовали военнопленных отдельно или вы подавали заявку на общее количество рабочих?

Ответ: Только Шмельтер на это может ответить точно. Использование военнопленных обычно производилось через бюро труда лагерей. Я несколько раз пытался увеличить общее количество военнопленных, которые были использованы на производстве, за счет других факторов.

Вопрос: Не можете ли объяснить это более подробно?

Ответ: На последней фазе производства, то есть в 1944 году, когда все рухнуло, 40 процентов всех военнопленных было использовано на производстве. Я хотел увеличить этот процент.

Вопрос: Когда вы говорите — «использовано на производстве» — вы хотите сказать, в вспомогательных отраслях промышленности, о которых вы говорили, а также в производстве вооружения и боеприпасов. Это правильно?

Ответ: Да. Таковы были пределы моих заданий».

Биддл: Что такое «вспомогательные отрасли промышленности»? Являются ли они частью военной промышленности?

Додд: Насколько мы понимаем, это — отрасли промышленности вооружения. В протоколе 36-го совещания центрального комитета по планированию от 22 апреля 1943 г. (документ Р-124) указано, что подсудимый Шпеер заявил:

«90 тысяч русских военнопленных, использованных в промышленности вооружения, в основном, являются квалифицированными рабочими».

Шпеер был министром вооружения и главой организации Тодта. Оба эти поста он занял 15 февраля 1942 г. Позже, установив контроль над управлениями по вооружению армии, флота, военно-воздушных сил и над производственными отделами министерства экономики, подсудимый Шпеер был ответствен за все военное производство Германии, а также за сооружение укреплений и за вооружение германской армии. Доказательства того, что подсудимый Шпеер занимал эти посты, имеются в документе ПС-2980 (США-18).

Отрасли промышленности, находившиеся под контролем подсудимого Шпеера, были основными потребителями рабочей силы в Германии. В доказательство этого представляю протокол допроса подсудимого Заукеля от 22 сентября 1945 г. под № США-230:

Вопрос: Кроме Шпеера, требования давались вообще, а он уже устанавливал нормы по отраслям промышленности. Не так ли?

Ответ: Остальным я давал то, что оставалось. Однажды Шпеер сказал мне в присутствии фюрера, что я должен работать на него, что я, в основном, являюсь его подчиненным».

Подсудимый Шпеер признал под присягой, что участвовал в совещаниях, на которых были приняты решения об использовании иностранной рабочей силы. Он заявил также, что согласился с этим решением, составлявшим основу плана принудительной вербовки иностранных рабочих. Я ссылаюсь на протокол допроса подсудимого Шпеера от 18 октября 1945 г. под № США-220.

«В о п р о с: Вы участвовали в принятии решения относительно принудительного использования иностранной рабочей силы в 1942 году, когда принимались решения по этому вопросу. Не правда ли?»

О т в е т: Да.

В о п р о с: Таким образом, выполнение программы принудительного набора иностранных рабочих и отправки их в Германию, по указанию Заукеля, было основано на более ранних решениях, принятых с вашего согласия?»

О т в е т: Да. Но я должен указать, что лишь небольшая часть рабочей силы, которую Заукель привозил в Германию, предоставлялась мне. Гораздо большая часть предоставлялась другим ведомствам».

Вопрос об использовании этой рабочей силы снова обсуждался Гитлером и подсудимым Шпеером 4 января 1943 г. (документ ПС-556-13). Было решено применять более строгие меры для ускорения набора французских рабочих.

Подсудимый Шпеер требовал иностранных рабочих для контролируемых им отраслей промышленности и использовал этих рабочих, зная, что они были привезены силой и работали по принуждению. При допросе, произведенном под присягой 18 октября 1945 г., Шпеер заявил следующее:

«Я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто я отрицаю тот факт, что я требовал иностранную рабочую силу от Заукеля чрезвычайно энергично».

Он признал свою осведомленность о том, что значительная часть рабочей силы была получена принудительным порядком.

«В о п р о с: Таким образом, в тот период, когда вы требовали рабочую силу, вы, очевидно, знали, что вы получали иностранных рабочих, так же как и немецких рабочих, в ответ на ваши запросы и что значительная часть иностранных рабочих посылалась в принудительном порядке?»

О т в е т: Да.

В о п р о с: Таким образом, в качестве иллюстрации предположим, что 1 января 1944 г. вам требовалось 50 тысяч рабочих для тех или иных целей. Вы представляли требование на 50 ты-

сяч рабочих и знали, что среди этих 50 тысяч будут иностранные рабочие, посылаемые в принудительном порядке?»

О т в е т: Да».

Подсудимый Шпеер заявил также под присягой, что еще в сентябре 1942 года он знал, что рабочие с Украины насильственно увозились в Германию. Он знал также, что огромное большинство рабочих западных оккупированных стран были принуждены против своей воли ехать в Германию.

«В о п р о с: Когда вы впервые узнали, что некоторая часть рабочей силы с Украины привозилась не добровольно?»

О т в е т: Довольно трудно сейчас на это ответить, то есть установить определенную дату. Однако в какой-то период я, несомненно, узнал, что рабочие с Украины не приезжали добровольно.

В о п р о с: Это касается и рабочих из других оккупированных стран, то есть наступило такое время, когда вы узнали, что они прибывали не добровольно?»

О т в е т: Да.

В о п р о с: Можете ли вы вообще сказать, когда это было, не указывая точно месяца?»

О т в е т: Что касается Украины, то, я думаю, что они после первых нескольких месяцев перестали приезжать добровольно, потому что допускались огромные ошибки в обращении с ними. Я могу сказать приблизительно, что это произошло в июле, августе или сентябре 1942 года.

В о п р о с: Но многие рабочие приехали из западных оккупированных стран в Германию?»

О т в е т: Да.

В о п р о с: Это значит, что огромное большинство рабочих из западных стран, из западных оккупированных стран, были привезены против их воли в Германию?»

О т в е т: Да...»

Шпеер сказал, что нет оснований возражать против того, чтобы СС и полиция приняли решительные меры для увеличения производительности труда этих рабочих (документ Р-124).

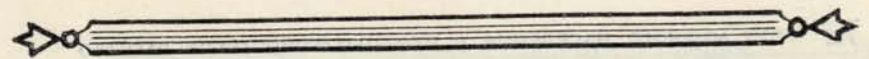
В качестве руководителя организации Тодта подсудимый Шпеер проводил политику, которая прямо противоречила законам войны.

Организация Тодта насильственно мобилизовала в свои ряды граждан союзных стран. Это подтверждается докладом Международного бюро труда относительно эксплуатации иностранных рабочих в Германии, напечатанным в Монреале, Канада, в 1945 году (документ Л-191, США-231):

«Методы вербовки иностранных рабочих, предназначенных для организации Тодта, мало чем отличались от методов, применяемых при наборе иностранцев для отправки в Германию. Основное отличие заключалось в следующем: поскольку основная деятельность организации происходила вне границ Германии, иностранцы не переправлялись в Германию, а должны были работать либо в своей собственной стране, либо в какой-нибудь другой оккупированной стране.

При наборе иностранных рабочих организация использовала методы принуждения так же, как и методы убеждения, причем последние приносили очень небольшие результаты.

Более того, эта организация принуждала союзных граждан и военнопленных принимать участие в военных действиях против своей собственной страны»...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ГЕРЦОГОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД ВО ФРАНЦИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЗАПАДА»¹

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 18 и 19 января 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи!

Трудовая повинность в Германии была учреждена законом от 26 июня 1935 г. за подписью Гитлера и подсудимого Фрика, министра внутренних дел.

Этот закон был опубликован в «Рейхсгезетцблатт», часть I, страница 769. Я представляю его Трибуналу под № РФ-6.

С 1939 года к трудовой повинности прибавилась мобилизация рабочих. Декреты об этом были приняты подсудимым Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану. Я только укажу на то, что мобилизация рабочих касалась иностранцев, проживающих на германской территории. Этот факт свидетельствует о том, что принцип принудительной мобилизации иностранных рабочих относится еще к довоенному периоду. Принудительная мобилизация иностранных рабочих не была вызвана нуждами военной промышленности Германии, она явилась результатом политики, направленной на подготовку к войне. Доказательством этому является документ Ф-382 (РФ-7), представляющий собой меморандум верховного командования германских вооруженных сил от 1 октября 1938 г., составленный с учетом будущего вторжения в Чехословакию; он содержит классификацию возможных нарушений международного права. Каждому такому нарушению в документе противопоставлено объяснение, которое верховное командование вооруженных сил считает необходимым заранее подготовить. Документ этот состоит из таблицы в четыре столбца. В первом столбце перечислены нарушения международного

¹ Публикуется по сокращенной стенограмме. — Составители.

права. Второй столбец дает соответствующий конкретный пример. В третьем столбце, с одной стороны, изложена точка зрения международного права, а с другой — приводятся аргументы, на которые можно сослаться, исходя из занятой нацистами позиции. Четвертый столбец отведен для объяснения министерства пропаганды.

...Принудительная мобилизация иностранных рабочих, согласно национал-социалистской доктрине, является одним из элементов политики германского господства. Сам Гитлер неоднократно признавал это. В этой связи я цитирую его речь от 9 ноября 1941 г., которая была воспроизведена газетой «Фелькишер беобахтер» от 10 ноября 1941 г., которую я представляю Трибуналу под № РФ-8. Я читаю выдержки из этой речи:

«На территории, население которой работает сейчас непосредственно на нас, живут более чем 250 миллионов человек, а на территории, население которой косвенно работает в Европе на войну, уже сейчас живут более чем 350 миллионов человек.

...Нет сомнения в том, что на германской территории и территории оккупированных нами районов, которыми мы сейчас управляем, нам удастся мобилизовать всех до последнего на работу».

Мобилизация иностранных рабочих является, таким образом, результатом применения двух политических принципов в оккупированных Германией странах: использование всех активных сил оккупированных и подвластных немцам территорий и уничтожение всех пассивных сил.

Оправдание мобилизации иностранных рабочих, заключающееся в том, что необходимо привлечь народы поработанных стран к германским военным усилиям, явствует прежде всего из самого смысла декрета от 21 марта 1942 г., согласно которому подсудимый Заукель назначается уполномоченным по использованию рабочей силы. Декрет опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год. Я представляю его в качестве документа РФ-9 и позволю себе зачитать его Трибуналу полностью:

«Чтобы обеспечить всю германскую военную экономику, и в первую очередь производство вооружения, необходимой рабочей силой, следует создать объединенное управление, отвечающее требованиям военной экономики для использования имеющейся рабочей силы, включая иностранцев и военнопленных, а также мобилизовать всю рабочую силу, которая еще не была использована в великой германской империи, включая протекторат, генерал-губернаторство и оккупированные районы. Эта задача будет выполнена имперским наместником и гаулейтером Заукелем в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в рамках четырехлетнего плана. В качестве тако-

вого он будет подчинен непосредственно уполномоченному по четырехлетнему плану».

Я прерываю здесь оглашение декрета для того, чтобы указать, что подсудимый Заукель развивал ту же тему на совещании гаулейтеров и крейслейтеров 5 и 6 февраля 1943 г. в Познани. Он говорил совершенно категорически, оправдывая принудительную мобилизацию национал-социалистской философией и необходимостью включить все европейские народы в борьбу, которую вела Германия. Текст этой речи я представляю за № ПС-1739 (РФ-10) и прошу Трибунал принять его в качестве доказательств вины подсудимого Заукеля. Оглашаю выдержки:

«Неслыханная жесточечность войны заставила меня принудительно мобилизовать от имени фюрера много миллионов иностранцев на работу в германской военной промышленности и добиться от них очень большой производительности труда. Целью этой мобилизации является обеспечение необходимых материальных возможностей ведения войны в борьбе за жизнь и свободу прежде всего нашего народа, а также за сохранение нашей западной культуры, культуры тех народов, которые в отличие от еврейских хищников и плутократов живут жизнью, наполненной трудом и усилиями честных и сильных народов.

...Вот в чем та громадная разница между работой, понесенной в свое время по Версальскому договору, а также планам Дауэса и Юнга, принявшей форму рабства и дани, и использованием рабочей силы, которое я в качестве национал-социалиста имею честь предпочитать и осуществлять и которое представляет собой участие в борьбе Германии за свою свободу и за свободу дружественных наций».

Принудительная мобилизация иностранных рабочих имела целью не только сохранить уровень германской военной промышленности. В ней выражена также политика, направленная на уменьшение человеческого потенциала оккупированных государств.

Понятие уничтожения путем непосильной работы было известно теоретикам национал-социализма и руководителям Германии. Оно явилось одной из основ политики господства над оккупированными странами. Я представляю Трибуналу доказательств того, что национал-социалистские заговорщики предполагали уничтожить путем непосильного труда целые этнические группы. 14 сентября 1942 г. состоялась беседа между Геббельсом и министром юстиции Тираком. Эта беседа очень показательна. Это документ ПС-682. Я представляю его Трибуналу под № РФ-11 и зачитаю из него следующую выдержку:

«Что касается уничтожения внесоциальных народных групп, то Геббельс считает, что следующие группы должны быть истреблены: евреи и кочевники — без различия, поляки, которые

приговорены к трем или четырем годам заключения, чехи и немцы, приговоренные к смерти или к принудительным работам пожизненно либо подвергнутые пожизненному превентивному заключению. Мысль о том, чтобы истребить их путем непосильной работы, — это лучшая мысль».

Мысль об уничтожении путем непосильной работы относилась не только к этническим группам, истребление которых подсудимые хотели обеспечить, она привела также к использованию иностранной рабочей силы в германской военной промышленности до последних пределов человеческих сил. Я вернусь к этому аспекту политики принудительного труда, когда буду излагать Трибуналу вопрос об обращении с иностранными рабочими в Германии. Жестокое обращение, которому они подвергались, явилось результатом основного понятия в национал-социализме, согласно которому рабочая сила оккупированных стран должна быть использована до самого предела, то есть до наступающей в конце концов смерти.

Подсудимые не только приняли принципы принудительной мобилизации иностранных рабочих, они проводили также последовательную политику применения его на различных оккупированных территориях. Для того чтобы достичь этого, они прибегали к одинаковым насильственным методам мобилизации. Они везде создавали аналогичные организации по мобилизации, которым давали одинаковые инструкции.

Следовало прежде всего заставить иностранных рабочих работать в своей собственной стране в интересах оккупационной армии и ее управлений. Германские власти — военные и гражданские — везде создавали стройки, чтобы на месте производить все необходимое для осуществления их военной политики. На стройках организации тогда под руководством подсудимого Шпеера, после смерти ее основателя, на стройках вооруженных сил, включая авиацию и военно-морской флот, и других стройках было использовано большое количество иностранных рабочих на всех территориях Западной Европы.

Но главным видом использования немцами иностранных рабочих были угон и переброска их на военные заводы Германии. Для этого были использованы самые различные методы.

Сначала это использование иностранных рабочих имело видимость законности: оно осуществлялось посредством принудительного набора, якобы согласно статье 52 Гаагской Конвенции. Оно происходило также путем добровольного набора рабочих, которым немецкие бюро по найму предлагали подписать трудовой договор.

Я представлю Трибуналу доказательство того, что, производя принудительный набор рабочей силы, национал-социалистские власти умышленно игнорировали букву и дух международной

Конвенции, со ссылками на которую этот набор производился. Я докажу Трибуналу, что добровольный характер набора некоторых иностранных рабочих был только видимым. В действительности же их трудовые договоры заключались подневольно, под давлением, которое оказывали оккупационные власти на их волю.

Подсудимые, однако, перестали вскоре маскироваться. Они заставляли военнопленных выполнять работы, запрещенные международными конвенциями. Я докажу, каким образом работа военнопленных была включена в общий план использования рабочей силы оккупированных территорий.

В конце концов именно при помощи силы подсудимые осуществляли свой план набора рабочих. Они без колебаний использовали методы принуждения. Они ввели трудовую повинность на территориях, которые они оккупировали. Иногда они сами опубликовывали приказы за подписью командующих войсками или рейхскомиссаров. Это как раз относится к Бельгии и Голландии. А иногда они вынуждали марионеточные власти, которые они сами же создали на оккупированных территориях, принимать «законные» меры. Это относится, в особенности, к Франции и Норвегии. Но иногда они просто действовали силой, то есть перебрасывали иностранных рабочих на заводы Германии без всякого письменного оформления. Так было в Дании. Наконец, на некоторых оккупированных территориях, германизацию которых они предприняли, подсудимые возлагали на местных жителей трудовую повинность, существовавшую в Германии. Так они поступили во французских департаментах Верхнего Рейна, Нижнего Рейна, Мозеля и в Люксембурге.

Политика принудительного труда проводилась и совершенствовалась с того дня, как подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

Член национал-социалистской партии со дня ее создания, член тюрингского ландтага и член рейхстага, обергруппенфюрер СС и СА, подсудимый Заукель являлся гаулейтером и имперским наместником Тюрингии. 21 марта 1942 г. декретом Гитлера он был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Декрет был подписан Ламмерсом в качестве рейхсминистра и руководителя, имперской канцелярии, а также подсудимым Кейтелем.

Я уже зачитал Трибуналу этот декрет. Напоминаю, что подсудимый Заукель, согласно этому декрету, подчинялся подсудимому Герингу, действовавшему в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану. Последний несет непосредственную ответственность за проведение плана принудительной мобилизации рабочих.

Я прошу Трибунал разрешения представить здесь в качестве первого доказательства декрет, подписанный подсудимым Герингом на следующий день после назначения подсудимого Заукеля. Этот декрет от 27 марта 1942 г. был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год. Я представляю его Трибуналу под № РФ-12. Этим декретом Геринг ликвидировал все организации четырехлетнего плана, которым была поручена мобилизация рабочей силы. Он передал их полномочия управлению подсудимого Заукеля.

Полномочия Заукеля в 1942—1944 гг. приобрели гораздо большую силу после издания декретов Гитлера и Геринга. Эти декреты укрепили Заукеля в качестве уполномоченного. Они предоставили ему административную автономию и даже такую законодательную компетенцию, которые лишают его возможности утверждать, что он являлся лишь исполнителем заданий. Важная политическая роль, которую он играл в течение двух последних лет войны, еще более повышает его ответственность.

Я обращаю особое внимание Трибунала на декреты Гитлера от 30 сентября 1942 г. и от 30 марта 1943 г., а также на декрет подсудимого Геринга от 25 мая 1942 г.

Я не зачитываю Трибуналу этих декретов, так как они были комментированы моим американским коллегой господином Доддом. Я привожу их в качестве подтверждения моих аргументов. Ссылаюсь сначала на декрет подсудимого Геринга от 25 мая 1942 г., опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год, часть 1, страница 347. Он передает подсудимому Заукелю часть полномочий министра труда по использованию рабочей силы.

Декрет Гитлера от 30 сентября 1942 г. предоставил Заукелю огромные полномочия над гражданскими и военными властями территорий, оккупированных германскими военными властями. Он уполномочил подсудимого приставить к оккупационным штабам своих личных представителей, которым он передавал приказы непосредственно. Этот декрет был также подписан Ламмерсом и подсудимым Кейтелем. Он был опубликован в 1942 году. Я представляю его под № РФ-14.

Во исполнение этого декрета представители бюро Заукеля были фактически приставлены к штабам военного командования. Допрос генерала фон Фалькенхаузена, военного губернатора Бельгии и Северной Франции, представляет в этой связи, доказательство, на которое я обращаю внимание Трибунала. Генерал фон Фалькенхаузен был допрошен 27 ноября 1945 г. начальником следственного отдела французской делегации. Я представляю Трибуналу его показания под № РФ-15 и зачитываю из них следующую выдержку...

«Вопрос: Свидетель, можете ли Вы сказать нам, каковы были разграничения между Вашими полномочиями и функциями ведомства по использованию рабочей силы?»

Ответ: До некоторого времени в моем департаменте существовала служба труда, которая занималась набором рабочих добровольцев.

Я не помню точно, когда это было, возможно осенью 1942 года, эта служба по труду была передана в ведение Заукеля, и мне приходилось только выполнять указания, которые я получал от него.

Я не помню, но Редер¹, который также находится в тюрьме, очень хорошо знает числа и сможет, без сомнения, сообщить Вам более точные сведения, чем я.

Вопрос: До того как вопросы труда были полностью переданы организации Заукеля, существовал ли в генштабе генерал или офицер, которому были поручены эти вопросы? А позже, существовал ли в этой инстанции представитель из бюро Заукеля?

Ответ: До момента вступления Заукеля в свои права Редер занимался делами бюро труда в моем учреждении. Бюро труда действовало так же, как действовали бюро по найму в Германии, то есть оно продолжало подбирать добровольных рабочих.

Вопрос: Что произошло позже?

Ответ: После изменения порядка набора бюро продолжало существовать, но приказы поступали непосредственно от Заукеля через меня...

Я уже напоминал Трибуналу о законодательных рамках, в которых осуществлялась деятельность подсудимого Заукеля. Эти рамки были расширены властью самого подсудимого. Первый документ свидетельствует о том, что Заукель решительно принял на себя всю ответственность за проведение общей политики по вербовке иностранных рабочих. Это его распоряжение от 22 августа 1942 г. вводит принцип принудительного набора рабочей силы и устанавливает, какие меры должны проводиться для того, чтобы все людские резервы оккупированных территорий были предоставлены в распоряжение германской военной экономики. Заукель вынуждал жителей оккупированных стран участвовать в войне, которую Германия вела против их отечества. Это было не только нарушением международного права, это — преступление против человеческих прав. Я представляю это распоряжение Трибуналу под № РФ-17 и цитирую его:

«Распоряжение № 10 генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 22 августа 1942 г. относительно применения рабочей силы оккупированных территорий.

В целях мобилизации рабочей силы оккупированных территорий в соответствии с новой организацией по использованию

¹ Имеется в виду не подсудимый Редер, а чиновник из штаба фон Фалькенхаузена. — Составители.

рабочей силы, согласно европейскому плану, надо предоставить эту силу в распоряжение единого и авторитетного управления. Необходимо обеспечить максимальную производительность, а также рациональное распределение этой рабочей силы в целях удовлетворения нужд империи и оккупированных территорий. На основании предоставленных мне полномочий я приказываю:

1. В силу декрета фюрера от 21 марта 1942 г. о назначении генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и распоряжения уполномоченного по проведению четырехлетнего плана от 27 марта 1942 г., изданного во исполнение этого декрета, мне предоставлены полномочия рационально распределять рабочую силу оккупированных территорий, а также проводить все меры, необходимые для увеличения производительности труда, осуществляемой на основании моих директив. Немецкие органы власти, ведающие использованием рабочей силы и проведением политики зарплаты, как и уполномоченные мною лица, будут использовать рабочую силу и принимать все необходимые меры по увеличению производительности труда в соответствии с моими директивами.

2. Этот приказ распространяется на все территории, оккупированные во время войны вооруженными силами Германии, если они находятся в ведении немецкой администрации.

3. Наличная рабочая сила на оккупированных территориях должна быть использована в первую очередь для удовлетворения важнейших военных нужд Германии...»

Второй документ представляет собой распоряжение подсудимого Заукеля об обращении с иностранными рабочими. Это — соглашение, заключенное 2 июня 1943 г. с начальником управления по продовольственному снабжению. Я не буду оглашать этого документа, напомним лишь, что этот документ был опубликован в «Рейхсарбейтсблатт» за 1943 год, и представляю его в подтверждение сказанного мной под № РФ-18.

Прошу Трибунал отметить, что ответственность за проводившуюся политику вербовки иностранной рабочей силы ложится на всех немецких министров, руководивших хозяйственной и общественной жизнью империи. Организация, координировавшая деятельность различных министерств, центральное управление по проведению четырехлетнего плана, участвовала в разработке программы вербовки иностранных рабочих.

Все заинтересованные в этой проблеме учреждения были представлены на заседаниях, происходивших в центральном управлении. Фельдмаршал Мильх председательствовал на этих заседаниях от имени подсудимого Геринга. Подсудимый Заукель и подсудимый Шпеер лично на них присутствовали. Я представлю Трибуналу некоторые заявления, которые они там сделали. Подсудимый Функ также принимал участие в этих

заседаниях. Таким образом, он знал и был согласен с программой угона рабочей силы. Он даже участвовал в составлении этой программы.

Три документа, которые я сейчас представлю, свидетельствуют о виновности подсудимого Функа. Первый из них — это письмо от 9 февраля 1944 г., которым Функ приглашается на заседание центрального управления по проведению четырехлетнего плана. Этот документ я представлю под № РФ-19. Цитирую:

«Господин Функ! От имени центрального управления по проведению четырехлетнего плана я приглашаю вас на заседание по вопросу об использовании рабочей силы. Это заседание состоится в среду 16 февраля 1944 г. в 10 часов в зале заседаний государственного секретариата в министерстве авиации, Лейпцигштрассе в Берлине.

При сем прилагаются некоторые статистические данные по вопросу роста использования рабочей силы. Эти статистические данные будут рассматриваться на указанном заседании».

Функ не мог лично присутствовать на этом заседании, но он направил вместо себя заместителя статс-секретаря Келлера. Получив отчет об этом заседании, Функ 7 марта 1944 г. написал письмо фельдмаршалу Мильху, принося свои извинения в том, что он зачастую отсутствует на заседаниях управления. Я представляю эти документы Трибуналу. Из отчета о 53-м заседании центрального управления по проведению четырехлетнего плана (документ РФ-20) Трибунал может убедиться в том, что министр Функ получил этот отчет. На второй странице французского перевода имеется список лиц, которым он был разослан. На второй строчке этого списка фигурируют фамилии имперского министра Шпеера, а затем и имперского министра Функа.

Сейчас я представляю под № РФ-21 письмо, в котором Функ извиняется перед фельдмаршалом Мильхом в том, что он не мог присутствовать на заседаниях центрального управления:

«Многоуважаемый и дорогой фельдмаршал! К сожалению, в последнее время заседания управления часто назначаются в такое время, когда я занят на других важных заседаниях. Гот почему, к моему большому сожалению, я не смогу присутствовать в субботу на заседании центрального управления ввиду того, что в этот день я должен произносить речь в Вене по случаю большого торжества в честь годовщины аншлюсса.

Статс-секретарь Келлер также будет в пятницу и в субботу в Вене, где в это время состоится важная южноевропейская конференция с участием иностранных делегатов, на которой я также должен буду выступать.

Ввиду этих обстоятельств я прошу Вас разрешить присутствовать в качестве моего представителя на заседании центрального управления по четырехлетнему плану бригаденфюреру СС Олендорфу, являющемуся постоянным заместителем статс-секретаря Келлера...»

Политика центрального управления по проведению четырехлетнего плана, которую проводил Заукель, выражалась в массовом вывозе рабочей силы. Этот вывоз в принципе сам по себе является преступным, но формы, в которых он проводился, были еще более преступными. Я представляю Трибуналу соответствующие доказательства, излагая последовательно методы принудительной вербовки, ее результаты и те условия, в которых происходил вывоз рабочих.

Обвинение, которое я имею честь предъявлять в Трибунале, ограничивается представлением материалов о вербовке иностранных рабочих в оккупированных странах Западной Европы, потому что материалы о вербовке рабочих из стран Восточной Европы представляются моими советскими коллегами.

В течение всего времени оккупации местные коменданты в принудительном порядке использовали рабочую силу из населения оккупированных территорий. Работы по постройке укреплений, которые были признаны необходимыми в ходе военных действий, сторожевая служба, вызывавшаяся необходимостью поддерживать безопасность оккупационных войск, осуществлялись жителями оккупированных территорий. Мобилизация рабочей силы касалась не только отдельных лиц, но и целых категорий рабочих.

Во Франции, например, были последовательно проведены мобилизации индо-китайских, североафриканских и других иностранных рабочих, а также специалистов из молодежи. Я представляю в качестве доказательства выдержку из доклада о принудительном труде и об угоне рабочих, составленного Французским правительственным институтом экономики.

Этот доклад имеет № Ф-515. Я представляю его Трибуналу под № РФ-22.

«...Принудительная мобилизация существующих групп рабочих. Наконец, последний способ, которым немцы неоднократно пользовались за время оккупации как для открытого, так и для завуалированного применения принудительного труда, заключался в насильственной мобилизации целых партий уже обученных и дисциплинированных рабочих.

а) Индо-китайские рабочие. Это соединение колониальных рабочих было создано в начале военных действий для удовлетворения нужд французской промышленности в квалифицированной рабочей силе. Укомплектованные составом французских офицеров и унтер-офицеров, ставших после июля 1940 года

гражданскими чиновниками, эти соединения индо-китайских рабочих с 1943 года использовались немцами прямо или косвенно на принудительных работах».

Я перехожу к таблице на стр. 18.

«b) Рабочая сила из Северной Африки. В период между 17 августа и 6 ноября 1942 г. метрополия дважды получала из Северной Африки рабочую силу. В первый раз были присланы 5560 алжирцев, во второй раз — 1825 марокканцев. Эти рабочие были немедленно направлены на принудительные работы, в результате чего количество североафриканских рабочих, используемых организацией Тодта, достигло 17 582 человек.

с) Рабочая сила из других стран. Закон от 11 июля 1938 г., относящийся к организации наций в военное время, предусматривал трудовую повинность для иностранцев, живущих во Франции. Немцы всемерно расширяли применение на принудительных работах иностранных рабочих, которыми руководили офицеры и унтер-офицеры, превращенные в гражданских чиновников по закону от 9 октября 1940 г.»

Я пропускаю таблицу и цитирую далее:

«d) Набор специалистов из молодежи. 29 января 1943 г. штаб немецкой комиссии по перемирию в Париже опубликовал сообщение о том, что главное командование «Запад» изучает вопрос о том, «возможно ли и в каких формах обратиться с призывом к французским рабочим организациям для привлечения их к выполнению задач в общих интересах обеих стран». После этого был проведен частичный захват рабочих, и требования поставить молодежь на принудительные работы следовали одно за другим».

Точно такие же мобилизации производились на всех оккупированных территориях Западной Европы. Эти мобилизации были совершенно незаконны. Они производились якобы на основании статьи 52 Гаагской Конвенции. В действительности, по существу и по форме они являлись грубейшим нарушением международного права.

Каково действительное содержание статьи 52 приложения к четвертой Гаагской Конвенции 1907 года? Она сформулирована следующим образом:

«Реквизиция натурой и повинности могут быть требуемы от обшин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанности принимать участие в военных действиях против своего отечества.

Эти реквизиции и повинности могут быть требуемы лишь с разрешения военачальника занятой местности».

Таким образом, те условия, в которых статья 52 разрешает

проводить мобилизацию рабочей силы оккупационной армией, сформулированы совершенно точно. Этих условий четыре:

1. Трудовая повинность может вводиться только для удовлетворения нужд оккупационной армии. Поэтому привлечение рабочей силы, осуществляемое в общих интересах экономики оккупационной державы, запрещено.

2. Мобилизуемые не должны принуждаться к участию в военных действиях, которые ведутся против их отечества. Всякая мобилизация, осуществляемая в интересах военной экономики оккупационной державы, для несения сторожевой службы или выполнения иных повинностей запрещается.

3. Мобилизации, осуществляемые на данной территории, должны соответствовать ее экономическим ресурсам и не препятствовать их нормальной эксплуатации. Отсюда следует, что мобилизация рабочей силы противоречит международному праву, если она затрудняет и препятствует нормальному использованию природных богатств оккупированного государства.

4. Наконец, согласно второму абзацу статьи 52, мобилизации рабочей силы могут проводиться на основании приказов оккупационной администрации лишь в пределах территории, управляемой этой администрацией. переброска мобилизованных рабочих с одной части оккупированной территории на другую ее часть, а тем более угон этой рабочей силы на территорию оккупирующей страны запрещаются.

Мобилизация рабочей силы проводилась военными властями и гражданскими немецкими учреждениями на оккупированных территориях в нарушение буквы и духа статьи 52. Она проводилась с целью удовлетворения нужд немецкой военной экономики и даже в интересах военной стратегии вражеских войск. Немцы абсолютно не признавали необходимости сохранить возможность рациональной эксплуатации местных ресурсов. Наконец, они осуществляли вывоз рабочих. Характерным примером является тот факт, что во всех странах Западной Европы были мобилизованы рабочие для организации Тодта, возводившей систему укреплений, известную под названием «Атлантический вал».

Таким образом, нарушение международных конвенций является совершенно очевидным. Это вызывало протесты генерала Дуайена, французского представителя при германской комиссии по перемирию. Я прошу Трибунал принять в качестве доказательства письмо генерала Дуайена от 25 мая 1941 г., которое является документом за № Ф-283. Я представляю его Трибуналу под № РФ-23. Я цитирую:

«Висбаден, 25 мая 1941 г.

Корпусной генерал Дуайен, председатель французской делегации при германской комиссии по перемирию.

Генералу артиллерии Фоглю, председателю германской комиссии по перемирию.

Господин генерал!

Неоднократно, и в частности моими письмами за № 14263/АЕ и 14887/ЛЕ от 26/II и 8/III я имел честь заявлять вам протест против того, как проводилась мобилизация рабочей силы во Франции для использования ее организацией Тодта при строительстве военных сооружений на побережье Бретани.

Сегодня я должен обратить ваше внимание на другие случаи, когда оккупационные власти прибегали к использованию французских гражданских лиц для выполнения чисто военных обязанностей — случаи, еще более серьезные, чем те, о которых я сообщал вам ранее.

Если в отношении рабочих, занятых в организации Тодта, можно утверждать, что некоторые из них добровольно пошли на ту работу, на которой они используются (хотя на практике в большинстве случаев они были лишены возможности отказаться от этой работы), этот довод не может быть принят во внимание в тех случаях, когда префекты средствами своих департаментов и общин должны обеспечивать охрану таких важных пунктов, как мосты, тоннели, искусственные сооружения, телефонные линии, склады вооружения, окрестности аэродромов.

Прилагаемая нота приводит примеры такой охранной службы, которая была навязана французам, службы, которая раньше выполнялась немецкой армией и которую они обычно должны выполнять потому, что речь идет об участии в охране немецкой армии от опасности, вытекающей из военных действий, ведущихся между Германией и Великобританией».

Оккупационные власти перед лицом сопротивления, которое они встречали, хотели добиться выполнения своих приказов по мобилизации рабочей силы, и меры, которые они принимали в этой связи, были столь же незаконными, какими были сами меры по мобилизации. Национал-социалистские власти в оккупированной Франции действовали путем установления своих порядков и законов. Они издавали приказы, в силу которых в отношении лиц, не подчинявшихся приказам о мобилизации, могла быть применена смертная казнь.

Я представляю Трибуналу в качестве доказательства два таких приказа. Первый из них был издан в первые месяцы оккупации — 10 октября 1940 г.

Я представляю его Трибуналу под № РФ-24 и цитирую:

«Приказ о мерах против актов саботажа от 10 октября 1940 г.

В силу полномочий, данных мне фюрером и верховным главнокомандующим вооруженных сил, я приказываю следующее:

1. Любое лицо, которое умышленно не выполняет или плохо выполняет те задачи по охране, которые на него возложены начальником военной администрации во Франции или органами, уполномоченными им, будет приговорено к смертной казни».

Я пропускаю параграф 2 и читаю параграф 3:

«В менее серьезных случаях нарушений, предусмотренных первым и вторым параграфами настоящего приказа, и в случаях халатности виновный может быть наказан лишением свободы или тюремным заключением».

Второй приказ военного командования во Франции, на который я сейчас ссылаюсь, датирован 31 января 1942 г. Я представляю его Трибуналу под № РФ-25 и оглашаю:

«Приказ от 31 января 1942 г. относительно мобилизации рабочей силы и реквизиции в натуре.

В силу полномочий, предоставленных мне фюрером и верховным главнокомандующим вооруженных сил, я приказываю следующее:

1. Любое лицо, которое не выполнит обязанностей, связанных с трудовой повинностью, или не представит в натуре поставок, требуемых от него военным командующим во Франции или уполномоченными им властями, либо которое выполнит это таким образом, что нанесет ущерб цели этих обязанностей или реквизиций, будет наказываться присуждением к принудительным работам, тюремному заключению или штрафу.

2. В более серьезных случаях может быть применена смертная казнь».

Эти приказы вызвали протесты французских властей. Генерал Дуайен неоднократно протестовал против первого из этих приказов, однако безуспешно.

Я снова ссылаюсь на его письмо от 25 мая, которое я представил Трибуналу под № РФ-23. Оглашаю вторую страницу французского текста:

«Я уполномочен заявить Вам формальный протест против таких мер и просить Вас вмешаться для того, чтобы этому немедленно был положен конец.

Начиная с 16 ноября и письмом за № 7843/АЕ я уже заявлял протест против приказа, изданного 10 октября 1940 г. начальником военной администрации во Франции и предусматривающего смертную казнь для всех лиц, которые не выполняют или выполняют неудовлетворительно те задачи по охране, которые на них возлагаются оккупационными властями. Я уже указывал, что это требование, так же как и наказание, предусмотренное приказом, противоречит духу условий перемирия,

целью которого было избавить французское население от всякого участия в военных действиях.

Я ограничился этим принципиальным протестом потому, что в то время мне не было сообщено о каких-либо конкретных случаях, когда возлагались бы обязанности по охране. Но было невозможно считать факторами, оправдывающими приказы, о которых идет речь, те доводы, которые Вы изложили в Вашем письме за № 1361 от 6 марта.

Вы указываете там, что статья 43 Гаагской Конвенции предоставляет оккупирующей стране право издавать законы. Но право, на которое Вы ссылались, ограничено в той же статье двумя условиями: издавать законы можно только для того, чтобы установить и обеспечить, поскольку это возможно, общественный порядок и общественную жизнь; с другой стороны, приказы, которые издаются, должны уважать существующие в стране законы, если к тому не встретится неодолимого препятствия».

Те немецкие приказы, которые я огласил перед Трибуналом, являлись формальным нарушением общих принципов международного уголовного законодательства. Они находятся в полном противоречии со статьей 52 приложения к четвертой Гаагской Конвенции 1907 года, а также в противоречии со статьей 43, на которой они якобы основывались. Таким образом, эти приказы были незаконны и преступны потому, что они предусматривали смертную казнь, чего нельзя обосновать ни одним пунктом международного или национального права.

Программа мобилизации рабочей силы представляет собой первый пример преступного характера методов, которые использовались подсудимыми при выполнении их плана вербовки иностранных рабочих.

Национал-социалистские власти прибегли и к другому методу для того, чтобы создать видимость законности вербовки иностранных рабочих: они стали взывать к так называемым рабочим добровольцам. С 1940 года оккупационные власти открыли бюро по найму во всех больших городах оккупированных территорий. Эти органы находились под контролем специальных управлений, учрежденных для этой цели при штабах главнокомандующих зонами оккупации.

Трибунал уже знает, что с 1940 по 1942 год эти бюро функционировали под контролем командующих войсками. Начиная с 1942 года, а точнее говоря с того дня, когда подсудимый Заукель стал уполномоченным по использованию рабочей силы, они получали приказы непосредственно от него. Генерал фон Фалькенхаузен, главнокомандующий войск в Бельгии и на севере Франции, заявил в письменном показании, которое я только что огласил Трибуналу, что с лета 1942 года он превра-

тился в простого посредника, уполномоченного передавать инструкции от Заукеля в управление по использованию рабочей силы.

Таким образом, деятельность этих немецких бюро по вербовке, созданных на оккупированных территориях, протекала под непосредственным руководством подсудимого Заукеля и его прямого начальника — уполномоченного по проведению четырехлетнего плана подсудимого Геринга. Я прошу Трибунал запомнить это.

Бюро по вербовке имели задание проводить набор рабочих для заводов и мастерских, созданных в Европе организацией Тодта, командованием вооруженных сил, флота и авиации, а также другими немецкими организациями. Им было поручено также снабжать немецкие военные заводы необходимым количеством иностранной рабочей силы. Рабочие, завербованные подобным путем, подписывали трудовой договор. Таким образом, в принципе они были на положении свободных рабочих и якобы являлись добровольцами.

Оккупационные власти постоянно подчеркивали добровольный характер набора, который проводился этими бюро по вербовке, в своей пропаганде они систематически игнорировали истинный характер своих действий. В действительности добровольный характер этой вербовки был фикцией: рабочие с оккупированных территорий, прежде чем согласиться подписать такие трудовые договоры, подвергались моральному и материальному давлению.

Это давление носило различные формы. Иногда оно носило коллективный характер, иногда оказывалось индивидуальное воздействие, но во всех случаях это давление было настолько сильным, что так называемое «добровольное» согласие этих жертв было вынужденным.

Недействительность договоров, заключенных под влиянием насилия, является основным принципом права всех цивилизованных народов. Это совершенно определено выражено в немецком праве, точно так же как в законодательстве тех наций, которые представлены сейчас в Трибунале, и в законодательстве оккупированных Германией стран. Бюро по вербовке навязывали рабочим подписание договоров, не имеющих юридической силы, так как они заключались под влиянием насилия. Я утверждаю это и сейчас представляю Трибуналу доказательства своего утверждения.

Прежде всего я докажу, что действия немцев являлись преднамеренными: давление, которому подвергались иностранные рабочие, не являлось отдельным актом со стороны местных властей, оно было обусловлено ясно выраженной волей

руководителей национал-социалистской Германии, волей, нашедшей свое выражение в точных инструкциях.

Я представляю Трибуналу документ ПС-1183 под № РФ-26. Речь идет о циркуляре от 29 января 1942 г. о вербовке иностранных рабочих. Циркуляр этот издан бюро по распределению рабочей силы при управлении по проведению четырехлетнего плана. Он подписан доктором Мансфельдом — начальником отдела. Этот документ свидетельствует об ответственности подсудимого Геринга как уполномоченного по четырехлетнему плану. Я оглашаю циркуляр:

«Берлин СВ ЛЛ, 29 января 1942 г.

Саарландштрассе, 96.

Тема: Усиление вербовки рабочей силы с оккупированных территорий для германской империи и подготовка к проведению принудительной мобилизации.

Недостаток рабочей силы особенно усилился ввиду призыва в армию. С другой стороны, значение проблемы вооружения для империи все возрастает. Поэтому необходимо, чтобы рабочая сила для нужд империи рекрутировалась на оккупированных территориях в значительно больших размерах, чтобы восполнить недостаток в ней.

В связи с этим необходимо применять все методы, которые позволяют немедленно отправить с оккупированных территорий в империю всех без исключения рабочих, которые в данное время не работают и которые после тщательного отбора смогут работать в Германии».

Я оглашаю дальше страницу 2 немецкого текста:

«Прежде всего эта мобилизация должна производиться, как и было до сих пор, добровольным путем. По этой причине надо значительно усилить деятельность по вербовке рабочих для работы в германской империи. Но если мы хотим достигнуть удовлетворительных результатов, немецкие власти, действующие на оккупированных территориях, должны иметь возможность осуществлять необходимое давление для того, чтобы помочь этой добровольной вербовке рабочих для Германии.

Поэтому необходимо в случае надобности расширить действующие на оккупированных территориях правила, касающиеся распределения рабочей силы и карающие тех, кто отказывается работать. Дополнительные директивы, касающиеся распределения рабочей силы, должны, в первую очередь, обеспечить направление на работу лиц старших возрастов, ранее освобожденных от трудовой повинности, с тем чтобы они заменяли более молодых, которые будут отправлены в империю. Таким образом будет значительно сокращена помощь, оказываемая органами здравоохранения, с тем чтобы заставить рабочих соглашаться на отправку в Германию. Пособия по безработице

должны быть настолько снижены, чтобы их размеры, по сравнению со средней зарплатой, выплачиваемой в Германии, и представляющаяся возможность посылать домой деньги побуждали рабочих согласиться на отправку в Германию. Если отказ от работы в Германии ничем не оправдан, пособие таких рабочих должно снижаться до пределов, едва удовлетворяющих жизненные потребности, или вовсе не выплачиваться. В этом случае можно будет удерживать даже часть полагающегося им по карточкам пайка и направлять их на особенно тяжелые принудительные работы».

На этом я кончаю цитату и хочу, чтобы Трибунал отметил, что этот циркуляр был адресован всем властям, ведающим набором рабочей силы на оккупированных территориях. В Западной Европе он был разослан имперскому комиссару по норвежским оккупированным территориям, имперскому комиссару по голландским оккупированным территориям, начальнику военной администрации в Бельгии и Северной Франции, начальнику военной администрации Франции, начальнику гражданской администрации в Люксембурге, начальнику гражданской администрации в Метце и начальнику гражданской администрации в Страсбурге.

Таким образом, доказано существование общего плана, целью которого было принуждение рабочих оккупированных территорий работать в пользу Германии.

Мне остается показать, как этот план был проведен в жизнь в различных зонах оккупации. Методы давления, которое оказывалось национал-социалистскими властями в отношении иностранных рабочих, могут быть определены следующим образом. Германские органы по распределению рабочей силы создали обширные и многообразные формы пропаганды в пользу набора иностранных рабочих. Эта пропаганда была направлена на то, чтобы обманывать рабочих, используя материальные преимущества, которые сулили им немецкие бюро найма. Она распространялась через прессу, по радио и всеми другими средствами.

Помимо официальных средств, пропаганда велась также при помощи подпольной агентуры, подстрекавшей рабочих уходить с производства у себя в стране и проводившей среди них самую настоящую «вербовку».

Эти меры, однако, оказались недостаточными. Тогда оккупационные власти вмешались в общественную жизнь оккупированных стран. Они старались создать искусственную безработицу и в то же время стремились ухудшить материальные условия жизни рабочих и безработных.

Но, несмотря на безработицу и несмотря на нищету, которая им угрожала, рабочие оказывались нечувствительными к не-

мецкой пропаганде. Вот почему немецкие власти в конце концов прибегли к прямому нажиму. Они оказывали давление на политические власти оккупированных стран для того, чтобы те поддерживали их кампанию по вербовке. Они заставляли работодателей, особенно во Франции, и комитеты предпринимателей побуждать своих рабочих заключать договоры с немецкими бюро по вербовке. Они, наконец, прямо воздействовали на рабочих и постепенно перешли от мнимодобровольной вербовки к прямым методам принуждения.

Фикция добровольности рассеялась, когда начались индивидуальные аресты и коллективные облавы, жертвами которых стали рабочие оккупированных территорий.

Документы, которые могут явиться доказательством для упомянутых мною фактов, бесчисленны...

...Господин председатель, господа судьи! Сегодня утром я Вам продемонстрировал, какова была официальная пропаганда, которая велась германскими организациями во Франции, для того чтобы побудить рабочих наниматься на работу в Германии. Результат этой официальной пропаганды был усилен действиями секретных организаций по набору. Эти тайные заведения по вербовке были организованы германскими оккупационными властями, помимо административных учреждений, и дополняли деятельность последних. Они руководились германскими агентами, которым нередко удавалось находить сообщников среди населения. Во Франции заведения эти распространили свою деятельность на неоккупированную зону, где эта деятельность имела место в такой же мере, как и в зоне оккупированной. Многие документы свидетельствуют о существовании тайных организаций по вербовке. Первый из этих документов — доклад, переданный 7 марта 1942 г. вице-председателем вишийского правительства де-факто генеральному уполномоченному по франко-германским экономическим отношениям.

Доклад написан на официальном бланке вице-председателя совета министров Дарлана. На бланке имеется подпись офицера штаба Дарлана капитана 2-го ранга Фонтэна. Я представляю этот доклад под № РФ-28...

...Подсудимые стремились принудить жителей оккупированных территорий уехать в Германию, ухудшив для этого снабжение их продовольствием. Доказательством этого является протокол совещания в управлении по четырехлетнему плану, состоявшегося 1 марта 1944 г. Это — документ № РФ-30, к которому я только что обращался. Речь идет о выдержке из этого документа, которая еще не была оглашена и которую я позволю себе сейчас огласить перед Трибуналом.

«...Мильх: Разве не было бы более предпочтительно следующее средство: германская администрация могла бы

заявить им: пищу получит лишь тот, кто будет работать на заводах, пользующихся нашей поддержкой, или тот, кто поедет в Германию.

Заукель: Действительно, французских рабочих кормят лучше, чем германских рабочих в Германии, это в такой же мере относится и к итальянским рабочим; даже если итальянские рабочие вообще не работают в той части Италии, которую мы занимаем, они лучше питаются, чем в том случае, если они работают в Германии».

Я продемонстрировал Трибуналу, каковы были экономические и социальные меры, принимавшиеся нацистскими властями для того, чтобы заставить рабочих оккупированных территорий подписать трудовые договоры, которые им навязывали германские учреждения.

Это косвенное принуждение было усилено непосредственным давлением, оказывавшимся на рабочих и служащих совместно с соответствующими властями.

Национал-социалистским руководителям было известно, что проведение их политики вербовки может быть облегчено местными властями. Вот почему они стремились, используя марионеточные правительства оккупированных территорий, создать фикцию добровольного принципа набора. Я покажу в качестве примера, как германские учреждения оказывали в этих целях давление на правительство Виши. Прежде всего они добились того, чтобы государственный секретариат по вопросам труда разослал 29 марта 1941 г. всем префектам специальный циркуляр. Но германские власти не довольствовались изданием этого циркуляра; сознавая незаконность своих методов вербовки, они хотели использовать в качестве оправдания соглашение с правительством де-факто во Франции.

Они потребовали, чтобы это соглашение было предано гласности. Переговоры об этом велись в 1941 и 1942 гг. О силе давления, оказанного Германией, свидетельствуют письма доктора Михеля, начальника административного управления, генеральному уполномоченному по франко-германским экономическим отношениям. Я оглашу перед Трибуналом письмо от 15 мая, которое представляется под № РФ-40.

«Париж, 15 мая 1942 г.

Тема: Вербовка французской рабочей силы, предназначенной для Германии.

В результате переговоров 24 января 1942 г. и после неоднократных запросов, 27 февраля был вручен первый проект заявления Французского правительства по вопросу о наборе рабочей силы. С германской стороны он был принят с небольшими изменениями, изложенными в письменной форме 3 марта, с тем

условием, что будет обращено внимание на то, что при передаче этого проекта организационным комитетам Французское правительство решительным образом выразит одобрение использованию рабочих в Германии.

19 марта было сделано напоминание о вручении проекта циркуляра, адресуемого организационному комитету. Такой проект изменений был передан 27 марта....»

Я пропускаю два последующих абзаца и оглашу последний абзац:

«Хотя отсутствуют какие-либо причины, которые могли бы объяснить столь необычную и необъяснимую задержку, но до сегодняшнего дня проект еще не был вручен. Прошло более двух месяцев с тех пор, как было направлено первое требование о представлении циркуляра. Настоящим требуется, чтобы новая редакция была передана между сегодняшним числом и 19 мая.

От имени военного коменданта начальник административного управления *Михель*».

Как Трибунал смог установить, доктор Михель требовал не только публичного заявления, он настаивал также на том, чтобы текст этого заявления был вручен организационному комитету. Оккупационные власти оказывали давление на французских предпринимателей, чтобы заставить их через организационные комитеты содействовать отправке рабочих их предприятий в Германию. Германские управления по набору рабочей силы действовали в непосредственном контакте с организационными комитетами. Эти управления навязывали совещания, в ходе которых они диктовали свою волю руководителям комитетов; они придерживались такой позиции по отношению к организационным комитетам, в соответствии с которой последние должны были быть информированы о всех навязанных французским властям мероприятиях, подлежащих осуществлению ими.

В 1941 году немцы потребовали, чтобы циркуляры или, точнее, циркуляр от 29 марта 1941 г. по вопросу о вербовке рабочей силы для Германии, который был ранее разослан префектам, был вручен организационным комитетам. Требования оккупационных властей были удовлетворены изданием циркуляра от 25 апреля, который я предьявляю Трибуналу под № РФ-41.

Но положения этого циркуляра не были приняты германским управлением, и 28 мая 1941 г. доктор Михель заявил французскому генеральному уполномоченному по франко-германским экономическим отношениям решительный протест. Я предьявляю его Трибуналу под № РФ-42.

«Париж, 28 мая 1941 г.

Тема: Вербовка рабочих для Германии.

Основание: Ваше письмо под № 122 от 29 апреля 1941 г. Из ваших объяснений я понял, что еще до получения моего

письма от 23 апреля был составлен проект циркуляра, предназначенного для организационных комитетов, который был разослан 25 апреля.

Я считаю, что этот циркуляр не является удовлетворительным для того, чтобы эффективно содействовать вербовке рабочих, проводимой Германией. Вот почему я считаю необходимым, чтобы в другом циркуляре было обращено внимание на те пункты, которые были мною специально указаны 23 апреля; прошу вас представить в мое распоряжение как можно скорее соответствующий проект.

Освобождение в ближайшее время довольно значительного числа военнопленных должно создать впечатление, что оно осуществлено по германской инициативе, что, в свою очередь, должно создать благоприятную атмосферу, а это, как вами было сообщено во время переговоров 24 марта, является предварительным условием для достижения успеха в насильственной мобилизации рабочих для Германии. Вот почему я не ошибусь, если выражу надежду, что вами будет сделано сообщение экономическим организациям в такой форме, которая будет способствовать превращению в плодотворное сотрудничество выжидательной позиции, занятой французской экономикой. Я жду ваших предложений так скоро, как это будет возможно».

Наконец, непосредственное давление было оказано на самих рабочих.

Прежде всего оказывалось моральное давление. В этом отношении характерна операция по обмену, которую пытались осуществить во Франции весной 1942 года. Оккупационные власти обещали компенсировать отправку французских рабочих в Германию освобождением военнопленных. Возвращению одного военнопленного должна была соответствовать отправка одного рабочего. Это обещание было лживым, в действительности положение было совершенно иным.

Я цитирую в связи с этим доклад о наборе рабочей силы и отправке рабочих, который я предъявил сегодня утром Трибуналу под № РФ-22:

«Если инспирируемая оккупационными властями пресса, притворствуя в своих комментариях, выражает бурный восторг в отношении настойчиво просимого ею обмена одного военнопленного на одного рабочего, то это делается из определенного расчета и по приказу... Эта мнимая пропорция была предложена немцами Михелем и Риттером во время переговоров с французскими административными учреждениями. Фактическое же соотношение оказалось один к пяти, что как будто бы явилось полной неожиданностью, и пресса не проронила об этом ни слова».

Давление, жертвами которого явились иностранные рабочие, было также экономическим давлением. Я уже сообщил, что

фикция добровольного принципа рассеялась в связи с производившимися арестами. Я хочу предъявить Трибуналу документ, который явится характерным примером того, какими средствами пользовалась нацистская администрация. Здесь имеется в виду письмо уполномоченного имперского министра труда во французском департаменте Па-де-Кале. Этот чиновник под страхом неблагоприятных последствий предписывает молодому французскому рабочему уехать в Германию в качестве рабочего по вольному найму.

Я оглашу этот документ, представляемый под № РФ-43: «Милостивый государь! 26 марта я взял Вас в Маркизе с тем, чтобы Вы поехали работать в Германию по вашей специальности. Вы должны были выехать в Германию в эшелоне 1 апреля, но Вы не приняли во внимание этого уведомления. Я предупреждаю Вас, что вы должны явиться со своим багажом в следующий понедельник, 28 апреля, в 19 часов... Я заявляю, что Вы направляетесь в Германию в качестве вольнонаемного рабочего, что Вы будете работать там в тех условиях, как и германские рабочие, и будете получать такую же зарплату, что и они.

Я должен Вам сообщить, что если Вы не явитесь, это может привести к неблагоприятным последствиям.

Уполномоченный имперского министра труда Ханнеранг.

Может быть и далее продолжена демонстрация того, как германские учреждения проводили насильственным путем так называемый «добровольный» набор рабочих на оккупированных территориях...

...Силой удерживаемые на германских заводах, иностранные рабочие не являлись ни свободными, ни вольнонаемными рабочими. Я ограничился изложением германских методов вербовки, чтобы показать Трибуналу фиктивный характер добровольного принципа, на который немцы хотели опереться. Иностранные рабочие, выразившие согласие работать на военных заводах нацистов, действовали не по собственной воле. К тому же их число было всегда ограниченным. У рабочих оккупированных территорий было достаточно мужества для оказания физического и духовного сопротивления германскому нажиму. В качестве доказательства я сошлюсь на признание, сделанное подсудимым Заукелем, которое я беру в форме выдержки из протокола заседания от 3 марта 1944 г. во время совещания в управлении по четырехлетнему плану.

Имеется в виду выдержка, которая была оглашена мной американским коллегой, господином Доддом. Поэтому я не буду вновь оглашать ее, а лишь напомню Вам, что подсудимый Заукель признал, что из 5 миллионов иностранных рабочих,

которые прибыли в Германию, только 200 тысяч приехали добровольно.

Сопrotивление, которое оказывали иностранные рабочие, занимало подсудимого Заукеля лишь постольку, поскольку оно создавало ему беспокойство. Однажды он выразил свое удивление какому-то немецкому генералу, на что последний заметил:

«Трудности возникают из-за того, что вы обращаетесь к патриотам, которые не разделяют нашего идеала».

Действительно, только силой можно было заставить патриотов оккупированных стран работать на нужды противника. И национал-социалистские власти прибегли к силе.

С 1940 года германские военные власти организовали рабочие команды в лагерях военнопленных. Они непрерывно внушали себе мысль о необходимости подобных команд, которые были использованы на работах в сельском хозяйстве и в военной промышленности.

Значительность масштабов, в которых использовался труд военнопленных, подтверждается докладом о принудительном использовании рабочей силы, который я уже предъявил Трибуналу под № РФ-22.

«В конце 1942 года в Германии находилось 1 036 319 военнопленных, из которых 987 687 были направлены в рабочие команды и только не более 44 тысяч не были использованы».

Использование военнопленных на германских заводах не отличается какими-либо особенностями, которые позволили бы отделить его от общего плана вербовки рабочей силы. Напротив, оно является неотъемлемой частью этого плана.

Нацисты всегда считали, что использование принудительного труда применимо по отношению к военнопленным в такой же мере, как и по отношению к гражданским рабочим оккупированных территорий. Они многократно излагали это убеждение.

В одном из документов Заукель утверждал, что военнопленных следует привлекать в принудительном порядке к работе в такой же мере, как и гражданских лиц. Речь идет о письме, написанном им подсудимому Розенбергу 24 апреля 1942 г., спустя несколько дней после назначения Заукеля. Это — документ ПС-616, который мой американский коллега господин Додд уже комментировал. Я не буду оглашать его, но напомним, что на второй странице немецкого текста вопрос о принудительном труде находится в общей рубрике, озаглавленной: «Военнопленные и иностранные рабочие».

Использование военнопленных было предписано и организовано по плану гражданского учреждения — «Управления по использованию рабочей силы». Следовательно, за это ответственны наряду с подсудимым Кейтелем те германские руководители, которые ведали вопросами, связанными с рабочей си-

лой: подсудимый Заукель, подсудимый Шпеер и подсудимый Геринг.

Трибуналу известно, что международное право определяет условия, которые допускают принуждение военнопленных принимать участие в работе. Гагская Конвенция определила правила, которые были уточнены в статьях 27, 31 и 32 Женевской Конвенции.

Статья 27:

«Воюющие государства могут использовать в качестве рабочих трудоспособных военнопленных в том случае, если это допускается законом, в соответствии с их чином и их трудоспособностью, за исключением офицеров и лиц, приравненных к ним в правах. Тем не менее, если офицеры и лица, приравненные к ним в правах, просят дать им работу, которая им подходит, она им обеспечивается по мере возможности. Военнопленные унтер-офицеры могут принуждаться лишь к наблюдению за работой, за исключением тех случаев, когда они выражают желание получить какую-либо работу за соответствующее вознаграждение».

Статья 31:

«Работы, осуществляемые военнопленными...»

Председатель: Мы рассматриваем эти документы как официальные и обладающие достаточной доказательной силой.

Герцог: Эти положения международного права определяют законные права державы, в чьих руках находятся военнопленные. Принуждение военнопленных работать в течение их пребывания в плену законно, но это право содержит три законных ограничения:

- 1) запрещение принуждать работать военнопленных унтер-офицеров, если они не выражают на это своего желания;
- 2) военнопленные не могут быть использованы на опасных работах и
- 3) военнопленные не могут быть использованы на работах, направленных на удовлетворение нужд, связанных с ведением войны.

Нацистские власти систематически игнорировали эти важнейшие положения. Они нарушали их, включая военнопленных унтер-офицеров в рабочие команды и используя военнопленных на любых предприятиях, вне зависимости от характера работы, которую военнопленным было приказано выполнять. Использование военнопленных осуществлялось в незаконных, антигуманных условиях.

...С 1941 года немцы осуществляли прямое давление на унтер-офицеров для того, чтобы вынудить их выполнять работы в интересах военной экономики Германии. После провала пропагандистских методов это давление приняло форму репрессий.

Непокорные унтер-офицеры стали объектом издевательства. Они направлялись в специальные лагеря, где подвергались дисциплинарному режиму. Некоторые из них за отказ от работы понесли различные уголовные наказания.

...Гитлеровские военные власти использовали военнопленных на опасных работах. Французские, британские, бельгийские, голландские военнопленные посылались на работы, связанные с транспортировкой боеприпасов, подвеской бомб к самолетам, восстановлением авиационных лагерей, постройкой оборонительных сооружений. Показания французских репатрированных военнопленных служат доказательством использования военнопленных на подвозке боеприпасов и подвеске бомб к самолетам.

Эти показания собраны в докладе министерства по делам военнопленных. Сейчас я оглашаю страницу 27 документа РФ-46:

«b) Военнопленные привлекались в принудительном порядке для строительства оборонительных сооружений и для доставки боеприпасов, часто производящихся поблизости от линии огня.

Военнопленные (рабочая команда № 274 в лагере «Шта-лаг II Б») жаловались на то, что они использовались по воскресным дням на рытье противотанковых рвов.

2 февраля 1945 г. военнопленные лагеря, которые были эвакуированы ввиду продвижения русской армии, сразу же по прибытии были принуждены строить оборонительные сооружения, рыть противотанковые рвы вокруг города.

С момента эвакуации лагеря «III Б» военнопленные были заняты до конца апреля на земляных работах, на рытье траншей, на перевозке авиационных бомб.

Рабочую команду № 553 в Лебусе заставили выполнять работы на передовой линии, под огнем русской артиллерии.

Многие товарищи, эвакуированные в Фюрстенвальде, использовались на подвеске бомб к немецким бомбардировщикам.

Несмотря на протесты, представленные Международному комитету Красного Креста в Женеве, а также полковнику, начальнику лагеря «III Б», относительно размещения военнопленных в сараях, ужасных антисанитарных условиях, недостаточного снабжения продовольствием, начальник лагеря отвечал, что он подчиняется приказам ОКВ, и заставлял военнопленных рыть окопы».

Нацистские руководители признали, впрочем, что они использовали французских и британских военнопленных на работах при военных аэродромах, являвшихся объектами бомбардировок союзников.

ОКХ, например, 7 октября 1940 г. сообщило (документ РФ-47):

«Протест французской делегации будет рассматриваться как необоснованный. Размещение военнопленных в лагерях, расположенных поблизости от авиационных площадок, не противоречит принципам международного права.

Согласно статьям 4 и 9 Конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., ни один военнопленный не должен находиться под огнем в зоне боев. Под зоной боев следует понимать то пространство, на котором происходит бой между двумя противостоящими друг другу армиями, или же площадь, равную приблизительно 20 километрам в глубину, считая от передовой линии. Однако возможно, что места, являющиеся объектом воздушных атак, не входят в зону боев. В эпоху воздушной войны не существует более безопасных мест. Факт использования военнопленных для сооружения лагерей, для восстановления разрушенных авиационных дорожек не может быть использован как довод.

Согласно статье 31 вышеназванной Конвенции, военнопленные не должны быть использованы на работах, связанных непосредственно с военными действиями. Постройка барачных домов, лагерных сооружений не является в прямом смысле военным действием. Признано, что военнопленные могут быть использованы при постройке дорог. Исходя из этого, их использование на восстановлении авиационных разрушенных площадок разрешается: по дорогам ездят грузовики, танки, машины с боеприпасами, на авиационных дорожках стартуют самолеты, не видно никакого различия.

Но было бы незаконным использовать военнопленных на подвеске бомб и подвозке боеприпасов к бомбардировщикам. Это была бы работа, связанная непосредственно с военным действием.

В силу этого правового положения ОКХ отказалось от мысли освободить от работы французских военнопленных, работающих на авиационных площадках».

Я обращаю внимание Суда на этот документ. Он подчеркивает злонамеренность руководителей нацистской Германии...

...Мне остается доказать еще, что союзные военнопленные, принужденные работать на немецких заводах вооружения, общались к военным усилиям противника. В связи с этим я привожу документ ПС-1206. Этот документ представляет собой письмо рейхсмаршала в министерство авиации от 12 ноября 1941 г. Этот документ доказывает прямую ответственность подсудимого Геринга. В нем предписывается использовать русских военнопленных, а также упоминается об использовании военнопленных стран Западной Европы. Я предъявляю этот документ Суду за № РФ-50.

На первой странице говорится об использовании в индивидуальном порядке французских и бельгийских военнопленных на работах, связанных с производством вооружения. Подобное использование военнопленных на немецких заводах вооружения проводилось согласно заранее продуманному плану и являлось результатом последовательной политики. Управления по использованию рабочей силы решительно определяли всех военнопленных, которые казались им способными выполнять специальные работы, на военные заводы.

Военнопленные оказывали немецкому нажиму сопротивление, однако нацистские власти пытались добиться повышения производительности труда военнопленных. Я сошлюсь на документ ПС-233, который я предъявляю Суду за № РФ-53. Это — циркуляр ОКВ от 17 августа 1944 г. В нем даются указания различным управлениям по делам военнопленных относительно тех мер, которые следует принять для того, чтобы увеличить производительность труда военнопленных. Я оглашаю этот документ:

«Содержание: Обращение с военнопленными. Увеличение производительности труда.

Меры, принятые до настоящего времени относительно обращения с военнопленными и увеличения их производительности труда, не дали ожидаемых результатов. Партийные и хозяйственные инстанции не перестают жаловаться на малую производительность труда.

...Настоящим циркуляром сообщаются директивы, изданные совместно с заинтересованными отделами партии и государственными органами, относительно военнопленных. Следовательно, инструкции должны быть даны всем охраняемым частям и частям, им подведомственным.

1. Сотрудничество с руководителями НСДАП.

Сотрудничество всех офицеров, на которых возложена обязанность руководства военнопленными, с партийными руководителями должно стать еще более тесным. С этой целью коменданты лагерей военнопленных должны немедленно выделить для подведомственного им округа в качестве «офицера связи при крейслейтере» одного офицера, находящегося в курсе всех вопросов, связанных с военнопленными. На этого офицера будет возложена задача в тесном сотрудничестве с крейслейтерами в соответствии с инструкциями коменданта лагеря разрешать все вопросы, связанные с военнопленными и могущие приобрести широкую гласность.

Это сотрудничество имеет целью:

- 1) увеличить производительность труда военнопленных,
- 2) преодолеть в кратчайший срок и на месте все трудности,
- 3) организовать использование военнопленных в округах

таким образом, чтобы это отвечало всем запросам политического, военного и экономического характера.

Партийная канцелярия со своей стороны даст соответствующие указания гаулейтерам и крейслейтерам.

Обращение с военнопленными (в рамках, допускаемых требованиями безопасности) должно зависеть исключительно от того, насколько это может влиять на производительность труда...

Контроль за производительностью является одним из средств, повышающих эту производительность. По отношению к лодырям и бунтовщикам должны применяться со всей суровостью любые репрессивные меры».

...Принудительное использование труда военнопленных не дало возможности немецким властям решить проблему рабочей силы в военной экономике. Они применили насильственную политику по отношению к гражданскому населению оккупированных территорий.

...Необходимость использования принудительного труда проповедовалась в той или иной форме Герингом, Заукелем, Кейтелем, Франком и другими подсудимыми...

Я не буду возвращаться к этому, представлю еще заявление подсудимого Иодля. Это — выдержка из длинной речи, произнесенной генералом Иодлем 7 ноября 1943 г. в Мюнхене перед гаулейтерами (документ Л-172, РФ-54).

«Нехватка рабочей силы навела на мысль использовать как можно больше резервы рабочей силы оккупированных нами территорий».

...По моему мнению, наступил момент, когда следует действовать со всей решительностью и беспощадностью в Дании, Голландии, Франции и Бельгии и вынудить сотни бездельников выполнять работу по постройке оборонительных сооружений, являющихся исключительно важными в настоящее время. Необходимые приказы были уже даны в этом направлении».

...Во Франции управление трудовой повинности было учреждено законодательством так называемого правительства Виши, но это законодательство было навязано французским властям подсудимыми, в частности Заукелем.

Первое мероприятие Заукелем было осуществлено весной 1942 года, сразу же после назначения подсудимого уполномоченным по использованию рабочей силы. Управление по использованию рабочей силы решило провести набор 150 тысяч специалистов во Франции.

После того как первое мероприятие Заукеля было завершено, подсудимому оставалось лишь использовать созданный им источник рабочей силы. Однако сопротивление, оказанное французскими рабочими, способствовало провалу плана

набора рабочих. Поэтому Заукель замышляет осуществить, начиная с января 1943 года, свое второе мероприятие. Оно заключается в установлении трудовой повинности, которая была введена после принятия двух постановлений: циркуляр от 2 февраля 1943 г. предписывал общую перепись всех французских граждан мужского пола, родившихся между 1 января 1912 г. и 1 января 1921 г. Перепись была произведена в период с 15 по 23 февраля.

Перепись только началась, когда появился закон от 16 февраля 1943 г. Он вводил трудовую повинность для всех молодых людей, родившихся между 1 января 1920 г. и 31 декабря 1922 г. Я представляю этот документ за № РФ-60.

5 января 1943 г. Заукель передал различным подведомственным ему отделам приказ Гитлера, о котором сообщил ему подсудимый Шпеер. Это — документ ПС-556-ХIII, который я представляю под № РФ-62 и оглашаю первый абзац:

«4 января 1943 г. в 8 часов вечера министр Шпеер позвонил из ставки Гитлера и сообщил, что, согласно решению фюрера, в будущем не следует при наборе специалистов и подсобных рабочих во Франции проявлять особое уважение к французам. В указанной стране можно прибегать к принуждению и применять наиболее суровые меры в целях обеспечения нас рабочей силой».

11 января 1943 г. подсудимый Заукель был в Париже. Он присутствовал на совещании, происходившем у военного командующего. На этом совещании были все ответственные чиновники управления по набору и использованию рабочей силы. Он сообщил им, что во Франции в скором времени должны быть приняты новые меры принуждения. Я ссылаюсь на протокол этого совещания, являющийся документом ПС-1342, который я представляю за № РФ-63:

«Гаулейтер Заукель благодарит различные управления за те успехи, которые были достигнуты в ходе первой кампании. Теперь же, в начале нового года, он считает своим долгом сообщить о необходимости принятия новых суровых мер, так как Франция и военная промышленность Германии остро нуждаются в рабочей силе».

Я пропускаю конец абзаца и зачитываю следующий:

«Положение на фронте вынуждает направить туда 700 тысяч солдат. Военная промышленность должна дать до первой половины марта 200 тысяч техников. Я получил приказ фюрера о том, чтобы немецких специалистов заменить 200 тысячами иностранных специалистов. Мне необходимо поэтому 150 тысяч французских специалистов, а остальная часть — 50 тысяч — будет набрана из Голландии, Бельгии и других оккупированных стран.

Кроме того, Германии нужны 100 тысяч французских черно-рабочих. В ходе второго набора во Франции следует до второй половины марта набрать и отправить в Германию 150 тысяч специалистов, 100 тысяч чернорабочих, в том числе и женщин».

Несколько дней спустя подсудимый Заукель возвратился в Германию. 16 февраля он присутствовал в Берлине на совещании в центральном управлении по четырехлетнему плану. На этом совещании он выступил с комментариями к закону, который появился в тот же самый день, и признал, что он является инициатором принятия этого закона. Я ссылаюсь на отчеты о совещаниях по четырехлетнему плану, собранные в документе Р-124. Я представил его Суду сегодня утром под № РФ-30. Я зачитаю Суду выдержку из этого документа:

«Положение во Франции следующее. Когда мне и моим сотрудникам, после длительного обсуждения, удалось убедить Лавала ввести трудовую повинность, она приняла под нашим нажимом такие размеры, что со вчерашнего дня уже были призваны три категории французов. Таким образом, наши действия узаконены, и мы можем с помощью Французского правительства производить во Франции набор рабочих трех категорий, которых мы с настоящего момента можем использовать на французских заводах, и из этого числа выбрать рабочих для отправки в Германию для удовлетворения ее потребностей».

Подсудимый Заукель возвратился во Францию 24 февраля. Я представляю Суду письмо, которое он послал Гитлеру перед своим отъездом и в котором он информировал его о своей поездке. Это письмо показывает дальнейшую деятельность Заукеля. Оно имеет № ПС-556-25, я представляю его Суду за № РФ-64 и зачитываю:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы — фюреру, главная ставка фюрера.

Мой фюрер,

Настоящим я позволяю себе сообщить о моей предстоящей служебной поездке во Францию. Цель моей поездки заключается в осуществлении следующих мероприятий:

1. Предоставить в распоряжение Германии в предусмотренные сроки рабочих, могущих заменить немецких рабочих, используемых в вооруженных силах.

Я позволю себе добавить к этому, что фельдмаршал Кейгель и генерал Унру получили вчера сообщения от меня о том, что половина рабочих, предназначенных для замены немецких рабочих, состоит из 125 тысяч квалифицированных французских рабочих. Эти рабочие прибыли в Германию еще 1 января 1943 г. Теперь соответствующая мобилизация в германскую армию может проводиться. Я направляюсь сейчас во Францию с тем, чтобы убедиться, что и вторая половина французских рабочих

прибудет в Германию к концу марта или раньше, если это возможно. Первая французская программа была осуществлена в конце декабря.

2. Обеспечить необходимой рабочей силой французские судовой верфи с тем, чтобы они могли выполнить планы, предусмотренные для Франции адмиралом Деницем и гаулейтером Кауфманом.

3. Обеспечить необходимое количество рабочей силы для осуществления планов немецкой авиации.

4. Обеспечить необходимую рабочую силу для выполнения других немецких военных планов, осуществляемых во Франции.

5. Подготовить дополнительную рабочую силу совместно с господином статс-секретарем Бакке в целях повышения производительности французского сельского хозяйства.

6. Провести необходимые переговоры с Французским правительством относительно трудовой повинности, набора новых категорий, активизации набора рабочей силы в интересах военной немецкой экономики и т. д.»

9 апреля 1943 г. подсудимый Заукель потребовал от французских властей, чтобы ему было предоставлено еще 120 тысяч рабочих в течение мая и 100 тысяч рабочих — в июне. В июне он сообщил, что до 31 декабря он намеревается отправить в Германию 500 тысяч рабочих.

Затем последовало третье мероприятие Заукеля. 5 июня 1943 г. была произведена тотальная мобилизация лиц контингента 1942 года. Все льготы, которые предусматривались законом от 16 февраля и последующими инструкциями, были отменены, и молодые люди контингента 1942 года были мобилизованы по всей Франции.

Третье мероприятие подсудимого Заукеля ознаменовалось жестоким давлением, которое осуществлял подсудимый, стремясь достигнуть массового вывоза путем применения принудительных мер.

Я представляю Трибуналу в качестве доказательства три документа, которые свидетельствуют о деятельности Заукеля в течение лета 1943 года. Первый документ — это письмо Заукеля Гитлеру от 27 июня 1943 г. Оно было написано подсудимым после его возвращения из поездки во Францию. В нем излагается план вербовки французских рабочих на второе полугодие 1943 года. Речь идет, во-первых, о необходимости набора 1 миллиона рабочих для работы на французских военных заводах и, во-вторых, о вывозе в Германию 500 тысяч французских рабочих. Это письмо, представляющее собой документ ПС-556-39, я представляю под № РФ-65; цитирую:

«Веймар, 27 июня 1943 г.

Мой фюрер!

Я осмеливаюсь настоящим письмом сообщить Вам о своем возвращении из Франции, куда я ездил по служебным делам.

Имея в виду, что ресурсы рабочей силы на оккупированных территориях в большинстве своем уже мобилизованы, сейчас я углубленно изучаю возможность мобилизации новых контингентов рабочих для работы в Германии или на оккупированных территориях в интересах военной экономики Германии.

В моем сообщении от 24 апреля я позволил себе указать на то, что необходимо проводить точную координацию распределения рабочей силы, находящейся на подвластных Германии европейских территориях.

Целью моего пребывания в Париже являлось изучение путем личного ознакомления и переговоров возможности получить дополнительное количество рабочей силы. На основании тщательно подведенных итогов я принял следующее решение:

Учитывая, что во Франции проведены еще далеко не все необходимые мероприятия, касающиеся военной экономики, которые проведены в Германии, имеется возможность мобилизовать до 31 декабря 1943 г. еще миллион рабочих — мужчин и женщин для французской промышленности вооружений, выполняющей немецкие заказы. В этом случае станет возможным размещение дополнительных заказов во Франции.

Во-вторых, с учетом этого мероприятия станет возможным, после тщательного изучения вопроса и на основе сотрудничества нашей промышленности вооружений и управления по распределению рабочей силы перевезти до конца года еще 500 тысяч французских рабочих — мужчин и женщин на территорию Германии.

Необходимыми условиями для выполнения разработанной мною программы являются следующие:

1. Тесное сотрудничество между всеми немецкими управлениями в особенности во взаимоотношениях с французскими учреждениями.

2. Постоянное изучение французской экономики при помощи смешанных комиссий, создание которых было предусмотрено господином Шпеером, имперским министром вооружения, и мною.

3. Непрерывное ведение умелой пропаганды...»

Я пропускаю следующий параграф и оглашаю последний:

«В связи с этим я прошу Вас, фюрер, разрешить мне использовать один миллион французов и француженок для нужд военной экономики Германии во Франции в течение второго полугодия 1943 года, а также перевезти 500 тысяч французов и француженок на территорию империи до конца этого года.

Ваш верный и покорный Фриц Заукель».

Документ, на который я сейчас хочу обратить внимание Трибунала, показывает, что Гитлер дал свое согласие на проведение программы Заукеля. Запись от 28 июля 1943 г., составленная доктором Штотфангом, со штампом управления по использованию рабочей силы, представляет собой отчет о совещании Заукеля с фюрером. Это документ ПС-556-41, который я представляю Трибуналу в качестве доказательства под № РФ-56. Я ограничусь тем, что оглашу последний параграф:

«Фюрер одобрил перевод одного миллиона французских рабочих на французские военные предприятия и отправку 500 тысяч других французских рабочих на территорию империи до конца этого года».

Наконец, еще один документ доказывает, что подсудимый Заукель, заручившись одобрением Гитлера, попытался провести свою программу путем воздействия на французские власти. Этим документом является письмо Заукеля Гитлеру. Оно датировано 13 августа 1943 г. и написано по возвращении подсудимого из его поездки во Францию, Бельгию и Голландию. Это — документ ПС-556-43. Я оглашаю его и представляю Трибуналу под № РФ-67.

«Веймар, 13 августа 1943 г.

Мой фюрер!

Осмеливаюсь сообщить Вам о своем возвращении из Франции, Бельгии и Голландии, куда я ездил в служебную командировку. В результате долгих и трудных переговоров я предписал проведение в течение последних пяти месяцев 1943 года ниже следующей программы по западным территориям, а также подробно разработал меры по ее проведению во Франции совместно с германским командующим, германским посольством и Французским правительством, в Бельгии — с германским командующим и в Голландии — с управлением имперского комиссара.

Программой предусмотрено:

1. Перевод одного миллиона рабочих и работниц с невоенных на военные германские предприятия во Франции. Это мероприятие позволит нам снова передать во Францию выполнение большого количества военных заказов.

2. Вербовка 500 тысяч французских рабочих для работы в Германии. Эта цифра не подлежит оглашению...»

С разрешения Трибунала, я продолжу цитату до конца, так как следующие параграфы касаются Бельгии и Голландии. Это даст мне возможность в дальнейшем, снова не оглашая этот документ, ссылаться на него.

«4. Для Бельгии, по согласованию с военной администрацией в Бельгии, была разработана программа, предусматривающая использование в Германии 150 тысяч рабочих, а также органи-

зацию принудительного труда по тому же образцу, как во Франции».

Я пропускаю сейчас несколько строк и начинаю пятый параграф.

«5. Была разработана также программа для Голландии, предусматривающая отправку в Германию 150 тысяч рабочих и набор для немецкой военной промышленности еще 100 тысяч рабочих и работниц, которые должны быть переведены с предприятий, не работающих на военные нужды».

Такова была программа Заукеля в 1943 году. Его план был частично сорван благодаря сопротивлению патриотов — рабочих и служащих. Доказательством этому служит признание самого подсудимого. Я ссылаюсь на отчет о заседании центрального управления по четырехлетнему плану от 1 марта 1944 г. Это — документ, который я вчера представил Трибуналу под № РФ-30. Я оглашаю второй параграф:

«2. Прошлой осенью программа вербовки иностранных рабочих осталась в значительной степени невыполненной.

Мне нет необходимости приводить здесь причины, мы достаточно говорили о них. Но я должен заявить: программа была провалена».

Заукель, однако, не был обескуражен теми трудностями, которые он встретил в 1943 году. В 1944 году он пытался провести новую программу и для этого осуществил четвертое мероприятие.

Нацистские власти решили обеспечить в 1944 году переброску 4 миллионов иностранных рабочих в Германию. Это решение было принято 4 января 1944 г. на совещании в ставке Гитлера с его участием. Отчет об этом совещании является документом ПС-1292. Я представляю его Трибуналу в качестве доказательства под № РФ-68 и оглашаю страницу 3 французского перевода:

«Итоги совещания.

Во-первых, уполномоченный по набору и распределению рабочей силы обеспечит, по крайней мере, 4 миллиона новых рабочих из оккупированных стран.

Подробные данные о количестве рабочей силы, которую должна предоставить каждая из оккупированных территорий, должны быть установлены 16 февраля 1944 г. на совещании центрального управления по четырехлетнему плану».

В начале моего выступления я представил отчет об этом совещании под № РФ-20. Сегодня я процитирую его заключительную часть:

«Выводы 53-го заседания центрального управления по четырехлетнему плану от 16 февраля 1944 г.

Кампания по набору рабочей силы в 1944 году.

1. Среди внутренних германских резервов можно было бы, применив чрезвычайное усилие, мобилизовать приблизительно 500 тысяч...» Я пропускаю несколько строк.

«2. Набор рабочей силы в Италии в количестве 1500 тысяч, из которых с января по апрель должно набираться по 250 тысяч в месяц и с мая по декабрь — 50 тысяч ежемесячно.

3. Набор рабочей силы во Франции в количестве 1 миллиона за первый месяц, а с 1 февраля по 31 декабря 1944 г. — приблизительно 91 тысяча человек в месяц.

4. Набор рабочей силы в Бельгии — 250 тысяч.

5. Набор рабочей силы в Нидерландах — 250 тысяч».

На этом я заканчиваю цитату, так как другие параграфы касаются стран Восточной Европы.

...Четвертое мероприятие Заукеля, таким образом, было направлено к тому, чтобы использовать всю рабочую силу Франции. Соппротивление французов и развитие военных операций помешали проведению плана Заукеля. Подсудимый, однако, заранее предусмотрел исключительные меры, которые следовало принять в день высадки войск союзников во Франции. Я снова цитирую документ ПС-1289, представленный под № РФ-72. Читаю:

«На оккупированных территориях уже частично разработаны мероприятия, которые необходимо провести для эвакуации населения тех районов, которые могут подвергнуться вторжению, и для того, чтобы драгоценная рабочая сила не попала в руки противника. Учитывая современное положение с рабочей силой в Германии, необходимо доставить в Германию наибольшее количество рабочих, способных дать соответствующую производительность труда. Необходимо издание соответствующих приказов для того, чтобы военные силы обеспечили безопасность при проведении этих мер. Предлагается следующий текст для приказа фюрера».

Я не буду читать текста приказа, предложенного Заукелем.

Союзники одержали победу так быстро, что Заукель не смог осуществить своего плана массового вывоза рабочих. Однако он приступил к его выполнению. И вывоз рабочих продолжался вплоть до освобождения этих территорий. Многие сотни тысяч французских рабочих находились тогда в Германии в результате различных мероприятий Заукеля. Я прошу Трибунал запомнить это.

Принудительный труд был введен в Норвегии таким же образом, как и во Франции. Подсудимые заставили норвежские власти издать закон, вводивший обязательную регистрацию норвежских граждан и принудительную мобилизацию. В связи с этим я приведу цитату из предварительного отчета о преступлениях, совершенных немцами по отношению к Норвегии. Этот

отчет, составленный Норвежским правительством, уже был представлен Трибуналу за № УК-79. Я представляю его Трибуналу за № РФ-72 и оглашаю первую страницу:

«Результатом приказа Заукеля в Норвегии явилось издание Квислингом закона от 3 февраля 1943 г. об обязательной регистрации норвежцев и норвежек для так называемого «национального» труда.

Тербовен и Квислинг открыто признавали, что закон был издан для того, чтобы использовать рабочую силу Норвегии в интересах немецкой военной экономики.

В речи 2 февраля Тербовен заявил, между прочим, что он сам и германская империя поддерживают этот закон своим авторитетом, и угрожал применением силы против всякого, кто воспротивится проведению этого закона».

В Бельгии и Голландии немецкие власти использовали неприкрытый метод: обязательная трудовая повинность была введена непосредственно распоряжениями оккупационных властей.

В Бельгии это были приказы военного коменданта; в Голландии — приказы имперского уполномоченного. Я напому Трибуналу, что власть военного коменданта в Бельгии распространялась также на север Франции.

Приказ от 6 марта 1942 г. вводил принцип обязательного труда в Бельгии. Он был опубликован в бельгийском «Ферорднунгсблатт» за 1942 год, страница 845. Я представляю его Трибуналу под № РФ-73 и прошу принять его в качестве доказательства.

Приказ от 6 марта исключал возможность принудительного вывоза рабочих в Германию. Но этот принудительный вывоз был введен приказом от 6 октября 1942 г., который был опубликован в бельгийском «Ферорднунгсблатт» за 1942 год, страница 1060. Я представил его в качестве доказательства под № 54 во время моего выступления.

Действия немцев в Бельгии вызвали многочисленные протесты со стороны различных высокопоставленных бельгийцев, в том числе со стороны бельгийского короля и кардинала Ван-Роэ.

Приказы, которые вводили принудительный труд в Бельгии и на севере Франции, были подписаны генералом фон Фалькенхаузенем. Однако этот последний издал свой приказ от 6 октября по распоряжению Заукеля. Я снова ссылаюсь на свидетельство генерала фон Фалькенхаузена, которое я вчера представлял Трибуналу под № РФ-15.

Я прошу Трибунал разрешить мне зачитать из него некоторые выдержки:

«В о п р о с: 6 октября 1942 г. был опубликован приказ, который вводил обязательную трудовую повинность в Бельгии и в северных департаментах Франции для мужчин в возрасте от

18 до 50 лет и для незамужних женщин — от 21 года до 25 лет. Кем Вы тогда были?

Ответ: Я был главнокомандующим в северной Франции и в Бельгии.

Вопрос: Помнит ли свидетель о том, что он издал этот приказ?

Ответ: Я не помню точно текста этого приказа, потому что он был издан в результате долгого спора с уполномоченным по использованию рабочей силы, Заукелем.

Вопрос: Имелись ли у Вас какие-нибудь разногласия с Заукелем?

Ответ: Я решительно возражал против введения принудительного труда и, только получив прямое приказание, я согласился на издание этого приказа.

Вопрос: Таким образом, этот приказ был издан не по Вашей инициативе?

Ответ: Напротив.

Вопрос: Кто давал инструкцию по этому вопросу?

Ответ: Я полагаю, что в тот момент Заукель уже был назначен ответственным уполномоченным по распределению рабочей силы, и он давал мне в тот момент все инструкции по приказу Гитлера».

Затем я делаю пропуск и далее цитирую с третьей страницы французского перевода:

«Вопрос: Поскольку Вы возражали против такого понимания принудительного труда, Вы никак не реагировали, когда получили эти инструкции?

Ответ: Происходила бесконечная борьба между Заукелем и мною; это в конце концов послужило одной из причин моей отставки».

Мне остается заняться вопросом о введении принудительного труда в Голландии.

Я прошу Трибунал иметь в виду, что за введение принудительного труда на оккупированных нидерландских территориях должен нести ответственность, наряду с подсудимым Заукелем, также и подсудимый Зейсс-Инкварт.

Действительно, вывоз голландских рабочих был организован на основании приказов имперского уполномоченного. Эти приказы совершенно ясно говорят об ответственности Зейсс-Инкварта, тем более что последний в качестве имперского комиссара получил свои полномочия непосредственно от Гитлера.

Подсудимый Зейсс-Инкварт ввел в Голландии принудительный труд приказом от 28 февраля 1941 г., который был опубликован в Голландии в «Ферорднунгсблатт» за 1941 год, № 42. Я уже ссылался на этот приказ вчера. Это — документ РФ-58, который я просил Трибунал принять без доказательств.

Как и в Бельгии, принудительный труд сначала должен был применяться только в пределах оккупированной территории, но, как и в Бельгии, уже вскоре пределы его применения были расширены для того, чтобы дать возможность вывозить рабочих в Германию. Для этого был издан другой приказ Зейсс-Инкварта от 23 марта 1942 г., опубликованный в № 26 «Ферорднунгсблатт». Я представляю его под № РФ-74 и прошу Трибунал приобщить его к делу.

Таким образом, Зейсс-Инкварт проложил путь, идя по которому Заукель смог осуществлять свою деятельность. Заукель действительно постарался использовать все человеческие ресурсы Голландии, но вскоре понадобились новые меры. Эти меры были приняты Зейсс-Инквартком.

Приказ от 6 мая 1943 г., опубликованный в «Ферорднунгсблатт» за 1943 год, страница 173, предписывал мобилизацию всех мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Я представляю этот приказ Трибуналу в качестве доказательства за № РФ-75.

Кстати, уже 19 февраля 1943 г. Зейсс-Инкварт издал инструкцию, которая давала его аппарату возможность принимать любые меры для использования рабочей силы.

Этот приказ, опубликованный в «Ферорднунгсблатт» за 1943 год, я представляю Трибуналу под № РФ-76.

Насколько значительным был вывоз рабочей силы из Голландии, доказывается письмом представителя Заукеля в Нидерландах, датированным 16 июня 1943 г. Это письмо, имеющее № РФ-664, я представляю под № РФ-77 и оглашаю его:

«В соответствии с приказом о переписи от 7 мая, контингенты с 1920 года по 1924 год были зарегистрированы. Помимо этой очень значительной работы, оказалось возможным отправить 22 986 рабочих в Германию, не считая военнопленных, переведенных в категорию рабочих. Таким образом, в июне будет компенсировано число, которое не было достигнуто в мае.

Согласно голландским статистическим данным, каждый контингент включает 80 тысяч человек, и перевоз этих людей в империю уже начался. 446 493 человека были перевезены в Германию до 1 июня 1943 г., часть из них снова возвратилась.

Цифры мобилизованных рабочих таковы:

контингент	1921 года . . .	43 331
	1922 » . . .	45 354
	1923 » . . .	47 593
	1924 » . . .	45 232

Поскольку имелось до 80 процентов случаев уклонения, сейчас необходимо перевозить эти контингенты целиком на территорию империи. Имперский уполномоченный дал на это свое согласие. Руководители различных областей, как-то: экономики,

вооружения и сельского хозяйства, командование армии — под давлением необходимости также дали свое согласие».

В конце 1944 года германские власти усилили давление, оказываемое на Голландию. В это время несколько десятков тысяч человек были арестованы в течение двух дней в Роттердаме. Во всех больших городах Голландии происходили систематические облавы, иногда неожиданные, а иногда после обращения к населению с требованием явиться в определенные пункты. Я представляю Трибуналу в качестве доказательства эти обращения, объединенные в документ ПС-1162. Этот документ уже представлял господин Додд. Я не стану оглашать эти обращения заново, но представляю их под № РФ-78 в подтверждение моей аргументации. Все эти документы говорят не об отдельных фактах, а вскрывают систематическую политику, которую подсудимые проводили до тех пор, пока 5 мая 1945 г. капитуляция Германии не повлекла за собой освобождение Голландии.

Я должен представить Трибуналу еще одно дополнительное объяснение.

Подсудимые не ограничились введением принудительной трудовой повинности на оккупированных территориях. Я уже сказал, что они применяли меры преступного принуждения для того, чтобы обеспечить проведение мобилизации иностранных рабочих. Я сейчас представляю доказательство этого.

Меры, которые принимались нацистами для того, чтобы гарантировать принудительную вербовку иностранных рабочих, нельзя отрывать от тех мероприятий, которые они проводили для обеспечения так называемой «добровольной» вербовки. В первом случае давление было более сильным, но в обоих случаях оно проходило по одной и той же линии. Действовали обманом или, если это не помогало, прибегали к принуждению. Очень скоро подсудимые поняли, что никакая пропаганда не могла оправдать принудительный труд в глазах их жертв. Если у них и оставались какие-либо сомнения по этому поводу, то они рассеивались по получении отчетов от оккупационных властей. Эти власти единодушно указывали на политические волнения, которые были вызваны принудительной мобилизацией, и на то сопротивление, с которым они сталкивались. Таким образом, только путем принуждения подсудимые пытались осуществить проведение мобилизации гражданских лиц.

Одной из первых мер наказания строптивых, к которой прибегали немцы, являлось отобрание продовольственных и промтоварных карточек. Трибунал знает, что уже в январе 1942 года эта мера была предусмотрена циркуляром доктора Мансфельда, который я представил Трибуналу под № РФ-26. Трибунал также помнит, что в приказе Гитлера от 8 сентября 1942 г., который я представил под № РФ-55, подтверждалось, что эта мера должна

применяться. Согласно этому приказу, карточки на продукты питания и на одежду не должны были выдаваться тем лицам, которые не могут доказать, что они где-нибудь работают, а также тем, кто уклоняется от принудительной трудовой повинности.

Приказ Гитлера был проведен в жизнь на всех оккупированных территориях.

Во Франции циркуляры, издаваемые оккупационными властями, запрещали возобновление карточек на питание французов, которые уклонялись от переписи, проводившейся согласно закону от 16 февраля 1943 г.

В Бельгии лишение карточек устанавливалось приказом командующего генерала фон Фалькенхаузена (документ РФ-79).

В Голландии также было запрещено выдавать новые карточки, если на старых не было штампа бюро труда.

Но подсудимые применяли методы принуждения еще более преступные, чем лишение карточек. Я хочу указать на преследования, которым подвергались семьи лиц, уклонявшихся от трудовой повинности. Я считаю, что это преследование является преступным потому, что оно основано на понятии коллективной ответственности семьи, которое противоречит основным положениям уголовного права цивилизованных наций. Это преследование получило тем не менее утверждение в нескольких незаконных актах, изданных или навязанных нацистами.

Во Франции это было проведено законом от 11 июня 1943 г., который я представляю Трибуналу под № РФ-80, и прошу принять его без доказательств.

Что касается Бельгии, я ссылаюсь на приказ военного коменданта от 30 апреля 1943 г., опубликованный в «Ферордунгсблатт» 6 мая 1943 г. Представляя этот приказ под № РФ-81, я прошу Трибунал принять его без доказательств.

...Так как никакой мерой не удавалось устрашить рабочих оккупированных территорий, подсудимые в конце концов обратились к своей полиции, чтобы обеспечить арест рабочих, которых они предназначали для угона в Германию. Это полицейское вмешательство было осуществлено по требованию подсудимого Заукеля.

Я представляю в качестве доказательства документ — это отчет о совещании, которое имело место 4 января 1944 г. в главной ставке Гитлера. Я недавно уже представлял этот документ Трибуналу под № РФ-68. Я зачитаю выдержки из него:

«Уполномоченный по набору и распределению рабочей силы Заукель заявил, что он будет с фанатическим упорством добиваться получения рабочих. До сих пор он всегда держал свое обещание в отношении числа мобилизованных рабочих. Однако, несмотря на всю его добрую волю, он не может обещать ничего определенного на 1944 год.

Успех будет зависеть прежде всего от сил германской полиции, которые будут предоставлены в его распоряжение. Его проект не может быть осуществлен без помощи германской полиции».

...Таким образом, в конце концов угон рабочих в Германию был обеспечен путем их ареста и угрозами репрессий. Совершенно логично, с точки зрения национал-социалистской системы, что политика угона иностранных рабочих закончилась полицейским террором.

Я сказал Трибуналу, что сопротивление, которое оказывали военнопленные и рабочие оккупированных стран то коварным, то жестоким действиям подсудимых, провалило план набора иностранных рабочих. Подсудимый Заукель встречал громадные затруднения в осуществлении программы, принятию которой Гитлером и подсудимыми Герингом, Шпеером и Функом он содействовал.

Из этого не следует, что гитлеровской Германии не удалось произвести массового угона иностранных рабочих. Число рабочих из оккупированных территорий Западной Европы, угнанных в Германию, очень велико. Еще больше было привлечено рабочих к принудительному труду на местах: на заводах и на стройках, находившихся в ведении оккупационных властей.

Я представляю Трибуналу статистические сведения для того, чтобы позволить ему проверить мое утверждение. Эта статистика состоит из отрывков — выдержек из докладов, которые правительства оккупированных стран составили уже после их освобождения, а также из отчетов, адресованных во время войны управлениями по использованию рабочей силы властям, в ведении которых эти страны находились.

Статистика, представленная союзниками, не является полной, так как архивы, по которым она была составлена, были частично уничтожены. С другой стороны, административные органы оккупированных стран располагали только сведениями из вторых рук каждый раз, когда речь шла о принудительном наборе рабочих, произведенном непосредственно оккупационными властями. Что же касается германской статистики, то она также неполная, потому что союзники обнаружили еще не все вражеские архивы.

Однако имеется возможность дать Трибуналу более или менее точное определение огромного значения угона населения, произведенного немцами. Это определение покажет, что нарушения международного права, совершенные подсудимыми, не оставались в стадии попыток начать выполнение этого преступления, а согласно уголовному законодательству представляли собой законченные преступления.

Сначала я представлю Трибуналу статистику, приведенную в официальных отчетах Французского правительства. Они содержат многочисленные статистические таблицы, из которых я назову итоги. Они дают следующие сведения:

738 тысяч рабочих были направлены на работу в принудительном порядке во Франции;

875 962 французских рабочих были угнаны на работу на германские заводы;

987 687 военнопленных были использованы в военной экономике Германии, то есть всего

2 601 649 рабочих-французов были вынуждены работать на военные нужды нацистской Германии.

Из официального доклада Бельгийского правительства я заимствую сведения о том, что 150 тысяч человек были привлечены к принудительному труду, а из официального доклада Голландского правительства я называю цифру 431 тысяча человек. Но следует заметить, что эти цифры не включают людей, захваченных во время систематических облав, которые проводились в ноябре 1944 года, а также людей, угнанных на работу в 1945 году.

Я сейчас представлю Трибуналу уточнения по всем этапам политики мобилизации иностранных рабочих.

Эти уточнения почерпнуты из докладов самого подсудимого Заукеля или различных административных органов, которые занимались угоном рабочей силы.

О громадном значении рабочей силы, использованной на оккупированных территориях, свидетельствуют сведения о рабочих, предназначенных на строительство укреплений так называемого «Атлантического вала» в организации Тодта, руководство которой, я напоминаю, осуществлялось подсудимым Шпеером после смерти основателя этой организации.

Я почерпнул эту статистику из телеграммы, адресованной 17 мая 1943 г. подсудимым Заукелем Гитлеру. Это — документ ПС-556-33, который я представляю Трибуналу под № РФ-84. Я читаю:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

Главная ставка фюрера.

Мой фюрер!

Я буду Вам очень благодарен, если Вы разрешите мне представить Вам следующие статистические данные по вопросу об использовании рабочей силы в организации Тодта.

С тех пор как я являюсь ответственным за обеспечение рабочими всей германской промышленности, организации Тодта были переданы новые рабочие силы. Общая цифра рабочих, использованных в организации Тодта, включает на конец марта

1942 года 270 966 человек и на конец марта 1943 года — 686003 человека.

В этой связи следует отметить, что рабочим, особенно тем, которые используются в организации Тодта, было специально поручено выполнение работ по сооружению «Атлантического вала».

...Несмотря на эти многочисленные трудности, число рабочих в организации Тодта на Западе увеличилось в конце марта 1942 года на 66 701 рабочего, а в конце марта 1943 года — на 248 200 рабочих».

Количество угнанных в Германию иностранных рабочих указывается в докладе от 30 сентября 1941 г., который был обнаружен в архивах ОКВ. Это — отчет за № ПС-1323, который я представляю под французским № РФ-85. Согласно этому документу, 1 226 686 рабочих были использованы в Германии на 30 сентября 1941 г. Из этого числа 483 842 происходили из оккупированных территорий Запада.

Я зачитаю документ, в котором подробно указано происхождение рабочих по странам. Я ограничусь рубрикой, которая относится к западным странам, так как статистические данные о рабочих, угнанных из восточных стран, входят в компетенцию моих советских коллег.

«Дания	63 309
Голландия	13 409
Бельгия	21 290
Франция	72 475
Италия	23 384»

Наконец, 7 июля 1944 г. Заукель в одном из своих последних отчетов сообщал нацистскому правительству о результатах своей кампании за первую половину 1944 года. Я цитирую документ ПС-208, который я представляю Трибуналу под № РФ-86. Читаю вторую страницу:

«Происхождение иностранцев: из Франции, кроме Северной Франции — 33 тысячи; из Бельгии (включая Северную Францию) — 16 тысяч; из Голландии — 15 тысяч; из Италии — 37 тысяч».

Речь идет о новой рабочей силе, предоставленной германской промышленности с 1 января по 30 июня 1944 г.

Я привел Трибуналу доказательство, которое я должен был ему представить. Трибунал вспомнит о признании Заукеля на 58-м совещании управления по четырехлетнему плану, которое я зачитал ранее. Заукель признал, что в Германии было 5 миллионов иностранных рабочих, из которых только 200 тысяч прибыли добровольно. Фактическая сторона преступления, о котором я говорю, установлена как обстоятельствами выполнения плана, так и многочисленностью жертв, которые оно вызвало.

Чтобы утверждать о серьезности его результатов, мне остается сказать об обращении, которому подвергались иностранные рабочие в Германии.

Германская пропаганда всегда утверждала, что с угнанными в Германию иностранными рабочими обращались так же, как с германскими рабочими: те же условия жизни, тот же трудовой режим и та же дисциплина. Мои американские коллеги привели доказательства посягательств нацистских заговорщиков на достоинства, права и жизненные условия германских рабочих. С иностранными рабочими в Германии обращались еще хуже, вовсе не так, как следует обращаться с людьми. Я это утверждаю и постараюсь представить соответствующие доказательства Трибуналу.

Но сначала я хочу привлечь внимание Трибунала к значению нового преступления, которое я изобличаю. Оно не только дополняет преступление, заключающееся в угоне, но и придает ему злоеший смысл.

Я сказал, что политику подсудимых на оккупированных территориях можно резюмировать следующим положением: использование активных сил и истребление пассивных. Следует иметь в виду эту цель, характеризующую замыслы нацистов, для того чтобы судить об обращении, которому подсудимые подвергали иностранных рабочих. Немцы использовали человеческий потенциал оккупированных стран до предела, они использовали каждого рабочего.

Они оказывали кое-какое внимание иностранным рабочим тогда, когда желали увеличить производительность их труда, но обращались с ними так же, как и со всеми остальными угнанными, если производительность их труда падала.

В качестве доказательства сошлюсь на соглашение, заключенное Заукелем с руководителем «германского трудового фронта» Леем 2 июня 1943 г., оно было опубликовано в «Рейхсгезетц-блатт» за 1943 год; я представил его Трибуналу под № РФ-18 в начале моего выступления. Из этого соглашения следует, что обращение с иностранными рабочими контролировалось особой инспекционной службой «Арbeitsейнзатц». Таким образом, подсудимый Заукель не мог не знать о жестоком обращении, которому подвергались иностранные рабочие; те из жестокостей, которые он сам не предписывал, он все же допускал.

Прежде всего я обращаю внимание Трибунала на расписание работы, которое было навязано иностранным рабочим. Согласно декрету Заукеля от 22 августа 1942 г., продолжительность рабочего дня была установлена из расчета 54 часа в неделю. В действительности большинство иностранных рабочих работали гораздо больше. Сверхурочные задания, требовавшие дополнительных часов работы, поручались чаще всего иностранцам.

Нередко последние должны были работать по 11 часов в день, то есть 66 часов в неделю в том случае, если они пользовались одним днем отдыха в неделю.

Сейчас в этой связи я процитирую доклад министерства по вопросам о пленных, угнанных и беженцах (документ УК-78-3, который я представляю в качестве доказательства под № РФ-87):

«Рабочий день: средняя продолжительность рабочего дня была 11, иногда 13 часов на некоторых предприятиях Машинен-фабрик. На заводе Алькетт заставляли работать 10—14 часов днем и 12 часов — ночью. В Кенигсберге на заводах гусеничных лент Круппа работали 12 часов в день».

Зарплата рабочих, использовавшихся в Германии, была ограничена. Впрочем, она еще отягощалась многочисленными сборами и налогами. Наконец, были еще большие штрафы, которые германские предприятия имели право налагать на своих рабочих. Эти штрафы могли достигать суммы еженедельной зарплаты за легкие нарушения дисциплины.

Я представляю в доказательство документ Д-182. Речь идет о двух проектах правил для иностранных рабочих. Одно из правил предназначалось для русских и польских рабочих; о нем будут говорить мои советские коллеги. О другом же я представляю Трибуналу документ под № РФ-88, который я зачитываю:

«Проект правил для гражданских иностранных рабочих. Сохранение рабочей дисциплины. Январь, 1944 год.

Я должен вас информировать о следующем:

Увеличивающееся число опозданий и случаев проявления небрежности вынудило компетентные власти принять новые, более строгие правила дисциплины на работе. Нарушения рабочей дисциплины, как, например, самовольный уход с работы, будут караться штрафами, которые смогут достигнуть средней ежедневной зарплаты.

В серьезных случаях, например при повторном и беспричинном невыходе на работу, виновные будут караться штрафами, которые могут достигнуть средней еженедельной зарплаты. Кроме того, в крайнем случае при таких обстоятельствах дополнительные продовольственные карточки могут быть отобраны на срок до 4 недель».

Управление германской пропаганды издавало во Франции иллюстрированные брошюры, в которых жилища для иностранных рабочих были описаны как комфортабельные помещения. В действительности все было по-другому. Я не буду долго останавливаться на этом вопросе. Мой американский коллега господин Додд, представил Вам протокол допроса под присягой доктора Егера, главного врача в лагере рабочих завода Круппа. Я не буду зачитывать снова Трибуналу этот документ, но я на-

поминаю, что, по словам доктора Егера, французские рабочие заводов Круппа, военнопленные в течение полугода жили в конурах, в уборных, в бывших печках; конуры были размером 3 фута в высоту, 9 футов в длину и 6 — в ширину. В каждой конуре помещалось по 5 человек.

Плохие жилищные условия часто усугублялись плохим питанием. В этой связи я дам некоторые пояснения Трибуналу. Я не говорю, что иностранные рабочие, угнанные в Германию, систематически доводились до истощения. Я говорю, что о взглядах национал-социалистов в этом случае можно судить по тому, как кормили иностранных рабочих. Их кормили прилично, когда управление рабочей силы желало увеличить производительность их труда. Их морили голодом, как только по какой-либо причине производительность их труда снижалась. Эти рабочие попадали тогда в категорию пассивных сил, которые национал-социализм обрекал на уничтожение.

10 сентября 1942 г. подсудимый Заукель заявил на первом съезде «трудового фронта Великой Германии»:

«Питание и вознаграждение иностранных рабочих должно быть пропорционально производительности их труда и их доброй воле».

Он развил эту тему в документах, которые я представляю Трибуналу в качестве доказательства. Я имею, прежде всего, в виду письмо Заукеля Розенбергу, которое представляет собой документ за № ПС-016. Я не буду его зачитывать, так как его уже зачитывали Трибуналу мои американские коллеги. Но я все-таки обращаю внимание Трибунала на второй параграф страницы 20 этого документа, в котором говорится о снабжении военнопленных и иностранных рабочих. Он гласит:

«Все эти люди должны получать питание, жилье, и с ними должны обращаться так, чтобы их можно было использовать максимально с минимальными затратами».

Я прошу Трибунал запомнить это выражение — использовать максимальным образом иностранную рабочую силу с минимальными затратами.

Подвергаясь, таким образом, заболеваниям и эпидемиям из-за плохого питания и плохих жилищных условий, иностранные рабочие, кроме того, не пользовались достаточным медицинским обслуживанием. В качестве доказательства представляю доклад от 15 июня 1944 г., составленный доктором Феврие, руководителем медицинского обслуживания французской делегации при «германском трудовом фронте». Это — документ Ф-536. Я представляю его в качестве доказательства под № РФ-91 и цитирую страницу 15 французского оригинала:

«В Освенциме среди 2 тысяч рабочих находятся туберкулезные, болезнь которых была установлена местным немецким

врачом «Арbeitsейнзатц». Этот последний не возвращает их на родину вследствие его враждебного безразличия. Я сейчас принимаю меры к их возвращению на родину.

В Берлине, в госпитале, где немецкий главный врач появляется один раз в три недели и где русская докторша раздает всем больным каждое утро одни и те же успокоительные капли, я видел человек двенадцать туберкулезных, из которых трое военнопленных, переведенных из категории военнопленных в рабочие. Их болезнь перешла всякие границы, когда можно было оказать медицинскую помощь».

Статистических данных об иностранных рабочих, умерших на работах, не было составлено. Профессор Анри Дессай, генеральный врач — инспектор министерства труда, считает, что в Германии умерли 25 тысяч французских рабочих. Но не все они умерли от болезней, так как к медленному истреблению прибавилось быстрое истребление в концентрационных лагерях.

Действительно, дисциплинарный режим иностранных рабочих был чрезмерно строгим и нарушал международное право. Я уже представил несколько примеров взысканий, которым подвергались угнанные рабочие. Кроме того, рабочих, которых охранники считали строптивыми, посылали в специальные штрафные лагеря, а некоторые из рабочих бесследно исчезали в концентрационных лагерях для политических заключенных.

Напомню Трибуналу, что я уже представил ему косвенное доказательство того, о чем я говорю. Во время моего выступления я представил Трибуналу под № РФ-44 приказ Заукеля от 29 марта 1943 г., согласно которому продлевается срок трудовых договоров на время, которое рабочий провел в тюрьме или в концентрационном лагере. Я не буду останавливаться на этом вопросе.

Я подчеркиваю, однако, важное значение преследования иностранных рабочих. Оно завершает преступления по угону рабочих и доказывает последовательность германской политики истребления.

Я осветил перед Трибуналом события, которые отметили мобилизацию иностранных рабочих из гражданского населения на службу нацистской Германии. Я объяснил, каким образом организация принудительных работ входила в общие рамки немецкой политики господства. Я изобличил перед Трибуналом методы, которыми подсудимые пользовались для принудительной мобилизации иностранной рабочей силы. Я подчеркнул значение угона, к которому прибегала «Арbeitsейнзатц», и я напомнил Трибуналу, какому плохому обращению подвергались угнанные на работу.

Политика принудительного труда включает все нарушения, рассмотрение которых входит в компетенцию Трибунала: наруше-

ния международных конвенций, посягательства на международное право, преступления против внутреннего права оккупированных стран.

Все подсудимые несут ответственность за эти преступления. Именно правительственный кабинет установил принципы политики принудительной мобилизации. Верховное командование германских вооруженных сил привело в исполнение эти принципы на стройках вермахта, кригсмарине и люфтваффе. Гражданская администрация опиралась на эти нарушения в военной экономике Германии.

Я подчеркиваю особо виновность некоторых подсудимых:

Геринг — генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану — координировал составление и выполнение плана по мобилизации иностранных рабочих.

Кейтель — руководитель вооруженными силами, визировавший декреты Гитлера о принудительном труде, — включил в эту систему военнопленных.

Функ — министр экономики рейха и Шпеер — министр вооружения — основали свою программу военного производства на принудительном труде.

Наконец, Заукель — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы — показал себя решительным исполнителем и, согласно его собственному выражению, фанатическим последователем политики принудительной мобилизации, инициатором применения которой в Голландии явился Зейсс-Инкварт.

Трибунал определит их ответственность; я прошу его покарать виновных в преступлении и восстановить достоинство человеческого труда.

ДИРЕКТИВА ТОДТА ОТ 28 ИЮЛЯ 1941 г.
ЗА № 5185/41 — ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ТОДТА
В ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЯХ

Генерал-фельдмаршал Кейтель выразил свое недовольство тем, что подразделения организации Тодта (ОТ), находящиеся в окрестностях Львова, выплачивают местным рабочим заработную плату в размере 25 рублей и что подразделения ОТ используют фабрики...

Уже во время моей последней поездки я подробно разъяснил всем сотрудникам, что на русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе.

Использование рабочей силы нужно, в первую очередь, обязательно применять при погрузке вручную и подводами без вознаграждения. Рабочий за это получает скромное пропитание. О выплате заработной платы во фронтовом районе впредь до разрешения не может быть и речи.

На территории областей, в которых учрежденная рейхсмаршалом хозяйственная организация уже начала свою деятельность, за несложные строительные работы в лучшем случае выплачиваются только ставки, которые были согласованы с этой хозяйственной организацией.

Моя личная установка господам известна. Каждый руководитель ответствен передо мной, что ОТ здесь не пойдет по иному пути против моих убеждений. Фирмы соответственно уведомляются.

Платежи, которые не соответствуют этим принципам, фирмам не возмещаются.

Этот приказ доводится до сведения всех пунктов исполнения и всех фирм.

Д-р Тодт

ИЗ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛЬНОГО
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
РАБОЧЕЙ СИЛЫ ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1942 г.
№ УА 5780 28/2714 «СПЕЦИАЛЬНЫЕ
МЕРОПРИЯТИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
РАБОЧЕЙ СИЛЫ ПО ОТПРАВКЕ ВОСТОЧНЫХ
РАБОТНИЦ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ
МНОГОДЕТНЫМ ДОМАШНИМ ХОЗЯЙСТВАМ
В ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ»

...Заявки по прилагаемой форме (см. образец) на предоставление восточной работницы для работы в домашнем хозяйстве проверяются трудовым управлением в отношении степени нуждаемости домашнего хозяйства в домашней работнице и затем направляются на утверждение соответствующего руководителя НСДАП (окружного руководителя).

В случае если окружной руководитель возражает против предоставления домашнему хозяйству работницы, трудовое управление отказывает просителю в направлении ему восточной работницы или соответственно — в разрешении на использование таковой. Мотивировка при этом не приводится, решение является окончательным...

Форма заявки

К № Уа 5780.28.2714 от 8 сентября 1942 г.
Трудовое управление
Уа 5780.28/2714

Организации НСДАП...

Относительно использования восточных работниц в домашнем хозяйстве

Имя главы семьи
Профессия главы семьи
Домашний адрес
Частное хозяйство — врач, ремесленник и т. д. (род занятий).

Вышеуказанное домашнее хозяйство сделало заявку о предоставлении (о разрешении на использование) восточной работницы.

Прошу вашего заключения о наличии возражений против использования восточной работницы в указанном домашнем хозяйстве.

(Место и дата)

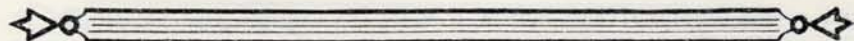
(Подпись)

Ответ Трудовому Управлению

В
Против использования восточной работницы в указанном домашнем хозяйстве возражений не имеется.

(Место и дата)

(Подпись)

Документ ПС-020

Берлин, 15.IV. 1943 г.

ЗАПИСЬ

БЕСЕДЫ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЗАУКЕЛЕМ, СОСТОЯВШЕЙСЯ 14 АПРЕЛЯ 1943 г.

Я обратил внимание товарища по партии Заукеля на положение на Украине, в особенности в генеральных округах Вольнь и Подолия, и попросил его сообщить мне о том, что относится к кругу его задач.

Гаулейтер Заукель заявил мне, что 14 дней тому назад он был у фюрера и совсем недавно имел беседу с рейхсмаршалом. Дело в том, что фюрер в течение этого года должен дополнительно получить в Германию один миллион рабочих рук. Если не удастся этого сделать, то у германских вооруженных сил не останется никаких резервов, то есть сила германского народа истощится. Заукель надеется получить с Запада еще 200 тысяч или более человек, остальное должен дать Восток.

Я сказал ему, что несколько дней тому назад господин Флоттман передал мне, что он видел собственными глазами, как команды по вербовке рабочей силы среди белого дня задерживали прохожих на улицах Днепропетровска, чтобы направить их в Германию. При этом не помогали даже паспорта местных жителей из Бергхютте-Ост. Такое поведение недопустимо и никому не принесет никакой пользы.

Гаулейтер Заукель подчеркнул, что он полностью согласен со мной и что он не собирается пятнать свое имя ловлей рабов, а сделает все, чтобы добиться приличного разрешения этих вопросов. Он представляет себе это таким образом, что военные власти, безусловно, уже набрали себе очень большое количество местных рабочих, которых он должен у них отнять. В дальнейшем он обратит свое внимание главным образом на города с тем, чтобы учесть наверняка имеющийся еще там людской материал, впрочем, он считает, что необходимо мобилизовать несколько возрастов.

Я сказал ему, что при этой ситуации я не ожидаю больших успехов от добровольчества, хотя, по донесениям бывшего работника моего штаба Штумпфа, я мог установить, что при ясной и разумной агитации из небольшого округа еще сегодня

добровольно вызвались поехать в Германию 200 человек. Если он, Заукель, говорит, что он должен выполнить поручение, данное ему фюрером, то и я, со своей стороны, должен заявить, что все мобилизации для промышленности и сельского хозяйства имеют свои пределы, и для того чтобы избежать волнений по всей стране, какие имели место в генеральном округе Вольфия и Подолия вследствие невероятной политики имперского комиссара Коха, необходимо точно определить возможные политические последствия этой мобилизации. Затем я поставил гаулейтера Заукеля в известность о личном и деловом конфликте с имперским комиссаром Кохом.

Далее я сообщил Заукелю о том, что сделало министерство пропаганды для подготовки проведения мобилизации рабочей силы. Им издано плакатов — 398000, 7 малых брошюр тиражом в 700000, листовок — 1870000, заводских диаграмм о привлечении рабочей силы на германское производство — 7000, выставок по этому же вопросу — 3000.

Привлечено значительное количество ораторов, использованы радио и кино.

Выпущено два специальных фильма, два других фильма снимаются.

Потом я указал Заукелю на то, что подготовленная нами два года тому назад брошюра до сих пор не могла быть закончена, так как мы были вынуждены все время обращаться за справками к его сотрудникам. Все его сомнения я мог бы вполне учесть, но вопрос об отличительных знаках я и сейчас еще считаю очень важным. Я считаю необходимым нешивать больше названия «Ост», а ввести опознавательный значок с буквой национальной принадлежности.

Гаулейтер Заукель заявил, что он с этим согласен, только попросил не протестовать в случае, если для восточных рабочих нарукавный знак будет выполнен в коричневом цвете.

Я сказал, что это вполне подходит, но что тогда на каждом нарукавнике должны быть даны начальные буквы различных национальностей.

Было решено поставить в известность рейхсфюрера СС и приступить к осуществлению этого плана. Впрочем, гаулейтер Заукель хотел немедленно уведомить своих сотрудников в Веймаре с тем, чтобы приложить к брошюре последние распоряжения.

15. IV. Заукель летит на Украину и, как он обещал, будет регулярно информировать меня о положении дел, с которыми он там встретится. От министерства его будет сопровождать г-н Бейль.

А. Розенберг

ИЗ ДОПРОСА ГИТЛЕРОВСКОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА ГЕРХАРДА МИЛЬХА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 11 марта 1946 г.]

...Джексон¹: Принимали ли Вы участие в вывозе в Германию гражданского населения оккупированных территорий для принудительного труда?

Мильх: Нет.

Джексон: Но Вы знали, что это делалось?

Мильх: Я не знал, что рабочие увозились насильственно. Нам было сообщено, что они приезжали добровольно...

Джексон: Знаете ли Вы, что военнопленных принуждали работать в авиационной промышленности и даже в орудийных расчетах? Вы знали об этом?

Мильх: Я слышал об этом.

Джексон: И Вы слышали об этом от Ваших друзей-офицеров, не так ли?

Мильх: От кого я это слышал, я не помню сейчас...

Джексон: На одном из допросов Вам был задан вопрос: «Чувствовали ли те генералы, с которыми Вы сотрудничали еще до 1939 года, что путь, избранный Гитлером, по всей вероятности, приведет к войне?», на что Вами был дан следующий ответ: «Те, которые способны были понимать международную политическую обстановку, — да, но они должны были быть очень осторожны, поскольку они не могли высказать своих мнений вслух. Они не смели делать этого». Это правильно?

Мильх: Да, это правильно.

Джексон: Чего же так боялись генералы, командовавшие армиями, что они даже не высказывали вслух своих мнений?

Мильх: Они не могли об этом докладывать Гитлеру.

Джексон: Кого же они опасались? Ведь генералов было много, а Гитлер только один. Кто же должен был выполнять приказы, направленные против них?

¹ Р. Джексон — Главный обвинитель от США. — Составители.

Мильх: Это было невозможно. Гитлер был настолько силен, что все контраргументы других или отклонялись или вообще не выслушивались...

Джексон: Я хочу задать Вам несколько вопросов, относительно Вашей деятельности и Ваших задач в центральном бюро планирования. Вы были членом этого бюро, не так ли?

Мильх: Да.

Джексон: В течение какого времени?

Мильх: С самого начала, мне кажется, это было в 1941 или 1942 году и до конца.

Джексон: Членами этого бюро, помимо Вас, были подсудимый Шпеер?..

Мильх: Да.

Джексон: И Функ?

Мильх: Да, но только позднее.

Джексон: Когда он стал членом центрального бюро планирования?

Мильх: Тогда, когда большинство гражданской промышленности перешло в министерство вооружения Шпеера.

Джексон: Был ли Кернер членом бюро?

Мильх: Да.

Джексон: Кто был доктор Зауэр?

Мильх: Он был чиновником министерства Шпеера, однако он не принадлежал к центральному бюро планирования...

Джексон: Заукель часто присутствовал на заседаниях бюро, не так ли?

Мильх: Часто — нет, но время от времени — да.

Джексон: Каковы были функции центрального бюро планирования?

Мильх: Распределение сырьевых ресурсов между отдельными потребителями, как-то: вооруженными силами (сухопутной армией, военно-воздушными и военно-морскими силами), а также различными гражданскими секторами, как, например, рудниками, промышленными стройками и т. д.

Джексон: А также вопросами рабочей силы, не так ли?

Мильх: Простите, рабочих мы не распределяли.

Джексон: Бюро не имело никакого отношения к рабочей силе?

Мильх: Нет, мы могли давать предложения по этому вопросу, но распределение не входило в наши функции.

Джексон: Знаете ли Вы о том, что Шпеер передал властям США все свои личные документы и записи, включая и протоколы заседаний центрального бюро планирования?

Мильх: Я услышал об этом лишь здесь.

Джексон: Я прошу передать свидетелю протоколы заседаний центрального бюро планирования (документ P-124),

чтобы он ознакомился с ними по подлиннику. (*Обращаясь к Мильху.*) Посмотрите на страницу 1059, это протокол № 21 от 30 октября 1942 г. Из протокола явствует, что Вы присутствовали на этом заседании. Вы это припоминаете?

Мильх: Из этой фразы не могу этого предположить, но я думаю, что это было так. Да, я вижу, что в протоколе мое имя часто упоминается.

Джексон: Имело ли центральное бюро планирования какое-либо отношение к использованию в качестве рабочей силы военнопленных.

Мильх: По моему мнению, нет.

Джексон: В протоколе заседания центрального бюро планирования от 2 ноября 1942 г. (страница 1042, строка 24) приводится Ваше выступление. Я прочту запись: «*Мильх:* Я думаю, что сельское хозяйство должно получить свою норму рабочей силы. Если бы мы были в состоянии передать для использования в сельском хозяйстве на 100 тысяч человек больше, то и количество относительно сытых людей было бы у нас больше на 100 тысяч человек. Однако же человеческий материал, который мы сейчас получаем, в частности военнопленные, находятся не в достаточно хорошем для работы состоянии». Вы выступали с таким заявлением?

Мильх: Я в деталях не помню, но предполагаю. Я не знаю, видел ли я этот протокол...

Джексон: Присутствовали ли Вы на совещании с фюрером и министром Шпеером?

Мильх: К какому времени Вы это относите?

Джексон: К 5 марта 1944 г.

Мильх: 5 марта 1944 г.? Да, я присутствовал на этом совещании у фюрера. Там речь шла о создании штаба строительству истребителей, то есть объединении усилий всей промышленности вооружения для того, чтобы добиться повышения производства истребителей.

Джексон: Я прошу, чтобы Вам сейчас показали записи Шпеера относительно этого совещания у фюрера, на котором присутствовали также генерал фон Боденшатц и полковник фон Бюлов. Не так ли? Я прошу Вас обратить внимание на следующий абзац: «Я сообщил фюреру о желании рейхсмаршала относительно дальнейшего повышения производительности труда военнопленных путем передачи шталагов в ведение СС, за исключением англичан и американцев. Фюрер согласился с этим предложением и попросил фон Бюлова принять соответствующие меры». Я спрашиваю Вас, каким образом СС могла повысить производительность труда военнопленных? Какие меры она, по-вашему, должна была предпринять? (*Пауза.*)

Отвечайте на мой вопрос. Какие меры, по-вашему, должны были предпринять в СС для того, чтобы повысить производительность труда военнопленных?

Мильх: Я сейчас уже не помню этого. Во всяком случае, в то время нам не было так широко известно о методах действия СС, как это известно сегодня.

Джексон: Это было в марте 1944 года?

Мильх: Да.

Джексон: Значит, Вы ничего не знали о тех методах, которыми СС могла бы повысить производительность труда военнопленных? Вы хотите, чтобы Ваш ответ был зафиксирован именно так?

Мильх: Нет, я не хотел бы так оставлять это. Я как раз обдумываю этот пункт. Я думаю, что речь идет о том, будут ли использоваться военнопленные в качестве рабочей силы или нет. Речь не шла о том, чтобы использовать этих военнопленных каким-то образом при СС, военнопленные были переданы для использования их в качестве рабочей силы. Я так это понимаю.

Джексон: ...Хорошо, перейдем к 33-му совещанию центрального бюро планирования от 16 февраля 1943 г., где в числе прочих присутствовали Вы, Шпеер и Заукель. Если суммировать происходившее на этом совещании, то можно сказать, что там имело место серьезное обсуждение вопроса о рабочей силе. Вначале был сделан доклад Шрейбером и Тимом, а затем происходило общее обсуждение положения с рабочей силой.

Ваше выступление гласит: «*Мильх:* Мы попросили издать приказ о том, чтобы известный процент людей, занятых в зенитной артиллерии, состоял из русских. В общей сложности будет использовано 50 тысяч. 30 тысяч их уже используется в качестве орудийной прислуги. Забавно, что русские должны действовать в качестве орудийной прислуги».

Что было «забавного» в том, что русские военнопленные должны были работать в качестве орудийной прислуги?

Мильх: «Мы попросили» — «мы» — это не относится к бюро планирования, эти требования выставил Гитлер.

Джексон: Так «мы» — это Гитлер?

Мильх: Да, германское правительство. Я считаю, что своеобразным было то, что военнопленных заставляли стрелять по самолетам их союзников. Мы возражали против этого, так как мы должны были снимать их с работы. Мы были против их использования в зенитной артиллерии.

Джексон: Вы сказали: «Забавно, что русские должны действовать в качестве орудийной прислуги». Что в этом было забавного?

Мильх: «Забавно» — это значит своеобразно, удивительно. Но я не могу сказать, было ли сказано это слово. Я не видел протокола.

Джексон: Я обращаю внимание на конец вашего выступления. «Остальные 20 тысяч человек еще не получены. Вчера я получил письмо от высшего командования армии, в котором говорится, что они не в состоянии выделить ни одного человека. Они сами испытывают недостаток. Это мероприятие, таким образом, не окажется для нас успешным». К чему относится «для нас», если не к Вашим потребностям в области промышленности?

Мильх: Я думаю, что этот протокол был неправильно составлен... Я могу сказать, что речь шла о том, чтобы взять из промышленности вооружения часть людей и использовать их в противовоздушной обороне. Мы, занимавшиеся вооружением, не хотели отдавать этих людей и возражали против их перевода из промышленности вооружения в зенитную артиллерию...

Джексон: Я прошу обратить внимание на следующее Ваше высказывание: «*Мильх:* Конечно, имеется фронт и на Востоке. Этот фронт будет стабильным в течение определенного времени. Единственное, что остается русским, если мы эвакуируем какую-либо область, так это — население. Вопрос заключается в следующем, не лучше ли было для нас, как правило, вначале эвакуировать население в тыл на 100 км от линии фронта. Таким образом, все гражданское население будет переводиться в тыл на 100 км от фронта». Вы нашли это?

Мильх: Да, я это нашел.

Джексон: Сегодня утром, насколько я Вас понял, Вы заявили, что правило, включенное в солдатскую памятку, гласило, что нельзя действовать во вред гражданскому населению?

Мильх: ...Я не знаю, о каких именно людях идет речь, но во всяком случае их уже использовали в качестве рабочей силы.

Джексон: И Вы знали это? Вы знали, что их использовали для подобного рода работы?

Мильх: Я сегодня этого не помню, но во всяком случае, в протоколе написано, что это имело место, если этот протокол верен.

Джексон: И Вы знали, что гражданское население принуждали рыть окопы для ваших войск?

Мильх: Сегодня я не помню этого, но согласно протоколу тогда было сказано именно так.

Джексон: Теперь я прошу обратить внимание на протокол 11-го совещания центрального бюро планирования, которое происходило 22 июля 1942 г. В первую очередь я обращаю Ваше внимание на то, что среди присутствующих на совещании

были Шпеер, Вы, Кернер. Скажите, представлял ли Кернер там рейхсмаршала?

Мильх: Да, он был представителем по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Таким образом, на всех совещаниях бюро Кернер представлял рейхсмаршала. Не правда ли?

Мильх: Да, он был представителем рейхсмаршала по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Заукель там также присутствовал и присутствовали представители чугунолитейной ассоциации, угольной ассоциации и министерства по производству вооружения и боеприпасов?

Мильх: Да.

Джексон: Имели место серьезные дискуссии по вопросу о проблемах рабочей силы и запросах этих отраслей промышленности. На странице 3062 имеется следующая запись, на которую я обращаю внимание: «Генерал-фельдмаршал Мильх примет меры к тому, чтобы ускорить поступление русских военнопленных из лагерей для промышленности». Я спрашиваю Вас, какие меры Вы должны были предпринять для того, чтобы ускорить поступление для промышленности русских военнопленных из лагерей?

Мильх: Так как я был солдатом, я взял на себя обязанность довести этот вопрос до сведения ОКВ, которому были подчинены военнопленные.

Джексон: Таким образом, Вы лично не занимались военнопленными, но Вы принимали меры к получению их от ОКВ. Не правда ли?

Мильх: Правительство предоставило в наше распоряжение этих военнопленных в качестве рабочей силы. Перевозки длились очень долго. Так как надо было договариваться по этому вопросу с ОКВ, меня попросили об этом, и я обязался просить ОКВ о том, чтобы оно ускорило темпы перевозки военнопленных.

Джексон: Теперь перейдем к совещанию № 36, которое состоялось 22 апреля 1943 г. Я вновь обращаю Ваше внимание на тот факт, что Шпеер, Вы, Заукель и Кернер были в числе присутствовавших. Там Вы вновь обсуждали вопрос о рабочей силе? Не так ли?

Мильх: Да.

Джексон: И Кернер доложил следующее: «*Кернер:* 1 апреля нам не доставало в сельском хозяйстве примерно 600 тысяч рабочих. Было запланировано восполнить этот недостаток путем получения рабочей силы с Востока, главным образом женщин. Эта рабочая сила должна быть доставлена до того, как другие рабочие будут сняты с сельскохозяйственных работ. Сейчас на-

ступает как раз такой период, когда должны производиться самые тяжелые полевые работы, требующие много рабочих», и далее в том же духе, однако я не могу занимать времени оглашением остальной части выступлений. Я обращаю Ваше внимание на страницу 2128, где записано Ваше выступление на этом совещании. Вы сказали следующее: «Если сделать так, как предлагаю я, с чем также согласен Тим, то не будет нанесено никакого ущерба. Это должно быть сделано во что бы то ни стало. Больше того, я считаю, что при любых обстоятельствах мы должны снабдить рабочей силой угольную промышленность. Большую часть рабочей силы, которую мы получим с Востока, составляют, конечно, женщины. Но женщины с Востока вполне привычны к полевым работам и особенно к той работе, которая должна быть сделана в течение ближайших недель, как, например, вспашка, посадка корнеплодов и т. д. Женщины вполне пригодны для этого. Следует только иметь в виду одно: мы должны вначале обеспечить сельское хозяйство этими женщинами и только затем забрать рабочих мужчин. Было бы неправильным забрать сначала мужчин и оставить, таким образом, фермеров без рабочей силы на период от четырех до шести недель. Если женщины придут спустя такой промежуток времени, то это будет слишком поздно».

Я спрашиваю Вас, сколько женщин было вывезено для сельскохозяйственных работ в результате этого совещания?

Мильх: На этом совещании высказывались лишь предложения с нашей стороны о том, как можно добиться равновесия в распределении рабочей силы между промышленностью и сельским хозяйством, чтобы дать ему достаточно рабочей силы. Без рабочей силы в горной промышленности нельзя было дальше вести войну. Необходимо было достать рабочую силу, и для этого было сделано предложение, каким образом можно произвести обмен рабочей силы. Нужно было заменить мужчин, занятых в сельском хозяйстве, женщинами, которые, конечно, не могли работать в шахтах.

Джексон: Кому Вы сделали эти предложения? Вы говорите, что это были не решения, а только предложения?

Мильх: Да, это было предложением министру труда или властям по распределению рабочей силы. Я вижу здесь имя Тима. Это был один из ответственных чиновников по распределению рабочей силы.

Джексон: И Заукелю?

Мильх: Я не помню, был ли там Заукель. Я вижу лишь имя Тима.

Джексон: Из протоколов совещания явствует, что он там присутствовал. Но независимо от того, присутствовал он или нет, Вы направляли Ваши предложения Заукелю в отношении

потребностей в рабочей силе, не правда ли? И поручали ему обеспечивать рабочую силу? Не так ли?

Мильх: Да, мы испытывали необходимость получить рабочих для рудничных работ. Новых рабочих мы не могли достать, следовательно, можно было лишь произвести замену.

Джексон: Я понимаю Вас. Вы сэкономите нам много времени, если будете отвечать только на вопросы.

Я обращаю внимание на совещание № 54 центрального бюро планирования, которое состоялось 1 марта 1944 г. На этом совещании, я Вам напоминаю, в числе присутствовавших были Заукель, Мильх, Шрейбер и Кернер. Оно происходило в министерстве воздушного флота, и Вы обсуждали на нем желательность изъятия из Франции юношей с тем, чтобы они не были в состоянии действовать в качестве партизан в случае вторжения союзников во Францию. Вспоминаете ли Вы это совещание?

Мильх: Деталей я не помню. Я уже на других допросах, как в Нюрнберге, так и в Англии говорил, что совершенно невозможно вспомнить все эти события в точности, так как их было чрезвычайно много...

Джексон: Вам поможет, если Вы обратитесь к странице 1799 и прочтете следующую запись, имеющуюся после фамилии «Мильх». *Мильх:* В случае, если высадка десанта произойдет во Франции и окажется до известной степени успешной, мы столкнемся с такой волной партизанского движения, с какой мы никогда не встречались ни на Балканах, ни на Востоке, и это произойдет лишь потому, что мы сделали это возможным, обращаясь с ними не так, как это было нужно. Четыре полные возрастные группы выросли во Франции — мужчины в возрасте от 18 до 23 лет, то есть в том возрасте, когда молодежь, движимая чувством патриотизма либо подстрекаемая другими, готова пойти на все, чтобы найти выход своему чувству ненависти. И, конечно, вполне естественно, что они ненавидят нас. Эти люди должны были бы быть призваны по возрастным группам и отправлены в Германию, так как они представляют собой величайшую опасность, которая угрожает нам в случае высадки.

Я твердо убежден, как уже заявлял несколько раз, в том, что, если начнется вторжение, то акты саботажа на всех железных дорогах, промышленных предприятиях и базах снабжения будут повседневным явлением. Однако тогда мы не будем располагать нашими войсками для поддержания порядка внутри страны, так как они должны будут сражаться на фронте, имея в своем тылу очень опасного врага, нарушающего линии коммуникаций, и т. д. Если же были бы приняты достаточно суровые меры, то в критический момент в нашем тылу было бы все спокойно, как в могиле. Я неоднократно подчеркивал необходимость всего этого, но я боюсь, что ничего еще не делается в этом направлении.

Когда же мы будем вынуждены прибегнуть к расстрелам, то будет уж слишком поздно. Тогда мы уже не будем более располагать людьми для того, чтобы встретить партизан».

Далее Вы заявили, что, по Вашему мнению, «армия должна проводить операции, необходимые для изъятия подобных лиц».

Скажите, теперь Вы припоминаете?

Мильх: Да, это, приблизительно, верно...

Джексон: И Вы предложили уничтожить население за линией фронта, так как оно могло создать угрозу для ваших операций во время вторжения?

Мильх: Нет, эти люди должны были своевременно... быть посланы на работу в Германию. Это было моим мнением. Было необходимо, чтобы эти люди прибыли на работу в Германию в соответствии с теми обещаниями, которые дало в своем договоре Французское правительство, вместо того чтобы эти люди становились партизанами и потом занимались саботажем, а в качестве контрмер против саботажа был необходим расстрел.

Джексон: Однако Вы не ограничивались применением принудительного труда только по отношению к Вашим противникам. Вы также применяли его по отношению к своим собственным союзникам. Не так ли? Я обращаю внимание на страницу 1814. Разве Вы не сказали следующее во время обсуждения? *Мильх:* Разве не были бы «оборонные фабрики» защищены еще лучше, если бы мы взяли под свой контроль вопросы продовольственного снабжения в Италии, а затем заявили бы итальянцам: «Вас будут кормить только в том случае, если вы будете работать на этих фабриках или поедете в Германию».

Мильх: Это было после отпадения от нас части Италии, и речь шла об итальянских солдатах, которые выступили против Муссолини. Многие из этих людей находились у нас в тылу, не хотели работать и организовывали акты саботажа против германских вооруженных сил. Поэтому было внесено предложение о том, чтобы этим людям было сказано: «Вы можете получать свое питание, но вы должны тогда работать, будь то на рудниках в Италии или в Германии».

Джексон: Мне кажется, что во время Вашего прямого допроса или в начале перекрестного допроса Вы сказали, что Вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы с оккупированных территорий. Что Вы об этом ничего не знали? Вы все еще это утверждаете?

Мильх: Я не совсем понял. То есть о принудительном труде?

Джексон: Да, о принудительном труде.

Мильх: Да.

Джексон: И Вам об этом ничего не было известно?

Мильх: Речь шла о военнопленных итальянцах, которые находились в нашем распоряжении, использовании их на работе

согласно договоренности с признаваемым нами Итальянским правительством. Муссолини совершенно определенно предоставил их для этой цели в наше распоряжение.

Джексон: Не будем сейчас тратить времени на Муссолини. Я спрашиваю Вас, продолжаете ли Вы еще настаивать на сделанном Вами ранее заявлении, о котором я напомнил Вам, а именно, что Вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы из оккупированных стран в Германию? Вы дали такое показание? Так или нет?

Мильх: Поскольку речь идет о свободных людях и свободных рабочих, постольку я еще утверждаю, что это было так. По-моему, здесь речь идет о тех людях, которые были представлены в наше распоряжение...

Джексон: Я прошу обратить Ваше внимание на страницу 1827 протокола совещания, на котором Вы присутствовали и где имело место обсуждение, в отношении которого Вы только что ответили утвердительно. Я прошу Вас обратить внимание на строчку, которая идет после фамилии Заукеля. Там говорится, что Заукель доложил о том, что «из 5 миллионов иностранных рабочих, вывезенных в Германию, менее 200 тысяч прибыли добровольно».

Мильх: Я об этом абсолютно ничего не помню.

Джексон: Вы этого совершенно не припоминаете? Ну хорошо.

...Тогда мы перейдем к 23-му совещанию центрального бюро планирования, которое состоялось в ноябре 1942 года. Из протокола явствует, что Вы присутствовали на этом совещании и принимали участие в дискуссиях. Я обращаю Ваше внимание на страницу 1024 стенографической записи этого совещания.

Шпеер: Ну, хорошо. Через посредство промышленности мы могли бы обмануть французов и заставить их поверить тому, что мы освободим для них всех военнопленных — прокатчиков и сталеваров, если только они сообщат нам имена.

Роланд: Мы организовали наше управление в Париже. Мне кажется, что вы имеете в виду то, что французы должны сообщить имена сталеваров, которые находятся в плену в Германии?

Мильх: Я просто сказал бы: Вы получаете два человека в обмен на одного из таких лиц.

Шпеер: Французские фирмы совершенно точно знают о том, какие военнопленные были сталеварами. В неофициальном порядке Вы должны создать впечатление, что они будут освобождены. Они сообщат нам имена, а затем мы получим их в свое распоряжение. Попытайтесь...

Роланд: Это — идея».

Итак, в своем выступлении Вы заявили, что хотите обменять два человека на одного? Не так ли?

Мильх: Да. Это означало двух людей какой-либо другой профессии в обмен на одного.

Джексон: И Ваша цель заключалась только в этом?

Мильх: Единственная цель заключалась в том, чтобы получить именно таких людей и взамен дать других.

Джексон: Перейдем к 53-му совещанию центрального бюро планирования, которое состоялось 16 февраля 1944 г. Вы найдете себя в числе присутствовавших на этом совещании, которое состоялось в имперском министерстве авиации. Я обращаю Ваше внимание на следующую запись после фамилии Мильх: «Военная промышленность в большой степени использует иностранных рабочих. По последним данным, они составляют 40 процентов. Последние пополнения, поступившие от главного уполномоченного по использованию рабочей силы, состоят главным образом из иностранных рабочих. Мы потеряли очень много немецкого персонала, который был призван в армию. В особенности авиационная промышленность, являющаяся молодой отраслью промышленности, использует большое число молодежи, которая должна быть призвана в армию. Это будет крайне затруднительно, если принять во внимание, что нельзя трогать тех, кто работает в экспериментальных центрах. В массовом производстве приобретают решающее значение иностранные рабочие. Они составляют свыше 95 процентов общего числа рабочих. В производстве нашего лучшего нового мотора занято 88 процентов русских военнопленных и только 12 процентов немецких рабочих и работниц. На заводах, выпускающих самолеты Ю-52 (используемые в качестве транспортных самолетов), выпуск которых только за один месяц составляет 50—60 машин, работают лишь 6—8 процентов немецких рабочих; остальные — украинские женщины, производительность труда которых ниже, чем производительность труда квалифицированных рабочих». Помните ли Вы это?

Мильх: Да, я очень точно помню это.

Джексон: И на странице 1873 записано, что Вы сделали следующее предложение: «*Мильх:* Список лиц, отлынивающих от работы, должен быть передан в руки Гиммлера, который заставит их работать, как следует. Это весьма важно для общего воспитания людей, а также окажет устрашающее действие на таких рабочих, которые также были бы не прочь увильнуть от работы».

Мильх: Здесь речь идет о тех рабочих, которые отлынивали от работы.

Джексон: Среди иностранных рабочих? Не правда ли?

Мильх: Нет, это были англичане, которые отлынивали от работы.

Джексон: Я думаю, что англичане являются иностранцами в Германии. Не так ли? Я не знаю, что Вы имеете в виду, утверждая, что они не были иностранцами. Они были англичанами... Я хочу спросить Вас, каким путем Гиммлер мог заставить работать этих лиц? Как поступал Гиммлер, какими возможностями он располагал? Почему Вы предложили Гиммлера для этой цели?

Мильх: Потому, что на одном совещании Гиммлер делал доклад о дополнительном питании. Рабочие получали нормальное основное питание, равное нормам для остального населения, и, сверх того, они получали значительное добавочное питание, которое для рабочих сверхтяжелого труда было в несколько раз больше основного питания. Это дополнительное питание выдавалось специальными продовольственными учреждениями, независимо от того, как и где работал человек. Гиммлеру поступило предложение выдавать дополнительное питание только тогда и только в такой норме, которую люди заслуживают своей работой. Так как у Гиммлера были многие из концентрационных лагерей, то это было возможно. Однако эту систему нельзя было ввести для свободных рабочих, поэтому было предложено людей, саботировавших работу, воспитывать тем, что давать полагающиеся в соответствии с их работой дополнительные пайки только в том случае, если они выполняли эту работу.

Джексон: Надеюсь, Вы нашли то место, где Вы предлагаете свой метод для борьбы с этим явлением? «Я сказал своим инженерам: я буду сам Вас наказывать, если Вы не будете бить таких людей. Чем больше Вы сделаете в этом направлении, тем больше я буду Вас уважать. Я позабочусь о том, чтобы с Вами ничего не случилось. Однако это еще не дошло до всех. Я не могу лично говорить со всеми руководителями предприятий, но я хотел бы посмотреть на того, кто помешал бы мне в этом, потому что я могу разделаться с каждым, кто мне мешает». Вы нашли это место?

Мильх: Да, я сейчас это увидел. Я не помню хорошо отдельных слов, но я стоял тогда на точке зрения, что было совершенно невозможно, когда пленный или иностранный рабочий смел говорить немецкому начальнику, что он оторвет ему голову, а руководителю предприятия...

Джексон: Хорошо, неужели Вы хотите этим сказать, что если военнопленный пытался или угрожал перерезать горло немецкому мастеру, то немецкие чиновники защищали бы его против предпринимателя? Неужели Вы это имеете в виду?

Мильх: (Молчание.)

Джексон: Ну, хорошо. Я продолжаю:

«Если руководитель небольшого предприятия, — я все еще цитирую Ваше выступление, — будет поступать таким образом, то

его поместят в концентрационный лагерь...» Вы нашли это место?

Мильх: Да, вижу.

Джексон: «...И, с другой стороны, он рискует лишиться военнопленных». Я все еще продолжаю цитировать Ваши слова, и я хотел бы, чтобы Вы нашли эту запись. «В одном случае два русских офицера пытались взлететь на самолете, но потерпели аварию. Я приказал немедленно повесить обоих этих людей. Вчера они были повешены или расстреляны. Я предоставил это СС. Я хотел, чтобы они оба были повешены на том же заводе для того, чтобы это видели другие». Вы нашли это?

Мильх: Да, я нашел это место и хочу сказать, что никогда в жизни не приказывал повесить кого-либо. Я считаю совершенно невозможным, чтобы я так сказал...

Джексон: Не хотите ли Вы еще что-нибудь сказать в отношении этой записи?

Мильх: Нет, я ничего больше не имею сказать. Мне ничего неизвестно по этому делу, и я не верю, что я сказал это.

Джексон: У меня больше нет вопросов на данной стадии.

Робертс¹: Теперь я хотел бы перейти к инциденту в стационарном лагере ВВС № 3 в Сагане. Вы знаете, о чем я сейчас говорю?

Мильх: Да, я теперь об этом знаю.

Робертс: Знаете ли Вы, что 24 и 25 марта 1944 г. около 80 офицеров военно-воздушных сил Англии и доминионов совершили побег из этого лагеря?

Мильх: Я узнал об этом событии в английском лагере, в котором я был.

Робертс: Знаете ли Вы, что из этих 80 бежавших — 50 человек были расстреляны?

Мильх: Да.

Робертс: Вполне ясно, что если это было убийство, то приказ о совершении этого убийства должен был исходить от высших инстанций. Не так ли?

Мильх: Да, безусловно. Об этом я узнал более детально от начальника отдела военнопленных — генерала Вестгофа, когда я вместе с ним был в плену в Англии.

Робертс: Я хочу спросить Вас об организации, ведавшей военнопленными. Являлась ли эта организация одним из отделов ОКВ?

Мильх: Я полагаю, да.

Робертс: Не был ли начальником этого отдела генерал-майор фон Гревенитц?

¹ Д. Робертс — представитель обвинения от Великобритании. — Составители.

Мильх: Да, фон Гревенитц.

...Робертс: Не думаете ли Вы, что этот случай покрывает позором вооруженные силы Германии?

Мильх: Да, это большой позор.

...Робертс: Я хотел бы вкратце остановиться на вопросах, которые затронул господин Джексон. Но он не оглашал письма. Это — вопрос об экспериментах, которые проводились в интересах исследовательской работы военно-воздушных сил. Я постараюсь возможно реже обращаться к самим документам, я буду лишь ссылаться на них. Знаете ли Вы, что 15 мая доктор Рашер написал письмо Гиммлеру? Это документ ПС-1602, страница 1848 стенограммы.

Мильх: Это мне не было известно.

Робертс: Он производил очень опасные эксперименты, подвергаться которым никто добровольно не соглашался; обезьяны для этой цели не были пригодны, и он просил предоставить ему человеческие существа в качестве объектов для производства этих опытов. Гиммлер сразу же ответил, что он будет рад предоставить человеческие существа для производства опытов над ними. Это было в 1941 году. Было ли Вам об этом что-нибудь известно?

Мильх: Об этом мне ничего не известно.

...Робертс: Письмо от 20 мая 1942 г., адресованное Вольфу, то есть обергруппенфюреру Вольфу, это письмо написано Вами. Не так ли?

Мильх: Да. Я подписал это письмо... Вольф был адъютантом Гиммлера. Он послал нам телеграмму, по-видимому, санитарной инспекции, но санитарный инспектор отвечал ему через меня. Я не знаю, по какой причине он не ответил сам. Я уже говорил во время допроса, что я подписал эти письма, но что они не были составлены в моем бюро и что они были написаны на моем бланке как ответ санитарной инспекции.

Я не имел ничего общего ни с опытами высотных полетов, ни с какими-либо опытами СС вообще, ни с санитарной инспекцией.

Робертс: Знали ли Вы о том, что в этих камерах высокого давления производились опыты над живыми людьми, над человеческими существами, которые доставлялись из Дахау?

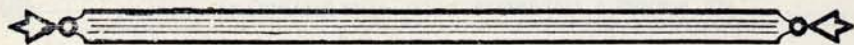
Мильх: Над кем производились эти опыты, следует из письма, которое представила мне санитарная инспекция...

Робертс: Разве Гиммлер не послал Вам письма в ноябре 1942 года, в котором он писал: «Дорогой Мильх! Производятся эксперименты как с высоким давлением, так и с холодной водой», и что он, Гиммлер, предоставлял социально опасных лиц и преступников из концентрационных лагерей для этих опытов? Помните ли Вы это письмо?

Мильх: Это письмо мне показывали. Но я его не помню. Я не знаю, почему Гиммлер вообще писал мне. Из моего бюро письма без моего просмотра передавались непосредственно соответствующим отделам санитарной инспекции, и оттуда шел ответ через мое бюро. Я не мог создать себе определенную точку зрения на эту переписку, так как я не знал, о чем идет речь, и не мог судить о том, что там происходило с точки зрения медицины.

Робертс: Если Вы говорите, что Вы ничего не знали даже о тех письмах, которые Вы сами подписывали, то едва ли есть смысл дальше задавать Вам вопросы.

Документ СССР-51

ИЗ НОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ОТ 27 АПРЕЛЯ 1942 г.

III. Установление рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и увод гражданского населения «в плен»

Советское правительство располагает документальными материалами, свидетельствующими о том, что гитлеровские правители и военное командование проводят на оккупированных территориях план поголовного порабощения советских граждан, вводят всеобщий принудительный труд в городах и селах и осуществляют насильственный увод в Германию нескольких миллионов мирных жителей нашей страны, незаконно зачисляемых в разряд «военнопленных». Гитлеровцы хотят превратить нашу родину в порабощенную колонию.

В оккупированных районах Украины и Белоруссии немцы ввели для *промышленных рабочих* принудительный труд, заставляя их работать по 14—16 часов даже на наиболее вредных для здоровья работах, в большинстве случаев без всякой оплаты, а в некоторых случаях с издевательски низкой оплатой. Так, например, в Киеве и Кривом Роге оплата труда всех рабочих, которые вообще получают зарплату, составляет в большинстве случаев меньше половины германской марки в день. Существование на этот заработок равносильно медленной голодной смерти. Уделом большинства промышленных районов оккупированных областей стал принудительный труд на тяжелых дорожных и погрузочных работах в составе созданных оккупантами «трудовых колонн», в которых квалифицированные рабочие, техники и инженеры используются в качестве чернорабочих. Подавляющее большинство промышленных предприятий в оккупированных районах бездействует. Значительная часть предприятий передается оккупантами германским капиталистическим фирмам, которые, таким образом, присваивают собственность советского народа, но обычно оказываются не в состоянии пустить эти предприятия в ход. Германские захватчики и их румынские по-

собники недавно объявили «распродажу» промышленных предприятий на территории Молдавии и Украины, что означает передачу этих предприятий, вместе с их рабочими, любому немецкому или румынскому капиталисту, который сторгуется в цене с военным командованием. На Украине и в Белоруссии торговая сеть фактически ликвидирована, и лишь изредка в продажу поступают по исключительно высоким ценам предметы личного обихода, реквизируемые у того же местного населения. В немногих лавках, открытых в Днепропетровске, Киеве и Полтаве, продажа товаров производится, как указано в специальных вывесках, «только для немцев». По инструкции германского командования базары запрещены — «с целью избежать утечки товаров, необходимых для имперской Германии».

В секретной инструкции «Об актуальных задачах в восточных областях», захваченной частями Красной Армии в начале марта 1942 года, начальник «военно-экономической инспекции центрального фронта» генерал-лейтенант Вейганг признает, что «оказалось невозможным поддерживать промышленное производство работой полуголодных и полураздетых людей», что «обесценение денег и товарный кризис совпадают с опасным недостатком доверия к германской власти со стороны местного населения» и что это «чревато совершенно недопустимыми в тылу сражающихся войск опасностями для спокойствия оккупированных областей», которые германский генерал в этом же документе осмеливается назвать «нашими новыми восточно-колониальными владениями».

Признавая, что полный развал промышленного производства в оккупированных областях привел к массовой безработице, германский генерал Вейганг дает следующее указание об ускорении насильственной отправки в Германию русских, украинских, белорусских и других местных рабочих:

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии» («Специальное указание № 3 особой группе Б.Б. (и)», раздел II).

Германское командование и оккупационные власти попирают всякое человеческое достоинство наших граждан и устанавливают в оккупированных областях режим неслыханного произвола. В захваченном частями Красной Армии приказе командования 3-й немецкой группы танковых войск предписывается привлекать все гражданское население оккупированных областей к различным тяжелым работам, устанавливается, что этот принудительный труд не должен оплачиваться, и нагло заявляется: «Бесплатной работой население искупит свою вину за уже совершенные акты

саботажа, а также за акты саботажа, которые могут быть совершены в будущем».

Рабскому труду сопутствуют издевательства и репрессии не только за уклонение от принудительных работ, но и за недостаточную, с точки зрения оккупантов, производительность труда обесиленных голодом жителей. Изданное в городе Калуге 20 ноября 1941 г. за подписью германского коменданта майора Портациуса «Объявление» гласит:

«1. Граждане, которые будут работать лениво или не работают назначенное количество часов, будут приговариваться к денежному штрафу. В случае неуплаты виновные будут подвергнуты телесным наказаниям. 2. Граждане, которые были назначены на работу и не явились на нее, будут подвергнуты телесному наказанию и не получают продовольственной помощи от города. 3. Граждане, которые вообще уклоняются от работы, будут, кроме того, высылаться из Калуги. Боящиеся работы граждане будут соединены в рабочие отряды и колонны и будут помещены в казармы; им придется работать на тяжелых работах».

По отношению к *крестьянству* оккупированных областей гитлеровское правительство и командование поставили себе целью и осуществляли на практике следующее: 1) захват земли, переданной Советским государством в вечное и бесплатное пользование колхозов, — в руки германских оккупантов, причем как земля колхозов, так и земля единоличных крестьян, отдается «Сельскохозяйственному отделу Германского Управления», и это проклинаемое крестьянами «Германское Управление» произвольно распоряжается захваченной землей; 2) ликвидация колхозов и образование «Общинных Хозяйств» во главе с германскими «управляющими», чтобы при помощи этих созданных фашистами «Общинных Хозяйств» и под палкой германских «управляющих» принудить крестьян к совместной работе, а полученные в результате этой работы продовольствие и другую сельскохозяйственную продукцию собрать и сразу же сдать германским властям для отправки на содержание немецко-фашистской армии и тыла; 3) создание на отнятой у крестьян земле помещичьих владений с насаждением в них германских помещиков и всяких приближенных к гитлеровцам германских «колонистов», жадных до чужого добра; 4) насильственный увод многих сотен тысяч крестьян и крестьянок для использования на принудительных работах в гитлеровской Германии.

Так поступают немецко-фашистские власти и командование с крестьянством оккупированных ими советских районов, оставляя крестьян без земли и без продовольствия, вводя для крестьян и крестьянок рабско-крепостнический труд под командой гитлеровских «управляющих» из разряда всяких проходимцев и уже теперь подготавливая восстановление помещичьих владений с на-

саждением на захваченной колхозной земле германских помещиков. В этом именно заключается смысл «Земельного закона», изданного в конце февраля 1942 года гитлеровским правителем оккупированных советских областей Альфредом Розенбергом, бывшим царским шпионом. Таковы «аграрные» порядки, насаждаемые в оккупированных советских районах Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии немецко-фашистскими генералами при помощи специально вымуштрованных для угнетения крестьян всяких «сельскохозяйственных офицеров», «военных агрономов» и гитлеровских «управляющих» «Сельскохозяйственного отдела Германского Управления».

Обо всем этом свидетельствуют многочисленные приказы и инструкции германских оккупантов и распространяемые ими печатные листки и обращения.

В изданной германским командованием секретной инструкции, озаглавленной «Принципы ведения хозяйства на Востоке (приложение к особому распоряжению по снабжению от 22 августа 1941 г.)», указывается:

«Главная задача состоит в скорейшей добыче зерна, масличных культур, нефти и легких металлов, а также в поставке транспортных средств и сельскохозяйственных машин... Нужно стремиться к насаждению возможно большего числа немецких руководителей, чтобы добиться быстрой отправки продукции руководимых ими предприятий... Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии и хозяйства за счет русских просторов».

В изданной верховным германским командованием «Памятке для ведения хозяйства в завоеванных восточных районах» сказано:

«Завоеванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земля, весь живой и мертвый инвентарь... являются собственностью германского государства».

В этой же гитлеровской «Памятке» даются специальные указания, какими именно посулами возвращения собственности и оплаты труда надо обманывать крестьян и какие именно «завещения» надо для этой цели давать «русскому населению», чтобы труд «местного населения» можно было лучше использовать «для снабжения германских войск и сверх того для военно-хозяйственного снабжения Германии».

Так называемый «имперский комиссар» оккупированных немцами украинских областей Эрих Кох в своем обращении к германским военнослужащим — выходцам из Восточной Пруссии, обещает раздать им земли и другие богатства Украины:

«Как имперский комиссар, я получил богатую почву и растительностью Украину, которая по воле фюрера (Гитлера) будет использована для нужд Европы... Доверие фюрера дает мне возможность обеспечить каждому из вас, чтобы там мои товарищи

могли быть моими верными помощниками при решении этой огромной задачи. Я уже однажды дал вам слово, что в завоеванных вами восточных областях вы раньше всех получите предприятия и место работы... Вы и ваши дети наполните немецкой жизнью землю, которая была пропитана немецкой кровью».

Не отстает от этого проходимца и помощник начальника ставки верховного румынского командования генерал Тэтэрану, который в циркуляре № 1500/А дает такое указание:

«В качестве вознаграждения за храбрость и преданность господин генерал Антонеску решил наделить землей на освобожденных территориях тех, кто отличился в настоящей войне. Воинские части должны составить именные списки отличившихся офицеров, унтер-офицеров и солдат, заслуживающих быть наделенными землей, с указанием, в какой провинции желает быть наделенным землей. Списки должны составляться воинскими частями через каждые 15 дней».

В официальной гитлеровской радиопропаганде откровенно заявляется о том, что «на Украине будет поселено 25 миллионов колонистов-немцев и родственных им народов, которые могут не бояться тягостей, ибо для тяжелой и черной работы будут применены украинцы».

Чтобы сломить установившийся в нашей деревне новый, колхозный, строй, открывший крестьянам дорогу к зажиточной и счастливой жизни, и насадить свой немецко-фашистский угнетательский порядок, германское командование предоставило своим «хозяйственным командам», «военным агрономам», «сельскохозяйственным офицерам», насажденным гитлеровцами «управляющим» и всяким «комендантам», «старостам» и «бургомистрам» неограниченные права насчет самого жестокого физического принуждения крестьян к рабско-крепостническому труду. Приказ штаба 48-го бронетанкового корпуса германской армии гласит: «Служба поддержания внутреннего порядка в украинском селе должна быть службой дубинки...» Приказ немецкого коменданта поселка Андреевка Харьковской области от 9 ноября 1941 г.: «Назначенному немецким командованием бургомистру и его распоряжением подчинение обязательно. Ослушание карается смертной казнью». Из обращения германских властей к колхозникам села Багата Черняшина Харьковской области: «Вы должны работать для немецкой армии 5 дней в неделю. Кто не выйдет — получит 25 розог». Официально узаконенное немецким командованием количество ударов розгами за несогласие подвергаться жестокой эксплуатации ради немцев — от 25 до 30. За массовый невыход на работу членов колхоза и единоличников приказы германского командования предусматривают карательные экспедиции. У пленных гитлеровских солдат и офицеров обнаружены фотографии, в которых засняты сцены телесных наказаний и учи-

няемых карательными отрядами оккупантов массовых казней крестьян. Из циркуляров германского командования видно также, что сельское население насильно заставляют присутствовать при этих экзекуциях и казнях и что, с целью устрашения, по нескольку недель не разрешается хоронить трупы расстрелянных и повешенных.

Число советских крестьян и других мирных жителей, насильно уведенных немецко-фашистскими оккупантами в свой тыл, исчисляется уже сотнями тысяч людей, а вероятно, и больше. Германское командование, преступно попирая все издавна признанные законы и обычаи ведения войны, приказало своим воинским частям брать в плен мужское гражданское население, а во многих местах и женщин, и применять к ним режим, установленный гитлеровцами для военнопленных. Для пленных мирных жителей это означает не только рабский труд, но и неизбежную во многих случаях гибель от голода, болезней, избиений и организованного массового умерщвления. Так, в лагере для «военнопленных» близ Минска, в котором под открытым небом содержится около 100 тысяч человек, в подавляющем своем большинстве мужское крестьянское население Белоруссии в возрасте от 15 до 60 лет, сотни человек ежедневно погибают от голода, болезней, побоев и расстрелов. Трупы погибших не убираются в течение долгого времени. Захваченных в плен оставляют без пищи и воды по 5—6 дней. При раздаче пищи последняя достается только пленным, находящимся близко от места раздачи. При каждой «выдаче» пищи имеется несколько десятков убитых. Охрана лагеря иногда «развлекается» тем, что открывает пулеметную стрельбу на высоте одного метра от земли, заставляя этим «пленных», передвигающихся по лагерю, ползать по земле. В лагере для «военнопленных» близ Киева, в котором содержится 7 тысяч человек, число военнослужащих Красной Армии составляет лишь 15%, все остальные — мирные украинские жители, обреченные на рабский труд и вымирание. Тот же режим голода и смерти — в десятках других лагерей, созданных для мирного гражданского населения, переведенного в разряд «пленных».

Увод в германский тыл мирных жителей, широко практикованный немецко-фашистской армией в период наступления, принимает особо жестокий и массовый характер в ближнем тылу германских войск при их отступлении и производится по прямому приказу германского верховного командования. В ряде документов, захваченных частями Красной Армии в штабах разгромленных германских частей, имеется ссылка на приказ верховного командования № 2974/41 от 6 декабря 1941 г., предписывающий направлять всех взрослых мужчин из оккупированных населенных пунктов в лагеря для военнопленных. В приказе по 37-му пехотному полку 6-й дивизии от 2 декабря 1941 г., озаглавленном

«Об уводе гражданского населения», содержится точный план взятия в плен и насильственной отправки в германский тыл в течение 4—12 декабря поголовно всего населения 7 деревень, причем 7-й пункт приказа гласит:

«Необходимая жестокость при проведении данного приказа в жизнь неизбежна. С момента объявления населению об уводе строжайше следить за тем, чтобы никто не покинул населенные пункты». В приказе от 12 декабря 1941 г., изданном при отступлении командиром 101-го немецкого мотополка 18-й танковой дивизии, говорится: «Всех мужчин, способных носить оружие, задерживать и отправлять на сборные пункты военнопленных. Женщин и детей с опорных пунктов передовой линии оттеснять на запад, а с опорных пунктов второй линии по усмотрению частей сгонять в одно место. По всем мужчинам и женщинам, появляющимся на участке дивизии пешком, на санях или на лыжах, открывать огонь без предупреждения».

Уводимое гражданское население, включая женщин и детей, принуждается в пути обслуживать отступающие германские части, расчищать дороги, разгружать снаряды, носить под огнем в блиндажи и окопы пищу, выполнять любые работы по приказанию надсмотрщиков. Трагическая судьба населения деревни Дубовцы (Северо-западный фронт) является одним из таких примеров, которые повторяются во многих районах германской оккупации. Назначив деревню Дубовцы к сожжению, немецкий комендант объявил всем жителям, что лица, которые останутся в деревне после 8 часов, будут расстреляны и что все жители должны идти на запад, беспрекословно подчиняясь любым требованиям немецких солдат, которые будут их сопровождать. 14 крестьян этой деревни, отказавшиеся покинуть родные места, в том числе 7 женщин, были расстреляны оккупантами. Остальных жителей, включая женщин с грудными детьми, лишенных теплой одежды, несмотря на зимнее время, немцы погнали в западном направлении, не давая отдыха, питания, пристанища, заставляя в пути выполнять разные непосильные работы. Один за другим изможденные люди стали падать. В пути замерзали целые семьи, но колонны пополнялись жителями, сгонявшимися из других селений, через которые лежал путь. Уцелевшим был зачитан следующий приказ: «Германское командование предупреждает, что отказ работать будет караться смертной казнью через повешение». Только стремительный натиск частей Красной Армии спас оставшуюся в живых часть мирных жителей.

Из занимавшихся немцами районов Московской области такими же насильническими мерами было уведено в германский тыл 6080 человек. В освобождаемых в настоящее время районах Смоленской области нет ни одного населенного пункта, где не

была бы обнаружена та же картина жестокости и произвола с уводом мирного населения в плен, — либо поголовно, либо мужчин, отрываемых от своих семей, либо женщин, сплошь и рядом разлучаемых со своими детьми. Лишь незначительному меньшинству удается вернуться в родные места. Вернувшиеся передают о неслыханных унижениях, непосильном кабальном труде, массовом вымирании «пленных» жителей от голода и пыток, об умерщвлении фашистами всех обессиленных, раненых и больных.

Документ СССР-51

ИЗ НОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ОТ 11 МАЯ 1943 г.

«О МАССОВОМ НАСИЛЬСТВЕННОМ УВОДЕ
В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО МИРНЫХ
СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ, ЭКСПЛУАТИРУЮЩИХ
ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
В ГЕРМАНИИ»

II. Насильственный увод советских людей в немецко-фашистское рабство

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецкие власти организовали массовый увод мирного советского населения в немецкую неволю со всей оккупированной советской территории, уже и не пытаясь соблюдать даже видимости какой-либо «добровольности». На захватывавшейся немцами советской земле нет буквально ни одного города, ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей.

Так, из Кривого Рога немцы насильно увезли свыше 20 тысяч человек, из Курска и прилегающих 9 районов — 29 381 чел., из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 года) свыше 32 тысяч, из Мариуполя — 60 тысяч, из Сталино на принудительные работы в Германию был отправлен до июля 1942 года 101 эшелон. Из одного только села Малиновка Харьковской области гитлеровцы угнали в немецкое рабство 820 мужчин, женщин и детей. В селе Солдатском Воронежской области гитлеровцы собрали из окрестных деревень 11 тысяч человек, среди которых было много женщин, подростков и детей; несколько дней несчастные ютились в конюшнях, сараях, землянках; немецкие власти морили их голодом и никуда не выпу-

скали, а затем погнали в Германию. В Воронцово-Александровском Ставропольского края гитлеровцы накануне своего отступления согнали 800 советских граждан с тем, чтобы насильно отправить их в Германию, и только подоспевшие части Красной Армии спасли мирных жителей от страшной участи.

Во всех освобожденных от захватчиков городах и селах части Красной Армии обнаруживают многочисленные факты массового угона гражданского населения в немецкое рабство. Имеются признания гитлеровских главарей, дающие некоторое представление о гигантских масштабах небывалого в истории цивилизованных народов пленения и превращения в рабов миллионов мирных жителей. Так, по утверждению гитлеровского сатрапа «рейхскомиссара Украины» Эриха Коха, опубликованному в январе 1943 года в газете «Дейче Украине Цейтунг», «в Германию отправлено 710 тысяч украинцев». По заявлению возглавляемого Заукелем «Управления по использованию рабочей силы», опубликованному в газете «Минскер Цейтунг» 14 января с. г., «за 1942 год в Германию отправлено около 2 миллионов душ из оккупированных областей на Востоке».

Как видно из документальных материалов и показаний жителей освобожденных Красной Армией районов, немецко-фашистские власти из месяца в месяц охватывали своей насильной «вербовкой» все новые категории населения и в некоторых пунктах, особенно при отступлении, уводили с собой для отправки в глубокий германский тыл поголовно все население, способное передвигаться. Если ранее агенты гитлеровских работорговцев стремились отбирать лишь физически наиболее здоровых и выносливых, в возрасте преимущественно от 15 до 45 лет, то за последние месяцы, совпадающие с проводимой гитлеровцами «тотальной» (всеобъемлющей) мобилизацией, в рабство уводятся и больные, и инвалиды, причем возраст поработаемых колеблется уже между 12 и 60 годами. С присущей гитлеровцам садистской жестокостью они разбивают при уводе в рабство семьи, разлучая родителей и детей, братьев и сестер, жен и мужей.

Целые города и районы обезлюдели в результате организованного похищения и истребления советских людей гитлеровскими людоедами. Вот некоторые типичные данные по недавно освобожденному Красной Армией Гжатскому району Смоленской области: в этом районе, насчитывавшем до немецкой оккупации 32 тысячи жителей, осталось к моменту прихода Красной Армии около 7 с половиной тысяч человек, причем из деревень Гжатского района в Германию было угнано 5419 человек, в том числе 624 «работоспособных» ребенка в возрасте менее 14 лет, а в городе Гжатске, в котором до оккупации было более 13 тысяч жителей, в день освобождения от захватчиков оказалось немногим

больше одной тысячи человек — в подавляющем большинстве своем разлученных со своими родителями малолетних детей.

Угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними работарговцев. Так, в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, не явившихся на сборный пункт, куда они были вызваны повестками коменданта для отправки в Германию. В Полтаве в конце декабря 1942 года была приговорена к повешению группа 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу в Германию. Оккупационные власти приравнивают всех уклоняющихся от «вербовки» в Германию — к партизанам, объявляют их вне «закона», направляют карательные экспедиции в районы, не выполнившие «разверстки» по поставке рабов, сжигают целые деревни и расстреливают сотни людей. В деревнях Слуцкого района в Белоруссии в конце февраля с. г. были вывешены объявления за подписью германского окружного комиссара, в которых говорилось: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900—1927 гг., должны явиться 2 марта 1943 г. в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на 3—4 дня. Кто не явится — будет заподозрен в бандитизме, и с ним поступят соответствующим образом». В Белоруссии, в районе Ганцевичи (юго-восточнее Барановичи) немецкая карательная экспедиция сожгла в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей в виде репрессии за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу.

Из различных пунктов Литовской и Латвийской ССР сообщают об организованной гитлеровцами охоте на людей, загоняемых как на принудительные работы по строительству укреплений, так и на сборные пункты для отправки в немецкое рабство в Германию и оккупированные ею страны. На строительство оборонительных сооружений в Прибалтийских советских республиках мобилизовано свыше 300 тысяч человек, причем против уклоняющихся от занесения в списки так называемого «трудового фронта» и от отправки в Германию применяются самые жестокие репрессии вплоть до повешения.

Советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывают немецким рабовладельцам и их агентам мужественное сопротивление. Из прибалтийских, украинских, белорусских районов поступают многочисленные сообщения о массовом уходе не только взрослого мужского населения, но и скрывающихся от угона в Германию женщин и подростков — в партизанские отряды, в рядах которых они ограждают свою свободу. Рост партизанского движения в связи

с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство с тревогой признается в ряде секретных донесений германских военных и полицейских органов.

Угоняя советских людей в фашистское рабство, немцы устраивают на них облавы, организуют карательные экспедиции, оцепляют целые районы, города, ловят людей на дорогах, загоняют на сборные пункты. В распоряжении Советского правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в заколоченных, охраняемых солдатами или полицией вагонах. День и ночь из оккупированных районов Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Людей грузят, как скот, по 60—70 человек в один товарный вагон. Обессилевших и больных выбрасывают из вагонов, под откос, устилая трупами советских людей дороги на запад.

Вырвавшаяся из фашистского плена жительница освобожденного частями Красной Армии города Миллерово Раиса Давыденко рассказывает: «В холодных товарных вагонах было так тесно, что нельзя было даже повернуться. В каждом вагоне ехал надзиратель, который на всякую просьбу отвечал ударом палки. Всю дорогу нас морили голодом...»

Колхозница Варвара Бахтина из села Николаевка Курской области рассказывает: «В Курске нас вихнули в телятник по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпускал нам подзатыльники. В Льгове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3 тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Вырвавшийся 8 октября 1942 г. из Германии Белошкурский Владимир Петрович, 1924 года рождения, житель села Средне-Теплое Верхне-Теплянского района Ворошиловградской области, сообщил: «В пути немецкие солдаты нас избивали. Я видел сам, когда наши подростки выбегали на станциях попить воды, но солдаты их избивали. Избиению подвергались также мобилизованные девушки, их загоняли в вагоны и запирали на замки. Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в глаза песок и бросало камни, а дети дразнили нас словами «русские свиньи». Наш эшелон находился в пути 12 суток. 18 сентября 1942 г. мы прибыли в немецкий город Галле. Когда мы прибыли,

нас выстроили, пришли немецкие барыни, начали выбирать себе девушек в рабыни».

Таким образом, следует считать установленным, что немецко-фашистские власти, пытаясь заполучить миллионы рабов, применяют по отношению к советскому гражданскому населению зверские насилия, а также создают при отправке захваченных советских граждан в немецкую неволю такие условия, при которых значительная их часть гибнет уже в пути от голода, побоев и скотских условий перевоза людей в Германию.

III. Нечеловеческие мучения и гибель советских граждан в немецко-фашистской неволе

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские рабовладельцы установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабовладения. Советские граждане загнаны в концентрационные лагеря, огороженные колючей проволокой. Их гонят на работу и возвращают колоннами, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишили имени, их вызывают по номерам. Русские и украинцы получают специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом «Ост» по середине; вторые — носят такой же знак, с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, ввергнутых в рабство, установлен голодный режим. Геринг предписал в своих упомянутых выше указаниях:

«Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

В самих фашистских немецких газетах встречаются такие описания положения советских граждан в Германии, как например, следующее — опубликованное во «Франкфуртер цейтунг» 17 апреля 1942 г.:

«Рабочие оккупированных советских областей стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Этих людей, привезенных из Харьковского района в Германию, нужно, разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник... поддерживает авторитет при помощи кнута».

Страшные документы нечеловеческих страданий наших людей на немецкой каторге отражены в письмах к родным.

«Мамочка, — пишет Нона Г. 8 октября 1942 г. из немецкого лагеря, — погода здесь плохая, идут все время дожди. Я хожу босая, потому что у меня обуви нет. Хожу, как нищая. Хлеб по-

лучаем два раза в день по 100 граммов. Работаем 12 часов в день. Мамочка, тоска ужасная. Кроме завода и бараков ничего не знаем. Как приду с работы, упаду на кровать, наплачусь вдоволь, вспомню дом и Вас, и с тем засну. За короткое время нашей жизни здесь мы все выбились из сил, недосыпаем, недоедаем. В маленькой комнате нас 16 человек, все украинки и я. Если придется увидаться, то расскажу все. Но увидаться навряд ли придется, потому что зимовать остаемся в летних бараках из досок. При таком питании, да без сна, да голой и босой не выжить мне. Если можете, не откажите в моей просьбе, вышлите чесноку и луку, потому что пища однообразная. У меня уже болят десны — цынга начинается».

В другом письме, 10 ноября 1942 г., та же советская девушка пишет: «Наша жизнь, мамочка, хуже, чем у собак. Суп дают такой же зеленый, который по-прежнему никто не ест. У меня от думок иссох мозг и глаза от слез не видят. Сегодня все 12 часов работали голодные. Но плачь, не плачь, а работать нужно... Какая может быть работа у человека голодного изо дня в день. Придет начальник или сбоку сидящая немка подгонит: «Нона, арбайтен шнеллер, шнеллер!» («Нона, быстрее, быстрее работай!») Дорогая мамочка, как мне тяжело без Вас. Я не в силах сдерживать рыдания. Я от обиды плачу. О, есть еще хуже, еще тяжелее, но я не в силах описать... Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицией зажигает огонь и кричит: «Ауфштэен!» («Встать!») Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Ждем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо ли — почти босые все. А иной раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех переживаний и мучений описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прослышали, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку — луку и чесноку — у меня цынга. Не откажите в моей просьбе».

Увезенная в Германию девушка Маша Н. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

«Здравствуй, моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяйина. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мама, хватает. Всего 8 комнат и один коридор. Встаю в 5 часов утра, ложусь я в 10 часов ночи. Мама, каждый день стираю я утром и вечером. Хозяин всегда кричит, так я его боюсь, что я ужасаюсь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяйин бил по лицу, рвал за волосы, так я всю жизнь не забуду. Мама, заплатили мне за

месяц 7 марок и 50 пфен. Свое я последнее дотираю, нет ничего у меня ихнего. Мама, нам говорили, чтобы мы послали домой письма, чтобы из дому выслали пальто, валенки. Прошу тебя, золотая мамочка, будут нажимать, ничего сюда не шли, все равно не получу. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу и, наверное, один выход, покончить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, выручи меня отсюда из неволи. Дальше я не могу жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся это сделать. Я тебя отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы душат. Целую всех родных. Твоя пока дочь — Маша».

Советская девушка Надя Л. пишет из города Хемница на родину: «Дорогая мама! Мы живем в бараке — 60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера, есть нам дают утром тарелку окропу (кипятку) и 50 г хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб — утром 25 г и в обед 25 г. Пища, дорогая мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников».

Маня К. пишет родителям: «Мы живем в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяина 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеба дают очень мало. Работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никуда не пускают. Только с работы да на работу. Работаем по 12 часов, а на работу ходить не в чем. Денег нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не знаю на кого и за что. Да и труд наш не ценят. Нас все преследуют и смеются. Были бы крылышки, прилетела бы на родную сторонку».

Девушка Ф. Н. пишет родителям в Курск во время его оккупации немцами: «Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Питаемся два раза — утром 200 граммов хлеба и в обед одну миску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяина 28 человек — русские, польки, француженки. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяина, только они спят и питаются у нашего хозяина. Мы с Катей живем вместе, спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое сносила, покупать негде и денег нет. Проработали 4 месяца и ни одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом, догадайтесь, как живем».

Из лагеря в городе Штутгарте 3 января 1943 г. Леонид Д. пишет на родину в город Шигры Курской области: «Здравствуйте, дорогие родные, папа, мама, Рая, Ваня и братик Юрик. Первым делом я хочу Вам описать свою жизнь с начала до конца. Дорогие родные, когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительном лагере, и я с тех пор разбился с сестрой Зоей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходили грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря 5 км, а от питания я еле двигаю ноги, так что эта жизнь в Германии останется на всю мою жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, так что у вас, мои родные, встанут волосы дыбом. Я уже решил покончить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если бы были у меня крылья, как бы улетел отсюда».

17-летняя Нина С. пишет с чужбины на родину 18 августа 1942 г.: «Дорогие родители, папа и мама, я нахожусь в городе Зонненберге, живу в бараке, работаю на фабрике. Как трудно! Я вовсе похудела. Мамочка, мы живем за решеткой, как тюремные. Я туфли уже разбила и хожу разутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все то...»

Потерявший здоровье на немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Боцман рассказывает: «...Деревня Мироновка должна была поставить для отправки в Германию 20 юношей и девушек. Хватали молодежь на улицах, брали ночью в постелях. Дважды мне удавалось скрыться, вырваться, на третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин. В холодную казарму, обнесенную высоким забором, загнали несколько сот человек. Спали на каменном полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготовляли военное обмундирование. Работали здесь французы, военнопленные поляки, испанцы. Подозрительней всего и придирчивей всего относились немецкие мастера и надзиратели к русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Работали не разгибая спины, молча. Обед тут же, в цеху — миска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к этому обеду уже не оставалось. Все 300 граммов суррогатного хлеба поедались еще утром. Вечером пригоняли обратно в казармы. И так каждый день. Усталость, голод, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но это было трудно — выдаст первый же немец, который признает в тебе русского. Для поимки беглецов немцы пользуются собаками. Голод, тяжелый труд подорвали мое здоровье».

О нечеловеческих условиях, в которые поставлены преступным гитлеровским правительством советские люди, угнанные в Германию и обреченные им на смерть, свидетельствуют не только многочисленные официальные немецкие приказы и

инструкции, письма советских граждан из Германии, но и письма немцев к солдатам и офицерам германской армии, находящимся на советско-германском фронте.

У убитого немецкого солдата Вильгельма Бока 221-й немецкой пехотной дивизии найдено письмо от матери из Хемница. В нем говорится:

«Много русских женщин и девушек работают на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально валяются с ног. Им часто попадает от охраны плетью. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбрать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

Солдату Элину Шиллинг пишет Лотта Меллер из Пуфенгаузена 10 августа 1942 г.: «Недавно здесь, в Пуфенгаузене, появились русские. Интересная нам предстоит жизнь: в одном кармане словарь, а в другом — револьвер».

Тысячи советских граждан не выдерживают диких условий рабства. В лагерях царит огромная смертность.

Солдату Отто Теск 6-й роты 4-го полка 32-й немецкой пехотной дивизии пишет Фрида Путц из Гюльтце у Альтентрептова, округ Деммин, 30 апреля 1942 г.: «...Здесь в среду опять похоронили двух русских. Их теперь здесь на кладбище погребено уже пятеро, и двое уже опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить...»

Преступное правительство Германии организовало куплю-продажу превращенных в рабов советских граждан. За небольшую плату, не превышающую 10—15 марок за человека, каждый немец может приобрести себе рабов. В Германии учреждены невольничьи рынки. Здесь, как во времена рабовладельческого строя, покупатели рабов пробуют мускулы на руках и ногах у продаваемых в рабство советских граждан, обменивают изнуренных беспощадной эксплуатацией рабов на более крепких.

Унтер-офицеру Иосифу Виккерт, п/п № 261873, его жена Мария Виккерт из Франквейлера пишет: «...Я тебе еще не сообщила о получении посланных тобой 100 марок. Я тут же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить пленных. Теперь это не так дорого».

Старшему ефрейтору Францу Кнаппе, п/п № 08999, пишет жена Рут Кнаппе, из Грумма в Ангальте: «...Украинца у меня больше нет... он ничего не хотел слушать и был страшный лентяй. Теперь он у Герберта. Мы хотели посмотреть, не подойдет ли он в более крупном хозяйстве, но и там он то же самое. Я сообщила

об этом по телефону в Бюро труда. Но когда придёт новый транспорт, они мне сказать не могли. Герберт пока его держит, а потом обменяет его».

В руках рабовладельцев советские граждане подвергаются нечеловеческим жестокостям и эксплуатации. Советские граждане на ночь запираются в холодные кладовые и сараи. Их кормят впроголодь и истязают непосильной работой. Над советскими людьми издеваются, всячески подавляя в них человеческое достоинство. 16-летняя девушка Валя Демущкина возвратилась на родину из Нюрнберга. Она рассказала: «Я работала у немки. Муж ее, обер-лейтенант Карл Штокк, убит на восточном фронте, под Сталинградом. 1 января 1943 г. у фрау Штокк на новогодний обед должны были прийти гости. Поглощенная работой и своими невеселыми думами, я не заметила, как закипело и начало литься на электрическую плитку молоко, поставленное кухаркой. По кухне распространился запах угара. Разъяренная барыня ворвалась в кухню, вырвала из моих рук кастрюлю с остатком молока и плеснула мне в лицо. Я потеряла сознание. Очнувшись в больнице и ощутила невыносимую боль и мрак. Я ослепла. Три недели пролежала в больнице и потом долго пробиралась обратно на родину».

Надя С., 16 лет, ученица 9-го класса одной средней школы Ворошиловградской области, пишет: «Немцы насильно отправили почти всю нашу молодежь на каторжные работы в Германию. На вокзале во время отъезда стоял стон и плач. Плакали отъезжающие и провожающие. Меня и еще 16 девушек направили в город Швац. Здесь происходила самая настоящая торговля русскими людьми. Немцы и немки поворачивали нас во все стороны, мерили и ощупывали. Меня купил булочник Карл В. Он заставлял меня работать с 6 часов утра до поздней ночи. Хотя я и жила у булочника, но хлеб кушала редко. Каждый день я мыла пол, стирала утром и вечером, нянчила детей, одевала их. Фрау была не очень злая — толкнет, ущипнет или по голове ударит, но не очень больно. Только было обидно, как вспомнишь, что училась в восьмом классе, изучала французский язык, историю, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества. От непосильного труда, голода и побоев я заболела. Оправившись немного, я бежала на родину. В Брест-Литовске меня задержали и посадили в концлагерь. В этом лагере, в полуразрушенных сараях, томились тысячи советских граждан. Ежедневно из лагеря выносили 10—15 трупов...»

Немецкие рабовладельцы часто откровенно хвастаются своими зверствами над советскими людьми. Подрядчик Лоренс Шпеер пишет своему зятю солдату Иозефу Шпееру: «У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен — она будет работать. В воскресенье в деревню придёт еще 20 русских. Я возьму

себе несколько штук...» Ефрейтор 7-й немецкой пехотной дивизии Вильгельм Гаусман получил письмо от матери из Швейхаузена: «У нас на молочной ферме тоже есть шесть русских. Их на ночь там запирают. Среди них юноши 14—15 лет. Не беспокойся, они смогут работать».

Лейтенанту 8-й роты 187-го полка 81-й пехотной дивизии Гергардту Шплетт пишет фрау Сузи Краммер из Теплиц-Шенау (Судетская обл.) 12 июля 1942 г.: «Нам должны прислать десять русских в пивоварню. Уж я заставлю поворачиваться эту банду. Охотнее всего я бы перебила всех русских».

Тысячи советских граждан, насильно угнанных в немецкое рабство, гибнут от голода, холода, непосильного труда и истязаний. Немало советских граждан, доведенных до отчаяния нечеловеческим обращением рабовладельцев, покончило жизнь самоубийством. В немецких письмах имеется много доказательств того, что нередко советские люди предпочитают смерть рабству у немцев. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405-го полка 121-й пехотной дивизии Рудольфа Ламмермайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люгде: «Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свиарнике повесилась русская девка. Наши работницы польки говорили, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу».

IV. Ответственность германских властей и германских граждан, виновных в бесчеловечной эксплуатации насильно уведенных советских граждан

На основании вышеизложенных и других имеющихся в его распоряжении документальных материалов Советское правительство считает неопровержимо установленным, что гитлеровское правительство Германии, попирая самые элементарные права народов и права человека, совершало и продолжает совершать следующие неслыханные преступления:

путем обмана, угроз и насилия угоняются в рабство в Германию многие сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин;

для угоняемых мирных граждан устанавливается режим бесправных невольников и непосильного труда;

советские граждане продаются в рабство предприятиям и частным лицам в Германии, подвергаются всяческому унижениям и

истязаниям, обрекаются на голод и медленную мучительную смерть.

Советское правительство возлагает, прежде всего, на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепринятых правил ведения войны.

Советское правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию. Исходя из этого, Советское правительство считает, что столь же суровую ответственность, как и главари гитлеровской Германии, должны понести такие уже избалованные преступники, как «главный уполномоченный по использованию рабочей силы» гаулейтер Фриц Заукель и гитлеровские наместники на захваченных советских землях: «рейхскомиссар Украины» Эрих Кох, «рейхскомиссар Остланда» (территории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской Советских Республик) Гейнрих Лозе и его помощник — «генеральный комиссар Белоруссии» Вильгельм Кубе, а также главный вдохновитель немецко-фашистских рабовладельцев Альфред Розенберг, занимающий пост «имперского министра по делам оккупированных восточных областей».

Советское правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания.

Созданная в Советском Союзе Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских властей ведет полный и точный учет всех фактов, относящихся к увозу в немецкое рабство советских людей. Чрезвычайная Государственная Комиссия производит поименный учет тех гитлеровских чиновников и частных лиц в Германии, которые виновны в бесчеловечной эксплуатации и гибели советских граждан в немецко-фашистской неволе.

Советскому правительству и народам СССР хорошо известно, что, наряду с советскими гражданами, миллионы мирных людей из оккупированных гитлеровцами стран Европы силой и обманом загнаны в немецко-фашистское рабство. Под шумиху о пресловутой «тотальной» мобилизации гитлеровцы стараются превратить в своих рабов новые сотни тысяч мирных граждан Польши,

Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии, Голландии, народы которых вместе с народами Советского Союза видят свою общую задачу в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и в уничтожении гитлеровского государства, как своего смертельного врага.

Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан; насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>Стр.</i>
Вход во Дворец юстиции в Нюрнберге.	
У входа караул от СССР	8
Секретная директива главной ставки Гитлера об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками (первая страница)	96
Секретная директива главной ставки Гитлера об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками (вторая страница)	97
Объявление коменданта г. Киева от 2 ноября 1941 г.	256
Объявление коменданта г. Киева от 29 ноября 1941 г.	256
Повешенные гитлеровцами мирные советские граждане на балконах Жолковской улицы г. Львова (немецкий снимок, захвачен в помещении гестапо г. Львова в июле 1944 года передовыми частями Советской Армии). (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	272
Повешенные гитлеровцами мирные советские граждане на базарной площади в центре г. Львова (немецкий снимок, захвачен в помещении гестапо г. Львова в июле 1944 года передовыми частями Советской Армии). (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	272
Трупы советских граждан, расстрелянных на еврейском кладбище в г. Львове (немецкие снимки, захвачены в помещении гестапо г. Львова в июле 1944 года частями Советской Армии)	272
Трупы советских граждан после одного из массовых расстрелов близ г. Золочева, сфотографированные гитлеровцами перед закапыванием. (Немецкий снимок обнаружен в гестапо г. Золочева в июле 1944 года.) (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	288
Оркестр музыкантов из заключенных в Яновском лагере играет «Танго смерти» во время расстрела советских граждан	304
Распоряжение Гитлера от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск» (препроводительное письмо)	341
Распоряжение Гитлера от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск» (первая страница)	342

	<i>Стр.</i>
Распоряжение Гитлера от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск» (вторая страница)	343
Распоряжение Гитлера от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск» (третья страница)	344
Зал суда	400
Гор. Петродворец. Вид дворца со стороны моря до разрушения и после разрушения	544
Гор. Петродворец. Тронный зал во дворце до разрушения и после разрушения	544
Разрушения в Государственном Эрмитаже в г. Ленинграде	560
Разрушенное здание Суворовского музея в г. Ленинграде	560
Разрушенный Дворец пионеров в г. Харькове	560
Разрушенное здание библиотеки имени Короленко в г. Харькове	576
Киево-Печерская лавра. Успенский собор (XI в.), разрушенный гитлеровцами	576
Киево-Печерская лавра. Успенский собор (XI в.), разрушенный гитлеровцами	576
Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Внутренний вид храма до разрушения	592
Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Взорванный гитлеровцами шатер главного храма	592
Секретная директива верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии от 7 октября 1941 г. о разрушении Москвы и Ленинграда (первая страница)	626
Секретная директива верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии от 7 октября 1941 г. о разрушении Москвы и Ленинграда (вторая страница)	627
Секретная директива Гитлера от 4 сентября 1943 г. о разрушениях при отступлении с Кубани («Движение Кримгильды») (вторая страница)	628

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ПРЕСТУПНОЕ ПОПРАНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ ОБ ОБРАЩЕНИИ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ	
Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от СССР Ю. В. Покровским по разделу обвинения «Преступное поправление законов и обычаев войны об обращении с военнопленными»	7
Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирновым об убийстве 50 британских офицеров-летчиков	79
Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от Франции Ш. Дюбостом о преступлениях в отношении военнопленных	81
Директива главной ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками	94
Из доклада министерального советника Дорша от 10 июля 1941 г. «Отчет о лагере для военнопленных в Минске»	98
Директива начальника отдела военнопленных VIII военного округа от 15 августа 1941 г. «Памятка об использовании труда советских военнопленных»	100
Заметки для доклада начальника германской контрразведки и разведки адмирала Канариса от 15 сентября 1941 г. относительно распоряжений об обращении с советскими военнопленными	103
Распоряжение от 8 сентября 1941 г. об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных	106
Памятка об охране советских военнопленных (приложение к директиве ОКВ от 8 сентября 1941 г.)	107
Из директивы управления VIII военного округа от 28 октября 1941 г. «О советских военнопленных»	109
Директивы верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии № 539/42 от 16 января 1942 г. и № 3142/42 от 20 июля 1942 г. «О клеймении советских военнопленных»	110
Из допроса свидетеля Эрвина Лахузена в заседании Трибунала 30 ноября 1945 г.	113
Показания генерал-лейтенанта германской армии Курта фон Эстеррейха	126
Допрос свидетеля Мориса Лампа в заседании Трибунала 25 января 1946 г.	131
Допрос свидетеля Жана-Фредерика Вейта в заседании Трибунала 28 января 1946 г.	141
Допрос свидетеля Поля Розера в заседании Трибунала 29 января 1946 г.	145

Телеграмма от 19 апреля 1943 г. по поводу организации обследования лагерей для военнопленных польских офицеров	152
Телеграмма от 20 апреля 1943 г. по поводу обследования комиссией Польского Красного Креста места расстрела военнопленных поляков в Катынском лесу	154
Телеграмма от 3 мая 1943 г. по поводу обследования места расстрела военнопленных в Катынском лесу	155
Из материалов Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных поляков в Катынском лесу	156
Допрос свидетеля Базилевского Бориса в заседании Трибунала 1 июля 1946 г.	164
Допрос свидетеля Маркова Марко в заседаниях Трибунала 1—2 июля 1946 г.	170
Допрос свидетеля Прозоровского Виктора в заседании Трибунала 2 июля 1946 г.	183
Материалы дознания, произведенного британскими военными властями, о расстреле военнопленных в Ганновере	191
Из показаний свидетеля Фредерика Риболя	198

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ,
ЮГОСЛАВИИ, ФРАНЦИИ И ДРУГИХ СТРАН

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирновым по разделу обвинения «Преступления против мирного населения»	203
Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от Франции Ш. Дюбостом по разделу обвинения «Террористические действия против патриотов»	318
Из книги Раушнинга «Голос разрушения»	337
Из распоряжения Гитлера от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск»	339
Приказ гитлеровского генерал-фельдмаршала Рейхенау о поведении войск на Востоке	345
Из совершенно секретной директивы германского верховного командования от 16 декабря 1942 г. «О борьбе с бандами»	347
Из совершенно секретной директивы начальника полиции безопасности и СД округа Радом от 24 февраля 1944 г. «Об особо строгом допросе»	348
Допрос свидетеля фон дем Бах-Зелевского в заседании Трибунала 7 января 1946 г.	351
Допрос свидетеля Ван-Дер-Эссена в заседании Трибунала 4 февраля 1946 г.	369

РАЗГРАБЛЕНИЕ И РАСХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ,
ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейниным по разделу обвинения «Разграбление и расхищение частной, общественной и государственной собственности»	383
--	-----

Представление доказательств американским обвинителем Гаррисом о планах гитлеровцев по разграблению и онемечиванию Советского Союза	432
Представление доказательств французским обвинителем Фором по разделу обвинения «Экономическое разграбление»	442
Представление доказательств французским обвинителем Жертоффером о разграблении экономики Дании, Голландии и Норвегии	453
Представление доказательств французским обвинителем Дельпешем о разграблении экономики Бельгии и Люксембурга	485
Приказ начальника штаба германского верховного командования от 16 июня 1941 г. о введении в действие директив «Зеленая папка»	496
Указ Гитлера от 29 июня 1941 г. об экономике вновь оккупированных восточных областей	498
Заметки об итогах состоявшегося 6 августа 1942 г. совещания Геринга с руководителями немецких управлений оккупированных стран и областей	499
Телеграмма германского верховного командования от 8 сентября 1944 г.	505
Письмо Розенберга Борману от 17 октября 1944 г.	506
Показания бывшего губернатора так называемой «Транснистрии» Георгия Алексиану	510

РАЗРУШЕНИЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ
И НАУЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ, МОНАСТЫРЕЙ, ЦЕРКВЕЙ
И ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинским по разделу обвинения «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей, культурно-бытовых учреждений, монастырей, церквей и других учреждений религиозных культов»	517
Представление доказательств французским обвинителем Жертоффером по разделу обвинения «Разграбление произведений искусства»	568
Письмо генерального комиссара Белоруссии Кубе Розенбергу от 29 сентября 1941 г.	584
Сообщение от 17 ноября 1939 г. имперского протектора фон Нейрата о закрытии чешских высших школ и расстреле девяти студентов	586
Допрос свидетеля И. А. Орбели в заседании Трибунала 22 февраля 1946 г.	587
Допрос свидетеля протоиерея Н. И. Ломакина в заседании Трибунала 27 февраля 1946 г.	593

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ И СЕЛ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ,
ТРАНСПОРТА И СВЯЗИ

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинским по разделу обвинения «Разрушение городов и сел, промышленности, транспорта и связи»	603
Секретная директива германского верховного командования о разрушении Москвы и Ленинграда	625

УГОН МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ
РАБСТВО И ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА
НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Н. Д. Зоря по разделу обвинения «Угон мирного населения в немецко-фашистское рабство и применение принудительного труда на оккупированных территориях»	631
Представление доказательств американским обвинителем Доддом по разделу обвинения «Угон в рабство и эксплуатация подневольного труда»	658
Представление доказательств французским обвинителем Герцогом по разделу обвинения «Принудительный труд во Франции и других странах Запада»	721
Директива Тодта от 28 июля 1941 г. о запрещении оплачивать труд рабочих в оккупированных восточных областях	770
Из письма Заукеля от 8 сентября 1942 г. о специальных мероприятиях по отправке в Германию восточных работниц для использования в домашнем хозяйстве	771
Запись беседы Заукеля с Розенбергом от 14 апреля 1943 г. в связи с мероприятиями по угону рабочей силы в Германию	773
Из допроса гитлеровского фельдмаршала Герхардта Мильха в заседании Трибунала 11 марта 1946 г.	775
Из ноты Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. по поводу установления рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР	790
Из ноты Народного комиссара иностранных дел СССР от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии»	798
Перечень иллюстраций	811

